ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ТОМ

4

Р1 | 4979 ~~А 7865~~
Т53 | Толстой Л.Н.
Полное собрание
сочинений. Т.4
1932 | 10-37

18/VII-41 854-4Т.

LÉON TOLSTOÏ

OEUVRES COMPLETES

SOUS LA RÉDACTION GÉNÉRALE
de V. TCHERTKOFF

AVEC LA COLLABORATION DU COMITÉ DE RÉDACTION:
A. GROUSINSKY, N. GOUDZY, N. GOUSSEFF, N. PIKSANOFF,
P. SAKOULINE, V. SRESNEVSKY, A. TOLSTAÏA,
M. TSIAVLOVSKY et K. CHOKHOR-TROTSKY

SANCTIONNÉE PAR LA COMMISSION DE RÉDACTION D'ÉTAT:
V. BONTCH-BROUIÉVITCH, A. LOUNATCHARSKY,
M. POKROVSKY et I. STÉPANOFF-SKVORTSOFF

PREMIÈRE SÉRIE

OEUVRES

TOME
4

ÉDITION D'ÉTAT
MOSCOU—LÉNINGRAD
1932

Р1
Т. 53

Л. Н. ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ПРОВЕРЕНО 1935 г.

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
В. Г. ЧЕРТКОВА

ПРИ УЧАСТИИ РЕДАКТОРСКОГО КОМИТЕТА В СОСТАВЕ
А. Е. ГРУЗИНСКОГО, Н. К. ГУДЗИЯ, Н. Н. ГУСЕВА, Н. К. ПИКСАНОВА,
П. Н. САКУЛИНА, В. И. СРЕЗНЕВСКОГО, А. Л. ТОЛСТОЙ,
М. А. ЦЯВЛОВСКОГО и К. С. ШОХОР-ТРОЦКОГО.

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ
В СОСТАВЕ В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА, А. В. ЛУНАЧАРСКОГО,
М. Н. ПОКРОВСКОГО и И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.

СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Дмитровская Районная Библиотека

1937 г.

ТОМ
4

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1932

ТО-ПО-СО-М-Л-32 (Т.4)

Собр. соч.

Перепечатка разрешается безвозмездно.

Reproduction libre pour tous les pays.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ
СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ПЕРИОДА

—

УТРО ПОМЕЩИКА

РЕДАКТОРЫ
В. И. СРЕЗНЕВСКИЙ
М. А. ЦЯВЛОВСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ.

Настоящий том составляют, во-первых, произведения Севастопольского периода и, во-вторых, «Утро помещика».

В группу произведений Севастопольского периода входят, кроме трех общеизвестных, так называемых, «Севастопольских рассказов» и песни про сражение на р. Черной 4 августа 1855 г., впервые публикуемые писания Толстого (по его автографам), вызванные его пребыванием в осажденном в 1854 — 1855 гг. Севастополе: 1) проект журнала «Солдатский Вестник», 2) заметка по поводу этого журнала, 3) записка об отрицательных сторонах русского солдата и офицера, 4) набросок докладной записки кн. М. Д. Горчакову (?), 5) «Отрывок изъ дневника штабс-капитана А. пехотного Л. Л. полка», 6) солдатские разговоры и 7) донесение о последней бомбардировке и взятии Севастополя союзными войсками.

В основу печатаемого текста рассказа «Севастополь в мае» впервые положен текст, посланный Толстым из Севастополя в редакцию «Современника».

Кроме обычного текста «Утра помещика», впервые полностью печатается первая редакция этого произведения, носившего первоначально название «Роман русского помещика», и вариант первых глав «Романа».

В подведении вариантов и держании корректур «Севастопольских рассказов» принимали участие О. В. Воронцова-Вельяминова и П. В. Булычев.

В. И. Срезневский.
М. А. Цявловский.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, *печатавшихся при жизни* Л. Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв.

При воспроизведении текстов, *не печатавшихся при жизни* Л. Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

На месте слов, не допустимых в печати, ставится в двойных прямых скобках цыфра, обозначающая число невоспроизводящихся слов: ⟦1⟧.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючек вниз, вместо конечного «ъ», или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «абревиатуры») типа «кый», вместо «который», и слова, написанные не полностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся

в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [*1 неразобр.*] или: [*2 неразобр.*], где цыфры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении. Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся *не* в сноске и ставятся в ломаных 〈 〉 скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение и зачеркнутых слов в ломаных 〈 〉 скобках в тексте, а не в сноске.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом. Дважды подчеркнутое — курсивом с оговоркой в сноске.

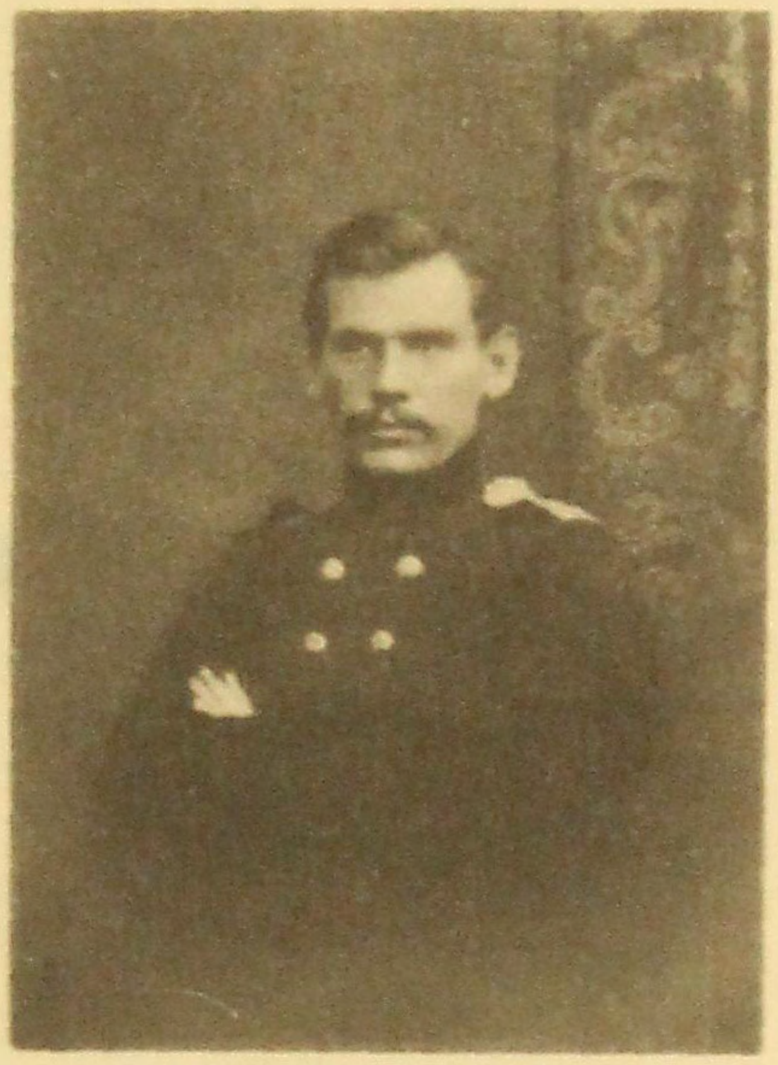
В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях. При воспроизведении «многоточий» Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, — самых редких случаях — с оговоркой в сноске: *Абзац редактора.*

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [ ] скобках.

Обозначения: *, **, $_{*}{}^{*}{}_{*}$, $^{*}_{*}{}^{*}$ в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * — что печатается впервые, ** — что напечатано после смерти Толстого, $_{*}{}^{*}{}_{*}$ — что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и $^{*}_{*}{}^{*}$ — что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.



Л. Н. ТОЛСТОЙ
март 1856 г.

Размер подлинника.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ РАССКАЗЫ

(1855 — 1856)

*** СЕВАСТОПОЛЬ В ДЕКАБРЕ МЕСЯЦЕ.

Утренняя заря только что начинает окрашивать небосклон над Сапун-горою; темно-синяя поверхность моря уже сбросила с себя сумрак ночи и ждет первого луча, чтобы заиграть веселым блеском; с бухты несет холодом и туманом; снега нет — всё черно, но утренний резкий мороз хватает за лицо и трещит под ногами, и далекий неумолкаемый гул моря, изредка прерываемый раскатистыми выстрелами в Севастополе, один нарушает тишину утра. На кораблях глухо бьет 8-я стклянка.

На Северной денная деятельность понемногу начинает заменять спокойствие ночи: где прошла смена часовых, побрякивая ружьями; где доктор уже спешит к госпиталю; где солдатик вылез из землянки, моет оледенелой водой загорелое лицо, и, оборотясь на зардевшийся восток, быстро крестясь, молится Богу; где высокая тяжелая *маджара* на верблюдах со скрипом протащилась на кладбище хоронить окровавленных покойников, которыми она чуть не доверху наложена... Вы подходите к пристани — особенный запах каменного угля, навоза, сырости и говядины поражает вас; тысячи разнородных предметов — дрова, мясо, туры, мука, железо и т. п. — кучей лежат около пристани; солдаты разных полков, с мешками и ружьями, без мешков и без ружей, толпятся тут, курят, бранятся, перетаскивают тяжести на пароход, который, дымясь, стоит околю помоста; вольные ялики, наполненные всякого рода народом — солдатами, моряками, купцами, женщинами — причаливают и отчаливают от пристани.

— На Графскую, ваше благородие? Пожалуйте,—предлагают

вам свои услуги два или три отставных матроса, вставая из яликов.

Вы выбираете тот, который к вам поближе, шагаете через полусгнивший труп какой-то гнедой лошади, которая тут в грязи лежит около лодки, и проходите к рулю. Вы отчалили от берега. Кругом вас блестящее уже на утреннем солнце море, впереди — старый матрос в верблюжьем пальто и молодой белоголовый мальчик, которые молча усердно работают веслами. Вы смотрите и на полосатые громады кораблей, близко и далеко рассыпанных по бухте, и на черные небольшие точки шлюпок, движущихся по блестящей лазури, и на красивые светлые строения города, окрашенные розовыми лучами утреннего солнца, виднеющиеся на той стороне, и на пенящуюся белую линию бона и затопленных кораблей, от которых кой-где грустно торчат черные концы мачт, и на далекий неприятельский флот, маячащий на хрустальном горизонте моря, и на пенящиеся струи, в которых прыгают соляные пузырики, поднимаемые веслами; вы слушаете равномерные звуки ударов вёсел, звуки голосов, по воде долетающих до вас, и величественные звуки стрельбы, которая, как вам кажется, усиливается в Севастополе.

Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникло в душу вашу чувство какого-то мужества, гордости, и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...

— Ваше благородие! прямо под Кистентина[1] держите,— скажет вам старик матрос, оборотившись назад, чтобы поверить направление, которое вы даете лодке, — вправо руля.

— А на нем пушки-то еще все, — заметит беловолосый парень, проходя мимо корабля и разглядывая его.

— А то как же: он новый, на нем Корнилов жил, — заметит старик, тоже взглядывая на корабль.

— Вишь ты, где разорвало! — скажет мальчик, после долгого молчания взглядывая на белое облачко расходящегося дыма, вдруг появившегося высоко-высоко над Южной бухтой и сопровождаемого резким звуком разрыва бомбы.

— Это *он* с новой батареи нынче палит,—прибавит старик, равнодушно поплевывая на руку. — Ну, навались, Мишка,

---

[1] Корабль «Константин».

баркас перегоним. — И ваш ялик быстрее подвигается вперед по широкой зыби бухты, действительно перегоняет тяжелый баркас, на котором навалены какие-то кули, и неровно гребут неловкие солдаты, и пристает между множеством причаленных всякого рода лодок к Графской пристани.

На набережной шумно шевелятся толпы серых солдат, черных матросов и пестрых женщин. Бабы продают булки, русские мужики с самоварами кричат *сбитень горячий*, и тут же на первых ступенях валяются заржавевшие ядра, бомбы, картечи и чугунные пушки разных калибров. Немного далее большая площадь, на которой валяются какие-то огромные брусья, пушечные станки, спящие солдаты; стоят лошади, повозки, зеленые орудия и ящики, пехотные ко̀зла; двигаются солдаты, матросы, офицеры, женщины, дети, купцы; ездят телеги с сеном, с кулями и с бочками; кой-где проедет казак и офицер верхом, генерал на дрожках. Направо улица загорожена баррикадой, на которой в амбразурах стоят какие-то маленькие пушки, и около них сидит матрос, покуривая трубочку. Налево красивый дом с римскими цыфрами на фронтоне, под которым стоят солдаты и окровавленные носилки, — везде вы видите неприятные следы военного лагеря. Первое впечатление ваше непременно самое неприятное: странное смешение лагерной и городской жизни, красивого города и грязного бивуака не только не красиво, но кажется отвратительным беспорядком; вам даже покажется, что все перепуганы, суетятся, не знают, что делать. Но вглядитесь ближе в лица этих людей, движущихся вокруг вас, и вы поймете совсем другое. Посмотрите хоть на этого фурштатского солдатика, который ведет поить какую-то гнедую тройку и так спокойно мурлыкает себе что-то под нос, что, очевидно, он не заблудится в этой разнородной толпе, которой для него и не существует, но что он исполняет свое дело, какое бы оно ни было — поить лошадей или таскать орудия—так же спокойно и самоуверенно, и равнодушно, как бы всё это происходило где-нибудь в Туле или в Саранске. То же выражение читаете вы и на лице этого офицера, который в безукоризненно белых перчатках проходит мимо, и в лице матроса, который курит, сидя на баррикаде, и в лице рабочих солдат, с носилками дожидающихся на крыльце бывшего Собрания, и в лице этой девицы, которая, боясь замочить свое розовое платье, по камешкам перепрыгивает через улицу.

Да! вам непременно предстоит разочарование, ежели вы в первый раз въезжаете в Севастополь. Напрасно вы будете искать хоть на одном лице следов суетливости, растерянности или даже энтузиазма, готовности к смерти, решимости; — ничего этого нет: вы видите будничных людей, спокойно занятых будничным делом, так что, может быть, вы упрекнете себя в излишней восторженности, усомнитесь немного в справедливости понятия о геройстве защитников Севастополя, которое составилось в вас по рассказам, описаниям и вида, и звуков с Северной стороны. Но прежде, чем сомневаться, сходите на бастионы, посмотрите защитников Севастополя на самом месте защиты или, лучше, зайдите прямо напротив в этот дом, бывший прежде Севастопольским Собранием и у крыльца которого стоят солдаты с носилками, — вы увидите там защитников Севастополя, увидите там ужасные и грустные, великие и забавные, но изумительные, возвышающие душу зрелища.

Вы входите в большую галу Собрания. Только что вы отворили дверь, вид и запах 40 или 50 ампутационных и самых тяжело-раненых больных, одних на койках, большей частью на полу, вдруг поражает вас. Не верьте чувству, которое удерживает вас на пороге залы, — это дурное чувство, — идите вперед, не стыдитесь того, что вы как будто пришли *смотреть* на страдальцев, не стыдитесь подойти и поговорить с ними: несчастные любят видеть человеческое сочувствующее лицо, любят рассказать про свои страдания и услышать слова любви и участия. Вы проходите по середине постелей и ищете лицо менее строгое и страдающее, к которому вы решитесь подойти, чтобы побеседовать.

— Ты куда ранен? — спрашиваете вы нерешительно и робко у одного старого, исхудалого солдата, который, сидя на койке, следит за вами добродушным взглядом и как будто приглашает подойти к себе. Я говорю: «робко спрашиваете», потому что страдания, кроме глубокого сочувствия, внушают почему-то страх оскорбить и высокое уважение к тому, кто перенес их.

— В ногу, — отвечает солдат; — но в это самое время вы сами замечаете по складкам одеяла, что у него ноги нет выше колена. — Слава Богу теперь, — прибавляет он: — на выписку хочу.

— А давно ты уже ранен?

— Да вот шестая неделя пошла, ваше благородие!

— Что же, болит у тебя теперь?

— Нет, теперь не болит, ничего; только как будто в икре ноет, когда погода, а то ничего.

— Как же ты это был ранен?

— На 5-м баксионе, ваше благородие, как первая бандировка была: навел пушку, стал отходить, этаким манером, к другой амбразуре, как *он* ударит меня по ноге, ровно как в яму оступился. Глядь, а ноги нет.

— Неужели больно не было в эту первую минуту?

— Ничего; только как горячим чем меня пхнули в ногу.

— Ну, а потом?

— И потом ничего; только как кожу натягивать стали, так саднило как будто. Оно первое дело, ваше благородие, *не думать много:* как не думаешь, оно тебе и ничего. Всё больше оттого, что думает человек.

В это время к вам подходит женщина в сереньком полосатом платье, повязанная черным платком; она вмешивается в ваш разговор с матросом и начинает рассказывать про него, про его страдания, про отчаянное положение, в котором он был четыре недели, про то, как, бывши ранен, остановил носилки, с тем чтобы посмотреть на залп нашей батареи, как великие князья говорили с ним и пожаловали ему 25 рублей, и как он сказал им, что он опять хочет на бастион, с тем, чтобы учить молодых, ежели уже сам работать не может. Говоря всё это одним духом, женщина эта смотрит то на вас, то на матроса, который, отвернувшись и как будто не слушая ее, щиплет у себя на подушке корпию, и глаза ее блестят каким-то особенным восторгом.

— Это хозяйка моя, ваше благородие! — замечает вам матрос с таким выражением, как будто извиняется за нее перед вами, как будто говорит: «уж вы ее извините. Известно, бабье дело — глупые слова говорит».

Вы начинаете понимать защитников Севастополя; вам становится почему-то совестно за самого себя перед этим человеком. Вам хотелось бы сказать ему слишком много, чтобы выразить ему свое сочувствие и удивление; но вы не находите слов или недовольны теми, которые приходят вам в голову, — и вы молча склоняетесь перед этим молчаливым, бессознательным величием и твердостью духа, этой стыдливостью перед собственным достоинством.

— Ну, дай Бог тебе поскорее поправиться, — говорите вы ему и останавливаетесь перед другим больным, который лежит на полу и, как кажется, в нестерпимых страданиях ожидает смерти.

Это белокурый, с пухлым и бледным лицом человек. Он лежит навзничь, закинув назад левую руку, в положении, выражающем жестокое страдание. Сухой открытый рот с трудом выпускает хрипящее дыхание; голубые оловянные глаза закачены кверху, и из-под сбившегося одеяла высунут остаток правой руки, обвернутый бинтами. Тяжелый запах мертвого тела сильнее поражает вас, и пожирающий внутренний жар, проникающий все члены страдальца, проникает как будто и вас.

— Что̀, он без памяти? — спрашиваете вы у женщины, которая идет за вами и ласково, как на родного, смотрит на вас.

— Нет, еще слышит, да уж очень плох, — прибавляет она шопотом. — Я его нынче чаем поила — что ж, хоть и чужой, всё надо жалость иметь — так уж не пил почти.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваете вы его.

Раненый поворачивает зрачки на ваш голос, но не видит и не понимает вас.

— У сердце гхорить.

Немного далее вы видите старого солдата, который переменяет белье. Лицо и тело его какого-то коричневого цвета и худы, как скелет. Рукй у него совсем нет: она вылущена в плече. Он сидит бодро, он поправился; но по мертвому, тусклому взгляду, по ужасной худобе и морщинам лица вы видите, что это существо, уже выстрадавшее лучшую часть своей жизни.

С другой стороны вы увидите на койке страдальческое, бледное-бледное и нежное лицо женщины, на котором играет во всю щеку горячечный румянец.

— Это нашу матроску 5-го числа в ногу задело бомбой, — скажет вам ваша путеводительница: — она мужу на бастион обедать носила.

— Что ж, отрезали?

— Выше колена отрезали.

Теперь, ежели нервы ваши крепки, пройдите в дверь налево: в той комнате делают перевязки и операции. Вы увидите там докторов с окровавленными по локти руками и бледными, угрюмыми физиономиями, занятых около койки, на которой,

с открытыми глазами и говоря, как в бреду, бессмысленные, иногда простые и трогательные слова, лежит раненый, под влиянием хлороформа. Доктора заняты отвратительным, но благодетельным делом ампутаций. Вы увидите, как острый кривой нож входит в белое здоровое тело; увидите, как с ужасным, раздирающим криком и проклятиями раненый вдруг приходит в чувство; увидите, как фельдшер бросит в угол отрезанную руку; увидите, как на носилках лежит, в той же комнате, другой раненый и, глядя на операцию товарища, корчится и стонет не столько от физической боли, сколько от моральных страданий ожидания, — увидите ужасные, потрясающие душу зрелища; увидите войну не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а увидите войну в настоящем ее выражении — в крови, в страданиях, в смерти...

Выходя из этого дома страданий, вы непременно испытаете отрадное чувство, полнее вдохнете в себя свежий воздух, почувствуете удовольствие в сознании своего здоровья, но, вместе с тем, в созерцании этих страданий почерпнете сознание своего ничтожества и спокойно, без нерешимости пойдете на бастионы...

«Что значат смерть и страдание такого ничтожного червяка, как я, в сравнении с столькими смертями и столькими страданиями?» Но вид чистого неба, блестящего солнца, красивого города, отворенной церкви и движущегося по разным направлениям военного люда скоро приведет ваш дух в нормальное состояние легкомыслия, маленьких забот и увлечения одним настоящим.

Навстречу попадутся вам, может быть, из церкви похороны какого-нибудь офицера, с розовым гробом и музыкой и развевающимися хоругвями; до слуха вашего долетят, может быть, звуки стрельбы с бастионов, но это не наведет вас на прежние мысли; похороны покажутся вам весьма красивым воинственным зрелищем, звуки — весьма красивыми воинственными звуками, и вы не соедините ни с этим зрелищем, ни с этими звуками мысли ясной, перенесенной на себя, о страданиях и смерти, как вы это сделали на перевязочном пункте.

Пройдя церковь и баррикаду, вы войдете в самую оживленную внутреннею жизнью часть города. С обеих сторон

вывески лавок, трактиров; купцы, женщины в шляпках и платочках, щеголеватые офицеры, — всё говорит вам о твердости духа, самоуверенности, безопасности жителей.

Зайдите в трактир направо, ежели вы хотите послушать толки моряков и офицеров: там уж верно идут рассказы про нынешнюю ночь, про Феньку, про дело 24-го, про то, как дорого и нехорошо подают котлетки, и про то, как убит тот-то и тот-то товарищ.

— Чорт возьми, как нынче у нас плохо! — говорит басом белобрысенький, безусый морской офицерик в зеленом вязаном шарфе.

— Где у нас? — спрашивает его другой.

— На 4-м бастионе, — отвечает молоденький офицер, и вы непременно с бóльшим вниманием и даже некоторым уважением посмотрите на белобрысенького офицера при словах: «на 4-м бастионе». Его слишком большая развязность, размахивание руками, громкий смех и голос, казавшиеся вам нахальством, покажутся вам тем особенным бретерским настроением духа, которое приобретают иные очень молодые люди после опасности; но всё-таки вы подумаете, что он станет вам рассказывать, как плохо на 4-м бастионе от бомб и пуль: ничуть не бывало! плохо оттого, что грязно. «Пройти на батарею нельзя», скажет он, показывая на сапоги, выше икор покрытые грязью. «А у меня нынче лучшего комендора убили, прямо в лоб влепило», скажет другой. «Кого это? Митюхина?» — «Нет... Да что, дадут ли мне телятины? Вот канальи! — прибавит он к трактирному слуге. — Не Митюхина, а Абросимова. Молодец такой — в шести вылазках был».

На другом углу стола, за тарелками котлет с горошком и бутылкой кислого крымского вина, называемого «бордо», сидят два пехотных офицера: один молодой, с красным воротником и с двумя звездочками на шинели, рассказывает другому, старому, с черным воротником и без звездочек, про альминское дело. Первый уже немного выпил, и по остановкам, которые бывают в его рассказе, по нерешительному взгляду, выражающему сомнение в том, что ему верят, и главное, что слишком велика роль, которую он играл во всем этом, и слишком всё страшно, заметно, что он сильно отклоняется от строгого повествования истины. Но вам не до этих рассказов, которые вы долго еще будете слушать во всех углах России: вы хотите

скорее итти на бастионы, именно на 4-й, про который вам так много и так различно рассказывали. Когда кто-нибудь говорит, что он был на 4-м бастионе, он говорит это с особенным удовольствием и гордостью; когда кто говорит: «я иду на 4-й бастион», непременно заметно в нем маленькое волнение или слишком большое равнодушие; когда хотят подшутить над кем-нибудь, говорят: «тебя бы поставить на 4-й бастион»; когда встречают носилки и спрашивают: «откуда?» большей частью отвечают: «с 4-го бастиона». Вообще же существуют два совершенно различные мнения про этот страшный бастион: тех, которые никогда на нем не были, и которые убеждены, что 4-й бастион есть верная могила для каждого, кто пойдет на него, и тех, которые живут на нем, как белобрысенький мичман, и которые, говоря про 4-й бастион, скажут вам, сухо или грязно там, тепло или холодно в землянке и т. д.

В полчаса, которые вы провели в трактире, погода успела перемениться: туман, расстилавшийся по морю, собрался в серые, скучные, сырые тучи и закрыл солнце; какая-то печальная изморозь сыплется сверху и мочит крыши, тротуары и солдатские шинели...

Пройдя еще одну баррикаду, вы выходите из дверей направо и поднимаетесь вверх по большой улице. За этой баррикадой дома по обеим сторонам улицы необитаемы, вывесок нет, двери закрыты досками, окна выбиты, где отбит угол стены, где пробита крыша. Строения кажутся старыми, испытавшими всякое горе и нужду ветеранами, и как будто гордо и несколько презрительно смотрят на вас. По дороге спотыкаетесь вы на валяющиеся ядра и в ямы с водой, вырытые в каменном грунте бомбами. По улице встречаете вы и обгоняете команды солдат, пластунов, офицеров; изредка встречается женщина или ребенок, но женщина уже не в шляпке, а матроска в старой шубейке и в солдатских сапогах. Проходя дальше по улице и спустившись под маленький изволок, вы замечаете вокруг себя уже не дома, а какие-то странные груды развалин-камней, досок, глины, бревен; впереди себя на крутой горе видите какое-то черное, грязное пространство, изрытое канавами, и это-то впереди и есть 4-й бастион... Здесь народу встречается еще меньше, женщин совсем не видно, солдаты идут скоро, по дороге попадаются капли крови и непременно встретите тут четырех солдат с носилками и на носилках бледно-желтоватое лицо

и окровавленную шинель. Ежели вы спросите: «куда ранен?» носильщики сердито, не поворачиваясь к вам, скажут: в ногу или в руку, ежели он ранен легко; или сурово промолчат, ежели из-за носилок не видно головы, и он уже умер или тяжело ранен.

Недалекий свист ядра или бомбы, в то самое время, как вы станете подниматься на гору, неприятно поразит вас. Вы вдруг поймете и совсем иначе, чем понимали прежде, значение тех звуков выстрелов, которые вы слушали в городе. Какое-нибудь тихо-отрадное воспоминание вдруг блеснет в вашем воображении; собственная ваша личность начнет занимать вас больше, чем наблюдения; у вас станет меньше внимания ко всему окружающему, и какое-то неприятное чувство нерешимости вдруг овладеет вами. Несмотря на этот подленький голос при виде опасности, вдруг заговоривший внутри вас, вы, особенно взглянув на солдата, который, размахивая руками и осклизаясь под гору, по жидкой грязи, рысью, со смехом бежит мимо вас, — вы заставляете молчать этот голос, невольно выпрямляете грудь, поднимаете выше голову и карабкаетесь вверх на скользкую глинистую гору. Только что вы немного взобрались на гору, справа и слева начинают жужжать штуцерные пули, и вы, может быть, призадумаетесь, не итти ли вам по траншее, которая ведет параллельно с дорогой; но траншея эта наполнена такой жидкой, желтой, вонючей грязью выше колена, что вы непременно выберете дорогу по горе, тем более, что вы видите, *все идут по дороге.* Пройдя шагов двести, вы входите в изрытое, грязное пространство, окруженное со всех сторон турами, насыпями, погребами, платформами, землянками, на которых стоят большие чугунные орудия и правильными кучами лежат ядра. Всё это кажется вам нагороженным без всякой цели, связи и порядка. Где на батарее сидит кучка матросов, где по середине площадки, до половины потонув в грязи, лежит разбитая пушка, где пехотный солдатик, с ружьем переходящий через батареи и с трудом вытаскивающий ноги из липкой грязи; везде, со всех сторон и во всех местах, видите черепки, неразорванные бомбы, ядра, следы лагеря, и всё это затопленное в жидкой, вязкой грязи. Как вам кажется, недалеко от себя слышите вы удар ядра, со всех сторон, кажется, слышите различные звуки пуль, — жужжащие, как пчела, свистящие, быстрые или визжащие, как струна, — слышите ужас-

ный гул выстрела, потрясающий всех вас, и который вам кажется чем-то ужасно страшным.

«Так вот он, 4-й бастион, вот оно, это страшное, действительно ужасное место!» думаете вы себе, испытывая маленькое чувство гордости и большое чувство подавленного страха. Но разочаруйтесь: это еще не 4-й бастион. Это Язоновский редут — место, сравнительно, очень безопасное и вовсе не страшное. Чтобы итти на 4-й бастион, возьмите направо, по этой узкой траншее, по которой, нагнувшись, побрел пехотный солдатик. По траншее этой встретите вы, может быть, опять носилки, матроса, солдат с лопатами, увидите проводники мин, землянки в грязи, в которые, согнувшись, могут влезать только два человека, и там увидите пластунов черноморских батальонов, которые там переобуваются, едят, курят трубки, живут, и увидите опять везде ту же вонючую грязь, следы лагеря и брошенный чугун во всевозможных видах. Пройдя еще шагов триста, вы снова выходите на батарею — на площадку, изрытую ямами и обставленную турами, насыпанными землей, орудиями на платформах и земляными валами. Здесь увидите вы, может быть, человек пять матросов, играющих в карты под бруствером, и морского офицера, который, заметив в вас нового человека, любопытного, с удовольствием покажет вам свое хозяйство и всё, что для вас может быть интересного. Офицер этот так спокойно свертывает папироску из желтой бумаги, сидя на орудии, так спокойно прохаживается от одной амбразуры к другой, так спокойно, без малейшей афектации говорит с вами, что, несмотря на пули, которые чаще, чем прежде, жужжат над вами, вы сами становитесь хладнокровны и внимательно расспрашиваете и слушаете рассказы офицера. Офицер этот расскажет вам, — но только, ежели вы его расспросите, — про бомбардирование 5-го числа, расскажет, как на его батарее только одно орудие могло действовать, и из всей прислуги осталось 8 человек, и как всё-таки на другое утро 6-го он *палил*[1] из всех орудий; расскажет вам, как 5-го попала бомба в матросскую землянку и положила одиннадцать человек; покажет вам из амбразуры батареи и траншеи неприятельские, которые не дальше здесь, как в 30-40 саженях. Одного я боюсь, что под влиянием жужжания пуль, высовываясь из

[1] Моряки все говорят палить, а не стрелять.

амбразуры, чтобы посмотреть неприятеля, вы ничего не увидите, а ежели увидите, то очень удивитесь, что этот белый каменистый вал, который так близко от вас и на котором вспыхивают белые дымки, этот-то белый вал и есть неприятель — *он*, как говорят солдаты и матросы.

Даже очень может быть, что морской офицер, из тщеславия или просто так, чтобы доставить себе удовольствие, захочет при вас пострелять немного. «Послать комендора и прислугу к пушке», и человек четырнадцать матросов живо, весело, кто засовывая в карман трубку, кто дожевывая сухарь, постукивая подкованными сапогами по платформе, подойдут к пушке и зарядят ее. Вглядитесь в лица, в осанки и в движения этих людей: в каждой морщине этого загорелого, скуластого лица, в каждой мышце, в ширине этих плеч, в толщине этих ног, обутых в громадные сапоги, в каждом движении, спокойном, твердом, неторопливом, видны эти главные черты, составляющие силу русского, — простоты и упрямства.

Вдруг ужаснейший, потрясающий не одни ушные органы, но всё существо ваше, гул поражает вас так, что вы вздрагиваете всем телом. Вслед затем вы слышите удаляющийся свист снаряда, и густой пороховой дым застилает вас, платформу и черные фигуры движущихся по ней матросов. По случаю этого нашего выстрела вы услышите различные толки матросов и увидите их одушевление и проявление чувства, которого вы не ожидали видеть, может быть, — это чувство злобы, мщения врагу, которое таится в душе каждого. «В самую *абразуру* попала; кажись, убило двух... вон понесли», услышите вы радостные восклицания. «А вот он рассерчает: сейчас пустит сюда», скажет кто-нибудь; и действительно, скоро вслед за этим вы увидите впереди себя молнию, дым; часовой, стоящий на бруствере, крикнет: «пу-у-шка!» И вслед за этим мимо вас взвизгнет ядро, шлепнется в землю и воронкой взбросит вкруг себя брызги грязи и камни. Батарейный командир рассердится за это ядро, прикажет зарядить другое и третье орудия, неприятель тоже станет отвечать нам, и вы испытаете интересные чувства, услышите и увидите интересные вещи. Часовой опять закричит: «пушка» — и вы услышите тот же звук и удар, те же брызги, или закричит: «маркела!»,[1] и вы услышите равномер-

[1] Мортира.

ное, довольно приятное и такое, с которым с трудом соединяется мысль об ужасном, посвистывание бомбы, услышите приближающееся к вам и ускоряющееся это посвистывание, потом увидите черный шар, удар о землю, ощутительный, звенящий разрыв бомбы. Со свистом и визгом разлетятся потом осколки, зашуршат в воздухе камни, и забрызгает вас грязью. При этих звуках вы испытаете странное чувство наслаждения и вместе страха. В ту минуту, как снаряд, вы знаете, летит на вас, вам непременно придет в голову, что снаряд этот убьет вас; но чувство самолюбия поддерживает вас, и никто не замечает ножа, который режет вам сердце. Но зато, когда снаряд пролетел, не задев вас, вы оживаете, и какое-то отрадное, невыразимо приятное чувство, но только на мгновение, овладевает вами, так что вы находите какую-то особенную прелесть в опасности, в этой игре жизнью и смертью; вам хочется, чтобы еще и еще и поближе упало около вас ядро или бомба. Но вот еще часовой прокричал своим громким, густым голосом: «маркела», еще посвистывание, удар и разрыв бомбы; но вместе с этим звуком вас поражает стон человека. Вы подходите к раненому, который, в крови и грязи, имеет какой-то странный нечеловеческий вид, в одно время с носилками. У матроса вырвана часть груди. В первые минуты на забрызганном грязью лице его виден один испуг и какое-то притворное преждевременное выражение страдания, свойственное человеку в таком положении; но в то время, как ему приносят носилки, и он сам на здоровый бок ложится на них, вы замечаете, что выражение это сменяется выражением какой-то восторженности и высокой, невысказанной мысли: глаза горят, зубы сжимаются, голова с усилием поднимается выше, и в то время, как его поднимают, он останавливает носилки и с трудом, дрожащим голосом говорит товарищам: «простите, братцы!», еще хочет сказать что-то, и видно, что хочет сказать что-то трогательное, но повторяет только еще раз: «простите, братцы!» В это время товарищ-матрос подходит к нему, надевает фуражку на голову, которую подставляет ему раненый, и спокойно, равнодушно, размахивая руками, возвращается к своему орудию. «Это вот каждый день этак человек семь или восемь», говорит вам морской офицер, отвечая на выражение ужаса, выражающегося на вашем лице, зевая и свертывая папиросу из желтой бумаги...

. . . . . .

Итак, вы видели защитников Севастополя на самом месте защиты и идете назад, почему-то не обращая никакого внимания на ядра и пули, продолжающие свистать по всей дороге до разрушенного театра, — идете с спокойным, возвысившимся духом. Главное, отрадное убеждение, которое вы вынесли, это—убеждение в невозможности взять Севастополь и не только взять Севастополь, но поколебать где бы то ни было силу русского народа,—и эту невозможность видели вы не в этом множестве траверсов, брустверов, хитро сплетенных траншей, мин и орудий, одних на других, из которых вы ничего не поняли, но видели ее в глазах, речах, приемах, в том, что называется духом защитников Севастополя. То, что́ они делают, делают они так просто, так мало-напряженно и усиленно, что, вы убеждены, они еще могут сделать во сто раз больше... они всё могут сделать. Вы понимаете, что чувство, которое заставляет работать их, не есть то чувство мелочности, тщеславия, забывчивости, которое испытывали вы сами, но какое-нибудь другое чувство, более властное, которое сделало из них людей, так же спокойно живущих под ядрами, при ста случайностях смерти вместо одной, которой подвержены все люди, и живущих в этих условиях среди беспрерывного труда, бдения и грязи. Из-за креста, из-за названия, из угрозы не могут принять люди эти ужасные условия: должна быть другая, высокая побудительная причина. Только теперь рассказы о первых временах осады Севастополя, когда в нем не было укреплений, не было войск, не было физической возможности удержать его, и всё-таки не было ни малейшего сомнения, что он не отдастся неприятелю,—о временах, когда этот герой, достойный древней Греции, — Корнилов, объезжая войска, говорил: «умрем, ребята, а не отдадим Севастополя», и наши русские, неспособные к фразерству, отвечали: «умрем! ура!» — только теперь рассказы про эти времена перестали быть для вас прекрасным историческим преданием, но сделались достоверностью, фактом. Вы ясно поймете, вообразите себе тех людей, которых вы сейчас видели, теми героями, которые в те тяжелые времена не упали, а возвышались духом и с наслаждением готовились к смерти, не за город, а за родину. Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский.....

Уже вечереет. Солнце перед самым закатом вышло из-за се-

рых туч, покрывающих небо, и вдруг багряным светом осветило лиловые тучи, зеленоватое море, покрытое кораблями и лодками, колыхаемое ровной широкой зыбью, и белые строения города, и народ, движущийся по улицам. По воде разносятся звуки какого-то старинного вальса, который играет полковая музыка на бульваре, и звуки выстрелов с бастионов, которые странно вторят им.

Севастополь.

1855 года, 25 апреля.

А 7865

*** СЕВАСТОПОЛЬ В МАЕ.

1.

Уже шесть месяцев прошло с тех пор, как просвистало первое ядро с бастионов Севастополя и взрыло землю на работах неприятеля, и с тех пор тысячи бомб, ядер и пуль не переставали летать с бастионов в траншеи и с траншей на бастионы, и ангел смерти не переставал парить над ними.—

Тысячи людских самолюбий успели оскорбиться, тысячи успели удовлетвориться, надуться, тысячи — успокоиться в объятиях смерти. Сколько звездочек надето, сколько снято, сколько Анн, Владимиров, сколько розовых гробов и полотняных покровов! А всё те же звуки раздаются с бастионов, всё так же — с невольным трепетом и суеверным страхом, — смотрят в ясный вечер французы из своего лагеря на черную изрытую землю бастионов Севастополя, на черные движущиеся по ним фигуры наших матросов и считают амбразуры, из которых сердито торчат чугунные пушки; всё так же в трубу рассматривает, с вышки телеграфа, штурманский унтер-офицер пестрые фигуры французов, их батареи, палатки, колонны, движущиеся по Зеленой горе, и дымки, вспыхивающие в траншеях, и всё с тем же жаром стремятся с различных сторон света разнородные толпы людей, с еще более разнородными желаниями, к этому роковому месту.

А вопрос, нерешенный дипломатами, еще меньше решается порохом и кровью.

Мне часто приходила странная мысль: что ежели бы одна воюющая сторона предложила другой — выслать из каждой армии по одному солдату? Желание могло бы показаться странным, но отчего не исполнить его? Потом выслать другого, с каж-

дой стороны, потом 3-го, 4-го и т. д. до тех пор, пока осталось бы по одному солдату в каждой армии (предполагая, что армии равносильны, и что количество было бы заменяемо качеством). И тогда, ежели уже действительно сложные политические вопросы, между разумными представителями разумных созданий, должны решаться дракой, пускай бы подрались эти два солдата — один бы осаждал город, другой бы защищал его.

Это рассуждение кажется только парадоксом, но оно верно.— Действительно, какая бы была разница между одним русским, воюющим против одного представителя союзников, и между 80 тысячами воюющих против 80 тысяч? Отчего не 135 тысяч против 135 тысяч? Отчего не 20 тысяч против 20 тысяч? Отчего не 20 против 20-ти? Отчего не один против одного? Никак одно не логичнее другого. Последнее, напротив, гораздо логичнее, потому что человечнее. Одно из двух: или война есть сумасшествие, или ежели люди делают это сумасшествие, то они совсем не разумные создания, как у нас почему-то принято думать.—

2.

В осажденном городе Севастополе, на бульваре, около павильона играла полковая музыка, и толпы военного народа и женщин празднично двигались по дорожкам. Светлое весеннее солнце взошло с утра над английскими работами, перешло на бастионы, потом на город,— на Николаевскую казарму и, одинаково радостно светя для всех, теперь спускалось к далекому синему морю, которое, мерно колыхаясь, светилось серебряным блеском.

Высокий, немного сутуловатый пехотный офицер, натягивая на руку не совсем белую, но опрятную перчатку, вышел из калитки одного из маленьких матросских домиков, нагороженных на левой стороне Морской улицы, и, задумчиво глядя себе под ноги, направился в гору к бульвару. Выражение некрасивого с низким лбом лица этого офицера изобличало тупость умственных способностей, но притом рассудительность, честность и склонность к порядочности. Он был дурно сложен — длинноног, неловок и как будто стыдлив в движениях. На нем была незатасканная фуражка, тонкая, немного странного лиловатого цвета шинель, из-под борта которой виднелась

золотая цепочка часов; панталоны со штрипками и чистые, блестящие, хотя и с немного стоптанными в разные стороны каблуками, опойковые сапоги, но не столько по этим вещам, которые не встречаются обыкновенно у пехотного офицера, сколько по общему выражению его персоны, опытный военный глаз сразу отличал в нем не совсем обыкновенного пехотного офицера, а немного повыше. Он должен был быть или немец, ежели бы не изобличали черты лица его чисто русское происхождение, или адъютант, или квартермистр полковой (но тогда бы у него были шпоры), или офицер на время кампании перешедший из кавалерии, а может и из гвардии. Он действительно был перешедший из кавалерии, и в настоящую минуту, поднимаясь к бульвару, думал о письме, которое сейчас получил от бывшего товарища, теперь отставного, помещика Т. губернии, и жены его, бледной голубоглазой Наташи, своей большой приятельницы. Он вспоминал одно место письма, в котором товарищ пишет:

«Когда приносят нам «Инвалид», то *Пупка* (так отставной улан называл жену свою) бросается опрометью в переднюю, хватает газеты и бежит с ними на *эс* в *беседку*, *в гостиную* (в которой, помнишь, как славно мы проводили с тобой зимние вечера, когда полк стоял у нас в городе), и с таким жаром читает *ваши* геройские подвиги, что ты себе представить не можешь. Она часто про тебя говорит: Вот Михайлов! говорит она, так это *душка человек* — я готова расцеловать его, когда увижу — он *сражается на бастионах* и непременно получит Георгиевский крест, и про него в газетах напишут и т. д. и т. д., так что я решительно начинаю ревновать к тебе». — В другом месте он пишет: «До нас газеты доходят ужасно поздно, а хотя изустных новостей и много, не всем можно верить. Например, знакомые тебе *барышни с музыкой* рассказывали вчера, что уж будто Наполеон пойман нашими казаками и отослан в Петербург, но ты понимаешь, как много я этому верю. Рассказывал же нам один приезжий из Петербурга (он у министра по особым порученьям, премилый человек, и теперь, как в городе никого нет, такая для нас *рисурс*, что ты себе представить не можешь) — так он говорит наверно, что наши заняли Евпаторию, *так что французам нет уж сообщения с Балаклавой*, и что у нас при этом убито 200 человек, а у французов до 15 тыс. Жена была в таком восторге по этому случаю,

что *кутила* целую ночь и говорит, что ты наверное, по ее предчувствию, был в этом деле и отличился»...

Несмотря на те слова и выражения, которые я нарочно отметил курсивом, и на весь тон письма, по которым высокомерный читатель верно составил себе истинное и невыгодное понятие, в отношении порядочности, о самом штабс-капитане Михайлове, на стоптанных сапогах, о товарище его, который пишет *рисурс* и имеет такие странные понятия о географии, о бледном друге на эсе (может быть, даже и не без основания вообразив себе эту Наташу с грязными ногтями), и вообще о всем этом праздном грязненьком провинциальном презренном для него круге, штабс-капитан Михайлов с невыразимо грустным наслаждением вспомнил о своем губернском бледном друге и как он сиживал, бывало, с ним по вечерам в беседке и говорил о *чувстве*, вспомнил о добром товарище-улане, как он сердился и ремизился, когда они, бывало, в кабинете составляли пульку по копейке, как жена смеялась над ним, — вспомнил о дружбе к себе этих людей (может быть, ему казалось, что было что-то больше со стороны бледного друга): все эти лица с своей обстановкой мелькнули в его воображении в удивительно-сладком, отрадно-розовом цвете, и он, улыбаясь своим воспоминаниям, дотронулся рукою до кармана, в котором лежало это *милое* для него письмо. — Эти воспоминания имели тем бо̀льшую прелесть для штабс-капитана Михайлова, что тот круг, в котором ему теперь привелось жить в пехотном полку, был гораздо ниже того, в котором он вращался прежде, как кавалерист и дамский кавалер, везде хорошо принятый в городе Т.

Его прежний круг был до такой степени выше теперешнего, что когда, в минуты откровенности, ему случалось рассказывать пехотным товарищам, как у него были свои дрожки, как он танцовал на балах у губернатора и играл в карты с штатским генералом, его слушали равнодушно-недоверчиво, как будто не желая только противоречить и доказывать противное — «пускай говорит», мол, и что ежели он не выказывал явного презрения к кутежу товарищей — водкой, к игре на 5-ти рублевый банк, и вообще к грубости их отношений, то это надо отнести к особенной кротости, уживчивости и рассудительности его характера.

От воспоминаний штабс-капитан Михайлов невольно перешел к мечтам и надеждам. «Каково будет удивление и радость

Наташи, думал он, шагая на своих стоптанных сапогах по узенькому переулку, когда она вдруг прочтет в «Инвалиде» описание, как я первый влез на пушку и получил Георгия. Капитана же я должен получить по старому представлению. Потом очень легко я в этом же году могу получить майора по линии, потому что много перебито, да и еще, верно, много перебьют нашего брата в эту кампанию. А потом опять будет дело, и, мне, как известному человеку, поручат полк... подполковник... Анну на шею... полковник....» и он был уже генералом, удостоивающим посещения Наташу, вдову товарища, который, по его мечтам, умрет к этому времени, когда звуки бульварной музыки яснее долетели до его слуха, толпы народа кинулись ему в глаза, и он очутился на бульваре прежним пехотным штабс-капитаном, ничего незначущим, неловким и робким.

3.

Он подошел сначала к павильону, подле которого стояли музыканты, которым вместо пюпитров другие солдаты того же полка раскрывши держали ноты, и около которых, больше смотря, чем слушая, составили кружок писаря, юнкера, няньки с детьми и офицеры в *старых* шинелях. Кругом павильона стояли, сидели и ходили большею частью моряки, адъютанты и офицеры в белых перчатках и новых шинелях. По большой аллее бульвара ходили всяких сортов офицеры и всяких сортов женщины, изредка в шляпках, большей частью в платочках (были и без платочков и без шляпок), но ни одной не было старой, а все молодые. Внизу по тенистым, пахучим аллеям белых акаций ходили и сидели уединенные группы.

Никто особенно рад не был, встретив на бульваре штабс-капитана Михайлова, исключая, может быть, его полка капитана Обжогова и прапорщика Сусликова, которые с горячностью пожали ему руку, но первый был в верблюжьих штанах, без перчаток, в обтрепанной шинели и с таким красным вспотевшим лицом, а второй кричал так громко и развязно, что совестно было ходить с ними, особенно перед офицерами в белых перчатках, из которых с одним — с адъютантом — штабс-капитан Михайлов кланялся, а с другим — штаб-офицером — мог бы кланяться, потому что два раза встречал его у общего знакомого.

Притом же, что веселого ему было гулять с этими г-ами Обжоговым и Сусликовым, когда он и без того по 6-ти раз на день встречал их и пожимал им руки. Не для этого же он пришел *на музыку*.

Ему бы хотелось подойти к адъютанту, с которым он кланялся, и поговорить с этими г-ми совсем не для того, чтобы капитан Обжогов и прапорщик Сусликов и поручик Пиштецкий и др. видели, что он говорит с ними, но просто для того, что они приятные люди, притом знают все новости—порассказали бы... Но отчего же штабс-капитан Михайлов боится и не решается подойти к ним? «Что ежели они вдруг мне не поклонятся? думает он, или поклонятся и будут продолжать говорить между собою, как будто меня нет, или вовсе уйдут от меня, и я там останусь один между *аристократами*». Слово *аристократы* (в смысле высшего отборного круга, в каком бы то ни было сословии) получило у нас в России (где бы кажется, не должно бы было быть его) с некоторого времени большую популярность и проникло во все края и во все слои общества, куда проникло только тщеславие (а в какие условия времени и обстоятельств не проникает эта гнусная страстишка?) — между купцами, между чиновниками, писарями, офицерами, в Саратов, в Мамадыши, в Винницы, везде, где есть люди. — А так как в осажденном городе Севастополе людей много, следовательно и тщеславия много, то есть и *аристократы*, несмотря на то, что ежеминутно висит смерть над головой каждого *аристократа и не-аристократа*. Для капитана Обжогова штабс-капитан Михайлов *аристократ*, потому что у него чистая шинель и перчатки, и он его за это терпеть не может, хотя уважает немного, для штабс-капитана Михайлова адъютант Калугин *аристократ*, потому что он адъютант и на «ты» с другим адъютантом; и за это он не совсем хорошо расположен к нему, хотя и боится его. Для адъютанта Калугина граф Нордов *аристократ*, и он его всегда ругает и презирает в душе за то, что он флигель-адъютант. Ужасное слово *аристократ*. Зачем подпоручик Зобов так принужденно смеется, проходя мимо своего товарища, который сидит с штаб-офицером? Чтобы доказать этим, что, хотя он и не *аристократ*, но всё-таки ничуть не хуже их. Зачем штаб-офицер говорит таким слабым лениво-грустным голосом? Чтоб доказать своему собеседнику, что он *аристократ* и очень милостив, разговаривая с подпоручиком. Зачем юнкер так размахивает

руками и подмигивает, идя за барыней, которую он в первый раз видит и к которой он ни за что не решится подойти? Чтоб показать всем офицерам, что несмотря на то, что он им шапку снимает, он всё-таки аристократ, и ему очень весело. Зачем артиллерийский капитан так грубо обошелся с добродушным ординарцем? Чтобы доказать всем, что он никогда не заискивает и в *аристократах* не нуждается и т. д. и т. д. и т. д.

Тщеславие, тщеславие и тщеславие везде — даже на краю гроба и между людьми, готовыми к смерти из-за высокого убеждения. Тщеславие! Должно быть, оно есть характеристическая черта и особенная болезнь нашего века. Отчего между прежними людьми не слышно было об этой страсти, как об оспе или холере? Отчего в наш век есть только три рода людей: одних — принимающих начало тщеславия, как факт необходимо существующий, поэтому справедливый, и свободно подчиняющихся ему; других — принимающих его, как несчастное, но непреодолимое условие, и третьих — бессознательно, рабски действующих под его влиянием? Отчего Гомеры и Шекспиры говорили про любовь, про славу и про страдания, а литература нашего века есть только бесконечная повесть «Снобсов» и «Тщеславия»?

Штабс-капитан Михайлов два раза в нерешительности прошел мимо кружка *своих аристократов*, в третий раз сделал усилие над собой и подошел к ним. Кружок этот составляли четыре офицера: адъютант Калугин, знакомый Михайлова, адъютант князь Гальцин, бывший даже немножко аристократом для самого Калугина, подполковник Нефердов, один из так называемых 122-х светских людей, поступивших на службу из отставки под влиянием отчасти патриотизма, отчасти честолюбия и, главное, того, что *все* это делали; старый клубный московский холостяк, здесь присоединившийся к партии недовольных, ничего не делающих, ничего не понимающих и осуждающих все распоряжения начальства, и ротмистр Праскухин, тоже один из 122-х героев. — К счастью Михайлова, Калугин был в прекрасном расположении духа (генерал только-что поговорил с ним весьма доверенно, и князь Гальцин, приехав из Петербурга, остановился у него)—он счел не унизительным подать руку штабс-капитану Михайлову, чего не решился однако сделать Праскухин, весьма часто встречавшийся на бастионе с Михайловым, неоднократно пивший его вино и водку и даже должный ему по преферансу 12 руб. с полтиной. Не зная еще

хорошенько князя Гальцина, ему не хотелось изобличить перед ним свое знакомство с простым пехотным штабс-капитаном; он слегка поклонился ему.

— Что, капитан, — сказал Калугин, — когда опять на баксиончик? Помните, как мы с вами встретились на Шварцовском редуте — жарко было? а?

— Да, жарко, — сказал Михайлов, с прискорбием вспоминая о том, какая у него была печальная фигура, когда он в ту ночь, согнувшись пробираясь по траншее на бастьон, встретил Калугина, который шел таким молодцом, бодро побрякивая саблей.

— Мне, по настоящему, приходится завтра итти, но у нас болен, — продолжал Михайлов, — один офицер, так...— Он хотел рассказать, что черед был не его, но так как командир 8-й роты был нездоров, а в роте оставался прапорщик только, то он счел своей обязанностью предложить себя на место поручика Непшитшетского и потому шел нынче на бастион. Калугин не дослушал его.

— А я чувствую, что на-днях что-нибудь будет, — сказал он кн. Гальцину.

— А что, не будет ли нынче чего-нибудь? — робко спросил Михайлов, поглядывая то на Калугина, то на Гальцина. Никто не отвечал ему. Гальцин только сморщился как-то, пустил глаза мимо его фуражки и, помолчав немного, сказал:

— Славная девочка эта в красном платочке. Вы ее не знаете, капитан?

— Это около моей квартиры дочь одного матроса, — отвечал штабс-капитан.

— Пойдемте, посмотрим ее хорошенько.

И кн. Гальцин взял под руку с одной стороны Калугина, с другой штабс-капитана, вперед уверенный, что это не может не доставить последнему большого удовольствия, что действительно было справедливо.

Штабс-капитан был суеверен и считал большим грехом перед делом заниматься женщинами, но в этом случае он притворился большим развратником, чему видимо не верили кн. Гальцин и Калугин, и что̀ чрезвычайно удивляло девицу в красном платочке, которая не раз замечала, как штабс-капитан краснел, проходя мимо ее окошка. Праскухин шел сзади и всё толкал за руку кн. Гальцина, делая разные замечания на французском языке; но, так как вчетвером нельзя было итти по дорожке, он

принужден был итти один и только на втором круге взял под руку подошедшего и заговорившего с ним известно храброго морского офицера Сервягина, желавшего тоже присоединиться к кружку *аристократов*. И известный храбрец с радостью просунул свою мускулистую руку, не раз коловшую французов, за локоть всем и самому Сервягину хорошо известному за неслишком хорошего человека, Праскухину. Но когда Праскухин, объясняя князю Гальцину свое знакомство с *этим* моряком, шепнул ему, что это был известный храбрец, кн. Гальцин, бывший вчера на 4-м бастионе и видевший от себя в 20-ти шагах лопнувшую бомбу, считая себя не меньшим храбрецом, чем этот г-н, и предполагая, что весьма много репутаций приобретается задаром, не обратил на Сервягина никакого внимания.

Штабс-капитану Михайлову так приятно было гулять в этом обществе, что он забыл про *милое* письмо из Т., про мрачные мысли, осаждавшие его при предстоящем отправлении на бастион и, главное, про то, что в 7 часов ему надо было быть дома. Он пробыл с ними до тех пор, пока они не заговорили исключительно между собой, избегая его взглядов, давая тем знать, что он может итти, и наконец совсем ушли от него. Но штабс-капитан всё-таки был доволен и, проходя мимо юнкера барона Песта, который был особенно горд и самонадеян со вчерашней ночи, которую он в первый раз провел в блиндаже 5-го бастиона, и считал себя, вследствие этого, героем, он нисколько не огорчился подозрительно-высокомерным выражением, с которым юнкер вытянулся и снял перед ним фуражку.

4.

Но едва штабс-капитан перешагнул порог своей квартиры, как совсем другие мысли пошли ему в голову. Он увидал свою маленькую комнатку с земляным неровным полом и кривыми окнами, залепленными бумагой, свою старую кровать с прибитым над ней ковром, на котором изображена была амазонка, и висели два тульские пистолета, грязную, с ситцевым одеялом постель юнкера, который жил с ним; увидал своего Никиту, который с взбудораженными, сальными волосами, почесываясь, встал с полу; увидал свою старую шинель, личные сапоги и узелок, из которого торчали конец мыльного сыра и горлышко портерной бутылки с водкой, приготовленные для него на ба-

стьон, и с чувством, похожим на ужас, он вдруг вспомнил, что ему нынче на целую ночь итти с ротой в ложементы.

«Наверное, мне быть убитым нынче — думал штабс-капитан — я чувствую. И главное, что не мне надо было итти, а я сам вызвался. И уж это всегда убьют того, кто напрашивается. И чем болен этот проклятый Непшитшетский? Очень может быть, что и вовсе не болен, а тут из-за него убьют человека, а непременно убьют. Впрочем, ежели не убьют, то верно, представят. Я видел, как полковому командиру понравилось, когда я сказал, что позвольте мне итти, ежели поручик Непшитшетский болен. Ежели не выйдет майора, то уж Владимира наверно. Ведь я уж 13-й раз иду на бастион. Ох, 13! скверное число. Непременно убьют, чувствую, что убьют; но надо же было кому-нибудь итти, нельзя с прапорщиком роте итти, а что-нибудь бы случилось, ведь это честь полка, честь армии от этого зависит. Мой *долг* был итти... да, *долг*. А есть предчувствие». Штабс-капитан забывал, что это предчувствие, в более или менее сильной степени, приходило ему каждый раз, как нужно было итти на бастион, и не знал, что то же, в более или менее сильной степени, предчувствие испытывает всякий, кто идет в дело. Немного успокоив себя этим понятием долга, которое у штабс-капитана, как и вообще у всех людей недалеких, было особенно развито и сильно, он сел к столу и стал писать прощальное письмо отцу, с которым последнее время был не совсем в хороших отношениях по денежным делам. Через 10 минут, написав письмо, он встал от стола с мокрыми от слез глазами и, мысленно читая все молитвы, которые знал (потому что ему совестно было перед своим человеком громко молиться Богу), стал одеваться. Еще очень хотелось ему поцеловать образок Митрофания, благословение покойницы матушки, и в который он имел особенную веру, но так как он стыдился сделать это при Никите, то выпустил образа из сюртука так, чтобы мог их достать, не расстегиваясь, на улице. Пьяный и грубый слуга лениво подал ему новый сюртук (старый, который обыкновенно надевал штабс-капитан, идя на бастион, не был починен).

— Отчего не починен сюртук? тебе только бы всё спать, этакой! — сердито сказал Михайлов.

— Чего спать? — проворчал Никита: — день деньской бегаешь как собака: умаешься небось, — а тут не засни еще.

— Ты опять пьян, я вижу.

— Не на ваши деньги напился, что попрекаете.

— Молчи, скотина! — крикнул штабс-капитан, готовый ударить человека, еще прежде расстроенный, а теперь окончательно выведенный из терпения и огорченный грубостью Никиты, которого он любил, баловал даже, и с которым жил уже 12 лет.

— Скотина? скотина? — повторял слуга: — и что ругаетесь скотиной, сударь? ведь теперь время какое? нехорошо ругать.

Михайлов вспомнил, куда он идет, и ему стыдно стало.

— Ведь ты хоть кого выведешь из терпенья, Никита, — сказал он кротким голосом. — Письмо это к батюшке на столе, оставь так и не трогай, — прибавил он, краснея.

— Слушаюсь, — сказал Никита, расчувствовавшийся под влиянием вина, которое он выпил *«на свои деньги»*, и с видимым желанием заплакать, хлопая глазами.

Когда же на крыльце штабс-капитан сказал: «прощай, Никита!» то Никита вдруг разразился принужденными рыданиями и бросился целовать руки своего барина. «Прощайте, барин!» всхлипывая, говорил он.

Старуха матроска, стоявшая на крыльце, как женщина, не могла не присоединиться тоже к этой чувствительной сцене, начала утирать глаза грязным рукавом и приговаривать что-то о том, что уж на что господа, и те какие муки принимают, а что она, бедный человек, вдовой осталась, и рассказала в сотый раз пьяному Никите о своем горе: как ее мужа убили еще в первую *бандировку* и как ее домишко на слободке весь разбили (тот, в котором она жила, принадлежал не ей) и т. д. и т. д. — По уходе барина, Никита закурил трубку, попросил хозяйскую девочку сходить за водкой и весьма скоро перестал плакать, а, напротив, побранился с старухой за какую-то ведерку, которую она ему будто бы раздавила.

«А может быть, только ранят, рассуждал сам с собою штабс-капитан, уже сумерками подходя с ротой к бастиону. Но куда? как? сюда или сюда? — думал он, мысленно указывая на живот и на грудь. — Вот ежели бы сюда — он думал о верхней части ноги — да кругом бы обошла — всё-таки должно быть больно. Ну, а как сюда да осколком — кончено!»

Штабс-капитан, однако, сгибаясь, по траншеям благополучно дошел до ложементов, расставил с саперным офицером,

уже в совершенной темноте, людей на работы и сел в ямочку под бруствером. Стрельба была малая; только изредка вспыхивали то у нас, то у *него* молнии, и светящаяся трубка бомбы прокладывала огненную дугу на темном звездном небе. Но все бомбы ложились далеко сзади и справа ложемента, в котором в ямочке сидел штабс-капитан, так что он успокоился отчасти, выпил водки, закусил мыльным сыром, закурил папиросу и, помолившись Богу, хотел заснуть немного.

5.

Князь Гальцин, подполковник Нефердов, юнкер барон Пест, который встретил их на бульваре, и Праскухин, которого никто не звал, с которым никто не говорил, но который не отставал от них, все с бульвара пошли пить чай к Калугину.

— Ну так ты мне не досказал про Ваську Менделя, — говорил Калугин, сняв шинель, сидя около окна, на мягком покойном кресле, и расстегивая воротник чистой крахмаленной голландской рубашки, — как же он женился?

— Умора, братец! Je vous dis, il y avait un temps où on ne parlait que de ça à P[étersbour]g,[1] — сказал смеясь Гальцин, вскакивая от фортепьян, у которых он сидел, и садясь на окно подле Калугина: — просто умора. Уж я всё это знаю подробно. И он весело, умно и бойко стал рассказывать какую-то любовную историю, которую мы пропустим потому, что она для нас неинтересна.

Но замечательно то, что не только князь Гальцин, но и все эти господа, расположившись здесь кто на окне, кто задравши ноги, кто за фортепьянами, казались совсем другими людьми, чем на бульваре: не было этой смешной надутости, высокомерности, которые они выказывали пехотным офицерам; здесь они были между своими в натуре, особенно Калугин и Гальцин, очень милыми, простодушными, веселыми и добрыми ребятами. Разговор шел о петербургских сослуживцах и знакомых.

— Что Маслоцкой?

— Который? лейб-улан или конно-гвардеец?

— Я их обоих знаю. Конно-гвардеец при мне мальчишка был, только что из школы вышел. Что старший — ротмистр?

---

[1] [Я вам говорю, что одно время только об этом и говорили в Петербурге,]

— О! уж давно.

— Что, всё возится с своей цыганкой?

— Нет, бросил, — и т. д. в этом роде.

Потом Гальцин сел к фортепьянам и славно спел цыганскую песенку. Праскухин, хотя никто не просил его, стал вторить и так хорошо, что его уж просили вторить, чему он был очень доволен.

Человек вошел с чаем со сливками и крендельками на серебряном подносе.

— Подай князю, — сказал Калугин.

— А ведь странно подумать, — сказал Гальцин, взяв стакан и отходя к окну, — что мы здесь в осажденном городе: *фортаплясы*, чай со сливками, квартира такая, что я, право, желал бы такую иметь в Петербурге.

— Да уж ежели бы еще этого не было, — сказал всем недовольный, старый подполковник, — просто было бы невыносимо это постоянное ожидание чего-то... видеть, как каждый день бьют, бьют — и всё нет конца, ежели при этом бы жить в грязи и не было удобств.

— А как же наши пехотные офицеры, — сказал Калугин, — которые живут на бастьонах с солдатами, в блиндаже и едят солдатской борщ, — как им-то?

— Вот этого я не понимаю и признаюсь не могу верить, — сказал Гальцин, — чтобы люди в грязном белье, во в[шах] и с неумытыми руками могли бы быть храбры. Этак, знаешь, — cette belle bravoure de gentilhomme [1] — не может быть.

— Да они и не понимают этой храбрости, — сказал Праскухин.

— Ну что ты говоришь пустяки, — сердито перебил Калугин, — уж я видел их здесь больше тебя и всегда, и везде скажу, что наши пехотные офицеры, хоть правда во в[шах] и по 10 дней белья не переменяют, а это герои, удивительные люди.

В это время в комнату вошел пехотный офицер.

— Я... мне приказано... я могу ли явиться к ген.... к его превосходительству от генерала NN? — спросил он, робея и кланяясь.

Калугин встал, но не отвечая на поклон офицера, с оскорбительной учтивостью и натянутой официяльной улыбкой, спро-

---

[1] [этой прекрасной храбрости дворянина]

сил офицера, не угодно ли *им* подождать и, не попросив его сесть и не обращая на него больше внимания, повернулся к Гальцину и заговорил по-французски, так что бедный офицер, оставшись посередине комнаты, решительно не знал, что делать с своей персоной и руками без перчаток, которые висели перед ним.

— По крайне нужному делу-с, — сказал офицер, после минутного молчания.

— А! так пожалуйте, — сказал Калугин с той же оскорбительной улыбкой, надевая шинель и провожая его к двери.

— Eh bien, messieurs, je crois que cela chauffera cette nuit,[1] — сказал Калугин, выходя от генерала.

— А? что? что? вылазка?—стали спрашивать все.

— Уж не знаю — сами увидите, — отвечал Калугин с таинственной улыбкой.

— Да ты мне скажи, — сказал барон Пест, — ведь ежели есть что-нибудь, так я должен итти с Т. полком на первую вылазку.

— Ну, так и иди с Богом.

— И мой принципал на бастионе, стало-быть и мне надо итти, — сказал Праскухин, надевая саблю, но никто не отвечал ему — он сам должен был знать, итти ли ему или нет.

— Ничего не будет, уж я чувствую, — сказал барон Пест, с замиранием сердца думая о предстоящем деле, но лихо на бок надевая фуражку и громкими твердыми шагами выходя из комнаты, вместе с Праскухиным и Нефердовым, которые тоже с тяжелым чувством страха торопились к своим местам. «Прощайте, господа». — «До свиданья, господа! еще нынче ночью увидимся», — прокричал Калугин из окошка, когда Праскухин и Пест, нагнувшись на луки казачьих седел, должно быть, воображая себя казаками, прорысили по дороге.

— Да, немножко, — прокричал юнкер, который не разобрал, что ему говорили, и топот казачьих лошадок скоро стих в темной улице.

— Non, dites moi, est-ce qu'il y aura véritablement quelque chose cette nuit?[2] — сказал Гальцин, лежа с Калугиным на окошке и глядя на бомбы, которые поднимались над бастионами.

---

[1] [Ну, господа, нынче ночью, кажется, будет жарко,]

[2] [Нет, скажите: правда, нынче ночью что-нибудь будет?]

— Тебе я могу рассказать — видишь ли — ведь ты был на бастионах? (Гальцин сделал знак согласия, хотя он был только раз на одном 4-м бастионе). Так против нашего люнета была траншея, — и Калугин, как человек неспециальный, хотя и считавший свои военные суждения весьма верными, начал, немного запутанно и перевирая фортификационные выражения, рассказывать положение наших и неприятельских работ и план предполагавшегося дела.

— Однако, начинают попукивать около ложементов. Ого! Это наша или *его*? вон лопнула, — говорили они, лежа на окне, глядя на огненные линии бомб, скрещивающиеся в воздухе, на молнии выстрелов, на мгновение освещавшие темно-синее небо, и белый дым пороха, и прислушиваясь к звукам всё усиливающейся и усиливающейся стрельбы.

— Quel charmant coup d'œil![1] а? — сказал Калугин, обращая внимание своего гостя на это действительно красивое зрелище. — Знаешь, звезды не различишь от бомбы иногда.

— Да, я сейчас думал, что это звезда, а она опустилась, вот лопнула, а эта большая звезда — как ее зовут? — точно как бомба.

— Знаешь, я до того привык к этим бомбам, что, я уверен, в России в звездную ночь мне будет казаться, что это всё бомбы: так привыкнешь.

— Однако не пойти ли мне на эту вылазку? — сказал князь Гальцин, после минутного молчания, содрогаясь при одной мысли быть *там* во время такой страшной канонады и с наслаждением думая о том, что его ни в каком случае не могут послать туда ночью.

— Полно, братец! и не думай, да и я тебя не пущу, — отвечал Калугин, очень хорошо зная однако, что Гальцин ни за что не пойдет туда. — Еще успеешь, братец!

— Серьезно? Так думаешь, что не надо ходить? А? —

В это время в том направлении, по которому смотрели эти господа, за артиллерийским гулом послышалась ужасная трескотня ружей, и тысячи маленьких огней, беспрестанно вспыхивая, заблестели по всей линии.

— Вот оно когда пошло настоящее! — сказал Калугин. — Этого звука ружейного я слышать не могу хладнокровно,

---

[1] [Какой красивый вид!]

как-то знаешь, за душу берет. Вон и «ура», — прибавил он, прислушиваясь к дальнему протяжному гулу сотен голосов: «а-а-а-а-а-а-а-а!» — доносившихся до него с бастиона.

— Чье это «ура»? их или наше?

— Не знаю, но это уж рукопашная пошла, потому что стрельба затихла.

В это время под окном, к крыльцу, подскакал ординарец офицер с казаком и слез с лошади.

— Откуда?

— С бастиона. Генерала нужно.

— Пойдемте. Ну что?

— Атаковали ложементы, — заняли — французы подвели огромные резервы — атаковали наших — было только два батальона, — говорил, запыхавшись, тот же самый офицер, который приходил вечером, с трудом переводя дух, но совершенно развязно направляясь к двери.

— Что ж, отступили? — спросил Гальцин.

— Нет, — сердито отвечал офицер: — подоспел батальон, отбили, но полковой командир убит, офицеров много, приказано просить подкрепления...

И с этими словами он прошел к генералу, куда уже мы не последуем за ним.

Через 5 минут Калугин уже сидел верхом на казачьей лошадке (и опять той особенной quasi-казацкой посадкой, в которой, я замечал, все адъютанты видят почему-то что-то особенно приятное) и рысцой ехал на бастион, с тем чтобы по приказанию генерала передать туда некоторые приказания и дождаться известий об окончательном результате дела; а князь Гальцин, под влиянием того тяжелого волнения, которое производят обыкновенно близкие признаки дела на зрителя, не принимающего в нем участия, вышел на улицу и без всякой цели стал взад и вперед ходить по ней.

6.

Толпы солдат несли на носилках и вели под руки раненых. На улице было совершенно темно; только редко, редко где светились окна в гошпитале или у засидевшихся офицеров. С бастионов доносился тот же грохот орудий и ружейной перепалки, и те же огни вспыхивали на черном небе. Изредка

слышался топот лошади проскакавшего ординарца, стон раненого, шаги и говор носильщиков или женский говор испуганных жителей, вышедших на крылечко посмотреть на канонаду.

В числе последних был и знакомый нам Никита, старая матроска, с которой он помирился уже, и 10-ти летняя дочь ее.

— Господи, Мати Пресвятыя Богородицы!—говорила в себя и вздыхая старуха, глядя на бомбы, которые, как огненные мячики, беспрестанно перелетали с одной стороны на другую: — страсти-то, страсти какие! И-и-хи-хи. Такого и в первую бандировку не было. Вишь, где лопнула проклятая — прямо над нашим домом в слободке.

— Нет, это дальше, к тетиньке Аринке в сад всё попадают, — сказала девочка.

— И где-то, где-то барин мой таперича? — сказал Никита нараспев и еще пьяный немного. — Уж как я люблю евтого барина своего, так сам не знаю. Он меня бьеть, а всё-таки я его ужасно как люблю. Так люблю, что если, избави Бог, да убьют его грешным делом, так, верите ли тетинька, я после евтого сам не знаю, что могу над собой произвести. Ей Богу! Уж такой барин, что одно слово! Разве с евтими сменить, что тут в карты играють — это что — тьфу! одно слово! — заключил Никита, указывая на светящееся окно комнаты барина, в которой, во время отсутствия штабс-капитана, юнкер Жвадческий позвал к себе на кутеж, по случаю получения креста, гостей: подпоручика Угровича и поручика Непшитшетского, того самого, которому надо было итти на бастион и который был нездоров флюсом.

— Звездочки-то, звездочки так и катятся! — глядя на небо, прервала девочка молчание, последовавшее за словами Никиты, — вон, вон еще скатилась! к чему это так? а маынька?

— Совсем разобьют домишко наш, — сказала старуха вздыхая и не отвечая на вопрос девочки.

— А как мы нонче с дяинькой ходили туда, маынька, — продолжала певучим голосом разговорившаяся девочка, — так большущая такая ядро в самой комнатке подля шкапа лежит: она сенцы видно пробила да в горницу и влетела. Такая большущая, что не поднимешь.

— У кого были мужья, да деньги, так повыехали,—говорила старуха, — а тут — ох горе-то, горе, последний домишко и тот разбили. Вишь как, вишь как палит злодей! Господи, Господи!

— А как нам только выходить, как одна бомба приле-т-и-и-ит, как лопни-и-ит, как засыпи-и-ит землею, так даже чуть-чуть нас с дядинькой одним оскретком не задело.

— Крест ей за это надо, — сказал юнкер, который вместе с офицерами вышел в это время на крыльцо посмотреть на перепалку.

— Ты сходи до генерала, старуха, — сказал поручик Непшитшетский, трепля ее по плечу, — право!

— Pójdç na ulicę zobaczić, co tam nowego,[1] — прибавил он, спускаясь с лесенки.

— A my tym czasem napijmy siz wódki, bo coś dusza w pigty ucieka,[2] — сказал смеясь веселый юнкер Жвадческий.

7.

Всё больше и больше раненых на носилках и пешком, поддерживаемых одних другими и громко разговаривающих между собой, встречалось князю Гальцину.

— Как они подскочили, братцы мои, — говорил басом один высокий солдат, несший два ружья за плечами, — как подскочили, как крикнут: Алла, Алла![3] так так друг на друга и лезут. Одних бьешь, а другие лезут — ничего не сделаешь. Видимо невидимо... — Но в этом месте рассказа Гальцин остановил его.

— Ты с бастьона?

— Так точно, ваше благородие.

— Ну, что там было? Расскажи.

— Да что было? Подступила их, ваше благородие, *сила*, лезут на вал, да и шабаш. Одолели совсем, ваше благородие!

— Как одолели? да ведь вы отбили же?

— Где тут отбить, когда *его* вся *сила* подошла: перебил всех наших, а сикурсу не подают. — (Солдат ошибался, потому что траншея была за нами, но это — странность, которую всякий может заметить: — солдат, раненый в деле, всегда считает его проигранным и ужасно кровопролитным.)

---

[1] Сходить на улицу, узнать, что там новенького.

[2] А мы тем часом кнаксик сделаем, а то что-то уж очень страшно.

[3] Наши солдаты, воюя с турками, так привыкли к этому крику врагов, что теперь всегда рассказывают, что французы тоже кричат «Алла!»

— Как же мне говорили, что отбили, — с досадой сказал Гальцин.

В это время поручик Непшитшетский, в темноте, по белой фуражке, узнав князя Гальцина и желая воспользоваться случаем, чтобы поговорить с таким важным человеком, подошел к нему.

— Не изволите ли знать, что это такое было? — спросил он учтиво, дотрогиваясь рукою до козырька.

— Я сам расспрашиваю, — сказал князь Гальцин и снова обратился к солдату с 2-мя ружьями: — может быть, после тебя отбили? Ты давно оттуда?

— Сейчас, ваше благородие! — отвечал солдат: — вряд ли, должно за ним траншея осталась,—совсем одолел.

— Ну, как вам не стыдно — отдали траншею. Это ужасно! — сказал Гальцин, огорченный этим равнодушием, — как вам не стыдно! — повторил он, отворачиваясь от солдата.

— О! это ужасный народ! вы их не изволите знать, — подхватил поручик Непшитшетский, — я вам скажу, от этих людей ни гордости, ни патриотизма, ни чувства лучше не спрашивайте. Вы вот посмотрите, эти толпы идут, ведь тут десятой доли нет раненых, а то всё *асистенты*, только бы уйти с дела. Подлый народ! — Срам так поступать, ребята, срам! Отдать *нашу* траншею! — добавил он, обращаясь к солдатам.

— Что ж, когда *сила!* — проворчал солдат.

— И! ваши благородия! — заговорил в это время солдат с носилок, поровнявшийся с ними, — как же не отдать, когда перебил всех почитай? Кабы наша сила была, ни в жисть бы не отдали. А то что̀ сделаешь? Я одного заколол, а тут меня как ударит..... О-ох, легче, братцы, ровнее, братцы, ровней иди... о-о-о! — застонал раненый.

— А в самом деле, кажется, много лишнего народа идет, — сказал Гальцин, останавливая опять того же высокого солдата с двумя ружьями. — Ты зачем идешь? Эй, ты, остановись!

Солдат остановился и левой рукой снял шапку.

— Куда ты идешь и зачем? — закричал он на него строго. — Него... — но в это время, совсем вплоть подойдя к солдату, он заметил, что правая рука его была за обшлагом и в крови выше локтя.

— Ранен, ваше благородие!

— Чем ранен?

— Сюда-то, должно, пулей, — сказал солдат, указывая на руку, — а уж здесь не могу знать, чем голову-то прошибло, — и он, нагнув ее, показал окровавленные и слипшиеся волоса на затылке.

— А ружье другое чье?

— Стуцер французской, ваше благородие, отнял; да я бы не пошел, кабы не евтого солдатика проводить, а то упадет неравно, прибавил он, указывая на солдата, который шел немного впереди, опираясь на ружье и с трудом таща и передвигая левую ногу.

— А ты *где* идешь, мерзавец! — крикнул поручик Непшитшетский на другого солдата, который попался ему навстречу, — желая своим рвением прислужиться важному князю. Солдат тоже был ранен.

Князю Гальцину вдруг ужасно стыдно стало за поручика Непшитшетского и еще больше за себя. Он почувствовал, что краснеет — что́ редко с ним случалось — отвернулся от поручика и, уже больше не расспрашивая раненых и не наблюдая за ними, пошел на перевязочный пункт.

С трудом пробившись на крыльце между пешком шедшими ранеными и носильщиками, входившими с ранеными и выходившими с мертвыми, Гальцин вошел в первую комнату, взглянул и тотчас же невольно повернулся назад и выбежал на улицу. Это было слишком ужасно!

8.

Большая, высокая темная зала — освещенная только 4 или 5-ю свечами, с которыми доктора подходили осматривать раненых, — была буквально полна. Носильщики беспрестанно вносили раненых, складывали их один подле другого на пол, на котором уже было так тесно, что несчастные толкались и мокли в крови друг друга, и шли за новыми. Лужи крови, видные на местах не занятых, горячечное дыхание нескольких сотен человек и испарение рабочих с носилками производили какой-то особенный тяжелый, густой, вонючий смрад, в котором пасмурно горели 4 свечи на различных концах залы. Говор разнообразных стонов, вздохов, хрипений, прерываемый иногда пронзительным криком, носился по всей комнате. Сестры, с спокойными лицами и с выражением не того пустого женского

болезненно-слезного сострадания, а деятельного практического участия, то там, то сям, шагая через раненых, с лекарством, с водой, бинтами, корпией, мелькали между окровавленными шинелями и рубахами. Доктора, с мрачными лицами и засученными рукавами, стоя на коленах перед ранеными, около которых фелдшера держали свечи, всовывали пальцы в пульные раны, ощупывая их, и переворачивали отбитые висевшие члены, несмотря на ужасные стоны и мольбы страдальцев. Один из докторов сидел около двери за столиком и в ту минуту, как в комнату вошел Гальцин, записывал уже 532-го.

— Иван Богаев, рядовой 3-й роты С. полка, fractura femoris complicata,[1] — кричал другой из конца залы, ощупывая разбитую ногу.—Переверни-ка его.

— О-ой, отцы мои, вы наши отцы! — кричал солдат, умоляя, чтоб его не трогали.

— Perforatio capitis.[2]

— Семен Нефердов, подполковник Н. пехотного полка. Вы немножко потерпите, полковник, а то этак нельзя, я брошу, — говорил третий, ковыряя каким-то крючком в голове несчастного подполковника.

— Ай, не надо! Ой, ради Бога, скорей, скорей, ради... а-а-а-а!

— Perforatio pectoris...[3] Севастьян Середа, рядовой... какого полка?..... впрочем, не пишите: moritur.[4] Несите его,— сказал доктор, отходя от солдата, который, закатив глаза, хрипел уже.....

Человек 40 солдат-носильщиков, дожидаясь ноши перевязанных в госпиталь и мертвых в часовню, стояли у дверей и, молча, изредка тяжело вздыхая, смотрели на эту картину.....

. . . . . .

9.

По дороге к бастьону Калугин встретил много раненых; но, по опыту зная, как в деле дурно действует на дух человека это зрелище, он не только не останавливался расспрашивать их, но напротив старался не обращать на них никакого внимания.

---

[1] [Осложненное раздробление бедра.]
[2] [Прободение черепа.]
[3] [Прободение грудной полости.]
[4] [Умирает.]

Под горой ему попался ординарец, который марш-марш скакал с бастьона.

— Зобкин! Зобкин! постойте на минутку.

— Ну, что?

— Вы откуда?

— Из ложементов.

— Ну как там? жарко?

— Ад! ужасно!

И ординарец поскакал дальше. Действительно, хотя ружейной стрельбы было мало, канонада завязалась с новым жаром и ожесточением.

«Ах, скверно!» подумал Калугин, испытывая какое-то неприятное чувство, и ему тоже пришло предчувствие, т. е. мысль очень обыкновенная — мысль о смерти. Но Калугин был не штабс-капитан Михайлов, он был самолюбив и одарен деревянными нервами, то, что называют, храбр, одним словом. — Он не поддался первому чувству и стал ободрять себя. Вспомнил про одного адъютанта, кажется, Наполеона, который, передав приказание, марш-марш, с окровавленной головой подскакал к Наполеону.

— Vous êtes blessé?[1] — сказал ему Наполеон.

— Je vous demande pardon, sire, je suis tué,[2] — и адъютант упал с лошади и умер на месте.

Ему показалось это прекрасным, и он вообразил себя даже немножко этим адъютантом, потом ударил лошадь плетью, принял еще более лихую *казацкую посадку*, оглянулся на казака, который, стоя на стременах, рысил за ним, и совершенным молодцом приехал к тому месту, где надо было слезать с лошади. Здесь он нашел 4-х солдат, которые, усевшись на камушки, курили трубки.

— Что вы здесь делаете? — крикнул он на них.

— Раненого отводили, ваше благородие, да отдохнуть присели, — отвечал один из них, пряча за спину трубку и снимая шапку.

— То-то отдохнуть! марш к своим местам, вот я полковому командиру скажу.

И он вместе с ними пошел по траншее в гору, на каждом шагу встречая раненых. Поднявшись в гору, он повернул в

---

[1] [Вы ранены?]

[2] [Извините, государь, я убит,]

траншею налево и, пройдя по ней несколько шагов, очутился совершенно один. Близехонько от него прожужжал осколок и ударился в траншею. — Другая бомба поднялась перед ним и, казалось, летела прямо на него. Ему вдруг сделалось страшно: он рысью пробежал шагов пять и упал на землю. Когда же бомба лопнула и далеко от него, ему стало ужасно досадно на себя, и он встал, оглядываясь, не видал ли кто-нибудь его падения, но никого не было.

Уже раз проникнув в душу, страх нескоро уступает место другому чувству: он, который всегда хвастался, что никогда не нагибается, ускоренными шагами и чуть-чуть не ползком пошел по траншее. «Ах, нехорошо!» подумал он, спотыкнувшись, «непременно убьют», и, чувствуя, как трудно дышалось ему, и как пот выступал по всему телу, он удивлялся самому себе, но уже не покушался преодолеть своего чувства.

Вдруг чьи-то шаги послышались впереди его. Он быстро разогнулся, поднял голову и, бодро побрякивая саблей, пошел уже не такими скорыми шагами, как прежде. Он не узнавал себя. Когда он сошелся с встретившимся ему саперным офицером и матросом, и первый крикнул ему: «ложитесь!» указывая на светлую точку бомбы, которая, светлее и светлее, быстрее и быстрее приближаясь, шлепнулась около траншеи, он только немного и невольно, под влиянием испуганного крика, нагнул голову и пошел дальше.

— Вишь, какой бравый! — сказал матрос, который преспокойно смотрел на падавшую бомбу и опытным глазом сразу расчел, что осколки ее не могут задеть в траншее: — и ложиться не хочет.

Уже несколько шагов только оставалось Калугину перейти через площадку до блиндажа командира бастиона, как опять на него нашло затмение и этот глупый страх; сердце забилось сильнее, кровь хлынула к голове, и ему нужно было усилие над собою, чтобы пробежать до блиндажа.

— Что вы так запыхались? — сказал генерал, когда он ему передал приказания.

— Шел скоро очень, ваше превосходительство!

— Не хотите ли вина стакан?

Калугин выпил стакан вина и закурил папиросу. Дело уже прекратилось, только сильная канонада продолжалась с обеих сторон. В блиндаже сидел генерал NN, командир бастиона и

еще человек 6 офицеров, в числе которых был и Праскухин, и говорили про разные подробности дела. Сидя в этой уютной комнатке, обитой голубыми обоями, с диваном, кроватью, столом, на котором лежат бумаги, стенными часами и образом, перед которым горит лампадка, глядя на эти признаки жилья и на толстые аршинные балки, составлявшие потолок, и слушая выстрелы, казавшиеся слабыми в блиндаже, Калугин решительно понять не мог, как он два раза позволил себя одолеть такой непростительной слабости; он сердился на себя, и ему хотелось опасности, чтобы снова испытать себя.

— А вот я рад, что и вы здесь, капитан, — сказал он морскому офицеру, в штаб-офицерской шинели, с большими усами и Георгием, который вошел в это время в блиндаж и просил генерала дать ему рабочих, чтобы исправить на его батарее две амбразуры, которые были засыпаны. — Мне генерал приказал узнать, — продолжал Калугин, когда командир батареи перестал говорить с генералом, — могут ли ваши орудия стрелять по траншее картечью?

— Одно только орудие может, — угрюмо отвечал капитан.

— Всё-таки пойдемте, посмотрим.

Капитан нахмурился и сердито крякнул.

— Уж я всю ночь там простоял, пришел хоть отдохнуть немного, — сказал он: — нельзя ли вам одним сходить? там мой помощник, лейтенант Карц, вам всё покажет.

Капитан уже 6 месяцев командовал этой одной из самых опасных батарей, — и даже, когда не было блиндажей, — не выходя, с начала осады жил на бастионе и между *моряками* имел репутацию храбрости. Поэтому-то отказ его особенно поразил и удивил Калугина.

«Вот репутации!» подумал он.

— Ну, так я пойду один, если вы позволите, — сказал он несколько насмешливым тоном капитану, который, однако, не обратил на его слова никакого внимания.

Но Калугин не сообразил того, что он в разные времена всего-на-всего провел часов 50 на бастионах, тогда как капитан жил там 6 месяцев. Калугина еще возбуждали тщеславие — желание блеснуть, надежда на награды, на репутацию и прелесть риска; капитан же уж прошел через всё это — сначала тщеславился, храбрился, рисковал, надеялся на награды и репутацию и даже приобрел их, но теперь уже все эти

побудительные средства потеряли для него силу, и он смотрел на дело иначе: исполнял в точности свою обязанность, но, хорошо понимая, как мало ему оставалось случайностей жизни, после 6-ти месячного пребывания на бастьоне, уже не рисковал этими случайностями без строгой необходимости, так что молодой лейтенант, с неделю тому назад поступивший на батарею и показывавший теперь ее Калугину, с которым они бесполезно друг перед другом высовывались в амбразуры и вылезали на банкеты, казался в десять раз храбрее капитана.

Осмотрев батарею и направляясь назад к блиндажу, Калугин наткнулся в темноте на генерала, который с своими ординарцами шел на вышку.

— Ротмистр Праскухин! — сказал генерал: — сходите пожалуйста в правый ложемент и скажите 2-му батальону М. полка, который там на работе, чтоб он оставил работу, не шумя вышел оттуда и присоединился бы к своему полку, который стоит под горой в резерве. Понимаете? Сами отведите к полку.

— Слушаю-с.

И Праскухин рысью побежал к ложементу. Стрельба становилась реже.

— Это 2-й батальон М. полка? — спросил Праскухин, прибежав к месту и наткнувшись на солдата, который в мешке на спине нес землю.

— Так точно-с.

— Где командир?

Михайлов, полагая, что спрашивают ротного командира, вылез из своей ямочки и, принимая Праскухина за начальника, руку к козырьку, подошел к нему.

— Генерал приказал.... вам.. извольте итти..... поскорей.. и главное потише... назад, не назад, а к резерву, — говорил Праскухин, искоса поглядывая по направлению огней неприятеля.

Узнав Праскухина, опустив руку и разобрав в чем дело, Михайлов передал приказанье, и батальон весело зашевелился, забрал ружья, надел шинели и двинулся.

Кто не испытал, тот не может вообразить себе того наслаждения, которое ощущает человек, уходя, после 3-х часов бомбардированья, из такого опасного места, как ложементы. Михайлов, в эти три часа уже несколько раз считавший свой

конец неизбежным и несколько раз успевший перецеловать все образа, которые были на нем, под конец успокоился немного, под влиянием того убеждения, что ежели так много бомб и ядер пролетело, не задев его, отчего же теперь заденет? Несмотря ни на что однако, ему большого труда стоило удержать свои ноги, чтобы они не бежали, когда он перед ротой, рядом с Праскухиным, вышел из ложментов.

— До свидания, — сказал ему майор, командир другого батальона, который оставался в ложементах, и с которым они вместе закусывали мыльным сыром, сидя в ямочке около бруствера: — счастливого пути.

— И вам желаю счастливо отстоять; теперь, кажется, затихло.

Но только что он успел сказать это, как неприятель, должно быть заметив движение в ложементах, стал палить чаще и чаще. Наши стали отвечать ему, и опять поднялась сильная канонада. Звезды высоко, но не ярко блестели на небе; ночь была темна, — хоть глаз выколи, — только огни выстрелов и разрыва бомб мгновенно освещали предметы. Солдаты шли скоро и молча и невольно перегоняя друг друга; только слышны были за беспрестанными раскатами выстрелов мерный звук их шагов по сухой дороге, звук столкнувшихся штыков или вздох и молитва какого-нибудь робкого солдатика: — «Господи, Господи! что это такое!» Иногда поражал стон раненого и крик: «носилки!» (В роте, которой командовал Михайлов, от одного артиллерийского огня выбыло в ночь 26 человек.) Вспыхивала молния на мрачном далеком горизонте, часовой с бастиона кричал: «пу-ушка!» и ядро, жужжа над ротой, взрывало землю и взбрасывало камни.

«Чорт возьми! как они тихо идут — думал Праскухин, беспрестанно оглядываясь назад, шагая подле Михайлова, — право, лучше побегу вперед, ведь я передал приказанье... Впрочем нет, ведь эта скотина может рассказывать потом, что я трус, почти так же, как я вчера про него рассказывал. Что будет, то будет — пойду рядом».

«И зачем он идет со мной, — думал с своей стороны Михайлов, — сколько я ни замечал, он всегда приносит несчастье; вот она еще летит прямо сюда, кажется».

Пройдя несколько сот шагов, они столкнулись с Калугиным, который, бодро, побрякивая саблей, шел к ложментам с тем,

чтобы, по приказанию генерала, узнать, как подвинулись там работы. Но, встретив Михайлова, он подумал, что, чем ему самому под этим страшным огнем итти туда, чего и не было ему приказано, он может расспросить всё подробно у офицера, который был там. И действительно Михайлов подробно рассказал про работы, хотя во время рассказа и не мало позабавил Калугина, который, казалось, никакого внимания не обращал на выстрелы, — тем, что при каждом снаряде, иногда падавшем и весьма далеко, присядал, нагибал голову и всё уверял, что «это прямо сюда».

— Смотрите, капитан, это прямо сюда, — сказал, подшучивая, Калугин и толкая Праскухина. Пройдя еще немного с ними, он повернул в траншею, ведущую к блиндажу. — «Нельзя сказать, чтобы он был очень храбр,— этот капитан»,— подумал он, входя в двери блиндажа.

— Ну, что новенького?—спросил офицер, который, ужиная, один сидел в комнате.

— Да ничего, кажется, что уж больше не будет.

— Как не будет? напротив, генерал сейчас опять пошел на вышку. Еще полк пришел. Да вот она, слышите? опять пошла ружейная. Вы не ходите. Зачем вам? — прибавил офицер, заметив движение, которое сделал Калугин.

«А мне, по настоящему, непременно надо там быть, — подумал Калугин, — но уж я и так нынче много подвергал себя. Надеюсь, что я нужен не для одной chair à canon».[1]

— И в самом деле я их лучше тут подожду, — сказал он.

Действительно минут через 5 генерал вернулся вместе с офицерами, которые были при нем; в числе их был и юнкер барон Пест, но Праскухина не было.

Ложементы были отбиты и заняты нами.

Получив подробные сведения о деле, Калугин вместе с Пестом, вышел из блиндажа.

11.

— У тебя шинель в крови: неужели ты дрался в рукопашном? — спросил его Калугин.

— Ах, братец, ужасно! можешь себе представить... И Пест стал рассказывать, как он вел всю роту, как ротный командир

[1] [пушечное мясо.]

[был] убит, как он заколол француза и что, ежели бы не он, то ничего бы не было и т. д.

Основания этого рассказа, что ротный командир был убит, и что Пест убил француза, были справедливы; но, передавая подробности, юнкер выдумывал и хвастал.

Хвастал невольно, потому что во время всего дела находясь в каком-то тумане и забытьи до такой степени, что всё, что̀ случилось, казалось ему случившимся где-то, когда-то и с кем-то, очень естественно, он старался воспроизвести эти подробности с выгодной для себя стороны. Но вот как это было действительно.

Батальон, к которому прикомандирован был юнкер для вылазки, часа два под огнем стоял около какой-то стенки, потом батальонный командир впереди сказал что-то, ротные командиры зашевелились, батальон тронулся, вышел из-за бруствера и, пройдя шагов 100, остановился, построившись в ротные колонны. Песту сказали, чтобы он стал на правом фланге 2-й роты.

Решительно не отдавая себе отчета, где и зачем он был, юнкер стал на место и с невольно сдержанным дыханием и холодной дрожью, пробегавшей по спине, бессознательно смотрел вперед в темную даль, ожидая чего-то страшного. Ему впрочем не столько страшно было, потому что стрельбы не было, сколько дико, странно [было] подумать, что он находился вне крепости, в поле. Опять батальонный командир впереди сказал что-то. Опять шопотом заговорили офицеры, передавая приказания, и черная стена первой роты вдруг опустилась. Приказано было лечь. Вторая рота легла также, и Пест, ложась, наколол руку на какую-то колючку. Не лег только один командир 2-й роты, его невысокая фигура, с вынутой шпагой, которой он размахивал, не переставая говорить, двигалась перед ротой.

— Ребята! смотри, молодцами у меня! С ружей не палить, а штыками е..... их м... Когда я крикну «ура!» за мной и не отставать е..... вашу м..... Дружней, главное дело... покажем себя, не ударим лицом в грязь, а, ребята? За царя, за батюшку! — говорил он, пересыпая свои слова ругательствами и ужасно размахивая руками.

— Как фамилия нашего ротного командира? — спросил Пест у юнкера, который лежал рядом с ним, — какой он храбрый!

— Да, как в дело, всегда — мертвецки, — отвечал юнкер, — Лисинковский его фамилия.

В это время перед самой ротой мгновенно вспыхнуло пламя, раздался ужаснейший треск, оглушил всю роту, и высоко в воздухе зашуршели камни и осколки (по крайней мере секунд через 50 один камень упал сверху и отбил ногу солдату). Это была бомба с *элевационного станка*, и то, что она попала в роту, доказывало, что французы заметили колонну.

— Бомбами пужать! сук[ин] сын е..... твою м... Дай только добраться, тогда попробуешь штыка трехгранного русского, проклятый! — заговорил ротный командир так громко, что батальонный командир должен был приказать ему молчать и не шуметь так много.

Вслед за этим первая рота встала, за ней вторая — приказано было взять ружья на перевес, и батальон пошел вперед. Пест был в таком страхе, что он решительно не помнил, долго ли? куда? и кто, на что? Он шел, как пьяный. Но вдруг со всех сторон заблестело миллион огней, засвистело, затрещало что-то; он закричал и побежал куда-то, потому что все бежали и все кричали. Потом он спотыкнулся и упал на что-то — это был ротный командир (который был ранен впереди роты и, принимая юнкера за француза, схватил его за ногу). Потом, когда он вырвал ногу и приподнялся, на него в темноте спиной наскочил какой-то человек и чуть опять не сбил с ног, другой человек кричал: *«коли его! что смотришь?»* Кто-то взял ружье и воткнул штык во что-то мягкое. «A moi, camarades! Ah, sacré b..... Ah! Dieu!»[1] — закричал кто-то страшным пронзительным голосом, и тут только Пест понял, что он заколол француза. Холодный пот выступил у него по всему телу, он затрясся, как в лихорадке, и бросил ружье. Но это продолжалось только одно мгновение; ему тотчас же пришло в голову, что он герой. Он схватил ружье и, вместе с толпой, крича «ура», побежал прочь от убитого француза, с которого тут же солдат стал снимать сапоги. Пробежав шагов 20, он прибежал в тришею. Там были наши и батальонный командир.

— А я заколол одного! — сказал он батальонному командиру.

— *Молодцом, барон* . . . . . .

. . . . . .

---

[1] [«Ко мне, товарищи! О, чорт! О, Господи!»]

12.

— А, знаешь, Праскухин убит,—сказал Пест, провожая Калугина, который шел к дому.

— Не может быть!

— Как же, я сам его видел.

— Прощай, однако, мне надо скорее.

«Я очень доволен,—думал Калугин, возвращаясь к дому,— в первый раз на мое дежурство счастие. Отличное дело, *я* — жив и цел,—представления будут отличные, и уж непременно золотая сабля. Да, впрочем, я и стою ее».

Доложив генералу всё, что нужно было, он пришел в свою комнату, в которой, уже давно вернувшись и дожидаясь его, сидел князь Гальцин, читая «Splendeur et misères des courtisanes»,[1] которую нашел на столе Калугина.

С удивительным наслаждением Калугин почувствовал себя дома, вне опасности, и, надев ночную рубашку, лежа в постели уж рассказал Гальцину подробности дела, передавая их весьма естественно, — с той точки зрения, с которой подробности эти доказывали, что он, Калугин, весьма дельный и храбрый офицер, на что, мне кажется, излишне бы было намекать, потому что это все знали и не имели никакого права и повода сомневаться, исключая, может быть, покойника ротмистра Праскухина, который, несмотря на то, что, бывало, считал за счастие ходить под руку с Калугиным, вчера только по секрету рассказывал одному приятелю, что Калугин очень хороший человек, но, между нами будь сказано, ужасно не любит ходить на бастионы.

Только что Праскухин, идя рядом с Михайловым, разошелся с Калугиным и, подходя к менее опасному месту, начинал уже оживать немного, как он увидал молнию, ярко блеснувшую сзади себя, услыхал крик часового: «маркела!» и слова одного из солдат, шедших сзади: «как раз на батальон прилетит!» Михайлов оглянулся. Светлая точка бомбы, казалось, остановилась на своем зените — в том положении, когда решительно нельзя определить ее направления. Но это продолжалось

---

[1] [«Роскошь и убожество куртизанок,» *роман Бальзака*]. Одна из тех милых книг, которых развелось такая пропасть в последнее время и которые пользуются особенной популярностью почему-то между нашей молодежью.

только мгновение: бомба быстрее и быстрее, ближе и ближе, так что уже видны были искры трубки, и слышно роковое посвистывание, опускалась прямо в середину батальона.

— Ложись! — крикнул чей-то испуганный голос.

Михайлов упал на живот. Праскухин невольно согнулся до самой земли и зажмурился; он слышал только, как бомба где-то очень близко шлепнулась на твердую землю. Прошла секунда, показавшаяся часом — бомбу не рвало. Праскухин испугался, не напрасно ли он струсил, — может быть, бомба упала далеко, и ему только казалось, что трубка шипит тут же. Он открыл глаза и с самолюбивым удовольствием увидал, что Михайлов, которому он должен 12 р. с полтиной, гораздо ниже и около самых ног его, недвижимо, прижавшись к нему, лежал на брюхе. Но тут же глаза его на мгновение встретились с светящейся трубкой, в аршине от него, крутившейся бомбы.

Ужас — холодный, исключающий все другие мысли и чувства ужас — объял всё существо его; он закрыл лицо руками и упал на колена.

Прошла еще секунда, — секунда, в которую целый мир чувств, мыслей, надежд, воспоминаний промелькнул в его воображении.

«Кого убьет — меня или Михайлова? Или обоих вместе? А коли меня, то куда? в голову, так всё кончено; а ежели в ногу, то отрежут, и я попрошу, чтобы непременно с хлороформом,—и я могу еще жив остаться. А может быть одного Михайлова убьет, тогда я буду рассказывать, как мы рядом шли, его убило и меня кровью забрызгало. Нет, ко мне ближе — меня. Тут он вспомнил про 12 р., которые был должен Михайлову, вспомнил еще про один долг в Петербурге, который давно надо было заплатить; цыганский мотив, который он пел вечером, пришел ему в голову; женщина, которую он любил, явилась ему в воображении, в чепце с лиловыми лентами; человек, которым он был оскорблен 5 лет тому назад, и которому не отплатил за оскорбленье, вспомнился ему, хотя вместе, нераздельно с этими и тысячами других воспоминаний, чувство настоящего — ожидания смерти и ужаса — ни на мгновение не покидало его. «Впрочем, может быть, не лопнет» — подумал он и с отчаянной решимостью хотел открыть глаза. Но в это мгновение, еще сквозь закрытые веки, его глаза поразил красный огонь, и с страшным треском что-то толкнуло его в сере-

дину груди; он побежал куда-то, спотыкнулся на подвернувшуюся под ноги саблю и упал на бок.

«Слава Богу! я только контужен» — было его первою мыслью, и он хотел руками дотронуться до груди — но руки его казались привязанными, и какие-то тиски сдавливали голову. В глазах его мелькали солдаты — и он бессознательно считал их: «один, два, три солдата, а вот в подвернутой шинели офицер», думал он; потом молния блеснула в его глазах, и он думал, из чего это выстрелили: из мортиры или из пушки? Должно быть из пушки, а вот еще выстрелили, а вот еще солдаты — пять, шесть, семь солдат, идут всё мимо. Ему вдруг стало страшно, что они раздавят его; он хотел крикнуть, что он контужен, но рот был так сух, что язык прилип к нёбу, и ужасная жажда мучала его. Он чувствовал, как мокро было у него около груди — это ощущение мокроты напоминало о воде, и ему хотелось бы даже выпить то, чем это было мокро. «Верно, я в кровь разбился, как упал», — подумал он и, всё более и более начиная поддаваться страху, что солдаты, которые продолжали мелькать мимо, раздавят его, он собрал все силы и хотел закричать: «возьмите меня», но вместо этого застонал так ужасно, что ему страшно стало, слушая себя. Потом какие-то красные огни запрыгали у него в глазах, — и ему показалось, что солдаты кладут на него камни; огни всё прыгали реже и реже, камни, которые на него накладывали, давили его больше и больше. Он сделал усилие, чтобы раздвинуть камни, вытянулся и уже больше ничего не видел, не слышал, не думал и не чувствовал. Он был убит на месте осколком в середину груди.

13.

Михайлов, увидав бомбу, упал на землю и так же зажмурился, так же два раза открывал и закрывал глаза и так же, как и Праскухин, необъятно много передумал и перечувствовал в эти две секунды, во время которых бомба лежала неразорванною. Он мысленно молился Богу и всё твердил: «Да будет воля Твоя! И зачем я пошел в военную службу, — вместе с тем думал он — и еще перешел в пехоту, чтобы участвовать в кампании; не лучше ли было мне оставаться в уланском полку в городе Т., проводить время с моим другом Наташей.. ... а теперь вот что!» И он начал считать: раз, два, три, четыре,

загадывая, что ежели разорвет в чет, то он будет жив, — в нечет, то будет убит. «Всё кончено! — убит!» — подумал он, когда бомбу разорвало (он не помнил, в чет или нечет), и он почувствовал удар и жестокую боль в голове. «Господи, прости мои согрешения!», проговорил он, всплеснув руками, приподнялся и без чувств упал навзничь.

Первое ощущение, когда он очнулся, была кровь, которая текла по носу, и боль в голове, становившаяся гораздо слабее. «Это душа отходит,—подумал он,—что будет *там?* Господи! приими дух мой с миром. Только одно странно,—рассуждал он,—что, умирая, я так ясно слышу шаги солдат и звуки выстрелов».

— Давай носилки—эй! ротного убило!—крикнул над его головой голос, который он невольно узнал за голос барабанщика Игнатьева.

Кто-то взял его за плечи. Он попробовал открыть глаза и увидал над головой темно-синее небо, группы звезд и две бомбы, которые летели над ним, догоняя одна другую, увидал Игнатьева, солдат с носилками и ружьями, вал траншеи и вдруг поверил, что он еще не на том свете.

Он был камнем легко ранен в голову. Самое первое впечатление его было как будто сожаление: он так было хорошо и спокойно приготовился к переходу *туда*, что на него неприятно подействовало возвращение к действительности, с бомбами, траншеями, солдатами и кровью; второе впечатление его была бессознательная радость, что он жив, и третье — страх и желание уйти поскорее с бастьона. Барабанщик платком завязал голову своему командиру и, взяв его под руку, повел к перевязочному пункту.

«Куда и зачем я иду, однако?» — подумал штабс-капитан, когда он опомнился немного. — «Мой долг оставаться с ротой, а не уходить вперед, тем более, что и рота скоро выйдет из-под огня, — шепнул ему какой-то голос, — а с раной остаться в деле — непременно награда.

— Не нужно, братец,—сказал он, вырывая руку от услужливого барабанщика, которому главное самому хотелось поскорее выбраться отсюда,—я не пойду на перевязочный пункт, а останусь с ротой.

И он повернул назад.

— Вам бы лучше перевязаться, ваше благородие, как сле-

дует,— сказал робкий Игнатьев: — ведь это сгоряча она только оказывает, что ничего, а то хуже бы не сделать, ведь тут вон какая жарня идет... право, ваше благородие.

Михайлов остановился на минуту в нерешительности и, кажется, последовал бы совету Игнатьева, ежели бы не вспомнилась ему сцена, которую он на-днях видел на перевязочном пункте: офицер с маленькой царапиной на руке пришел перевязываться, и доктора улыбались, глядя на него и даже один — с бакенбардами — сказал ему, что он никак не умрет от этой раны, и что вилкой можно больней уколоться.

— Может быть, так же недоверчиво улыбнутся и моей ране, да еще скажут что-нибудь, — подумал штабс-капитан и решительно, несмотря на доводы барабанщика, пошел назад к роте.

— А где ординарец Праскухин, который шел со мной? — спросил он прапорщика, который вел роту, когда они встретились.

— Не знаю, убит, кажется, — неохотно отвечал прапорщик, который, между прочим, был очень недоволен, что штабс-капитан вернулся и тем лишил его удовольствия сказать, что он один офицер остался в роте.

— Убит или ранен? как же вы не знаете, ведь он с нами шел. И отчего вы его не взяли?

— Где тут было брать, когда жарня этакая!

— Ах, как же вы это, Михал Иванович, — сказал Михайлов сердито: — как же бросить, ежели он жив; да и убит, так всё-таки тело надо было взять,— как хотите, ведь он ординарец генерала и еще жив, может.

— Где жив, когда я вам говорю, я сам подходил и видел,— сказал прапорщик. — Помилуйте! только бы своих уносить. Вон стерва! ядрами теперь стал пускать,— прибавил он, присядая. Михайлов тоже присел и схватился за голову, которая от движенья ужасно заболела у него.

— Нет, непременно надо сходить взять: может быть, он еще жив,— сказал Михайлов.— Это наш *долг*, Михайло Иваныч!

Михайло Иваныч не отвечал.

«Вот ежели бы он был хороший офицер, он бы взял тогда, а теперь надо солдат посылать одних; а и посылать как? под этим страшным огнем могут убить задаром», — думал Михайлов.

— Ребята! надо сходить назад — взять офицера, что ранен

там в канаве,—сказал он не слишком громко и повелительно, чувствуя, как неприятно будет солдатам исполнять это приказанье,—и действительно, так как он ни к кому именно не обращался, никто не вышел, чтобы исполнить его.

— Унтер-офицер! поди сюда.

Унтер-офицер, как будто не слыша, продолжал идти на своем месте.

«И точно, может, он уже умер и *не стоит* подвергать людей напрасно, а виноват один я, что не позаботился. Схожу сам, узнаю, жив ли он. Это мой *долг*»,— сказал сам себе Михайлов.

— Михал Иваныч! ведите роту, а я вас догоню,—сказал он и, одной рукой подобрав шинель, другой рукой дотрагиваясь беспрестанно до образка Митрофания угодника, в которого он имел особенную веру, почти ползком и дрожа от страха, рысью побежал по траншее.

Убедившись в том, что товарищ его был убит, Михайлов так же пыхтя, присядая и придерживая рукой сбившуюся повязку и голову, которая сильно начинала болеть у него, потащился назад. Батальон уже был под горой на месте и почти вне выстрелов, когда Михайлов догнал его. — Я говорю: *почти* вне выстрелов, потому что изредка залетали и сюда шальные бомбы (осколком одной в эту ночь убит один капитан, который сидел во время дела в матросской землянке).

«Однако, надо будет завтра сходить на перевязочный пункт записаться»,—подумал штабс-капитан, в то время как пришедший фельдшер перевязывал его,—«это поможет к представленью».

14.

Сотни свежих окровавленных тел людей, за 2 часа тому назад полных разнообразных, высоких и мелких надежд и желаний, с окоченелыми членами, лежали на росистой цветущей долине, отделяющей бастион от траншеи, и на ровном полу часовни Мертвых в Севастополе; сотни людей с проклятиями и молитвами на пересохших устах — ползали, ворочались и стонали, — одни между трупами на цветущей долине, другие на носилках, на койках и на окровавленном полу перевязочного пункта; а всё так же, как и в прежние дни, загорелась зарница над Сапун-горою, побледнели мерцающие звезды, по-

тянул белый туман с шумящего темного моря, зажглась алая заря на востоке, разбежались багровые длинные тучки по светло-лазурному горизонту, и всё так же, как и в прежние дни, обещая радость, любовь и счастье всему ожившему миру, выплыло могучее, прекрасное светило.

15.

На другой день вечером опять егерская музыка играла на бульваре, и опять офицеры, юнкера, солдаты и молодые женщины празднично гуляли около павильона и по нижним дорожкам из цветущих душистых белых акаций.

Калугин, князь Гальцин и какой-то полковник ходили под руки около павильона и говорили о вчерашнем деле. — Главною путеводительною нитью разговора, как это всегда бывает в подобных случаях, было не самое дело, а то участие, которое принимал, и храбрость, которую выказал рассказывающий в деле. Лица и звук голосов их имели серьезное, почти печальное выражение, как будто потери вчерашнего дела сильно трогали и огорчали каждого, но, сказать по правде, так как никто из них не потерял очень близкого человека (да и бывают ли в военном быту очень близкие люди?), это выражение печали было выражение официальное, которое они только считали обязанностью выказывать. Напротив, Калугин и полковник были бы готовы каждый день видеть такое дело, с тем, чтобы только каждый раз получать золотую саблю и генерал-майора, несмотря на то, что они были прекрасные люди. Я люблю, когда называют извергом какого-нибудь завоевателя, для своего честолюбия губящего миллионы. Да спросите по совести прапорщика Петрушова и поручика Антонова и т. д., всякий из них маленький Наполеон, маленький изверг и сейчас готов затеять сражение, убить человек сотню для того только, чтоб получить лишнюю звездочку или треть жалованья.

— Нет, извините, — говорил полковник, — прежде началось на левом фланге. *Ведь я был там.*

— А, может быть, — отвечал Калугин, — *я больше был на правом; я два раза туда ходил: один раз отъискивал генерала, а другой раз так, посмотреть ложементы пошел. Вот где жарко было.*

— Да уж верно Калугин знает, — сказал полковнику кн. Гальцин, — ты знаешь, *мне* нынче *В...* про тебя говорил, что ты молодцом.

— Потери только, потери ужасные, — сказал полковник тоном официальной печали: — *У меня в полку 400* человек выбыло. — Удивительно, *как я жив вышел оттуда.*

В это время навстречу этим господам, на другом конце бульвара, показалась лиловатая фигура Михайлова на стоптанных сапогах и с повязанной головой. Он очень сконфузился, увидав их: ему вспомнилось, как он вчера присядал перед Калугиным, и пришло в голову, как бы они не подумали, что он притворяется раненым. Так что ежели бы эти господа не смотрели на него, то он бы сбежал вниз и ушел бы домой с тем, чтобы не выходить до тех пор, пока можно будет снять повязку.

— Il fallait voir dans quel état je l'ai rencontré hier sous le feu,[1] улыбнувшись сказал Калугин в то время, как они сходились.

— Что, вы ранены, капитан? — сказал Калугин с улыбкой, которая значила: — «что вы видели меня вчера? каков я?»

— Да, немножко, камнем, — отвечал Михайлов, краснея и с выражением на лице, которое говорило: «видел и признаюсь, что вы молодец, а я очень, очень плох».

— Est-ce que le pavillon est baissé deja?[2] — спросил кн. Гальцин опять с своим высокомерным выражением, глядя на фуражку штабс-капитана и не обращаясь ни к кому в особенности.

— Non pas encore,[3] — отвечал Михайлов, которому хотелось показать, что он знает и поговорить по-французски.

— Неужели продолжается еще перемирие? — сказал Гальцин, учтиво обращаясь к нему по-русски и тем говоря — как это показалось штабс-капитану — что вам, должно быть, тяжело будет говорить по-французски, так не лучше ли уж просто?.. И с этим адъютанты отошли от него.

Штабс-капитан так же, как и вчера, почувствовал себя чрезвычайно одиноким и, поклонившись с разными господами — с одними не желая сходиться, а к другим не решаясь

---

[1] [Надо было видеть, в каком состоянии я его встретил вчера под огнем,]

[2] [Разве флаг уже спущен?]

[3] [Нет еще,]

подойти — сел около памятника Казарского и закурил папиросу.

Барон Пест тоже пришел на бульвар. Он рассказывал, что был на перемирьи и говорил с французскими офицерами, как-будто бы один французский офицер сказал ему: «S'il n'avait pas fait clair encore pendant une demi heure, les embuscades auraient été reprises»,[1] и как он отвечал ему: «Monsieur! Je ne dit pas non, pour ne pas vous donner un dementi»,[2] и как это хорошо он сказал и т. д.

В сущности же, хотя и был на перемирии, он не успел сказать там ничего очень умного, хотя ему и ужасно хотелось поговорить с французами (ведь это ужасно весело говорить с французами). Юнкер барон Пест долго ходил по линии и всё спрашивал французов, которые были близко к нему: «de quel régiment êtes-vous?»[3] Ему отвечали и больше ничего. Когда же он зашел слишком далеко за линию, то французской часовой, не подозревая, что этот солдат знает по-французски, в третьем лице выругал его. «Il vient regarder nos travaux ce sacré c.....»[4] сказал он. Вследствие чего, не находя больше интереса на перемирии, юнкер барон Пест поехал домой и уже дорогой придумал те французские фразы, которые теперь рассказывал. На бульваре были и поручик Зобов, который громко разговаривал, и капитан Обжогов в растерзанном виде, и артиллерийский капитан, который ни в ком не заискивает, и счастливый в любви юнкер, и все те же вчерашние лица и всё с теми же вечными побуждениями лжи, тщеславия и легкомыслия. Недоставало только Праскухина, Нефердова и еще кой-кого, о которых здесь едва ли помнил и думал кто-нибудь теперь, когда тела их еще не успели быть обмыты, убраны и зарыты в землю, и о которых через месяц точно так же забудут отцы, матери, жены, дети, ежели они были, или не забыли про них прежде.

— А я его не узнал было, старика-то, — говорит солдат на уборке тел, за плечи поднимая перебитый в груди труп с огромной раздувшейся головой, почернелым глянцовитым лицом и

---

[1] [Если бы еще полчаса было темно, ложементы были бы вторично взяты.]

[2] [Я не говорю нет, только чтобы вам не противоречить.]

[3] [Какого вы полка?]

[4] [Он идет смотреть наши работы, этот проклятый...]

вывернутыми зрачками, — под спину берись, Морозка, а то, как бы не перервался. Ишь, дух скверный!»

«Ишь, дух скверный»! — вот всё, что осталось между людьми от этого человека . . . . . .

16.

На нашем бастионе и на французской траншее выставлены белые флаги, и между ними в цветущей долине, кучками лежат без сапог, в серых и синих одеждах, изуродованные трупы, которые сносят рабочие и накладывают на повозки. Ужасный тяжелый запах мертвого тела наполняет воздух. Из Севастополя и из французского лагеря толпы народа высыпали смотреть на это зрелище и с жадным и благосклонным любопытством стремятся одни к другим.

Послушайте, что говорят между собой эти люди.

Вот в кружке собравшихся около него русских и французов, молоденькой офицер, хотя плохо, но достаточно хорошо, чтоб его понимали, говорящий по-французски, рассматривает гвардейскую сумку.

— Э сеси пуркуа се уазо иси? — говорит он.

— Parce que c'est une giberne d'un régiment de la garde, Monsieur, qui porte l'aigle impérial.

— Э ву де ла гард?

— Pardon, Monsieur, du 6-ème de ligne.

— Э сеси у аште?[1] — спрашивает офицер, указывая на деревянную желтую сигарочницу, в которой француз курит папиросу.

— A Balaclave, Monsieur! C'est tout simple—en bois de palme.[2]

— Жоли! — говорит офицер, руководимый в разговоре не собственным произволом, но теми словами, которые он знает.

— Si vous voulez bien garder cela comme souvenir de cette rencontre, vous m'obligerez.[3] И учтивый француз выдувает папи-

---

[1] [— Почему эта птица здесь?
— Потому что это сумка гвардейского полка; у него императорский орел.
— А вы из гвардии?
— Нет, шестого линейного.
— А это где купили?]

[2] [В Балаклаве. Это просто из пальмового дерева.]

[3] [Вы меня обяжете, если оставите себе эту вещь на память о нашей встрече.]

роску и подает офицеру сигарочницу с маленьким поклоном. Офицер дает ему свою, и все присутствующие в группе как французы, так и русские кажутся очень довольными и улыбаются.

Вот пехотный бойкий солдат, в розовой рубашке и шинели в накидку, в сопровождении других солдат, которые, руки за спину, с веселыми, любопытными лицами, стоят за ним, подошел к французу и попросил у него огня закурить трубку. Француз разжигает и расковыривает трубочку и высыпает огня русскому.

— Табак *бун*, — говорит солдат в розовой рубашке, и зрители улыбаются.

— Oui, bon tabac, tabac turc, — говорит француз, — et chez vous tabac russe? bon?[1]

— Рус бун, — говорит солдат в розовой рубашке, причем присутствующие покатываются со смеху. — Франсе нет бун, бонжур, мусье, — говорит солдат в розовой рубашке, сразу уж выпуская весь свой заряд знаний языка, и треплет француза по животу и смеется. Французы тоже смеются.

— Il ne sont pas jolis ces b[êtes] de russes,[2] — говорит один зуав из толпы французов.

— De quoi de ce qu'ils rient donc?[3] — говорит другой черный, с итальянским выговором, подходя к нашим.

— Кафтан бун, — говорит бойкий солдат, рассматривая шитые полы зуава, и опять смеются.

— Ne sortez pas de la ligne, à vos places, sacré nom.....[4] — кричит французской капрал, и солдаты с видимым неудовольствием расходятся.

А вот в кружке французских офицеров, наш молодой кавалерийской офицер так и рассыпается французским парикмахерским жаргоном. Речь идет о каком-то comte Sazonoff, que j'ai beaucoup connu, m-r,[5] — говорит французский офицер с одним эполетом: — c'est un de ces vrais comtes russes, comme nous les aimons.[6]

---

[1] [Да, хороший табак, турецкий табак, — а у вас русский табак? хороший?]

[2] [Они не красивы, эти русские скоты,]

[3] [О чем это они смеются?]

[4] [Не выходи за черту, по местам, чорт возьми.....]

[5] [графе Сазонове, которого я хорошо знал, сударь,]

[6] [Это один из настоящих русских графов, из тех, которых мы любим.]

— Il y a un Sazonoff que j'ai connu, — говорит кавалерист, — mais il n'est pas comte, a moins que je sache, un petit brun de votre âge à peu près.

— C'est ça, m-r, c'est lui. Oh que je voudrais le voir ce cher comte. Si vous le voyez, je vous pris bien de lui faire mes compliments. — Capitaine Latour,[1] — говорит он, кланяясь.

— N'est ce pas terrible la triste besogne, que nous faisons? Ça chauffait cette nuit, n'est-ce pas?[2] — говорит кавалерист, желая поддержать разговор и указывая на трупы.

— Oh, m-r, c'est affreux! Mais quels gaillards vos soldats, quels gaillards! C'est un plaisir que de se battre contre des gaillards comme eux. — Il faut avouer que les vôtres ne se mouchent pas du pied non plus,[3] — говорит кавалерист, кланяясь и воображая, что он удивительно умен. Но довольно.

Посмотрите лучше на этого 10-летнего мальчишку, который в старом — должно быть, отцовском картузе, в башмаках на босу ногу и нанковых штанишках, поддерживаемых одною помочью, с самого начала перемирья вышел за вал и всё ходил по лощине, с тупым любопытством глядя на французов и на трупы, лежащие на земле, и набирал полевые голубые цветы, которыми усыпана эта роковая долина. Возвращаясь домой с большим букетом, он, закрыв нос от запаха, который наносило на него ветром, остановился около кучки снесенных тел и долго смотрел на один страшный, безголовый труп, бывший ближе к нему. Постояв недвижно довольно долго, он подвинулся ближе и дотронулся ногой до вытянутой окоченевшей руки трупа. Рука покачнулась немного. Он тронул ее еще раз и крепче. Рука покачнулась и опять стала на свое место. Мальчик вдруг вскрикнул, спрятал лицо в цветы и во весь дух побежал прочь к крепости.

---

[1] [— Я знал одного Сазонова, — говорит кавалерист, — но он, насколько я знаю, не граф, небольшого роста брюнет, приблизительно вашего возраста.

— Это так, это он. О, как я хотел бы видеть этого милого графа. Если вы его увидите, очень прошу передать ему мой привет.—Капитан Латур,]

[2] [Не правда ли, какое ужасное печальное дело мы делаем? Жарко было прошлой ночью, не правда ли?]

[3] [— О! это было ужасно! Но какие молодцы ваши солдаты, какие молодцы! Это удовольствие драться с такими молодцами!

— Надо признаться, что и ваши не ногой сморкаются,]

Да, на бастионе и на траншее выставлены белые флаги, цветущая долина наполнена смрадными телами, прекрасное солнце спускается с прозрачного неба к синему морю, и синее море, колыхаясь, блестит на золотых лучах солнца. Тысячи людей толпятся, смотрят, говорят и улыбаются друг другу. И эти люди — христиане, исповедующие один великой закон любви и самоотвержения, глядя на то, что они сделали, не упадут с раскаянием вдруг на колени перед Тем, Кто, дав им жизнь, вложил в душу каждого, вместе с страхом смерти, любовь к добру и прекрасному, и со слезами радости и счастия не обнимутся, как братья? Нет! Белые тряпки спрятаны — и снова свистят орудия смерти и страданий, снова льется честная, невинная кровь, и слышатся стоны и проклятия.

Вот я и сказал, что хотел сказать; но тяжелое раздумье одолевает меня. — Может, не надо было говорить этого. Может быть, то, что я сказал, принадлежит к одной из тех злых истин, которые бессознательно таясь в душе каждого, не должны быть высказываемы, чтобы не сделаться вредными, как осадок вина, который не надо взбалтывать, чтобы не испортить его.

Где выражение зла, которого должно избегать? Где выражение добра, которому должно подражать в этой повести? Кто злодей, кто герой ее? Все хороши и все дурны.

Ни Калугин с своей блестящей храбростью (bravoure de gentilhomme) и тщеславием, двигателем всех поступков, ни Праскухин пустой, безвредный человек, хотя и павший *на брани за веру, престол и отечество*, ни Михайлов с своей робостью и ограниченным взглядом, ни Пест, — ребенок без твердых убеждений и правил, не могут быть ни злодеями, ни героями повести.

Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его, и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда.

1855 года, 26 июня.

*** СЕВАСТОПОЛЬ В АВГУСТЕ 1855 ГОДА.

1.

В конце августа по большой ущелистой севастопольской дороге, между Дуванкой[1] и Бахчисараем, шагом, в густой и жаркой пыли ехала офицерская тележка (та особенная, больше нигде не встречаемая тележка, составляющая нечто среднее между жидовской бричкой, русской повозкой и корзинкой).

В повозке — спереди на корточках сидел денщик в нанковом сюртуке и сделавшейся совершенно мягкой бывшей офицерской фуражке, подергивавший возжами; — сзади на узлах и вьюках, покрытых попонкой, сидел пехотный офицер в летней шинели. Офицер был, сколько можно было заключить о нем в сидячем положении, не высок ростом, но чрезвычайно широк, и не столько от плеча до плеча, сколько от груди до спины; он был широк и плотен, шея и затылок были у него очень развиты и напружены, так называемой талии — перехвата в середине туловища — у него не было, но и живота тоже не было, напротив он был скорее худ, особенно в лице, покрытом нездоровым желтоватым загаром. Лицо его было бы красиво, ежели бы не какая-то одутловатость и мягкие, нестарческие, крупные морщины, сливавшие и увеличивавшие черты и дававшие всему лицу общее выражение несвежести и грубости. Глаза у него были небольшие карие, чрезвычайно бойкие, даже наглые; усы очень густые, но не широкие, и обкусанные; а подбородок и особенно скулы покрыты были чрезвычайно крепкой, частой и черной двухдневной бородой. Офицер был ранен 10 мая осколком в голову, на которой еще до сих пор

[1] Последняя станция к Севастополю.

он носил повязку, и теперь, чувствуя себя уже с неделю совершенно здоровым, из Симферопольского госпиталя ехал к полку, который стоял где-то там, откуда слышались выстрелы, — но в самом ли Севастополе, на Северной или на Инкермане, он еще ни от кого не мог узнать хорошенько. Выстрелы уже слышались, особенно иногда, когда не мешали горы, или доносил ветер, чрезвычайно ясно, часто и, казалось, близко: то как будто взрыв потрясал воздух и невольно заставлял вздрагивать, то быстро друг за другом следовали менее сильные звуки, как барабанная дробь, перебиваемая иногда поразительным гулом, то всё сливалось в какой-то перекатывающийся треск, похожий на громовые удары, когда гроза во всем разгаре, и только что полил ливень. Все говорили, да и слышно было, что бомбардированье идет ужасное. Офицер погонял денщика: ему, казалось, хотелось как можно скорей приехать. Навстречу шел большой обоз русских мужиков, привозивших провиант в Севастополь, и теперь шедший оттуда, наполненный больными и ранеными солдатами в серых шинелях, матросами в черных пальто, греческими волонтерами в красных фесках и ополченцами с бородами. Офицерская повозочка должна была остановиться, и офицер, щурясь и морщась от пыли, густым, неподвижным облаком поднявшейся на дороге, набивавшейся ему в глаза и уши и липнувшей на потное лицо, с озлобленным равнодушием смотрел на лица больных и раненых, двигавшихся мимо него.

— А это с нашей роты солдатик слабый, — сказал денщик, оборачиваясь к барину и указывая на повозку, наполненную ранеными, в это время поровнявшуюся с ними.

На повозке спереди сидел боком русский бородач в поярковой шляпе и, локтем придерживая кнутовище, связывал кнут. За ним в телеге тряслись человек пять солдат в различных положениях. Один, с подвязанной какой-то веревочкой рукой, с шинелью в накидку, на весьма грязной рубахе, хотя худой и бледный, сидел бодро в середине телеги и взялся было за шапку, увидав офицера, но потом, вспомнив верно, что он раненый, сделал вид, что он только хотел почесать голову. Другой, рядом с ним, лежал на самом дне повозки; видны были только две исхудалые руки, которыми он держался за грядки повозки, и поднятые колени, как мочалы, мотавшиеся в разные стороны. Третий, с опухшим лицом и обвязанной головой,

на которой сверху торчала солдатская шапка, сидел с боку, спустив ноги к колесу, и, облокотившись руками на колени, дремал, казалось. К нему-то и обратился проезжий офицер.

— Должников! — крикнул он.

— Я-о, — отвечал солдат, открывая глаза и снимая фуражку, таким густым и отрывистым басом, как будто человек 20 солдат крикнули вместе.

— Когда ты ранен, братец?

Оловянные, заплывшие глаза солдата оживились: он видимо узнал своего офицера.

— Здравия желаем, вашбородие! — тем же отрывистым басом крикнул он.

— Где нынче полк стоит?

— В Сивастополе стояли; в середу переходить хотели, вашбродие!

— Куда?

— Неизвестно... должно, на Сиверную, вашбородие! Нынче, вашбородие, — прибавил он протяжным голосом и надевая шапку, — уже скрость палить стал, всё больше с бомбов, ажно в бухту доносить; нынче так бьеть, что бяда, ажно...

Дальше нельзя было слышать, что говорил солдат; но по выражению его лица и позы видно было, что он, с некоторой злобой страдающего человека, говорит вещи неутешительные.

Проезжий офицер, — поручик Козельцов, был офицер недюжинный. Он был не из тех, которые живут так-то и делают то-то, а не делают того-то потому, что так живут и делают другие: он делал всё, что ему хотелось, а другие уж делали, что он, и были уверены, что это хорошо. Его натура была довольно богата; он был не глуп и вместе с тем талантлив, хорошо пел, играл на гитаре, говорил очень бойко и писал весьма легко, особенно казенные бумаги, на которые набил руку в свою бытность полковым адъютантом; но более всего замечательна была его натура самолюбивой энергией, которая, хотя и была более всего основана на этой мелкой даровитости, была сама по себе черта резкая и поразительная. У него было одно из тех самолюбий, которое до такой степени слилось с жизнью и которое чаще всего развивается в одних мужских и особенно военных кружках, что он не понимал другого выбора, как первенствовать или уничтожаться, и что самолюбие было двигателем даже

его внутренних побуждений: он сам с собой любил первенствовать над людьми, с которыми себя сравнивал.

— Как же! очень буду слушать, что Москва[1] болтает! — пробормотал поручик, ощущая какую-то тяжесть апатии на сердце и туманность мыслей, оставленных в нем видом транспорта раненых и словами солдата, значение которых невольно усиливалось и подтверждалось звуками бомбардированья. — *Смешная эта Москва*... Пошел, Николаев, трогай же... Что ты заснул! — прибавил он несколько ворчливо на денщика, поправляя полы шинели.

Возжи задергались, Николаев зачмокал, и повозочка покатилась рысью.

— Только покормим минутку и сейчас, нынче же дальше, — сказал офицер.

2.

Уже въезжая в улицу развалённых остатков каменных стен татарских домов Дуванкòй, поручик Козельцов снова был задержан транспортом бомб и ядер, шедшим в Севастополь и столпившимся на дороге. Повозка принуждена была остановиться.

Два пехотных солдата сидели в самой пыли на камнях развалённого забора, около дороги, и ели арбуз с хлебом.

— Далече идете, землячок? — сказал один из них, пережевывая хлеб, солдату, который с небольшим мешком за плечами остановился около них.

— В роту идем из губерни, — отвечал солдат, глядя в сторону от арбуза и поправляя мешок за спиной. — Мы вот, почитай что 3-ю неделю при сене ротном находились, а теперь вишь потребовали всех; да неизвестно, в каком месте полк находится в теперешнее время. Сказывали, что на Корабельную заступили наши на прошлой неделе. Вы не слыхали, господа?

— В городу, брат, стоит, в городу, — проговорил другой, старый фурштатский солдат, копавший с наслаждением складным ножом в неспелом, белёсом арбузе. Мы вот только с полдён оттеле идем. Такая страсть, братец ты мой, что и не ходи лучше, а здесь упади где-нибудь в сене, денек-другой пролежи — дело-то лучше будет.

---

[1] Во многих армейских полках офицеры полупрезрительно, полуласкательно называют солдата *Москва* или еще *присяга*.

— А что так, господа?

— Рази не слышишь, нынче кругом палит, аж и места целого нет. Что нашего брата перебил, и сказать нельзя.

И говоривший махнул рукой и поправил шапку.

Прохожий солдат задумчиво покачал головой, почмокал языком, потом достал из голенища трубочку, не накладывая ее, расковырял призженый табак, зажег кусочек трута у курившего солдата и приподнял шапочку.

— Никто, как Бог, господа! Прощенья просим! — сказал он и, встряхнув за спиною мешок, пошел по дороге.

— Эх, обождал бы лучше! — сказал убедительно-протяжно ковырявший арбуз.

— Всё одно, — пробормотал прохожий, пролезая между колес столпившихся повозок; — видно, тоже харбуза купить повечерять, вишь что говорят люди.

3.

Станция была полна народом, когда Козельцов подъехал к ней. Первое лицо, встретившееся ему еще на крыльце, был худощавый, очень молодой человек, смотритель, который перебранивался с следовавшими за ним двумя офицерами.

— И не то что трое суток, и десятеро суток подождете! и генералы ждут, батюшка! — говорил смотритель с желанием кольнуть проезжающих, — а я вам не запрягусь же.

— Так никому не давать лошадей, коли нету!.. А зачем дал какому-то лакею с вещами? — кричал старший из двух офицеров, с стаканом чая в руках и видимо избегая местоимения, но давая чувствовать, что очень легко и *ты* сказать смотрителю.

— Ведь вы сами рассудите, господин смотритель, — говорил с запинками другой, молоденький офицерик, — нам не для своего удовольствия нужно ехать. Ведь мы тоже стало быть нужны, коли нас требовали. А то я право генералу Крамперу непременно это скажу. А то ведь это что ж... вы, значит, не уважаете офицерского звания.

— Вы всегда испортите! — перебил его с досадой старший: — вы только мешаете мне; надо уметь с ними говорить. Вот он и потерял уваженье. Лошадей сию минуту, я говорю!

— И рад бы, батюшка, да где их взять-то?

Смотритель помолчал немного и вдруг разгорячился и, размахивая руками, начал говорить:

— Я, батюшка, сам понимаю и всё знаю; да что станете делать! Вот дайте мне только (на лицах офицеров выразилась надежда)... дайте только до конца месяца дожить — и меня здесь не будет. Лучше на Малахов курган пойду, чем здесь оставаться. Ей Богу! Пусть делают как хотят, когда такие распоряжения: на всей станции теперь ни одной повозки крепкой нет, и клочка сена уж третий день лошади не видали.

И смотритель скрылся в воротах.

Козельцов вместе с офицерами вошел в комнату.

— Что ж,—совершенно спокойно сказал старший офицер младшему, хотя за секунду перед этим он казался разъяренным, — уж 3 месяца едем, подождем еще. Не беда—успеем.

Дымная, грязная комната была так полна офицерами и чемоданами, что Козельцов едва нашел место на окне, где и присел; вглядываясь в лица и вслушиваясь в разговоры, он начал делать папироску. Направо от двери, около кривого сального стола, на котором стояло два самовара с позеленелой кое-где медью, и разложен был сахар в разных бумагах, сидела главная группа: молодой безусый офицер в новом стеганом архалуке, наверное сделанном из женского капота, доливал чайник; человека 4 таких же молоденьких офицеров находились в разных углах комнаты: один из них, подложив под голову какую-то шубу, спал на диване; другой, стоя у стола, резал жареную баранину безрукому офицеру, сидевшему у стола. Два офицера, один в адъютантской шинели, другой в пехотной, но тонкой, и с сумкой через плечо, сидели около лежанки, и по одному тому, как они смотрели на других, и как тот, который был с сумкой, курил сигару, видно было, что они не фронтовые пехотные офицеры, и что они довольны этим. Не то, чтобы видно было презрение в их манере, но какое-то самодовольное спокойствие, основанное частью на деньгах, частью на близких сношениях с генералами — сознание превосходства, доходящее даже до желания скрыть его. Еще молодой губастый доктор и артиллерист с немецкой физиономией сидели почти на ногах молодого офицера, спящего на диване, и считали деньги. Человека 4 денщиков — одни дремали, другие возились с чемоданами и узлами около двери. Козельцов между всеми лицами не нашел ни одного знакомого; но он с любопытством стал вслушиваться в разговоры. Молодые офицеры, которые, как он тотчас же по одному виду решил, только

что ехали из корпуса, понравились ему и, главное, напомнили, что брат его, тоже из корпуса, на-днях должен был прибыть в одну из батарей Севастополя. В офицере же с сумкой, которого лицо он видел где-то, ему всё казалось противно и нагло. Он даже с мыслью: «осадить его, ежели бы он вздумал что-нибудь сказать», перешел от окна к лежанке и сел на нее. Козельцов вообще, как истый фронтовой и хороший офицер, не только не любил, но был возмущен против штабных, которыми он с первого взгляда признал этих двух офицеров.

4.

— Однако это ужасно как досадно, — говорил один из молодых офицеров, — что так уже близко, а нельзя доехать. Может быть, нынче дело будет, а нас не будет.

В пискливом тоне голоса и в пятновидном свежем румянце, набежавшем на молодое лицо этого офицера в то время, как он говорил, видна была эта милая молодая робость человека, который беспрестанно боится, что не так выходит его каждое слово.

Безрукий офицер с улыбкой посмотрел на него.

— Поспеете еще, поверьте, — сказал он.

Молодой офицерик с уважением посмотрел на исхудалое лицо безрукого, неожиданно просветлевшее улыбкой, замолчал и снова занялся чаем. Действительно в лице безрукого офицера, в его позе и особенно в этом пустом рукаве шинели выражалось много этого спокойного равнодушия, которое можно объяснить так, что при всяком деле или разговоре он смотрел, как будто говоря: «всё это прекрасно, всё это я знаю и всё могу сделать, ежели бы я захотел только».

— Как же мы решим, —сказал снова молодой офицер своему товарищу в архалуке, — почуем здесь или поедем на *своей* лошади?

Товарищ отказался ехать.

— Вы можете себе представить, капитан, — продолжал разливавший чай, обращаясь к безрукому и поднимая ножик, который уронил этот, — нам сказали, что лошади ужасно дороги в Севастополе, мы и купили сообща лошадь в Симферополе.

— Дорого, я думаю, с вас содрали?

— Право не знаю, капитан: мы заплатили с повозкой 90 рублей. Это очень дорого? — прибавил он, обращаясь ко всем и к Козельцову, который смотрел на него.

— Недорого, коли молодая лошадь,—сказал Козельцов.

— Не правда ли? А нам говорили, что дорого... Только она хромая немножко, только это пройдет, нам говорили. Но она крепкая такая.

— Вы из какого корпуса?—спросил Козельцов, который хотел узнать о б, а е.

— Мы теперь из Дворянского полка, нас 6 человек, мы все едем в Севастополь по собственному желанию,—говорил словоохотливый офицерик,—только мы не знаем, где наши баттареи: одни говорят, что в Севастополе, а вот они говорили, что в Одессе.

— А в Симферополе разве нельзя было узнать?—спросил Козельцов.

— Не знают... Можете себе представить, наш товарищ ходил там в канцелярию в одну; ему грубостей наговорили... можете себе представить, как неприятно. Угодно вам готовую папироску?—сказал он в это время безрукому офицеру, который хотел достать свою сигарочницу.

Он с каким-то подобострастным восторгом услуживал ему.

— А вы тоже из Севастополя? — продолжал он.—Ах, Боже мой, как это удивительно! Ведь как мы все в Петербурге думали об вас, обо всех героях!—сказал он, обращаясь к Козельцову с уважением и добродушной лаской.

— Как же, вам, может, назад придется ехать?—спросил поручик.

— Вот этого-то мы и боимся. Можете себе представить, что мы, как купили лошадь и обзавелись всем нужным—кофейник спиртовой и еще разные мелочи необходимые,—у нас денег совсем не осталось,—сказал он тихим голосом и оглядываясь на своего товарища,—так что ежели ехать назад, мы уж и не знаем, как быть.

— Разве вы не получили подъемных денег?—спросил Козельцов.

— Нет,—отвечал он шопотом,—только нам обещали тут дать.

— А свидетельство у вас есть?

— Я знаю, что главное — свидетельство; но мне в Москве сенатор один—он мне дядя,—как я у него был, он сказал, что тут дадут, а то бы он сам мне дал. Так дадут так?

— Непременно дадут.

— И я думаю, что, может быть, так дадут,—сказал он та-

ким тоном, который доказывал, что, спрашивая на 30 станциях одно и то же и везде получая различные ответы, он уже никому не верил хорошенько.

5.

— Да как же не дать, — сказал вдруг офицер, бранившийся на крыльце с смотрителем и в это время подошедший к разговаривающим и обращаясь отчасти и к штабным, сидевшим подле, как к более достойным слушателям. — Ведь я так же, как и эти господа, пожелал в действующую армию, даже в самый Севастополь просился от прекрасного места, и мне, кроме прогонов от П. 136 руб. сер., ничего не дали, а я уж своих больше 150 рублей издержал. Подумать только, 800 верст 3-й месяц еду. Вот с этими господами 2-й месяц. Хорошо, что у меня были свои деньги. Ну, а коли бы не было их?

— Неужели 3-й месяц? — спросил кто-то.

— А что прикажете делать, — продолжал рассказывающий. — Ведь ежели бы я не хотел ехать, я бы и не просился от хорошего места, так, стало быть, я не стал бы жить по дороге, уж не оттого, чтоб я боялся бы... а возможности никакой нет. В Перекопе, например, я 2 недели жил; смотритель с вами и говорить не хочет, — когда хотите поезжайте; одних курьерских подорожных вот сколько лежит. Уж, верно, так судьба... ведь я бы желал, да видно судьба; я ведь не оттого, что вот теперь бомбардированье, а, видно, торопись, не торопись, всё равно; а я бы как желал...

Этот офицер так старательно объяснял причины своего замедления и как будто оправдывался в них, что это невольно наводило на мысль, что он трусит. Это еще стало заметнее, когда он расспрашивал о месте нахождения своего полка и опасно ли там. Он даже побледнел, и голос его оборвался, когда безрукий офицер, который был в том же полку, сказал ему, что в эти два дня у них одних офицеров 17 человек выбыло.

Действительно, офицер этот в настоящую минуту был жесточайшим трусом, хотя 6 месяцев тому назад он далеко не был им. С ним произошел переворот, который испытали многие и прежде и после него. Он жил в одной из наших губерний, в которых есть кадетские корпуса, и имел прекрасное покойное место, но, читая в газетах и частных письмах о делах севастопольских героев, своих прежних това-

рищей, он вдруг возгорелся честолюбием и еще более патриотизмом.

Он пожертвовал этому чувству весьма многим—и обжитым местом, и квартеркой с мягкой мебелью, заведенной осьмилетним старанием, и знакомствами, и надеждами на богатую женитьбу,—он бросил всё и подал еще в феврале в действующую армию, мечтая о бессмертном венке славы и генеральских эполетах. Через 2 месяца после подачи прошенья, он *по команде* получил запрос, не будет ли он требовать вспомоществования от правительства. Он отвечал отрицательно и терпеливо продолжал ожидать определения, хотя патриотический жар уже успел значительно остыть в эти 2 месяца. Еще через 2 месяца он получил запрос, не принадлежит ли он к масонским ложам и еще подобного рода формальности и после отрицательного ответа наконец на 5-й месяц вышло его определение. Во всё это время приятели, а более всего то заднее чувство недовольства новым, которое является при каждой перемене положения, успели убедить его в том, что он сделал величайшую глупость, поступив в действующую армию. Когда же он очутился один, с изжогой и запыленным лицом, на 5-й станции, на которой он встретился с курьером из Севастополя, рассказавшим ему про ужасы войны, и прождал 12 часов лошадей,—он уже совершенно раскаивался в своем легкомыслии, с смутным ужасом думал о предстоящем и ехал бессознательно вперед, как на жертву. Чувство это в продолжение 3-месячного странствования по станциям, на которых почти везде надо было ждать и встречать едущих из Севастополя офицеров, с ужасными рассказами, постоянно увеличивалось и наконец довело до того бедного офицера, что из героя, готового на самые отчаянные предприятия, каким он воображал себя в П., в Дуванкòй он был жалким трусом и, съехавшись месяц тому назад с молодежью, едущей из корпуса, он старался ехать как можно тише, считая эти дни последними в своей жизни, на каждой станции разбирал кровать, погребец, составлял партию в преферанс, на жалобную книгу смотрел как на препровождение времени и радовался, когда лошадей ему не давали.

Он действительно бы был героем, ежели бы из П. попал прямо на бастионы, а теперь еще много ему надо было пройти моральных страданий, чтобы сделаться тем спокойным, терпеливым человеком в труде и опасности, каким мы привыкли

видеть русского офицера. Но энтузиазм уже трудно бы было воскресить в нем.

6.

— Кто борщу требовал? — провозгласила довольно грязная хозяйка, толстая женщина лет 40, с миской щей входя в комнату.

Разговор тотчас же замолк, и все, бывшие в комнате, устремили глаза на харчевницу. Офицер, ехавший из П., даже подмигнул на нее молодому офицеру.

— Ах, это Козельцов спрашивал, — сказал молодой офицер:—надо его разбудить. Вставай обедать,—сказал он, подходя к спящему на диване и толкая его за плечо.

Молодой мальчик, лет 17, с веселыми черными глазками и румянцем во всю щеку, вскочил энергически с дивана и, протирая глаза, остановился по середине комнаты.

— Ах, извините, пожалуйста,—сказал он серебристым звучным голосом доктору, которого толкнул, вставая.

Поручик Козельцов тотчас же узнал брата и подошел к нему.

— Не узнаешь?—сказал он, улыбаясь.

— А-а-а!—закричал меньшой брат,—вот удивительно!— и стал целовать брата.

Они поцеловались три раза, но на третьем разе зашнулись, как будто обоим пришла мысль: зачем же непременно нужно 3 раза?

— Ну, как я рад,—сказал старший, вглядываясь в брата.— Пойдем на крыльцо—поговорим.

— Пойдем, пойдем. Я не хочу борщу... ешь ты, Федерсон,— сказал он товарищу.

— Да ведь ты хотел есть.

— Не хочу ничего.

Когда они вышли на крыльцо, меньшой всё спрашивал у брата: «ну, что ты, как, расскажи», и всё говорил, как он рад его видеть, но сам ничего не рассказывал.

Когда прошло минут 5, во время которых они успели помолчать немного, старший брат спросил, отчего меньшой вышел не в гвардию, как этого все *наши* ожидали.

— Ах, да! — отвечал меньшой, краснея при одном воспоминании,—это ужасно меня убило, и я никак не ожидал, что это случится. Можешь себе представить,—перед самым вы-

пуском мы пошли втроем курить,—знаешь эту комнатку, что за швейцарской, ведь и при вас, верно, так же было,—только можешь вообразить, этот каналья сторож увидал и побежал сказать дежурному офицеру (и ведь мы несколько раз давали на водку сторожу), он и подкрался; только как мы его увидали, те побросали папироски и драло в боковую дверь,—знаешь, а мне уж некуда, он тут мне стал неприятности говорить, разумеется, я не спустил, ну, он сказал инспектору, и пошло. Вот за это-то поставили неполные баллы в поведеньи, хотя везде были отличные, только [из] механики 12, ну и пошло. Выпустили в армию. Потом обещали меня перевести в гвардию, да уж я не хотел и просился на войну.

— Вот как!

— Право, я тебе без шуток говорю, всё мне так гадко стало, что я желал поскорей в Севастополь. Да впрочем, ведь ежели здесь счастливо пойдет, так можно еще скорее выиграть, чем в гвардии: там в 10 лет в полковники, а здесь Тотлебен так в 2 года из подполковников в генералы. Ну а убьют,—так что же делать!

— Вот ты какой!—сказал брат, улыбаясь.

— А главное, знаешь ли что, брат,—сказал меньшой, улыбаясь и краснея, как будто сбирался сказать что-нибудь очень стыдное:—всё это пустяки; главное, я затем просил, что всё-таки как-то совестно жить в Петербурге, когда тут умирают за отечество. Да и с тобой мне хотелось быть,—прибавил он еще застенчивее.

— Какой ты смешной!—сказал старший брат, доставая папиросницу и не глядя на него.—Жалко только, что мы не вместе будем.

— А что, скажи по правде, страшно на бастионах?—спросил вдруг младший.

— Сначала страшно, потом привыкаешь—ничего. Сам увидишь.

— А вот еще что скажи: как ты думаешь, возьмут Севастополь? Я думаю, что ни за что не возьмут.

— Бог знает.

— Одно только досадно,—можешь вообразить, какое несчастие: у нас ведь дорогой целый узел украли, а у меня в нем кивер был, так что я теперь в ужасном положении и не знаю, как я буду являться. Ты знаешь, ведь у нас новые кивера

теперь, да и вообще сколько перемен; всё к лучшему. Я тебе всё это могу рассказать... Я везде бывал в Москве...

Козельцов 2-й Владимир был очень похож на брата Михайлу, но похож так, как похож распускающийся розан на отцветший шиповник. Волоса у него были те же русые, но густые и вьющиеся на висках. На белом нежном затылке у него была русая косичка—признак счастия, как говорят нянюшки. По нежному белому цвету кожи лица не стоял, а вспыхивал, выдавая все движения души, полнокровный молодой румянец. Те же глаза, как и у брата, были у него открытее и светлее, что особенно казалось оттого, что они часто покрывались легкой влагой. Русый пушок пробивал по щекам и над красными губами, весьма часто складывавшимися в застенчивую улыбку и открывавшими белые, блестящие зубы. Стройный, широкоплечий, в расстегнутой шинели, из-под которой виднелась красная рубашка с косым воротом, с папироской в руках, облокотившись на перила крыльца, с наивной радостью в лице и жесте, как он стоял перед братом, это был такой приятно-хорошенький мальчик, что всё бы так и смотрел на него. Он чрезвычайно рад был брату, с уважением и гордостью смотрел на него, воображая его героем; но в некоторых отношениях, именно в рассуждении вообще светского образования, которого, по правде сказать, он и сам не имел, умения говорить по-французски, быть в обществе важных людей, танцовать и т. д., он немножко стыдился за него, смотрел свысока и даже надеялся, ежели можно, образовать его. Все впечатления его еще были из Петербурга, из дома одной барыни, любившей хорошеньких и бравшей его к себе на праздники, и из дома сенатора в Москве, где он раз танцовал на большом бале.

7.

Наговорившись почти досыта и дойдя наконец до того чувства, которое часто испытываешь, что общего мало, хотя и любишь друг друга, братья помолчали довольно долго.

— Так бери же свои вещи и едем сейчас,— сказал старший.

Младший вдруг покраснел и замялся.

— Прямо в Севастополь ехать?— спросил он после минуты молчания.

— Ну да, ведь у тебя немного вещей, я думаю, уложим.

— И прекрасно! сейчас и поедем,—сказал младший со вздохом и пошел в комнату.

Но, не отворяя двери, он остановился в сенях, печально опустив голову, и начал думать:

«Сейчас прямо в Севастополь, в этот ад—ужасно! Однако всё равно, когда-нибудь надо же было. Теперь по крайней мере с братом...»

Дело в том, что только теперь, при мысли, что, севши в тележку, он, не вылезая из нее, будет в Севастополе, и что никакая случайность уже не может задержать его, ему ясно представилась опасность, которой он искал, и он смутился, испугался одной мысли о близости ее. Кое-как успокоив себя, он вошел в комнату; но прошло $^1/_4$ часа, а он всё не выходил к брату, так что старший отворил наконец дверь, чтоб вызвать его. Меньшой Козельцов, в положении провинившегося школьника, говорил о чем-то с офицером из П. Когда брат отворил дверь, он совершенно растерялся.

— Сейчас, сейчас я выйду! — заговорил он, махая рукой брату.—Подожди меня, пожалуйста, там.

Через минуту он вышел действительно и с глубоким вздохом подошел к брату.

— Можешь себе представить, я не могу с тобой ехать, брат,— сказал он.

— Как? Что за вздор!

— Я тебе всю правду скажу, Миша! У нас уж ни у кого денег нет, и мы все должны этому штабс-капитану, который из П. едет. Ужасно стыдно!

Старший брат нахмурился и долго не прерывал молчанья.

— Много ты должен?—спросил он, исподлобья взглядывая на брата.

— Много... нет, не очень много; но совестно ужасно. Он на трех станциях за меня платил, и сахар всё его шел... так что я не знаю... да и в преферанс мы играли... я ему немножно остался должен.

— Это скверно, Володя! Ну что бы ты сделал, ежели бы меня не встретил?—сказал строго, не глядя на брата, старший.

— Да я думал, братец, что получу эти подъемные в Севастополе, так отдам. Ведь можно так сделать; да и лучше уж завтра я с ним приеду.

Старший брат достал кошелек и с некоторым дрожанием

пальцев достал оттуда две 10-рублевые и одну 3-рублевую бумажку.

— Вот мои деньги,—сказал он.—Сколько ты должен?

Сказав, что это были все его деньги, Козельцов говорил не совсем правду: у него было еще 4 золотых, зашитых на всякий случай в обшлаге, но которые он дал себе слово ни за что не трогать.

Оказалось, что Козельцов 2-й с преферансом и сахаром был должен только 8 рублей офицеру из П. Старший брат дал их ему, заметив только, что этак нельзя, когда денег нет, еще в преферанс играть.

— На что ж ты играл?

Младший не отвечал ни слова. Вопрос брата показался ему сомнением в его честности. Досада на самого себя, стыд в поступке, который мог подавать такие подозрения, и оскорбление от брата, которого он так любил, произвели в его впечатлительной натуре такое сильное, болезненное чувство, что он ничего не отвечал, чувствуя, что не в состоянии будет удержаться от слезливых звуков, которые подступали ему к горлу. Он взял не глядя деньги и пошел к товарищам.

8.

Николаев, подкрепивший себя в Дуванкòй 2-мя крышками водки, купленными у солдата, продававшего ее на мосту, подергивал возжами, повозочка подпрыгивала по каменной кое-где тенистой дороге, ведущей вдоль Бельбека к Севастополю, а братья, поталкиваясь нога об ногу, хотя всякую минуту думали друг о друге, упорно молчали.

«Зачем он меня оскорбил,—думал меньшой,—разве он не мог не говорить про это? Точно, как будто он думал, что я вор, да и теперь, кажется, сердится, так что мы уже навсегда расстроились. А как бы славно нам было вдвоем в Севастополе. Два брата, дружные между собой, оба сражаются со врагом: один старый уже, хотя не очень образованный, но храбрый воин, и другой молодой, но тоже молодец... Через неделю я бы всем доказал, что я уж не очень молоденький! Я и краснеть перестану, в лице будет мужество, да и усы небольшие, но порядочные вырастут к тому времени,—и он ущипнул себя за пушок, показавшийся у краев рта. Может быть, мы нынче приедем и сейчас же попадем в дело, вместе с братом. А он дол-

жен быть упорный и очень храбрый—такой, что много не говорит, а делает лучше других. Я б желал знать,—продолжал он, — нарочно или нет он прижимает меня к самому краю повозки. Он, верно, чувствует, что мне неловко, и делает вид, что будто не замечает меня. Вот мы нынче приедем,—продолжал он рассуждать, прижимаясь к краю повозки и боясь пошевелиться, чтобы не дать заметить брату, что ему неловко,— и вдруг прямо на бастион: я с орудиями, а брат с ротой, и вместе пойдем. Только вдруг французы бросятся на нас. Я—стрелять, стрелять: перебью ужасно много; но они всё-таки бегут прямо на меня. Уж стрелять нельзя, и, кончено, мне нет спасения; только вдруг брат выбежит вперед с саблей, и я схвачу ружье, и мы вместе с солдатами побежим. Французы бросятся на брата. Я подбегу, убью одного француза, другого и спасаю брата. Меня ранят в одну руку, я схвачу ружье в другую и всё-таки бегу; только брата убьют пулей подле меня. Я остановлюсь на минутку, посмотрю на него этак грустно, поднимусь и закричу: «За мной, отмстим! Я любил брата больше всего на свете», я скажу, «и потерял его. Отмстим, уничтожим врагов или все умрем тут!» Все закричат, бросятся за мной. Тут всё войско французское выйдет,—сам Пелиссье. Мы всех перебьем; но наконец меня ранят другой раз, третий раз, и я унаду при смерти. Тогда все прибегут ко мне, Горчаков придет и будет спрашивать, чего я хочу. Я скажу, что ничего не хочу,— только чтобы меня положили рядом с братом, что я хочу умереть с ним. Меня принесут и положат подле окровавленного трупа брата. Я приподнимусь и скажу только: «Да, вы не умели ценить 2-х человек, которые истинно любили отечество; теперь они оба пали... да простит вам Бог!» и умру».

Кто знает, в какой мере сбудутся эти мечты!

— Что, ты был когда-нибудь в схватке?—спросил он вдруг у брата, совершенно забыв, что не хотел говорить с ним.

— Нет, ни разу,—отвечал старший:—у нас 2000 человек из полка выбыло, всё на работах; и я ранен тоже на работе. Война совсем не так делается, как ты думаешь, Володя!

Слово «Володя» тронуло меньшого брата: ему захотелось объясниться с братом, который вовсе и не думал, что оскорбил Володю.

— Ты на меня не сердишься, Миша?—сказал он после минутного молчания.

— За что?

— Нет—так. За то, что у нас было. Так, ничего.

— Нисколько,—отвечал старший, поворачиваясь к нему и похлопывая его по ноге.

— Так ты меня извини, Миша, ежели я тебя огорчил.

И меньшой брат отвернулся, чтобы скрыть слезы, которые вдруг выступили у него из глаз.

9.

— Неужели это уж Севастополь?—спросил меньшой брат, когда они поднялись на гору, и перед ними открылись бухта с мачтами кораблей, море с неприятельским далеким флотом, белые приморские батареи, казармы, водопроводы, доки и строения города, и белые, лиловатые облака дыма, беспрестанно поднимавшиеся по желтым горам, окружающим город, и стоявшие в синем небе, при розоватых лучах солнца, уже с блеском отражавшегося и спускавшегося к горизонту темного моря.

Володя без малейшего содрогания увидал это страшное место, про которое он так много думал; напротив, он с эстетическим наслаждением и героическим чувством самодовольства, что вот и он через полчаса будет там, смотрел на это действительно прелестно-оригинальное зрелище, и смотрел с сосредоточенным вниманием до самого того времени, пока они не приехали на Северную, в обоз полка брата, где должны были узнать наверное о месте расположения полка и батареи.

Офицер, заведывавший обозом, жил около так называемого *нового городка*,—досчатых бараков, построенных матросскими семействами, в палатке, соединенной с довольно большим балаганом, заплетенным из зеленых дубовых веток, не успевших еще совершенно засохнуть.

Братья застали офицера перед складным столом, на котором стоял стакан холодного чаю с папиросной золой и поднос с водкой и крошками сухой икры и хлеба, в одной желтоватогрязной рубашке, считающего на больших счетах огромную кипу ассигнаций. Но прежде, чем говорить о личности офицера и его разговоре, необходимо попристальнее взглянуть на внутренность его балагана и знать хоть немного его образ жизни и занятия. Новый балаган был так велик, прочно заплетен и удобен, с столиками и лавочками, плетеными и из дерна, как только строят для генералов или полковых командиров;

бока и верх, чтобы лист не сыпался, были завешаны тремя коврами, хотя весьма уродливыми, но новыми и, верно, дорогими. На железной кровати, стоявшей под главным ковром, с изображенной на нем амазонкой, лежало плюшевое ярко-красное одеяло, грязная прорванная кожаная подушка и енотовая шуба; на столе стояло зеркало в серебряной раме, серебряная ужасно грязная щетка, изломанный, набитый масляными волосами роговой гребень, серебряный подсвечник, бутылка ликера с золотым красным огромным ярлыком, золотые часы с изображением Петра I, два золотые перстня, коробочка с какими-то капсюлями, корка хлеба и разбросанные старые карты, и пустые и полные бутылки портера под кроватью. Офицер этот заведывал обозом полка и продовольствием лошадей. С ним вместе жил его большой приятель комисионер, занимающийся тоже какими-то операциями. Он в то время, как вошли братья, спал в палатке; обозный же офицер делал счеты казенных денег перед концом месяца. Наружность обозного офицера была очень красивая и воинственная: большой рост, большие усы, благородная плотность. Неприятна была в нем только какая-то потность и опухлость всего лица, скрывавшая почти маленькие серые глаза (как будто он весь был налит портером) и чрезвычайная нечистоплотность—от жидких масляных волос до больших босых ног в каких-то горностаевых туфлях.

— Денег-то, денег-то! — сказал Козельцов 1-й, входя в балаган и с невольной жадностью устремляя глаза на кучу ассигнаций:—хоть бы половину взаймы дали, Василий Михайлыч!

Обозный офицер, как будто пойманный на воровстве, весь покоробился, увидав гостя, и, собирая деньги, не поднимаясь, поклонился.

— Ох, коли бы мои были... Казенные, батюшка! А это кто с вами? — сказал он, упрятывая деньги в шкатулку, которая стояла около него, и прямо глядя на Володю.

— Это мой брат, из корпуса приехал. Да вот мы заехали узнать у вас, где полк стоит.

— Садитесь, господа, — сказал он, вставая и не обращая внимания на гостей, уходя в палатку.—Выпить не хотите ли? Портерку, может быть?—сказал он оттуда.

— Не мешает, Василий Михайлыч!

Володя был поражен величием обозного офицера, его небрежною манерой и уважением, с которым обращался к нему брат.

«Должно быть, это очень хороший у них офицер, которого все почитают: верно простой, очень храбрый и гостеприимный»,—подумал он, скромно и робко садясь на диван.

— Так где же наш полк стоит? — спросил через палатку старший брат.

— Что?

Он повторил вопрос.

— Нынче у меня Зейфер был: он рассказывал, что перешли вчера на 5-й бастион.

— Наверное?

— Коли я говорю, стало быть, верно; а, впрочем, чорт его знает! Он и соврать не дорого возьмет. Что ж, будете портер пить? — сказал обозный офицер всё из палатки.

— А, пожалуй, выпью,—сказал Козельцов.

— А вы выпьете, Осип Игнатьич?—продолжал голос в палатке, верно обращаясь к спавшему комисионеру.—Полноте спать: уж осьмой час.

— Что вы пристаете ко мне! я не сплю,—отвечал ленивый тоненький голосок, приятно картавя на буквах л и р.

— Ну, вставайте: мне без вас скучно.

И обозный офицер вышел к гостям.

— Дай портеру. Симферопольского!—крикнул он.

Денщик с гордым выражением лица, как показалось Володе, вошел в балаган и из-под него, даже толкнув офицера, достал портер.

— Да, батюшка,—сказал обозный офицер, наливая стаканы,—нынче новый полковой командир у нас. Денежки нужны, всем обзаводится.

— Ну этот, я думаю, совсем особенный, новое поколенье,—сказал Козельцов, учтиво взяв стакан в руку.

— Да, новое поколенье! Такой же скряга будет. Как батальоном командовал, так как кричал; а теперь другое поет. Нельзя, батюшка.

— Это так.

Меньшой брат ничего не понимал, что они говорят, но ему смутно казалось, что брат говорит не то, что думает, но как будто потому только, что пьет портер этого офицера.

Бутылка портера уже была выпита, и разговор продолжался

уже довольно долго в том же роде, когда полы палатки распахнулись, и из нее выступил невысокий свежий мужчина в синем атласном халате с кисточками, в фуражке с красным околышем и кокардой. Он вышел, поправляя свои черные усики, и, глядя куда-то на ковер, едва заметным движением плеча ответил на поклоны офицеров.

— Дай-ка и я выпью стаканчик!—сказал он, садясь подле стола.—Что это, вы из Петербурга едете, молодой человек?—сказал он, ласково обращаясь к Володе.

— Да-с, в Севастополь еду.

— Сами просились?

— Да-с.

— И что вам за охота, господа, я не понимаю!—продолжал комисионер.—Я бы теперь, кажется, пешком готов был уйти, ежели бы пустили, в Петербург. Опостыла, ей Богу, эта собачья жизнь!

— Чем же тут плохо вам? — сказал старший Козельцов, обращаясь к нему: — еще вам бы не жизнь здесь!

Комисионер посмотрел на него и отвернулся.

— Эта опасность («про какую он говорит опасность, сидя на Северной», подумал Козельцов), лишения, ничего достать нельзя,—продолжал он, обращаясь всё к Володе.—И что вам за охота, я решительно вас не понимаю, господа! Хоть бы выгоды какие-нибудь были, а то так. Ну, хорошо ли это, в ваши лета вдруг останетесь калекой на всю жизнь?

— Кому нужны доходы, а кто из чести служит! — с досадой в голосе опять вмешался Козельцов старший.

— Что за честь, когда нечего есть! — презрительно смеясь, сказал комисионер, обращаясь к обозному офицеру, который тоже засмеялся при этом. — Заведи-ка из «Лучии»: мы послушаем, — сказал он, указывая на коробочку с музыкой:—я люблю ее...

— Что, он хороший человек, этот Василий Михайлыч? — спросил Володя у брата, когда они уже в сумерки вышли из балагана и поехали дальше к Севастополю.

— Ничего, только скупая шельма такая, что ужас! Ведь он малым числом имеет 300 рублей в месяц! а живет как свинья, ведь ты видел. А комисионера этого я видеть не могу, я его побью когда-нибудь. Ведь эта каналья из Турции тысяч 12 вывез...—И Козельцов стал распространяться о лихоимстве,

немножко (сказать по правде) с той особенной злобой человека, который осуждает не за то, что лихоимство—зло, а за то, что ему досадно, что есть люди, которые пользуются им.

10.

Володя не то, чтоб был не в духе, когда уже почти ночью подъезжал к большому мосту чрез бухту, но он ощущал какую-то тяжесть на сердце. Всё, что он видел и слышал, было так мало сообразно с его прошедшими, недавними впечатлениями: паркетная светлая, большая зала экзамена, веселые, добрые голоса и смех товарищей, новый мундир, любимый царь, которого он семь лет привык видеть, и который, прощаясь с ними со слезами, называет их детьми своими,—и так мало всё, что он видел, похоже на его прекрасные, радужные, великодушные мечты.

— Ну, вот мы и приехали! — сказал старший брат, когда они, подъехав к Михайловской батарее, вышли из повозки.— Ежели нас пропустят на мосту, мы сейчас же пойдем в Николаевские казармы. Ты там останься до утра, а я пойду в полк— узнаю, где твоя батарея стоит, и завтра приеду за тобой.

— Зачем же? лучше вместе пойдем,—сказал Володя.—И я пойду с тобой на бастион. Ведь уж всё равно: привыкать надо. Ежели ты пойдешь, и я могу.

— Лучше не ходить.

— Нет, пожалуйста, я, по крайней мере, узнаю, как...

— Мой совет не ходить, а пожалуй...

Небо было чисто и темно; звезды и беспрестанно движущиеся огни бомб и выстрелов уже ярко светились во мраке. Большое белое здание батареи и начало моста выдавались из темноты. Буквально каждую секунду несколько орудийных выстрелов и взрывов, быстро следуя друг за другом или вместе, громче и отчетливее потрясали воздух. Из-за этого гула, как будто вторя ему, слышалось пасмурное ворчание бухты. С моря тянул ветерок, и пахло сыростью. Братья подошли к мосту. Какой-то ополченец стукнул неловко ружьем на руку и крикнул:

— Кто идет?

— Солдат!

— Не велено пущать!

— Да как же! Нам нужно.

— Офицера спросите.

Офицер, дремавший, сидя на якоре, приподнялся и велел пропустить.

— Туда можно, оттуда нельзя. Куда лезешь все разом!— крикнул он на полковые повозки, высоко наложенные турами, которые толпились у въезда.

Спускаясь на первый понтон, братья столкнулись с солдатами, которые, громко разговаривая, шли оттуда.

— Когда он амунишные получил, значит он в расчете сполностью — вот что...

— Эк, братцы!—сказал другой голос,—как на Сиверную перевалишь, свет увидишь, ей-Богу! Совсем воздух другой.

— Говори больше!—сказал первый:—намеднись тут же прилетела окаянная, двум матросам ноги пооборвала, так не говори лучше.

Братья прошли первый понтон, дожидаясь повозки, и остановились на втором, который местами уже заливало водой. Ветер, казавшийся слабым в поле, здесь был весьма силен и порывист; мост качало, и волны, с шумом ударяясь о бревна и разрезаясь на якорях и канатах, заливали доски. Направо туманно-враждебно шумело и чернело море, отделяясь бесконечно-ровной черной линией от звездного, светло-серовато-того в слиянии горизонта; и далеко где-то светились огни на неприятельском флоте. Налево чернела темная масса нашего корабля, и слышались удары волн о борта его; виднелся пароход, шумно и быстро двигавшийся от Северной. Огонь разорвавшейся около него бомбы осветил мгновенно высоко наваленные туры на палубе, двух человек, стоящих наверху, и белую пену и брызги зеленоватых волн, разрезаемых пароходом. У края моста сидел, спустив ноги в воду, какой-то матрос в одной рубахе и топором рубил что-то. Впереди, над Севастополем, носились те же огни, и громче и громче долетали страшные звуки. Набежавшая волна с моря разлилась по правой стороне моста и замочила ноги Володе; два солдата, шлепая ногами по воде, прошли мимо него. Что-то вдруг с треском осветило мост впереди, едущую по нем повозку и верхового, и осколки, с свистом поднимая брызги, попадали в воду.

— А, Михаил Семеныч! — сказал верховой, останавливая лошадь против старшего Козельцова, — что, уж совсем поправились?

— Как видите. Куда вас Бог несет?

— На Северную за патронами; ведь я нынче за полкового адъютанта... штурма ждем с часу на час, а по 5 патронов в суме нет. Отличные распоряжения!

— А где же Марцов?

— Вчера ногу оторвало... в городе, в комнате спал... Может, вы его застанете, он на перевязочном пункте.

— Полк на 5-м, правда?

— Да, на место М...цов заступили. Вы зайдите на перевязочный пункт: там наши есть — вас проводят.

— Ну, а квартерка моя на Морской цела?

— И, батюшка! уж давно всю разбили бомбами. Вы не узнаете теперь Севастополя; уж женщин ни души нет, ни тактиров, ни музыки; вчера последнее заведенье переехало. Теперь ужасно грустно стало... Прощайте!

И офицер рысью поехал дальше.

Володе вдруг сделалось ужасно страшно: ему всё казалось, что сейчас прилетит ядро или осколок и ударит его прямо в голову. Этот сырой мрак, все звуки эти, особенно ворчливый плеск волн, казалось, всё говорило ему, чтоб он не шел дальше, что не ждет его здесь ничего доброго, что нога его уж никогда больше не ступит на русскую землю по эту сторону бухты, чтобы сейчас же он вернулся и бежал куда-нибудь, как можно дальше от этого страшного места смерти. «Но, может, уж поздно, уж решено теперь», подумал он, содрогаясь частью от этой мысли, частью от того, что вода прошла ему сквозь сапоги и мочила ноги.

Володя глубоко вздохнул и отошел немного в сторону от брата.

— Господи! неужели же меня убьют, именно меня? Господи, помилуй меня!—сказал он шопотом и перекрестился.

— Ну, пойдем, Володя—сказал старший брат, когда повозочка въехала на мост.—Видел бомбу?

На мосту встречались братьям повозки с ранеными, с турами, одна с мебелью, которую везла какая-то женщина. На той же стороне никто не задержал их.

Инстинктивно, придерживаясь стенки Николаевской батареи, братья, молча, прислушиваясь к звукам бомб, лопавшихся уже над головами, и рёву осколков, валившихся сверху,— пришли к тому месту батареи, где образ. Тут узнали они, что

5 легкая, в которую назначен был Володя, стоит на Корабельной, и решили вместе, несмотря на опасность, итти ночевать к старшему брату на 5 бастион, а оттуда завтра в батарею. Повернув в коридор, шагая через ноги спящих солдат, которые лежали вдоль всей стены батареи, они наконец пришли на перевязочный пункт.

11.

Войдя в первую комнату, обставленную койками, на которых лежали раненые, и пропитанную этим тяжелым, отвратительно-ужасным гошпитальным запахом, они встретили двух сестер милосердия, выходивших им навстречу.

Одна женщина, лет 50, с черными глазами и строгим выражением лица, несла бинты и корпию и отдавала приказания молодому мальчику, фельдшеру, который шел за ней; другая, весьма хорошенькая девушка, лет 20, с бледным и нежным белокурым личиком, как-то особенно мило-беспомощно смотревшим из-под белого чепчика, обкладывавшего ей лицо, шла, руки в карманах передника, потупившись, подле старшей и, казалось, боялась отставать от нее.

Козельцов обратился к ним с вопросом, не знают ли они, где Марцов, которому вчера оторвало ногу.

— Это, кажется, П. полка?—спросила старшая.—Что, он вам родственник?

— Нет-с, товарищ.

— Гм! Проводите их, — сказала она молодой сестре, по-французски, — вот сюда, — а сама подошла с фельдшером к раненому.

— Пойдем же, что ты смотришь!—сказал Козельцов Володе, который, подняв брови, с каким-то страдальческим выражением, не мог оторваться—смотрел на раненых.—Пойдем же.

Володя пошел с братом, но всё продолжая оглядываться и бессознательно повторяя:

— Ах, Боже мой! Ах, Боже мой!

— Верно, они недавно здесь?—спросила сестра у Козельцова, указывая на Володю, который, ахая и вздыхая, шел за ними по коридору.

— Только что приехал.

Хорошенькая сестра посмотрела на Володю и вдруг заплакала.

— Боже мой, Боже мой! когда это всё кончится! — сказала она с отчаянием в голосе.

Они вошли в офицерскую палату. Марцов лежал навзничь, закинув жилистые обнаженные до локтей руки за голову и с выражением на желтом лице человека, который стиснул зубы, чтобы не кричать от боли. Целая нога была в чулке высунута из-под одеяла, и видно было, как он на ней судорожно перебирает пальцами.

— Ну что, как вам?—спросила сестра, своими тоненькими, нежными пальцами, на одном из которых, Володя заметил, было золотое колечко, поднимая его немного плешивую голову и поправляя подушку.—Вот ваши товарищи пришли вас проведать.

— Разумеется, больно, — сердито сказал он. — Оставьте! мне хорошо, — и пальцы в чулке зашевелились еще быстрее. — Здравствуйте! Как вас зовут, извините,—сказал он, обращаясь к Козельцову.—Ах, да, виноват, тут всё забудешь,—сказал он, когда тот сказал ему свою фамилию.—Ведь мы с тобой вместе жили,—прибавил он, без всякого выражения удовольствия, вопросительно глядя на Володю.

— Это мой брат, нынче приехал из Петербурга.

— Гм! А я-то вот и *полный* выслужил, — сказал он морщась. — Ах, как больно!.. Да уж лучше бы конец скорее.

Он вздернул ногу и, промычав что-то, закрыл лицо руками.

— Его надо оставить,—сказала шопотом сестра, со слезами на глазах: — уж он очень плох.

Братья еще на Северной решили итти вместе на 5 бастион; но, выходя из Николаевской батареи, они как будто условились не подвергаться напрасно опасности и итти каждому поврозь.

— Только как ты найдешь, Володя,—сказал старший,— впрочем, Николаев тебя проводит на Корабельную, а я пойду один и завтра у тебя буду.

Больше ничего не было сказано в это последнее прощанье между двумя братьями.

12.

Гром пушек продолжался с той же силой, но Екатерининская улица, по которой шел Володя, с следовавшим за ним молчаливым Николаевым, была совсем пустынна и тиха. Во

мраке виднелась ему только широкая улица с белыми, во многих местах разрушенными стенами больших домов и каменный тротуар, по которому он шел; изредка встречались солдаты и офицеры. Проходя по левой стороне около адмиралтейства, при свете какого-то яркого огня, горевшего за стеной, он увидал посаженные вдоль тротуара акации с зелеными подпорками и жалкие запыленные листья этих акаций. Шаги свои и Николаева, тяжело дышавшего, шедшего за ним, он слышал явственно. Он ничего не думал: хорошенькая сестра, нога Марцова с движущимися в чулке пальцами, мрак, бомбы и различные образы смерти смутно носились в его воображении. Вся его молодая впечатлительная душа сжалась и ныла под влиянием сознания одиночества и всеобщего равнодушия к его участи в то время как он был в опасности. «Убьют, буду мучиться, страдать, и никто не заплачет!» И всё это вместо исполненной энергии и сочувствия героической жизни, о которой он мечтал так славно. Бомбы лопались и свистели ближе и ближе, Николаев вздыхал чаще и не нарушал молчания. Проходя через Малый Корабельный мост, он увидал, как что-то, свистя, влетело недалеко от него в бухту, на секунду багрово осветило лиловые волны, исчезло и потом с брызгами поднялось оттуда.

— Вишь, не задохлась!—сказал Николаев.

— Да,—ответил он, невольно и неожиданно для себя каким-то тоненьким, тоненьким пискливым голоском.

Встречались носилки с ранеными, опять полковые повозки с турами; какой-то полк встретился на Корабельной; верховые проезжали мимо. Один из них был офицер с казаком. Он ехал рысью, но увидав Володю, приостановил лошадь около него, вгляделся ему в лицо, отвернулся и поехал прочь, ударив плетью по лошади. «Один, один! всем всё равно, есть ли я, или нет меня на свете», подумал с ужасом бедный мальчик, и ему без шуток захотелось плакать.

Поднявшись на гору мимо какой-то высокой белой стены, он вошел в улицу разбитых маленьких домиков, беспрестанно освещаемых бомбами. Пьяная, растерзанная женщина, выходя из калитки с матросом, наткнулась на него.

— Потому, коли бы он был блаародный чуаек,—пробормотала она,—пардон, ваш благородие офицер!

Сердце всё больше и больше ныло у бедного мальчика; а на

черном горизонте чаще и чаще вспыхивала молния, и бомбы чаще и чаще свистели и лопались около него. Николаев глубоко вздохнул и вдруг начал говорить каким-то, как показалось Володе, гробовым голосом.

— Вот всё торопились из губернии ехать. Ехать да ехать. Есть куда торопиться! Которые умные господа, так чуть маломальски ранены, живут себе в ошпитале. Так-то хорошо, что лучше не надо.

— Да что ж, коли брат уж здоров теперь,—отвечал Володя, надеясь хоть разговором разогнать чувство, овладевшее им.

— Здоров! Какое его здоровье, когда он вовсе болен! Которые и настоящие здоровые-то, и те, которые умные есть, живут в ошпитале в этакое время. Что тут-то радости много, что ли? Либо руку оторвет—вот те и всё! Долго ли до греха! Уж на что здесь, в городу, не то, что на баксионе, и то страсть какая. Идешь—молитвы все перечитаешь. Ишь, бестия, так мимо тебя и дзанкнет!—прибавил он, обращая внимание на звук близко прожужжавшего осколка.—Вот теперича,—продолжал Николаев:—велел ваше благородие проводить. Наше дело известно: что приказано, то должен сполнять; а ведь главное повозку так на какого-то солдатишку бросили, и узел развязан. Иди да иди; а что из имения пропадет, Николаев отвечай.

Пройдя еще несколько шагов, они вышли на площадь. Николаев молчал и вздыхал.

— Вон антилерия ваша стоит, ваше благородие!—сказал он вдруг.—У часового спросите: он вам покажет.—И Володя, пройдя несколько шагов, перестал слышать за собой звуки вздохов Николаева.

Он вдруг почувствовал себя совершенно, окончательно одним. Это сознание одиночества в опасности — перед смертью, как ему казалось,—ужасно тяжелым, холодным камнем легло ему на сердце. Он остановился посереди площади, оглянулся, не видит ли его кто-нибудь, схватился за голову и с ужасом проговорил и подумал: «Господи! неужели я трус, подлый, гадкий, ничтожный трус. Неужели за отечество, за царя, за которого я с наслаждением мечтал умереть так недавно, я не могу умереть честно? Нет! я несчастное, жалкое создание!» И Володя с истинным чувством отчаяния и разочарования в самом себе спросил у часового дом батарейного командира и подошел к нему.

Жилище батарейного командира, которое указал ему часовой, был небольшой 2-х этажный домик со входом с двора. В одном из окон, залепленном бумагой, светился слабый огонек свечки. Денщик сидел на крыльце и курил трубку. Он пошел доложить батарейному командиру и ввел Володю в комнату. В комнате между двух окон, под разбитым зеркалом, стоял стол, заваленный казенными бумагами, несколько стульев и железная кровать с чистой постелью и маленьким ковриком около нее.

Около самой двери стоял красивый мужчина с большими усами—фельдфебель—в тесаке и шинели, на которой висели крест и венгерская медаль. Посередине комнаты взад и вперед ходил невысокий, лет 40, штаб-офицер с подвязанной распухшей щекой, в тонкой старенькой шинели.

— Честь имею явиться, прикомандированный в 5-ю легкую, прапорщик Козельцов 2-й,—проговорил Володя заученную фразу, входя в комнату.

Батарейный командир сухо ответил на поклон и, не подавая руки, пригласил его садиться.

Володя робко опустился на стул подле письменного стола и стал перебирать в пальцах ножницы, попавшиеся ему в руки, а батарейный командир, заложив руки за спину и опустив голову, только изредка поглядывая на руки, вертевшие ножницы, молча продолжал ходить по комнате с видом человека, припоминающего что-то.

Батарейный командир был довольно толстый человечек, с большою плешью на маковке, густыми усами, пущенными прямо и закрывавшими рот, и большими, приятными карими глазами. Руки у него были красивые, чистые и пухлые, ножки очень вывернутые, ступавшие с уверенностью и некоторым щегольством, доказывавшим, что батарейный командир был человек незастенчивый.

— Да,—сказал он, останавливаясь против фельдфебеля,—ящичным надо будет с завтрашнего дня еще по гарнцу прибавить, а то они у нас худы. Как ты думаешь?

— Что ж, прибавить можно, ваше высокоблагородие! Теперь всё подешевле овес стал,—отвечал фельдфебель, шевеля пальцы на руках, которые он держал по швам, но которые

очевидно любили жестом помогать разговору.—А еще фуражир наш Францук вчера мне из обоза записку прислал, ваше высокоблагородие, что осей непременно нам нужно будет там купить—говорят, дешевы,—так как изволите приказать?

— Что ж, купить: ведь у него деньги есть.—И батарейный командир снова стал ходить по комнате.—А где ваши вещи?—спросил он вдруг у Володи, останавливаясь против него.

Бедного Володю так одолевала мысль, что он трус, что в каждом взгляде, в каждом слове он находил презрение к себе, как к жалкому трусу. Ему показалось, что батарейный командир уже проник его тайну и подтрунивает над ним. Он, смутившись, отвечал, что вещи на Графской, и что завтра брат обещал их доставить ему.

Но подполковник не дослушал его и, обратясь к фельдфебелю, спросил:

— Где бы нам поместить прапорщика?

— Прапорщика-с? —сказал фельдфебель, еще больше смущая Володю беглым, брошенным на него взглядом, выражавшим как будто вопрос: «ну что это за прапорщик, и стоит ли его помещать куда-нибудь?»—Да вот-с внизу, ваше высокоблагородие, у штабс-капитана могут поместиться их благородие,—продолжал он, подумав немного:—теперь штабс-капитан на баксионе, так ихняя койка пустая остается.

— Так вот, не угодно ли-с покамест?—сказал батарейный командир.—Вы, я думаю, устали, а завтра лучше устроим.

Володя встал и поклонился.

— Не угодно ли чаю?—сказал батарейный командир, когда Володя уж подходил к двери.—Можно самовар поставить.

Володя поклонился и вышел. Полковничий денщик провел его вниз и ввел в голую, грязную комнату, в которой валялся разный хлам и стояла железная кровать без белья и одеяла. На кровати, накрывшись толстой шинелью, спал какой-то человек в розовой рубашке.

Володя принял его было за солдата.

— Петр Николаич! — сказал денщик, толкая за плечо спящего.—Тут прапорщик лягут... Это наш юнкер,—прибавил он, обращаясь к прапорщику.

— Ах, не беспокойтесь пожалуйста!—сказал Володя; но юнкер, высокий, плотный, молодой мужчина, с красивой, но весьма глупой физиономией, встал с кровати, накинул ши-

нель и, видимо не проснувшись еще хорошенько, вышел из комнаты.

— Ничего, я на дворе лягу,—пробормотал он.

14.

Оставшись наедине с своими мыслями, первым чувством Володи было отвращение к тому беспорядочному безотрадному состоянию, в котором находилась душа его. Ему захотелось заснуть и забыть всё окружающее, а, главное, самого себя. Он потушил свечку, лег на постель и, сняв с себя шинель, закрылся с головою, чтобы избавиться от страха темноты, которому он еще с детства был подвержен. Но вдруг ему пришла мысль, что прилетит бомба, пробьет крышу и убьет его. Он стал вслушиваться; над самой его головой слышались шаги батарейного командира.

«Впрочем, ежели и прилетит, — подумал он, — то прежде убьет наверху, а потом меня; по крайней мере, не меня одного». Эта мысль успокоила его немного; он стал было засыпать. «Ну что ежели вдруг ночью возьмут Севастополь, и французы ворвутся сюда? Чем я буду защищаться?» Он опять встал и походил по комнате. Страх действительной опасности породил таинственный страх мрака. Кроме седла и самовара в комнате ничего твердого не было. «Я подлец, я трус, мерзкий трус!» — вдруг подумал он и снова перешел к тяжелому чувству презрения, отвращения даже к самому себе. Он снова лег и старался не думать. Тогда впечатления дня невольно возникали в воображении при неперестающих заставлявших дрожать стекла в единственном окне звуках бомбардирования и снова напоминали об опасности: то ему грезились раненые и кровь, то бомбы и осколки, которые влетают в комнату, то хорошенькая сестра милосердия, делающая ему, умирающему, перевязку и плачущая над ним, то мать его, провожающая его в уездном городе и горячо со слезами молящаяся перед чудотворной иконой, и снова сон кажется ему невозможен. Но вдруг мысль о Боге всемогущем, добром, который всё может сделать и услышит всякую молитву, ясно пришла ему в голову. Он стал на колени, перекрестился и сложил руки так, как его в детстве еще учили молиться. Этот жест вдруг перенес его к давно забытому отрадному чувству.

«Ежели нужно умереть, нужно, чтоб меня не было, сделай это, Господи,—думал он,—поскорее сделай это; но ежели нужна храбрость, нужна твердость, которых у меня нет, дай мне их, но избави от стыда и позора, которых я не могу переносить, но научи, что мне делать, чтобы исполнить Твою волю».

Детская, запуганная, ограниченная душа вдруг возмужала, просветлела и увидала новые обширные, светлые горизонты. Много еще передумал и перечувствовал он в то короткое время, пока продолжалось это чувство, но заснул скоро покойно и беспечно, под звуки продолжавшегося треска, гула бомбардирования и дрожания стекол.

Господи Великий! только Ты один слышал и знаешь те простые, но жаркие и отчаянные мольбы неведения, смутного раскаяния и страдания, которые восходили к Тебе из этого страшного места смерти, от генерала, за секунду перед этим думавшего о завтраке и Георгии на шею, но с страхом чующего близость Твою, до измученного, голодного, вшивого солдата, повалившегося на голом полу Николаевской батареи и просящего Тебя скорее дать ему Там бессознательно предчувствуемую им награду за все незаслуженные страдания! Да, Ты не уставал слушать мольбы детей Твоих, ниспосылаешь им везде ангела-утешителя, влагавшего в душу терпение, чувство долга и отраду надежды.

15.

Старший Козельцов, встретив на улице солдата своего полка, с ним вместе направился прямо к 5-му бастиону.

— Под стенкой держитесь, ваше благородие!—сказал солдат.

— А что?

— Опасно, ваше благородие; вон она аж через несеть, — сказал солдат, прислушиваясь к звуку просвистевшего ядра, ударившегося о сухую дорогу по той стороне улицы.

Козельцов, не слушая солдата, бодро пошел по середине улицы.

Всё те же были улицы, те же, даже более частые, огни, звуки, стоны, встречи с ранеными и те же батареи, бруствера и траншеи, какие были весною, когда он был в Севастополе; но всё это почему-то было теперь грустнее и вместе энергичнее, — пробоин в домах больше, огней в окнах уже совсем нету, исклю-

чая Кущина дома (госпиталя), женщины ни одной не встречается, — на всем лежит теперь не прежний характер привычки и беспечности, а какая-то печать тяжелого ожидания, усталости и напряженности.

Но вот уже последняя траншея, вот и голос солдатика П. полка, узнавшего своего прежнего ротного командира, вот и 3-й батальон стоит в темноте, прижавшись у стенки, мгновенно освещаемый выстрелами и слышный сдержанным говором и побрякиванием ружей.

— Где командир полка? — спросил Козельцов.

— В блиндаже у флотских, ваше благородие! — отвечал услужливый солдатик. — Пожалуйте, я вас провожу.

Из траншеи в траншею солдат привел Козельцова к канавке в траншее. В канавке сидел матрос, покуривая трубочку; за ним виднелась дверь, в щели которой просвечивал огонь.

— Можно войти?

— Сейчас доложу, — и матрос вошел в дверь.

Два голоса говорили за дверью.

— Ежели Пруссия будет продолжать держать нейтралитет, — говорил один голос, — то Австрия тоже...

— Да что Австрия, — говорил другой, — когда славянские земли... Ну, проси.

Козельцов никогда не был прежде в этом блиндаже. Он поразил его своей щеголеватостью. Пол был паркетный, ширмочки закрывали дверь. Две кровати стояли по стенам, в углу висела большая в золотой ризе икона Божьей Матери, и перед ней горела розовая лампадка. На одной из кроватей спал моряк, совершенно одетый, на другой, перед столом, на котором стояло две бутылки начатого вина, сидели разговаривавшие — новый полковой командир и адъютант. Хотя Козельцов далеко был не трус и решительно ни в чем не был виноват ни перед правительством, ни перед полковым командиром, он робел, и поджилки у него затряслись при виде полковника, бывшего недавнего своего товарища: так гордо встал этот полковник и выслушал его. Притом и адъютант, сидевший тут же, смущал своей позой и взглядом, говорившими: «я только приятель вашего полкового командира. Вы не ко мне являетесь, и я от вас никакой почтительности не могу и не хочу требовать». «Странно, — думал Козельцов, глядя на своего командира, — только 7 недель, как он принял полк, а как уж во всем его окружающем

в его одежде, осанке, взгляде видна власть полкового командира, эта власть, основанная не столько на летах, на старшинстве службы, на военном достоинстве, сколько на богатстве полкового командира. Давно ли, — думал он, — этот самый Батрищев кучивал с нами, носил по неделям ситцевую немаркую рубашку и едал, никого не приглашая к себе, вечные битки и вареники? А теперь! голландская рубашка уж торчит из-под драпового с широкими рукавами сюртука, 10-ти рублевая сигара в руке, на столе 6-рублевый лафит, — всё это закупленное по невероятным ценам через квартермейстера в Симферополе; — и в глазах этовыражение холодной гордости аристократа богатства, которое говорит вам: хотя я тебе и товарищ, потому что я полковой командир новой школы, но не забывай, что у тебя 60 рублей в треть жалованья, а у меня десятки тысяч проходят через руки, и поверь, что я знаю, как ты готов бы полжизни отдать за то только, чтобы быть на моем месте.

— Вы долгонько лечились, — сказал полковник Козельцову, холодно глядя на него.

— Болен был, полковник, еще и теперь рана хорошенько не закрылась.

— Так вы напрасно приехали, — с недоверчивым взглядом на плотную фигуру офицера сказал полковник. — Вы можете однако исполнять службу?

— Как же-с, могу-с.

— Ну и очень рад-с. Так вы примите от прапорщика Зайцова 9-ю роту — вашу прежнюю; сейчас же вы получите приказ.

— Слушаю-с.

— Потрудитесь, когда вы пойдете, послать ко мне полкового адъютанта, — заключил полковой командир, легким поклоном давая чувствовать, что аудиенция кончена.

Выйдя из блиндажа, Козельцов несколько раз промычал что-то и подернул плечами, как будто ему было от чего-то больно, неловко или досадно, и досадно не на полкового командира (не за что), а сам собой и всем окружающим он был как будто недоволен. Дисциплина и условие ее — субординация только приятно, как всякие обаконенные отношения, — когда она основана, кроме взаимного сознания в необходимости ее, на признанном со стороны низшего превосходства в опытности, военном достоинстве или даже просто в моральном совершенстве; но зато, как скоро дисциплина основана, как у

нас часто случается, на случайности или денежном принципе,— она всегда переходит с одной стороны в важничество, с другой — в скрытую зависть и досаду и, вместо полезного влияния соединения масс в одно целое, производит совершенно противоположное действие. Человек, не чувствующий в себе силы внутренним достоинством внушить уважение, инстинктивно боится сближения с подчиненными и старается внешними выражениями важности отдалить от себя критику. Подчиненные, видя одну эту внешнюю, оскорбительную для себя сторону, уже за ней, большею частью несправедливо, не предполагают ничего хорошего.

16.

Козельцов, прежде чем итти к своим офицерам, пошел поздороваться с своею ротой и посмотреть, где она стоит. Бруствера из туров, фигуры траншей, пушки, мимо которых он проходил, даже осколки и бомбы, на которые он спотыкался по дороге, — всё это, беспрестанно освещаемое огнями выстрелов, было ему хорошо знакомо. Всё это живо врезалось у него в памяти 3 месяца тому назад, в продолжение двух недель, которые он безвыходно провел на этом самом бастионе. Хотя много было ужасного в этом воспоминании, какая-то прелесть прошедшего примешивалась к нему, и он с удовольствием, как будто приятны были проведенные здесь две недели, узнавал знакомые места и предметы. Рота была расположена по оборонительной стенке к 6-му бастиону.

Козельцов вошел в длинный, совершенно открытый со стороны входа блиндаж, в котором, ему сказали, стоит 9-я рота. Буквально ноги некуда было поставить во всем блиндаже: так он от самого входа наполнен был солдатами. В одной стороне его светилась сальная кривая свечка, которую лежа держал солдатик. Другой солдатик по складам читал какую-то книгу, держа ее около самой свечки. В смрадном полусвете блиндажа видны были поднятые головы, жадно слушающие чтеца. Книжка была азбука, и, входя в блиндаж, Козельцов услышал следующее:

«Страх... смер-ти врожден-ное чувствие чело-веку.

— Снимите со свечки-то, — сказал голос. — Книжка славная.

«Бог... мой...», продолжал чтец.

Когда Козельцов спросил фельдфебеля, чтец замолк, солдаты

зашевелились, закашляли, засморкались, как всегда после сдержанного молчания; фельдфебель, застегиваясь, поднялся около группы чтеца и, шагая через ноги и по ногам тех, которым некуда было убрать их, вышел к офицеру.

— Здравствуй, брат! Что, это вся наша рота?

— Здравия желаем! с приездом, ваше благородие! — отвечал фельдфебель, весело и дружелюбно глядя на Козельцова. — Как здоровьем поправились, ваше благородие? Ну и слава Богу. А то мы без вас соскучились.

Видно сейчас было, что Козельцова любили в роте.

В глубине блиндажа послышались голоса: «старый ротный приехал, что раненый был, Козельцов, Михаил Семеныч», и т. п.; некоторые даже пододвинулись к нему, барабанщик поздоровался.

— Здравствуй, Обанчук! — сказал Козельцов: — Цел? — Здорово, ребята! — сказал он потом, возвышая голос.

— Здравия желаем! — загудело в блиндаже.

— Как поживаете, ребята?

— Плохо, ваше благородие: одолевает француз, — так дурно бьет из-за шанцов, да и шабаш, а в поле не выходит.

— Авось, на мое счастие, Бог даст и выйдет в поле, ребята! — сказал Козельцов. — Уж мне с вами не в первый раз: опять поколотим.

— Ради стараться, ваше благородие! — сказало несколько голосов.

— Что же, они точно смелые, их благородие ужасно какие смелые! — сказал барабанщик не громко, но так, что слышно было, обращаясь к другому солдату, как будто оправдываясь перед ним в словах ротного командира и убеждая его, что в них ничего нет хвастливого и неправдоподобного.

От солдатиков Козельцов перешел в оборонительную казарму к товарищам-офицерам.

17.

В большой комнате казармы было пропасть народа: морские, артиллерийские и пехотные офицеры. Одни спали, другие разговаривали, сидя на каком-то ящике и лафете крепостной пушки; третьи, составляя самую большую и шумную группу за сводом, сидели на полу, на двух разостланных бурках, пили портер и играли в карты.

— А! Козельцов, Козельцов! хорошо, что приехал, молодец!... Что рана? — послышалось с разных сторон. И здесь видно было, что его любят и рады его приезду.

Пожав руки с знакомыми, Козельцов присоединился к шумной группе офицеров, игравших в карты, между которыми было больше всего его товарищей. Красивый худощавый брюнет, с длинным, сухим носом и большими усами, продолжавшимися от щек, метал банк белыми красивыми пальцами, на одном из которых был большой золотой перстень с гербом. Он метал скоро и неаккуратно, видимо чем-то взволнованный и только желая казаться небрежным. Подле него, по правую руку, лежал, облокотившись, седой майор, уже значительно выпивший, и с аффектацией хладнокровия понтировал по полтиннику и тотчас же расплачивался. По левую руку на корточках сидел красный, с потным лицом офицерик, принужденно улыбался и шутил, когда били его карты, он шевелил беспрестанно одной рукой в пустом кармане шаровар и играл большой маркой, но очевидно уже не на чистые, что именно и коробило красивого брюнета. По комнате, держа в руках большую кипу ассигнаций, ходил плешивый, с огромным злым ртом, худой и бледный безусый офицер и всё ставил ва-банк наличные деньги и выигрывал.

Козельцов выпил водки и подсел к играющим.

— Понтирните-ка, Михаил Семеныч! — сказал ему банкомет: — денег пропасть, я чай, привезли.

— Откуда у меня деньгам быть! Напротив, последние в городе спустил.

— Как же! Вздули уж верно кого-нибудь в Симферополе.

— Право, мало, — сказал Козельцов, но, видимо не желая, чтоб ему верили, расстегнулся и взял в руки старые карты.

— Попытаться нешто: чем чорт не шутит! и комар бывает, что, знаете, какие штуки делает. Выпить только надо для храбрости.

И в непродолжительном времени, выпив еще 3 рюмки водки и несколько стаканов портера, он был уже совершенно в духе всего общества, т. е. в тумане и забвении действительности и проигрывал последние 3 рубля.

На маленьком вспотевшем офицере было написано 150 рублей.

— Нет, не везет, — сказал он, небрежно приготавливая новую карту.

— Потрудитесь прислать, — сказал ему банкомет, на минуту останавливаясь метать и взглядывая на него.

— Позвольте завтра прислать, — отвечал потный офицер, вставая и усиленно перебирая рукой в пустом кармане.

— Гм! — промычал банкомет и, злостно бросая направо, налево, дометал талию. — Однако этак нельзя, — сказал он, положив карты: — я бастую. Этак нельзя, Захар Иваныч, — прибавил он: — мы играли на чистые, а не на мелок.

— Что ж, разве вы во мне сомневаетесь? Странно, право!

— С кого прикажете получить? — пробормотал майор, сильно опьяневший к этому времени и выигравший что-то рублей 8. — Я прислал уже больше 20 рублей, а выиграл — ничего не получаю.

— Откуда же и я заплачу, — сказал банкомет, — когда на столе денег нет?

— Я знать не хочу! — закричал майор, поднимаясь: — я играю с вами, с честными людьми, а не с ними.

Потный офицер вдруг разгорячился.

— Я говорю, что заплачу завтра: как же вы смеете мне говорить дерзости?

— Я говорю, что хочу! Так честные люди не делают, — вот что! — кричал майор.

— Полноте, Федор Федорыч! — заговорили все, удерживая майора, — оставьте!

Но майор, казалось, только и ждал того, чтобы его просили успокоиться, для того чтобы рассвирепеть окончательно. Он вдруг вскочил и шатаясь направился к потному офицеру.

— Я дерзости говорю? Кто постарше вас, 20 лет своему царю служит, — дерзости? Ах ты мальчишка! — вдруг запищал он, всё более и более воодушевляясь звуками своего голоса: — подлец!

Но опустим скорее завесу над этой глубоко-грустной сценой. Завтра, нынче же, может быть, каждый из этих людей весело и гордо пойдет навстречу смерти и умрет твердо и спокойно; но одна отрада жизни в тех ужасающих самое холодное воображение условиях отсутствия всего человеческого и безнадежности выхода из них, одна отрада есть забвение, уничтожение сознания. На дне души каждого лежит та благородная искра, которая сделает из него героя; но искра эта устает го-

реть ярко — придет роковая минута, она вспыхнет пламенем и осветит великие дела.

18.

На другой день бомбардирование продолжалось с тою же силою. Часов в 11-ть утра Володя Козельцов сидел в кружке батарейных офицеров и, уже успев немного привыкнуть к ним, всматривался в новые лица, наблюдал, расспрашивал и рассказывал. Скромная, несколько притязательная на ученость беседа артиллерийских офицеров внушала ему уважение и нравилась. Стыдливая же, невинная и красивая наружность Володи располагала к нему офицеров. — Старший офицер в батарее, капитан, невысокий рыжеватый мужчина, с хохолком и гладенькими височками, воспитанный по старым преданиям артиллерии, дамский кавалер и будто бы ученый, расспрашивал Володю о знаниях его в артиллерии, новых изобретениях, ласково подтрунивал над его молодостью и хорошеньким личиком и вообще обращался с ним, как отец с сыном, что очень приятно было Володе. Подпоручик Дяденко, молодой офицер, говоривший на *о* и хохлацким выговором, в оборванной шинели и с взъерошенными волосами, хотя и говорил весьма громко и беспрестанно ловил случаи о чем-нибудь желчно поспорить и имел резкие движения, всё-таки нравился Володе, который под этою грубой внешностью не мог не видеть в нем очень хорошего и чрезвычайно доброго человека. Дяденко предлагал беспрестанно Володе свои услуги и доказывал ему, что все орудия в Севастополе поставлены не по правилам. Только поручик Черновицкий, с высоко поднятыми бровями, хотя и был учтивее всех и одет в сюртук довольно чистый, хотя и не новый, но тщательно заплатанный, и выказывал золотую цепочку на атласном жилете, не нравился Володе. Он всё расспрашивал его, что делает государь и военный министр, и рассказывал ему с неестественным восторгом подвиги храбрости, свершенные в Севастополе, жалел о том, как мало встречаешь патриотизма, и какие делаются неблагоразумные распоряжения и т. д., вообще выказывал много знания, ума и благородных чувств; но почему-то всё это казалось Володе заученным и неестественным. Главное, он замечал, что прочие офицеры почти не говорили с Черновицким. Юнкер Вланг, которого он разбудил вчера, тоже был тут. Он ничего не говорил, но, скромно сидя в уголку, смеялся,

когда было что-нибудь смешное, вспоминал, когда забывали что-нибудь, приказывал подать водку и делал папироски для всех офицеров. Скромные ли, учтивые манеры Володи, который обращался с ним так же, как с офицером, и не помыкал им, как мальчишкой, или приятная наружность пленили *Влангу*, как называли его солдаты, склоняя почему-то в женском роде его фамилию, только он не спускал своих добрых больших глупых глаз с лица нового офицера, предугадывал и предупреждал все его желания и всё время находился в каком-то любовном экстазе, который, разумеется, заметили и подняли на смех офицеры.

Перед обедом сменился штабс-капитан с бастиона и присоединился к их обществу. Штабс-капитан Краут был белокурый, красивый, бойкий офицер, с большими рыжими усами и бакенбардами; он говорил по-русски отлично, но слишком правильно и красиво для русского. В службе и в жизни он был так же, как в языке: он служил прекрасно, был отличный товарищ, самый верный человек по денежным отношениям; но просто, как человек, именно оттого, что всё это было слишком хорошо, чего-то в [нем] не доставало. Как все русские немцы, по странной противоположности с идеальными немецкими немцами, он был практичен в высшей степени.

— Вот он, наш герой, является! — сказал капитан в то время, как Краут, размахивая руками и побрякивая шпорами, весело входил в комнату. — Чего хотите, Фридрих Крестьяныч: чаю или водки?

— Я уж приказал себе чайку поставить, — отвечал он, — а водочки покаместа хватить можно для услаждения души. Очень приятно познакомиться; прошу нас любить и жаловать, — сказал он Володе, который, встав, поклонился ему: — штабс-капитан Краут. Мне на бастионе фейерверкер сказывал, что вы прибыли еще вчера.

— Очень вам благодарен за вашу постель: я ночевал на ней.

— Покойно ли вам только было? там одна ножка сломана; да всё некому починить — в осадном-то положении, — ее подкладывать надо.

— Ну, что, счастливо отдежурили? — спросил Дяденко.

— Да ничего, только Скворцову досталось, да лафет один вчера *починили*. Вдребезги разбили станину.

Он встал с места и начал ходить, видно было, что он весь

находился под влиянием приятного чувства человека, вышедшего из опасности.

— Что, Дмитрий Гаврилыч, — сказал он, потрясая капитана за коленки, — как поживаете, батюшка. Что ваше представленье молчит еще?

— Ничего еще нет.

— Да и не будет ничего, — заговорил Дяденко, — я вам доказывал это прежде.

— Отчего же не будет?

— Оттого, что не так написали реляцию.

— Ах вы, спорщик, спорщик, — сказал Краут, весело улыбаясь: — настоящий хохол неуступчивый. Ну, вот вам на зло же, выйдет вам поручика.

— Нет, не выйдет.

— Вланг, принесите-ка мне мою трубочку да набейте, — обратился он к юнкеру, который тотчас же охотно побежал за трубкой.

Краут всех оживил, рассказывал про бомбардированье, расспрашивал, что без него делалось, заговаривал со всеми.

19.

— Ну, как? вы уж устроились у нас? — спросил Краут у Володи. — Извините, как ваше имя и отчество? У нас, вы знаете, уж такой обычай в артиллерии. Лошадку верховую приобрели?

— Нет, — сказал Володя: — я не знаю, как быть. Я капитану говорил: у меня лошади нет, да и денег тоже нет, покуда я не получу фуражных и подъемных. Я хочу просить покаместа лошади у батарейного командира, да боюсь, как бы он не отказал мне.

— Аполлон Сергеич-то! — он произвел губами звук, выражающий сильное сомнение, и посмотрел на капитана: — вряд!

— Что ж, откажет, не беда, — сказал капитан: — тут-то лошади, по правде, и не нужно, а всё попытать можно, я спрошу нынче.

— Как! вы его не знаете, — вмешался Дяденко: — другое что откажет, а им ни за что... Хотите пари?..

— Ну, да ведь уж известно, вы всегда противоречите.

— Оттого противоречу, что я знаю; он на другое скуп, а лошадь даст, потому что ему нет расчета.

— Как нет расчета, когда ему здесь по 8 рублей овес обходится! — сказал Краут: — расчет-то есть не держать лишней лошади!

— Вы просите себе Скворца, Владимир Семеныч! — сказал Вланг, вернувшийся с трубкой Краута: — отличная лошадка.

— С которой вы в Сороках в канаву упали? А? Вланга? — засмеялся штабс-капитан.

— Нет, да что же вы говорите, по 8 рублей овес, — продолжал спорить Дяденко, — когда у него справка по 10 с полтиной; разумеется, не расчет.

— А еще бы у него ничего не оставалось! Небось вы будете батарейным командиром, так в город не дадите лошади съездить!

— Когда я буду батарейным командиром, у меня будут, батюшка, лошади по 4 гарнчика кушать, доходов не буду собирать, не бойтесь.

— Поживем, посмотрим, — сказал штабс-капитан: — и вы будете брать доход, и они, как будут батареей командовать, тоже будут остатки в карман класть, — прибавил он, указывая на Володю.

— Отчего же вы думаете, Фридрих Крестьянович, что и они захотят пользоваться? — вмешался Черновицкий. — Может, у них состояние есть: так зачем же они станут пользоваться?

— Нет-с, уж я... извините меня, капитан, — покраснев до ушей, сказал Володя, — уж я это считаю неблагородно.

— Эге-ге! Какой он бедовый! — сказал Краут: — дослужитесь до капитана, не то будете говорить.

— Да это всё равно: я только думаю, что ежели не мои деньги, то я и не могу их брать.

— А я вам вот что скажу, молодой человек, — начал более серьезным тоном штабс-капитан. Вы знаете ли, что когда вы командуете батареей, то у вас, ежели хорошо ведете дела, непременно остается в мирное время 500 рублей, в военное — тысяч 7, 8, и от одних лошадей. Ну и ладно. В солдатское продовольствие батарейный командир не вмешивается: уж это так искони ведется в артиллерии; ежели вы дурной хозяин, у вас ничего не останется. Теперь: вы должны издерживать, против положения, на ковку — раз (он загнул один палец), на ап-

теку — два (он загнул другой палец), на канцелярию — три, на подручных лошадей по 500 целковых платят, батюшка, а ремонтная цена 50, и требуют, — это четыре. Вы должны против положения воротники переменить солдатам, на уголь у вас лишнее выйдет, стол вы держите для офицеров. Ежели вы батарейный командир, вы должны жить прилично: вам и коляску нужно, и шубу, и всякую штуку, и другое, и третье, и десятое... да что и говорить...

— А главное, — подхватил капитан, молчавший всё время, — вот что, Владимир Семеныч: — вы представьте себе, что человек, как я, например, служит 20-ть лет на 200 рублях жалованья в нужде постоянной: так не дать ему хоть за его службу кусок хлеба под старость нажить, когда комисьонеры в неделю десятки тысяч наживают!

— Э! да что тут! — снова заговорил штабс-капитан: — вы не торопитесь судить, а поживите-ка, да послужите.

Володе ужасно стало совестно и стыдно за то, что он так необдуманно сказал, и он пробормотал что-то и молча продолжал слушать, как Дяденко с величайшим азартом принялся спорить и доказывать противное.

Спор был прерван приходом денщика полковника, который звал кушать.

— А вы нынче скажите Аполлон Сергеичу, чтоб он вина поставил, — сказал Черновицкий, застегиваясь, капитану. — И что он скупится? Убьют, так никому не достанется!

— Да вы сами скажите, — отвечал капитан.

— Нет уж, вы старший офицер: надо порядок во всем.

20.

Стол был отодвинут от стены и грязной скатертью накрыт в той самой комнате, в которой вчера Володя являлся полковнику. Батарейный командир нынче подал ему руку и расспрашивал про Петербург и про дорогу.

— Ну-с, господа, кто водку пьет, милости просим. Прапорщики не пьют, — прибавил он улыбаясь Володе.

Вообще батарейный командир казался нынче вовсе не таким суровым, как вчера; напротив, он имел вид доброго, гостеприимного хозяина и старшего товарища. Но несмотря на то все офицеры, от старого капитана до спорщика Дяденки, по одному

тому, как они говорили, учтиво глядя в глаза командиру, и как робко подходили друг за другом пить водку, придерживаясь стенки, показывали к нему большое уважение.

Обед состоял из большой миски щей, в которых плавали жирные куски говядины и огромное количество перцу и лаврового листа, польских зразов с горчицей и колдунов с не совсем свежим маслом. Салфеток не было, ложки были жестяные и деревянные, стаканов было два, и на столе стоял только серый графин воды с отбитым горлышком; но обед был не скучен: разговор не умолкал. Сначала речь шла о Инкерманском сражении, в котором участвовала батарея, и из которого каждый рассказывал свои впечатления и соображения о причинах неудачи и умолкал, когда начинал говорить сам батарейный командир; потом разговор естественно перешел к недостаточности калибра легких орудий, к новым облегченным пушкам, причем Володя успел показать свои знания в артиллерии. Но на настоящем ужасном положении Севастополя разговор не останавливался, как будто каждый слишком много думал об этом предмете, чтоб еще говорить о нем. Тоже об обязанностях службы, которые должен был нести Володя, к его удивлению и огорчению, совсем не было речи, как будто он приехал в Севастополь только затем, чтобы рассказывать об облегченных орудиях и обедать у батарейного командира. Во время обеда недалеко от дома, в котором они сидели, упала бомба. Пол и стены задрожали, как от землетрясения, и окна застлало пороховым дымом.

— Вы этого, я думаю, в Петербурге не видали; а здесь часто бывают такие сюрпризы, — сказал батарейный командир. — Посмотрите, Вланг, где это лопнула.

Вланг посмотрел и донес, что на площади, и о бомбе больше речи не было.

Перед самым концом обеда старичок, батарейный писарь, вошел в комнату с 3-мя запечатанными конвертами и подал их батарейному командиру. «Вот этот *весьма нужный*, сейчас казак привез от начальника артиллерии». Все офицеры невольно с нетерпеливым ожиданием смотрели на опытные в этом деле пальцы батарейного командира, сламывавшие печать конверта и доставáвшие оттуда *весьма нужную* бумагу. «Что это могло быть?» делал себе вопрос каждый. Могло быть совсем выступление на отдых из Севастополя, могло быть назначение всей батареи на бастионы.

— Опять! — сказал батарейный командир, сердито швырнув на стол бумагу.

— Об чем, Аполлон Сергеич? — спросил старший офицер.

— Требуют офицера с прислугой на какую-то там мортирную батарею. У меня и так всего 4 человека офицеров и прислуги полной в строй не выходит, — ворчал батарейный командир, — а тут требуют еще. — Однако, надо кому-нибудь итти, господа, — сказал он, помолчав немного: — приказано в 7 часов быть на Рогатке... Послать фельдфебеля! Кому же итти, господа, решайте, — повторил он.

— Да вот они еще нигде не были, — сказал Черновицкий, указывая на Володю.

Батарейный командир ничего не ответил.

— Да, я бы желал, — сказал Володя, чувствуя, как холодный пот выступал у него по спине и шее.

— Нет, зачем! — перебил капитан. — Разумеется, никто не откажется, но и напрашиваться не след; а коли Аполлон Сергеич предоставляет это нам, то кинуть жребий, как и тот раз делали.

Все согласились. Краут нарезал бумажки, скатал их и насыпал в фуражку. Капитан шутил и даже решился при этом случае попросить вина у полковника, для храбрости, как он сказал. Дяденко сидел мрачный, Володя улыбался чему-то, Черновицкий уверял, что непременно ему достанется, Краут был совершенно спокоен.

Володе первому дали выбирать. Он взял один билетик, который был подлиннее, но тут же ему пришло в голову переменить, — взял другой поменьше и потолще и, развернув, прочел на нем: «итти».

— Мне, — сказал он, вздохнув.

— Ну, и с Богом. Вот вы и обстреляетесь сразу, — сказал батарейный командир, с доброю улыбкой глядя на смущенное лицо прапорщика: — только поскорей собирайтесь. А чтобы вам веселей было, Вланг пойдет с вами за орудийного фейерверкера.

21.

Вланг был чрезвычайно доволен своим назначением, живо побежал собираться, и одетый пришел помогать Володе и всё уговаривал его взять с собой и койку, и шубу, и старые «Отечественные Записки», и кофейник спиртовой, и другие ненужные

вещи. Капитан посоветовал Володе прочесть сначала по «Руководству»[1] о стрельбе из мортир и выписать тотчас же оттуда таблицу углов возвышения. Володя тотчас же принялся за дело, и к удивлению и радости своей, заметил, что хотя чувство страха опасности и еще более того, что он будет трусом, беспокоили его еще немного, но далеко не в той степени, в какой это было накануне. Отчасти причиной тому было влияние дня и деятельности, отчасти и главное то, что страх, как и каждое сильное чувство, не может в одной степени продолжаться долго. Одним словом он уже успел перебояться. Часов в 7, только что солнце начинало прятаться за Николаевской казармой, фельдфебель вошел к нему и объявил, что люди готовы и дожидаются.

— Я *Вланге* список отдал. Вы у него извольте спросить, ваше благородие! — сказал он.

Человек 20 артиллерийских солдат в тесаках без принадлежности стояли за углом дома. Володя вместе с юнкером подошел к ним. «Сказать ли им маленькую речь, или просто сказать: здорово, ребята! или ничего не сказать?—подумал он.—Да и отчего ж не сказать: здорово ребята! это должно даже». И он смело крикнул своим звучным голоском: «здорово, ребята!» Солдаты весело отозвались: молодой, свежий голосок приятно прозвучал в ушах каждого. Володя бодро шел впереди солдат, и хотя сердце у него стучало так, как будто он пробежал во весь дух несколько верст, походка была легкая, и лицо веселое. Подходя уже к самому Малахову кургану, поднимаясь на гору, он заметил, что Вланг, ни на шаг не отстававший от него и дома казавшийся таким храбрым, беспрестанно сторонился и нагибал голову, как будто все бомбы и ядра, уже очень часто свистевшие тут, летели прямо на него. Некоторые из солдатиков делали то же, и вообще на большей части их лиц выражалось, ежели не боязнь, то беспокойство. Эти обстоятельства окончательно успокоили и ободрили Володю.

«Так вот я и на Малаховом кургане, который я воображал совершенно напрасно таким страшным! И я могу итти, не кланяясь ядрам, и трушу даже гораздо меньше других! Так я не трус?» подумал он с наслаждением и даже некоторым восторгом самодовольства.

---

[1] Руководство для артиллерийских офицеров, изданное Безаком.

Однако это чувство бесстрашия и самодовольства было скоро поколеблено зрелищем, на которое он наткнулся в сумерках на Корниловской батарее, отыскивая начальника бастиона. Четыре человека матросов около бруствера за ноги и за руки держали окровавленный труп какого-то человека без сапог и шинели и раскачивали его, желая перекинуть через бруствер. (На второй день бомбардирования не успевали убирать тела на бастионах и выкидывали их в ров, чтобы они не мешали на батареях). Володя с минуту остолбенел, увидав, как труп ударился на вершину бруствера и потом медленно скатился оттуда в канаву; но на его счастье тут же начальник бастиона встретился ему, отдал приказания и дал проводника на батарею и в блиндаж, назначенный для прислуги. Не буду рассказывать, сколько еще ужасов, опасностей и разочарований испытал наш герой в этот вечер: как вместо такой стрельбы, которую он видел на Волковом поле, при всех условиях точности и порядка, которые он надеялся найти здесь, он нашел 2 разбитые мортирки без прицелов, из которых одна была смята ядром в дуле, а другая стояла на щепках разбитой платформы; как он не мог до утра добиться рабочих, чтоб починить платформу; как ни один заряд не был того веса, который означен был в *Руководстве*, как ранили 2 солдат его команды, и как 20 раз он был на волоске от смерти. По счастию, в помощь ему назначен был огромного роста комендор, моряк, с начала осады бывший при мортирах и убедивший его в возможности еще действовать из них, с фонарем водивший его ночью по всему бастиону, точно как по своему огороду, и обещавший к завтраму всё устроить. Блиндаж, к которому провел его проводник, была вырытая в каменном грунте, в две кубические сажени, продолговатая яма, накрытая аршинными дубовыми бревнами. В ней-то он поместился со всеми своими солдатами. Вланг первый, как только увидал в аршин низенькую дверь блиндажа, опрометью, прежде всех, вбежал в нее и, чуть не разбившись о каменный пол, забился в угол, из которого уже не выходил больше. Володя же, когда все солдаты поместились вдоль стен на полу, и некоторые закурили трубочки, разбил свою кровать в углу, зажег свечку и, закурив папироску, лег на койку. Над блиндажем слышались беспрестанные выстрелы, но не слишком громко, исключая одной пушки, стоявшей рядом и потрясавшей блиндаж так сильно, что с потолка земля сыпалась. В самом блиндаже было тихо;

только солдаты, еще дичась нового офицера, изредка перегова-ривались, прося один другого посторониться или огню трубочку закурить; крыса скреблась где-то между камнями, или Вланг, не пришедший еще в себя и дико смотревший кругом, вздыхал вдруг громким вздохом. Володя на своей кровати, в набитом народом уголке, освещенном одной свечкой, испытывал то чувство уютности, которое было у него, когда ребенком, играя в прятки, бывало, он залезал в шкап или под юбку матери и. не переводя дыхания, слушал, боялся мрака и вместе наслаж-дался чем-то. Ему было и жутко немножко, и весело.

22.

Минут через 10 солдатики поосмелились и поразговорились. Поближе к огню и кровати офицера расположились люди по-значительнее — два фейерверкера: один — седой, старый, со всеми медалями и крестами, исключая георгиевского; другой — молодой из кантонистов, куривший верченые папироски. Ба-рабанщик, как и всегда, взял на себя обязанность прислуживать офицеру. Бомбардиры и кавалеры сидели поближе, а уж там, в тени около входа, поместились *покорные*. Между ними-то и на-чался разговор. Поводом к нему был шум быстро ввалившегося в блиндаж человека.

— Что, брат, на улице не посидел? али не весело девки иг-рают? — сказал один голос.

— Такие песни играют чудные, что в деревне никогда не слыхивали, — сказал смеясь тот, который вбежал в блиндаж.

— А не любит Васин бомбов, ох, не любит! — сказал один из аристократического угла.

— Что ж! когда нужно, совсем другая статья! — сказал мед-ленный голос Васина, который, когда говорил, то все другие замолкали. — 24-го числа так палили по крайности; а то что ж дурно-то на говне убьет, и начальство за это нашему брату спа-сибо не говорит.

При этих словах Васина все засмеялись.

— Вот Мельников тот, небось, всё на дворе сидит, — ска-зал кто-то.

— А пошлите его сюда, Мельникова-то, — прибавил старый фейерверкер: — и в самом деле убьет так, понапрасну.

— Что это за Мельников? — спросил Володя.

— А такой у нас, ваше благородие, глупый солдатик есть. Он ничего как есть не боится и теперь всё на дворе ходит. Вы его извольте посмотреть: он и из себя-то на *ведмедя* похож.

— Он заговор знает, — сказал медлительный голос Васина из другого угла.

Мельников вошел в блиндаж. Это был толстый (что чрезвычайная редкость между солдатами), рыжий, красный мужчина, с огромным выпуклым лбом и выпуклыми ясно-голубыми глазами.

— Что, ты не боишься бомб? — спросил его Володя.

— Чего бояться бомбов-то! — отвечал Мельников, пожимаясь и почесываясь: — меня из бомбы не убьют, я знаю.

— Так ты бы захотел тут жить?

— А известно, захотел бы. Тут весело! — сказал он, вдруг расхохотавшись.

— О, так тебя надо на вылазку взять! Хочешь, я скажу генералу? — сказал Володя, хотя он не знал здесь ни одного генерала.

— А как не хотеть! Хочу!

И Мельников спрятался за других.

— Давайте в носки, ребята! У кого карты есть? — послышался его торопливый голос.

Действительно, скоро в заднем углу завязалась игра, — слышались удары по носу, смех и козырянье. Володя напился чаю из самовара, который наставил ему барабанщик, угощал фейерверкеров, шутил, заговаривал с ними, желая заслужить популярность, и очень довольный тем уважением, которое ему оказывали. Солдатики тоже, заметив, что барин *прдстый*, поразговорились. Один рассказывал, как скоро должно кончиться осадное положение [в] Севастополе, что ему верный флотский человек рассказывал, как Кистентин, царев брат, с мериканским флотом идет нам на выручку, еще как скоро уговор будет, чтобы не палить две недели и отдых дать, а коли кто выпалит, то за каждый выстрел 75 копеек штрафу платить будут.

Васин, который, как успел рассмотреть Володя, был маленький, с большими добрыми глазами, бакенбардист, рассказал, при общем сначала молчании, а потом хохоте, как, приехав в отпуск, сначала ему были ради, а потом отец стал его посылать на работу, а за женой лесничий поручик дрожки присылал.

Всё это чрезвычайно забавляло Володю. Он не только не чувствовал ни малейшего страха или неудовольствия от тесноты и тяжелого запаха в блиндаже, но ему чрезвычайно легко и приятно было.

Уже многие солдаты храпели. Вланг тоже растянулся на полу, и старый фейерверкер, расстелив шинель, крестясь, бормотал молитвы перед сном, когда Володе захотелось выйти из блиндажа — посмотреть, что̀ на дворе делается.

— Подбирай ноги! — закричали друг другу солдаты, только что он встал, и ноги, поджимаясь, дали ему дорогу.

Вланг, казавшийся спящим, вдруг поднял голову и схватил за полу шинели Володю.

— Ну полноте, не ходите, как можно! — заговорил он слезливо-убедительным тоном: — ведь вы еще не знаете; там беспрестанно падают ядра; лучше здесь...

Но, несмотря на просьбы Вланга, Володя выбрался из блиндажа и сел на пороге, на котором уже сидел переобуваясь Мельников.

Воздух был чистый и свежий, — особенно после блиндажа, — ночь была ясная и тихая. За гулом выстрелов слышался звук колес телег, привозивших туры и говор людей, работающих на пороховом погребе. Над головами стояло высокое звездное небо, по которому беспрестанно пробегали огненные полосы бомб; налево, в аршине, маленькое отверстие вело в другой блиндаж, в которое виднелись ноги и спины матросов, живших там, и слышались пьяные голоса их; впереди виднелось возвышение порохового погреба, мимо которого мелькали фигуры согнувшихся людей, и на котором, на самом верху, под пулями и бомбами, которые беспрестанно свистели в этом месте, стояла какая-то высокая фигура в черном пальто, с руками в карманах, и ногами притаптывала землю, которую мешками носили туда другие люди. Часто бомба пролетала и рвалась весьма близко от погреба. Солдаты, носившие землю, пригибались, сторонились; черная же фигура не двигалась, спокойно утаптывая землю ногами, и всё в той же позе оставалась на месте.

— Кто этот черный? — спросил Володя у Мельникова.

— Не могу знать; пойду, посмотрю.

— Не ходи, не нужно.

Но Мельников, не слушая, встал, подошел к черному человеку и весьма долго так же равнодушно и недвижимо стоял около него.

— Это погребной, ваше благородие! — сказал он, возвратившись: — погребок пробило бомбой, так пехотные землю носют.

Изредка бомбы летели прямо, казалось, к двери блиндажа. Тогда Володя прятался за угол и снова высовывался, глядя наверх, не летит ли еще сюда. Хотя Вланг несколько раз из блиндажа умолял Володю вернуться, он часа три просидел на пороге, находя какое-то удовольствие в испытываньи судьбы и наблюдении за полетом бомб. Под конец вечера уж он знал, откуда сколько стреляет орудий, и куда ложатся их снаряды.

23.

На другой день, 27-го числа, после 10-тичасового сна, Володя, свежий, бодрый, рано утром вышел на порог блиндажа. Вланг тоже было вылез вместе с ним, но при первом звуке пули стремглав, пробивая себе головой дорогу, кубарем бросился назад в отверстие блиндажа, при общем хохоте тоже большей частью повышедших на воздух солдатиков. Только Васин, старик фейерверкер и несколько других выходили редко в траншею; остальных нельзя было удержать: все повысыпали на свежий, утренний воздух из смрадного блиндажа и, несмотря на столь же сильное, как и накануне, бомбардированье, расположились кто около порога, кто под бруствером. Мельников уже с самой зорьки прогуливался по батареям, равнодушно поглядывая вверх.

Около порога сидели два старых и один молодой курчавый солдат из жидов[1] по наружности. Солдат этот, подняв одну из валявшихся пуль и черепком расплюснув ее о камень, ножом вырезал из нее крест на манер георгиевского; другие, разговаривая, смотрели на его работу. Крест, действительно, выходил очень красив.

— А что, как еще постоим здесь сколько-нибудь, — говорил один из них, — так по замиреньи всем в отставку срок выйдет.

— Как же! мне и то всего 4 года до отставки оставалось, а теперь 5 месяцев простоял в Сивастополе.

— К отставке не считается, слышь, — сказал другой.

В это время ядро просвистело над головами говоривших и в аршине ударилось от Мельникова, подходившего к ним по траншее.

---

[1] *См. ниже в Словаре трудных для понимания слов.*

— Чуть не убило Мельникова, — сказал один.

— Не убьет, — отвечал Мельников.

— Вот на же тебе хрест за храбрость, — сказал молодой солдат, делавший крест, и отдавая его Мельникову.

— Нет, брат, тут, значит, месяц за год ко всему считается — на то приказ был, — продолжался разговор.

— Как ни суди, бисприменно по замиреньи исделают смотр царский в *Аршаве*, и коли не отставка, так в бессрочные выпустят.

В это время визгливая, зацепившаяся пулька пролетела над самыми головами и ударилась о камень.

— Смотри, еще до вечера *в чистую* выйдешь, — сказал один из солдат.

И все засмеялись.

И не только до вечера, но через 2 часа уже двое из них получили чистую, а 5 были ранены; но остальные шутили точно так же.

Действительно, к утру две мортирки были приведены в такое положение, что можно было стрелять из них. Часу в 10-м, по полученному приказанию от начальника бастиона, Володя вызвал свою команду и с ней вместе пошел на батарею.

В людях незаметно было и капли того чувства боязни, которое выражалось вчера, как скоро они принялись за дело. Только Вланг не мог преодолеть себя: прятался и гнулся всё так же, и Васин потерял свое спокойствие, суетился и приседал беспрестанно. Володя же был в совершенном восторге: ему не приходила и мысль об опасности. Радость, что он исполняет хорошо свою обязанность, что он не только не трус, но даже храбр, чувство командования и присутствие 20 человек, которые, он знал, с любопытством смотрели на него, сделали из него совершенного молодца. Он даже тщеславился своею храбростью, франтил перед солдатами, вылезал на банкет и нарочно расстегнул шинель, чтобы его заметнее было. Начальник бастиона, обходивший в это время *свое хозяйство*, по его выражению, как он ни привык в 8 месяцев ко всяким родам храбрости, не мог не полюбоваться на этого хорошенького мальчика в расстегнутой шинели, из-под которой видна красная рубашка, обхватывающая белую нежную шею, с разгоревшимся лицом и глазами, похлопывающего руками и звонким голоском командующего: «первое, второе!» и весело взбегающего на брустер, чтобы по-

смотреть, куда падает его бомба. В половине 12-го стрельба с обеих сторон затихла, а ровно в 12 часов начался штурм Малахова кургана, 2, 3 и 5 бастионов.

24.

По сю сторону бухты, между Инкерманом и Северным укреплением, на холме телеграфа, около полудня стояли два моряка, один — офицер, смотревший в трубу на Севастополь, и другой, вместе с казаком только что подъехавший к большой вехе.

Солнце светло и высоко стояло над бухтой, игравшею с своими стоящими кораблями и движущимися парусами и лодками веселым и теплым блеском. Легкий ветерок едва шевелил листья засыхающих дубовых кустов около телеграфа, надувал паруса лодок и колыхал волны. Севастополь, всё тот же, с своею недостроенной церковью, колонной, набережной, зеленеющим на горе бульваром и изящным строением библиотеки, с своими маленькими лазуревыми бухточками, наполненными мачтами, живописными арками водопроводов и с облаками синего порохового дыма, освещаемыми иногда багровым пламенем выстрелов; всё тот же красивый, праздничный, гордый Севастополь, окруженный с одной стороны желтыми дымящимися горами, с другой — ярко-синим, играющим на солнце морем, виднелся на той стороне бухты. Над горизонтом моря, по которому дымилась полоса черного дыма какого-то парохода, ползли длинные белые облака, обещая ветер. По всей линии укреплений, особенно по горам левой стороны, по нескольку вдруг, беспрестанно, с молнией, блестевшей иногда даже в полуденном свете, рождались клубки густого, сжатого белого дыма, разростались, принимая различные формы, поднимались и темнее окрашивались в небе. Дымки эти, мелькая то там, то здесь, рождались по горам, на батареях неприятельских, и в городе, и высоко на небе. Звуки взрывов не умолкали и, переливаясь, потрясали воздух...

К двенадцати часам дымки стали показываться реже и реже, воздух меньше колебался от гула.

— Однако 2-й бастион уже совсем не отвечает, — сказал гусарский офицер, сидевший верхом: — весь разбит! Ужасно!

— Да и Малахов нешто на три их выстрела посылает один, — отвечал тот, который смотрел в трубу: — это меня бесит, что

они молчат. Вот опять прямо в Корниловскую попала, а она ничего не отвечает.

— А посмотри, к двенадцати часам, я говорил, они всегда перестают бомбардировать. Вот и нынче так же. Поедем лучше завтракать... нас ждут уже теперь... нечего смотреть.

— Постой, не мешай! — отвечал смотревший в трубу, с особенною жадностью глядя на Севастополь.

— Что там? что?

— Движение в траншеях, густые колонны идут.

— Да и так видно,—сказал моряк:—идут колоннами. Надо дать сигнал.

— Смотри, смотри! вышли из траншеи.

Действительно, простым глазом видно было, как будто темные пятна двигались с горы через балку от французских батарей к бастионам. Впереди этих пятен видны были темные полосы уже около нашей линии. На бастионах вспыхнули в разных местах, как бы перебегая, белые дымки выстрелов. Ветер донес звуки ружейной, частой, как дождь бьет по окнам, перестрелки. Черные полосы двигались в самом дыму, ближе и ближе. Звуки стрельбы, усиливаясь и усиливаясь, слились в продолжительный перекатывающийся грохот. Дым, поднимаясь чаще и чаще, расходился быстро по линии и слился наконец весь в одно лиловатое, свивающееся и развивающееся облако, в котором кое-где едва мелькали огни и черные точки,— все звуки — в один перекатывающийся треск.

— Штурм! — сказал офицер с бледным лицом, отдавая трубку моряку.

Казаки проскакали по дороге, офицеры верхами, главнокомандующий в коляске и со свитой проехал мимо. На каждом лице видны были тяжелое волнение и ожидание чего-то ужасного.

— Не может быть, чтоб взяли! — сказал офицер на лошади.

— Ей-Богу, знамя! посмотри! посмотри! — сказал другой, задыхаясь и отходя от трубы: — французское на Малаховом.

— Не может быть!

25.

Козельцов старший, успевший отыграться в ночь и снова спустить всё, даже золотые, зашитые в обшлаге, перед утром спал еще нездоровым, тяжелым, но крепким сном, в оборони-

тельной казарме 5-го бастиона, когда, повторяемый различными голосами, раздался роковой крик:

— Тревога!..

— Что вы спите, Михайло Семеныч! Штурм! — крикнул ему чей-то голос.

— Верно, школьник какой-нибудь, — сказал он, открывая глаза и не веря еще.

Но вдруг он увидел одного офицера, бегающего без всякой видимой цели из угла в угол, с таким бледным испуганным лицом, что он всё понял. Мысль, что его могут принять за труса, не хотевшего выйти к роте в критическую минуту, поразила его ужасно. Он во весь дух побежал к роте. Стрельба орудийная кончилась; но трескотня ружей была во всем разгаре. Пули свистели не по одной, как штуцерные, а роями, как стадо осенних птичек пролетает над головами. Всё то место, на котором стоял вчера его баталион, было застлано дымом, были слышны недружные крики и возгласы. Солдаты, раненые и нераненые, толпами попадались ему навстречу. Пробежав еще шагов 30, он увидал свою роту, прижавшуюся к стенке и лицо одного из своих солдат, но бледное, бледное, испуганное. Другие лица были такие же.

Чувство страха невольно сообщилось и Козельцову: мороз пробежал ему по коже.

— Заняли Шварца, — сказал молодой офицер, у которого зубы щелкали друг о друга. — Всё пропало!

— Вздор, — сказал сердито Козельцов и, желая возбудить себя жестом, выхватил свою маленькую железную тупую сабельку и закричал:

— Вперед, ребята! Ура-а!

Голос был звучный и громкий; он возбудил самого Козельцова. Он побежал вперед вдоль траверса; человек 50 солдат с криками побежало за ним. Когда они выбежали из-за траверса на открытую площадку, пули посыпались буквально как град; две ударились в него, но куда и что они сделали, контузили, ранили его, он не имел времени решить. Впереди, в дыму видны были ему уже синие мундиры, красные панталоны, и слышны нерусские крики; один француз стоял на бруствере, махал шапкой и кричал что-то. Козельцов был уверен, что его убьют; это-то и придавало ему храбрости. Он бежал вперед и вперед. Несколько солдат обогнали его; другие солдаты показались откуда-то

сбоку и бежали тоже. Синие мундиры оставались в том же расстоянии, убегая от него назад к своим траншеям, но под ногами попадались раненые и убитые. Добежав уже до внешнего рва, все смешались в глазах Козельцова, и он почувствовал боль в груди и, сев на банкет, с огромным наслаждением увидал в амбразуру, как толпы синих мундиров в беспорядке бежали к своим траншеям, и как по всему полю лежали убитые и ползали раненые в красных штанах и синих мундирах.

Через полчаса он лежал на носилках, около Николаевской казармы, и знал, что он ранен, но боли почти не чувствовал; ему хотелось только напиться чего-нибудь холодного и лечь попокойнее.

Маленький, толстый, с большими черными бакенбардами доктор подошел к нему и расстегнул шинель. Козельцов через подбородок смотрел на то, что делает доктор с его раной, и на лицо доктора, но боли никакой не чувствовал. Доктор закрыл рану рубашкой, отер пальцы о полы пальто и молча, не глядя на раненого, отошел к другому. Козельцов бессознательно следил глазами за тем, что делалось перед ним. Вспомнив то, что было на 5 бастионе, он с чрезвычайно отрадным чувством самодовольства подумал, что он хорошо исполнил свой долг, что в первый раз за всю свою службу он поступил так хорошо, как только можно было, и ни в чем не может упрекнуть себя. Доктор, перевязывая другого раненого офицера, сказал что-то, указывая на Козельцова священнику с большой рыжей бородой, с крестом, стоявшему тут.

— Что, я умру? — спросил Козельцов у священника, когда он подошел к нему.

Священник, не отвечая, прочел молитву и подал крест раненому.

Смерть не испугала Козельцова. Он взял слабыми руками крест, прижал его к губам и заплакал.

— Что, выбиты французы везде? — твердо спросил он у священника.

— Везде победа за нами осталась, — отвечал священник, говоривший на *о*, скрывая от раненого, чтобы не огорчить его, то, что на Малаховом кургане уже развевалось французское знамя.

— Слава Богу, слава Богу — проговорил раненый, не чувствуя, как слезы текли по его щекам, и испытывая невыра-

зимый восторг сознания того, что он сделал геройское дело.

Мысль о брате мелькнула на мгновенье в его голове. «Дай Бог ему такого же счастия», подумал он.

26.

Но не такая участь ожидала Володю. Он слушал сказку, которую рассказывал ему Васин, когда закричали: «французы идут!» Кровь прилила мгновенно к сердцу Володи, и он почувствовал, как похолодели и побледнели его щеки.

С секунду он оставался недвижим; но, взглянув кругом, он увидел, что солдаты довольно спокойно застегивали шинели и вылезали один за другим; один даже — кажется, Мельников — шутливо сказал:

— Выходи с хлебом-солью, ребята!

Володя вместе с *Влангой*, который ни на шаг не отставал от него, вылез из блиндажа и побежал на батарею. Артиллерийской стрельбы ни с той, ни с другой стороны совершенно не было. Не столько вид спокойствия солдат, сколько жалкой, нескрываемой трусости юнкера возбудил его. «Неужели я могу быть похож на него?» подумал он и весело подбежал к брустверу, около которого стояли его мортирки. Ему ясно видно было, как французы бежали к бастиону по чистому полю и как толпы их с блестящими на солнце штыками шевелились в ближайших траншеях. Один, маленький, широкоплечий, в зуавском мундире, с шпагой в руке, бежал впереди и перепрыгивал через ямы. «Стрелять картечью!» крикнул Володя, сбегая с банкета; но уже солдаты распорядились без него, и металлический звук выпущенной картечи просвистел над его головой, сначала из одной, потом из другой мортиры. «Первое! второе!» командовал Володя, перебегая в дыму от одной мортиры к другой и совершенно забыв об опасности. Сбоку слышалась близкая трескотня ружей нашего прикрытия и суетливые крики.

Вдруг поразительный крик отчаяния, повторенный несколькими голосами, послышался слева: «Обходят! Обходят!» Володя оглянулся на крик. Человек 20 французов показались сзади. Один из них, с черной бородой, в красной феске, красивый мужчина, был впереди всех, но, добежав шагов на 10 до батареи, остановился и выстрелил и потом снова побежал вперед. С секунду Володя стоял, как окаменелый и не верил глазам

своим. Когда он опомнился и оглянулся, впереди его были на бруствере синие мундиры и даже один спустившись заклепывал пушку. Кругом него, кроме Мельникова, убитого пулею подле него, и Вланга, схватившего вдруг в руки хандшпуг и с яростным выражением лица и опущенными зрачками бросившегося вперед, никого не было. «За мной, Владимир Семеныч! за мной! Пропали!» кричал отчаянный голос Вланга, хандшпугом махавшего на французов, зашедших сзади. Яростная фигура юнкера озадачила их. Одного, переднего, он ударил по голове, другие невольно приостановились, и Вланг, продолжая оглядываться и отчаянно кричать: «За мной, Владимир Семеныч! что вы стоите! Бегите!» подбежал к траншее, в которой лежала наша пехота, стреляя по французам. Вскочивши в траншею, он снова высунулся из нее, чтобы посмотреть, что делает его обожаемый прапорщик. Что-то в шинели ничком лежало на том месте, где стоял Володя, и всё это пространство было уже занято французами, стрелявшими в наших.

27.

Вланг нашел свою батарею на 2-й оборонительной линии. Из числа 20 солдат, бывших на мортирной батарее, спаслось только 8.

В 9-м часу вечера Вланг с батареей на пароходе, наполненном солдатами, пушками, лошадьми и ранеными, переправлялся на Северную. Выстрелов нигде не было. Звезды так же, как и прошлую ночь, ярко блестели на небе; но сильный ветер колыхал море. На 1-м и 2-м бастионе вспыхивали по земле молнии; взрывы потрясали воздух и освещали вокруг себя какие-то черные странные предметы и камни, взлетавшие на воздух. Что-то горело около доков, и красное пламя отражалось в воде. Мост, наполненный народом, освещался огнем с Николаевской батареи. Большое пламя стояло, казалось, над водой на далеком мыске Александровской батареи и освещало низ облака дыма, стоявшего над ним, и те же, как и вчера, спокойные, дерзкие огни блестели в море на далеком неприятельском флоте. Свежий ветер колыхал бухту. При свете зарева пожаров видны были мачты наших утопающих кораблей, которые медленно глубже и глубже уходили в воду. Говору не слышно было на палубе: из-за равномерного звука разрезаемых волн

мортирки. Ему ясно было видно, какъ французы бѣжали къ
~~мѣсто~~ по чистому полю и какъ толпы ихъ, съ блестящими на
солнцѣ штыками, шевелились въ ближайшихъ траншеяхъ. Одинъ,
маленькій, широкоплечій, въ зуавскомъ мундирѣ и шпагой, бѣ-
жалъ впереди и перепрыгивалъ черезъ ямы. «Стрѣлять кар-
течью!» крикнулъ Володя, сбѣгая съ банкета; но уже сол-
даты распорядились безъ него, и металлической звукъ выпу-
щенной картечи просвисталъ надъ его головой, сначала изъ
одной, потомъ изъ другой мортиры. «Первая! вторая!» командо-
валъ Володя, перебѣгая въ ~~линію~~ отъ одной мортиры, къ дру-
гой и совершенно забывъ объ опасности. Съ бокуслышалась близ-
кая трескотня ружей нашего прикрытія и суетливые крики.
Вдругъ поразительный крикъ отчаянія, повторенный нѣсколь-
ми голосами, послышался слѣва: «Обходятъ! обходятъ!» Володя
оглянулся на крикъ. Человѣкъ двадцать французовъ показались
сзади. Одинъ изъ нихъ, съ черной бородой, красивый мужчина,
былъ впереди всѣхъ, но, добѣжавъ шаговъ на десять отъ ба-
тареи, остановился и выстрѣлилъ ~~прямо въ Володю~~ и потомъ
снова побѣжалъ ~~къ нему~~. Съ секунду Володя стоялъ, какъ окаме-
нѣлый, и не вѣрилъ глазамъ своимъ. Когда онъ опомнился и
оглянулся, впереди его были на брустверѣ синіе мундиры; кру-
гомъ него, кромѣ Мельникова, убитаго пулею подлѣ него, Вла-
га, схватившаго въ руки ~~ашшуку~~ и съ яростнымъ выраженіемъ
лица, опущенными зрачками, бросившагося впередъ, никого не
было. «За мной, Владиміръ Семенычъ! за мной!» кричалъ от-
чаянный голосъ Влага, ~~ашшугомъ~~ махавшаго на французовъ,
зашедшихъ сзади. Яростная, ~~ужасная~~ фигура юнкера озадачила
ихъ. Одного, передняго, онъ ударилъ по головѣ, другіе невольно
пріостановились, и Влангъ продолжалъ оглядываться и отчаян-
но кричать: «За мной, Владиміръ Семенычъ! что вы стоите?
бѣгите!» ~~Онъ~~ подбѣжалъ къ траншеѣ, въ которой лежала наша
пѣхота, стрѣляя по французамъ. Вскочивъ въ траншею, онъ сно-
ва высунулся изъ нея, чтобы посмотрѣть, что дѣлаетъ Володя.
Что-то въ шинели ничкомъ лежало на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ
Володя, и все это ~~мѣсто~~ было наполнено французами, стрѣляв-
шими въ нашихъ.

Часть 4-й полосы 7-й формы корректуры разсказа «Севастополь в августе».

Размер подлинника.

и пара слышно было, как лошади фыркали и топали ногами на шаланде, слышны были командные слова капитана и стоны раненых. Вланг, не евший целый день, достал кусок хлеба из кармана и начал жевать, но вдруг, вспомнив о Володе, заплакал так громко, что солдаты, бывшие подле него, услыхали.

— Вишь, сам хлеб ест, а сам плачет, *Вланга*-то наш, — сказал Васин.

— Чудно! — сказал другой.

— Вишь, и наши казармы позажгли, — продолжал он, вздыхая: — и сколько там нашего брата пропало; а ни за что француцузу досталось!

— По крайности сами живые вышли, и то слава ти, Господи, — сказал Васин.

— А всё обидно!

— Да что обидно-то? Разве он тут разгуляется? Как же! Гляди, наши опять отберут. Уж сколько б нашего брата ни пропало, а, как Бог свят, велит амператор — и отберут. Разве наши так оставят ему? Как же! На вот тебе голые стены; а шанцы-то все повзорвали... Небось, свой значок на кургане поставил, а в город не суется. Погоди, еще расчет будет с тобой настоящий — дай срок, — заключил он, обращаясь к французам.

— Известно, будет! — сказал другой с убеждением.

По всей линии севастопольских бастионов, столько месяцев кипевших необыкновенной энергической жизнью, столько месяцев видевших сменяемых смертью, одних за другими умирающих героев, и столько месяцев возбуждавших страх, ненависть и наконец восхищение врагов, — на севастопольских бастионах уже нигде никого не было. Всё было мертво, дико, ужасно, — но не тихо: всё еще разрушалось. По изрытой свежими взрывами обсыпавшейся земле везде валялись исковерканные лафеты, придавившие человеческие русские и вражеские трупы, тяжелые, замолкнувшие навсегда чугунные пушки, страшной силой сброшенные в ямы и до половины засыпанные землей, бомбы, ядра, опять трупы, ямы, осколки бревен, блиндажей, и опять молчаливые трупы в серых и синих шинелях. Всё это часто содрогалось еще и освещалось багровым пламенем взрывов, продолжавших потрясать воздух.

Враги видели, что что-то непонятное творилось в грозном Севастополе. Взрывы эти и мертвое молчание на бастионах

заставляли их содрогаться; но они не смели верить еще под влиянием сильного, спокойного отпора дня, чтоб исчез их непоколебимый враг, и, молча, не шевелясь, с трепетом, ожидали конца мрачной ночи.

Севастопольское войско, как море в зыбливую мрачную ночь, сливаясь, развиваясь и тревожно трепеща всей своей массой, колыхаясь у бухты по мосту и на Северной, медленно двигалось в непроницаемой тесноте прочь от места, на котором столько оно оставило храбрых братьев, — от места, всего облитого его кровью — от места, 11 месяцев отстаиваемого от вдвое сильнейшего врага, и которое теперь велено было оставить без боя.

Непонятно тяжело было для каждого русского первое впечатление этого приказания. Второе чувство было страх преследования. Люди чувствовали себя беззащитными, как только оставили те места, на которых привыкли драться, и тревожно толпились во мраке у входа моста, который качал сильный ветер. Сталкиваясь штыками и толпясь полками, экипажами и ополчениями, жалась пехота, проталкивались конные офицеры с приказаниями, плакали и умоляли жители и денщики с кладжею, которую не пропускали; шумя колесами, пробивалась к бухте артиллерия, торопившаяся убираться. Несмотря на увлечение разнородными суетливыми занятиями, чувство самосохранения и желания выбраться как можно скорее из этого страшного места смерти присутствовало в душе каждого. Это чувство было и у смертельно раненого солдата, лежащего между пятьюстами такими же ранеными на каменном полу Павловской набережной и просящего Бога о смерти, и у ополченца, из последних сил втиснувшегося в плотную толпу, чтобы дать дорогу верхом проезжающему генералу, и у генерала, твердо распоряжающегося переправой и удерживающего торопливость солдат, и у матроса, попавшего в движущийся батальон, до лишения дыхания сдавленного колеблющеюся толпой, и у раненого офицера, которого на носилках несли четыре солдата и, остановленные спершимся народом, положили наземь у Николаевской батареи, и у артиллериста, 16 лет служившего при своем орудии и, по непонятному для него приказанию начальства, сталкивающего орудие с помощью товарищей с крутого берега в бухту, и у флотских, только-что выбивших закладки в кораблях и, бойко гребя, на баркасах отплывающих от них.

Выходя на ту сторону моста, почти каждый солдат снимал шапку и крестился.* Но за этим чувством было другое, тяжелое, сосущее и более глубокое чувство: это было чувство, как будто похожее на раскаяние, стыд и злобу. Почти каждый солдат, взглянув с Северной стороны на оставленный Севастополь, с невыразимою горечью в сердце вздыхал и грозился врагам.*

27 декабря.
Петербург.

ПЛАН
ОСАДЫ Г. СЕВАСТОПОЛЯ
И РАСПОЛОЖЕНИЯ ВОЙСК
27 АВГУСТА / 8 СЕНТЯБРЯ 1855 г.
Северное укрепление
Бат. № 1
Бат. Константиновская
Бат. Михайловская
Сухая балка
Бат. № 12
Бараки
Куриная балка
1-я линия затопления кораблей
Линия боков
2-я линия затопления кораблей
Наплавной мост
С Е В А С Т О П О Л Ь С К И Й Р
Бат. Александровская
Бат. Николаевская
Бат. Павловская
Бат. № 10
7-й Баст
Артиллерийская бухта
Благородное собрание
Графская пристань
Пам. Казарскому
Старое адмиралтейство
Корабельная бухта
Корабельная слободка
Ушакова балка
Килен-бухта
1-й Баст.
Бат. № 107 Парижская
Бат. № 124 Генрихова
2-й Баст.
Карантинная бухта
Малый корабельный мост
6-й Баст.
Доки
Карантин
Загородная балка
Библиотека Морская
Южная бухта
Бат. № 18 Корниловский Баст.
Малахов курган
Кладбище
Бат. № 3 Будищева
Бат. № 6 Жерве
Редут Камчатский
Люнет № 7
5-й Баст.
3-й Баст.
Доковая балка
Ред. № 1 Шварца
Бат. № 8 Забуцкого
Ред. Язоновский
Бат. Усова
4-й Баст.
Бат. № 38 Костомарова
Бульварная лощина
Лабораторная балка
Сарандинакина балка
Карантинная балка
2
1

Северное укрепление
Бараки
Куриная балка
Бат. № 12
О Л Ь С К И Й Р Е Й Д
Корабельная слободка
Ушакова балка
Килен-бухта
1-й Баст.
Бат. № 107 Парижская
Бат. № 124 Генрихова
2-й Баст.
Доки
Бат. № 18 Корниловский Баст.
Малахов курган
Бат. № 3 Будищева
Бат. № 6 Жерве
Редут Камчатский
Доковая балка
3-й Баст.
Бат. Усова
Лабораторная балка
УСЛОВНОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ:
Дома
Лес
Укрепления
Войска:
Русские
Французские
Английские
Сардинские
2 1 0 2 4 вер

УТРО ПОМЕЩИКА

(1852 — 1856)

I.

Князю Нехлюдову было девятнадцать лет, когда он из 3-го курса университета приехал на летние ваканции в свою деревню, и один пробыл в ней всё лето. Осенью он неустановившейся ребяческой рукой написал к своей тётке, графине Белорецкой, которая, по его понятиям, была его лучший друг и самая гениальная женщина в мире, следующее переведенное здесь французское письмо:

«Милая тётушка.

«Я принял решение, от которого должна зависеть участь всей моей жизни. Я выхожу из университета, чтоб посвятить себя жизни в деревне, потому что чувствую, что рожден для нее. Ради Бога, милая тётушка, не смейтесь надо мной. Вы скажете, что я молод; может-быть, точно я еще ребенок, но это не мешает мне чувствовать мое призвание, желать делать добро и любить его.

«Как я вам писал уже, я нашел дела в неописанном расстройстве. Желая их привести в порядок и вникнув в них, я открыл, что главное зло заключается в самом жалком, бедственном положении мужиков, и зло такое, которое можно исправить только трудом и терпением. Если б вы только могли видеть двух моих мужиков, Давыда и Ивана, и жизнь, которую они ведут с своими семействами, я уверен, что один вид этих двух несчастных убедил бы вас больше, чем всё то, что̀ я могу сказать вам, чтоб объяснить мое намерение. Не моя ли священная и прямая обязанность заботиться о счастии этих семисот человек, за которых я должен буду отвечать Богу? Не грех ли покидать их на произвол грубых старост и управляющих, из-за планов наслаждения или честолюбия? И зачем искать в другой сфере случаев быть

полезным и делать добро, когда мне открывается такая благородная, блестящая и ближайшая обязанность? Я чувствую себя способным быть хорошим хозяином; а для того чтоб быть им, как я разумею это слово, не нужно ни кандидатского диплома, ни чинов, которые вы так желаете для меня. Милая тётушка, не делайте за меня честолюбивых планов, привыкните к мысли, что я пошел по совершенно-особенной дороге, но которая хороша и, я чувствую, приведет меня к счастию. Я много и много передумал о своей будущей обязанности, написал себе правила действий, и, если только Бог даст мне жизни и сил, я успею в своем предприятии.

«Не показывайте письма этого брату Васе: я боюсь его насмешек; он привык первенствовать надо мной, а я привык подчиняться ему. Ваня если и не одобрит мое намерение, то поймет его».

Графиня отвечала ему следующим письмом, тоже переведенным здесь с французского:

«Твое письмо, милый Дмитрий, ничего мне не доказало, кроме того, что у тебя прекрасное сердце, в чем я никогда и не сомневалась. Но, милый друг, наши добрые качества больше вредят нам в жизни, чем дурные. Не стану говорить тебе, что ты делаешь глупость, что поведение твое огорчает меня, но постараюсь подействовать на тебя одним убеждением. Будем рассуждать, мой друг. Ты говоришь, что чувствуешь призвание к деревенской жизни, что хочешь сделать счастие своих крестьян и что надеешься быть добрым хозяином. 1) Я должна сказать тебе, что мы чувствуем свое призвание только тогда, когда уж раз ошибемся в нем; 2) что легче сделать собственное счастие, чем счастие других, и 3) что для того, чтоб быть добрым хозяином, нужно быть холодным и строгим человеком, чем ты едва ли когда-нибудь будешь, хотя и стараешься притворяться таким.

«Ты считаешь свои рассуждения непреложными и даже принимаешь их за правила в жизни; но в мои лета, мой друг, не верят в рассуждения и в правила, а верят только в опыт; а опыт говорит мне, что твои планы — ребячество. Мне уже под пятьдесят лет, и я много знавала достойных людей, но никогда не слыхивала, чтоб молодой человек с именем и способностями, под предлогом делать добро, зарылся в деревне. Ты всегда хотел казаться оригиналом, а твоя оригинальность не что иное, как

излишнее самолюбие. И, мой друг! выбирай лучше торные дорожки: они ближе ведут к успеху, а успех, если уж ненужен для тебя как успех, то необходим для того, чтоб иметь возможность делать добро, которое ты любишь.

«Нищета нескольких крестьян — зло необходимое, или такое зло, которому можно помочь, не забывая всех своих обязанностей к обществу, к своим родным и к самому себе. С твоим умом, с твоим сердцем и любовью к добродетели нет карьеры, в которой бы ты не имел успеха; но выбирай по крайней мере такую, которая бы тебя стòила и сделала бы тебе честь.

«Я верю в твою искренность, когда ты говоришь, что у тебя нет честолюбия; но ты сам обманываешь себя. Честолюбие — добродетель в твои лета и с твоими средствами; но она делается недостатком и пошлостью, когда человек уже не в состоянии удовлетворить этой страсти. И ты испытаешь это, если не изменишь своему намерению. Прощай, милый Митя. Мне кажется, что я тебя люблю еще больше за твой нелепый, но благородный и великодушный план. Делай, как знаешь, но, признаюсь, не могу согласиться с тобой».

Молодой человек, получив это письмо, долго думал над ним и, наконец решив, что и гениальная женщина может ошибаться, подал прошение об увольнении из университета и навсегда остался в деревне.

II.

У молодого помещика, как он писал своей тётке, были составлены правила действий по своему хозяйству, и вся жизнь и занятия его были распределены по часам, дням и месяцам. Воскресенье было назначено для приема просителей, дворовых и мужиков, для обхода хозяйства бедных крестьян и для подания им помощи с согласия мира, который собирался вечером каждое воскресенье и должен был решать, кому и какую помощь нужно было оказывать. В таких занятиях прошло более года, и молодой человек был уже не совсем новичок ни в практическом, ни в теоретическом знании хозяйства.

Было ясное июньское воскресенье, когда Нехлюдов, напившись кофею и пробежав главу «Maison Rustique»,[1] с записной книжкой и пачкой ассигнаций в кармане своего легонького

[1] [Ферма,]

пальто, вышел из большого с колоннадами и террасами деревенского дома, в котором занимал внизу одну маленькую комнатку, и по неочищенным, заросшим дорожкам старого английского сада направился к селу, расположенному по обеим сторонам большой дороги. Нехлюдов был высокий, стройный молодой человек с большими, густыми, вьющимися темнорусыми волосами, с светлым блеском в черных глазах, свежими щеками и румяными губами, над которыми только показывался первый пушок юности. Во всех движеньях его и походке заметны были сила, энергия и добродушное самодовольство молодости. Крестьянский народ пестрыми толпами возвращался из церкви; старики, девки, дети, бабы с грудными младенцами, в праздничных одеждах, расходились по своим избам, низко кланяясь барину и обходя его. Войдя в улицу, Нехлюдов остановился, вынул из кармана записную книжку, и на последней, исписанной детским почерком странице прочел несколько крестьянских имен с отметками. *Иван Чурисенок — просил сошек*, прочел он и войдя в улицу, подошел к воротам второй избы справа.

Жилище Чурисенка составляли: полусгнивший, подопрелый с углов сруб, погнувшийся на-бок и вросший в землю так, что над самой навозной завалиной виднелись одно разбитое красное волоковое оконце с полуоторванным ставнем, и другое, волчье, заткнутое хлопком. Рубленые сени, с грязным порогом и низкой дверью, другой маленький срубец, еще древнее и еще ниже сеней, ворота и плетеная клеть лепились около главной избы. Всё это было когда-то покрыто под одну неровную крышу; теперь же только на застрехе густо нависла черная, гниющая солома; наверху же местами видны были решетник и стропила. Перед двором был колодезь с развалившимся срубиком, остатком столба и колеса и с грязной, истоптанной скотиною лужей, в которой полоскались утки. Около колодца стояли две старые, треснувшие и надломленные ракиты, с редкими, бледно-зелеными ветвями. Под одной из этих ракит, свидетельствовавших о том, что кто-то и когда-то заботился об украшении этого места, сидела восьмилетняя белокурая девочка и заставляла ползать вокруг себя другую двухлетнюю девчонку. Дворной щенок, вилявший около них, увидав барина, опрометью бросился под ворота и залился оттуда испуганным, дребезжащим лаем.

— Дома ли Иван? — спросил Нехлюдов.

Старшая девочка как будто остолбенела при этом вопросе и начала всё более и более открывать глаза, ничего не отвечая; меньшая же открыла рот и собиралась плакать. Небольшая старушонка, в изорванной клетчатой панёве, низко подпоясанной стареньким, красноватым кушаком, выглядывала из-за двери и тоже ничего не отвечала. Нехлюдов подошел к сеням и повторил вопрос.

— Дома, кормилец, — проговорила дребезжащим голосом старушонка, низко кланяясь и вся приходя в какое-то испуганное волнение.

Когда Нехлюдов, поздоровавшись с ней, прошел через сени на тесный двор, старуха подперлась ладонью, подошла к двери и, не спуская глаз с барина, тихо стала покачивать головой. На дворе бедно; кое-где лежал старый, невоженный, почерневший навоз; на навозе беспорядочно валялись прелая колода, вилы и две бороны. Навесы вокруг двора, под которыми с одной стороны стояли соха, телега без колеса и лежала куча сваленных друг на друга, пустых, негодных пчелиных колодок, были почти все раскрыты, и одна сторона их обрушилась, так что спереди перемёты лежали уже не на сохах, а на навозе. Чурисенок топором и обухом выламывал плетень, который придавила крыша. Иван Чурис был мужик лет пятидесяти, ниже обыкновенного роста. Черты его загорелого, продолговатого лица, окруженного темнорусой с проседью бородою и такими же густыми волосами, были красивы и выразительны. Его темно-голубые, полузакрытые глаза глядели умно и добродушно-беззаботно. Небольшой правильный рот, резко обозначавшийся из-под русых, редких усов, когда он улыбался, выражал спокойную уверенность в себе и несколько насмешливое равнодушие ко всему окружающему. По грубости кожи, глубоким морщинам, резко-обозначенным жилам на шее, лице и руках, по неестественной сутуловатости и кривому, дугообразному положению ног видно было, что вся жизнь его прошла в непосильной, слишком тяжелой работе. Одежда его состояла из белых посконных порток, с синими заплатками на коленях, и такой же грязной, расползавшейся на спине и руках рубахи. Рубаха низко подпоясывалась тесемкой с висевшим на ней медным ключиком.

— Бог помощь! — сказал барин, входя на двор.

Чурисенок оглянулся и снова принялся за свое дело. Сделав энергическое усилие, он выпростал плетень из-под навеса

и тогда только воткнул топор в колоду и, оправляя поясок, вышел на средину двора.

— С праздником, ваше сиятельство! — сказал он, низко кланяясь и встряхивая волосами.

— Спасибо, любезный. Вот пришел твое хозяйство проведать, — с детским дружелюбием и застенчивостью сказал Нехлюдов, оглядывая одежду мужика. — Покажи-ка мне, на что̀ тебе сохи, которые ты просил у меня на сходке.

— Сошки-то? Известно, на что̀ сошки, батюшка, ваше сиятельство. Хоть маломальски подпереть хотелось, сами изволите видеть; вот анадысь угол завалился, еще помиловал Бог, что скотины в ту пору не было. Всё-то еле-еле висит, говорил Чурис, презрительно осматривая свои раскрытые, кривые и обрушенные сараи. — Теперь и стропила, и откосы, и перемёты только тронь, глядишь, дерева дельного не выйдет. А лесу где нынче возьмешь? сами изволите знать.

— Так на что ж тебе пять сошек, когда один сарай уже завалился, а другие скоро завалятся? Тебе нужны не сошки, а стропила, перемёты, столбы — всё новое нужно, — сказал барин, видимо щеголяя своим знанием дела.

Чурисенок молчал.

— Тебе, стало-быть, нужно лесу, а не сошек; та̀к и говорить надо было.

— Вестимо нужно, да взять-то негде: не всё же на барский двор ходить! Коли нашему брату повадку дать к вашему сиятельству за всяким добром на барский двор кланяться, какие мы крестьяне будем? А коли милость ваша на то будет, на счет дубовых макушек, что̀ на господском гумне так, без дела лежат, — сказал он кланяясь и переминаясь с ноги на ногу: — так, може, я, которые подменю, которые поурежу и из старого как-нибудь соорудую.

— Как же из старого? Ведь ты сам говоришь, что всё у тебя старо и гнило: нынче этот угол обвалился, завтра тот, послезавтра третий; так уж ежели делать, так делать всё за̀-ново, чтоб не даром работа пропадала. Ты скажи мне, ка̀к ты думаешь, может твой двор простоять нынче зиму, или нет?

— А кто е знает!

— Нет, ты как думаешь? завалится он, — или нет?

Чурис на минуту задумался.

— Должон весь завалится, — сказал он вдруг.

— Ну, вот видишь ли, ты бы лучше так и на сходке говорил, что тебе надо весь двор пристроить, а не одних сошек. Ведь я рад помочь тебе...

— Много довольны вашей милостью, — недоверчиво и не глядя на барина отвечал Чурисенок. — Мне хоть бы бревна четыре, да сошек пожаловали, так я, может, сам управлюсь; а который негодный лес выберется, так в избу на подпорки пойдет.

— А разве у тебя и изба плоха?

— Того и ждем с бабой, что вот-вот раздавит кого-нибудь, — равнодушно сказал Чурис. — Намедни и то накатина с потолка мою бабу убила!

— Как убила?

— Да так, убила, ваше сиятельство: — по спине как полыхнёт ее, так она до ночи замертво пролежала.

— Что ж, прошло?

— Прошло-то прошло, да всё хворает. Она точно и от-роду хворая.

— Что ты, больна? — спросил Нехлюдов у бабы, продолжавшей стоять в дверях и тотчас же начавшей охать, как только муж стал говорить про нее.

— Всё вот тут не пущает меня, да и шабаш, — отвечала она, указывая на свою грязную, тощую грудь.

— Опять! — с досадой сказал молодой барин, пожимая плечами: — отчего же ты больна, а не приходила сказаться в больницу? Ведь для этого и больница заведена. Разве вам не повещали?

— Повещали, кормилец, да недосуг всё: и на барщину, и дома, и ребятишки — всё одна! Дело наше одинокое...

III.

Нехлюдов вошел в избу. Неровные, закопченные стены в черном углу были увешаны разным тряпьем и платьем, а в красном буквально покрыты красноватыми тараканами, собравшимися около образов и лавки. В середине этой черной, смрадной, шестиаршинной избёнки, в потолке была большая щель, и несмотря на то, что в двух местах стояли подпорки, потолок так погнулся, что, казалось, с минуты на минуту угрожал разрушением.

— Да, изба очень плоха, — сказал барин, всматриваясь в лицо Чурисенка, который, казалось, не хотел начинать говорить об этом предмете.

— Задавит нас, и ребятишек задавит, — начала слезливым голосом приговаривать баба, прислонившись к печи под полатями.

— Ты не говори! — строго сказал Чурис и с тонкой, чуть заметной улыбкой, обозначившейся под его пошевелившимися усами, обратился к барину: — и ума не приложу, что̀ с ней делать, ваше сиятельство, с избой-то; и подпорки, и подкладки клал — ничего нельзя исделать!

— Ка̀к тут зиму зимовать? Ох-ох-о! — сказала баба.

— Оно, коли еще подпорки поставить, новый накатник настлать, — перебил ее муж, с спокойным, деловым выраженьем: — да кой-где перемёты переменить, так, может, как-нибудь пробьемся зиму-то. Прожить можно, только избу всю подпорками загородишь — вот что̀; а тронь ее, так щепки живой не будет; только поколи стоит, держится, — заключил он, видимо весьма довольный тем, что он сообразил это обстоятельство.

Нехлюдову было досадно и больно, что Чурис довел себя до такого положения и не обратился прежде к нему, тогда как он, с самого своего приезда, ни разу не отказывал мужикам и только того добивался, чтоб все прямо приходили к нему за своими нуждами. Он почувствовал даже некоторую злобу на мужика, сердито пожал плечами и нахмурился; но вид нищеты, окружавшей его, и среди этой нищеты спокойная и самодовольная наружность Чуриса, превратили его досаду в какое-то грустное, безнадежное чувство.

— Ну, как же ты, Иван, прежде не сказал мне? — с упреком заметил он, садясь на грязную, кривую лавку.

— Не посмел, ваше сиятельство, — отвечал Чурис с той же чуть заметной улыбкой, переминаясь своими черными, босыми ногами по неровному земляному полу; но он сказал это так смело и спокойно, что трудно было верить, чтоб он не посмел прийти к барину.

— Наше дело мужицкое: ка̀к мы смеем!.. — начала-было, всхлипывая, баба.

— Ну, гуторь, — снова обратился к ней Чурис.

— В этой избе тебе жить нельзя; это вздор! — сказал Нехлюдов, помолчав несколько времени. — А вот что̀ мы сделаем, братец...

— Слушаю-с,—отозвался Чурис.

— Видел ты каменные герардовские избы, что̀ я построил на новом хуторе, что̀ с пустыми стенами?

— Как не видать-с,—отвечал Чурис, открывая улыбкой свои еще целые, белые зубы:—еще не мало дивились, ка̀к клали-то их—мудрёные избы! Ребята смеялись, что не магазеи ли будут, от крыс в стены засыпать. Избы важные!—заключил он с выраженьем насмешливого недоумения, покачав головой:—остроги словно.

— Да, избы славные, сухие и теплые, и от пожара не так опасны,—возразил барин, нахмурив свое молодое лицо, видимо недовольный насмешкой мужика.

— Неспорно, ваше сиятельство, избы важные.

— Ну, так вот, одна изба уж совсем готова. Она десятиаршинная, с сенями, с клетью и совсем уж готова. Я ее, пожалуй, тебе отдам в долг за свою цену: ты когда-нибудь отдашь,—сказал барин с самодовольной улыбкой, которую он не мог удержать при мысли о том, что делает благодеяние.—Ты свою старую сломаешь,—продолжал он:—она на амбар пойдет; двор тоже перенесем. Вода там славная, огороды вырежу из новины, земли твои во всех трех клинах тоже там, под боком, вырежу. Отлично заживешь! Что ж, разве это тебе не нравится?—спросил Нехлюдов, заметив, что как только он заговорил о переселении, Чурис погрузился в совершенную неподвижность и уже не улыбаясь смотрел в землю.

— Воля вашего сиятельства,—отвечал он, не поднимая глаз.

Старушка выдвинулась вперед, как будто задетая за̀-живо и готовилась сказать что-то, но муж предупредил ее:

— Воля вашего сиятельства,—повторил он решительно и вместе с тем покорно, взглядывая на барина и встряхивая волосами:—а на новом хуторе нам жить не приходится.

— Отчего?

— Нет, ваше сиятельство, коли нас туда переселите, мы и здесь-то плохи, а там вам навек мужиками не будем. Какие мы там мужики будем? Да там и жить-то нельзя, воля ваша!

— Да отчего ж?

— Из последнего разоримся, ваше сиятельство.

— Отчего ж там жить нельзя?

— Какая же там жизнь? Ты посуди: место не жилое, вода неизвестная, выгона нету-ти. Коноплянники у нас здесь искони

навозные, а там что̀? Да и что̀ там? голь! Ни плетней, ни овинов, ни сараев, ничего нету-ти. Разоримся мы, ваше сиятельство, коли нас туда погонишь, в конец разоримся! Место новое, неизвестное... — повторил он задумчиво, но решительно покачивая головой.

Нехлюдов стал-было доказывать мужику, что переселение, напротив, очень выгодно для него, что плетни и сараи там построят, что вода там хорошая, и т. д., но тупое молчание Чуриса смущало его, и он почему-то чувствовал, что говорит не так, ка̀к бы следовало. Чурисенок не возражал ему; но̀ когда барин замолчал, он, слегка улыбнувшись, заметил, что лучше бы всего было поселить на этом хуторе стариков дворовых и Алёшу-дурачка, чтоб они там хлеб караулили.

— Вот бы важно-то было! — заметил он и снова усмехнулся. —Пустое это дело, ваше сиятельство!

— Да что̀ ж что место нежилое? — терпеливо настаивал Нехлюдов: — ведь и здесь когда-то место было нежилое, а вот живут же люди: и там, вот, ты только первый поселись с легкой руки... Ты непременно поселись...

— И, батюшка, ваше сиятельство, ка̀к можно сличить! — с живостью отвечал Чурис, как будто испугавшись, чтоб барин не принял окончательного решения: — здесь на миру место, место веселое, обычное: и дорога и пруд тебе, белье что ли бабе стирать, скотину ли поить — и всё наше заведение мужицкое, тут искони заведенное, и гумно, и огородишка, и вётлы — вот, что̀ мои родители садили; и дед, и батюшка наши здесь Богу душу отдали, и мне только бы век тут свой кончить, ваше сиятельство, больше ничего не прошу. Буде милость твоя избу поправит — много довольны вашей милостью останемся; а нет, так и в старенькой своей век как-нибудь доживем. Заставь век Бога молить, — продолжал он, низко кланяясь: — не сгоняй ты нас с гнезда нашего, батюшка!..

В то время как Чурис говорил, под полатями, в том месте, где стояла его жена, слышны были всё усиливавшиеся и усиливавшиеся всхлипывания, и когда муж сказал: «батюшка», жена его неожиданно выскочила вперед и, в слезах, ударилась в ноги барину.

— Не погуби, кормилец! Ты наш отец, ты наша мать! Куда нам селиться? Мы люди старые, одинокие. Как Бог, так и ты... — завопила она.

Нехлюдов вскочил с лавки и хотел поднять старуху, но она с каким-то сладострастьем отчаяния билась головой о земляной пол и отталкивала руку барина.

— Что ты! встань, пожалуйста! Коли не хотите, так не надо; я принуждать не стану, — говорил он, махая руками и отступая к двери.

Когда Нехлюдов сел опять на лавку, и в избе водворилось молчание, прерываемое только хныканьем бабы, снова удалившейся под полати и утиравшей там слезы рукавом рубахи, молодой помещик понял, что̀ значила для Чуриса и его жены разваливающаяся избёнка, обвалившийся колодезь с грязной лужей, гниющие хлевушкѝ, сарайчики и треснувшие вётлы, видневшиеся перед кривым оконцем — и ему стало что-то тяжело, грустно, и чего-то совестно.

— Как же ты, Иван, не сказал при мире прошлое воскресенье, что тебе нужна изба? Я теперь не знаю, ка̀к помочь тебе. Я говорил вам всем на первой сходке, что я поселился в деревне и посвятил свою жизнь для вас; что я готов сам лишить себя всего, лишь бы вы были довольны и счастливы — и я перед Богом клянусь, что сдержу свое слово, — говорил юный помещик, не зная того, что такого рода излияния неспособны возбуждать доверия ни в каком, и в особенности в русском человеке, любящем не слова, а дело, и неохотнике до выражения чувств, каких бы то ни было прекрасных.

Но простодушный молодой человек был так счастлив тем чувством, которое испытывал, что не мог не излить его.

Чурис погнул голову на сторону и, медленно моргая, с принужденным вниманием слушал своего барина, как человека, которого нельзя не слушать, хотя он и говорит вещи не совсем хорошие и совершенно до нас не касающиеся.

— Но ведь я не могу всем давать всё, что̀ у меня просят. Еслиб я никому не отказывал, кто у меня просит леса, у меня самого скоро бы ничего не осталось, и я не мог бы дать тому, кто истинно нуждается. Затем-то я и отделил заказ, определил его для исправления крестьянского строения и совсем отдал миру. Лес этот теперь уж не мой, а ваш, крестьянский, и уже я им не могу распоряжаться, а распоряжается мир, ка̀к знает. Ты приходи нынче на сходку; я миру поговорю о твоей просьбе; коли он присудит тебе избу дать, так и хорошо, а у меня уж теперь лесу нет. Я от всей души желаю тебе помочь; но коли ты

не хочешь переселиться, то дело уже не мое, а мирское. Ты понимаешь меня?

— Много довольны вашей милостью, — отвечал смущенный Чурис. — Коли на двор леску ублаготворите, так мы и так поправимся. — Что́ мир? Дело известное...

— Нет, ты приходи.

— Слушаю. Я приду. Отчего не прийти? Только уж я у мира просить не стану.

IV.

Молодому помещику видно хотелось еще спросить что-то у хозяев; он не вставал с лавки и нерешительно поглядывал то на Чуриса, то в пустую, не топленную печь.

— Что, вы уж обедали?—наконец спросил он.

Под усами Чуриса обозначилась насмешливая улыбка, как будто ему смешно было, что барин делает такие глупые вопросы; он ничего не ответил.

— Какой обед, кормилец?—тяжело вздыхая, проговорила баба: — хлебушка поснедали — вот и обед наш. За снытко́й нынче ходить не́коли было, так и щец сварить не́ из чего, а что́ квасу было, так ребятам дала.

— Нынче пост голодный, ваше сиятельство, — вмешался Чурис, поясняя слова бабы: — хлеб да лук — вот и пища наша мужицкая. Еще слава-ти Господи, хлебушка-то у меня, по милости вашей, по сю пору хватило, а то сплошь у наших мужиков и хлеба-то нет. Луку ныне везде незарод. У Михайла-огородника анадысь посылали, за пучек по грошу берут, а покупать нашему брату не́откуда. С Пасхи почитай-что и в церкву Божью не ходим, и свечку Миколе купить не́ на что.

Нехлюдов уж давно знал не по слухам, не на веру к словам других, а на деле всю ту крайнюю степень бедности, в которой находились его крестьяне; но вся действительность эта была так несообразна со всем воспитанием его, складом ума и образом жизни, что он против воли забывал истину, и всякий раз, когда ему, как теперь, живо, осязательно напоминали ее, у него на сердце становилось невыносимо тяжело и грустно, как будто воспоминание о каком-то свершенном, неискупленном преступлении мучило его.

— Отчего вы так бедны?—сказал он, невольно высказывая свою мысль.

— Да каким же нам и быть, батюшка, ваше сиятельство, как не бедным? Земля наша какая—вы сами изволите знать: глина, бугры, да и то, видно, прогневили мы Бога, вот уж с холеры почитай хлеба не родит. Лугов и угодьев опять меньше стало: которые позаказали в экономию, которые тоже в барские поля попридрали. Дело мое одинокое, старое... где и рад бы похлопотал—сил моих нету. Старуха моя больная, что ни год, то девчонок рожает: ведь всех кормить надо. Вот один маюсь, а семь душ дома. Грешен Господу Богу, часто думаю себе: хоть бы прибрал которых Бог поскорее: и мне бы легче было, да и им-то лучше, чем здесь горе мыкать...

— О-ох! — громко вздохнула баба, как бы в подтверждение слов мужа.

— Вот моя подмога вся тут,—продолжал Чурис, указывая на белоголового, шаршавого мальчика лет семи, с огромным животом, который в это время, робко, тихо скрипнув дверью, вошел в избу и, уставив исподлобья удивленные глаза на барина, обеими ручонками держался за рубаху Чуриса. — Вот и подсобка моя вся тут,—продолжал звучным голосом Чурис, проводя своей шаршавой рукой по белым волосам ребенка: — когда его дождешься? а мне уж работа не в мочь. Старость бы еще ничего, да грыжа меня одолела. В ненастье хоть криком кричи, а ведь уж мне давно с тягла, в старики пора. Вон Ермилов, Демкин, Зябрев — все моложе меня, а уж давно земли посложили. Ну, мне сложить не на кого — вот беда моя. Кормиться надо: вот и бьюсь, ваше сиятельство.

— Я бы рад тебя облегчить, точно. Как же быть?—сказал молодой барин, с участием глядя на крестьянина.

— Да как облегчить? Известное дело, коли землей владать, то и барщину править надо—уж порядки известные. Как-нибудь малого дождусь. Только будет милость ваша на счет училища его увольте; а то намедни земский приходил, тоже говорит, и его ваше сиятельство требует в училищу. Уж его-то увольте: ведь какой у него разум, ваше сиятельство? Он еще млад, ничего не смыслит.

— Нет, уж это, брат, как хочешь, — сказал барин: — мальчик твой уж может понимать, ему учиться пора. Ведь я для твоего же добра говорю. Ты сам посуди, как он у тебя подростет, хозяином станет, да будет грамоте знать и читать будет уметь, и в церкви читать — ведь всё у тебя дома с Божьей помощью

лучше пойдет,—говорил Нехлюдов, стараясь выражаться как можно понятнее и вместе с тем почему-то краснея и заминаясь.

— Неспорно, ваше сиятельство:—вы нам худа не желаете, да дома-то побыть нѐкому: мы с бабой на барщине—ну а он, хоть и маленек, а всё подсобляет, и скотину загнать и лошадей напоить. Какой ни есть, а всё мужик,—и Чурисенок с улыбкой взял своими толстыми пальцами за нос мальчика и высморкал его.

— Всё-таки ты присылай его, когда сам дома, и когда ему время—слышишь? непременно.

Чурисенок тяжело вздохнул и ничего не ответил.

V.

— Да я еще хотел сказать тебе, — сказал Нехлюдов:—отчего у тебя навоз не вывезен?

— Какой у меня навоз, батюшка, ваше сиятельство! И возить-то нѐчего. Скотина моя какая? кобылёнка одна да жеребенок, а телушку осенью из телят дворнику отдал—вот и скотина моя вся.

— Так кàк же у тебя скотины мало, а ты еще тёлку из телят отдал?—с удивлением спросил барин.

— А чем кормить станешь?

— Разве у тебя соломы-то не достанет, чтоб корову прокормить? У других достает же.

— У других земли навозные, а моя земля глина одна, ничего не сделаешь.

— Так вот и навозь ее, чтоб не было глины; а земля хлеб родит, и будет чем скотину кормить.

— Да и скотины-то нету, так какой навоз будет?

«Это странный cercle vicieux»,[1] подумал Нехлюдов, но решительно не мог придумать, чтò посоветовать мужику.

— Опять и то сказать, ваше сиятельство, не навоз хлеб родит, а всё Бог, — продолжал Чурис. — Вот у меня летось на пресном осьминнике шесть копён стало, а с навозкой и крестца не собрали. Никто как Бог!—прибавил он со вздохом.—Да и скотина ко двору нейдет к нашему. Вот шестой год не живет. Летось, одна тёлка издохла, другую продал: кормиться нѐчем

[1] [порочный круг,]

было; а в запрошлый год важная корова пала: пригнали из стада, ничего не было, вдруг зашаталась, зашаталась, и пар вон. Всё мое несчастье!

— Ну, братец, чтоб ты не говорил, что у тебя скотины нет оттого, что корму нет, а корму нет оттого, что скотины нет, вот тебе на корову,—сказал Нехлюдов, краснея и доставая из кармана шаровар скомканную пачку ассигнаций и разбирая ее:—купи себе на мое счастье корову, а корм бери с гумна—я прикажу. Смотри же, чтоб к будущему воскресенью у тебя была корова: я зайду.

Чурис так долго, с улыбкой переминаясь, не подвигал руку за деньгами, что Нехлюдов положил их на конец стола и покраснел еще больше.

— Много довольны вашей милостью,—сказал Чурис с своей обыкновенной, немного насмешливой улыбкой.

Старуха несколько раз тяжело вздохнула под полатями и как будто читала молитву.

Молодому барину стало неловко: он торопливо встал с лавки, вышел в сени и позвал за собой Чуриса. Вид человека, которому он сделал добро, был так приятен, что ему не хотелось скоро расстаться с ним.

— Я рад тебе помогать,—сказал он, останавливаясь у колодца:—тебе помогать можно, потому что, я знаю, ты не ленишься. Будешь трудиться—и я буду помогать: с Божиею помощью и поправишься.

— Уж не то, что поправиться, а только бы не совсем разориться, ваше сиятельство,—сказал Чурис, принимая вдруг серьёзное, даже строгое выражение лица, как будто весьма недовольный предположением барина, что он может поправиться.—Жили при бачке с братьями, ни в чем нужды не видали; а вот как помёр он, да как разошлись, так всё хуже да хуже пошло. Всё одиночество!

— Зачем же вы разошлись?

— Всё из-за баб вышло, ваше сиятельство. Тогда уже дедушки вашего не было, а то при нем бы не посмели: тогда настоящие порядки были. Он так же, как и вы, до всего сам доходил—и думать бы не смели расходиться. Не любил покойник мужикам повадку давать; а нами после вашего дедушки заведывал Андрей Ильич—не тем будь помянут—человек был пьяный, необстоятельный. Пришли к нему проситься раз,

другой—нет, мол, житья от баб, позволь разойтись; ну, подрал, подрал, а наконец, тому делу вышло, всё-таки поставили бабы на своем, врозь стали жить; а уж одинокий мужик известно какой! Ну да и порядков-то никаких не было: орудовал нами Андрей Ильич, как хотел. «Чтоб было у тебя всё», а из чего мужику взять, того не спрашивал. Тут подушные прибавили, столовый запас тоже сбирать больше стали, а земель меньше стало, и хлеб рожать перестал. Ну, а как межовка пришла, да как он у нас наши навозные земли в господский клин отрезал, злодей, и порешил нас совсем, хоть помирай! Батюшка ваш—царство небесное—барин добрый был, да мы его и не видали почитай: всё в Москве жил; ну, известно, и подводы туда чаще гонять стали. Другой раз распутица, кормов нет, а вези. Нельзя ж и барину без того. Мы этим обижаться не смеем; да порядков не было. Как теперь ваша милость до своего лица всякого мужичка допускаете, так и мы другие стали, и приказчик-то другой человек стал. Мы теперь знаем хоша, что у нас барин есть. И уж и сказать нельзя, как мужички твоей милости благодарны. А то в опеку настоящего барина не было; всякий барин был: и опекун барин, и Ильич барин, и жена его барыня, и писарь из стану тот же барин. Тут-то много—ух! много горя приняли мужички!

Опять Нехлюдов испытал чувство, похожее на стыд или угрызение совести. Он приподнял шляпу и пошел дальше.

VI.

«Юхванка-Мудреный хочет лошадь продать» прочел Нехлюдов в записной книжечке и перешел чрез улицу, ко двору Юхванки-Мудреного. Юхванкина изба была тщательно покрыта соломой с барского гумна и срублена из свежего светлосерого осинового леса (тоже из барского заказа), с двумя выкрашенными красными ставнями у окон и крылечком с навесом и с затейливыми, вырезанными из тесин перильцами. Сенцы и холодная изба были тоже исправные; но общий вид довольства и достатка, который имела эта связь, нарушался несколько пригороженной к воротищам клетью с недоплетенным забором и раскрытым навесом, видневшимся из-за нее. В то самое время, как Нехлюдов подходил с одной стороны к крыльцу, с другой подходили две крестьянские женщины с полным ушатом. Одна

из них была жена, другая мать Юхванки-Мудреного. Первая была плотная, румяная баба, с необыкновенно-развитой грудью и широкими, мясистыми скулами. На ней была чистая, шитая на рукавах и воротнике рубаха, такая же занавеска, новая понёва, коты, бусы и вышитая красной бумагой и блестками, четвероугольная, щегольская кичка.

Конец водоноса не покачивался, а плотно лежал на ее широком и твердом плече. Легкое напряжение, заметное в красном лице ее, в изгибе спины и мерном движении рук и ног, выказывали в ней необыкновенное здоровье и мужскую силу. Юхванкина мать, несшая другой конец водоноса, была, напротив, одна из тех старух, которые кажутся дошедшими до последнего предела старости и разрушения в живом человеке. Костлявый остов ее, на котором надета была черная, изорванная рубаха и бесцветная панёва, был согнут, так что водонос лежал больше на спине, чем на плече ее. Обе руки ее, с искривленными пальцами, которыми она, как будто ухватившись, держалась за водонос, были какого-то темнобурого цвета и, казалось, не могли уж разгибаться; понурая голова, обвязанная каким-то тряпьем, носила на себе самые уродливые следы нищеты и глубокой старости. Из-под узкого лба, изрытого по всем направлениям глубокими морщинами, тускло смотрели в землю два красные глаза, лишенные ресниц. Один желтый зуб выказывался из-под верхней впалой губы и, беспрестанно шевелясь, сходился иногда с острым подбородком. Морщины на нижней части лица и горла похожи были на какие-то мешки, качавшиеся при каждом движении. Она тяжело и хрипло дышала; но босые, искривленные ноги, хотя, казалось, чрез силу волочась по земле, мерно двигались одна за другою.

VII.

Почти столкнувшись с барином, молодая баба, бойко составила ушат, потупилась, поклонилась, потом блестящими глазами исподлобья взглянула на барина и, стараясь рукавом вышитой рубашки скрыть легкую улыбку, постукивая котами, взбежала на сходцы.

— Ты, матушка, водонос-то тётке Настасье отнеси, — сказала она, останавливаясь в двери и обращаясь к старухе.

Скромный молодой помещик строго, но внимательно посмотрел на румяную бабу, нахмурился и обратился к старухе,

которая, выпростав корявыми пальцами водонос, взвалила его на плечи и покорно направилась-было к соседней избе.

— Дома сын твой? — спросил барин.

Старуха, согнув еще более свой согнутый стан, поклонилась и хотела сказать что-то, но, приложив руки ко рту, так закашлялась, что Нехлюдов, не дождавшись, вошел в избу. Юхванка, сидевший в красном углу на лавке, увидев барина, бросился к печи, как будто хотел спрятаться от него, поспешно сунул на полати какую-то вещь и, подергивая ртом и глазами, прижался около стены, как будто давая дорогу барину. Юхванка был русый парень, лет тридцати, худощавый, стройный, с молодой, остренькой бородкой, довольно красивый, еслиб не бегающие карие глазки, неприятно выглядывавшие из-под сморщенных бровей, и не недостаток двух передних зубов, который тотчас бросался в глаза, потому что губы его были коротки и беспрестанно шевелились. На нем была праздничная рубаха с ярко-красными ластовиками, полосатые, набойчатые портки и тяжелые сапоги с сморщенными голенищами. Внутренность избы Юхванки не была так тесна и мрачна, как внутренность избы Чуриса, хотя в ней так же было душно, пахло дымом и тулупом, и так же беспорядочно было раскинуто мужицкое платье и утварь. Две вещи здесь как-то странно останавливали внимание: небольшой погнутый самовар, стоявший на полке, и черная рамка с остатком грязного стекла и портретом какого-то генерала в красном мундире, висевшая около икон. Нехлюдов, недружелюбно посмотрев на самовар, на портрет генерала и на полати, на которых торчал из-под какой-то ветошки конец трубки в медной оправе, обратился к мужику.

— Здравствуй, Епифан, — сказал он, глядя ему в глаза.

Епифан поклонился, пробормотал: «здравия желаем, васясо», особенно-нежно выговаривая последнее слово, и глаза его мгновенно обежали всю фигуру барина, избу, пол и потолок, не останавливаясь ни на чем; потом он торопливо подошел к полатям, стащил оттуда зипун и стал надевать его.

— Зачем ты одеваешься? — сказал Нехлюдов, садясь на лавку и видимо стараясь как можно строже смотреть на Епифана.

— Как же, помилуйте, васясо, разве можно? Мы, кажется, можем понимать...

— Я зашел к тебе узнать, зачем тебе нужно продать лошадь, и много ли у тебя лошадей, и какую ты лошадь продать

хочешь? — сухо сказал барин, видимо повторяя приготовленные вопросы.

— Мы много довольны вашему сясу, что не побрезгали зайти ко мне, к мужику, — отвечал Юхванка, бросая быстрые взгляды на портрет генерала, на печку, на сапоги барина и на все предметы, исключая лица Нехлюдова: — мы всегда за вашего сяса Богу молим...

— Зачем тебе лошадь продать? — повторил Нехлюдов, возвышая голос и прокашливаясь.

Юхванка вздохнул, встряхнул волосами (взгляд его опять обежал избу) и, заметив кошку, которая спокойно мурлыкала, лежа на лавке, крикнул на нее «брысь, подлая» и торопливо оборотился к барину. — Лошадь, которая, васясо, негодная... Коли бы животина добрая была, я бы продавать не стал, васясо.

— А сколько у тебя всех лошадей?

— Три лошади, васясо.

— А жеребят нет?

— Как можно-с, васясо! И жеребенок есть.

VIII.

— Пойдем, покажи мне своих лошадей; они у тебя на дворе?

— Так точно-с, васясо; кàк мне приказано, тàк и сделано, васясо. Разве мы можем ослушаться вашего сяса? Мне приказал Яков Ильич, чтоб, мол, лошадей завтра в поле не пущать: князь смотреть будут, мы и не пущали. Уж мы не смеем ослушаться вашего сяса.

Покуда Нехлюдов выходил в двери, Юхванка достал трубку с полатей и закинул ее за печку; губы его всё так же беспокойно передергивались и в то время, как барин не смотрел на него.

Худая сивая кобылёнка перебирала под навесом прелую соломy; двухмесячный длинноногий жеребенок какого-то неопределенного цвета, с голубоватыми ногами и мордой, не отходил от ее тощего засоренного репьями хвоста. Посередине двора, зажмурившись и задумчиво опустив голову, стоял утробистый гнедой меренок, с виду хорошая мужицкая лошадка.

— Так тут все твои лошади?

— Никак нет-с, васясо; вот еще кобылка, да вот жеребеночек, — отвечал Юхванка, указывая на лошадей, которых барин не мог не видеть.

— Я вижу. Так какую же ты хочешь продать?

— А вот евту-с, васясо,—отвечал он, махая полой зипуна на задремавшего меренка и беспрестанно мигая и передергивая губами. Меренок открыл глаза и лениво повернулся к нему хвостом.

— Он не старый на вид и собой лошадка плотная,—сказал Нехлюдов.—Поймай-ка его да покажи мне зубы. Я узнаю, стара ли она.

— Никак неможно поймать-с одному, васясо. Вся скотина гроша не стоит, а норовистая—и зубом и передом, васясо,—отвечал Юхванка, улыбаясь очень весело и пуская глаза в разные стороны.

— Что за вздор! Поймай, тебе говорят.

Юхванка долго улыбался, переминался, и только тогда, когда Нехлюдов сердито крикнул: «Ну! что ж ты?» бросился под навес, принес оброт и стал гоняться за лошадью, пугая ее и подходя сзади, а не спереди.

Молодому барину видимо надоело смотреть на это, да и хотелось, может-быть, показать свою ловкость. — Дай сюда оброт!—сказал он.

— Помилуйте! как можно васясу? не извольте...

Но Нехлюдов прямо с головы подошел к лошади и, вдруг ухватив ее за уши, пригнул к земле с такой силой, что меренок, который, как оказывалось, была очень смирная мужицкая лошадка, зашатался и захрипел, стараясь вырваться. Когда Нехлюдов заметил, что совершенно напрасно было употреблять такие усилия, и взглянул на Юхванку, который не переставал улыбаться, ему пришла в голову самая обидная в его лета мысль, что Юхванка смеется над ним и мысленно считает его ребенком. Он покраснел, выпустил уши лошади и, без помощи оброта открыв ей рот, посмотрел в зубы: клыки были целы, чашки полные, что̀ всё уже успел выучить молодой хозяин: стало-быть, лошадь молодая.

Юхванка в это время отошел к навесу и, заметив, что борона лежала не на месте, поднял ее и, прислонив к плетню, поставил стоймя.

— Поди сюда!—крикнул барин с детски-раздосадованным выражением в лице и чуть не с слезами досады и злобы в голосе.—Что̀, эта лошадь старая?

— Помилуйте, васясо, очень стара, годов двадцать будет... которая лошадь...

— Молчать! Ты лгун и негодяй, потому что честный мужик не станет лгать: ему нèзачем! — сказал Нехлюдов, задыхаясь от гневных слез, которые подступали ему к горлу. Он замолчал, чтоб не осрамиться, расплакавшись при мужике. Юхванка тоже молчал и с видом человека, который сейчас заплачет, посапывал носом и слегка подергивал головой. — Ну, на чем же ты выедешь пахать, когда продашь эту лошадь? — продолжал Нехлюдов, успокоившись достаточно, чтоб говорить обыкновенным голосом: — тебя нарочно посылают на пешие работы, чтоб ты поправлялся лошадьми к пахоте, а ты последнюю хочешь продать? а главное, зачем ты лжешь?

Как только барин успокоился, и Юхванка успокоился. Он стоял прямо и, всё так же передергивая губами, перебегал глазами от одного предмета к другому.

— Мы вашему сясу, — отвечал он: — не хуже других на работу выедем.

— Да на чем же ты выедешь?

— Уж будьте покойны, вашего сяса работу справим, — отвечал он, нукая на мерина и отгоняя его. — Коли бы не нужны деньги, то стал бы, разве, продавать?

— Зачем же тебе нужны деньги?

— Хлеба нету-ти ничего, васясо, да и долги отдать мужичкам надо-ти, васясо.

— Кàк хлеба нету? Отчего же у других, у семейных еще есть, а у тебя, бессемейного, нету? Куда ж он девался?

— Ели, вашего сияса, а теперь ни крохи нет. Лошадь я к осени куплю, васясо.

— Лошади продавать и думать не смей!

— Что ж, васясо, коли так, то какая же наша жизнь будет? и хлеба нету, и продать ничего не смей, — отвечал он совсем на сторону, передергивая губы и кидая вдруг дерзкий взгляд прямо на лицо барина: — значит, с голоду помирать надо.

— Смотри, брат! — закричал Нехлюдов, бледнея и испытывая злобное чувство личности против мужика: — таких мужиков, как ты, я держать не стану. Тебе дурно будет.

— На то воля вашего сясо, — отвечал он, закрывая глаза с притворно-покорным выраженьем: — коли я вам не заслужил. А, кажется, за мной никакого пороку незамечено. Известно, уж коли я вашему сиясу не полюбился, то всё в воле вашей состоит; только не знаю, за чтò я страдать должен.

— А вот за что̀: за то, что у тебя двор раскрыт, навоз не запахан, плетни поломаны, а ты сидишь дома да трубку куришь, а не работаешь; за то, что ты своей матери, которая тебе всё хозяйство отдала, куска хлеба не даешь, позволяешь ее своей жене бить и доводишь до того, что она ко мне жаловаться приходила.

— Помилуйте, ваше сиясо, я и не знаю, какие эти трубки бывают,—смущенно отвечал Юхванка, которого, видно, преимущественно оскорбило обвинение в курении трубки.—Про человека всё сказать можно.

— Вот ты опять лжешь! Я сам видел...

— Ка̀к я смею лгать вашему сиясу!

Нехлюдов замолчал и, кусая губу, стал ходить взад и вперед по двору. Юхванка, стоя на одном месте, не поднимая глаз, следил за ногами барина.

— Послушай, Епифан,—сказал Нехлюдов детски-кротким голосом, останавливаясь перед мужиком и стараясь скрыть свое волнение:—этак жить нельзя, и ты себя погубишь. Подумай хорошенько. Если ты мужиком хорошим хочешь быть, так ты свою жизнь перемени, оставь свои привычки дурные, не лги, не пьянствуй, уважай свою мать. Ведь я про тебя всё знаю. Занимайся хозяйством, а не тем, чтоб казенный лес воровать да в кабак ходить. Подумай, что̀ тут хорошего! Коли тебе в чем-нибудь нужда, то приди ко мне, попроси прямо, что̀ нужно и зачем, и не лги, а всю правду скажи, и тогда я тебе не откажу ни в чем, что̀ только могу сделать.

— Помилуйте, васясо, мы, кажется, можем понимать вашего сяса!—отвечал Юхванка, улыбаясь, как будто вполне понимая всю прелесть шутки барина.

Эта улыбка и ответ совершенно разочаровали Нехлюдова в надежде тронуть мужика и увещаниями обратить на путь истинный. Притом ему всё казалось, что неприлично ему, имеющему власть, усовещивать своего мужика, и что всё, что̀ он говорит, совсем не то, что̀ следует говорить. Он грустно опустил голову и вышел в сени. На пороге сидела старуха и громко стонала, как казалось, в знак сочувствия словам барина, которые она слышала.

— Вот вам на хлеб,—сказал ей на ухо Нехлюдов, кладя в руку ассигнацию:—только сама покупай, а не давай Юхванке, а то он пропьет.

Старуха костлявой рукой ухватилась за притолку, чтоб встать, и собралась благодарить барина; голова ее закачалась, но Нехлюдов уже был на другом конце улицы, когда она встала.

IX.

«Давыдка Белый просил хлеба и кольев», значилось в записной книжке после Юхвана.

Пройдя несколько дворов, Нехлюдов, при повороте в переулок, встретился с своим приказчиком, Яковом Алпатычем, который, издалека увидев барина, снял клеёнчатую фуражку и, достав фуляровый платок, стал обтирать толстое, красное лицо.

— Надень, Яков! Яков, надень же, я тебе говорю...

— Где изволили быть, ваше сиятельство? — спросил Яков, защищаясь фуражкою от солнца, но не надевая ее.

— Был у Мудреного. Скажи, пожалуйста, отчего он такой сделался? — сказал барин, продолжая итти вперед по улице.

— А что̀, ваше сиятельство? — отозвался управляющий, который в почтительном расстоянии следовал за барином и, надев фуражку, расправлял усы.

— Как что̀? он совершенный негодяй, лентяй, вор, лгун, мать свою мучит, и как видно, такой закоренелый негодяй, что никогда не исправится.

— Не знаю, ваше сиятельство, что̀ он вам так не показался...

— И жена его, — перебил барин управляющего: — кажется, прегадкая женщина. Старуха хуже всякой нищей одета, есть нѐчего, а она разряженная, и он тоже. Что̀ с ним делать — я решительно не знаю.

Яков заметно смутился, когда Нехлюдов заговорил про жену Юхванки.

— Что̀ ж, коли он так себя попустил, ваше сиятельство, начал он: — то надо меры изыскать. Он точно в бедности, как и все одинокие мужики, но он всё-таки себя сколько-нибудь наблюдает, не так, как другие. Он мужик умный, грамотный и, ничего, честный, кажется, мужик. При сборе подушных он всегда ходит. И старостой при моем уж управлении три года ходил, тоже ничем не замечен. В третьем годе опекуну угодно было его ссадить, так он и на тягле исправен был. Нѐшто как

в городу̀ на почте живал, то хмелем немного позашибется, так надо меры изыскать. Бывало, зашалит, постращаешь — он опять в свой разум приходит: и ему хорошо, и в семействе лад; а как вам неугодно, значит, эти меры употреблять, то уж я и не знаю, что̀ с ним будем делать. Он точно себя очень попустил. В солдаты опять не годится, потому, как изволили заметить, двух зубов нет. Да и не он один, осмелюсь вам доложить, что совершенно страху не имеют...

— Уж это оставь, Яков, — отвечал Нехлюдов, слегка улыбаясь: — про это мы с тобой говорили и переговорили. Ты знаешь как я об этом думаю, и что̀ ты мне ни говори, я всё так же буду думать.

— Конечно, ваше сиятельство, вам это всё известно, — сказал Яков, пожимая плечами и глядя сзади на барина так, как-будто то̀, что̀ он видел, не обещало ничего хорошего. — А что насчет старухи вы изволите беспокоиться, то это напрасно, — продолжал он: — оно, конечно, что она сирот воспитала, вскормила и женила Юхвана, и всё такое; но ведь это вообще в крестьянстве, когда мать или отец сыну хозяйство передали, то уж хозяин сын и сноха, а старуха уж должна свой хлеб зарабатывать по силе по мочи. Они, конечно, тех чувств нежных не имеют, но уж в крестьянстве вообще так ведется. То и осмелюсь вам доложить, что напрасно старуха вас трудила. Она старуха умная и хозяйка; да что ж господина из-за всего беспокоить? Ну, поссорилась с снохой, та, может-быть, ее и толкнула — бабье дело! и помирились бы опять, чем вас беспокоить. Уж вы и так слишком всё изволите к сердцу принимать, — говорил управляющий с некоторой нежностью и снисходительностью глядя на барина, который молча большими шагами шел перед ним вверх по улице.

— Домой изволите? — спросил он.

— Нет, к Давыдке Белому, или Козлу... ка̀к он прозывается?

— Вот тоже, ляд-то, доложу вам. Уж эта вся порода Козлов такая. Чего-чего с ним не делал — ничто не берет. Вчера по полю крестьянскому проехал, а у него и гречиха не посеяна; что̀ прикажете делать с таким народцом? Хоть бы старик-то сына учил, а то такой же ляд: ни на себя, ни на барщину, всё как через пень колоду валит. — Уж что̀-что̀ с ним не делали и опекун и я: и в стан посылали, и дома наказывали — вот что вы не изволите любить...

— Кого? не-уже-ли старика?

— Старика-с. Опекун сколько раз, и при всей сходке, наказывал, так верите ли, ваше сиятельство? хоть бы те что̀: встряхнется, пойдет, и всё то же. И ведь Давыдка, доложу вам, мужик смирный, и неглупый мужик, и не курит — не пьет, то есть, — объяснил Яков: — а вот хуже пьяного другого. Одно, что в солдаты коли выйдет или на поселенье, больше делать нѐчего. Эта вся уж порода Козлов такая: и Матрюшка, что̀ в черной живет, тоже ихней семьи, такая же ляд проклятый. Так я вам не нужен, ваше сиятельство? — прибавил управляющий, замечая, что барин не слушает его.

— Нет, ступай, — рассеянно отвечал Нехлюдов и направился к Давыдке Белому.

Давыдкина изба криво и одиноко стояла на краю деревни. Около нее не было ни двора, ни овина, ни амбара; только какие-то грязные хлевушки для скотины лепились с одной стороны; с другой стороны кучею навалены были приготовленные для двора хворост и бревна. Высокий зеленый бурьян рос на том месте, где когда-то был двор. Никого, кроме свиньи, которая, лежа в грязи, визжала у порога, не было около избы.

Нехлюдов постучал в разбитое окно; но так как никто не отозвался ему, он подошел к сеням и крикнул: «хозяева!» И на это никто не откликнулся. Он прошел сени, заглянул в пустые хлевушки и вошел в отворенную избу. Старый красный петух и две курицы, подергивая ожерельями и постукивая ногтями, расхаживали по полу и лавкам. Увидев человека, они с отчаянным кудахтаньем, распустив крылья, забились по стенам, и одна из них вскочила на печку. Шестиаршинную избёнку всю занимали печь с разломанной трубой, ткацкий стан, который, несмотря на летнее время,не был вынесен, и почерневший стол с выгнутою, треснувшею доскою.

Хотя на дворе было сухо, однако у порога стояла грязная лужа, образовавшаяся в прежний дождь от течи в потолке и крыше. Полатей не было. Трудно было подумать, чтоб место это было жилое — такой решительный вид запустения и беспорядка носила на себе как наружность, так и внутренность избы; однако, в этой избе жил Давыдка Белый со всем своим семейством. В настоящую минуту, несмотря на жар июньского дня, Давыдка, свернувшись с головой в полушубок, крепко спал, забившись в угол печи. Испуганная курица, вскочившая на печь и еще

не успокоившаяся от волнения, расхаживая по спине Давыдки, не разбудила его.

Не видя никого в избе, Нехлюдов хотел уже выйти, как протяжный, влажный вздох изобличил хозяина.

— Эй! кто тут? — крикнул барин.

С печки послышался другой протяжный вздох.

— Кто там? Поди сюда!

Еще вздох, мычанье и громкий зевок отозвались на крик барина.

— Ну, что ж ты?

На печи медленно зашевелилось, показалась пола истертого тулупа; спустилась одна большая нога в изорванном лапте, потом другая, и наконец показалась вся фигура Давыдки Белого, сидевшего на печи и лениво и недовольно большим кулаком протиравшего глаза. Медленно нагнув голову, он, зевая, взглянул в избу и, увидев барина, стал поворачиваться немного скорее, чем прежде, но всё еще так тихо, что Нехлюдов успел раза три пройти от лужи к ткацкому стану и обратно, а Давыдка всё еще слезал с печи. Давыдка Белый был действительно белый: и волоса, и тело, и лицо его — всё было чрезвычайно бело. Он был высок ростом и очень толст, но толст, как бывают мужики, то есть не животом, а телом. Толщина его, однако, была какая-то мягкая, нездоровая. Довольно красивое лицо его, с светло-голубыми, спокойными глазами и с широкой, окладистой бородой, носило на себе отпечаток болезненности. На нем не было заметно ни загара, ни румянца; оно всё было какого-то бледного, желтоватого цвета, с легким лиловым оттенком около глаз, и как будто всё заплыло жиром или распухло. Руки его были пухлы, желтоваты, как руки людей больных водяною, и покрыты тонкими белыми волосами. Он так разоспался, что никак не мог совсем открыть глаз и стоять не пошатываясь и не зевая.

— Ну, как же тебе не совестно, — начал Нехлюдов: — середь белого дня спать, когда тебе двор строить надо, когда у тебя хлеба нет?..

Как только Давыдка опомнился от сна и стал понимать, что перед ним стоит барин, он сложил руки под живот, опустил голову, склонив ее немного на бок, и не двигался ни одним членом. Он молчал; но выражение лица его и положение всего тела говорило: «Знаю, знаю; уж мне не первый раз это слышать.

Ну бейте же; коли так надо — я снесу». Он, казалось, желал, чтоб барин перестал говорить, а поскорее прибил его, даже больно прибил по пухлым щекам, но оставил поскорее в покое. Замечая, что Давыдка не понимает его, Нехлюдов разными вопросами старался вывести мужика из его покорно терпеливого молчания.

— Для чего же ты просил у меня лесу, когда он у тебя вот уж целый месяц лежит и самое свободное время так лежит — а?

Давыдка упорно молчал и не двигался.

— Ну, отвечай же!

Давыдка промычал что-то и моргнул своими белыми ресницами.

— Ведь надо работать, братец: без работы что же будет? Вот теперь у тебя хлеба уж нет, а всё это отчего? Оттого, что у тебя земля дурно вспахана, да не передвоена, да не вò-время засеяна — всё от лени. Ты просишь у меня хлеба: ну, положим, я тебе дам, потому что нельзя тебе с голоду умирать, да ведь этак делать не годится. Чей хлеб я тебе дам? как ты думаешь, чей? Ты отвечай: чей хлеб я тебе дам? — упорно допрашивал Нехлюдов.

— Господский, — пробормотал Давыдка, робко и вопросительно поднимая глаза.

— А господский-то откуда? рассуди-ка сам, кто под него вспахал? заскородил? кто его посеял, убрал? — мужички? так? Так вот видишь ли: уж если раздавать хлеб господский мужикам, так надо раздавать тем больше, которые больше за ним работали, а ты меньше всех — на тебя и на барщине жалуются — меньше всех работал, а больше всех господского хлеба просишь. За чтò же тебе давать, а другим нет? Ведь коли бы все, как ты, на боку лежали, так мы давно все бы на свете с голоду умерли. Надо, братец, трудиться, а это дурно — слышишь, Давыд?

— Слушаю-с, — медленно пропустил он сквозь зубы.

X.

В это время мимо окна мелькнула голова крестьянской женщины, несшей полотна на коромысле, и чрез минуту в избу вошла давыдкина мать, высокая женщина лет пятидесяти, весьма свежая и живая. Изрытое рябинами и морщинами лицо ее было

некрасиво, но прямой, твердый нос, сжатые, тонкие губы и быстрые серые глаза выражали ум и энергию. Угловатость плеч, плоскость груди, сухость рук и развитие мышц на черных, босых ногах ее свидетельствовали о том, что она уже давно перестала быть женщиной и была только работником. Она бойко вошла в избу, притворила дверь, обдернула панёву и сердито взглянула на сына. Нехлюдов что-то хотел сказать ей, но она отвернулась от него и начала креститься на выглядывавшую из-за ткацкого стана черную деревянную икону. Окончив это дело, она оправила грязный клетчатый платок, которым была повязана голова ее, и низко поклонилась барину.

— С праздником Христовым, ваше сиятельство,— сказала она: — спаси тебя Бог, отец ты наш...

Увидав мать, Давыдка заметно смутился, согнул несколько спину и еще ниже опустил шею.

— Спасибо, Арина,— отвечал Нехлюдов.— Вот я сейчас с твоим сыном говорил о вашем хозяйстве.

Арина, или как ее прозвали мужики еще в девках, Аришка-Бурлак, подперла подбородок кулаком правой руки, которая опиралась на ладонь левой, и, не дослушав барина, начала говорить так резко и звонко, что вся изба наполнилась звуком ее голоса, и со двора могло показаться, что вдруг говорят несколько бабьих голосов.

— Чего, отец ты мой, чего с ним говорить! Ведь он и говорить-то не может как человек. Вот он стоит, олух,— продолжала она, презрительно указывая головой на жалкую, массивную фигуру Давыдки.— Какое *мое* хозяйство, батюшка, ваше сиятельство? Мы голь; хуже нас во всей слободе у тебя нет: ни на себя, ни на барщину — срам! А всё он довел. Родили, кормили, поили, не чаяли дождаться парня. Вот и дождались: хлеб лопает, а работы от него, как от прелой, вон той, колоды. Только знает на печи лежать, либо вот стоит, башку свою дурацкую скребет,— сказала она, передразнивая его.— Хоть бы ты его, отец, постращал бы, что̀ ли. Уж я сама прошу: накажи ты его ради Господа Бога, в солдаты ли — один конец. Мо̀чи моей с ним не стало — вот что̀.

—Ну, как тебе не грешно, Давыдка, доводить до этого свою мать?— сказал Нехлюдов, с укоризной обращаясь к мужику.

Давыдка не двигался.

— Ведь добро бы мужик хворый был,— с тою же живостью

и теми же жестами продолжала Арина: — а то ведь только смотреть на него, ведь словно боров с мельницы раздулся. Есть, кажись, чему бы работать, гладух какой! Нет, вот пропадает на печи лодырем. Возьмется за что̀, так не глядели бы мои глаза: коли поднимется, коли передвинется, коли что, — говорила она, растягивая слова и неуклюже поворачивая с боку на бок своими угловатыми плечами. — Ведь вот нынче, старик сам за хворостом в лес уехал, а ему наказал ямы копать: так нет вот, и лопаты в руки не брал... (На минуту она замолчала)... Загубил он меня, сироту! — взвизгнула она вдруг, размахнув руками и с угрожающим жестом подходя к сыну. — Гладкая твоя морда лядащая, прости Господи! (Она презрительно и вместе отчаянно отвернулась от него, плюнула и снова обратилась к барину с тем же одушевлением и, с слезами на глазах, продолжая размахивать руками). Ведь всё одна, кормилец. Старик-от мой хворый, старый, да и тоже проку в нем нет, а я всё одна да одна. Камень и тот треснет. Хоть бы помереть, так легче было б: один конец. Заморил он меня, подлец! Отец ты наш! мо̀чи моей уж нет! Невестка с работы извелась — и мне то же будет.

XI.

— Как извелась? — недоверчиво спросил Нехлюдов.

— С натуги, кормилец, как Бог свят, извелась. Взяли мы ее за прошлый год из Бабурина, — продолжала она, вдруг переменяя свое озлобленное выражение на слезливое и печальное: — ну, баба была молодая, свежая, смирная, родной. Дома-то у отца, за золовками, в холе жила, нужды не видала, и как к нам поступила, как нашу работу узнала — и на барщину, и дома, и везде. Она да я — только и было. Мне что? я баба привычная, она же в тяжести была, отец ты мой, да горе стала терпеть; а всё через силу работала — ну, и надорвалась, сердечная. Летось, петровками, еще на беду мальчишку родила, а хлебушка не было, кой-что, кой-что ели, отец ты мой, работа же спешная подошла — у ней груди и пересохни. Детенок первенький был, коровёнки нету-ти, да и дело наше мужицкое: где уж рожком выкормишь; ну известно, бабья глупость, она этим пуще убиваться стала. А как детенок помер, уж она с той кручины выла-выла, голосила-голосила, да нужда, да работа, всё хуже да хуже: так извелась в лето, сердечная, что к Покрову и сама

кончилась. Он ее порешил, бестия! — снова с отчаянной злобой обратилась она к сыну... — Что̀ я тебя просить хотела, ваше сиятельство, — продолжала она после небольшого молчания, понижая голос и кланяясь.

— Что̀? — рассеянно спросил Нехлюдов, еще взволнованный ее рассказом.

— Ведь он мужик еще молодой. От меня уж какой работы ждать: нынче жива, а завтра помру. Ка̀к ему без жены быть? Ведь он тебе не мужик будет. Обдумай ты нас как-нибудь, отец ты наш.

— То есть, ты женить его хочешь? Что ж? это дело!

— Сделай божескую милость; вы наши отцы-матери.

И, сделав знак своему сыну, она с ним вместе грохнулась в ноги барину.

— Зачем ты в землю кланяешься? — говорил Нехлюдов, с досадой поднимая ее за плечи. — Разве нельзя так сказать? Ты знаешь, что я этого не люблю. Жени сына, пожалуйста; я очень рад, коли у тебя есть невеста на примете.

Старуха поднялась и стала рукавом утирать сухие глаза. Давыдка последовал ее примеру и, потерев глаза пухлым кулаком, в том же терпеливо-покорном положении продолжал стоять и слушать, что̀ говорила Арина.

— Невесты-то есть, ка̀к не быть! Вот Васютка Михейкина, девка ничего, да ведь без твоей воли не пойдет.

— Разве она не согласна?

— Нет, кормилец, колѝ по согласию пойдет!

— Ну так что ж делать? Я принуждать не могу; поищите другую: не у себя, так у чужих; я выкуплю, только бы шла по своей охоте, а насильно выдать замуж нельзя. И закона такого нет, да и грех это большой.

— Э-э-эх, кормилец! да статочное ли дело, глядя на нашу жизнь, да на нашу нищету, чтоб охотой пошла? Солдатка самая и та такой нужды на себя принять не захочет. Какой мужик девку к нам во двор отдаст? Отчаянный не отдаст. Ведь мы голь, нищета. Одну, скажут, почитай, что с голоду заморили, так и моей то же будет. Кто отдаст? — прибавила она, недоверчиво качая головой: — рассуди, ваше сиятельство.

— Так что̀ ж я могу сделать?

— Обдумай ты нас как-нибудь, родимый, — повторила убедительно Арина: — что ж нам делать?

— Да что̀ ж я могу обдумать? Я тоже ничего не могу сделать для вас в этом случае.

— Кто ж нас обдумает, коли не ты? — сказала Арина, опустив голову и с выражением печального недоумения разводя руками.

— Вот хлеба вы просили, так я прикажу вам отпустить,— сказал барин после небольшого молчания, во время которого Арина вздыхала, и Давыдка вторил ей. — А больше я ничего не могу сделать.

Нехлюдов вышел в сени. Мать и сын, кланяясь, вышли за барином.

XII.

— О-ох сиротство мое! — сказала Арина, тяжело вздыхая. Она остановилась и сердито взглянула на сына. Давыдка тотчас повернулся и, тяжело перевалив через порог свою толстую ногу в огромном, грязном лапте, скрылся в противоположной двери.

— Что̀ я с ним буду делать, отец? — продолжала Арина, обращаясь к барину. — Ведь сам видишь, какой он! Он ведь мужик не плохой, не пьяный и смирный мужик, ребенка малого не обидит — грех напрасно сказать: худого за ним ничего нету, а уж и Бог знает, что̀ такое с ним попритчилось, что он сам себе злодей стал. Ведь он и сам тому не рад. Веришь ли, батюшка, сердце кровью обливается на него глядя, какую он муку принимает. Ведь какой ни есть, а моя утроба носила; жалею его, уж ка̀к жалею!.. Ведь он не то, чтоб супротив меня, али отца, али начальства что б делал, он мужик боязливый, сказать, что̀ дитя малое. Как ему вдовцом быть? Обдумай ты нас, кормилец, — повторила она, видимо желая изгладить дурное впечатление, которое ее брань могла произвести на барина... — Я, батюшка, ваше сиятельство, — продолжала она доверчивым шопотом: — и так клала и этак прикидывала: ума не приложу, отчего он такой. Не иначе, как испортили его злые люди. (Она помолчала немного.) Коли найти человека, его излечить можно.

— Какой вздор ты говоришь, Арина! ка̀к можно испортить?

— И, отец ты мой, та̀к испортят, что и навек нечеловеком сделают! Мало ли дурных людей на свете! По злобе вынет горсть земли из-под следу... или что̀ там... и навек нечеловеком

сделает; долго ли до греха? Я так-себе думаю, не сходить ли мне к Дундуку, старику, что̀ в Воробьевке живет: он знает всякие слова, и травы знает, и порчу снимает, и с креста воду спущает; так не пособит ли он? — говорила баба: — може он его излечит.

«Вот она, нищета-то и невежество!» думал молодой барин, грустно наклонив голову и шагая большими шагами вниз по деревне. «Что̀ мне делать с ним? Оставить его в этом положении невозможно и для себя, и для примера других, и для него самого, невозможно», говорил он себе, вычитывая на пальцах эти причины. «Я не могу видеть его в этом положении, а чем вывести его? Он уничтожает все мои лучшие планы в хозяйстве. Если останутся такие мужики, мечты мои никогда не сбудутся», подумал он, испытывая досаду и злобу на мужика за разрушение его планов. «Сослать на поселенье, как говорит Яков, коли он сам не хочет, чтоб ему было хорошо, или в солдаты? точно: по крайней мере и от него избавлюсь и еще заменю хорошего мужика», рассуждал он.

Он думал об этом с удовольствием: но, вместе с тем, какое-то неясное сознание говорило ему, что он думает только одной стороной ума и что-то нехорошо. Он остановился. «Постой, о чем я думаю», сказал он сам себе: «да̀, в солдаты, на поселенье. За что̀? Он хороший человек, лучше многих, да и почем я знаю... Отпустить на волю?» подумал он, рассматривая вопрос не одной стороной ума, как прежде — «несправедливо, да и невозможно». Но вдруг ему пришла мысль, которая очень обрадовала его; он улыбнулся с выражением человека, разрешившего себе трудную задачу. «Взять во двор», сказал он сам себе: «самому наблюдать за ним, и кротостью, и увещаниями, выбором занятий приучать к работам и исправлять его».

XIII.

«Так и сделаю», с радостным самодовольством сказал сам себе Нехлюдов, и, вспомнив, что ему надо было еще зайти к богатому мужику Дутлову, он направился к высокой и просторной связи, с двумя трубами, стоявшей посредине деревни. Подходя к ней, он столкнулся у соседней избы с высокой, ненарядной бабой, лет сорока, шедшей ему навстречу.

— С праздником, батюшка, — сказала ему, нисколько не ро-

бея, баба, останавливаясь подле него и радушно улыбаясь и кланяясь.

— Здравствуй, кормилица, — отвечал он: — как поживаешь? Вот иду к твоему соседу.

— Так-с, батюшка, ваше сиятельство, хорошее дело. А что̀, к нам не пожалуете? Уж как̀ бы мой старик рад был!

— Что ж, зайду, потолкуем с тобой, кормилица. Эта твоя изба?

— Эта самая, батюшка.

И кормилица побежала вперед. Войдя вслед за нею в сени, Нехлюдов сел на кадушку, достал и закурил папиросу.

— Там жарко; лучше здесь посидим, потолкуем, — отвечал он на приглашение кормилицы войти в избу. Кормилица была еще свежая и красивая женщина. В чертах лица ее и особенно в больших черных глазах было большое сходство с лицом барина. Она сложила руки под занавеской и, смело глядя на барина и беспрестанно виляя головой, начала говорить с ним:

— Что̀ ж это, батюшка, зачем изволите к Дутлову жаловать?

— Да хочу, чтоб он у меня землю нанял, десятин тридцать, и свое бы хозяйство завел, да еще чтоб лес он купил со мной вместе. Ведь деньги у него есть, так что ж им, так, даром лежать? Как ты об этом думаешь, кормилица?

— Да что̀ ж? Известно, батюшка, Дутловы люди сильные; во всей вотчине почитай первый мужик, — отвечала кормилица, поматывая головой. — Летось другую связь из своего леса поставил, господ не трудили. Лошадей у них, окромя жеребят да подростков, троек шесть соберется, а скотины, коров да овец как с поля гонят, да бабы выйдут на улицу загонять, так в воротах их-то сопрется, что беда; да и пчел-то колодок сотни две, не то больше живет. Мужик оченно сильный, и деньги должны быть.

— А как ты думаешь, много у него денег? — спросил барин.

— Люди говорят, известно по злобе, может, что у старика деньги немалые; ну да про то̀ он сказывать не станет и сыновьям не открывает, а должны быть. Отчего ему рощей не заняться? Нѐшто побоится славу про деньги пустить. Он тоже, годов пять тому, лугами был с Шкаликом дворником в доле, по малости стал заниматься, да обманул, что̀ ли, его Шкалик-то, так рублев триста пропало у старика; с тех пор и бросил. Да как им исправным не быть, батюшка, ваше сиятельство! — продолжала кормилица: — при трех землях живут, семья большая, всё работники, да и старик-от — что̀ же худо говорить — скавать, что

хозяин настоящий. Во всем-то ему задача, что дивится народ даже; и на хлеб, и на лошадей, и на скотину, и на пчел, и на ребят-то счастье. Теперь всех поженил. То у своих девок брал, а теперь Илюшку на вольной женил, сам откупил. И тоже баба хорошая вышла.

— Что ж они, ладно живут? — спросил барин.

— Как в дому настоящая голова есть, то и лад будет. Хоть бы Дутловы — известно бабье дело; невестки за печкой полаются, полаются, а всё под стариком-то и сыновья ладно живут.

Кормилица помолчала немного.

— Теперь старик бо́льшего сына, Карпа, слыхать, хочет хозяином в дому поставить. Стар, мол, уж стал; мое дело около пчел. Ну Карп-то и хороший мужик, мужик аккуратный, а всё далеко против старика хозяином не выйдет. Уж того разума нету!

— Так вот Карп захочет, может-быть, заняться и землей и рощами — ка̀к ты думаешь? — сказал барин, желавший от кормилицы выпытать всё, что́ она знала про своих соседей.

— Вряд ли, батюшка, — продолжала кормилица: — старик сыну денег не открывал. Пока сам жив, да деньги у него́ в доме, значит, всё стариков разум орудует; да и они больше извозом займаются.

— А старик не согласится?

— Побоится.

— Чего ж он побоится?

— Да как же можно, батюшка, мужику господскому свои деньги объявить? Неравён случай, и всех денег решится! Вот с дворником в дела вошел, да и ошибся. Где же ему с ним судиться! Та̀к и пропали деньги; а с помещиком-то уж и вовсе квит как-раз будет.

— Да̀, от этого... — сказал Нехлюдов, краснея. — Прощай, кормилица.

— Прощайте, батюшка, ваше сиятельство. Покорно благодарим.

XIV.

«Нейти ли домой?» подумал Нехлюдов, подходя к воротам Дутловых и чувствуя какую-то неопределенную грусть и моральную усталость.

Но в это время новые тесовые ворота со скрипом отворились перед ним, и красивый, румяный белокурый парень, лет восьм-

надцати, в ямской одежде, показался в воротах, ведя за собой тройку крепконогих, еще потных косматых лошадей, и, бойко встряхнув белыми волосами, поклонился барину.

— Что, отец дома, Илья? — спросил Нехлюдов.

— На осике, за двором, — отвечал парень, проводя, одну за другою, лошадей в полуотворенные ворота.

«Нет, выдержу характер, предложу ему, сделаю, что̀ от меня зависит», подумал Нехлюдов и, пропустив лошадей, вошел на просторный двор Дутлова. Видно было, что со двора недавно был вывезен навоз: земля была еще черная, потная, и местами, особенно в воротищах, валялись красные волокнистые клочья. На дворе и под высокими навесами в порядке стояло много телег, сох, саней, колодок, кадок и всякого крестьянского добра; голуби перепархивали и ворковали в тени под широкими, прочными стропилами; пахло навозом и дёгтем. В одном углу Карп и Игнат прилаживали новую подушку под большую троечную, окованную телегу. Все три сына Дутловы были почти на одно лицо. Меньшой, Илья, встретившийся Нехлюдову в воротах, был без бороды, поменьше ростом, румянее и наряднее старших; второй, Игнат, был повыше ростом, почернее, имел бородку клином и, хотя был тоже в сапогах, ямской рубахе и поярковой шляпе, не имел того праздничного, беззаботного вида, как меньшой брат. Старший, Карп, был еще выше ростом, носил лапти, серый кафтан и рубаху без ластовиков, имел окладистую рыжую бороду и вид не только серьёзный, но почти мрачный.

— Прикажете батюшку послать, ваше сиятельство? — сказал он, подходя к барину и слегка и неловко кланяясь.

— Нет, я сам пройду к нему на осик, посмотрю его устройство там; а мне с тобой поговорить нужно, — сказал Нехлюдов, отходя в другую сторону двора, с тем, чтоб Игнат не мог слышать того, что̀ он намерен был говорить с Карпом.

Самоуверенность и некоторая гордость, заметная во всех приемах этих двух мужиков, и то, что̀ сказала ему кормилица, так смущали молодого барина, что ему трудно было решиться говорить с ними о предполагаемом деле. Он чувствовал себя как будто виноватым, и ему казалось легче говорить с одним братом так, чтоб другой не слышал. Карп как будто удивился, зачем барин отводит его в сторону, но последовал за ним.

— Вот что̀, начал — Нехлюдов, заминаясь: — я хотел тебя спросить: много у вас лошадей?

— Троек пять наберется, жеребятки есть тоже,— развязно отвечал Карп, почесывая спину.

— Что, братья твои на почте ездят?

— Гоняем почту на трех тройках, а то Илюшка в извоз ходил; вот только вернулся.

— Что ж, это вам выгодно? Сколько вы этим заработываете?

— Да какая выгода, ваше сиятельство? По крайности кормимся с лошадьми — и то слава Богу.

— Так зачем же вы другим чем-нибудь не займетесь? Ведь можно бы вам леса̀ покупать, или землю нанимать.

— Оно, конечно, ваше сиятельство, землю нанять можно, когда б где сподручная была.

— Я вот что̀ хочу вам предложить, чем вам извозом заниматься, чтоб только кормиться. Наймите вы лучше землю десятин тридцать у меня. Весь клин, что̀ за Саповым я вам отдам, да заведите свое хозяйство большое.

И Нехлюдов, увлеченный своим планом о крестьянской ферме, который он не раз сам с собою повторял и передумывал, уже не запинаясь стал объяснять мужику свое предположенье о мужицкой ферме.

Карп слушал очень внимательно слова барина.

— Мы много довольны вашей милостью, — сказал он, когда Нехлюдов, замолчав, посмотрел на него, ожидая ответа.— Известно, тут худого ничего нет. Землей заниматься мужику лучше, чем с кнутиком ездить. По чужим людям ходит, всякого народа видит, балуется наш брат. Самое хорошее дело, что землей мужику заниматься.

— Так ка̀к ты думаешь?

— Поколи батюшка жив, так я что̀ ж думать могу, ваше сиятельство? На то воля его.

— Проведи-ка меня на осик; я поговорю с ним.

— Сюда пожалуйте, — сказал Карп, медленно направляясь к заднему сараю. Он отворил низенькую калитку, ведущую на осик, и, пропустив в нее барина и затворив ее, подошел к Игнату и молча принялся за прерванную работу.

XV.

Нехлюдов, нагнувшись, прошел через низенькую калитку, из-под тенистого навеса, на находившийся за двором осик.

Небольшое пространство, окруженное покрытыми соломой и просвечивающими плетнями, в котором симметрично стояли покрытые обрезками досок улья, с шумно-вьющеюся около них золотистою пчелою, было всё залито горячими, блестящими лучами июньского солнца. От калитки протоптанная тропинка вела на середину к деревянному голубцу с стоявшим на нем фольговым образком, ярко-блестевшим на солнце. Несколько молодых лип, стройно подымавших выше соломенной крыши соседнего двора свои кудрявые макушки, вместе с звуком жужжания пчел, чуть-слышно колыхались своей темнозеленой, свежей листвой. Все тени, от крытого забора, от лип и от ульев, покрытых досками, черно и коротко падали на мелкую, курчавую траву, пробивавшуюся между ульями. Согнутая небольшая фигурка старика с блестящей на солнце, открытой седой головой и плешью, виднелась около двери рубленого, крытого свежей соломой мшеника, стоявшего между липами. Услышав скрип калитки, старик оглянулся и, отирая полой рубахи свое потное, загорелое лицо и кротко, радостно улыбаясь, пошел навстречу барину.

В пчельнике было так уютно, радостно, тихо, прозрачно; фигура седого старичка с лучеобразными, частыми морщинками около глаз, в каких-то широких башмаках, надетых на босую ногу, который, переваливаясь и добродушно, самодовольно улыбаясь, приветствовал барина в своих исключительных владениях, была так простодушно-ласкова, что Нехлюдов мгновенно забыл тяжелые впечатления нынешнего утра, и его любимая мечта живо представилась ему. Он видел уже всех своих крестьян такими же богатыми, добродушными, как старик Дутлов, и все ласково и радостно улыбались ему, потому что ему одному были обязаны своим богатством и счастием.

— Не прикажете ли сетку, ваше сиятельство? Теперь пчела злая, кусает, — сказал старик, снимая с забора пàхнущий медом, грязный холстинный мешок, пришитый к лубку, и предлагая его барину. — Меня пчела знает, не кусает, — прибавил он с кроткой улыбкой, которая почти не сходила с его красивого, загорелого лица.

— Так и мне не нужно. Чтò, роится уж? — спросил Нехлюдов, сам не зная чему, тоже улыбаясь.

— Колѝ роиться, батюшка Митрий Миколаич,—отвечал старик, выражая какую-то особенную ласку в этом названии

барина по имени и отчеству: — вот только, только-что брать зачала как след. Нынче весна холодная была, изволите знать.

— А вот я читал в книжке, — начал Нехлюдов, отмахиваясь от пчелы, которая, забившись ему в волоса, жужжала под самым ухом: — что коли вощина прямо стоит, по жердочкам, то пчела раньше роится. Для этого делают такие улья из досок... с перекладин...

— Вы не извольте махать, она хуже, — сказал старичок: — а то сетку не прикажете ли подать?

Нехлюдову было больно; но по какому-то детскому самолюбию ему не хотелось признаться в этом, и он, еще раз отказавшись от сетки, продолжал рассказывать старичку о том устройстве ульев, про которое он читал в «Maison rustique»,[1] и при котором, по его мнению, должно было в два раза больше роиться; но пчела ужалила его в шею, и он сбился и замялся в средине рассуждения.

— Оно точно, батюшка Митрий Миколаич, — сказал старик с отеческим покровительством, глядя на барина: — точно в книжке пишут. Да, может, это так дурно писано, что вот мол он сделает, как мы пишем, а мы посмеемся потом. И это бывает! Как можно пчелу учить, куда ей вощину крепить? Она сама по колодке норовит, другой раз поперег, а то прямо. Вот извольте посмотреть, — прибавил он, оттыкая одну из ближайших колодок и заглядывая в отверстие, покрытое шумящей и ползающей пчелой по кривым вощинам: — вот эта молодая; она видать, в голове у ней матка сидит, а вощину она и прямо и в бок ведет, как ей по колодке лучше,—говорил старик, видимо увлекаясь своим любимым предметом и не замечая положения барина: — вот нынче она с калошкой идет, нынче день теплый, всё видать, прибавил он, затыкая опять улей и прижимая тряпкой ползающую пчелу, и потом огребая грубой ладонью несколько пчел с морщинистого затылка. Пчелы не кусали его; но зато Нехлюдов уж едва мог удерживаться от желания выбежать из пчельника: пчелы местах в трех ужалили его и жужжали со всех сторон около его головы и шеи.

— А много у тебя колодок? — спросил он, отступая к калитке.

— Что Бог дал, — отвечал Дутлов посмеиваясь: — считать не надо, батюшка: пчела не любит. Вот, ваше сиятельство, я

---

[1] [Ферма,]

просить вашу милость хотел, — продолжал он, указывая на тоненькие колодки, стоящие у забора, — об Осипе, кормилицином муже; хоть бы вы ему заказали: в своей деревне так дурно делать по соседству, нехорошо.

— Как дурно делать?.. Ах, однако, они кусают! — отвечал барин, уже взявшись за ручку калитки.

— Да вот что ни год, свою пчелу на моих молодых напущает. Им бы поправляться, а чужая пчела у них вощину повытаскает да и подсекает, — говорил старик, не замечая ужимок барина.

— Хорошо, после, сейчас...— проговорил Нехлюдов и, не в силах уже более терпеть, отмахиваясь обеими руками, рысью выбежал в калитку.

— Землей потереть: оно ничего,—сказал старик, выходя на двор вслед за барином. Барин потер землею то место, где был ужален, краснея, быстро оглянулся на Карпа и Игната, которые не смотрели на него, и сердито нахмурился.

XVI.

— Что я насчет ребят хотел просить, ваше сиятельство,— сказал старик, как будто, или действительно, не замечая грозного вида барина.

— Что?

— Да вот лошадками, слава-те Господи, мы исправны, и батрак есть, так барщина за нами не постоит.

— Так что ж?

— Коли бы милость ваша была, ребят на оброк отпустить, так Илюшка с Игнатом в извоз бы на трех тройках пошли на всё лето: може, что бы и заработали.

— Куда ж они пойдут?

— Да как придется,— вмешался Илюшка, который в это время, привязав лошадей под навес, подошел к отцу.— Кадминские ребята на восьми тройках в Ромен ездили, так, говорят, прокормились, да десятка по три на тройку домой привезли; а то и в Одест, говорят, кормы дешевые.

— Вот об этом-то я и хотел поговорить с тобой, — сказал барин, обращаясь к старику и желая половчее навести его на разговор о ферме.—Скажи, пожалуйста, разве выгоднее ездить в извоз, чем дома хлебопашеством заниматься?

— Когда не выгоднее, ваше сиятельство! — опять вмешался

Илья, бойко встряхивая волосами: — дома-то лошадей кормить нѐчем.

— Ну, а сколько ты в лето выработаешь?

— Да вот с весны, на что̀ корма̀ дорогие были, мы в Киев с товаром ездили, в Курском опять до Москвы крупу наложили, так и сами прокормились, и лошади сыты были, да и пятнадцать рублёв денег привез.

— Оно не беда заниматься честным промыслом, каким бы то ни было,—сказал барин, снова обращаясь к старику:—но мне кажется, что можно бы другое занятие найти; да и работа эта такая, что ездит молодой малый везде, всякий народ видит, избаловаться может,—прибавил он, повторяя слова Карпа.

— Чем же нашему брату, мужику, заниматься, как не извозом?—возразил старик с своей кроткой улыбкой.—Съездишь хорошо — и сам сыт, и лошади сыты; а что насчет баловства, так они у меня, слава-ти Господи, не первый год ездят, да и сам я езжал, и дурного ни от кого не видал, окроме доброго.

— Мало ли чем другим вы бы могли заняться дома: и землей, и лугами...

— Ка̀к можно, ваше сиятельство!—подхватил Илюшка с одушевлением:—уж мы с этим родились, все эти порядки нам известные, способное для нас дело, самое любезное дело, ваше сиятельство, как нашему брату с рядой ездить!

— А что, ваше сиятельство, просим чести, в избу не пожалуете ли? На новоселье еще не изволили быть,—сказал старик, низко кланяясь и мигая сыну. Илюшка рысью побежал в избу, а вслед за ним, вместе с стариком, вошел и Нехлюдов.

XVII.

Войдя в избу, старик еще раз поклонился, смахнул полой зипуна с лавки переднего угла и, улыбаясь, спросил:

— Чем вас просить, ваше сиятельство?

Изба была белая (с трубой), просторная, с полатями и нарами. Свежие осиновые бревна, между которыми виднелся недавнозавядший мох, еще не почернели; новые лавки и полати не сгладились, и пол еще не убился. Одна молодая, худощавая, с продолговатым, задумчивым лицом крестьянская женщина, жена Ильи, сидела на нарах и качала ногой зыбку, на длинном шесте привешенную к потолку. В зыбке, чуть заметно дыша и закрыв глазёнки, раскинувшись, дремал грудной ребенок; дру-

гая, плотная, краснощекая баба, хозяйка Карпа, засучив выше локтя сильные, загорелые выше кисти руки, перед печью крошила лук в деревянной чашке. Рябая беременная баба, закрываясь рукавом, стояла около печи. В избе, кроме солнечного жара, было жарко от печи и сильно пахло только-что испеченным хлебом. С полатей с любопытством поглядывали вниз, на барина, белокурые головки двух парнишек и девочки, забравшихся туда в ожидании обеда.

Нехлюдову было радостно видеть это довольство и вместе с тем было почему-то совестно перед бабами и детьми, которые все смотрели на него. Он, краснея, сел на лавку.

— Дай мне горячего хлеба кусочек, я его люблю, — сказал он и покраснел еще больше.

Карпова хозяйка отрезала большой кусок хлеба и на тарелке подала его барину. Нехлюдов молчал, не зная, что̀ сказать; бабы тоже молчали; старик кротко улыбался.

«Однако, чего ж я стыжусь? точно я виноват в чем-нибудь», подумал Нехлюдов: «отчего ж мне не сделать предложение о ферме? Какая глупость!» Однако он всё молчал.

— Что ж, батюшка Митрий Миколаич, ка̀к насчет ребят-то прикажете? — сказал старик.

— Да я бы тебе советовал вовсе не отпускать их, а найти здесь им работу, — вдруг, собравшись с духом, выговорил Нехлюдов. — Я, знаешь, что̀ тебе придумал: купи ты со мной пополам рощу в казенном лесу, да еще землю...

Кроткая улыбка вдруг исчезла на лице старика.

— Как же, ваше сиятельство, на какие же деньги покупать будем? — перебил он барина.

— Да ведь небольшую рощу, рублей в двести, — заметил Нехлюдов.

Старик сердито усмехнулся.

— Хорошо, кабы были, отчего бы не купить, — сказал он.

— Разве у тебя уж этих денег нет? — с упреком сказал барин.

— Ох, батюшка ваше сиятельство! — отвечал, с грустью в голосе, старик, оглядываясь к двери: — только бы семью прокормить, а уж нам не рощи покупать.

— Да ведь есть у тебя деньги, что̀ ж им так лежать? — настаивал Нехлюдов.

Старик вдруг пришел в сильное волнение; глаза его засверкали, плечи стало подергивать.

— Може злые люди про меня сказали, — заговорил он дрожащим голосом: — так, верите Богу, говорил он, одушевляясь всё более и более и обращая глаза к иконе: — что вот лопни мои глаза, провались я на сем месте, коли у меня что̀ есть, окроме пятнадцати целковых, что Илюшка привез, и то подушные платить надо — вы сами изволите знать: избу поставили...

— Ну, хорошо, хорошо! — сказал барин, вставая с лавки.— Прощайте, хозяева.

XVIII.

«Боже мой! Боже мой!» думал Нехлюдов, большими шагами направляясь к дому по тенистым аллеям заросшего сада и рассеянно обрывая листья и ветви, попадавшиеся ему на дороге: «не-уже-ли вздор были все мои мечты о цели и обязанностях моей жизни? Отчего мне тяжело, грустно, как будто я недоволен собой; тогда как я воображал, что, раз найдя эту дорогу, я постоянно буду испытывать ту полноту нравственно-удовлетворенного чувства, которую испытал в то время, когда мне в первый раз пришли эти мысли?» И он с необыкновенной живостью и ясностью перенесся воображением за год тому назад, к этой счастливой минуте.

Рано-рано утром он встал прежде всех в доме и, мучительно-волнуемый какими-то затаенными, невыраженными порывами юности, без цели вышел в сад, оттуда в лес, и среди майской, сильной, сочной, но спокойной природы, долго бродил один, без всяких мыслей, страдая избытком какого-то чувства и не находя выражения ему. То со всею прелестью неизвестного юное воображение его представляло ему сладострастный образ женщины, и ему казалось, что вот оно, невыраженное желание. Но какое-то другое, высшее чувство говорило *не то* и заставляло его искать чего-то другого. То неопытный, пылкий ум его, возносясь всё выше и выше, в сферу отвлечения, открывал, как казалось ему, законы бытия, и он с гордым наслаждением останавливался на этих мыслях. Но снова высшее чувство говорило *не то* и снова заставляло его искать и волноваться. Без мыслей и желаний, как это всегда бывает после усиленной деятельности, он лег на спину под деревом и стал смотреть на прозрачные утренние облака, пробегавшие над ним по глубокому, бесконечному небу. Вдруг, без всякой причины, на глаза его навернулись слезы, и, Бог знает каким путем, ему пришла ясная

мысль, наполнившая всю его душу, за которую он ухватился с наслаждением — мысль, что любовь и добро есть истина и счастие, и одна истина и одно возможное счастие в мире. Высшее чувство не говорило *не то*; он приподнялся и стал поверять эту мысль. «Оно, оно, так!» говорил он себе, с восторгом, меряя все прежние убеждения, все явления жизни на вновь открытую, ему казалось, совершенно новую истину. «Какая глупость всё то, что̀ я знал, чем уверил и что̀ любил», говорил он сам себе: «любовь, самоотвержение — вот одно истинное, независимое от случая счастие!» твердил он, улыбаясь и размахивая руками. Со всех сторон прикладывая эту мысль к жизни и находя ей подтверждение и в жизни и в том внутреннем голосе, говорившем ему, что это *то*, он испытывал новое для него чувство радостного волнения и восторга. «Итак, я должен делать добро, чтоб быть счастливым» думал он, и вся будущность его уже не отвлеченно, а в о̀бразах, в форме помещичьей жизни живо рисовалась пред ним.

Он видел перед собой огромное поприще для целой жизни, которую он посвятит на добро, и в которой, следовательно, будет счастлив. Ему не надо искать сферы деятельности: она готова; у него есть прямая обязанность — у него есть крестьяне... И какой отрадный и благодарный труд представляется ему — «действовать на этот простой, восприимчивый, неиспорченный класс народа, избавить его от бедности, дать довольство, передать им образование, которым, по счастью, я пользуюсь, исправить их пороки, порожденные невежеством и суеверием, развить их нравственность, заставить полюбить добро... Какая блестящая, счастливая будущность! И за всё это я, который буду делать это для собственного счастия, я буду наслаждаться благодарностью их, буду видеть, ка̀к, с каждым днем, я дальше и дальше иду к предположенной цели. Чудная будущность! Ка̀к мог я прежде не видеть этого?»

«И кроме этого», в то же время думал он: «кто мне мешает самому быть счастливым в любви к женщине, в счастии семейной жизни?» И юное воображение рисовало ему еще более обворожительную будущность. «Я и жена, которую я люблю так, ка̀к никто никогда никого не любил на свете, мы всегда живем среди этой спокойной, поэтической деревенской природы, с детьми, может быть, с старухой тёткой; у нас есть наша взаимная любовь, любовь к детям, и мы оба знаем, что наше

назначение — добро. Мы помогаем друг другу итти к этой цели. Я делаю общие распоряжения, даю общие, справедливые пособия, завожу фермы, сберегательные кассы, мастерские; а она, с своей хорошенькой головкой, в простом белом платье, поднимая его над стройной ножкой, идет по грязи в крестьянскую школу, в лазарет, к несчастному мужику, по справедливости, не заслуживающему помощи, и везде утешает, помогает... Дети, старики, бабы обожают ее и смотрят на нее, как на какого-то ангела, как на Провидение. Потом она возвращается и скрывает от меня, что ходила к несчастному мужику и дала ему денег, но я всё знаю и крепко обнимаю ее и крепко и нежно цалую ее прелестные глаза, стыдливо-краснеющие щеки и улыбающиеся румяные губы» . . . . . .
. . . . . .

XIX.

«Где эти мечты?» думал теперь юноша, после своих посещений подходя к дому: «вот уж больше года, что я ищу счастия на этой дороге, и что ж я нашел? Правда, иногда я чувствую, что могу быть довольным собою; но это какое-то сухое, разумное довольство. Да и нет, я просто недоволен собой! Я недоволен, потому что я здесь не знаю счастия, а желаю, страстно желаю счастия. Я не испытал наслаждений, а уже отрезал от себя всё, что дает их. Зачем? за что? Кому от этого стало легче? Правду писала тётка, что легче самому найти счастие, чем дать его другим. Разве богаче стали мои мужики? образовались или развились они нравственно? Нисколько. Им стало не лучше, а мне с каждым днем становится тяжеле и тяжеле. Еслиб я видел успех в своем предприятии, еслиб я видел благодарность... но нет, я вижу ложную рутину, порок, недоверие, беспомощность. Я даром трачу лучшие годы жизни», подумал он, и ему почему-то вспоминалось, что соседи, как он слышал от няни, называли его недорослем; что денег у него в конторе ничего уже не оставалось; что выдуманная им новая молотильная машина, к общему смеху мужиков, только свистела, а ничего не молотила, когда ее в первый раз, при многочисленной публике, пустили в ход в молотильном сарае; что со дня на день надо было ожидать приезда Земского Суда для описи имения, которое он просрочил, увлекшись различными новыми хозяйственными

предприятиями. И вдруг так же живо, как прежде, представлялась ему деревенская прогулка по лесу и мечта о помещичьей жизни, так же живо представилась ему его московская студенческая комнатка, в которой он поздно ночью сидит, при одной свечке, с своим товарищем и обожаемым шестнадцатилетним другом. Они часов пять сряду читали и повторяли какие-то скучные записки гражданского права и, окончив их, послали за ужином, сложились на бутылку шампанского и разговорились о будущности, которая ожидает их. Как совсем иначе представлялась будущность молодому студенту! Тогда будущность была полна наслаждений, разнообразной деятельности, блеска, успехов и несомненно вела их обоих к лучшему, как тогда казалось, благу в мире — к славе.

«Он уж идет и быстро идет по этой дороге», подумал Нехлюдов про своего друга: «а я...»

Но в это время он уже подходил к крыльцу дома, около которого стояло человек десять мужиков и дворовых, с различными просьбами дожидавшихся барина, и от мечтаний он должен был обратиться к действительности.

Тут была и оборванная, растрепанная и окровавленная крестьянская женщина, которая с плачем жаловалась на свекора, будто бы хотевшего убить ее; тут были два брата, уж второй год делившие между собой свое крестьянское хозяйство и с отчаянной злобой смотревшие друг на друга; тут был и небритый седой дворовый, с дрожащими от пьянства руками, которого сын его, садовник, привел к барину, жалуясь на его беспутное поведение; тут был мужик, выгнавший свою бабу из дома за то, что она целую весну не работала; тут была и эта больная баба, его жена, которая, всхлипывая и ничего не говоря, сидела на траве у крыльца и выказывала свою воспаленную, небрежно-обвязанную каким-то грязным тряпьем, распухшую ногу...

Нехлюдов выслушал все просьбы и жалобы и, посоветовав одним, разобрав других и обещав третьим, испытывая какое-то смешанное чувство усталости, стыда, бессилия и раскаяния, прошел в свою комнату.

XX.

В небольшой комнате, которую занимал Нехлюдов, стоял старый кожаный диван, обитый медными гвоздиками; несколько таких же кресел; раскинутый старинный бостонный стол с

инкрустациями, углублениями и медной оправой, на котором лежали бумаги, и старинный, желтенький, открытый английский рояль с истертыми, погнувшимися узенькими клавишами. Между окнами висело большое зеркало в старой, позолоченной резной раме. На полу, около стола, лежали кипы бумаг, книг и счетов. Вообще вся комната имела бесхарактерный и беспорядочный вид; и этот живой беспорядок составлял резкую противоположность с чопорным старинно-барским убранством других комнат большого дома. Войдя в комнату, Нехлюдов сердито бросил шляпу на стол и сел на стул, стоявший пред роялем, положив ногу на ногу и опустив голову.

— Что̀ завтракать будете, ваше сиятельство? — сказала вошедшая в это время высокая, худая, сморщенная старуха, в чепце, большом платке и ситцевом платье.

Нехлюдов оглянулся на нее и помолчал немного, как будто опоминаясь.

— Нет, не хочется, няня, — сказал он, и снова задумался.

Няня сердито покачала на него головой и вздохнула:

— Эх, батюшка, Дмитрий Николаич, что̀ скучаете? И не такое горе бывает, всё пройдет — ей-Богу...

— Да я и не скучаю. С чего ты взяла, матушка Маланья Финогеновна? — отвечал Нехлюдов, стараясь улыбнуться.

— Да ка̀к не скучать, разве я не вижу? — с жаром начала говорить няня: — день-деньской один-одинёшенек. И всё-то вы к сердцу принимаете, до всего сами доходите; уж и кушать почти ничего не стали. Разве это резон? Хоть бы в город поехали или к соседям, а то виданное ли дело? Ваши года молодые, так обо всем сокрушаться! Ты меня извини, батюшка, я сяду, — продолжала няня, садясь около двери: — ведь такую повадку дали, что уж никто не боится. Разве так господа делают? Ничего тут хорошего нет; только себя губишь да и народ-то ба̀луется. Ведь наш народ какой: он этого не чувствует, право. Хоть бы к тётеньке поехал: она правду писала... усовещевала его няня.

Нехлюдову всё становилось грустнее и грустнее. Правая рука его, опиравшаяся на колене, вяло дотронулась до клавишей. Вышел какой-то аккорд, другой, третий... Нехлюдов подвинулся ближе, вынул из кармана другую руку и стал играть. Аккорды, которые он брал, были иногда неподготовлены, даже несовсем правильны, часто были обыкновенны до пошлости и

не показывали в нем никакого музыкального таланта, но ему доставляло это занятие какое-то неопределенное, грустное наслаждение. При всяком изменении гармонии, он с замиранием сердца ожидал, что̀ из него выйдет и, когда выходило что̀-то, он смутно дополнял воображением то, чего недоставало. Ему казалось, что он слышит сотни мелодий: и хор, и оркестр, сообразный с его гармонией. Главное же наслаждение доставляла ему усиленная деятельность воображения, бессвязно и отрывисто, но с поразительною ясностью представлявшего ему в это время самые разнообразные, перемешанные и нелепые о̀бразы и картины из прошедшего и будущего То представляется ему пухлая фигура Давыдки-Белого, испуганно-мигающего белыми ресницами при виде черного, жилистого кулака своей матери, его круглая спина и огромные руки, покрытые белыми волосами, одним терпением и преданностью судьбе отвечающие на истязания и лишения. То он видит бойкую, осмелившуюся на дворне кормилицу и почему-то воображает, ка̀к она ходит по деревням и проповедует мужикам, что от помещиков деньги прятать нужно, и он бессознательно повторяет сам себе: «да̀, от помещиков деньги прятать нужно». То вдруг ему представляется русая головка его будущей жены, почему-то в слезах и в глубоком горе склоняющаяся к нему на плечо; то он видит добрые, голубые глаза Чуриса, с нежностью глядящие на единственного пузатого сынишку. Да, он в нем, кроме сына, видит помощника и спасителя. «Вот это любовь!» шепчет он. Потом вспоминает он о матери Юхванки, вспоминает о выражении терпения и всепрощения, которое, несмотря на торчащий зуб и уродливые черты, он заметил на старческом лице ее. «Должно быть, в семьдесят лет ее жизни я первый заметил это», думает он и шепчет «странно!», продолжая бессознательно перебирать клавиши и вслушиваться в звуки. Потом он живо вспоминает свое бегство с пчельника и выражение лиц Игната и Карпа, которым видимо хочется смеяться, но которые как будто не смотрят на него. Он краснеет и невольно оглядывается на няню, которая продолжает сидеть около двери и молча, пристально глядеть на него, изредка покачивая седой головой. Вот вдруг ему представляется тройка потных лошадей и красивая, сильная фигура Илюшки с светлыми кудрями, весело блестящими, узкими голубыми глазами, свежим румянцем и светлым пухом, только что начинающим покрывать его губу и подбородок. Он вспоминает,

кàк боялся Илюшка, чтоб его не пустили в извоз, и кàк горячо заступался за это, любезное для него дело: и он видит серое, раннее туманное утро, подсклизлую шоссейную дорогу и длинный ряд высоко-нагруженных и покрытых рогожами троечных возов с большими черными буквами. Толстоногие, сытые кони, погрохивая бубенчиками, выгибая спину и натягивая постромки, дружно тянут в гору, напряженно цепляя длинными шипами за склизкую дорогу. Навстречу обоза, под гору, шибко бежит почта, звеня колоколами, которые отзываются далеко по крупному лесу, тянущемуся с обеих сторон дороги.

— А-а-ай! — громко ребяческим голосом кричит передовой ямщик с бляхой на поярковой шляпе, подымая кнут над головой.

У переднего колеса первого воза тяжело шагает в огромных сапогах Карп с своей рыжей бородой и угрюмым взглядом. На втором возу высовывается красивая голова Илюшки, который, под рогожей передка, славно пригрелся на зорьке. Три тройки, нагруженные чемоданами, с грохотом колес, звоном колокольчиков и криком пронеслись мимо; Илюшка снова прячет свою красивую голову под рогожу и засыпает. Вот и ясный теплый вечер. Перед усталыми, столпившимися у постоялого двора тройками, скрипят тесовые ворота, и один за другим, подпрыгивая по доске, лежащей в воротах, скрываются высокие рогожные возы, под просторными навесами. Илюшка весело здоровается с белолицой, широкогрудой хозяйкой, которая спрашивает: «Издалече ли? и много ли ужинать будут?» с удовольствием поглядывая на красивого парня своими блестящими, сладкими глазами. Вот он, убрав коней, идет в жаркую, набитую народом избу, крестится, садится за полную деревянную чашку, ведя веселую речь с хозяйкой и товарищами. А вот и ночлег его под открытым звездным небом, виднеющимся из-под навеса, на пахучем сене, около лошадей, которые, переминаясь и похрапывая, перебирают корм в деревянных яслях. Он подошел к сену, повернулся на восток и, раз тридцать сряду перекрестив свою широкую, сильную грудь и встряхнув светлыми кудрями, прочел «Отче» и раз двадцать «Господи помилуй», и, увернувшись с головой в армяк, засыпает здоровым, беззаботным сном сильного, свежего человека. И вот видит он во сне города Киев с угодниками и толпами богомольцев, Ромен с купцами и товарами, видит Одест и далекое синее море с белыми парусами, и

город Царьград с золотыми домами и белогрудыми, чернобровыми турчанками, куда он летит, поднявшись на каких-то невидимых крыльях. Он свободно и легко летит всё дальше и дальше, и видит внизу золотые города, облитые ярким сияньем, и синее небо с частыми звездами, и синее море с белыми парусами — и ему сладко и весело лететь всё дальше и дальше...

«Славно!» шепчет себе Нехлюдов, и мысль: зачем он не Илюшка — тоже приходит ему.

СЕВАСТОПОЛЬ В ДЕКАБРЕ МЕСЯЦЕ.

Основной текст по изд.: «Военные разсказы графа Л Н. Толстого», Спб. 1856, стр. 141 — 174 (сокращенно: *изд. 1856 г.*). Варианты текста — «Современника», 1855, № 6 (сокращенно: «*Совр.*»).

Заглавие рассказа сохранено то, которое было во всех изданиях до 5-го; в 6-м прибавлена годовая дата: «в декабре месяце 1854 г.», *и в 9-м издании и след. выброшено слово* «месяце».

Стр. 3, строка 3—4.
Вместо: уже сбросила с себя *(по «Совр.») — в изд. 1856 г.:* сбросила с себя уже

Стр. 3, строка 9.
Вместо: 8-я стклянка. — *в «Совр.».* осьмая склянка.

Стр. 3, строка 18.
Вместо: к пристани—особенный—*в «Совр.»:* к пристани и особенный

Стр. 3, строка 20.
Вместо: и т. п. *(по «Совр.») — в изд. 1856 г.:* и т. д.

Стр. 4, строка 3.
Со слов: Вы выбираете — *в «Совр.» и изд. 1856 г. не красная строка.*

Стр. 4, строка 5.
После слов: проходите к рулю. — *в «Совр.»:* (Ежели вы даже не умеете управлять лодкой, я уверен, что вы всё-таки с наслаждением сядете на руль — я заметил, что это почему-то общая всем людям слабость — править).

Стр. 4, строка 6.
Вместо: блестящее уже — *в «Совр.»:* уже блестящее

Стр. 4, строка 13.
После слов: на той стороне, — *в «Совр.»:* бухты

Стр. 4, строки 18—19.
Слов: звуки ударов вёсел, — *нет в изд. 1856 г. (исправлено по «Совр.»).*

Стр. 4, строка 22.
Со слов: Не может быть, — *в «Совр.» не красная строка.*

Стр. 4, строка 23.
Вместо: чувство *(по «Совр.»)* — *в изд. 1856 г.:* чувства

Стр. 4, строка 26.
Со слов: — Ваше благородие! — *в «Совр.» не красная строка.*

Стр. 4, строка 26.
Вместо: Кистентина — *в «Совр.»:* «Константина»

Стр. 4, строка 27.
Вместо: оборотившись *(по «Совр.»)* — *в изд. 1856 г.:* оборотясь

Стр. 4, строка 31.
Со слов: — А то как же: — *в «Совр.» и изд. 1856 г. не красная строка.*

Стр. 4, строка 33.
Со слов: — Вишь ты, где — *в «Совр.» и изд. 1856 г. не красная строка.*

Стр. 4, строка 35.
Вместо: высоко-высоко *(по «Совр.»)*, — *в изд. 1856 г.:* высоко

Стр. 4, строка 37.
Со слов: — Это *он (курсив Толстого)* — *в «Совр.» и изд. 1856 г. не красная строка.*

Стр. 5, строки 3—4.
Слов: и неровно гребут неловкие солдаты, — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 5, строки 6—7.
Вместо: толпы серых солдат, черных матросов и пестрых женщин. — *в «Совр.»:* толпы солдат, матросов и женщин.

Стр. 5, строка 8.
Слóва: кричат — *нет в «Совр.».*

Стр. 5, строка 9.
Вместо: валяются — *в «Совр.»:* лежат

Стр. 5, строка 9.
Вместо: заржавевшие — *в «Совр.»:* заржавленные

Стр. 5, строка 9.
Вместо: ядра *(по «Совр.»)* — *в изд. 1856 г.:* ядры

Стр. 5, строка 13.
Вместо: кóзла *(по «Совр.»)* — *в изд. 1856 г.:* кóзлы

Стр. 5, строка 15.
Вместо: кой-где — *в «Совр.»:* кое-где

Стр. 5, строка 15.
Вместо: проедет *(по «Совр.»)* — *в изд. 1856 г.:* проедут

Стр. 5, строка 15.
Вместо: и офицер — *в «Совр.»:* или офицер

Стр. 5, строки 20—21.
Слов: везде вы видите неприятные — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 5, строка 23.
Сло́ва: грязного — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 5, строка 24.
Вместо: не только не красиво, но кажется отвратительным беспорядком; — *в «Совр.»:* непривлекательно; повсюду страшный беспорядок;

Стр. 5, строка 25.
Вместо: перепуганы, — *в «Совр.»:* перепутаны,

Стр. 5, строка 26.
Вместо: что делать. — *в «Совр.»:* что делают.

Стр. 5, строка 27.
Вместо: вы поймете — *в «Совр.»:* вы увидите

Стр. 5, строка 30.
Вместо: что, очевидно, он не заблудится — *в «Совр.»:* он, очевидно, не заблудится

Стр. 5, строка 31.
Вместо: которой — *в «Совр.»:* которая

Стр. 5, строки 31—32.
Вместо: но что он — *в «Совр.»:* он

Стр. 5, строка 33.
Вместо: и самоуверенно, — *в «Совр.»:* самоуверенно,

Стр. 5, строка 35.
Вместо: и на лице — *в «Совр.»:* на лице

Стр. 5, строка 39.
Слово: Собрания — *в изд. 1856 г. не с прописной буквы.*

Стр. 6, строка 1.
Вместо: ежели *(по «Совр.»)* — *в изд. 1856 г.:* если

Стр. 6, строки 7—10.
Слов: усомнитесь *кончая:* описаниям и вида, и звуков с Северной стороны. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой; вместо них многоточие.*

Стр. 6, строка 13.
Вместо: и у крыльца *(по «Совр.»)* — *в изд. 1856 г.:* и на крыльце

Стр. 6, строка 14.
Слов: увидите там защитников Севастополя, — *нет в «Совр.».*

Стр. 6, строка 15.
Слов: и забавные, но — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 6, строка 16.
Вместо: возвышающие — *в «Совр.»:* и возвышающие

Стр. 6, строки 19—20.
Вместо: одних на койках, большей частью на полу, — *в «Совр.»:* — на койках, а большей частию на полу,

Стр. 6, строка 26.
Вместо: по середине *(по «Совр.»)* — *в изд. 1856 г.:* по средине.

Стр. 6, строка 28.
Слова: чтобы — *нет в «Совр.».*

Стр. 6, строка 34.
Вместо: оскорбить и — *в «Совр.»:* оскорбить того и

Стр. 6, строка 34.
Вместо: кто перенес их. *(по «Совр.»)* — *в изд. 1856 г.:* кто перенесет их. *В изд., начиная с 5-го:* переносит.

Стр. 7, строка 3.
Вместо: погода *(по «Совр.»)* — *в изд. 1856 г.:* непогода

Стр. 7, строка 5.
Вместо: На 5-м баксионе, — *в «Совр.»:* — На пятом бастионе,

Стр. 7, строки 13—14.
Вместо: не думать много: (курсив Толстого, по «Совр.» и изд. 1856 г.) — *в следующих изданиях: не думать ничего:*

Стр. 7, строка 17.
Вместо: повязанная *(по «Совр.»)* — *в изд. 1856 г.:* и повязанная

Стр. 7, строка 18.
Вместо: ваш разговор — *в «Совр.»:* наш разговор

Стр. 7, строка 18.
Слов: про него, — *нет в «Совр.».*

Стр. 7, строка 20.
Вместо: остановил — *в «Совр.»:* он остановил

Стр. 7, строка 24.
Вместо: уже сам — *в «Совр.»:* уж он сам

Стр. 7, строка 29.
Вместо: замечает — *в «Совр.»:* говорит

Стр. 7, строка 30.
Слов: как будто извиняется за нее перед вами, — *нет в изд. 1856 г.; берем из «Совр.».*

Стр. 7, строка 32.
Слов: глупые слова говорит». — *нет в «Совр.».*

Стр. 8, строка 1.
Вместо: тебе поскорее — *в «Совр.»:* поскорее

Стр. 8, строка 5.
Со слов: Это белокурый, — *в «Совр.» не красная строка.*

Стр. 8, строка 25.
Слово: вылущена — *исправлено вместо неправильной формы «Совр.» и изд. 1856 г.:* выщелущена

Стр. 8, строки 29 — 30.
Вместо: бледное-бледное *(по «Совр.») — в изд. 1856 г.:* бледное

Стр. 8, строка 40.
Вместо: занятых около койки, — *в «Совр.»:* занятых благодетельным делом — ампутаций, около койки

Стр. 9, строка 3.
Слов: Доктора заняты отвратительным, но благодетельным делом ампутаций. Вы — *нет в «Совр.».*

Стр. 9, строка 5.
Вместо: нож — *в «Совр.»:* нож хирурга

Стр. 9, строка 11.
Вместо: ожидания, — *в «Совр.»:* отчаяния и ожидания.

Стр. 9, строки 14 — 15.
Вместо: а увидите войну — *в «Совр.»:* а войну

Стр. 9, строки 21 — 22.
Вместо: без нерешимости пойдете на бастионы... — *в «Совр.»:* без нерешительности пойдете на бастион.

Стр. 9, строка 30.
Со слов: Навстречу попадутся — *в «Совр.» не красная строка.*

Стр. 9, строка 31.
Вместо: гробом и музыкой — *в «Совр.»:* гробом, музыкой

Стр. 9, строка 35.
Вместо: весьма красивыми — *в «Совр.»:* весьма приятными

Стр. 9, строка 36.
Вместо: и вы не — *в «Совр.»:* вы не

Стр. 9, строка 37.
Вместо: мысли ясной, перенесенной на себя, о страданиях — *в «Совр.»:* ясно перенесенной на себя мысли о страданиях

Стр. 9, строка 39.
Со слов: Пройдя церковь — *в «Совр.» не красная строка.*

Стр. 10, строка 6.
Вместо: нынешнюю *(по «Совр.») — в изд. 1856 г.:* нынешню

Стр. 10, строки 6—7.
Вместо: дорого и нехорошо подают котлетки, — *в «Совр.:* дороги и нехороши котлетки

Стр. 10, строка 10.
Вместо: белобрысенький, безусый морской офицерик — *в «Совр.»:* молоденький морской офицерик

Стр. 10, строка 13.
Вместо: офицер, — *в «Совр.»:* офицерик.

Стр. 10, строки 13—14.
Со слов: и вы непременно — *в «Совр.» красная строка.*

Стр. 10, строка 15.
Вместо: посмотрите на белобрысенького офицера — *в «Совр.»:* посмотрите на него,

Стр. 10, строки 17—18.
Слов: казавшиеся вам нахальством, — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 10, строка 18.
Сло́ва: бретерским — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 10, строка 19.
Сло́ва: иные — *нет в «Совр.».*

Стр. 10, строка 22.
Со слов: «Пройти на батарею — *в «Совр.» красная строка.*

Стр. 10, строка 24.
Со слов: «А у меня — *в «Совр.» красная строка.*

Стр. 10, строка 25.
Со слов: «Кого это? — *в «Совр.» красная строка.*

Стр. 10, строка 25.
Вместо: Митюхина?» — *в «Совр.»:* Миткохина?

Стр. 10, строки 25—26.
Вместо: «Нет... Да что, дадут ли мне телятины? Вот канальи! — *в «Совр.» с красной строки:*—Нет.... Да что, дадут ли мне телятины, подлецы!

Стр. 10, строка 27.
Вместо: Митюхина, — *в «Совр.»:* Миткохина,

Стр. 10, строка 30.
Вместо: бутылкой кислого крымского вина, называемого «бордо», — *в «Совр.»:* бутылкой так называемого «Бордо»

Стр. 10, строки 31—33.
Вместо: один молодой, с красным воротником и с двумя

звездочками на шинели, рассказывает другому, старому, *(по «Совр.») — в изд. 1856 г.:* один, с красным воротником, молодой и с двумя звездочками на шинели, рассказывает другому,

Стр. 10, строки 33 — 34.
Вместо: альминское *(по «Совр.») — в изд. 1856 г.* — алминское

Стр. 10, строка 34.
Слов: Первый уже немного выпил, и — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 10, строки 34 — 35.
Слов: которые бывают — *нет в «Совр.».*

Стр. 10, строки 36 — 39.
Вместо: что слишком велика роль, *кончая:* истины. — *в «Совр.»:* по слишком большой роли, которую он играл и потому что уж слишком всё страшно в его рассказе, ясно, что он сильно отклоняется от строгой истины.

Стр. 11, строка 13.
Вместо: белобрысенький — *в «Совр.»:* молоденький

Стр. 11, строки 21 — 22.
Вместо: Пройдя еще одну баррикаду, *кончая* поднимаетесь вверх — *в «Совр.»*: Вы выходите из дверей направо, и пройдя еще одну баррикаду, поднимаетесь вверх.

Стр. 11, строка 29.
Вместо: встречаете вы — *в «Совр.»:* встречаете

Стр. 11, строка 30.
Вместо: встречается *(по «Совр.») — в изд. 1856 г.:* встречаются

Стр. 11, строки 32 — 33.
Вместо: спустившись *(по «Совр.») — в изд. 1856 г.:* спустясь

Стр. 11, строка 35.
Вместо: глины, — *в «Совр.»:* тины,

Стр. 11, строка 36.
Вместо: черное, грязное — *в «Совр.»:* черно-грязное

Стр. 11, строка 37.
Вместо: народу — *в «Совр.»:* народа

Стр. 12, строка 13.
Вместо: нерешимости — *в «Совр.»:* нерешительности

Стр. 12, строки 19 — 20.
Вместо: скользкую — *в «Совр.»:* склизкую

Стр. 12, строки 20 — 21.
Вместо: взобрались на гору, *(по «Совр.») — в изд. 1856 г.:* выбрались в гору,

Стр. 12, строка 21.
Вместо: справа и слева начинают *(по «Совр.») — в изд. 1856 г.:* справа и слева вас начинают

Стр. 12, строка 22.
Вместо: по траншее, — *в «Совр.»:* по тропинке,

Стр. 12, строка 32.
Вместо: по середине площадки, *(по «Совр.») — в изд. 1856 г.:* по середине площади,

Стр. 12, строки 34 — 35.
Вместо: из липкой грязи; везде, *(по «Совр.») — в изд. 1856 г.:* из липкой грязи. Но везде,

Стр. 12, строка 39.
Вместо: слышите — *в «Совр.»:* раздаются

Стр. 12, строка 39 — стр. 13, строка 2.
Вместо: звуки пуль, — *жужжащие, кончая:* ужасно страшным. — *в «Совр.»:* звуки пуль, жужжащих, как пчелы, свистящих или визжащих как струна, слышите ужаснейший гул нашего выстрела, потрясающий всех вас и кажущийся вам чем-то ужасно страшным.

Стр. 13, строка 3.
Со слов: «Так вот он, — *в «Совр.» не красная строка и без ковычек.*

Стр. 13, строка 7.
Слова: сравнительно, — *нет в «Совр.».*

Стр. 13, строки 11 — 12.
Вместо: землянки в грязи, в которые, согнувшись, могут влезать *(исправлено по 5-му изданию) — в «Совр.»:* землянки в грязи, в которых согнувшись могут влезть — *в изд. 1856 г., 2-м, 3-м и 4-м изд.:* землянки, в грязи которых, согнувшись, могут влезать

Стр. 13, строка 13.
Слов: и там увидите — *нет в «Совр.».*

Стр. 13, строка 14.
Вместо: там — *в «Совр.»:* тут

Стр. 13, строка 14.
Вместо: переобуваются, *(по «Совр.») — в изд. 1856 г.:* перебуваются,

Стр. 13, строка 15.
Слов: ту же вонючую грязь, — *нет в «Совр.».*

Стр. 13, строка 18.
Вместо: обставленную — *в «Совр.»:* обстановленную

Стр. 13, строка 19.
Вместо: увидите — *в «Совр.»:* найдете

Стр. 13, строка 33.
Вместо: осталось 8 человек, и как всё-таки на другое утро 6-го он — *в «Совр.»:* осталось только восемь человек, и как на другое утро 6 числа он

Стр. 13, строка 37.
Вместо: как в 30-40 саженях. — *в «Совр.»:* как тридцать—сорок сажен.

Стр. 14, строка 4.
Вместо: белые дымки, *(по 7-му и след. изд.)* — *в «Совр.»:* дымы, — *в изд. 1856 г.:* домики, — *в изд. 2-м и 6-м:* дымики

Стр. 14, строка 4.
Вместо: этот-то белый вал и есть неприятель — *в «Совр.»:* это-то и есть неприятель

Стр. 14, строки 6—8.
Вместо: Даже очень может быть, *кончая:* захочет при вас пострелять немного. — *в «Совр.»:* При этом офицер вдруг очень хладнокровно скажет:

Стр. 14, строка 8.
Вместо: комендора и прислугу — *в «Совр.»:* комендора, прислугу

Стр. 14, строка 13.
Вместо: морщине *(по «Совр.»)* — *в изд. 1856 г.:* морщице

Стр. 14, строка 17.
Вместо: простоты и упрямства. — *в «Совр.»:* простота и твердость;

Стр. 14, строка 17.
После слов: простоты и упрямства — *в «Совр.» и изд. 1856 г. (за точкой с запятой):* но здесь на каждом лице кажется вам, что опасность, злоба и страдания войны *(последнего слова в «Совр.» нет)*, кроме этих главных признаков (*в «Совр.» прибавлено*: войны), проложили еще следы сознания своего достоинства и высокой мысли и чувства.

Стр. 14, строки 24 — 25.
Вместо: которого вы не ожидали видеть, может быть, — *в «Совр.»:* которого, может быть, вы не ожидали видеть,

Стр. 14, строка 26.
Вместо: «В самую *абразуру (курсив Толстого)* попала; *(по «Совр.»)* — *в изд. 1856 г.:* «В самую *амбразуру* попало;

Стр. 14, строка 33.
Вместо: брызги грязи и камни. *(по «Совр.»)* — *в изд. 1856 г.:* брызги и камни.

Стр. 14, строки 35 — 36.
Слов: интересные чувства, услышите и увидите — *нет в «Совр.».*

Стр. 15, строка 1.
Вместо: с трудом — *в «Совр.»:* трудно

Стр. 15, строки 4 — 5.
Вместо: удар о землю, ощутительный, звеняший разрыв бомбы. — *в «Совр.»:* удар о землю и разрыв.

Стр. 15, строка 6.
Вместо: забрызгает вас грязью. — *в «Совр.»:* забрызгают вас грязью.

Стр. 15, строка 15.
Вместо: жизнью и смертью; — *в «Совр.»:* с жизнью и смертью,

Стр. 15, строки 15 — 16.
Вместо: еще и еще и поближе упало *(по «Совр.») — в изд. 1856 г.:* еще и еще поближе упали

Стр. 15, строка 23.
Вместо: виден один испуг *(по «Совр.») — в изд. 1856 г.:* видны один испуг

Стр. 15, строка 27.
Вместо: сменяется — *в «Совр.»:* изменяется

Стр. 15, строка 27.
Сло́ва: какой-то — *нет в «Совр.».*

Стр. 15, строка 30.
Вместо: с трудом, дрожащим голосом — *в «Совр.»:* дрожащим голосом, с трудом

Стр. 15, строка 33.
Сло́ва: только — *нет в «Совр.».*

Стр. 15, строка 35.
Слов: спокойно, равнодушно, — *нет в «Совр.».*

Стр. 15, строка 36.
Со слов: «Это вот — *в «Совр.» красная строка.*

Стр. 15, строки 36 — 37.
Вместо: «Это вот каждый день этак, *(по «Совр.») — в изд. 1856 г.:* «Это каждый день этак

Стр. 15, строка 37.
Вместо: семь или восемь», — *в «Совр.»:* семь и восемь»,

Стр. 15, строка 38.
Вместо: выражающегося — *в «Совр.»:* явившегося

Стр. 15, строки 38—39.
Вместо: на вашем лице, зевая и свертывая папиросу — *в «Совр.»:* на вашем лице. Он говорит это, впрочем, зевая и свертывая папиросу

Стр. 15, строка 40.
Строчки точек нет в «Совр.».

Стр. 16, строка 1.
Вместо: Итак, вы — *в «Совр.».* И так вы

Стр. 16, строка 3.
Вместо: ядра *(по «Совр.») — в изд. 1856 г.:* ядры

Стр. 16, строки 6 — 7.
Слов: взять Севастополь и не только взять Севастополь, но *(по «Совр.») — нет в изд. 1856 г.*

Стр. 16, строка 8.
Вместо: русского народа, — *в «Совр.»:* России

Стр. 16, строка 9.
Слов: хитро сплетенных — *нет в «Совр.».*

Стр. 16, строки 12 — 15.
Слов: То, что̀ они делают, *кончая:* они всё могут сделать. — *нет в «Совр.».*

Стр. 16, строка 19.
Слов: так же — *нет в «Совр.».*

Стр. 16, строка 24.
После слов: побудительная причина. — *в изд. 1856 г.:* И эта причина есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, — любовь к родине. *В «Совр.» эта же фраза, за исключением слов:* стыдливое в русском, — *стоит после запятой и кончается восклицательным знаком. См. в Комментарии, стр. 386.*

Стр. 16, строка 28.
Вместо: о временах, когда этот герой, *(по 3-му и след. изд.)* — *в «Совр.», изд. 1856 г. и 2-м изд.:* времена, когда этот герой,

Стр. 16, строка 34.
Вместо: фактом. Вы ясно поймете, — *в «Совр.»:* фактом; вы ясно поймете всё,

Стр. 16, строка 36.
Вместо: возвышались — *в «Совр.»:* возвысились

Стр. 16, строка 37.
После слов: не за город, а за родину. — *в «Совр.»:* Велико, Севастополь, твое значение в истории России! Ты первый служил выражением идеи единства и внутренней силы русского народа.

Стр. 16, строка 39.
Вместо: которой героем — *в «Совр.»:* героем которой

Стр. 16, строка 39.
После слов: народ русский.... — *в «Совр.» строка точек.*

Стр. 16, строка 40 — стр. 17, строка 1.
Слова: серых — *нет в «Совр.».*

Стр. 17, строки 1 — 2.
Вместо: осветило — *в «Совр.»:* озарило

Стр. 17, строка 7.
Слова: странно — *нет в «Совр.».*

СЕВАСТОПОЛЬ В МАЕ.

Ниже приводятся разночтения основного текста *(рукопись)*, напечатанного на стр. 18 — 59 с текстом:
1) в корректурных гранках, хранящихся в Ленинградском отделении Центрального Исторического архива (дело № 28 за 1855 г.) (сокращенно называется *корр.*).
2) В «Современнике», 1855, № 9, стр. 5 — 30 (сокращенно *«Совр.»*).
3) В книге: «Военные рассказы графа Л. Н. Толстого», Спб. 1856, стр. 175—256 (сокращенно *изд. 1856 г.*).

Стр. 18. строка 1.
Название рассказа: Севастополь в мае. — *взято по изд. 1856 г.— в рукописи рассказ называется:* «Весенняя ночь 1855 года в Севастополе»; *в корр. и «Совр.»* — «Ночь весною 1855 года в Севастополе». *В позднейших изданиях, начиная с 6-го, это заглавие дополнено еще обозначением года* — «1855 года».

Гл. 1.
Стр. 18, строка 6.
Вместо: и с траншей — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* и из траншей

Стр. 18, строка 9.
Слова: надуться, — *нет в «Совр.».*

Стр. 18, строки 10 — 11.
Слов: Сколько звездочек надето, сколько снято, сколько Анн, Владимиров, — *нет в корр., в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 18, строка 13.
Слова: суеверным — *нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 18, строки 14—15.
Вместо: на черную изрытую — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* на желтоватую, изрытую

Стр. 18, строка 18.
Вместо: штурманский — *в корр.* штурманской

Стр. 18, строка 20.
Слово: Зеленой *(с прописной буквы З, исправлено по корр. и «Совр.»)* — *в рукописи и изд. 1856 г. с строчной буквы.*

Стр. 18, строка 24.
Со слов: А вопрос, — *в рукописи, «Совр.» и изд. 1856 г. не красная строка.*

Стр. 18, строка 24.
Вместо: дипломатами, еще меньше решается — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* дипломатами все еще не решается

Стр. 18 строка 26 — стр. 19, строка 18.
Слов: Мне часто *кончая:* принято думать. — *нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 19, строки 5 — 6.
К словам: разумными представителями разумных созданий, — *в рукописи подстрочный вариант:* разумными созданиями.

Стр. 19 строка 8.
Со слов: Это рассуждение — *в рукописи не красная строка.*

Стр. 19, строка 20.
С абзаца: В осажденном городе Севастополе, — *в корр. и «Совр.» начинается 1-я глава, предшествующие же два абзаца (по корр. и «Совр.») не имеют нумера главы.*

Гл. 2.
Стр. 19, строка 20.
Вместо: В осажденном городе Севастополе, — *в «Совр.»:* В Севастополе,

Стр. 19, строка 23.
Вместо: солнце взошло — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* солнце вышло

Стр. 19, строка 25.
Вместо: спускалось — *в корр.* и *«Совр.»:* опускалось

Стр. 19, строки 28 — 29.
Вместо: натягивая на руку не совсем белую, но опрятную перчатку, — *в «Совр.»:* надевая на руку перчатку, — *Изменено цензурой.*

Стр. 19, строки 30 — 31.
Вместо: нагороженных — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* настроенных

Стр. 19, строка 31.
Слово: Морской — *в «Совр.» с строчной буквы.*

Стр. 19, строки 32 — 34.
Вместо: Выражение некрасивого с низким лбом лица этого офицера изобличало тупость умственных способностей, но при том рассудительность, — *в корр.:* Выражение некрасивого с низким лбом лица этого офицера изобличало простодушие,но притом рассудительность, — *в «Совр.»:* Выражение лица этого офицера изобличало простодушие, рассудительность, — *в изд. 1856 г.:* Выражение некрасивого лица этого офицера не изобличало больших умственных способностей, но простодушие, рассудительность, — *Изменено цензурой.*

Стр. 19, строки 35 — 36.
Вместо: Он был дурно сложен — длинноног, неловок — *в «Совр.»:* Он был не совсем ловок и — *в изд. 1856 г.:* Он был дурно сложен, не совсем ловок — *Изменено цензурой.*

Стр. 19, строка 37.

Вместо: была незатасканная фуражка, — *в «Совр.»:* была немного поношенная фуражка, — *в изд. 1856 г.:* была мало поношенная фуражка, — *Изменено цензурой.*

Стр. 19, строка 38.

Вместо: лиловатого — *в «Совр.»:* лилового.

Стр. 20, строки 2—3.

Слов: хотя и с немного стоптанными в разные стороны каблуками, — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 20, строки 3 — 7.

Слов: но не столько *кончая:* а немного повыше. — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 20, строка 8.

Вместо: его чисто русское — *в изд. 1856 г.:* его чистого русского

Стр. 20, строка 9.

Вместо: квартермистр — *в «Совр.»:* квартирмейстер

Стр. 20, строка 12.

Вместо: был перешедший — *в изд. 1856 г.:* был офицер, перешедший

Стр. 20, строка 16.

Вместо: большой приятельницы. — *в рукописи описка:* большей приятельницы.

Стр. 20, строка 16.

Вместо: вспоминал — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* вспомнил

Стр. 20, строка 17.

Вместо: товарищ пишет: — *в «Совр.»:* товарищ писал:

Стр. 20, строка 18.

Вместо: то *Пупка (курсив Толстого)* (так отставной улан называл жену свою) бросается — *в «Совр.»:* то жена бросается — *Изменено цензурой.*

Стр. 20, строка 20.

Вместо: газеты и бежит с ним на *эс (курсив Толстого) в изд. 1856 г.:* газету и бежит с ней на *эс (курсив Толстого).*

Стр. 20, строка 36.

Вместо: такая для нас *рисурс, (курсив Толстого)* — *в «Совр.»:* такой для нас *рисурс,*

Стр. 20, строки 39 — 40.

Слов: и что у нас при этом убито 200 человек, а у французов до 15 тыс. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 21, строки 4 — 12.

Слов: по которым высокомерный *и кончая:* презренном для него круге, — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 21, строки 9 — 10.
Слова: (может быть, *кончая:* с грязными ногтями), — *в корр. без скобок.*

Стр. 21, строка 11.
Вместо: провинциальным — *рукоп.:* провинциальном

Стр. 21 строка 17.
Слов: по копейке, — *нет в «Совр.».*

Стр. 21, строка 21.
Вместо: отрадно-розовом цвете, — *в изд. 1856 г.:* отрадно-розовом свете,

Стр. 21, строки 23 — 38.
Слов: Эти воспоминания имели *кончая:* рассудительности его характера. — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 21, строки 35 — 36.
Вместо: на 5-ти рублевый банк, — *в подстрочном примеч. рукописи вариант:* по $^1/_4$ копейки в старые карты — *так и в корр.*

Стр. 21, строка 40.
Вместо: надеждам. «Каково будет — *в «Совр.»:* надеждам: «И каково будет — *в изд. 1856 г.:* надеждам. «И каково будет

Стр. 22, строка 1.
Слов: на своих стоптанных сапогах — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 22, строка 2.
Вместо: переулку, — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* переулочку,

Стр. 22, строка 4.
Вместо: Капитана же я — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* Капитана я

Стр. 22, строки 6 — 7.
Со слов: потому что много *кончая:* в эту кампанию. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 22, строка 11.
Вместо: когда звуки — *в «Совр.»:* вдруг звуки

Стр. 22, строки 13 — 14.
Вместо: на бульваре прежним пехотным *(по изд. 1856 г.)* — *в корр. и рукописи:* на бульваре пехотным — *в «Совр.»:* на бульваре опять только пехотным

Стр. 22, строка 14.
Слов: ничего незначущим, неловким и робким. — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Гл. 3.
Стр. 22, строка 15.
Вместо: 3. — *в корр. и «Совр.»:* II.

Стр. 22, строка 18.
Вместо: раскрывши держали — *в изд. 1856 г.:* раскрыв, держали

Стр. 22, строка 20.
Слов: и офицеры в *старых (курсив Толстого)* шинелях. — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 22, строка 22.
Слов: и новых шинелях. — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 22, строка 23.
Слов: всяких сортов *(перед словами:* офицеры) — *нет в «Совр.» Исключено цензурой.*

Стр. 22, строка 25.
Слова: (были *кончая*: без шляпок), — *в «Совр.». без скобок.*

Стр. 22, строка 25.
Вместо: были и без платочков — *в изд. 1856 г.:* были без платочков.

Стр. 22, строки 25 — 26.
Вместо: не было старой, а все молодые. *(слова:* а все *в рукописи зачеркнуты) — в «Совр.» и изд. 1856 г.:* не было старой, а замечательно, что все молодые.

Стр. 22, строки 29 — 30.
Вместо: капитана Обжогова и прапорщика Сусликова, которые — *в «Совр.»:* капитана и прапорщика, которые — *в изд. 1856 г.:* капитана Обжогова и капитана Сусликова, которые

Стр. 22, строка 31 — стр. 24, строка 20.
Слов: но первый был в верблюжьих штанах, *кончая:* бесконечная повесть «Снобсов» и «Тщеславия»? (*До абзаца, начинающ. словами:* Штабс-капитан) — *нет в «Совр.». Исключено цензурой*

Стр. 22, строка 32.
Вместо: обтрепанной — *в изд. 1856 г.:* обношенной

Стр. 22, строка 35.
Слова: из которых *кончая:* общего знакомого. — *в изд. 1856 г. заключены в скобки.*

Стр. 22, строка 35.
Вместо: с одним — с адъютантом — *в изд. 1856 г.:* с одним адъютантом

Стр. 23, строка 1.
Со слов: Притом же, — *в изд. 1856 г. не красная строка.*

Стр. 23, строка 1.
Вместо: веселого ему было — *в изд. 1856 г.:* веселого было ему

Стр. 23, строки 6 — 7.
Вместо: чтобы капитан Обжогов и прапорщик Сусликов — *в изд. 1856 г.:* чтобы капитаны Обжогов и Сусликов

Стр. 23, строки 7 — 8.
Фамилия: Пиштецкий — *в корр. и изд. 1856 г.:* Паштетский

Стр. 23, строка 10.
Со слов: Но отчего же штабс-капитан — *в изд. 1856 г. красная строка.*

Стр. 23, строка 11.
Вместо: они вдруг мне не поклонятся? *(по изд. 1856 г) — в рукописи и корр.:* вдруг он мне не поклонится?

Стр. 23, строки 14 — 16.
Слов: (в смысле высшего отборного круга, в каком бы то ни было сословии) — *по изд. 1856 г. — в рукописи и корр. нет.*

Стр. 23, строки 16 — 17.
Слов: (где бы *кончая:* быть его) — *нет в корр. В соответствии с этим к данным словам в рукописи примечание:* выключить. *В изд. 1856 г. скобок нет.*

Стр. 23, строки 16 — 17.
Вместо: кажется, не должно бы было быть — *в изд. 1856 г.:* кажется, вовсе не должно было быть

Стр. 23, строки 19 — 20.
Вместо: (а в какие условия времени, и обстоятельств не проникает эта гнусная страстишка?) — *в изд. 1856 г.:* (а в какие условия времени и обстоятельства не проникает эта жалкая наклонность?).

Стр. 23, строка 21.
Вместо: Мамадыши — *в корр.:* Мамадыш.

Стр. 23, строка 26.
Со слов: Для капитана Обжогова — *в изд. 1856 г. красная строка.*

Стр. 23, строки 27 — 28.
Слов: потому что у него *кончая:* хотя уважает немного, *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 23, строки 30 — 32.
Вместо: адъютантом; и за это он не совсем хорошо расположен к нему, хотя и боится его. Для адъютанта — *в корр.:* адъютантом: от этого он сам не знает любит или ненавидит его. Для адъютанта — *в изд.: 1856 г.:* адъютантом. Для адъютанта

Стр. 23, строки 32 — 33.
Вместо: Нордов *аристократ, (курсив Толстого)* и он его всегда ругает и презирает в душе за то, что он флигель-

адъютант. — *в корр.:* Нордов *аристократ (курсив Толстого)* и он его всегда ругает и презирает в душе за то, что он далеко ушел в почестях, чего бы ему самому очень хотелось.— *в изд. 1856 г.:* Нордов *аристократ (курсив Толстого)* потому, что он флигель-адъютант. *В рукописи в подстрочном примечании к слову:* флигель-адъютант *дан вариант:* далеко ушел в почестях.

Стр. 23, строка 33 — Стр. 24, строка 7.
Слов: Ужасное слово *аристократ. (курсив Толстого) — нет в корр. Начиная с этих слов и кончая:* в *аристократак (курсив Толстого)* не нуждается и т. д. и т. д. и т. д. — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 23, строки 34 — 35.
Вместо: принужденно смеется, проходя — *в корр.:* принужденно смеется, хотя нет ничего смешного, проходя.

Стр. 23, строки 36 — 37.
Слов: Чтобы доказать *кончая:* не хуже их. — *нет в корр.*

Стр. 23, строка 38.
Вместо: лениво-грустным голосом?— *в корр.:* лениво-грустным не своим голосом?

Стр. 24, строки 2 — 4.
Слов: Чтоб показать всем офицерам, *кончая:* ему очень весело. — *нет в корр.*

Стр. 24, строки 5 — 6.
Вместо: с добродушным ординарцем?— *в корр.:* с добродушным офицером?

Стр. 24, строки 6 — 7.
Слов: Чтобы доказать всем, *кончая:* и т. д. и т. д. и т. д. — *нет в корр.*

Стр. 24, строки 8 —20.
Слов: Тщеславие, тщеславие *кончая:* повесть «Снобсов» и Тщеславия?» *(по корр. и изд. 1856 г.) — нет в рукописи. Прописные буквы из корр.*

Стр. 24, строка 19.
Вместо: и про страдания, — *в изд. 1856 г.:* про страдания,

Стр. 24, строка 21.
Вместо: Штабс-капитан Михайлов два раза — *в изд. 1856 г.:* Штабс-капитан два раза

Стр. 24, строка 21 — стр. 25, строка 3.
Вместо абзаца: Штабс-капитан Михайлов *кончая:* слегка поклонился ему. — *в «Совр.» абзац:* Штабс-капитан подошел к одному кружку, который составляли четыре офицера: адъютант Калугин — знакомый Михайлова, — адъютант князь Галь-

цын, полковник Нефердов и ротмистр Праскухин. *Переделано цензурой.*

Стр. 24, строка 25.
Фамилия: Гальцин,— *в «Совр.» пишется:* Гальцын — *в корр.* Гальцин.

Стр. 24, строка 26.
Вместо: подполковник Нефердов,— *в изд. 1856 г.:* полковник Нефердов,

Стр. 24, строки 27 — 28.
Вместо: на службу из отставки — *в изд. 1856 г.:* на службу в эту кампанию из отставки),

Стр. 24, строки 28 — 29.
Слов: под влиянием отчасти *кончая:* это делали; — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 24, строки 29 — 32.
Слов: старый клубный московский холостяк, *кончая:* все распоряжения начальства, — *нет в корр. и изд. 1856 г.*

Стр. 24, строки 32 — 33.
Вместо: один из 122-х героев.— К счастию—*в изд. 1856 г.:* один из этих ста двадцати двух. К счастию

Стр. 24, строка 9.
Вместо: Михайловым, — *в рукописи ошибочно:* Белугиным,

Стр. 25, строки 4 — 5.
Вместо: на баксиончик? — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* на бастиончик?

Стр. 25, строка 5.
Вместо: встретились — *в корр. и «Совр.»:* встречались

Стр. 25, строки 7 — 9.
Вместо: Михайлов, с прискорбием вспоминая о том, какая у него была печальная фигура, когда он в ту ночь, согнувшись пробираясь — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* Михайлов, вспоминая о том, как он в ту ночь, пробираясь — *Переделано цензурой.*

Стр. 25, строка 10.
Слов: который шел таким молодцом, бодро побрякивая саблей. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 25, строки 12 — 13.
Со слов: Он хотел рассказать,— *в «Совр.» и изд. 1856 г. красная строка.*

Стр. 25, строка 15.
Вместо: своей обязанностью предложить — *в «Совр.»:* своею обязанностью, своим долгом предложить

Стр. 25, строка 16.

Фамилия Непшитшетцкий *изображается в рукописи различно:* Непшитшетцкий, Непшитшецкий, Непшишетский *и* Непшитшетский. *В корр.:* Непшишеский *и* Непшишетский. *В сноске корр. вариант фамилии:* Непшитшетцкого — Гнилокишкин «*на тот случай ежели цензура скажет, что офицер не может от флюса отказываться от службы*» (*Письмо Л. Н. Толстого к Панаеву 4 июля 1855 г.*). — *в изд. 1856 г.:* Непшисецкий. *Оставляем:* Непшитшетский.

Стр. 25, строки 16 — 17.

Слов: Калугин не дослушал его. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 25, строки 18 — 19.

Вместо: сказал он кн. Гальцину. — *в «Совр.»:* сказал Калугин князю Гальцину.

Стр. 25, строка 20.

Вместо чего-нибудь? — робко спросил — *в «Совр.»:* чего нибудь? спросил *Изменено цензурой.*

Стр. 25, строки 21 — 22.

Слов: Никто не отвечал ему. — *нет* в *«Совр.». В изд. 1856 г. красная строка.*

Стр. 25, строка 22.

Вместо: Гальцин — *в корр., «Совр.» (с красной строки) и изд. 1856 г.:* Князь Гальцин.

Стр. 25, строка 22.

Слов: только сморщился как-то, — *нет в «Совр.».*

Стр. 25, строки 30 — 32.

Слов: вперед уверенный, *кончая:* было справедливо. — *нет в «Совр.».*

Стр. 25, строка 33.

Слов: был суеверен и — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 25, строки 34 — 37.

Вместо: но в этом случае *кончая:* платочке, которая не раз — *в «Совр.» переделано цензурой:* но увлеченный таким приятным обществом, пошел, смело поглядывая на девушку в красном платке, что чрезвычайно удивило ее. Она не раз

Стр. 25, строки 34 — 35.

Вместо: притворился большим развратником, — *в корр.:* притворился большим шалуном, — *в изд. 1856 г.:* притворился развратником,

Стр. 25, строка 38 — стр. 26, строка 13.

Слов: Праскухин шел сзади *кончая:* не обратил на Сервятина никакого внимания. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 25, строка 40.
Слова: он — *нет в рукописи (взято по корр., «Совр.» изд. 1856 г.).*

Стр. 26, строка 2.
Вместо: известно — *в изд. 1856 г.* — известного

Стр. 26, строка 5.
Вместо: мускулистую руку, — *в корр. и изд. 1856 г.:* мускулистую честную руку

Стр. 26, строки 5 — 6.
Слов: не раз коловшую французов, — *нет в корр. и изд. 1856 г.*

Стр. 26, строка *6*.
Слова: Сервягину хорошо — *в изд. 1856 г. курсивом.*

Стр. 26, строка 7.
Слово: хорошего — *в изд. 1856 г. курсивом.*

Стр. 26, строка *7*.

Слова: Праскухину *нет в корр. (взято по «Совр.» и изд. 1856 г.); — в рукописи*: Праскухина.

Стр. 26, строки 7 — 8.
Вместо: Но когда Праскухин, — *в изд. 1856 г.:* Когда Праскухин,

Стр. 26, строки 15 — 16.
Вместо: из Т., про мрачные — *в изд. 1856 г.:* из Т. и про мрачные

Стр. 26, строки 15 — 17.
Вместо: про мрачные мысли, осаждавшие его при предстоящем отправлении на бастион — *в «Совр.» изменено цензурой:* про близкое отправление на бастион,

Стр. 26, строки 17 — 18.
Слов: и, главное, про то, что в 7 часов ему надо было быть дома. — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 26, строки 18 — 26.
Вместо: Он пробыл с ними *кончая:* снял перед ним фуражку. — *в «Совр.» изменено цензурой:* Но вдруг вспомнив свою обязанность, он оставил приятное общество и немедленно отправился к себе.

Стр. 26, строка 25.
Вместо: подозрительно-высокомерным выражением, *(по изд. 1856 г.); — в рукописи и корр.:* подозрительно-высокомерному выражению,

Гл. 4.
Стр. 26, строка 27.
Вместо: 4.— *в «Совр.»:* III.

Стр. 26, строка 28.
Вместо: Но едва — *в «Совр.»:* Едва

Стр. 26, строки 31 — 32.
Вместо: с прибитым над ней — *в «Совр.» ошибочно:* с прибитым на ней

Стр. 26, строка 33.
Слов: грязную, с ситцевым одеялом — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 26, строка 35.
Вместо: с взбудораженными, — *в изд. 1856 г.:* со взбудораженными.

Стр. 26, строки 37 — стр. 27 строка 1.
Вместо: узелок, из которого торчали конец мыльного сыра и горлышко портерной бутылки с водкой, приготовленные для него на бастьон, — *в «Совр.» изменено цензурой:* узелок, с приготовленною для него на бастион закускою, —

Стр. 26, строка 37.
Вместо: мыльного сыра — *в изд. 1856 г.:* сыра

Стр. 26, строка 38.
Вместо: приготовленные — *в изд. 1856 г.:* приготовленной

Стр. 26, строка 38 — стр. 27, строка 1.
Вместо: бастьон — *в изд. 1856 г.:* бастион. *Написание этого слова у Толстого вообще колеблется:* бастион *и* бастьон. *Ниже не отмечено.*

Стр. 27, строка 1.
Вместо: и с чувством, похожим на ужас, он вдруг вспомнил, — *в корр.:* и с чувством тяжелым он вдруг вспомнил, — *в «Совр.» и изд. 1856 г. изменено цензурой:* и вдруг вспомнил. ,

Стр. 27, строки 4 — 11.
Слов: И главное, что *кончая:* Владимира наверно. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 27, строка 7.
Вместо: человека, а непременно — *в изд. 1856 г.:* человека, непременно

Стр. 27, строка 11.
Вместо: то уж Владимира — *в изд. 1856 г.:* то Владимира

Стр. 27, строки 15 — 16.
Вместо: зависит. Мой *долг* был итти... да *долг (курсив Толстого) — в «Совр.»* зависит, мой *долг* был идти. Да, святой *долг. — в изд. 1856 г.:* зависит. Мой *долг* был итти... да, святой долг.

Стр. 27, строки 16 — 17.
Вместо: Штабс-капитан забывал, что это — *в изд. 1856 г.:* штабс-капитан забывал, что подобное

Стр. 27, строка 17 — 20.

Вместо: это предчувствие, *кончая:* идет в дело. — *в «Совр.»:* это предчувствие испытывает более или менее всякий, кто идет в дело.

Стр. 27, строки 18.

Вместо: приходило ему каждый раз, как нужно — *в изд. 1856 г.:* приходило ему не в первый раз, когда нужно

Стр. 27, строки 20 — 21.

Вместо: Немного успокоив себя этим понятием — *в «Совр.»:* Успокоив себя этим понятием — *в изд. 1856 г.:* Успокоив себя понятием.

Стр. 27, строки 21 — 22.

Вместо: у штабс-капитана, как и вообще у всех людей недалеких, было — *в рукописи вариант:* у штабс-капитана, как и вообще у всех людей простодушных, было — *так и в корр. В «Совр.» переделано цензурой:* у честного штабс-капитана было — *в изд. 1856 г.:* у штабс-капитана было.

Стр. 27, строка 24.

Вместо: письмо отцу, — *в «Совр.»:* письмо к отцу.

Стр. 27, строки 24 — 25.

Слов: с которым последнее *кончая:* по денежным делам. — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 27, строки 27 — 28.

Слов: (потому что ему *кончая:* молиться Богу), — *нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 27, строки 29 — 33.

Слов: Еще очень хотелось *кончая:* не расстегиваясь, на улице. — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 27, строка 30.

Вместо: покойницы — *в корр.:* покойной

Стр. 27, строка 30.

Вместо: и в который — *в корр.:* в который.

Стр. 27, строки 31 — 33.

Вместо: но так как он *кончая:* на улице. Пьяный — *в корр.:* но он не хотел сделать этого при Никите. Пьяный.

Стр. 27, строки 33 — 34.

Втесто: Пьяный и грубый слуга лениво *(в рукописи вместо:* слуга *первоначально было:* деньщик Никита *а потом* Никита *зачеркнуто, а* деньщик *осталось незачеркнутым по ошибке, — в «Совр.» изменено цензурой:* Пьяноватый слуга лениво — *в изд. 1856 г.:* Пьяноватый и грубый слуга лениво.

Стр. 28, строка 3.

Вместо: Молчи, скотина! — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* Молчи, болван!

Стр. 28, строки 3 — 4.
Слов: готовый ударить человека, — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 28, строки 8 — 9.
Вместо: Скотина? скотина?— повторял слуга:— и что ругаетесь скотиной, сударь? — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* Болван? болван? повторял слуга: — и что ругаетесь болваном, сударь?

Стр. 28, строка 15.
Вместо: выпил *«на свои деньги» (курсив Толстого)*, — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* выпил, как говорил, *на свои деньги,*

Стр. 28, строка 18.
Слова: принужденными — *нет в корр. и «Совр.».*

Стр. 28, строка 21.
Со слов: Старуха матроска, *(по «Совр.»)* — *в рукописи и в изд. 1856 г. не красная строка.*

Стр. 28, строка 27.
Слов: на слободке — *нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 28, строки 28 — 29.
Вместо: и т. д. и т. д. — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* и т. д.

Стр. 28, строка 30.
Слов: и весьма скоро — *нет в «Совр.».*

Стр. 28, строки 31 — 32.
Вместо: а, напротив, побранился с старухой за какую-то ведерку, которую она — *в корр. и «Совр.»:* а побранился с старухой за какое-то ведерко, которое она

Стр. 28, строка 31.
Вместо: с старухой — *в изд. 1856 г.:* со старухой

Стр. 28, строки 33 — 38.
Слов: «А может быть, *кончая:* да осколком — кончено!» — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 28, строки 36 — 37.
Слова: он думал о верхней части ноги — *в изд. 1856 г., в скобках.*

Стр. 28, строки 37 — 38.
Слов: всё-таки должно быть больно. — *нет в корр. и изд. 1856 г.*

Стр. 28, строки 39 — 40.
Вместо: Штабс-капитан, однако, сгибаясь, по траншеям благополучно — *в «Совр.» изменено цензурой:* Штабс-капитан благополучно — *в изд. 1856 г.:* Штабс-капитан по траншеям благополучно

Стр. 29, строки 1 и 6.
Слов: в ямочку *и:* в ямочке — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 29, строки 6 — 7.
Вместо: штабс-капитан, так что он успокоился отчасти, выпил водки, закусил мыльным сыром, закурил *(по корр.)* — *в рукописи:* штабс-капитан; так что он успокоился отчасти, закурил — *в «Совр.»:* штабс-капитан. Он выпил водки, закусил, закурил — *в изд. 1856 г.:* штабс-капитан. Он выпил водки, закусил сыром, закурил.

Стр. 29, строка 8.
Вместо: помолившись Богу, — *в изд. 1856 г.:* помолясь Богу,

Гл. 5.
Стр. 29, строка 9.
Вместо: 5. — *в «Совр.»:* IV.

Стр. 29, строки 10 — 11.
Слов: юнкер барон Пест, который встретил их на бульваре, — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 29, строки 11 — 13.
Слов: которого никто не звал, *кончая:* все с бульвара — *нет в «Совр.».*

Стр. 29, строка 13.
Вместо: пошли пить чай — *в «Совр.»:* пошли все пить чай

Стр. 29, строка 16.
Вместо: крахмаленной — *в «Совр.»:* накрахмаленной

Стр. 29, строка 19.
Вместо: смеясь Гальцин, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* смеясь князь Гальцин,

Стр. 29, строка 21.
Вместо: подле Калугина: — *в изд. 1856 г.:* подле окна Калугина: —

Стр. 29, строка 22.
Со слов: И он весело, — *в изд. 1856 г. красная строка.*

Стр. 29, строка 25.
Со слов: Но замечательно то, — *в «Совр.» и изд. 1856 г. не красная строка.*

Стр. 29, строки 26 — 27.
Вместо: на окне, кто задравши ноги, кто за фортепьянами, — *в «Совр.»:* на окне, кто за фортепьянами, — *в изд. 1856 г.:* на окне, кто задрав ноги, кто за фортепьянами,

Стр. 29, строки 28 — 29.

Слов: не было этой смешной надутости, высокомерности, которые они выказывали пехотным офицерам; — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 29, строка 30.

Вместо: в натуре, особенно — *в корр. и в «Совр.»:* в натуре, и особенно

Стр. 29, строка 31.

Вместо: милыми, простодушными, веселыми — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* милыми, веселыми

Стр. 29, строка 33.

Вместо: Маслоцкой? — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* Масловский?

Стр. 30, строка 4.

Вместо: Потом Гальцин — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* Потом князь Гальцин

Стр. 30, строки 4 — 5.

После слов: цыганскую песенку. — *в подстрочном примечании в рукописи:* «Вышла радость на крыльцо».

Стр. 30, строка 5.

Слов: хотя никто не просил его, — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 30, строки 6 — 7.

Слов: и так хорошо, что его уже просили вторить, чему он был очень доволен. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 30, строка 8.

Со слов: Человек вошел *(по изд. 1856 г.)* — *в рукописи и в «Совр.» не красная строка.*

Стр. 30, строка 8.

Слово: крендельками *(взято из корр., «Совр.» и изд. 1856 г.)* — *в рукописи пропущено.*

Стр. 30, строка 13.

Вместо: фортаплясы — в «Совр.»: фортоплясы (курсив Толстого).

Стр. 30, строки 16 — 18.

Слов: просто было бы невыносимо *кончая:* нет конца, — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 30, строка 19.

Вместо: и не было удобств. — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* и не было бы удобств.

Стр. 30, строки 22 — 32.

Вместо: как им-то?

— Вот этого я не понимаю *кончая:* а это герои, удивительные люди. — *в «Совр.» изменено цензурой:* как им-то? ... Они хоть

правда по десяти дней белья не переменяют, а герои — удивительные люди! — *в изд. 1856 г.:* как им-то?

— Как им-то? Они хоть, правда, по десяти дней белья не переменяют, а это герои, удивительные люди.

Стр. 30, строка 24.

Вместо: белье во в[шах] *в рукописи:* белье во в... — *в корр.:* белье.

Стр. 30, строка 31.

Слова: во в[шах] и — *в рукописи в скобках:* во в... и — *в подстрочн. примечании:* выключить — *в корр. этих слов нет.*

Стр. 30, строка 34.

Вместо: — Я... мне приказано... я могу ли явиться к ген... к — *в «Совр.» изменено цензурой:* Мне приказано явиться к.

Стр. 30, строка 35 — стр. 31, строки 7 — 8.

Вместо: генерала NN? *кончая:* после минутного молчания. — *в «Совр.» изменено цензурой:* генерала N..... по крайне нужному делу, сказал офицер после минутного молчания.

Стр. 30, строки 35 — 36.

Вместо: генерала NN? — спросил он, робея и кланяясь.— *в изд. 1856 г.:* генерала N? спросил он застенчиво, кланяясь.

Стр. 31, строки 1 — 2.

Вместо: его сесть и не обращая — *в изд. 1856 г.:* его сесть, не обращая.

Стр. 31, строки 5 — 6.

Слов: и руками без перчаток, которые висели перед ним. — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 31, строки 9 — 10.

Слов: с той же оскорбительной улыбкой, — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 31, строка 13.

Вместо: — А? что? что? вылазка? — *в изд. 1856 г.:* А? что? вылазка?

Стр. 31, строки 16 — 19.

Слов: — Да ты мне скажи, — *кончая:* иди с Богом. — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 31, строки 17—18.

Вместо: на первую вылазку. — *в корр.* на вылазку.

Стр. 31, строка 20.

Вместо: — И мой принципал на бастионе, — *в «Совр.»:* — Мой командир на бастионе, — *в изд. 1856 г.:* — И мой командир на бастионе *Изменено цензурой.*

Стр. 31, строки 21— 22.

Слов: но никто не отвечал ему — он сам должен был знать, итти ли ему или нет. — *нет в «Совр.».*

Стр. 31, строка 21.
Со слов: но никто не — *в изд. 1856 г.* Но никто не *с красной строки.*

Стр. 31, строки 23 — 27.
Вместо: — Ничего не будет, *кончая:* к своим местам. — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* Праскухин и Нефердов вышли, чтобы *(в изд. 1856.:* чтоб*)* отправиться к своим местам. *Изменено цензурой.*

Стр. 31, строки 27 — 28.
Со слов: «Прощайте, господа». — *в «Совр.» красная строка и без кавычек.*

Стр. 31, строка 30.
Вместо: Пест, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* Нефердов.

Стр. 31, строки 30 — 31.
Слов: должно быть, воображая себя казаками, — *нет в корр., «Совр.» и в изд. 1856 г.*

Стр. 31, строки 31 — 35.
Вместо: прорысили по дороге.
— Да, немножко, — прокричал юнкер, который не разобрал, что ему говорили, и топот казачьих лошадок скоро стих в темной улице.
— Non, dites moi,
в «Совр.»: прорысили по дороге.
— Non, dites moi,
— *в изд. 1856 г.:* прорысили по дороге. Топот казачьих лошадей скоро стих в темной улице.
— Non, dites moi.

Стр. 32, строка 2.
Вместо: Гальцин — *в рукописи ошибочно:* Калугин.

Стр. 32, строки 2 — 3.
Слов: (Гальцин сделал знак согласия, хотя он был только раз на одном 4-м бастионе). — *нет в «Совр.».*

Стр. 32, строки 2 — 3.
Вместо: только раз на *(по изд. 1856 г.)* — *в рук.:* только на
Стр. 32, строка 3.
Вместо: (на одном 4-м (бастионе). — *в изд. 1856 г.:)* на 4 бастионе).

Стр. 32, строки 5 — 6.
Вместо: немного запутанно и перевирая фортификационные — *в «Совр.»:* немного путая фортификационные

Стр. 32, строка 10.
Вместо: вон лошнула, — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* вот лошнула,

Стр. 32, строки 10 — 11.
Вместо: они, лежа на окне, глядя — *в «Совр.»:* они, спокойно лежа на окне и глядя

Стр. 32, строка 11.
Вместо: скрещивающиеся *(по корр. «Совр.» и изд. 1856 г.)*, — *в рукописи:* скрещивающихся.

Стр. 32, строка 17.
Вместо: — знаешь, звезды не различишь от бомбы — *в «Совр.»:* — знаешь, не различишь звезды от бомбы — *в изд. 1856 г.:* — Знаешь, не различить звезды от бомбы.

Стр. 32, строки 25 — 28.
Слов: содрогаясь при одной мысли *кончая:* послать туда ночью. — *нет в «Совр.» и в изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 32, строка 29.
Вместо: да и я тебя не пущу, — *в изд. 1856 г.:* да я тебя и не пущу,

Стр. 32, строки 30 — 31.
Слов: очень хорошо зная однако, что Гальцин ни за что не пойдет туда. — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 32, строка 32.
Слов: Серьезно? Так думаешь, что не надо ходить? А? — *нет в «Совр.».*

Стр. 33, строки 7 — 8.
Вместо: подскакал ординарец — офицер *(по корр. и «Совр.»)* — *в рукописи и изд. 1856 г.:* подскакал офицер.

Стр. 33, строки 15 — 16.
Слов: с трудом переводя дух, но совершенно развязно направляясь к двери. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 33, строка 18.
Слов: сердито отвечал офицер: *(по корр. и изд. 1856 г.)* — *нет в рукописи и «Совр.».*

Стр. 33, строка 21.
Вместо: он прошел — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* он с Калугиным прошел

Стр. 33, строка 22.
Вместо: последуем за ним. — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* последуем за ними.

Стр. 33, строка 23.
Вместо: Калугин уже сидел — *в «Совр.»:* Калугин сидел

Стр. 33, строки 23 — 24.
Вместо: казачьей лошадке — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* казачьей лошади

Стр. 33, строка 24.
Сло́ва: опять — *нет в «Совр.».*

Стр. 33, строка 25.
Слов: почему-то — *нет в «Совр.».*

Стр. 33, строка 26.
Вместо: и рысцой — *в изд. 1856 г.:* рыспой

Стр. 33, строки 26 — 27.
Слов: по приказанию генерала — *нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 33, строка 29.
Сло́ва: тяжелого — *нет в «Совр.».*

Гл. 6.
Стр. 33, строка 33.
Вместо: 6. — *в корр. и в «Совр.»:* V.

Стр. 33, строка 34.
Вместо: Толпы солдат — *в «Совр.»:* Солдат *(опечатка вместо:* Солдаты) — *в изд. 1856 г.:* Солдаты

Стр. 33, строка 35.
Вместо: редко, редко где — *в «Совр.»:* редко-редко кое-где — *в изд. 1856 г.:* редко кое-где

Стр. 34, строка 1.
Вместо: слышался — *в изд. 1856 г.:* слышались

Стр. 34, строка 4.
Вместо: был и знакомый нам — *в «Совр.»:* были знакомый наш — *в изд. 1856 г.:* были и знакомый нам

Стр. 34, строка 6.
Со слов: — Господи, Мати *(по «Совр.»)* — *в рукописи и изд. 1856 г., не красная строка.*

Стр. 34, строка 6.
Вместо: Пресвятыя Богородицы! — *в «Совр.»:* Пресвятая Богородица,

Стр. 34, строка 6.
Вместо: говорила в себя — *в корр. и «Совр.»:* говорила про себя

Стр. 34, строка 8.
Вместо: с одной — *в рукописи ошибочно:* из одной

Стр. 34, строка 13.
Вместо: тетиньке — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* тетеньке

Стр. 34, строки 16 — 17.
Слов: Он меня бьет, а всё-таки я его ужасно как люблю.— *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 34, строка 18.
Вместо: тетинька — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* тетенька

Стр. 34, строки 20 — 27.
Слов: Разве с евтими сменить, *кончая:* который был нездоров флюсом. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 34, строка 21.
Вместо: играють — *в изд. 1856 г.:* играют?

Стр. 34, строки 24 — 25.
Вместо: подпоручика Угровича *(по корр. и изд. 1856 г.)* — *в рукописи ошибочно:* поручика Угровича

Стр. 34, строки 25 — 26.
Слов: того самого, которому надо было итти на бастион и — *нет в корр. и в изд. 1856 г.*

Стр. 34, строка 33.
Вместо: мы нонче *(народный говор — по «Совр.»)* — *в рукописи корр. и изд. 1856 г.:* мы ныньче

Стр. 34, строка 35.
Вместо: большущая такая ядро — *в «Совр.»:* большущее такое ядро

Стр. 34, строка 35.
Вместо: подля шкапа *(народный говор — по корр. и «Совр.»)* — *в рукописи и изд. 1856 г.:* подле шкапа

Стр. 34, строка 36.
Вместо: она сенцы видно пробила — *в «Совр.»:* оно сенцы видно пробило

Стр. 34, строка 36.
Вместо: и влетела. — *в «Совр.»:* и влетело.

Стр. 34, строки 36 — 37.
Вместо: Такая большущая, — *в «Совр.»:* Такое большущее,

Стр. 34, строка 39.
Слов: — ох горе-то, горе, *(по корр. и «Совр.»)* — *нет в рукописи и изд. 1856 г.*

Стр. 34, строка 40.
Вместо: Вишь как, вишь как палит, — *в корр. и «Совр.»:* Вишь как палит,

Стр. 35, строка 2.
Вместо: засыпи-и-ит—*в «Совр.»:* засыплиииит — *в изд. 1856 г.:* засыплиит

Стр. 35, строки 4 — 12.
Со слов: Крест ей за это надо, *кончая:* веселый юнкер Жвадческий. — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 35, строки 5 — 6.
Вместо: на перепалку. — *в корр.:* на стрельбу.

Стр. 35, строки 9 — 12.

Две польские фразы взяты из корр. В рукописи написаны русскими буквами: «Выйден на улицу зобачен, цо там нового». «А мы тем часом напиймы сен вудки, а то цось душа в пенты лезе». *В примечании Толстого перевод первой польской фразы восстановляем по подстрочному переводу рукописи, второй по корр. Вместо в переходе:* очень страшно. — *в рукописи:* страшно очень. *Выражение:* «кнаксик сделаем» — *в корр. объяснено:* «выпьем водки» *(т. е. чокнемся, как теперь объясняют эти слова).*

Стр. 35, строка 10.

Вместо: лесенки. — *в рукописи:* лесинки.

Гл. 7.

Стр. 35, строка 13.

Вместо: 7. — *в корр. и «Совр.»:* VI.

Стр. 35, стр. 15.

Вместо: одних — *в корр., «Совр.» и изд.1856 г.:* одни.

Стр. 35, строка 16.

Вместо: встречалось — *в «Совр.»:* встречались

Стр. 35, строки 18 — 19.

Вместо: подскочили, как крикнут: — *в «Совр.»:* подскочили, крикнут:

Стр. 35, строка 19.

Вместо: так так друг — *в «Совр.»:* так таки друг — *в изд. 1856 г.:* так друг

Стр. 35, строка 21.

Со слов: Но в этом — *в «Совр.» и изд. 1856 г. красная строка.*

Стр. 35, строка 30.

Со слов: Солдат ошибался — *в «Совр.» и изд. 1856 г. красная строка (в изд. 1856 г. скобок нет).*

Стр. 36, строки 3 — 10.

Со слов: В это время поручик Непшитшетский, *кончая:* обратился к солдату с 2-мя ружьями: — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 36, строка 14.

Слов: Это ужасно! — *нет в «Совр.».*

Стр. 36, строки 15 — 23.

Слов: как вам не стыдно! — *кончая:* добавил он, обращаясь к солдатам. — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 36, строка 22.

Слов: Подлый народ! — *нет в корр.*

Стр. 36, строка 24.

Вместо: сила! (курсив Толстого) — проворчал солдат. — *в «Совр.»: сила,* ваше благородие, отвечал солдат.

Стр. 36, строка 25.
Вместо: в это время солдат — *в «Совр.»:* в это время другой солдат

Стр. 36, строка 27.
Вместо: Кабы наша — *в корр., «Совр.» (с строчной буквы). и изд. 1856 г.:* Когда бы наша

Стр. 36, строка 31.
Слов: в самом деле, — *нет в «Совр.».*

Стр. 36, строки 35 — 36.
Слов: закричал он на него строго. — Него... — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 36, строка 36.
Со слов: но в это время, — *в «Совр.» и изд. 1856 г. красная строка.*

Стр. 36, строки 36 — 37.
Вместо: он заметил, — *в «Совр.»:* Гальцын заметил

Стр. 37, строка 2.
Вместо: прошибло, — *в «Совр.»:* прошибли.

Стр. 37, строка 3.
Слова: он, — *нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 37, строка 3.
Вместо: волоса — *в «Совр.»:* волосы

Стр. 37, строки 11 — 14.
Слов: А ты *где (курсив Толстого)* идешь, *кончая:* Солдат тоже был ранен. — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 37, строки 15 — 16.
Вместо: за поручика Непшитшетского и еще больше за себя. — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* за свои несправедливые подозрения. *Изменено цензурой.*

Стр. 37, строка 17.
Слов: что̀ редко с ним случалось — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 37, строки 17 — 18.
Слов: от поручика — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 37, строки 21 — 22.
Вместо: входившими с ранеными и выходившими с мертвыми, — *в «Совр.»:* вносившими раненых и выносившими мертвых,

Стр. 37, строка 23.
Вместо: повернулся — *в «Совр.»:* повернул

Стр. 37, строка 24.
Слов: Это было слишком ужасно! — *нет в «Совр.».*

Гл. 8.
Стр. 37, строка 25.
Против начала 8-й главы в корр. (VII гл.) отмечено Мусин-Пушкиным: «И вы это г. цензор пропустили. М. П.» В «Совр.» эта глава сильно сокращена цензурой и составляет конец предыдущей 6-й главы.

Стр. 37, строка 26.
Со слов: Большая, высокая — *в «Совр.» не красная строка.*

Стр. 37, строка 26.
Вместо: высокая темная зала — освещенная только 4 или 5-ю свечами, *(Слово* зала *ошибочно пропущено в рукописи)* — *в «Совр.»:* высокая зала, освещенная свечами, — *в изд. 1856 г.:* высокая темная зала, освещенная только четырьмя или пятью свечами,

Стр. 37, строка 27.
Слово: подходили *(по корр., «Совр.» и изд. 1856 г.)* — *в рукописи ошибочно зачеркнуто.*

Стр. 37, строки 30 — 35.
Слов: на котором уже было так тесно, *кончая:* на различных концах залы. — *нет в «Совр.».*

Стр. 37, строка 35.
Вместо: 4 свечи — *в корр., и изд. 1856 г.:* свечи

Стр. 38, строка 2.
Слов: то там, то сям, шагая через раненых, — *нет в «Совр.».*

Стр. 38, строка 4.
Слов: мрачными лицами и — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 38, строки 6 — 8.
Вместо: держали свечи, всовывали *кончая:* стоны и мольбы страдальцев. — *в «Совр.»:* держали свечи, осматривали раны. — *в изд. 1856 г.:* держали свечи, осматривали, ощупывали и зондировали раны, несмотря на ужасные стоны и мольбы страдальцев.

Стр. 38, строки 9 — 10.
Вместо: за столиком и в ту минуту, как в комнату вошел Гальцин, записывал уже 532-го. — *в «Совр.»:* за столиком и записывал число раненых..... *(На этом кончается глава в «Совр.»).*

Стр. 38, строка 10.
Вместо: 532-го. — *в изд. 1856 г.:* 532.

Стр. 38, строки 11 — 30.
Со слов: Иван Богаев,|рядовой — *до конца главы — нет в «Совр.».*

Стр. 38, строка 15.
Вместо: чтоб его — *в изд. 1856 г.:* чтобы его

Стр. 38, строка 17.
Вместо: Н. — *в изд. 1856 г.:* N.

Стр. 38, строка 21.
Вместо: скорей, скорей, — *в изд. 1856 г.:* скорее, скорей

Стр. 38, строка 22.
Вместо: а-а-а-а! — *в изд. 1856 г.:* а-а-а-а-а!...

Стр. 38, строки 25 — 26.
Вместо: хрипел уже..... *в изд. 1856 г.:* хрипел уже.

Гл. 9.

Стр. 38, строка 31.
Вместо: 9. — *в корр.:* VIII. — *в «Совр.»:* VII.

Стр. 39, строка 8.
Вместо: Ад! ужасно! — *в изд. 1856 г.:* Ах, ужасно!

Стр. 39, строка 9.
Со слова: Действительно, — *в изд. 1856 г. красная строка.*

Стр. 39, строка 11.
Вместо: «Ах, скверно!» — *в «Совр.»* — Ах, нехорошо!

Стр. 39, строки 12 — 13.
Слов: испытывая какое-то неприятное чувство, — *нет в «Совр.».*

Стр. 39, строки 14 — 17.
Вместо: Но Калугин был не штабс-капитан Михайлов, он был самолюбив и одарен деревянными нервами, то, что называют, храбр, одним словом. — Он не поддался — *в «Совр.» с красной строки (сокращено цензурой):* Калугин не поддался — *в изд. 1856 г.:* Но Калугин был самолюбив и одарен деревянными нервами, то, что называют, храбр, одним словом. Он не поддался

Стр. 39, строка 21.
Со слов: — Je vous demande — *в «Совр.» не красная строка.*

Стр. 38, строка 21.
Вместо: je suis tué, — *в изд. 1856 г.:* je suis mort,

Стр. 39, строка 21.
Со слов: и адъютант — *в «Совр.» красная строка.*

Стр. 39, строка 24.
Вместо: Ему показалось — *в «Совр.» не красная строка:* Калугину показалось

Стр. 39, строка 24.
Вместо: это прекрасным, — в *корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* это очень хорошо,

Стр. 39, строки 24 — 25.
Слов: и он вообразил себя даже немножко этим адъютантом, — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 39, строка 25.
Вместо: потом ударил — *в «Совр.»:* он ударил

Стр. 39, строки 31 — 35.
Со слов: — Что вы здесь делаете? *кончая:* марш к своим м
стам, — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 39, строки 35 — 36.
Слов: вот я полковому командиру скажу. — *нет в «Совр.»*
изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 39, строка 37.
Вместо: И он вместе — *в «Совр.» в строку:* и вместе

Стр. 39, строка 38, — стр. 40, строка 1.
Слов: в траншею — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 40, строка 4.
Слов: Ему вдруг сделалось страшно: — *нет в «Совр.». Искл*
чено цензурой.

Стр. 40, строка 5.
Сло́ва: рысью — *нет в «Совр.».*

Стр. 40, строки 5.
Вместо: упал — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* прилег

Стр. 40, строки 5 — 15.
Вместо: Когда же бомба лопнула *кончая:* не покушалс
преодолеть своего чувства. — *в «Совр.» (с красной строки)*
изменено цензурой: Досадуя на самого себя, Калугин, которы
никогда не нагибался, ускоренными шагами пошел по транше
— Ах, нехорошо! подумал он, споткнувшись: — непремен
убьют!

Стр. 40, строка 12.
Вместо: спотыкнувшись, — *в «Совр.»* споткнувшись:

Стр. 40, строка 15.
Вместо: не покушался — *в корр. и изд. 1856 г.:* не пытался

Стр. 40, строка 19.
Вместо: с встретившимся — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* со встре
тившимся

Стр. 40, строка 23.
Сло́ва: испуганного — *нет в «Совр.».*

Стр. 40, строки 29 — 33.
Слов: Уже несколько шагов *кончая:* пробежать до блинда
жа. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 40, строка 31.
Вместо: нашло — *в изд. 1856 г.:* нашли

Стр. 40, строка 32.
Вместо: к голове, — *в изд. 1856 г.:* в голову,

Стр. 40, строки 32 — 33.
Вместо: было усилие над собою, чтобы *(по корр. и изд. 1856 г.) — в рукописи:* было взять на себя чтобы

Стр. 40, строки 34 — 35.
Вместо: он ему передал — *в «Совр.»:* Калугин передал ему

Стр. 40, строка 40.
Вместо: сидел — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* сидели

Стр. 40, строка 40.
Вместо: генерал NN, командир *(по корр.) — в рукописи:* генерал ⟨NN⟩, командир — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* генерал N, командир

Стр. 41, строка 3.
Вместо: комнатке, — *в изд. 1856 г.:* комнате,

Стр. 41, строка 4.
Вместо: лежат — *в корр. и «Совр.»:* лежали

Стр. 41, строка 5.
Вместо: горит — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* горела.

Стр. 41, строка 5.
Вместо: лампадка, — *в изд. 1856 г.:* лампада,

Стр. 41, строки 5 — 6.
Слов: и на толстые аршинные балки, составлявшие потолок, — *нет в «Совр.».*

Стр. 41, строка 8.
Вместо: он два раза позволил — *в «Совр.»:* он два раза чуть было не позволил

Стр. 41, строка 10.
Вместо: хотелось опасности, — *в «Совр.»:* хотелось во что бы то ни стало опасности

Стр. 41, строка 15.
Со слов: Мне генерал приказал — *в «Совр.» красная строка.*

Стр. 41, строка 20 — стр. 42, строка 9.
Со слов: — Всё-таки пойдемте, посмотрим. *кончая:* казался в десять раз храбрее капитана. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 41, строка 26.
Слово: моряками (курсив Толстого) — в изд. 1856 г. не курсив.

Стр. 41, строка 31.
Вместо: он несколько *(по изд. 1856 г.) — в рукописи:* несколько

Стр. 41, строка 35.
Вместо: всего-на-всего — *в корр. и изд. 1856 г.:* всего-на-все

Стр. 42, строка 10.
Со слова: Осмотрев — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г. не красная строка.*

Стр. 42, строка 11.
Вместо: с своими — *в корр. и изд. 1856 г.:* со своими

Стр. 42, строка 16.
Вместо: присоединился бы к — *в изд. 1856 г.:* присоединился к

Стр. 42, строка 19.
Со слов: Стрельба — *в изд. 1856. г. и «Совр.» с красной строки.*

Гл. 10.
Стр. 42, строка 21.
Вместо: 10. — *в корр.:* IX. — *в «Совр.»:* VIII.

Стр. 42, строка 22.
Вместо: 2-й — *в изд. 1856 г. и «Совр.»:* второй

Стр. 42, строка 22.
Вместо: спросил Праскухин, — *(по корр., изд. 1856 г. и «Совр.») — в рукописи по ошибке:* спроил он,

Стр. 42, строки 23 — 24.
Вместо: на солдата, который в мешке на спине нес землю. — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* на солдат, которые в мешках носили землю.

Стр. 42, строка 28.
Слов: вылез из своей ямочки — *нет в «Совр.».*

Стр. 42, строка 28.
Вместо: ямочки — *в изд. 1856 г.:* ямки

Стр. 42, строки 28 — 29.
Вместо: начальника, руку к козырьку, — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* начальника, держа руку у козырька,

Стр. 42, строка 32.
Слов: искоса поглядывая по направлению огней неприятеля. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 42, строка 34.
Слова: весело — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 42, строки 36 — 37.
Вместо: того наслаждения, которое ощущает человек, — *в «Совр.»:* того, что ощущает и самый храбрый человек,

Стр. 42, строка 38.
Слова: опасного — *нет в «Совр.».*

Стр. 42, строка 39.
Вместо: несколько раз считавший — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* несколько раз не без основания считавший,

Стр. 43, строка 1.
Слово: конец — *в изд. 1856 г. курсивом.*

Стр. 43, строки 1 — 4.
Вместо: и несколько раз успевший перецеловать *кончая:* отчего же теперь заденет? — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* успел свыкнуться с убеждением, что его непременно убьют и что он уже не принадлежит этому миру.

Стр. 43, строки 4 — 7.
Слов: Несмотря ни на что *кончая:* с Праскухиным, вышел из ложементов. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 43, строки 4 — 5.
Вместо: Несмотря ни на что *(по корр.)* — *в рукописи:* Несмотря на что — *в изд. 1856 г.:* Несмотря на то

Стр. 43, строка 8.
Слова: другого — *(по корр. и изд. 1856 г.)* — *нет в рукописи и «Совр.»*

Стр. 43, строки 9 — 11.
Слов: и с которым они вместе закусывали мыльным сыром, сидя в ямочке около бруствера: — *нет в «Совр.».*

Стр. 43, строка 10.
Слова: мыльным — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 43, строка 19.
Слова: мгновенно *(по корр., «Совр.» и изд. 1856 г.)* — *нет в рукописи.*

Стр. 43, строка 20.
Слов: и невольно перегоняя друг друга; — *нет в «Совр.».*

Стр. 43, строка 23.
Слова: робкого — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 43, строка 23.
Со слов: — «Господи, Господи! — *в «Совр.» красная строка.*

Стр. 43, строка 24.
Вместо: поражал стон — *в «Совр.»:* раздавался стон — *в корр. и изд. 1856 г.:* слышался стон

Стр. 43, строка 24.
Вместо: крик: — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* крики:

Стр. 43, строки 26 — 27.
Со слов: Вспыхивала молния — *в «Совр.» красная строка.*

Стр. 43, строка 28.
Вместо: «пу-ушка!» — *в изд. 1856 г.:* «пу-шка!»

Стр. 43, строки 30 — 38.
Со слов: — «Чорт возьми! как они тихо *кончая:* летит прямо сюда, кажется». — *нет в «Совр.». Исключено цензурой. На поле*

корректуры Мусин-Пушкин написал: «Здесь все действующие лица трусы».

Стр. 43, строка 33.
Вместо: ведь эта скотина может рассказывать — *в корр.:* ведь этот господин может рассказывать — *в изд. 1856 г.:* ведь могут рассказывать — *Изменено цензурой.*

Стр. 43, строка 34.
Вместо: почти — *в корр.:* точно.

Стр. 43, строки 34 — 35.
Слов: почти так же, как я вчера про него рассказывал. — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 43, строка 36.
Вместо: со мной, — *в изд. 1856 г.:* за мной —

Стр. 43, строки 38.
Слова: еще — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 43, строка 39.
Вместо: они — *в «Совр.»:* Михайлов и Праскухин

Стр. 44, строки 2 — 4.
Слов: чем ему самому под этим страшным огнем идти туда, чего и не было ему приказано, он — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 44, строки 5 — 6.
Вместо: рассказал про — *в «Совр.»:* рассказал ему про

Стр. 44, строки 6 — 12.
Слов: хотя во время рассказа *кончая:* подшучивая, Калугин и толкая Праскухина. — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 44, строка 12.
Со слов: Пройдя еще немного — в *«Совр.» красная строка.*

Стр. 44, строки 12 — 13.
Вместо: с ними, он — *в «Совр.»:* с ними, Калугин — *в изд. 1856 г.:* с ним, Калугин

Стр. 44, строки 13 — 15.
Слов: «Нельзя сказать, чтобы он *кончая:* входя в двери блиндажа. — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 44, строка 18.
Вместо: больше не будет. — *в изд. 1856 г.:* больше дела не будет.

Стр. 44, строка 20.
Вместо: вот она, — *в «Совр.»:* вот они:

Стр. 44, строка 22.
В рукописи по ошибке: Кованов *не переделан на:* Калугин.

Стр. 44, строки 23 — 26.
Со слов: «А мне, по настоящему, *кончая:* я их лучше тут подожду, — сказал он. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 44, строки 24 — 25.
Вместо: подвергал себя. Надеюсь, что я нужен не для одной chair à canon». — *в корр.:* подвергал себя и стрельба ужасная». — *в изд. 1856 г.:* подвергал себя опасности: стрельба ужасная».

Стр. 44, строка 27.
Вместо: Действительно минут через 5 генерал вернулся — *в «Совр.»:* И точно ходить было не за чем, потому что генерал скоро вернулся

Стр. 44, строка 27.
Вместо: через 5 — *в изд. 1856 г.:* через двадцать

Стр. 44, строки 28 — 29.
Слов: в числе их был и юнкер барон Пест, — *нет в «Совр.».*

Стр. 44, строка 30.
Со слов: Ложементы — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г., не красная строка.*

Стр. 44, строка 31.
Слов: о деле, — *(по корр., «Совр.» и изд. 1856 г.) — нет в рукописи.*

Стр. 44, строки 31 — 32.
Вместо: с Пестом, — *в «Совр.»:* с несколькими офицерами

Гл. 11.
Стр. 44, строка 33.
Вместо: 11. — *в корр.* X. — *в «Совр.» глава исключена цензурой.*

Стр. 44, строка 34.
Вместо: — У тебя — *в изд. 1856 г.:* У вас

Стр. 44, строка 34.
Вместо: ты дрался — *в изд. 1856 г.:* вы дрались

Стр. 44, строка 36.
Слова: братец, — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 44, строка 36.
Вместо: можешь — *в изд. 1856 г.:* можете

Стр. 44, строка 36.
Со слов: И Пест — *в изд. 1856 г. красная строка.*

Стр. 44, строка 37.
Вместо: как он вел всю роту, — *в изд. 1856 г.:* как вел свою роту,

Стр. 45, строки 1 — 2.
Вместо: и что, ежели бы не он, то ничего бы не было и т. д. — *в изд. 1856 г.:* и как, если бы не он, дело было бы проиграно.

Стр. 45, строка 6.
Вместо: Хвастал невольно, — *в изд. 1856 г.:* Хвастал он невольно,

Стр. 45, строка 16.
Вместо: построившись — *в изд. 1856 г.:* построясь

Стр. 45, строка 24.
Вместо: странно [было] подумать, — *в изд. 1856 г.:* странно было подумать,

Стр. 45, строка 25.
Слова: что-то. *(взяты по корр. и изд. 1856 г.) — в рукописи нет.*

Стр. 45, строка 30.
Вместо: вынутой — *в изд. 1856 г.:* вытянутой

Стр. 45, строка 33.
Вместо: штыками е..... их м... — *в корр. и изд. 1856 г.:* питыками их, каналий.

Стр. 45, строка 34.
Слов: е..... вашу м..... — *нет в корр. и изд. 1856 г.*

Стр. 45, строки 35 — 36.
Вместо: За царя, за батюшку! — *в корр. и изд. 1856 г.:* За Царя-батюшку! *В подстрочном примечании к этим словам в рукописи вариант:* по русски

Стр. 45, строки 36 — 37.
Со слов: говорил он, пересыпая *кончая:* размахивая руками. — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 45, строки 36 — 37.
Вместо: пересыпая свои слова ругательствами и ужасно размахивая руками. — *в корр.:* страшно размахивая руками.

Стр. 46, строка 1.
Слова: мертвецки — *нет в изд. 1856 г. К слову:* мертвецки — *в подстрочном примечании рукописи вариант:* так.

Стр. 46, строка 4.
Слова: ужаснейший — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 46, строка 4.
Вместо: оглушил всю роту, и высоко — *в изд. 1856 г.:* оглушивший всю роту, высоко

Стр. 46, строка 4.
Слов: всю роту, *(взяты по корр. и изд. 1856 г.) — в рукописи нет.*

Стр. 46, строка 5.
Вместо: зашуршели — *в корр.:* зажузжали

Стр. 46, строка 7.
Слова: элевационного станка, (курсив Толстого) — в изд. 1856 г. не курсивом.

Стр. 46, строка 9.
Вместо: сук[ин] сын — *в корр.:* с... с... — *в изд. 1856 г. этих слов нет.*

Стр. 46, строка 9
Слов: е..... твою м... — *нет в корр. и изд. 1856 г.*

Стр. 46, строка 16.
Слова: он — *нет в корр. и изд. 1856 г.*

Стр. 46, строка 17.
Вместо: кто, на что? — *в корр. и изд. 1856 г.:* кто, что? *Слово* на *в рукописи не разборчиво.*

Стр. 46, строка 20.
Вместо: спотыкнулся — *в корр. и изд. 1856 г.:* споткнулся

Стр. 46, строки 26 — 27.
Слов: «A moi, camarades! Ah, sacré b..... — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 46, строка 29.
Слова: француза. — *нет в корр.*

Стр. 46, строки 33 — 34.
Слов: с которого тут же солдат стал снимать сапоги. — *нет в изд. 1856 г.*

Гл. 12.
Стр. 47, строка 1.
Вместо: 12. — *в корр.:* XI. — *в «Совр.»:* IX.

Стр. 47. строка 2.
Вместо: знаешь, — *в изд. 1856 г.:* знаете,

Стр. 47, строки 2 — 3.
Вместо: сказал Пест, провожая Калугина, который шел к дому. — *в «Совр.»:* сказал ему один из офицеров дорогою.

Стр. 47, строка 3.
Вместо: к дому. — *в изд. 1856 г.:* к нему.

Стр. 47, строка 6.
Вместо: — Прощай, — *в изд. 1856 г.:* — Прощайте,

Стр. 47, строки 8 — 10.
Со слов: я (курсив Толстого) — жив и цел, — *кончая:* я и стою ее». — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 47, строки 8 — 9.
Вместо: я (курсив Толстого) жив — *в изд. 1856 г.:* я и жив

Стр. 47, строка 9.
Вместо: представления будут отличные,— *в корр.:* представления будут славные,

Стр. 47, строки 13 — 14.
Вместо: читая «Splendeur et misères des courtisanes», которую — *в изд. 1856 г.:* читая книгу, которую

Стр. 47, строка 15.
Вместо: С удивительным наслаждением — *в «Совр.»:* Не без удовольствия

Стр 47, строки 17 — 26.
Со слов: передавая их весьма естественно, *кончая:* не любит ходить на бастионы. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 47, строка 22.
Вместо: покойника ротмистра *(по корр.)* — *в рукописи:* ротмистра — *в изд. 1856 г.:* покойного ротмистра

Стр. 47, строка 23.
Слова: бывало *(по корр. и изд. 1856 г.)* — *в рукописи нет.*

Стр. 47, строка 28.
Вместо: подходя — *в «Совр.»:* приближался

Стр. 47, строки 28 — 29.
Слов: начинал уже оживать немного, — *нет в «Совр.».*

Стр. 47, строка 29.
Вместо: как он увидал — *в «Совр.»:* как вдруг увидал — *в изд. 1856 г.:* как он увидел

Стр. 47, строка 31.
Вместо: батальон — *в изд. 1856 г.:* бастион

Стр. 47, строка 32.
Со слов: Михайлов — *в «Совр.» и изд. 1856 г. красная строка.*

Стр. 47, строки 40 — 43.
Подстрочного примеч. (по корр.) нет в рукописи, «Совр.» и изд. 1856 г.
Вместо: милых — *в корр. набрано*: малых.

Стр. 48, строка 4.
Слова: испуганный — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*
Вместо: испуганный — *в корр.:* взволнованный

Стр. 48, строки 4 — 7.
Вместо: Михайлов упал на живот. Праскухин невольно согнулся до самой земли и зажмурился; он слышал только, как бомба — *в «Совр.»:* Михайлов и Праскухин прилегли к земле. Праскухин слышал, как бомба — *в изд. 1856 г.:* Михайлов и Праскухин прилегли к земле. Праскухин, зажмурясь, слышал только, как бомба. *Изменено цензурой. Со слов:* Михайлов упал — *в рукоп. не красная строка.*

Стр. 48, строки 8 — 9.
Вместо: испугался,— *в «Совр.»:* подумал. *Заменено цензурой.*

Стр. 48, строка 9.
Вместо: струсил, — *в «Совр.»:* потревожился. *Заменено цензурой.*

Стр. 48, строки 10 — 14.
Со слов: Он открыл глаза *кончая:* лежал на брюхе. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 48, строка 11.
Слова: самолюбивым — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 48, строка 11.
Вместо: увидал, — *в изд. 1856 г.:* увидел,

Стр. 48, строки 12 — 13.
Слов: которому он должен 12 р. с полтиной, гораздо ниже и — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 48, строка 13.
Слов: прижавшись к нему, *(взяты по корр.) — нет в рукописи) и изд. 1856 г.*

Стр. 48, строка 14.
Вместо: на брюхе. — *в изд. 1856 г.:* на земле.

Стр. 48, строка 14.
Вместо: Но тут же глаза — *в «Совр.»:* Но в то же время глаза

Стр. 48, строка 15.
Вместо: в аршине — *в «Совр.»:* на аршин

Стр. 48, строки 16 — 17.
Со слов: Ужас — холодный, *кончая:* закрыл лицо руками — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 48, строка 18.
Вместо: и упал — *в «Совр.» с красной строки:* Он упал

Стр. 48, строка 18.
Слов: и упал на колена. — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 48, строка 23.
Вместо: а ежели — *в изд. 1856 г.:* а если

Стр. 48, строки 25 — 27.
Со слов: А может быть *кончая:* меня кровью забрызгало.— *нет в «Совр.».*

Стр. 48, строка 28.
Со слов: Тут он — *в «Совр.» и изд. 1856 г. с красной строки.*

Стр. 48, строка 28.
Вместо: вспомнил про 12 р., — *в «Совр.»:* вспомнил вместе с тысячами других воспоминаний и про двенадцать рублей

Стр. 48, строки 32 — 34.
Со слов: человек, которым он был *кончая:* вспомнился ему, — *нет в «Совр.».*

Стр. 48, строка 35.
Вместо: с этими и тысячами других воспоминаний, — *в «Совр.»*: с этими воспоминаниями

Стр. 48, строка 36.
Слов: и ужаса — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 48, строка 38.
Слов: с отчаянной решимостью — *нет в «Совр.».*

Стр.48, строка 39.
Вместо: его глаза — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* глаза его

Стр. 48, строка 40.
Вместо: и с страшным — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* с страшным

Стр. 48, строка 40 — стр. 49, строка 1.
Вместо: в середину — *в изд. 1856 г.:* в средину

Стр. 49, строка 1.
Вместо: спотыкнулся — *в «Совр.»:* споткнулся

Стр. 49, строка 5.
Вместо: сдавливали — *в изд. 1856 г.:* сдавили

Стр. 49, строки 6 — 25.
Со слов: В глазах его мелькали *кончая:* давили его больше и больше. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 49, строка 15.
Вместо: напоминало о — *в изд. 1856 г.:* напоминало ему о

Стр. 49, строка 21.
Вместо: слушая — *в изд. 1856 г.:* слушать

Стр. 49, строка 22.
Вместо: и ему — *в корр. и изд. 1856 г.* а ему

Стр. 49, строка 25.
Слов: раздвинуть камни, — *нет в «Совр.».*

Стр. 49, строки 25 — 26.
Вместо: вытянулся — *в «Совр.»:* вытянуться.

Стр. 49, строка 26.
Слова: ничего — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Гл. 13.
Стр. 49, строка 28.
Вместо: 13. — *в корр.:* XII. — *в «Совр.»:* X.

Стр. 49, строка 29.
Вместо: упал на землю и — *в «Совр.»:* лежа на земле,

Стр. 49, строки 29 — 30.
Со слов: зажмурился, *кончая:* закрывал глаза и так же, — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 49, строка 31.
Вместо: как и — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* как

Стр. 49, строки 34 — 38.
Со слов: И зачем я пошел *кончая:* а теперь вот что!» — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 49, строка 38.
Вместо: И он начал — *в «Совр.» с красной строки:* Потом начал

Стр. 50, строка 1 — 2.
Вместо: жив, — в нечет — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* жив, а в нечет,

Стр. 50, строка 2.
Со слов: «Всё кончено! — *в «Совр.» красная строка.*

Стр. 50, строка 4.
Со слов: «Господи, — *в «Совр.» красная строка.*

Стр. 50, строка 5.
Вместо: проговорил — *в «Совр.»:* повторил

Стр. 50, строка 9.
Со слов: «Это душа отходит, — *в «Совр.» красная строка.*

Стр. 50, строка 11.
Слов: что, умирая, — *нет в «Совр.».*

Стр. 50, строка 21.
Сло́ва: легко — *нет в «Совр.».*

Стр. 50, строки 24 — 25.
Слов: с бомбами, траншеями, солдатами и кровью; — *нет в «Совр.».*

Стр. 50, строка 25.
Сло́ва: солдатами — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 50, строки 26 — 27.
Слов: и третье — страх и желание уйти поскорее с бастиона. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 50, строка 26.
Вместо: и третье — *в изд. 1856 г.:* а третье

Стр. 50, строка 26.
Слов: страх и — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 50, строка 27.
Вместо: поскорее — *в изд. 1856 г.:* скорей.

Стр. 50, строки 32 — 33.
Со слов: тем более, что *кончая:* шепнул ему какой-то голос, — *нет в «Совр.».*

Стр. 50, строка 33.
Слов: шепнул ему какой-то голос, — *нет в корр.*

Стр. 50, строки 33 — 34.
Слов: а с раной остаться в деле — непременно награда. — *нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 50, строки 36 — 37.
Слов: которому главное самому хотелось поскорее выбраться отсюда, — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 50, строка 36.
Сло́ва: главное — *нет в корр.*

Стр. 50, строка 38.
Вместо: а останусь — *в изд. 1856 г.: я останусь*

Стр. 51, строка 1.
Сло́ва: робкий — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 51, строка 4 — 12.
Со слов: Михайлов остановился *кончая:* да еще скажут что-нибудь, — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 51, строка 4.
Вместо: нерешительности — *в корр. и изд. 1856 г.:* нерешимости

Стр. 51, строки 5 — 6.
Вместо: вспомнилась ему сцена, которую он на-днях видел на перевязочном — *в корр. и изд. 1856 г.:* вспомнилось как много тяжело раненых на перевязочном

Стр. 51, строки 7 — 12.
Вместо: офицер с маленькой царапиной *кончая:* скажут что-нибудь, — подумал — *в корр. и изд. 1856 г.: не с красной строки:* «Может быть, доктора улыбнутся моей царапине», подумал.

Стр. 51, строки 12 — 13.
Вместо: подумал штабс-капитан и решительно, — *в «Совр.» с красной строки:* Но штабс-капитан решительно

Стр. 51, строки 18 — 20.
Со слов: который, между прочим, *кончая:* один офицер остался в роте. — *нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 51, строка 24.
Вместо: как же вы это, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* как же это вы,

Стр. 51, стр. 24.
Вместо: Михал Иванович — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* Михаил Иваныч.

Стр. 51, строки 26 — 27.
Слов: как хотите, ведь он ординарец генерала и еще жив, может. — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 51, строка 29.
Слов: Помилуйте! только бы своих уносить. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 51, строка 30.
Вместо: Вон стерва! ядрами — *в «Совр.» изменено цензурой:* Вон! ядрами — *в изд. 1856 г.:* Вон каналья! ядрами

Стр. 51, строки 30 — 31.
Слова: присядая. — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. В корр.:* приседая.

Стр. 51, строки 31 — 32.
Со слов: Михайлов тоже присел *кончая:* заболела у него. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 51, строка 31.
Вместо: Михайлов тоже — *в изд. 1856 г.:* Михайлов *(с красной строки).*

Стр. 51, строки 34 и 35.
Вместо: Михайло — *в изд. 1856 г.:* Михаил.

Стр. 51, строки 34 — 35.
Слов: Михайло Иваныч!
Михайло Иваныч не отвечал. *(взято по корр., «Совр.» и изд. 1856 г.) — нет в рукописи (пропущено по ошибке).*

Стр. 51, строка 36.
Вместо: «Вот ежели бы он был хороший офицер, он бы взял тогда, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* «Вот он не взял тогда, — *Изменено цензурой.*

Стр. 52, строка 2.
Вместо: как неприятно — *«в Совр.»:* как трудно

Стр. 52, строки 3 — 4.
Слов: и действительно *кончая:* чтобы исполнить его. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 52, строки 3 — 4.
Слов: так как он ни к кому именно не обращался, *(по корр. и изд. 1856 г.) — нет в рукописи:*

Стр. 52, строки 5 — 7.
Со слов: — Унтер-офицер! поди сюда. *кончая:* итти на своем месте. — *нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 52, строка 8.
Вместо: «И точно, может, — *в «Совр.»:* Но может,

Стр. 52, строка 9.
Вместо: напрасно, а — *в изд. 1856 г.:* напрасной опасности, а

Стр. 52, строка 11.
Вместо: Михал Иваныч! — *в корр. и «Совр.»* Михайло Иваныч, — *в изд. 1856 г.* Михаил Иваныч!

Стр. 52, строки 12 — 13.
Вместо: другой рукой дотрогиваясь беспрестанно до образка Митрофания — *в «Совр.»:* другую приложив к образку Митрофания — *Изменено цензурой.*

Стр. 52, строка 13.
Вместо: образка — *в корр. и изд. 1856 г.:* образа

Стр. 52, строки 13 — 14.
Слов: в которого он имел особенную веру, — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 52, строки 14 — 15.
Слов: почти ползком и дрожа от страха, — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 52, строка 15.
Слова: рысью — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 52, строка 16.
Перед абзацем: Убедившись в том, — *в «Совр.» с красной строки вставлена цензурой патриотическая фраза:* И в эту ночь много совершилось подобных и, может быть, еще более великих и на всегда осужденных остаться безвестными подвигов!

Стр. 52, строка 16.
Вместо: Убедившись — *в изд. 1856 г.:* Убедясь

Стр. 52, строка 16.
Вместо: товарищ его — *в изд. 1856 г.:* Праскухин

Стр. 52, строки 16 — 17.
Вместо: Михайлов так же пыхтя. присядая и придерживая — *в «Совр.» изменено цензурой:* Михайлов, придерживая — *в изд. 1856 г.:* Михайлов, пыхтя и придерживая

Стр. 52, строка 17.
Вместо: присядая — *в корр.* приседая

Стр. 52, строки 18 — 19.
Вместо: потащился — *в «Совр.»:* пошел — *Заменено цензурой.*

Стр. 52, строка 19.
Вместо: уже был — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* был уже

Стр. 52, строка 20.
Вместо: Михайлов — *в «Совр.»:* он

Стр. 52, строки 22 — 23.
Со слов: (осколком одной *кончая:* в матросской землянке). — *нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 52, строка 23.
Слова: во время дела — *в рукописи заключены в скобки, под строкой отмечено:* выключить что в скобках. — *очевидно для цензуры.*

Стр. 52, строка 24 — 26.
Со слов: «Однако, надо будет *кончая:* перевязывал его, — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 52, строки 26 — 27.
Слов: — «это поможет к представлению». — *нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.*

Гл. 14.
Стр. 52, строка 28.
Вместо: 14. — *в корр.:* XIII. — *в «Совр.»:* XI.— *в изд. 1856 г.:* XIX *(опечатка).*

Стр. 52, строка 33.
Слова: часовни Мертвых *(по корр.)* — *в «Совр.» с прописными буквами в рукописи — с строчными.*

Стр. 52, строки 33 — 34.
Слов: проклятиями и — *нет в «Совр.».*

Стр. 52, строка 34.
Слова: ползали, — *нет в «Совр.».*

Стр. 52, строка 35.
Вместо: стонали *(по корр., «Совр.» и изд. 1856 г.)* — *в рукописи:* стенали.

Стр. 52, строка 35.
Слов: одни между трупами на цветущей долине, другие — *нет в «Совр.».*

Стр. 52, строка 36.
Слова: окровавленном — *нет в «Совр.».*

Стр. 53, строки 4 — 5.
Вместо: выплыло — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* выплывало

Гл. 15.
Стр. 53, строка 6.
Вместо: 15. — *в корр.:* XIV. — *в «Совр.»:* XII.

Стр. 53, строки 9 — 10.
Вместо: дорожкам — *в изд. 1856 г.:* аллеям

Стр. 53, строки 12 — 16.
Со слов: Главною путеводительною *кончая:* рассказывающий в деле. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 53, строка 15.
Слов: и храбрость, которую выказал — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 53, строки 17 — 22.
Со слов: как будто потери *кончая:* считали обязанностию выказывать. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 53, строка 17.
Вместо: вчерашнего дела — *в корр. и в изд. 1856 г.:* вчерашнего дня

Стр. 53, строки 19 — 20.
Слов: (да и бывают ли в военном быту очень близкие люди?), — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 53, строка 21.
Вместо: официальное *(по корр. изд. 1956 г.)* — *в рукоп.:* официяльное

Стр. 53, строки 22 — 32.
Слов: Напротив, Калугин *кончая:* треть жалованья. — *нет в корр. и «Совр.».*

Стр. 53, строка 28.
Вместо: поручика — *в изд. 1856 г.:* подпоручика

Стр. 53, строка 29.
Вместо: из них — *в изд. 1856 г.:* из нас

Стр. 53, строка 31.
Вместо: чтоб — *в изд. 1856 г.:* чтобы

Стр. 53, строка 34.
Слова: Ведь я был там. (курсив Толстого) — в «Совр.» не курсив.

Стр. 53, строки 35 — 38.
Со слов: я больше был, (курсив Толстого) кончая: Вот где жарко было. (курсив Толстого) — в «Совр.» не курсив.

Стр. 54, строка 2.
Слово: мне (курсив Толстого) — в «Совр.» не курсив.

Стр. 54, строки 4 — 5.
Вместо: — Потери только, потери ужасные, *кончая: 400 человек выбыло. (курсив Толстого) — в «Совр.» изменено цензурой:* — Дело было жаркое, сказал полковник.

Стр. 54, строка 5.
Вместо: официальной *(по корр.)* — *в рукоп.:* официяльной.

Стр. 54, строки 4 — 5.
Слов: тоном официальной печали; — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 54, строка 6.
Слова: как я жив вышел оттуда. (курсив Толстого) — *в «Совр.» не курсив.*

Стр. 54, строка 8.
Слова: лиловатая — *нет в рукописи, «Совр.» и изд. 1856 г.; берем из корр.*

Стр. 54, строки 8 — 9.
Слов: на стоптанных сапогах и — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 54, строки 9 — 17.
Со слов: Он очень сконфузился, увидав их: *кончая:* Калугин в то время, как они сходились. — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 54, строка 10.
Вместо: присядал — *в корр.* приседал

Стр. 54, строки 16 — 17.
Вместо: сходились. — *в корр.:* садились.

Стр. 54, строки 18 — 19.
Со слов: с улыбкой, *кончая:* каков я?» — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 54, строки 20 — 22.
Со слов: краснея и с выражением *кончая:* а я очень, очень плох». — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 54, строка 24.
Слов: опять с своим высокомерным выражением, — *нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 54, строки 24 — 26.
Со слов: глядя на фуражку *кончая:* ни к кому в особенности. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 54, строки 27 — 33.
Со слов: которому хотелось показать, *кончая:* не лучше ли уж просто?.. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 54, строка 33.
Вместо: И с этим адъютанты отошли от него. — *в «Совр.» с красной строки:* Адъютанты ушли.

Стр. 54, строка 34 — стр. 55, строка 1.
Со слов: Штабс-капитан так же, *кончая:* не решаясь подойти — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 54, строка 35.
Вместо: поклонившись — *в изд. 1856 г.:* поклонясь

Стр. 55, строка 1.
Перед словами: сел около — *в «Совр.»:* Михайлов

Стр. 55, строка 1.
Вместо: Казарского — *в корр. и «Совр.»:* Козарского

Стр. 55, строки 3 — 26.
Вместо: Барон Пест тоже пришел *кончая:* побуждениями лжи, тщеславия и легкомыслия. — *в «Совр.» сокращено цензурой:* На бульваре были всё те же вчерашние лица.

Стр. 55, строки 4 — 5.
Вместо: как-будто бы один — *в корр. и изд. 1856 г.:* что будто один

Стр. 55, строка 11.
Вместо: очень умного, — *в корр.:* умного, *в изд. 1856 г.:* особенного,

Стр. 55, строка 11.
Вместо: ужасно — *в корр. и изд. 1856 г.:* очень

Стр. 55, строки 12 — 13.
Слов: (ведь это ужасно весело говорить с французами).— *нет в корр.*

Стр. 55, строки 18 — 19.
Вместо: ce sacré c .....» — *в изд. 1856 г.:* ce sacre .... *(опечатка)*

Стр. 55, строка 22.
Вместо: поручик — *в изд. 1856 г.:* капитан

Стр. 55, строка 26.
Слов: лжи, тщеславия и легкомыслия. — *нет в изд. 1856 г.* — *Слова:* лжи — *нет в корр.*

Стр. 55, строки 28 — 30.
Со слов: о которых здесь *кончая:* убраны и зарыты в землю,— *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 55, строка 30 — стр. 55 строка 4.
Со слов: и о которых через месяц *до конца главы — нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 55, строка 35.
Вместо: глянцовитым — *в корр.:* глянцовым

Стр. 56, строка 1.
Вместо: зрачками, — под спину — *в корр.:* врачками. — Под спину

Гл. 16.
Стр. 56, строка 5.
Вместо: 16. — *в корр.:* XV. — *в «Совр.»:* XIII.

Стр. 56, строка 8.
Вместо: без сапог, — *в изд. 1856 г.:* без сапогов,

Стр. 56, строки 9 — 10.
Слов: Ужасный тяжелый — *нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 56, строка 10.
Слов: запах мертвого тела наполняет воздух. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 56, строки 15 — стр. 57, строка 3.
Со слов: Вот в кружке собравшихся *кончая:* очень довольными и улыбаются. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 56, строки 28 — 29.
Вместо: не собственным — *в корр. и изд. 1856 г.:* не столько собственным

Стр. 56, строка 29.
Вместо: но теми словами, — *в корр. и изд. 1856 г.:* сколько словами,

Стр. 57, строка 1.
Вместо: подает офицеру *(по корр и изд. 1856 г.)* — *в рукописи:* падает

Стр. 57, строка 4.
Вместо: шинели — *в рукописи и изд. 1856 г. (описка):* шинелью

Стр. 57, строка 8.
Вместо: разжигает и расковыривает — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* разжигает, расковыривает

Стр. 57, строка 8.
Вместо: трубочку — *в корр. и «Совр.»:* трубку

Стр. 57, строки 12 — 13.
Вместо: chez vous tabac — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* chez vous autres tabac

Стр. 57, строка 14.
Слова: солдат *(по корр. и изд. 1856 г.)* — *нет в рукописи и «Совр.».*

Стр. 57, строка 15 — 16.
Слова: Франсе нет бун, бонжур, мусье, — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г. курсивом.*

Стр. 57, строка 19.
Вместо: jolis — *в изд. 1856 г.:* jolies

Стр. 57, строка 21.
Слова: другой — *нет в рукописи.*

Стр. 57, строка 23.
Слово: бун, — *в «Совр.» курсивом.*

Стр. 57, строка 25.
Вместо: — Ne sortez pas de la ligne, — *в изд. 1856 г.:* Ne sortes pas de ta ligne,

Стр. 57, строка 25.
Вместо: sacré — *в изд. 1856 г.:* sacre

Стр. 57, строка 29.
Слова: офицер — *нет в рукописи.*

Стр. 57, строка 29 — 30.
Слов: французским парикмахерским жаргоном. — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 58, строка 8.
Со слов: Ça chauffait — *в «Совр.» красная строка.*

Стр. 58, строка 11.
Вместо: contre des — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* avec des.

Стр. 58, строки 13 — 14.
Слов: и воображая, что он удивительно умен. — *нет в корр. и «Совр.».*

Стр. 58, строка 14.
Вместо: удивительно умен. — *в изд. 1856 г.:* очень мил.

Стр. 58, строка 14.
Слова: Но довольно. — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г. с красной строки.*

Стр. 58, строка 15 — стр. 59, строка 1.
Со слов: Посмотрите лучше на этого *кончая:* побежал прочь к крепости. Да, — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 58, строка 18.
Вместо: помочью *(по изд. 1856 г.) — в рукописи и корр:* помочею

Стр. 58, строка 21.
Слова: роковая — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 58, строка 25.
Слова: неподвижно (по корр.) — *нет в изд. 1856 г. — в рукописи:* недвижно

Стр. 59, строка 1.
Вместо: Да, на бастионе — *в «Совр.»:* На бастионе

Стр. 59, строка 2.
Слова: смрадными — *нет в «Совр.».*

Стр. 59, строка 2.
Вместо: смрадными — *в изд. 1856 г.:* мертвыми

Стр. 59, строка 3.
Слов: с прозрачного неба — *нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 59, строка 4.
Вместо: золотых — *в корр. и «Совр.»:* золотистых

Стр. 59, строка 6.
Слово: христиане, — *в «Совр.» с прописной буквы; в рукописи —* христьяне

Стр. 59, строки 7 — 8.
Вместо: не упадут с раскаянием вдруг на — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* с раскаянием не упадут вдруг на

Стр. 59, строка 8.
Вместо: колени — *в «Совр.»:* колена

Стр. 59, строка 10.
Вместо: перед Тем, кто, — *в рукописи:* перед Тем, Кто

Стр. 59, строка 9.
Вместо: с страхом — *в рукописи:* со страхом

Стр. 59, строка 11.
После слов: как братья? Нет! — *вставка Панаева в корр.:* Но отрадно думать, что не мы начали эту войну, что мы защищаем только родной кров, родную землю, — *в «Совр.» с красной строки:* Но не мы начали эту войну, не мы вызвали это страшное кровопролитие. Мы защищаем только родной кров, родную землю и будем защищать ее до последней капли крови... *На этом в «Совр.» кончается; дальнейшее исключено цензурой. — В изд. 1856 г.:* Но отрадно думать, что не мы начали эту войну, что мы защищаем только родной край, родную землю.

Стр. 59, строка 11.
Вместо: тряпки — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* флаги

Стр. 59, строка 12.
Слова: честная, — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 59, строка 14.
Вместо: сказать; но тяжелое — *в изд. 1856 г.:* сказать на этот раз. Но тяжелое

Стр. 59, строки 14 — 22.
Слов: но тяжелое раздумье *кончая:* все дурны. — *нет в корр.*

Стр. 59, строка 25.
Вместо: Праскухин пустой, безвредный человек, — *в корр.:* Праскухин человек так себе,

Стр. 59, строки 25 — 26.
Слов: хотя и павший *на брани за веру, престол и отечество, (курсив Толстого) — нет в корр.*

Стр. 59, строки 25 — 26.
Слова: на брани за веру, престол и отечество (курсив Толстого) в изд. 1856 г. не курсивом.

Стр. 59, строка 26 — 27.
Вместо: своей робостью и ограниченным взглядом, — *в изд. 1856 г.:* своей застенчивостью.

Стр. 59, строки 28 — 29.
Вместо: не могут быть ни злодеями, ни героями повести — *в корр.:* не герои этого рассказа.

Стр. 59, строка 30.
Вместо: Герой же моей повести, — *в корр.:* Герой его тот,

Стр. 59, строка 35.
Вместо: прекрасен, — правда. *(по корр.) — в рукописи:* прекрасен, есть — правда.

СЕВАСТОПОЛЬ В АВГУСТЕ 1855 ГОДА.

Разночтения основного текста (*рукопись* Толстого) и его *поправки в корректуре* «Современника» (сокращ. *корр.*) приводятся:
1) Из «Современника», 1856, № 1, стр. 71—122 (сокращ. «*Совр.*»).
2) Из книги «Военные рассказы графа Л. Н. Толстого». Спб. 1856, стр. 257—382 (сокращ. *изд. 1856 г.*).

Гл. 1.

Стр. 60, строки 5 — 6.
Слово: (та особенная, больше нигде не встречаемая *кончая:* русской повозкой и корзинкой) — *в «Совр.» вынесены в подстрочн. примечан. В корр. против этих слов отмечено рукой Тургенева: «в выноску».*

Стр. 60, строки 8 — 10.
Вместо: денщик в нанковом сюртуке и сделавшейся совершенно мягкой бывшей офицерской фуражке, подергивавший возжами; — *в «Совр.»:* деньщик, подергивавший возжами, в нанковом сюртуке и сделавшейся совершенно мягкой, бывшей офицерской фуражке;

Стр. 60, строка 11.
Вместо: попонкой — *в рукописи; «Совр.» и изд. 1856 г.:* солдатской шинелью,

Стр. 60, строка 20.
Вместо: ежели бы — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* если бы

Стр. 60, строка 20.
Вместо: одутловатость — *в рукописи и «Совр.»:* одутловость

Стр. 60, строка 24.
Слов: даже наглые; — *нет в «Совр.».*

Стр. 60, строка 25.
Слова: были — *нет в «Совр.».*

Стр. 61, строка 9.
Со слова: Навстречу — *в «Совр.» красная строка.*

Стр. 61, строка 9.
Вместо: Навстречу шел — *в рукописи и «Совр.»:* Навстречу ему шел

Стр. 61, строка 11.
Слов: в серых шинелях, — *нет в «Совр.».*
Стр. 61, строка 12.
Слов: в черных пальто, — *нет в «Совр.».*

Стр. 61, строка 12.
Слова: греческими — *нет в рукописи и изд. 1856 г.*

Стр. 61, строки 12—13.
Слов: в красных фесках — *нет в «Совр.».*

Стр. 61, строка 13.
Слов: с бородами. — *нет в «Совр.».*

Стр. 61, строка 13.
Вместо: повозочка — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* повозка

Стр. 61, строки 14—16.
Вместо: остановиться и офицер, щурясь и морщась от пыли, густым, неподвижным облаком поднявшейся на дороге, набивавшейся *(поправка в корр.)* — *в рукописи и изд. 1856 г.:* остановиться в густом, неподвижном облаке пыли, поднятом обозом, и офицер, щурясь и морщась от пыли, набивавшейся

Стр. 61, строка 16—17.
Слов: и липнувшей на потное лицо с озлобленным равнодушием — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 61, строка 18.
Слов: двигавшихся мимо него, — *нет в «Совр.».*

Стр. 61, строки 20—21.
Слов: наполненную ранеными, — *нет в «Совр.».*

Стр. 61, строка 25.
Слов: какой-то веревочкой — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 61, строка 26.
Вместо: с шинелью — *в корр. и «Совр.»:* и шинелью

Стр. 61, строка 26.
Слов: на весьма грязной рубахе, — *нет в «Совр.».*

Стр. 61, строка 26.
Слов: весьма грязной — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 61, строка 27.
Вместо: в середине — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* в средине

Стр. 61, строка 29.
Вместо: что он *(поправка Толстого карандашом в рукописи)* — *в рукописи, «Совр.» и изд. 1856 г.:* как будто

Стр. 61, строка 31.
Слова: исхудалые *(вставки Толстого в корр.)* — *нет в «Совр». и изд. 1856 г.*

Стр. 62, строка 2.
Слов: Оловянные, заплывшие — *нет в «Совр.».*

Стр. 62, строки 2—3.
Слов: он видимо узнал своего офицера. — *нет в корр. (исключено) и «Совр.».*

Стр. 62, строка 5.
Вместо: крикнул он.—*в рукописи и изд. 1856 г.:* проговорил он.

Стр. 62, строка 13.
Вместо: доносить; — *в изд. 1856 г.:* доносит;

Стр. 62, строка 13.
Вместо: бьеть, — *в изд. 1856 г.:* бьет,

Стр. 62, строки 18 — 19.
Слов: и делают то-то, — *нет в «Совр.».*

Стр. 62, строка 19.
Слов: а не делают того-то — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 62, строка 19.
Слов: и делают — *нет в «Совр.».*

Стр. 62, строки 20 — 21.
Вместо: делали, что он, и были—*в «Совр.»:* делали то же, что он, и были — *в изд. 1856 г.:* делали то же самое и были

Стр. 62, строка 21.
Вместо: уверены, — *в рукописи описка:* уверено,

Стр. 62, строка 21.
Вместо: что это хорошо. — *в «Совр.»:* что выдет хорошо *(поправка в корр. Чернышевского).*

Стр. 62, строка 22.
Вместо: богата; он был не глуп и вместе с тем талантлив, хорошо пел, *(по корр. и «Совр.»)* — *в рукописи и изд. 1856 г.:* богата мелкими дарами: он хорошо пел,

Стр. 62, строка 25.
Вместо: полковым адъютантом; — *в рукописи и изд. 1856 г.:* батальонным адъютантом;

Стр. 62, строка 26.
Вместо: его натура — *в «Совр.»:* эта натура

Стр. 62, строка 26.
Слова: была — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 62, строка 27.
Слова: этой — *нет в «Совр.».*

Стр. 62, строка 27.
Вместо: мелкой даровитости, — *в «Совр.»:* мелкой внешней даровитости, *(вставка в корр. Чернышевского).*

Стр. 62, строка 29.
Вместо: которое до такой степени слилось — *в «Совр.»:* которые слились

Стр. 62, строки 29 — 30.
Вместо: которое чаще всего развивается— *в «Совр.»:* которые чаще всего развиваются

Стр. 62, строка 31.
Слова: что — *нет в «Совр.».*

Стр. 62, строки 31 — 32.
Вместо: как первенствовать — *в «Совр.»:* как только первенствовать

Стр. 62, строка 32.
Слов: и что — *нет в «Совр.».*

Стр. 62, строка 35.
Слово: Москва — *в «Совр.» и изд. 1856 г. курсивом.*

Стр. 62, строки 39 — 40.
В подстрочном примечании слов: полупрезрительно, полуласкательно — *в «Совр.» нет.*

Стр. 63, строка 6.
Вместо: повозочка — *в изд. 1856 г.:* повозка

Стр. 63, строка 8.
Вместо: нынче же дальше — *в рукописи и «Совр.»:* нынче вечером дальше,

Стр. 63, строка 12.
Вместо: Дуванкой, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* Дуванки,

Гл. 2.
Стр. 63, строка 12.
Слова: снова — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 63, строка 13.
Вместо: шедшим — *в изд. 1856 г.:* шедших

Стр. 63, строка 13 — 14.
Вместо: столпившимся — *в изд. 1856 г.:* столпившихся

Стр. 63, строка 14.
Слов: Повозка принуждена была остановиться.— *нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 63, строка 21.
Вместо: губерни, — *в изд. 1856 г.:* губернии,

Стр. 63, строка 25.
Вместо: Сказывали,— *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* Сказывают,

Стр. 63, строка 26.
Вместо: на прошлой — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* в прошлой

Стр. 63, строка 29.
Слов: с наслаждением — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 63, строка 30.
Вместо: белёсом — *в корр. и «Совр.»:* белёсоватом

Стр. 63, строки 30 — 31.
Вместо: с полдён — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* с полдня

Стр. 63, строки 31 — 33.
Слов: что и не ходи лучше, а здесь упади *кончая:* дело-то лучше будет. *(по корр.)—нет в рукописи, «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 63, строки 39 — стр. 64, строка 1.
Вместо: не накладывая ее, расковырял *в корр.:* не накладывал, расковырял — *в «Совр.»:* не накладывая, расковырял — *в изд. 1856 г.:* не накладывая, а расковырял

Стр. 64, строка 1.
Вместо: призженый — *в корр. сначала было:* предрянной — *в изд. 1856 г.:* пригорелый

Стр. 64, строки 5 — 7.
Слов: — Эх, обождал бы лучше! *кончая:* пробормотал прохожий, — *нет в «Совр.».*

Стр. 64, строка 5.
Слова: протяжно — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 64, строки 8 — 9.
Слов: видно, тоже харбуза купить повечерять, вишь что говорят люди. — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Гл. 3.
Стр. 64, строки 13 — 14.
Вместо: который перебранивался — *в рукописи и изд. 1856 г.:* который продолжал перебраниваться

Стр. 64, строка 20.
Вместо: с стаканом чая — *в «Совр.»:* с стаканом чаю — *в изд. 1856 г.:* со стаканом чаю

Стр. 64, строка 23.
Вместо: офицерик, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* офицер:

Стр. 64, строка 24.
Слово: Крамперу—*взято по рукописи, где потом было вычеркнуто карандашом; в «Совр.» и изд. 1856 г. его нет.*

Стр. 64, строка 29.
Вместо: с ними — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* с ним

Стр. 64, строки 29 — 30.
Вместо: он и потерял — *в «Совр.»:* он потерял

Стр. 64, строка 38 — стр. 65, строка 1.
Слов: когда такие распоряжения: — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 65, строка 13.
Слова: был — *нет в рукописи; в корр. дополнено рукою не Толстого.*

Стр. 65, строка 15.
Слов: наверное сделанном из женского капота, — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 65, строка 15.
Вместо: доливал — *в Совр. и изд. 1856 г.:* наливал

Стр. 65, строки 24 — 28.
Слов: Не то, чтобы видно было презрение *кончая:* даже до желания скрыть его. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 65, строка 28.
Вместо: доходящее — *в рукописи и изд. 1856 г.:* доходящего

Стр. 65, строка 29.
Слова: губастый — *нет в «Совр.».*

Стр. 65, строки 37 — 38.
Вместо: прибыть — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* приехать

Стр. 65, строки 38 — стр. 66, строка 4.
Со слов: В офицере же с сумкой, *до конца главы — нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 66, строка 2.
Слова: Козельцов — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 66, строка 3.
Вместо: не только не любил, но был возмущен против штабных, — *в изд. 1856 г.:* не любил он «штабных»

Стр. 66, строка 4.
Слова: он — *нет в изд. 1856 г.*

Гл. 4.
Стр. 66, строка 5.
Вместо: 4. — *в рукописи ошибочно глава названа* 5.

Стр. 66, строка 8.
Вместо: дело будет,— *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* будет дело.

Стр. 66, строка 16.
Вместо: офицерик — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* офицер

Стр. 66, строка 20.
Вместо: много этого — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* много того

Стр. 66, строка 23.
Вместо: ежели бы — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* если бы

Стр. 66, строка 25.
Слово: своей — *в «Совр.» курсивом.*

Стр. 66, строка 30.
Вместо: уронил этот, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* уронил тот:

Стр. 67, строки 1 — 2.
Вместо: нам говорили. Но она крепкая такая. — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* Нам говорили, она крепкая такая.

Стр. 67, строка 9
Вместо: что в Одессе. — *в «Совр.»:* что не там.

Стр. 67, строка 10.
Вместо: А в Симферополе — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* В Симферополе

Стр. 67, строки 12 — 14.
Слов: Можете себе представить, *кончая:* как неприятно. — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 67, строка 13.
Перед словом: канцелярию — *в рукописи пропущено:* в

Стр. 67, строка 13.
Слов: в одну; — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 67, строка 20.
Вместо: об вас, обо всех — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* о вас, о всех

Стр. 67, строка 28.
Вместо: ежели — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* если

Стр. 67, строка 37.
Вместо: дадут так? — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* дадут там?

Стр. 67, строки 39 — стр. 68, строка 2.
Слов:—И я думаю, *до конца главы — нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 67, строка 39.
Вместо: что, может быть, так дадут, — *в изд. 1856 г.:* что там дадут,

Гл. 5.
Стр. 68, строка 3.
Вместо: 5. — *в рукописи глава ошибочно названа:* 6. *Вся глава перечеркнута карандашем. В корр. и во всех изданиях до 12-го отсутствует.*

Стр. 68, строка 20.
Вместо: поезжайте — *в рукописи описка:* приезжайте

Стр. 68, строка 39.
Вместо: патриотизмом. — *в рукописи исправлено рукой Толстого:* патриотическим геройством.

Гл. 6.
Стр. 70, строка 1.
Вместо: 6. — *в «Совр.» и изд. 1856 г.: V.*

Стр. 70, строка 6.
Вместо: Офицер, ехавший из П., даже — *в «Совр.»:* Офицер, ехавший из Петербурга, даже — *в изд. 1856 г.:* Один офицер даже

Стр. 70, строка 7.
Вместо: молодому офицеру. — *в изд. 1856 г.:* другому.

Стр, 70, строка 11.
Вместо: глазками — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* глазами

Стр. 70, строки 14 — 15.
Слов: серебристым звучным голосом — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 70, строка 34.
Вместо: наши (курсив Толстого)—в рукописи: все наши (курсив Толстого), в изд. 1856 г.: все

Стр. 70, строка 35 — стр. 71, строка 13.
Слов: — Ах, да! — отвечал меньшой, *кончая:* гадко стало, что я желал — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 71, строка 4.
Вместо: драло — *в рукописи:* драла

Стр. 71, строки 8 — 9.
Вместо: ну, и пошло. Выпустили в армию. Потом обещали меня перевести в гвардию, *(поправка в корр.)* — *в рукописи:* баллы, ну и не выпустили в гвардию. Мне обещали потом перевести.

Стр. 71, строка 13 — 14.
Вместо: поскорей в Севастополь. Да впрочем, ведь ежели здесь — *в «Совр.»:* — Поскорей в Севастополь хотелось, отвечал младший: — ведь если здесь — *в изд. 1856 г.:* — Поскорей в Севастополь хотелось: ведь если здесь.

Стр. 71, строки 16 — 17.
Вместо: что же — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* что ж

Стр. 71, строка 21.
Вместо: просил, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* просился,

Стр. 71, строка 30.
Вместо: привыкаешь — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* привыкнешь

Стр. 71, строки 38 — 40.
Слов: Ты знаешь, *кончая:* я везде бывал в Москве...— *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 72, строка 3.
Вместо: те же — *в «Совр.» и изд. 1856 г :* тоже

Стр. 72, строки 8 — 9.
Вместо: открытее и светлее,— *в «Совр.»:* открытые и светлые,

Стр. 72, строка 10.
Вместо: пробивал — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* пробивался

Стр. 72, строка 20.
Слова: вообще — *нет в рукописи и изд. 1856 г.*

Стр. 72, строки 20 — 21.
Слов: которого, по правде сказать, он и сам не имел, — *нет в рукописи и изд. 1856 г.; дополнение в корр.*

Стр. 72, строки 23 — 24.
Вместо: и даже надеялся, ежели можно, образовать его. — *в рукописи и «Совр.»:* и даже хотел образовать его.

Гл. 7.
Стр. 72, строка 28.
Вместо: 7. — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* VI.

Стр. 72, строка 29.
Вместо: Наговорившись — *в изд. 1856 г.:* Наговорясь

Стр. 72, строка 37.
Вместо: И прекрасно! — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* Прекрасно!

Стр. 73, строка 1.
Со слов: Но, не отворяя — *в «Совр.» не красная строка.*

Стр. 73, строка 3.
Со слов: «Сейчас прямо — *в «Совр.» не красная строка.*

Стр. 73, строка 3.
Вместо: в этот ад — ужасно! — *в изд. 1856 г.:* под бомбы... ужасно!

Стр. 73, строки 6 — 7.
Вместо: севши в тележку, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* сев в тележку,

Стр. 73, строки 9 — 10.
Вместо: смутился, испугался одной мысли — *в «Совр.»:* смутился одной мысли — *в изд. 1856 г.:* смутился при одной мысли

Стр. 73, строка 10.
Вместо: о близости ее, *(по изд. 1856 г.) — в рукописи и Совр.»:* о близкой опасности,

Стр. 73, строка 12.
Вместо: что старший отворил — *в рукописи и изд. 1856 г.:* что этот последний отворил. *Слово:* старший — *поправка в корр.*

Стр. 73, строка 13.
Слов: в положении провинившегося школьника, *(выброшены в корр.) — нет в «Совр.».*

Стр. 73, строка 14.
Вместо: с офицером из П. — *в изд. 1856 г.:* с офицером П.

Стр. 73, строки 24 — 25.
Вместо: который из П. едет.— *в изд. 1856 г.:* что ты там видел.

Стр. 73, строка 27.
Слова: ты — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 73, строка 33.
Вместо: ежели бы — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* если бы.

Стр. 73, строка 39.
Вместо: две — *в рукописи:* 2.

Стр. 74, строка 2.
Со слов: Сказав, что — *в «Совр.» не красная строка.*

Стр. 74, строки 2 — 5.
Слова: Сказав, что *кончая:* ни за что не трогать. — *в «Совр.» поставлены в скобки.*

Стр. 74, строка 6.
Вместо: Козельцов 2-й с преферансом — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* Козельцов, и с преферансом.

Стр. 74, строка 7.
Слов: офицеру из П. — *нет в корр. и изд. 1856 г.*

Стр. 74, строка 11.
Вместо: Младший — *в изд. 1856 г.:* Младший брат

Стр. 74, строки 14 — 15.
Вместо: произвели в его впечатлительной натуре такое — *в «Совр.»:* произвели на впечатлительную натуру Володи такое — *в изд. 1856 г.:* произвели на впечатлительную натуру такое

Стр. 74, строка 15.
Вместо: болезненное *(поправка в корр.)* — *в рукописи:* болезненно-слабое

Стр. 74, строка 16.
Вместо: не отвечал, чувствуя, — *в изд. 1856 г.:* не отвечал. Чувствуя,

Стр. 74, строки 17 — 18.
Вместо: к горлу. Он взял — *в изд. 1856 г.;* к горлу, он взял

Гл. 8.
Стр. 74, строка 19.
Вместо: 8. — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* VII.

Стр. 74, строка 20.
Вместо: в Дуванкòй — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* в Дуванке

Стр. 74, строка 22.
Вместо: повозочка — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* повозка

Стр. 74, строки 30 — 31.
Вместо: со врагом: — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* с врагом:

Стр. 74, строки 35 — 36.
Слов: и он ущипнул себя за пушок, показавшийся у краев рта. — *нет в «Совр.».*

Стр. 75, строки 3 — 4.
Вместо: делает вид, что будто — *в рукописи:* делает, что будто — *в корр. и «Совр.»:* делает, как будто

Стр. 75, строка 10.
Вместо: кончено, — *в изд. 1856 г.:* конечно;

Стр. 75, строка 13.
Вместо: подбегу, — *в изд. 1856 г.:* побегу,

Стр. 76, строка 1.
Вместо: Нет, — так. За то, что у нас было. Так, ничего. *(поправка корр.) — в «Совр.»:* — Нет, так..... За то, что..... Так, ничего. — *в рукописи и изд. 1856 г.:* Нет, так.... что у нас было так.... ничего.

Стр. 76, строка 4.
Вместо: ежели — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* если

Гл. 9.

Стр. 76, строка 7.
Вместо: 9. — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* VIII.

Стр. 76, строка 8.
Вместо: это уж — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* это уже.

Стр. 76, строки 13 — 14.
Вместо: стоявшие *(по корр.) — в рукописи:* стоявши — *в изд. 1856 г.:* стоявшим.

Стр. 76, строка 16.
Вместо: увидал — *в изд. 1856 г.:* увидел.

Стр. 76, строки 19 — 20.
Слов: на это действительно прелестно-оригинальное зрелище, и смотрел — *нет в корр.*

Стр. 76, строка 25.
Слова: нового городка (курсив Толстого) — в изд. 1856 г. не курсивом.

Стр. 76, строка 27.
Вместо: заплетенным — *в рукописи и изд. 1856 г.:* построенным.

Стр. 76, строка 29.
Вместо: складным — *в изд. 1856 г.:* грязным.

Стр. 76, строка 30.
Слов: с папиросной золой и — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 76, строки 31 — 32.
Вместо: в одной желтовато-грязной рубашке, — *в рукописи:* в одной грязной желтоватой-грязной рубашке *(слово:* грязной *в рукописи очевидно случайно не вычеркнуто).*

Стр. 76, строка 34.
Вместо: попристальнее — *в изд. 1856 г.:* пристальнее.

Стр. 76, строки 35 — 36.
Слова: и знать хоть немного его образ жизни и занятия.— *в рукописи карандашом, рукою не Толстого, переделаны в:* познакомиться хоть немного с его образом жизни и занятиями — *так и в изд. 1856 г. — В «Совр.»:* познакомиться хоть немного с его образом жизни и занятиями. *Восстанавливаем первоначальный текст по рукописи.*

Стр. 76, строка 37.
Вместо: и удобен, — *в рукописи и изд. 1856 г.:* и удобно построен.

Стр. 76, строка 38.
Вместо: как только строят — *в изд. 1856 г.:* как строят только.

Стр. 77, строка 4.
Вместо: на нем — *в рукописи и изд. 1856 г.: описка:* на ней.

Стр. 77, строка 5.
Слова: кожаная — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 77, строка 10.
Вместо: перстня — *в изд. 1856 г.:* пера.

Стр. 77, строка 11.
Вместо: разбросанные — *в изд. 1856 г.:* набросанные.

Стр. 77, строка 12.
Слова: портера — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 77, строка 12.
Вместо: портера — *в «Совр.»:* портеру.

Стр. 77, строки 14 — 15.
Слов: занимающийся тоже какими-то операциями — *нет в «Совр.».*

Стр. 77, строка 15.
Слов: тоже какими-то — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 77, строка 19.
Вместо: Неприятна была в нем — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* Неприятны были в нем.

Стр. 77, строки 20 — 21.
Вместо: скрывавшая почти — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* почти скрывавшая.

Стр. 77, строка 28.
Слова: как будто пойманный на воровстве весь — *в рукописи зачеркнуты карандашом; их нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 77, строка 32.
Вместо: упрятывая — *в изд. 1856 г.:* укладывая.

Стр. 77, строка 33.
Слова: прямо — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 77, строка 36.
Вместо: вставая и не обращая — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* вставая, не обращая

Стр. 77, строка 37.
Вместо: гостей, уходя — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* гостей и уходя

Стр. 77, строка 38.
Слова: оттуда. — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 77, строка 39.
Вместо: Михайлыч, — *в рукописи.:* Михайлович

Стр. 77, строка 40.
Слов: Володя был поражен *кончая:* робко садясь на диван.— *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 78, строки 4 — 5.
Вместо: простой, очень храбрый и гостеприимный, подумал он,— *в рукописи:* простой, но гостеприимный, подумал он — *в изд. 1856 г.:* простой, но гостеприимный и храбрый, подумал он

Стр. 78, строки 6 — 7.
Слов: спросил через палатку старший брат.— *нет в «Совр.».*

Стр. 78, строка 11.
Слова: вчера — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 78, строка 15.
Вместо: из палатки.— *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* из-за палатки.

Стр. 78, строка 19.
Вместо: осьмой час.— *в рукописи и изд. 1856 г.:* пятый час

Стр. 78, строка 21.
Слов: приятно картавя на буквах л и р. — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 78, строка 24.
Вместо: Дай портеру. Симферопольского! — *в рукописи, «Совр.» и изд. 1856 г.:* Дай портеру симферопольского!

Стр. 78, строки 26 — 27.
Вместо: вошел в балаган и из-под него, даже толкнув офицера, достал портер. — *в изд. 1856 г.:* вошел в балаган и, толкнув Володю, достал портер из-под лавки.

Стр. 78, строка 26.
Вместо: толкнув офицера, — *в рукописи:* толкнув его,

Стр. 78, строки 28 — 39.
Слов: Да, батюшка, сказал обозный офицер, *кончая:* пьет портер этого офицера. — *нет в «Совр.» и изд. 1856. г. Исключено цензурой.*

Стр. 78, строка 33.
Вместо: такой же скряга будет. — *в корр.:* таким же будет.

Стр. 78, строка 40 — стр. 79, строка 1.
Вместо: продолжался уже довольно—*в «Совр.» и изд. 1856 г.:* продолжался довольно

Стр. 79, строка 3.
Слова: атласном — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 79, строка 3.
Вместо: в фуражке — *в рукописи описка:* и фуражкой

Стр. 79, строка 4.
Вместо: вышел, — *в изд. 1856 г.:* явился,

Стр. 79, строка 7.
Слова: он, — *в рукописи нет.*

Стр. 79, строка 15.
Вместо: ежели бы — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* если бы

Стр. 79, строка 15.
Вместо: опостыла, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* опостылела,

Стр. 79, строки 15 — 16.
Вместо: эта собачья жизнь! — *в «Совр.»:* эта жизнь. *(Изменено цензурой). — в изд. 1856 г.:* эта жизнь проклятая.

Стр. 79, строка 18.
Слов: еще вам бы не жизнь здесь! — *нет в «Совр.».*

Стр. 79, строки 20 — 21.
Слов: («про какую он говорит опасность, сидя на Северной», подумал Козельцов), — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 79, строка 22.
Слова: всё — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 79, строка 28.
Слова: презрительно — *нет в «Совр.».*

Стр. 79, строка 33.
Со слов: Что, он хороший человек, *до конца главы — нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 79, строка 36.
Вместо: — Ничего, только скупая шельма такая, что — *в изд. 1856 г.:* — Ничего, только так скуп, что

Стр. 79, строки 36 -- 38.
Слов: Ведь он малым числом *кончая:* ведь ты видел. — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 79, строка 39.
Слов: Ведь эта каналья *до конца главы — нет в изд. 1856 г.*

Стр. 79, строка 40.
Слов: И Козельцов стал распространяться *до конца главы — нет в корр.*

Гл. 10.
Стр. 80, строка 4.
Вместо: 10. — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* IX.

Стр. 80, строка 12.
Вместо: называет — *в изд. 1856 г.:* называл

Стр. 80, строка 16.
Вместо: подъехав — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* подъехали

Стр. 80, строка 16.
Вместо: вышли — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* выйдя

Стр. 80, строка 17.
Вместо: ежели — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* если

Стр. 80, строка 17.
Вместо: на мосту, — *в изд. 1856 г.:* по мосту,

Стр. 80, строка 21.
Вместо: уж всё — *в изд. 1856 г.:* уже всё

Стр. 80, строка 22.
Вместо: ежели — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* если

Стр. 80, строка 29.
Вместо: орудийных — *в изд. 1856 г.:* оружейных — *в «Совр.»:* орудейных.

Стр. 81, строка 5.
В словах: крикнул он — *в корр.:* он *вставка на поле.*

Стр. 81, строка 6.
Вместо: у въезда. — *в изд. 1856 г.:* у выезда.

Стр. 81, строка 9.
Вместо: амунишные — *в изд. 1856 г.:* амуничные

Стр. 81, строки 9 — 10.
Вместо: сполностью — *в изд. 1856 г.:* с полностью

Стр. 81, строка 11.
Вместо: Эк, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* Эх,

Стр. 81, строки 14 — 15.
Слов: не говори лучше, — *нет в рукописи и изд. 1856 г.*

Стр. 81, строка 20.
Вместо: Направо — *в изд. 1856 г., вероятно ошибочно:* Напрасно

Стр. 81, строки 21 — 22.
Вместо: бесконечно-ровной — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* бесконечной, ровной

Стр. 81, строка 23.
Вместо: в слиянии — *в изд. 1856 г.:* в сиянии

Стр. 81, строка 23.
Вместо: и далеко — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* далеко

Стр. 81, строка 24.
Вместо: чернела темная масса — *в рукописи:* темнела масса

Стр. 81, строка 26.
Вместо: двигавшийся — *в изд. 1856 г.:* двигающийся

Стр. 81, строка 27.
Вместо: осветил мгновенно — *в «Совр.»:* мгновенно осветил

Стр. 81, строка 29.
Вместо: разрезаемых — *в рукописи и изд. 1856 г.:* разрезанных

Стр. 81, строка 30.
Вместо: спустив — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* опустив

Стр. 81, строки 30 — 31.
Вместо: какой-то матрос — *в рукописи и изд. 1856 г.:* какой-то человек

Стр. 81, строка 31.
Вместо: и топором рубил что-то. — *в изд. 1856 г.:* и чинил что-то в понтоне.

Стр. 81, строка 32.
Вместо: громче и громче — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* громче, громче

Стр. 81, строка 37.
Вместо: с свистом — *в изд. 1856 г.:* со свистом

Стр. 81, строка 38.
Вместо: Михаил — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* Михайло

Стр. 81, строка 39.
Вместо: уж совсем — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* уже совсем

Стр. 82, строки 3 — 4.
Слов: а по 5 патронов в суме нет. Отличные распоряжения! — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 82, строка 7.
Вместо: его застанете, — *в изд. 1856 г.:* его знаете?

Стр. 82, строка 7.
Слов: он на перевязочном пункте. — *нет в рукописи и изд. 1856 г.*

Стр. 82, строка 11.
Вместо: на Морской — *в изд. 1856 г.:* по Морской,

Стр. 82, строка 18.
В словах: ударит его *слово:* его — *вставка в корр.*

Стр. 82, строка 22.
Слова: русскую — *нет в рукописи, «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 82, строка 22.
Вместо: по эту сторону — *в рукописи и изд. 1856 г.:* по ту сторону

Стр. 82, строка 23.
Вместо: вернулся — *в рукописи описка:* вернулся бы

Стр. 82, строка 37.
Слова: Инстинктивно. — *нет в «Совр.».*

Стр. 82, строка 39.
Вместо: рёву — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* к рёву

Стр. 83, строка 4.
Со слов: Повернув в коридор — *в «Совр.» красная строка.*

Гл. 11.

Стр. 83, строка 7.
Вместо: 11. — *в рукописи ошибочно:* 12. — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* X.

Стр. 83, строка 9.
Слова: этим — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 83, строки 9 — 10.
Слов: отвратительно-ужасным — *нет в «Совр.».*

Стр. 83, строка 17.
Слов: обкладывавшего ей лицо,— *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 83, строки 17 — 18.
Вместо: шла руки в карманах передника, потупившись, подле — *в «Совр.»:* шла руки в карманах передничка, подле — *в изд. 1856 г.:* руки в карманах передничка, шла подле

Стр. 83, строка 25.
Слова: Гм! — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 83, строка 26.
Вместо: а сама — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* и сама

Стр. 83, строка 33.
Вместо: — Ах, Боже мой! Ах, Боже мой! — *в рук.:* — Ах, Боже мой!

Стр. 83, строка 39.
Вместо: на Володю и вдруг — *в изд. 1856 г.:* на Володю вдруг

Стр. 84, строка 3.
Со слов: Они вошли — *в «Совр.» и изд. 1856 г. не красная строка.*

Стр. 84, строка 4.
Вместо: до локтей — *в рукописи:* до локтя.

Стр. 84, строка 11.
Слова: было — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 84, строки 14 — 15.
Вместо: мне хорошо,— *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* так хорошо,

Стр. 84, строка 16.
Вместо: Здравствуйте! — *в рукописи:* Здравствуй!

Стр. 84, строка 16.
Вместо: зовут, извините, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* зовут? Извините.

Стр. 84, строки 19 — 20.
Слов: без всякого выражения удовольствия, — *нет в рукописи, корр. и «Совр.».*

Стр. 84, строка 22.
Слово: полный (курсив Толстого) — в рукописи и изд. 1856 г. не курсивом.

Стр. 84, строка 24.
Вместо: вздернул ногу и, промычав что-то, закрыл — *в рукописи и изд. 1856 г.:* вздернул ноги и, продолжая с усиленной быстротой шевелить пальцами, закрыл

Стр. 84, строка 26.
Вместо: уж он очень плох. — *в рукописи первоначально было:* у него уж антонов огонь начался. — *Этот текст введен только в 12-е издание.*

Стр. 84, строка 27.
Слова: вместе — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 84, строка 29.
Вместо: напрасно — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* напрасной

Стр. 84, строки 29 — 30.
Вместо: опасности и итти каждому порознь. — *в изд. 1856 г.:* опасности и ничего не говоря об этом предмете, решили идти каждому порознь.

Стр. 84, строка 32.
Слова: тебя — *нет в рукописи; взято из корр.*

Стр. 84, строки 34 — 35.
Слов: Больше ничего не было *кончая:* между двумя братьями. — *нет в рукописи и «Совр.».*

Гл. 12.

Стр. 84, строка 36.
Вместо: 12. — *в рукописи ошибочно:* 13. — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* XI.

Стр. 84, строка 38.
Вместо: с следовавшим — *в изд. 1856 г.:* со следовавшим

Стр. 84, строка 39.
Слова: совсем — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 85, строка 3.
Вместо: шел; изредка *(по «Совр.» и изд. 1856 г.)* — *в рукописи:* шел, и изредка

Стр. 85, строка 4.
Вместо: стороне около — *в изд. 1856 г.:* стороне улицы около.

Стр. 85, строки 4 — 5.
Слово: адмиралтейства,— *в «Совр.» и изд. 1856 г. с прописной буквы.*

Стр. 85, строка 6.
Вместо: посаженные — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* насаженные

Стр. 85, строки 9 — 10.
Вместо: сестра, нога — *в изд. 1856 г.:* сестра милосердия, нога

Стр. 85, строка 14.
Слов: в то время как он был — *нет в рукописи и изд. 1856 г.*

Стр. 85, строка 16.
Вместо: героической жизни ,— *в изд. 1856 г.:* жизни героя.

Стр. 85, строка 18.
Вместо: не нарушал — *в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:* не нарушая.

Стр. 85, строка 19.
Вместо: через Малый Корабельный мост, он увидал, — *в рукописи:* через *** мост, он увидал, — *в корр.:* через малый Корабельный мост, он увидел, — *в «Совр.»:* через Малый корабельный мост, он увидел, — *в изд. 1856 г.:* через мост, ведущий на Корабельную, он увидел,

Стр. 85, строка 23.
Вместо: сказал — *в рукоп. и изд. 1856 г.:* сказал хрипло (*слово:* хрипло *выброшено в корр.*)

Стр. 85, строка 25.
Вместо: тоненьким, тоненьким пискливым — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* тоненьким, пискливым

Стр. 85, строка 32.
Слов: меня на свете», — *нет в рукописи и изд. 1856 г.*

Стр. 85, строка 32.
Слов: с ужасом бедный — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 85, строка 36.
Слов: Пьяная, растерзанная — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 85, строка 38.
Со слов: — Потому, коли бы — *в «Совр.» и изд. 1856 г. не красная строка.*

Стр. 85, строка 39.
Вместо: ваш благородие — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* ваше благородие

Стр. 85, строка 40.
Со слов: Сердце всё больше — *в «Совр.» и изд. 1856 г. не красная строка.*

Стр. 86, строки 2 — 3.
Слова: глубоко — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 86, строка 4.
Вместо: гробовым голосом.— *в рукописи:* мертвым гробовым голосом — *в изд. 1856 г.:* испуганно-сдержанным голосом. *(Слово:* мертвым *исключено в корр.)*

Стр. 86, строка 5.
Слова: всё — *нет в «Совр.».*

Стр. 86, строки 6 — 8.
Слов: Которые умные господа, *кончая:* что лучше не надо. — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 86, строка 10.
Вместо: разогнать чувство, — *в рукописи и изд. 1856 г.:* разогнать ужасное чувство, *(Слово:* ужасное *исключено в корр.)*

Стр. 86, строка 12.
Вместо: настоящие — *в рукописи и изд. 1856 г.:* настояще

Стр. 86, строки 12 — 13.
Вместо: и те, которые умные есть, живут в ошпитале — *в рукописи:* и те, которые умны, живут в ошпитале — *в «Совр.» и изд. 1856 г. (поправка цензуры):* и тем, лучше бы жить в ошпитале

Стр. 86, строка 16.
Вместо: перечитаешь. — *в изд. 1856 г.:* перечитываешь.

Стр. 86, строка 20.
Вместо: сполнять; — *в «Совр.»:* сполнить; — *в изд. 1856 г.:* исполнить;

Стр. 86, строка 20.
Слова: главное — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 86, строка 32.
Вместо: посереди — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* посреди

Стр. 86, строки 35 — 36.
Вместо: за которого я с — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* за кото
рого с

Стр. 86, строка 36.
Слова: так — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 86, строки 36 — 37.
Слов: я не могу умереть честно? — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 86, строки 39 — 40.
Вместо: и подошел к нему. — *в изд. 1856 г.:* и пошел по ука
занному направлению.

Гл. 13.
Стр. 87, строка 1.
Вместо: 13. — *в рукописи ошибочно:* 14. — *в «Совр.» и изд
1856 г.:* XII.

Стр. 87, строка 3.
Вместо: с двора. — *в рукописи и изд. 1856 г.:* со двора.

Стр. 87, строка 12.
Вместо: фельдфебель — *в рукописи здесь и дальше везде*
фельдвебель.

Стр. 87, строка 12.
Вместо: на которой — *в изд. 1856 г.:* на котором

Стр. 87, строка 23.
Вместо: а батарейный — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* Батарей
ный

Стр. 87, строка 27.
Вместо: человечек, — *в изд. 1856 г.:* человек

Стр. 87, строка 29.
Вместо: закрывавшими — *в изд. 1856 г.:* закрывшими

Стр. 87, строка 29.
Слова: большими, — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 87, строка 31.
Вместо: вывернутые, ступавшие — *в рукописи и изд. 1856 г.:*
вывернутые и ступавшие

Стр. 87, строка 32.
Вместо: доказывавшим,— *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* показы
вавшим,

Стр. 88, строка 2.
Вместо: Францук — в *«Совр.» и изд. 1856 г.:* Францук

Стр. 88, строка 14.
Со слов: Но подполковник — *в «Совр.» не красная строка.*

Стр. 88, строки 17 — 19.
Слов: — Прапорщика-с? — *кончая:* «ну что это за прапорщик, — *нет в «Совр.».*

Стр. 88, строка 19.
Вместо: «ну что это — *в изд. 1856 г.:* «что это

Стр. 88, строки 19 — 20.
Слов: и стоит ли его помещать куда-нибудь?» — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 88, строка 20.
Со слов: — Да вот-с внизу, — *в «Совр.» и изд. 1856 г. красная строка.*

Стр. 88, строки 21 — 22.
Вместо: их благородие, — продолжал он, подумав немного: — теперь — *в «Совр.»:* их благородие, сказал фельдфебель, еще более смущая Володю беглым, брошенным на него взглядом: — теперь

Стр. 88, строки 27 — 28.
Вместо: когда Володя — *в рукописи и изд. 1856 г.:* когда он — *в «Совр.»:* когда Володя

Стр. 88, строка 28.
Вместо: уж — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* уже

Стр. 88, строка 34.
Слова: было — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 88, строка 36 — 37.
Слов: прибавил он, обращаясь к прапорщику. — *нет в рукописи и «Совр.». Слова:* прибавил он — *прибавка корр.;* обращаясь к прапорщику. — *прибавка изд. 1856 г.*

Гл. 14.
Стр. 89, строка 4.
Вместо: 14. — *в рукописи ошибочно:* 15. — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* XIII.

Стр. 89, строка 6.
Вместо: было — *в «Совр.»:* был *(Опечатка).*

Стр. 89, строки 6 — 7.
Вместо: было отвращение к тому беспорядочному безотрадному состоянию, — *в рукописи и изд. 1856 г.:* был страх того беспорядочного, безотрадного состояния

Стр. 89, строка 8.
Вместо: а главное, — *в рукописи, «Совр.» и изд. 1856 г.:* и главное,

Стр. 89, строка 10.
Вместо: закрылся с головою,— *в изд. 1856 г.:* закрылся ею с головою,

Стр. 89, строка 11.
Слов: с детства — *нет в рукописи, корр. и «Совр.».*

Стр. 89, строка 15.
Со слов: Впрочем, ежели — *в «Совр.» не красная строка.*

Стр. 89, строка 15.
Вместо: ежели — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* если

Стр. 89, строка 15.
Слово: он, — *в рукописи пропущено.*

Стр. 89, строка 23.
Вместо: тяжелому — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* тяжкому

Стр. 89, строки 26 — 28.
Вместо: неперестающих заставлявших дрожать стекла в единственном окне звуках бомбардирования и снова — *в изд. 1856 г.:* неперестающих звуках, заставлявших дрожать стекла в единственном окне и снова

Стр. 89, строка 28.
Вместо: об опасности: — *в рукописи:* о опасности:

Стр. 89, строка 34.
Слова: добром, — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 89, строка 34.
Слово: который — *в «Совр.» и изд. 1856 г. с прописной буквы.*

Стр. 90, строка 1.
Вместо: ежели — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* если

Стр. 90, строка 2.
Вместо: думал — *в изд. 1856 г.:* подумал

Стр. 90, строка 4.
Слова: но — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 90, строка 10.
Слова: треска, — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 90, строки 13 — 14.
Вместо: раскаяния и страдания, которые — *в рукописи:* раскаяния, просьбы исцеления страданий, спасения и просветления души, которые — *в изд. 1856 г.:* раскаяния, просьбы исцеления тела и просветления души, которые

Стр. 90, строка 16.
Слов: завтраке и — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 90, строка 16.
Вместо: но с страхом — *в изд. 1856 г.:* и со страхом — *в корр. и «Совр.»:* но со страхом

Стр. 90, строка 17.
Вместо: до измученного, голодного, вшивого солдата, — *в корр.:* до измученного солдата, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* до простого солдата, *Заменено цензурой.*

Стр. 90, строка 19.
Слова: скорее — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 90, строка 19.
Слово: Там — *в изд. 1856 г. с строчной буквы.*

Стр. 90, строка 20.
Слова: незаслуженные — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 90, строка 20.
Слов: Да, Ты не уставал *до конца главы — нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.*

Гл. 15.
Стр. 90, строка 24.
Вместо: 15. — *в рукописи ошибочно:* 16. — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* XIV.

Стр. 90, строка 29.
Вместо: аж через несеть, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* уж через несет,

Стр. 90, строки 30 — 31.
Слов: сказал солдат, *кончая:* по той стороне улицы. — *нет в рукописи и «Совр.».*

Стр. 90, строка 36.
Слов: когда он был в Севастополе; — *нет в рукописи, и «Совр.».*

Стр. 90, строка 37.
Слово: было *в рукописи пропущено.*

Стр. 91, строка 2.
Слова: теперь — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 91, строка 4.
Вместо: напряженности. — *в рукописи и изд. 1856 г.:* усиленности.

Стр. 91, строка 7.
Вместо: мгновенно — *в «Совр.»:* на мгновение — *в изд. 1856 г.:* изредка на мгновение

Стр. 91, строка 10.
Слово: полка — *в рукописи, и «Совр.» поставлено в скобки.*

Стр. 91, строка 15.
Вместо: огонь. — *в рукописи, корр. и «Совр.»:* свет.

Стр. 91, строка 19.
Вместо: ежели — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* если

Стр. 91, строки 21 — 22.
Слов: когда славянские земли . . . — *нет в «Совр.».*

Стр. 91, строка 23.
Слова: прежде — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 91, строки 25 — 26.
Вместо: висела — *в рукописи и изд. 1856 г.:* стояла

Стр. 91, строка 28.
Вместо: стояло — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* стояли

Стр. 91, строка 32.
Перед словами: он робел,— *в корр. вычеркнуто:* но — *в изд. 1856 г.* но *осталось по ошибке.*

Стр. 91, строки 32 — 33.
Слов: и поджилки у него затряслись — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 91, строка 34.
Вместо: этот полковник и — *в рукописи:* этот последний и — *в корр. и «Совр.»:* этот и *(поправка в корр.)*

Стр. 91, строки 35 — 38.
Слов: Притом и адъютант, *кончая:* и не хочу требовать». — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 91, строки 38 — 39.
Со слов: странно, — думал — *в «Совр.» красная строка.*

Стр. 92, строки 2 — 4.
Слов: эта власть, *кончая:* на богатстве полкового командира. — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 92, строка 4 — 16.
Слов: Давно ли, — *кончая:* чтобы быть на моем месте. — *нет в «Совр.» — в рукописи зачеркнуты карандашом. Исключено цензурой.*

Стр. 92, строки 7 — 11.
Слов: голландская рубашка *кончая:* квартермейстера в Симферополе; — *нет в корр. и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 92, строки 11 — 12.
Слов: аристократа богатства, — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 92, строка 12.
Вместо: которое — *в изд. 1856 г.:* которая

Стр. 92, строки 13 — 15.
Слов: не забывай, *кончая:* через руки, и — *нет в изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 92, строка 24.
Вместо: могу-с. — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* я могу-с.

Стр. 92, строка 34.
Слова: (не за что) — *в рукописи между тире.*

Стр. 92, строка 35.
Слов: Дисциплина и условие ее—*до конца главы—нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Гл. 16-
Стр. 93, строка 12.
Вместо: 16. — *в рукописи ошибочно* 17. — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* XV.

Стр. 93, строка 14.
Сло́ва: своею — *нет в «Совр.».*

Стр. 93, строка 16.
Вместо: осколки и бомбы,— *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* осколки, бомбы,

Стр. 93, строка 21.
Вместо: какая-то — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* но какая-то

Стр. 93, строка 29.
Слово: от — *перед:* самого входа — *в рукописи пропущено.*

Стр. 93, строка 29.
Вместо: наполнен — *в рукописи:* наполненым *(Описка).*

Стр. 93, строка 31 — 32.
Вместо: Другой солдатик *(поправка в корр.) кончая:* около самой свечки. — *в «Совр.»:* освещая книгу, которую читал другой. Около свечки — *в рукописи и изд. 1856 г.:* освещая книгу, которую по складам читал другой. Около свечки

Стр. 93, строка 32.
Сло́ва: смрадном — *нет в «Совр.».*

Стр. 93, строки 34 — 35.
Слов: Книжка была азбука, и, входя в блиндаж, Козельцов услышал следующее: — *нет в «Совр.».*

Стр. 93, строка 34.
Вместо: и, входя в блиндаж, — *в изд. 1856 г.:* Входя в блиндажи,

Стр. 93, строка 34.
Сло́ва: Козельцов — *нет в рукописи и корр.; берем из изд. 1856 г.*

Стр. 93, строка 35.
Вместо: услышал — *в корр.:* слышалось.

Стр. 93, строка 36.
Слова: «Страх . . . смер-ти врожден-ное чувствие человеку.— *в рукописи зачеркнуты и карандашом рукой Толстого написано:* Мо-ли-тва после уче-ния. Благодарю Те-бя Соз-дателю . . .— *так в «Совр.» и изд. 1856 г. По смыслу восстановляем текст рукописи, замененный в видах цензуры.*

Стр. 93, строка 38.
Вместо: Бог ... мой ... — *в рукоп.:* Бог ... есть.

Стр. 94, строка 3.
Вместо: через ноги и по ногам — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* через и по ногам

Стр. 94, строка 4.
Слово: их, — *в рукописи пропущено; взято из изд. 1856 г.*

Стр. 94, строка 5.
Вместо: вся — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* всё

Стр. 94, строка 10.
Вместо: сейчас было, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* было сейчас,

Стр. 94, строка 11.
Со слов: В глубине — *в «Совр.» и изд. 1856 г. не красная строка.*

Стр. 94, строки 14 — 15.
Со слов: Здорово, ребята! — *в «Совр.» красная строка.*

Стр. 94, строка 16.
Вместо: желаем! — *в изд. 1856 г.:* желаю!

Стр. 94, строка 25.
Вместо: — Что же, они точно смелые, их благородие — *в «Совр.»:* — Что же, их благородие точно смелые ... — *в изд. 1856 г.:* — Что же, они, точно, смелые?

Стр. 94, строка 25.
Слово: они *и расстановка слов и знаков препинания в этой фразе принадлежат корр.*

Стр. 94, строки 25 — 26.
Со слов: ужасно какие смелые! — *в «Совр.» и изд. 1856 г. красная строка.*

Стр. 94, строки 26 — 29.
Вместо: сказал барабанщик *кончая:* хвастливого и неправдоподобного. — *в «Совр.»:* сказал обращаясь к другому солдату, барабанщик, не громко, но так, что слышно было, что он желал оправдать перед ним слова ротного командира и убедить товарища, что в них нет ничего хвастливого и неправдоподобного.

Стр. 94, строка 26.
Слово: что *перед:* слышно было — *пропущено в рукописи.*

Стр. 94, строка 27.
Вместо: как-будто — *в рукописи:* когда

Стр. 94, строки 28 — 29.
Вместо: что в них ничего нет — *в изд. 1856 г.:* что в этих словах ничего не было.

Гл. 17.
Стр. 94, строка 32.
Вместо: 17. — *в рукописи ошибочно:* 18. — *в «Совр.» эта глава выпущена по цензурным соображениям, кроме начала:* В большой комнате *кончая:* больше всего его товарищей. — *присоединенного к предыдущей главе.*

Стр. 94, строка 36.
Вместо: составляя — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* составляли

Стр. 95, строка 4.
Вместо: с знакомыми,— *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* знакомым

Стр. 95, строка 5.
Вместо: группе офицеров, — *в изд. 1856 г.:* группе, составившейся из нескольких офицеров.

Стр. 95, строки 5 — 6.
Вместо: между которыми было больше всего его товарищей. — *(на этом кончается XV глава в «Совр.») — в изд. 1856 г.:* Между ними были тоже его знакомые.

Стр. 95, строка 8.
Вместо: красивыми — *в изд. 1856 г.:* сухими

Стр. 95, строка 9.
Слова: с гербом,— *прибавлены из изд. 1856 г.*

Стр. 95, строка 10.
Вместо: скоро — *в изд. 1856 г.:* прямо

Стр. 95, строка 10.
Вместо: и только — *в изд. 1856 г.:* только

Стр. 95, строка 12.
Вместо: облокотившись, — *в изд. 1856 г.:* облокотясь,

Стр. 95, строка 12.
Слов: уже значительно выпивши, — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 95, строка 16.
Вместо: он шевелил — *в рукописи:* шевелил

Стр. 95, строка 17.
Вместо: и играл — *в изд. 1856 г.:* Он играл

Стр. 95, строка 20.
Вместо: с огромным злым ртом, — *в изд. 1856 г.:* с огромным носом, ртом,

Стр. 95, строка 21.
Сло́ва: безусый — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 95, строки 34 — 35.
Вместо: выпив еще 3 рюмки водки и несколько стаканов портера,— *в изд. 1856 г.:* он выпил еще рюмку водки и несколько портера

Стр. 95, строка 34.
Слова: водки — *нет в рукописи.*

Стр. 95, строки 35 — 36.
Слов: он был уже *кончая:* забвении действительности. — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 96, строка 12.
Слов: сильно опьяневший к этому времени и — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 96, строка 18.
Слов: с честными людьми, — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 96, строка 22.
Слов: честные люди — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 96, строка 25.
Слова: оставьте!— *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 96, строки 26 — 32.
Слов: Но майор, казалось, *кончая:* воодушевляясь звуками своего голоса: — подлец! — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 96, строка 32.
Слово: подлец! — *в рукописи вычеркнуто.*

Стр. 96, строка 33.
Слов: глубоко-грустной — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 96, строка 35.
Слово: и *после слова:* смерти — *берем из изд. 1856 г.*

Гл. 18.
Стр. 97, строка 3.
Вместо: 18. — *в рукописи ошибочно:* 19. — *в «Совр.»:* XVI. — *в корр. и изд. 1856 г.:* XVII.

Стр. 97, строка 14.
Слов: будто бы — *нет в «Совр.».*

Стр. 97, строка 16.
Вместо: подтрунивал — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* подтрунивая

Стр. 97, строка 17.
Вместо: обращался — *в корр. и изд. 1856 г.:* обращаясь

Стр. 97, строка 19.
Слов: на *о* и — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 97, строка 26.
Слова: только — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 97, строка 27.
Фамилия: Черновицкий,— *в рукописи пишется то:* Чернивацкий, *то:* Чернавицкий; *сначала было:* Иваницкий, *потом впереди вместо:* И — *написано:* Сержи, *наконец:* Черни. — *В корр. и «Совр.»:* Чернавицкий; — *в изд. 1856 г.:* Черновицкий. *Сохраняем написание изд. 1856 г.*

Стр. 97, строка 30.
Слов: всё расспрашивал *кончая:* распоряжения и т. д., вообще — *нет в «Совр.».*

Стр. 97, строка 31.
Вместо: что делает государь — *в изд. 1856 г.:* что делают Государь

Стр. 97, строки 33 — 34.
Вместо: как мало встречаешь патриотизма, и какие делаются неблагоразумные распоряжения и т. д.,— *в изд. 1856 г.:* как мало было истинных патриотов,

Стр. 97, строка 34.
Слов: и т. д. — *нет в рукописи.*

Стр. 97, строки 34 — 35.
Вместо: вообще выказывал — *в «Совр.»:* Он выказывал

Стр. 97, строка 36.
Вместо: заученным — *в изд. 1856 г.:* неприятным

Стр. 98, строка 1.
Вместо: вспоминал,— *в изд. 1856 г.:* вспоминая.

Стр. 98, строка 2.
Вместо: приказывал подать — *в изд. 1856 г.:* подавал

Стр. 98, строка 4.
Вместо: как с офицером,— *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* как и с офицером,

Стр. 98, строка 4 — 5.
Вместо: и не помыкал им, как мальчишкой — *в «Совр.»:* а не как с мальчишкой,

Стр. 98, строка 8.
Слова: глупых — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 98, строка 19.
Вместо: что всё это было слишком хорошо, — *в рукописи:* что всё это было так хорошо, — *в корр. и «Совр.»:* что всё было слишком хорошо, — *в изд. 1856 г.:* всё было как-то хорошо.

Стр. 98, строка 20.
Вместо: чего-то в [нем] не доставало.— *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* чего-то недоставало.

Стр. 98, строка 20.
В рукописи после слова недоставало *вычеркнута следующая характеристика Краута:* «В исполнении своего долга он был храбр и стоек как Севастополь, но порыва у него не было. Он никогда никому не бывал должен; но зато уже никто никогда [не] решался занимать у него; в обществе он был самый приятный собеседник, с глаза на глаза [sic] не то чтобы скучно, но как-то неловко было с ним оставаться».

Стр. 98, строка 22.
Вместо: практичен — *в рукописи и изд. 1856 г.:* praktisch

Стр. 98, строка 25.
Слова: весело — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 98, строка 28.
Вместо: покаместа — *в «Совр.»:* покаместь — *в изд. 1856 г.:* покамест

Стр. 98, строка 39.
Слово: починили (курсив Толстого) — в изд. 1856 г. не курсивом.

Стр. 98, строка 39.
Слов: В дребезги разбили станину. — *нет в рукописи и «Совр.» (Добавление изд. 1856 г.).*

Стр. 98, строка 40.
Вместо: встал — *в рукописи:* стал

Стр. 99, строки 1 — 2.
Вместо: вышедшего — *в изд. 1856 г.:* только что вышедшего

Стр. 99, строки 3 — 4.
Слова: капитана — *нет в рукописи; вставка в корр.*

Стр. 99, строка 16.
Вместо: обратился он — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* сказал он обратясь

Гл. 19.
Стр. 99, строка 20.
Вместо: 19. — *в рукописи ошибочно:* 20. — *в «Совр.»:* XVII. — *в корр. и изд. 1856 г.:* XVIII.

Стр. 99, строки 27 — 28.
Вместо: покаместа — *в «Совр.»:* покаместь — *в изд. 1856 г.:* покамест

Стр. 99, строка 37.
Слово: вы *перед:* всегда противоречите.— *пропущено в рукописи.*

Стр. 100, строка 2.
Слов: потому что ему нет расчета. — *нет в «Совр.».*

Стр. 100, строка 2.
Вместо: нет расчета. — *в изд. 1856 г.:* нет расчета отказать.

Стр. 100, строки 3 — 5.
Слов: Как нет расчета, *кончая:* не держать лишней лошади! — *нет в «Совр.». Выпущено по цензурным соображениям.*

Стр. 100, строка 9.
Вместо: засмеялся — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* заметил

Стр. 100,строки 10 — 13.
Слов: Нет, да что же вы говорите, *кончая:* ничего не оставалось! — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 100, строка 16 — стр. 101, строка 19.
Слов: Когда я буду батарейным командиром, *кончая:* молча продолжал слушать, — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 100, строка 20.
Вместо: брать доход, — *в корр. и изд. 1856 г.:* также поступать

Стр. 100, строка 20.
Слово: как — *пропущено в рукописи, печатается по корр.*

Стр. 100, строка 21.
Слов: будут остатки в карман класть,— *нет в корр. и изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 100, строка 23.
Вместо: Крестьянович, — *в изд. 1856 г.:* Крестьяныч

Стр. 100, строки 26 — 27.
Вместо: покраснев до ушей, сказал Володя, — *в изд. 1856 г.:* сказал Володя, покраснев до ушей.

Стр. 100, строки 28 — 29.
Словà: дослужитесь до капитана, не то будете говорить.— *в рукописи зачеркнуты карандашом; в корр. и изд. 1856 г. исключены цензурой.*

Стр. 100, строка 30.
Вместо: ежели — *в изд. 1856 г.:* если

Стр. 100, строка 31.
Вместо: то я и не могу — *в изд. 1856 г.:* то я не могу

Стр. 100, строка 34.
Вместо: то у вас, ежели — *в рукописи:* то, ежели (у вас — *зачеркнуто карандашом*) — *в корр. и изд. 1856 г.:* то вы, если

Стр. 100, строка 34.
Вместо: ведете — *в изд. 1856 г.:* поведете

Стр. 100, строки 34 — 36.
Вместо: непременно остается *кончая:* от одних лошадей. *(зачеркнуто в рукописи карандашом)* — *в корр. и изд. 1856 г.:* Ну и ладно.

Стр. 100, строка 36.
Слова: Ну и ладно. — *дополнены из изд. 1856 г.*

Стр. 100, строка 38.
Вместо: ежели — *в изд. 1856 г.:* если

Стр. 101, строка 1.
Словà: на канцелярию — три, — *дополнение изд. 1856 г.*

Стр. 101, строки 2 — 3.
Слов: а ремонтная цена 50, и требуют. — *нет в корр. и изд. 1856 г.*

Стр. 101, строка 3.
Слово: четыре — *поправка изд. 1856 г.; — в рукописи и корр.:* три.

Стр. 101, строки 3 — 4.
Слов: против положения — *нет в корр. и изд. 1856 г.*

Стр. 101, строки 4 — 5.
Вместо: лишнее выйдет, — *в изд. 1856 г.:* много выходит, — *в рукописи:* лишнее выходит,

Стр. 101, строки 5 — 6.
Вместо: Ежели вы батарейный — *в изд. 1856 г.:* Если батарейный

Стр. 101, строка 7.
Слов: и всякую штуку,— *нет в изд. 1856 г. — дополнение корр.*

Стр. 101, строки 11 — 12.
Вместо: 20-ть лет на 200 рублях жалованья в нужде постоянной:— *в изд. 1856 г.:* двадцать лет сперва на двух, а потом на трехстах рублях жалованья:

Стр. 101, строка 12.
Вместо: так — *в изд. 1856 г.:* как.

Стр. 101, строки 13 — 14.
Слов: нажить, когда комисьонеры в неделю десятки тысяч наживают! — *нет в изд. 1856 г. Исключено цензурой.*

Стр. 101, строка 16.
Вместо: поживите-ка, — *в рукописи:* поживите,

Стр. 101, строка 19.
Вместо: как Дяденко — *в «Совр.»:* Но Дяденко

Стр. 101, строка 19.
Вместо: с... азартом принялся — *в «Совр.»:* с... азартом тотчас же перебил его и принялся

Стр. 101, строка 20.
Вместо: доказывать — *в изд. 1856 г.:* доказывал

Стр. 101, строка 23.
Вместо: Аполлон Сергеевичу, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* Аполлону Сергеичу,

Стр. 101, строка 24.
Слова: капитану. — *нет в «Совр.».*

Стр. 101, строка 26.
Слов: отвечал капитан.— *нет в рукописи, «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 101, строка 27.
Вместо: — Нет уж, вы — *в «Совр.»:* — Нет уж, отвечал капитан: — вы.

Гл. 20.
Стр. 101, строка 28.
Вместо: 20. — *в рукописи ошибочно:* 21. — *в «Совр.»:* XVIII.— *в корр. и изд. 1856 г.:* XIX.

Стр. 101, строки 33 — 34.
Со слов: Прапорщики не пьют, — *в «Совр.» красная строка.*

Стр. 101, строка 34.
Вместо: прибавил он улыбаясь Володе. — *в «Совр.»:* прибавил, улыбаясь, Володя. — *в изд. 1856 г.:* прибавил он, улыбаясь.

Стр. 101, строка 37.
Вместо: хозяина и старшего товарища.— *в «Совр.»:* хозяина, старшего товарища. — *в изд. 1856 г.:* хозяина и старшего товарища между офицерами.

Стр. 101, строка 38.
Вместо: спорщика — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* прапорщика

Стр. 102, строка 2.
Слова: робко — *нет в «Совр.». (Вставка изд. 1856 г.)*

Стр. 102, строки 2 — 3.
Слов: придерживаясь стенки, — *нет в рукописи, «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 102, строка 3.
Слова: большое — *нет в рукописи и «Совр.» (Вставка изд. 1856 г.).*

Стр. 102, строка 4.
Вместо: которых — *в изд. 1856 г.:* которой

Стр. 102, строка 7.
Слов: жестяные и — *нет в рукописи и «Совр.» (Вставка изд. 1856 г.).*

Стр. 102, строка 8.
Слова: серый — *нет в рукописи, «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 102, строка 10.
Вместо: о Инкерманском — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* об инкерманском

Стр. 102, строка 11.
Вместо: участвовала батарея,— *в рукописи:* участвовали,

Стр. 102, строка 14.
Вместо: разговор — *в рукописи описка:* разговором

Стр. 102, строка 14.
Вместо: естественно *(поправка изд. 1856 г.)* — *в рукописи и «Совр.»:* явственно

Стр. 102, строка 19.
Слова: еще — *нет в рукописи и «Совр.»; прибавка изд. 1856 г.*

Стр. 102, строка 24.
Вместо: упала — *в рукописи и «Совр.»:* попала

Стр. 102, строка 33.
Слова: весьма нужный (курсив Толстого) — в изд. 1856 г. не курсивом.

Стр. 102, строка 34.
Слова: невольно — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 102, строка 37.
Слова: оттуда — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 103, строка 3.
Вместо: Об чем, — *в изд. 1856 г.:* О чем,

Стр. 103, строка 7.
Слов: а тут требуют еще.— *нет в рукописи и «Совр.».*

Стр. 103, строка 14.
Вместо: — Да, я бы желал, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* — Да, я желал бы,

Стр. 103, строка 14.
Слово: Володя, — *пропущено в рукописи.*

Стр. 103, строка 15.
Вместо: по спине — *в изд. 1856 г.:* на спине

Стр. 103, строка 19.
Вместо: бумажки, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* бумажек,

Стр. 103, строка 21.
Вместо: попросить — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* просить

Стр. 103, строки 25 — 26.
Вместо: Он взял один билетик, который был подлиннее, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* Он взял одну бумажку, которая была подлиннее,

Стр. 103, строка 27.
Вместо: другой — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* другую

Стр. 103, строка 27.
Вместо: поменьше и потолще — *в «Совр.»:* поменьше — *в изд. 1856 г.:* поменьше и потоньше

Стр. 103, строка 27.
Слово: потолще — *берем из поправки в корр. вместо* толще — *рукописи, но с исправлением:* щ — *вместо написанного* ш — потолше.

Стр. 103, строка 28.
Вместо: на нем: — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* на ней:

Стр. 103, строка 31.
Вместо: батарейный командир,— *в рукописи и изд. 1856 г.:* батарейный,

Стр. 103, строка 33.
Вместо: орудийного — *в рукописи:* орудейного

Гл. 21.
Стр. 103, строка 35.
Вместо: 21.— *в рукописи ошибочно:* 22.— *в «Совр.»:* XIX. — *изд. 1856 г.:* XX.

Стр. 103, строка 36.
Вместо: живо — *в рукописи, «Совр.» и изд. 1856 г.:* и живо

Стр. 104, строки 3—4.
Слово: «Руководству» *в «Совр.» — напечатано курсивом со строчной буквы; подстрочного примечания нет.*

Стр. 104, строка 3.
Вместо: таблицу — *в изд. 1856 г.:* таблицы

Стр. 104, строка 3.
Слов: углов возвышения. — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 104, строка 6.
Слова: немного, — *нет в «Совр.».*

Стр. 104, строка 8.
Вместо: главное — *в «Совр.»:* главнее

Стр. 104, строка 8.
Вместо: то, что — *в рукописи и корр.:* того что

Стр. 104, строка 13.
Слово: Вланге (курсив Толстого) — в рукописи и «Совр.» не курсив.

Стр. 104, строка 17.
Вместо: подошел — *в изд. 1856 г.:* подошли

Стр. 104, строки 19—20.
Вместо: — Да и отчего — *в «Совр.»:* — «Да отчего

Стр. 104, строки 20—21.
Вместо: И он смело — *в «Совр.»:* и вдруг он смело

Стр. 104, строка 21.
Вместо: голоском: — *в «Совр.»:* голосом:

Стр. 104, строка 22.
Вместо: молодой, свежий голосок — *в рукописи и «Совр.»:* молодой, тонкий голосок — *в изд. 1856 г.:* молодой, свежий голос

Стр. 104, строка 23.
Со слов: Володя бодро — *в «Совр.» красная строка.*

Стр. 104, строка 23.
Вместо: впереди — *в изд. 1856 г.:* вперед

Стр. 104, строка 25.
Вместо: походка была — *в рукописи и изд. 1856 г.:* походка у него была

Стр. 104, строка 30.
Вместо: летели — *в изд. 1856 г.:* летали

Стр. 104, строка 34.
Вместо: я и на — *в изд. 1856 г.:* и я на

Стр. 104, строка 35.
Вместо: совершенно напрасно таким страшным! — *поправка в корр.; в рукописи и изд. 1856 г.:* в тысячу раз страшнее!

Стр. 104, строка 36.
Вместо: трушу — *в рукописи:* труша

Стр. 104, строка 37.
Слов: даже некоторым — *нет в рукописи и «Совр.».*

Стр. 105, строка 1.
Слов: бесстрашия и самодовольства — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 105, строка 3.
Вместо: бастиона. — *в изд. 1856 г. опечатка:* баталиона.

Стр. 105, строки 5 — 6.
Слов: без сапог и шинели — *нет в «Совр.». Вместо:* без сапог — *в корр. и изд. 1856 г.:* без сапогов

Стр. 105, строка 6.
Слова: его, — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 105, строки 6 — 9.
Слова: (На второй день *кончая:* на батареях) — *в «Совр.» без скобок.*

Стр. 105, строка 7.
Вместо: не успевали — *в изд. 1856 г.:* не везде успевали

Стр. 105, строка 8.
Слово: не — *в рукописи по ошибке пропущено.*

Стр. 105, строка 10.
Вместо: на вершину — *в «Совр.»:* в вершину

Стр. 105, строка 10.
Слова: медленно — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.: вставлено в корр.*

Стр. 105, строка 13.
Вместо: Не буду — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* — Не будем

Стр. 105, строка 14.
Слова: ужасов,— *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.; вставлено в корр.*

Стр. 105, строка 14.
Вместо: и разочарований — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* разочарований

Стр. 105, строка 15.
Вместо: в этот — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* в тот

Стр. 105, строка 17.
Вместо: 2 — *в изд. 1856 г.:* две

Стр. 105, строка 17.
Слова: разбитые мортирки — *берем из изд. 1856 г. — вместо:* мортиры — *рукописи.*

Стр. 105, строка 17.
Слов: без прицелов, — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 105, строка 19.
Вместо: на щепках разбитой платформы; — *в «Совр.»:* на разбитой платформе.

Стр. 105, строка 19.
Вместо: до утра — *в «Совр.»:* долго

Стр. 105, строка 20 — 21.
Вместо: ни один заряд не был — *в «Совр.»:* не все заряды были (*Изменено цензурой.*)

Стр. 105, строка 21.
Слово: Руководстве, — *в «Совр.» и изд. 1856 г. не курсив.*

Стр. 105, строка 22.
Слово: команды, — *в «Совр.» курсив.*

Стр. 105, строка 25.
Слова: еще — *нет в изд. 1856 г. (Вставка в корр.).*

Стр. 105, строка 27.
Вместо: к завтраму — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* к завтрему.

Стр. 105, строка 28.
Вместо: была — *в «Совр.»:* был

Стр. 105, строка 32.
Слова: всех, — *нет в рукописи.*

Стр. 105, строка 34.
Слово: уже *восстановлено по изд. 1856 г.*

Стр. 105, строки 39 — 40.
Вместо: так сильно, что с потолка земля сыпалась. — *в рукописи, «Совр.» и изд. 1856 г.:* своим громом.

Стр. 106, строка 2.
Вместо: огню — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* огоньку

Стр. 106, строка 3.
Вместо: или Вланг, — *в «Совр.»:* и Вланг

Стр. 106, строка 4.
Вместо: и дико — *в рукописи и изд. 1856 г.:* еще дико

Стр. 106, строка 6.
Вместо: уголке, освещенном — *в рукописи и изд. 1856 г.:* тихом уголке и освещенном

Стр. 106, строка 8.
Вместо: юбку — *в рукописи и «Совр.»:* юпку

Стр. 106, строки 9 — 10.
Вместо: наслаждался — *в рукописи:* наслаждаешься

Гл. 22.
Стр. 106, строка 11.
Вместо: 22. — *в рукописи глава ошибочно названа* 23. — *в «Совр.»:* XX. — *в изд. 1856 г.:* XXI.

Стр. 106, строка 24.
Вместо: чудны̀е, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* чудные,

Стр. 106, строка 25.
Вместо: слыхивали,— *в рукописи:* слыхали,

Стр. 106, строка 26.
Вместо: ох, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* ах,

Стр. 106, строки 28 — 29.
Вместо: медленный — *в изд. 1856 г.:* медленно

Стр. 106, строка 30.
Слова: числа — *нет в «Совр.».*

Стр. 106, строка 31.
Вместо: на говне — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* даром

Стр. 106, строка 33.
Фразы: При этих словах Васина все засмеялись. — *нет в «Совр.». В корр. зачеркнуто.*

Стр. 106, строка 37.
Вместо: убьет — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* убьют

Стр. 107, строка 4.
Вместо: медлительный — *в рукописи и «Совр.»:* медленный

Стр. 107, строка 10.
Вместо: не боишься — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* боишься

Стр. 107, строка 26.
Вместо: заговаривал — *в изд. 1856 г.:* разговаривал

Стр. 107, строка 28.
Вместо: прòстый, (курсив Толстого)— в «Совр.»: простой (курсив Толстого) — в изд. 1856 г.: простой — *не курсив.*

Стр. 107, строки 29 — 30.
Вместо: как скоро должно кончиться — *в рукописи:* что скоро кончится — *в изд. 1856 г.:* как скоро кончится

Стр. 107, строка 30.
Вместо: [в] Севастополе, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* Севастополя,

Стр. 107, строка 30.
Вместо: что — *в изд. 1856 г.:* потому что

Стр. 107, строка 31.
Вместо: Кистентин, царев брат, — *в «Совр.»:* Константин, Царев Брат, — *в изд. 1856 г.:* Константин, Царев брат,

Стр. 107, строка 32.
Вместо: нам — *в изд. 1856 г.:* к нам

Стр. 107, строка 32.
Вместо: еще — *в изд. 1856 г.:* и еще

Стр. 107, строка 34.
Слова: штрафу — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 107, строка 39.
Вместо: ради, — *в изд. 1856 г.:* рады,

Стр. 108, строка 4.
Вместо: легко — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* весело

Стр. 108, строка 6.
Вместо: расстелив — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* разостлав

Стр. 108, строка 12.
Вместо: за полу — *в «Совр.»:* за полы

Стр. 108, строка 14.
Слова: ведь — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 108, строка 17.
Слова: переобуваясь — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 108, строка 20.
Вместо: слышался — *в изд. 1856 г.:* слышались

Стр. 108, строка 24.
Вместо: в аршине, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* в аршин,

Стр. 108, строка 25.
Вместо: в которое — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* из которого. *В рукописи* в *переделано из:* из.

Стр. 108, строка 26.
Слова: пьяные — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 108, строка 35.
Вместо: в той же позе — *в рукописи:* в той же позитуре — *в изд. 1856 г.:* в том же положении

Стр. 108, строка 40.
Вместо: недвижимо — *в изд. 1856 г.:* недвижно

Стр. 109, строки 1 — 2.
Вместо: возвратившись: — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* возвратясь:

Стр. 109, строка 2.
Вместо: носют, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* носят,

Стр. 109, строка 3.
Вместо: к двери — *в изд. 1856 г.:* в двери

Стр. 109, строка 4.
Со слов: Тогда Володя — в *«Совр.» и изд. 1856 г. не красная строка.*

Стр. 109, строка 4.
Вместо: прятался — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* прижимался

Гл. 23.
Стр. 109, строка 10.
Вместо: 23. — *в рукописи ошибочно:* 24. — *в «Совр.»:* XXI. *в корр. и изд. 1856 г.:* XXIII.

Стр. 109, строка 11.
Перед словом: после — *в рукописи по ошибке не зачеркнуто слово:* утром.

Стр. 109, строка 14.
Слова: кубарем — *нет в рукописи и изд. 1856 г. — Прибавление корр.*

Стр. 109, строка 16.
Вместо: Васин, — *в изд. 1856 г.:* Вланг,

Стр. 109, строка 18.
Вместо: все повысыпали — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* все они повысыпали

Стр. 109, строка 21.
Вместо: кто около порога, — *в изд. 1856 г.:* около порога,

Стр. 109, строка 25.
Слова: по наружно сти.— *поправка в корр. вместо слов рукописи:* прикомандированный из пехоты — *по ошибке сохранены в изд. 1856 г.*

Стр. 109, строка 36.
Вместо: в аршине — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* в аршин

Стр. 110, строка 3.
Вместо: хрест — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* крест

Стр. 110, строка 4.
Вместо: и отдавая — *в «Совр.»:* отдавая

Стр. 110, строка 7.
Вместо: бисприменно — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* беспременно

Стр. 110, строка 7.
Вместо: исделают — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* сделают

Стр. 110, строка 8.
Вместо: в Аршаве (курсив Толстого) — в изд. 1856 г.: в Оршаве *(не курсив.)*

Стр. 110, строка 11.
После слова: головами — *в изд. 1856 г.:* разговаривающих

Стр. 110, строка 12.
Слова: в чистую (курсив Толстого) — в рукописи неподчеркнуты; поправлено в корр.; в изд. 1856 г.: в чистую (курсив Толстого.)

Стр. 110, строка 14.
Вместо: И все — *в изд. 1856 г.:* Все

Стр. 110, строка 18.
Вместо: мортирки — *в «Совр.»:* мортиры

Стр. 110, строка 25.
После слова: потерял — *в изд. 1856 г.:* несколько

Стр. 110, строка 26.
Вместо: совершенном — *в изд. 1856 г.:* чрезвычайном

Стр. 110, строка 27.
Слова: хорошо — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 110, строка 34.
Слова: свое хозяйство. (курсив Толстого) — в изд. 1856 г. не курсив.

Стр. 110, строка 34.
Вместо: по его выражению, — *в рукописи и изд. 1856 г.:* как он выражался,

Стр. 110, строки 34 — 35.
Вместо: как он ни привык — *в изд. 1856 г.:* как ни привык

Стр. 110, строка 35.
Вместо: ко всяким — *в изд. 1856 г.:* ко всем

Стр. 110, строка 37.
Вместо: видна — *в изд. 1856 г.:* видна была

Стр. 110, строка 40.
Вместо: взбегающего — *в изд. 1856 г.:* вбегающего

Гл. 24.

Стр. 111, строка 4.
Глава 24 отсутствует в рукописи; печатаем по изд. 1856 г., сверяя с корр. Вместо: 24.— *в «Совр.»:* XXII. — *в корр. и изд. 1856 г.:* XXIV.

Стр. 111, строка 11.
Вместо: теплым — *в «Совр.»:* темным

Стр. 111, строка 18.
Вместо: освещаемыми — *в «Совр.» и изд. 1856 г. опечатка:* освещаемых

Стр. 111, строка 21.
После слов: играющим на солнце морем, — *в корр. и «Совр.»:* как причудливое скопление облаков на чистом вечернем небе,

Стр. 111, строка 37.
Вместо: нешто — *в изд. 1856 г.:* нечто

Стр. 112, строка 1.
Вместо: Вот опять — *в изд. 1856 г.:* Всё

Стр. 112, строка 1.
Вместо: попала, а она *(по корр.)* — *в «Совр.»:* попало, а она — *в изд. 1856 г.:* попадают и он

Стр. 112, строка 4.
Вместо: лучше — *в «Совр.»:* вместе

Стр. 112, строка 5.
Слов: нас ждут — *нет в «Совр.».*

Стр. 112, строка 7.
Вместо: глядя — *в «Совр.»:* глядевший

Стр. 112, строка 23.
Вместо: развивающееся — *в изд. 1856 г. опечатка:* разевающееся

Стр. 112, строка 25.
После слов: все звуки — *в изд. 1856 г.:* соединились

Стр. 112, строки 30 — 31
Слов: чего-то ужасного. — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 112, строка 34.
После слова: французское — *в «Совр.»:* знамя

Гл. 25.
Стр. 112, строка 36.
Вместо: 25.— *в «Совр.»:* XXIII.— *в корр. и изд. 1856 г.:* XXV.

Стр. 112, строка 37.
Слов: успевший отыграться *кончая:* в обшлаге, — *нет в «Совр.».*

Стр. 112, строка 38.
Вместо: даже золотые, зашитые в обшлаге, — *в рукописи:* даже и золотые в обшлаге, — *в изд. 1856 г.:* даже и зашитые в обшлаге золотые,

Стр. 113, строка 7.
Слова: еще — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 113, строка 8.
Слова: одного — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 113, строка 9.
Слова: испуганным *(в рукописи вычеркнуто карандашом) — нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 113, строка 12.
Вместо: орудийная — *в рукоп.:* орудейная

Стр. 113, строки 19 — 23.
Слов: прижавшуюся к стенке *кончая:* мороз пробежал ему по коже. — *нет в «Совр.».*

Стр. 113, строки 19 — 23.
Слов: и лицо одного *кончая:* мороз пробежал ему по коже. — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 113, строка 23.
Вместо: ему — *в корр.:* у него.

Стр. 113, строки 24 — 25.
Слов: у которого зубы щелкали друг о друга. — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Сокращено цензурой.*

Стр. 113, строка 25.
Вместо: Всё пропало! — *в «Совр.»:* Плохо! *Изменено цензурой.*

Стр. 113, строка 26.
Вместо: сказал сердито Козельцов — *в рукописи, «Совр.» и изд. 1856 г.:* сказал он сердито. *Печатаем:* сказал сердито Козельцов, *потому что в рукописи вычеркнута предыдущая фраза:* подумал Козельцов, *объясняющая местоимение:* он.

Стр. 113, строки 26 — 27.
Слов: и, желая возбудить себя жестом, — *нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 113, строка 27.
Вместо: маленькую железную тупую сабельку — *в «Совр.»:* саблю.

Стр. 113, строка 32.
Вместо: побежало — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* побежали.

Стр. 113, строка 32.
Вместо: Когда они выбежали — *в рукописи:* Он выбежал — *поэтому дальше, вместо:* пули — *в рукописи и изд. 1856 г.:* Пули.

Стр. 113, строка 40 — стр. 114, строка 1.
Вместо: откуда-то сбоку *(в «Совр.»)* — *в рукописи:* откудова-то сбока.

Стр. 114, строка 2.
Слов: убегая от него назад к своим траншеям, — *нет в корр. и «Совр.».*

Стр. 114, строка 4.
Вместо: все смешались в глазах Козельцова, и он почувствовал — *в рукописи:* все смешались, и Козельцов почувствовал — *в «Совр.»:* все смешались. Козельцов почувствовал *(Печатаем по изд. 1856 г.)*

Стр. 114, строки 5 — 8.
Слов: и, сев на банкет, *кончая:* в красных штанах и синих мундирах. — *нет в рукописи и изд. 1856 г. (Берем из корр. и «Совр.».)*.

Стр. 114, строки 5 — 6.
Вместо: в амбразуру, — *в «Совр.»:* в амбразуре,

Стр. 114, строка 18.
Перед словом: бессознательно — *в рукописи:* который

Стр. 114, строка 18.
Вместо: следил — *в рукописи:* следя

Стр. 114, строка 19.
Вместо: перед ним. Вспомнив — *в рукописи:* перед ним, вспоминал — *в изд. 1856 г.:* перед ним и, вспомнив

Стр. 114, строка 20.
Вместо: он с чрезвычайно — *в изд. 1856 г.:* с чрезвычайно

Стр. 114, строки 20 — 21.
Вместо: самодовольства — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* самодовольствия

Стр. 114, строка 22.
Слова: свою — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 114, строка 22.
Слова: так — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 114, строка 24.
Слова: другого — *нет в рукописи и «Совр.».*

Стр. 114, строка 24.
Слова: офицера, — *нет в рукописи «Совр.»*

Стр. 114, строка 25.
Слов: с большой рыжей бородой, — *нет в «Совр.». Исключено цензурой.*

Стр. 114, строка 33.
Вместо: французы везде?—*в «Совр.» и изд. 1856 г.:* французы? твердо

Стр. 114, строка 36.
Слов: говоривший на *о*, — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 114, строка 36.
Вместо: скрывая от раненого, чтобы не огорчить его, *(по корр.)* — *в рукописи и изд. 1856 г.:* чтобы утешить раненого, скрывая от него

Стр. 114, строка 39.
Вместо: — Слава Богу, слава Богу — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* — Слава Богу.

Стр. 114, строка 40 — стр. 115, строка 1.
Слов: и испытывая *кончая:* геройское дело. — *нет в изд. 1856 г.*

Стр. 115, строка 3.
Вместо: такого же счастия», — *в рукописи:* того же, — *в изд. 1856 г.:* такое же счастие,

Гл. 26.

Стр. 115, строка 4.
Вместо: 26. — *в «Совр.»:* XXIV. — *в корр. и изд. 1856 г.:* XXVI.

Стр. 115, строка 14.
Слово: Вангой, (курсив Толстого) — в изд. 1856 г. не курсив.

Стр. 115, строка 20.
Вместо: мортирки. — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* мортиры.

Стр. 115, строка 20.
Вместо: видно было, — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* было видно,

Стр. 115, строка 21.
Вместо: к бастиону — *в рукописи:* к нему — *в изд. 1856 г.:* прямо на него

Стр. 115, строка 21.
Вместо: полю — *в изд. 1856 г.:* месту

Стр. 115, строки 23 — 24.
Вместо: с шпагой — *в «Совр.»:* и с шпагой — *в изд. 1856 г.:* и со шпагой

Стр. 115, строка 24.
Слов: в руке, *(по корр.) — нет в рукописи и изд. 1856 г.*

Стр. 115, строка 27.
Вместо: просвистел — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* просвистал

Стр. 115, строка 28.
Вместо: «Первое! второе!» — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* «Первая! вторая!»

Стр. 115, строка 29.
Вместо: в дыму — *в изд. 1856 г. опечатка:* в длину

Стр. 115, строка 30.
Вместо: об опасности. — *в рукописи:* о опасности.

Стр. 115, строка 30.
Вместо: слышалась — *в изд. 1856 г.:* слышались

Стр. 115, строка 32.
Со слов: Вдруг поразительный — *в «Совр.» не красная строка.*

Стр. 115, строка 35.
Слов: в красной феске, *(по корр.) — нет в рукописи и изд. 1856 г.*

Стр. 115, строки 36 — 37.
Вместо: до батареи,— *в рукописи и изд. 1856 г.:* от батареи,

Стр. 115, строки 37 — 38.
Вместо: и потом снова побежал вперед. — *в рукописи и изд. 1856 г.:* прямо в Володю и потом снова побежал к нему.

Стр. 116, строки 1 — 2.
Вместо: были на бруствере — *в изд. 1856 г.:* на бруствере были

Стр. 116, строки 2 — 3.
Слов: и даже один спустившись заклепывал пушку. (*по корр.*) — *нет в рукописи. В изд. 1856 г.:* даже два француза в десяти шагах от него заклепывали пушку.

Стр. 116, строка 4.
Вместо: подле него, — *в изд. 1856 г.:* рядом с ним,

Стр. 116, строка 4.
Слова: вдруг — *нет в «Созр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 116, строка 4.
Вместо: хандшпуг — *в рукописи:* гандшпуг

Стр. 116, строка 5.
Вместо: и опущенными — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* опущенными

Стр. 116, строка 7.
Слова: «Пропали!» — *нет в «Совр.» и изд. 1856 г.*

Стр. 116, строки 7 — 8.
Вместо: хандшпугом — *в рукописи:* гандшпугом

Стр. 116, строка 8.
Вместо: махавшего — *в рукописи:* махающего

Стр. 116, строка 8.
После слова: Яростная — *в рукописи:* яростная, ужасная.

Стр. 116, строка 10.
Вместо: продолжая — *в изд. 1856 г.:* продолжал.

Стр. 116, строка 13.
Вместо: Вскочивши — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* Вскочив

Стр. 116, строки 14 — 15.
Вместо: его обожаемый прапорщик. *(по корр.) — в рукописи:* Володя.

Стр. 116, строка 16.
Вместо: пространство *(по корр.) — в рукописи и изд. 1856 г.:* место.

Стр. 116, строки 16 — 17.
Вместо: уже занято *(по корр.) — в рукописи и изд. 1856 г.:* наполнено

Гл. 27.
Стр. 116, строка 18.
Вместо: 27.— *в «Совр.»:* XXV.— *в корр. и изд. 1856 г.:* XXVII.

Стр. 116, строка 23.
Вместо: пушками,— *в «Совр.» и изд. 1856 г.* и пушками,

Стр. 116, строка 23.
Вместо: и ранеными, — *в рукописи и изд. 1856 г.:* ранеными,

Стр. 116, строка 26.
Вместо: бастионе — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* бастионах

Стр. 116, строки 30 — 31.
Вместо: с Николаевской батареи. — *в «Совр.»:* в Николаевской батарее.

Стр. 116, строка 32.
Вместо: мыске — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* мыску,

Стр. 116, строка 34.
Вместо: дерзкие *(по корр.) — в рукописи:* далекие, *в изд. 1856 г.:* дерзкие, далекие

Стр. 116, строка 34.
Слова: далеком *(по корр.) — нет в рукописи в изд. 1856 г.*

Стр. 116, строки 35 — 37.
Слова: При свете зарева, *кончая:* в воду. — *вставка на поле в корр., вместо слов рукописи:* и мачты утопающих кораблей, мимо которых проходил пароход.

Стр. 116, строка 37.
Вместо: Говору — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* Говора

Стр. 116, строка 38.
Вместо: на палубе: из-за — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* на палубе; только из-за

Стр. 116, строка 38.
Вместо: разрезаемых — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* разрезанных

Стр. 117, строка 1.
Слов: слышно было, как — *нет в рукописи.*

Стр. 117, строки 1 — 2.
Вместо: и топали ногами на шаланде, *(по корр.) — в рукописи:* на шаланде и топали ногами

Стр. 117, строка 4.
Вместо: жевать, *(по корр.) — в рукописи:* есть,

Стр. 117, строка 6.
Вместо: Вланга-то (курсив Толстого) — в «Совр.»: Вланга (курсив Толстого) — в изд. 1856 г.: не курсив.

Стр. 117, строки 10 — 11.
Слов: и сколько там нашего брата пропало; а ни за что французу досталось! — *нет в «Совр.» Исключено цензурой.*

Стр. 117, строка 12.
Вместо: слава ти, — *в изд. 1856 г.:* слава тє,

Стр. 117, строка 17.
Вместо: император — *в «Совр.» и изд. 1856 г.:* император

Стр. 117, строка 20.
Со слов: Погоди, еще — *в «Совр.» и изд. 1856 г. красная строка.*

Стр. 117, строка 23.
Словами: Известно, будет! — сказал другой с убеждением.— *в рукописи, и «Совр.» кончается рассказ. Дальнейший текст заимствован из изд. 1856 г.*

Подпись Л. Н. Т. корректурного текста на поле корр. рукою Толстого заменена полною: Граф Л. Н. Толстой, *как стоит и в рукописи, с датой:* «27 декабря. Петербург». *Даты в корр. нет. В «Совр.» в подписи инициал отчества* — Н — *отброшен. Дата читается:* «27-го декабря, 1855. С.-Петербург».

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

I.

* ПРОЭКТЪ ЖУРНАЛА.

СОЛДАТСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ЦѢЛЬ ЖУРНАЛА.

1. — Распространеніе между воинами правилъ военныхъ добродѣтелей: преданности Престолу и Отечеству и святаго исполненія воинскихъ обязанностей.—

2. — Распространеніе между офицерами и нижними чинами свѣдѣній о современныхъ военныхъ событіяхъ, невѣдѣніе которыхъ порождаетъ между войсками ложныя и даже вредныя слу[хи], о подвигахъ храбрости и доблестныхъ поступкахъ отрядовъ, и лицъ на всѣхъ театрахъ настоящей войны. —

3. — Распространеніе между военными всѣхъ чиновъ и родовъ службы, познаній о спеціальныхъ предметахъ военнаго искуства. —

4. — Распространеніе критическихъ свѣдѣній о достоинствѣ военныхъ сочиненій, новыхъ изобрѣтеній и проэктовъ. —

5. — Доставленіе занимательнаго, доступнаго и полезнаго чтенія всѣмъ чинамъ Арміи. —

6. — Улучшеніе поэзіи солдата, составляющей его единственную литературу, помѣщеніемъ въ Журналѣ пѣсьни писанныя языкомъ чистымъ и звучнымъ, внушающія солдату правильныя понятія о вещахъ и болѣе другихъ исполненныя чувствами любви къ Монарху и Отечеству.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА.

Журналъ раздѣляется на части: официальную и неофиціальную. —

Въ официальной части помѣщаются

1. — Реляціи съ различныхъ театровъ войны.

2. — Приказы о наградахъ за заслуги, выходящія изъ общаго разряда отличій. —

3. — Сентенціи военнаго суда за противузаконные и постыдные поступки.[1]

4. — И приказы, которымъ угодно будетъ Господину Командующему Войсками дать особую публичность. —

Въ неофиціальной части помѣщаются:

1. — Разсказы изъ военнаго <офицерскаго и солдатскаго быта и письма очевидцевъ> съ различныхъ театровъ войны, заключающія въ себѣ: подвиги отдѣльныхъ отрядовъ и лицъ, жизнеописанія, некрологи, описанія края, жителей, характера и образа дѣйствія непріятеля, и т. п.[2]

2. — Популярныя статьи объ артиллерійскомъ и инженерномъ дѣлѣ и наставленія солдатамъ о правильномъ обращеніи съ лошадьми и оружіемъ и сбереженіи оныхъ.[3]

3. — Критическій обзоръ. Перечень полезныхъ сочиненій и описаній проэктовъ и нововведеній въ военномъ искуствѣ.[4]

4. — Солдатскія пѣсни.[5]

5. — Религіозныя поученія воинамъ.

6. — Казенныя и частныя объявленія, касающіеся потребностей войска.[6]

СРЕДСТВА ЖУРНАЛА.

Подписка и средства издателей:

	Капитановъ: Фриде
	Столыпина
Штабсъ Капитановъ	Комстадіуса
	Баллюзека
Поручиков:	Шубина
	Боборыкина и
Подпоручика:	Графа Толстаго.

Издателями избраны редакторы Графъ Толстой и

Кромѣ издателей и редакторовъ уже обѣщали свое сотрудничество:

Полковники:	Ковалевскій
	Крыжановскій
	Миньковъ и
Капитанъ	Кебеке.

---

[1] *На поле рукой Толстого карандашом приписано*: есть Собр[аніе] въ Управ[леніи].

[2] *На поле рукой Толстого карандашом написано*: Разска[зы], Подв[иги] храб[рости], Стал[ыпинъ] о В[алахіи], м[ожеть] б[ыть], Бабо[рыкинъ]. объ Ял[тѣ?] Тол[стого.]

[3] *На поле рукой Толстого карандашом написано*: Крыж[ановский и Баллю[зекъ?].

[4] *На поле рукой Толстого написано карандашом*: Расхв. Кит.[?] О Рагульк[ахъ]. *Сверху текста карандашом:* перечер.

[5] *На поле рукой Толстого написано карандашом*: Горчако[въ].

[6] *На поле рукой Толстого карандашом написано*: Къ Некр[асову].

Сверхъ сего редакція обратится съ прозьбою, удостоить Журналъ своимъ сотрудничествомъ къ Князю Михайло Димитріевичу Горчакову и будетъ покорно просить принять участіе въ Журналѣ:

Генералъ Адъютанта Коцебу
Генералъ Адъютанта Безака
Генералъ Лейтенанта Соймонова
Генералъ Лейтенанта Липранди
Генералъ Лейтенанта Бриммера
— Ковалевскаго
Генералъ Маіора Бутурлина
— Затлера
— Баумгартена
Полковниковъ: Милютина
— Веймарна
— Лебедева
— Шуббе
— Кулебякина
— Карлгофа
— Левина
Преосвѣщенного Инокентія
и Выс[око]пр[еосвященнаго] Филарета.

Вообще редакція будетъ стараться имѣть сотрудниковъ и постоянныхъ корреспондентовъ во всѣхъ мѣстахъ расположенія русской арміи и даже во флотѣ. —

Журналъ предполагается издавать при Главной Квартирѣ войскъ 3, 4 и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ, еженедѣльно по печатному листу въ форматѣ in 4°.

(Съ увеличеніемъ средствъ издатели надѣятся и будутъ стараться изъ еженедѣльнаго изданія Журнала, довести его до ежедневнаго):

Редакція будетъ имѣть постоянныя конторы въ обѣихъ столицахъ и нѣкоторыхъ Губернскихъ городахъ. —

Редакція будетъ просить Господина Командующаго Войсками о разрѣшеніи дѣйствовать для пріобрѣтенія сотрудниковъ и матеріаловъ для Журнала, до начала изданія его и въ случаѣ утвержденія проэкта Журнала о безплатной разсылкѣ №№ онаго по различнымъ частямъ войскъ.[1]

---

[1] *Вся верхняя часть 1-й страницы исписана преимущественно фамилией* К. Боборыкинъ *и словом* лейтенантъ; *несколько раз написано*: Графъ Толстой.

В самом конце рукописи карандашная приписка Толстого: На Золотой улицѣ — Домъ Хамудиса.

II.

* [ЗАМЕТКА ПО ПОВОДУ ВОЕННОГО ЖУРНАЛА.]

Составить болѣе подробную программу — и форму письма для приглашенія сотрудниковъ. —

Составить 2 списка сотрудниковъ.

1) Сотрудниковъ, статьи которыхъ могутъ поспѣть къ новому году и

2) сотрудниковъ, которые будутъ содѣйствовать на будущее время. —

Разослать программы и письма *ко всѣмъ сотрудникамъ*. —

Написать письма въ Петербургъ къ лицамъ, могущимъ имѣть вліяніе на успѣхъ проэкта Журнала, и просить о томъ лицъ, принимающихъ участіе въ немъ. —

Въ случаѣ измѣненія нѣкоторыхъ статей пробнаго листка, обратиться за совѣтами къ Ковалевскому и статью Толстова измѣнить [на] Ростовцева.

Притомъ стараться, чтобы 2-й пр[об]ный листокъ былъ напечатанъ.—

Денежныя средства находятся у Фриде. Въ случаѣ же неостаточности общими силами.—

Сотрудн[ики] 1-го разряда.
Кантакузинъ
Ковалевскій
Коржановскій
Командир[у] 3-го Сап[ернаго] бат. Ник. Конст. Зацѣпину
Рединге ру.
Ушакову.

И всѣмъ тѣмъ, кому того требуетъ учтивость.

Сотрудники 2-го разряда.—

Полковые и батарейные командиры Южной Арміи.

Командиру 4-й Бат. батареи 20-й артиллерійской Бригады Полковнику Алексѣеву. Въ г. Кизляръ.—

III.

* [ЗАПИСКА ОБ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ СТОРОНАХ РУССКОГО СОЛДАТА И ОФИЦЕРА.]

1.

* [ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НАБРОСОК НАЧАЛА «ЗАПИСКИ».]

Русское войско огромно и было славно, было непобѣдимо; поэтому то оно самонадѣянно и неединодушно; и несмотря на громадность этого войска Россія въ опасности. — [1]

Многіе понимаютъ это положеніе отечества, сочувствуютъ ему и готовы для него жертвовать имуществомъ, трудами и жизнью. Многіе, увлеченные страстями и привычкой злоупотребленія законовъ, препятствуютъ примѣромъ и даже властью — людямъ преданнымъ отечеству — оказывать ему ту пользу, которую бы они могли. Большинство равнодушно.

Слова: самопожертвованіе, безкорыстіе, трудолюбіе потеряли смыслъ и значеніе. Правила чести стариннаго воинства стали барьерами слишкомъ высокими, которые мы привыкли проходить, нагибаясь подъ ними.

Нужны новая преграда и новый толчокъ, которые бы дали дѣятель[ности] людей преданныхъ, умѣрили злоупотребленіе людей увлеченныхъ и дали бы напр[авленіе] и равнодуш[нымъ].

2.

* [ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ ЗАПИСКИ ОБ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ СТОРОНАХ РУССКОГО СОЛДАТА И ОФИЦЕРА.]

По долгу присяги, а еще болѣе по чувству человѣка, не могу молчать о злѣ, которое открыто совершается передо мной и

---

[1] *Первоначальный текст первой фразы был таков:* Россія могущественна, но она обширна, поэтому; *затем вместо этой фразы, занимающей первую строку, над ней было надписано* Русское войско... и пр. *до сл* непобѣдимо; *часть первоначального текста была зачеркнута, часть, именно слова:* Россія но она *остались незачеркнутыми; думаем, что это произошло случайно и все эти слова должны быть зачеркнутыми, и что единственно возможное чтение то, которое здесь приведено.*

очевидно влечетъ за собой погибель миліоновъ людей — погибель силы, достоинства и чести отечества.—

Стоя по своему рожденію и образованію выше среды, въ которую поставила меня служебная дѣятельность, я имѣлъ случай изучить зло это до малѣйшихъ грязныхъ и ужасныхъ подробностей. — Оно не скрывалось отъ меня, бывъ увѣрено найти во мнѣ сочу[в]ствіе, — и я способствовалъ ему своимъ бездѣйствіемъ и молчаніемъ. Но нынѣ, когда зло это дошло до послѣднихъ предѣловъ, послѣдствія его выразились страданіями десятковъ тысячъ несчастн[ыхъ] и оно грозитъ погибелью отечества, я рѣшился, сколько могу, дѣйствовать противъ него перомъ, словомъ и силою.

Зло это есть развратъ, пороки и упадокъ духа Русскаго войска. Въ Россіи, столь могущественной своей матерьяльной силой и силой своего духа, нѣтъ войска; есть толпы угнетенныхъ рабовъ, повинующихся ворамъ, угнетающимъ наемникамъ и грабит[елямъ] и въ этой толпѣ нѣтъ ни преданности къ Царю, ни любви къ Отечеству — слова, которыя такъ часто злоупотребляютъ, ни рыцарской чести и отваги, есть съ одной стороны духъ терпѣнія и подавленнаго ропота, съ другой духъ угнѣтенія и лихоимства. —

И скорбны и непостижимы явленія нынѣшней войны! Россія, столь могущественная силой матерьяльной, еще сильнѣйшая своимъ духомъ — любовью къ Царю и Отечеству, Россія, столько лѣтъ крѣпчавшая подъ мудрою, мирною державою,[1] не только не можетъ изгонять дерзкой толпы враговъ, ступившей на ея землю, но при всѣхъ столкновеніяхъ съ[2] ними — скажу правду — покрываетъ срамомъ свое великое имя. — Нравственное растлѣніе войска: вотъ причина сихъ печальныхъ явленій. —

Изъ какихъ началъ состоитъ наше войско? — солдаты, офицеры, генералы, Главнокомандующіе.

Солдатъ — бранное поносное слово — въ устахъ нашего народа, солдатъ существо, движимое одними тѣлѣсными страданіями, солдатъ существо грубое, грубѣющее еще болѣе въ сферѣ лишеній, трудовъ и отсутствія основаній образованія, знанія образа правленія, причинъ войны и всѣхъ чувствъ человѣка. Солдатъ имѣетъ по закону только строго необходимое, а въ дѣйствительности менѣе того, чтобы не умереть человѣку сильнаго сложенія — отъ голода и холода слабые умираютъ. Наказаніе солдата за малѣйшій проступокъ есть мучит[ел]ьная смерть, высшая награда — отличіе, дающее ему право, присущее человѣку, — быть не битымъ по произволу каждаго. Вотъ кто защитники нашего отечества.

У насъ есть солдаты 3-хъ родовъ — я говорю про армейскихъ, которыхъ знаю. Есть *угнетенные*, *угнетающіе* и *отчаянные*.

---

[1] *Зачеркнуто, можетъ быть, по ошибке:* Отца вашего
[2] *Ошибочно зачеркнуто:* съ

Угнетенные — люди сроднившіеся съ мыслью, что они рождены для страданія, что одно качество возможное и полезное для него есть терпѣніе, что въ общественномъ быту нѣтъ существа ниже и несчастнѣе его. Угнетенный солдатъ морщится и ожидаетъ удара, когда при немъ кто-нибудь поднимаетъ руку; онъ боится каждаго своего слова и поступка: — каждый солдатъ — годомъ старше его, имѣетъ право и истязаетъ его, и онъ, угнетенный солдатъ, убѣжденъ, что все дурно, что только знаютъ другіе, хорошо же то, что можно дѣлать скрытно и безнаказанно. Офицеръ велѣлъ дать 100 розогъ солдату за то, что онъ курилъ изъ длинной трубки, другой наказалъ его за то, что онъ хотѣлъ жениться; его бьютъ за то, что онъ смѣлъ замѣтить, какъ офицеръ крадетъ у него, за то, что на немъ вши — и за то, что онъ чешется, и за то, что онъ не чешется, и за то, что у него есть лишніе штаны; его бьютъ и гнетутъ всегда и за все, потому что онъ, — угнѣтенный и потому что власть имѣютъ надъ нимъ бывшіе угнѣтенные — самые жестокіе угнѣтающіе. Угнѣтенный не получаетъ $^1/_3$ того, что ему даетъ правительство, знаетъ это и молчитъ, включая всѣхъ начальниковъ въ одно безъисключительное чувство подавленнаго презрѣнія и не-любви — «господъ много, всѣмъ надо жить», вотъ его мнѣніе. Зародышъ чувства мщенія есть въ душѣ каждаго, но оно слишкомъ глубоко подавлено угнѣтеніемъ и мыслью о невозможности осуществить его, чтобы обнаруживаться. Но, Боже! какіе ужасы готовитъ оно отечеству, когда какимъ-нибудь случаемъ уничтожится эта невозможность. Теперь же чувство это являетъ себя въ тѣ минуты, когда мысль о близкой смерти уравниваетъ состоянія и уничтожаетъ боязнь. Въ бою, когда сильнѣе всего должно бы было дѣйствовать вліяніе начальника, солдатъ столько же, иногда болѣе, ненавидитъ его, чѣмъ врага; ибо видитъ возможность вредить ему. Посмотрите, сколько Русскихъ офицеровъ убитыхъ русскими пулями, сколько легко раненныхъ, нарочно отданныхъ въ руки непріятелю, посмотрите, какъ смотрютъ и какъ говорятъ солдаты съ офицерами передъ каждымъ сраженіемъ: въ каждомъ движеніи, каждомъ словѣ его видна мысль: «не боюсь тебя и ненавижу». Угнетенный солдатъ не боится ни физическихъ, ни моральныхъ страданій и оскорбленій: первыя дошли до такой степени, что хуже ничего не можетъ быть, — смерть же для него есть благо, — послѣднія, не существуютъ для него. Единственное наслажденіе его есть забвеніе — вино, и три раза въ годъ, получая жалованье 70 к. — эту горькую насмѣшку надъ его нищетой, — онъ приходитъ въ это состояніе, несмотря ни на какія угрозы, — *проздравляетъ*, т. е. пропиваетъ жалованье. Солдатъ нашъ особенно храбръ, когда ведутъ его, — самъ идти онъ не можетъ, потому что не мыслитъ и не чувствуетъ, — храбръ потому, что мысль — авось *все* кончится, не оставляетъ его. —

Угнѣтающіе солдаты — люди перенесшіе испытанія и не

упавшіе, но ожесточившіеся духомъ. Ихъ чувство справедливости — заставлять страдать каждаго столько же, сколько они страдали. Угнѣтающій солдатъ сжился съ мыслью, что онъ солдатъ, и даже гордится симъ званіемъ. Онъ старается и надѣется улучшить свое положеніе—угнетеніемъ и кражей. Онъ открыто презираетъ угнетеннаго солдата и рѣшается выказывать иногда чувство ненависти и ропотъ начальнику. Въ немъ есть чувство сознанія своего достоинства, но нѣтъ чувства чести; онъ не убьетъ въ сраженіи своего начальника, но осрамитъ его. Онъ не украдетъ тулупа у товарища, но украдетъ порцію водки. Онъ также, какъ угнетенный, невѣжественъ, но твердо убѣжденъ въ своихъ понятіяхъ. Его оскорбитъ не тѣлесное наказаніе, а оскорбитъ сравненіе съ простымъ солдатомъ.

Отчаянные солдаты — люди, убѣжденные несчастьемъ, что для нихъ нѣтъ ничего незаконнаго, и ничего не можетъ быть худшаго. О будущей жизни они не могутъ думать, потому что не думаютъ. Для отчаяннаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго, ничего святаго; онъ украдетъ у товарища, ограбитъ церковь, убѣжитъ съ поля, перебѣжитъ къ врагу, убьетъ начальника и никогда не раскаится.—

Угнетѣнный страдаетъ, терпитъ и ждетъ конца. Угнѣтающій улучшаетъ свой бытъ въ солдатской сферѣ, въ которой онъ освоился. Отчаянный презираетъ все и наслаждается.—

Скажу еще сравнительно: ни въ одномъ европейскомъ войскѣ нѣтъ солдату содержанія скуднѣе русскаго, нѣтъ злоупотребленій лихоимства, лишающихъ солдата $^1/_2$ того, что ему положены; ни въ одномъ войскѣ нѣтъ тѣлѣснаго наказанія,—а главное, тѣхъ злоупотребленій тѣлеснаго наказанія, превышающихъ не только въ 10 кратъ мѣру наказанія положеннаго правительствомъ, но даже возможную; ни въ одномъ государствѣ нѣтъ такого невѣжественнаго войска, какъ въ Русскомъ.

Офицеры, за малыми исключеніями, или *наемники*, служащіе изъ однѣхъ денегъ, средствъ къ существованію, безъ всякаго чувства патріотизма и мысли о долгѣ — Поляки, Иностранцы и многіе русскіе, *грабители*, — служащіе съ одной цѣлью украсть у правительства состояніе и выдти въ отставку, и *безнравственные невѣжды*, служащіе потому, что надобно что нибудь [делать], мундиръ носить хорошо, а больше по направленію образованія они ни на что не чувствуютъ себя способными.

Генералы—наемники, честолюбцы и Генералы, потому что надо быть когда-нибудь генераломъ.—

Главнокомандующіе — придворные. Главнокомандующіе не потому, что они способны, а потому что они Царю пріятны.

Вотъ положеніе, до котораго съ увеличеніемъ его дошло н[аше] в[ойско] и изъ котораго можетъ вывести его только толчокъ, данный свыше.

Главные пороки нашего войска:

1) Скудность содержанія.—

2) Необразованность.
3) Преграды къ повышенію людямъ способнымъ.
4) Духъ угнетѣнія.
5) [1] Старшинство.
6) [2] Лихоимство —

Разберу вредъ, который приноситъ каждый изъ этихъ недостатк[овъ], и средства противъ нихъ. —

Армейскій солдатъ имѣетъ отъ правительства только строго необходимое для того, чтобы не умереть отъ холода и голода. По неправильному же организованію нашего войска, дающему,[3] возможность всѣм тѣмъ лицамъ (а ихъ ужасно много), черезъ руки кот[орыхъ] проходитъ его содержаніе, отклонять оно[е] въ свою пользу, солдатъ получаетъ на дѣлѣ меньше необходимаго и часто умираетъ отъ лишеній. — Я буду говорить про военное время. Солдатъ получаетъ у насъ отъ правительства (de jure)[4] пищу хорошую и достаточную, одежду плохую, жалованье ничтожное. На дѣлѣ же онъ получаетъ плохую пищу,—пища нечиста и неразнообразна (капуста), — одежду плохую и недостаточную, — сукно плоха[го] дост[оинства], шубы нѣтъ, — и никакого жалованья, — жалованья мало на табакъ, к[ому] есть потребность. Какимъ образомъ это происходитъ, было бы слишкомъ длинно разсказывать. Причина же общая есть злоупотребленное довѣріе правительства къ начальникамъ частей въ отношеніи продовольствія. Солдатъ, не получая необходимаго, или чахнетъ и уничтожает[ся] отъ лишеній, или считаетъ себя принужденнымъ и правымъ дѣлать беззаконія. Солдатъ крадетъ, грабитъ, обманываетъ безъ малѣйшаго укора совѣсти; духъ молодечества Русскаго солдата состоитъ въ порокѣ. Солдатъ презираетъ, не вѣритъ и не любитъ начальника вообще, видитъ въ немъ своего угнетателя, и трудно разъубѣдить его. Солдатъ презираетъ и не любитъ свое званіе. Солдатъ ниже духомъ, чѣмъ бы онъ могъ быть. Человѣкъ, у к[отораго] ноги мокр[ы] и вши ходятъ по тѣлу, не сдѣлаетъ блестящаго подвига. Дайте лучшую пищу, лучшей доброты одежду, лучшую и болѣе достаточную обувь, шубы, табакъ и жалованье въ 5 разъ больше, главное устраните частных нач[альниковъ] пользоваться доход[ами] съ продовольствія,—солдатъ будетъ счастливѣе, нравственнѣе и храбрѣе. Содержаніе же офицера нашего было бы недостаточно для офицеровъ такихъ, какіе должны быть, но для такихъ, какіе есть, оно слишкомъ велико. Ежели въ половину убавить жалованье офицера и въ половину прибавить онымъ жалова[ніе] солдата, войско наше было бы вдвое лучше.

Необразованность. Изъ солдатъ нашихъ едва ли 1/100 знаетъ грамотѣ, но, что важнѣе еще, [едва ли] знаетъ религію,

---

[1] *В подлиннике вместо* 5) *ошибочно стоит* 4)
[2] *В подлиннике вместо* 6) *ошибочно стоит* 5)
[3] *В подлиннике:* дающего.
[4] [*по праву*].

правительство, организац[ію] войска, въ к[оторыхъ] они родились и воспитаны. Солдатъ стоитъ на такой низкой степени образованія, что ничто кромѣ физ[ической] боли не ощутительно для него и, не зная ни событій исторіи, ни образа правленія, ни причинъ войны, онъ дерется только подъ вліяніемъ духа толпы, но не патріотизма. Не понимая религіи, онъ становится безнравственнѣе.— Офицеры наши большей частью изъ юнкеровъ не были никогда болѣе образованы солдатъ, другая же меньшая часть изъ корпусовъ, не только не имѣя средствъ продолж[ать] начат[ое] образов[аніе], но, попадая въ сферу грубую и порочну[ю], теряютъ малое, что пріобрѣли. Военное же образованіе, пріобретающееся въ В[оенной] А[кадеміи], встрѣчается слишкомъ рѣдко.— Заведите во всѣхъ полкахъ школы, дайте солдатамъ журналы, хорошихъ духовниковъ, офицерамъ ротныя и батарейныя библіотеки, учредите экзамены на каждый чинъ. Учредите отдѣленія воен[ной] акад[еміи] при каждомъ корпусѣ, въ кот[оромъ] бы на чины команд[ировъ] частей должны бы были держать экзамены, и у васъ будетъ войско, а не рабскія угнетенныя толпы. —

Старшинство. Люди, имѣвшія одно достоинство терпѣливо идти въ службѣ или происками снискавшіе довѣріе нач[альства], заступаютъ мѣста людямъ даровит[ымъ] и образов[аннымъ]. Пускай бы это было зло необходим[ое] въ низшихъ чинахъ, но званіе команд[ировъ] пусть пріобрѣтает[ся] даровит[остью] и экзаменомъ.—

Духъ угнетенія до того распространенъ въ нашемъ войскѣ, что жестокость есть качество, кот[орымъ] хва[с]таютъ самые молоденькіе офицеры. Засѣкаютъ солдатъ, бьютъ всякую минуту, и солдатъ не уважаетъ себя, ненавидитъ нач[альниковъ], а офиц[еръ] не уважаетъ солдата и наслаждается въ присущемъ кажд[ому] человѣк[у] чувствѣ угнетенія. Мнѣ скажутъ: солдатъ былъ лучше, когда ихъ больше били, да! Но мы двинулись впередъ и воротиться не можемъ къ старому и не можемъ оставаться въ переходномъ состояніи, мы должны быстро шагнуть впередъ, уничтоживъ[1] тѣлѣсное наказаніе.

Лихоимство. Солдатъ не получилъ $^1/_{10}$ того, что ему слѣдуетъ, знаетъ это и ненавидитъ офицера. Большинство офицеровъ имѣетъ одну цѣль — украсть состояніе на службѣ и, достигая его, бросаетъ службу. Содержать армію подрядомъ — вотъ одно средство.

3.

* [ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ ЗАПИСКИ ОБ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ СТОРОНАХ РУССКОГО СОЛДАТА И ОФИЦЕРА.]

По долгу совѣсти и чувству справедливости не могу молчать о злѣ, открыто совершающемся передо мною и влекущемъ

---

[1] *В подлинникѣ* впередъ. Уничтоживъ.

за собою погибель милліоновъ людей, погибель силы и чести отечества. Считаю себя обязаннымъ по чувству человѣка противодѣйствовать злу этому[1] по мѣрѣ власти и способностей своихъ. Зная истинную любовь вашу къ отечеству, я рѣшился обнажить зло это передъ вами во всей гнусной правдѣ его и въ надеждѣ на разумное содѣйствіе ваше указать на тѣ средства, которыя одни[2] возможны[3], ежели не для уничтоженія, то для ослабленія его.

И скорбны и непостижимы явленія нынѣшней войны! Россія, столь могущественная силой матерьяльною, еще сильнѣйшая своимъ духомъ, преданностью Престолу, вѣрѣ и Отечеству Россія, столько лѣтъ крѣпчавшая и ставшая на столь грозную степень могущества, подъ мудрою и мирною державою Николая, нетолько не можетъ силою оружія утвердить свои справедливыя требованія передъ другими державами, не можетъ изгнать дерзкой[4] толпы враговъ, вступившихъ въ ея предѣлы. Но Русское войско — скажу правду — при всѣхъ столкновеніяхъ съ врагомъ покрываетъ срамомъ великое, славное имя своего отечества.

Причины непонятныхъ явленій этихъ — пороки, нравственное растлѣніе духа нашего войска. Нравст[венное] растл[ѣніе] это есть зло не случайное или временное, уничтожающееся постепеннымъ развитіемъ; напротивъ, это зло, вкравшееся съ развитіемъ, неразлучное съ нимъ и увеличивающееся по мѣрѣ увеличенія силы и числа войска.

Не принимая того, что желалъ бы видѣть за то, что есть, но съ чувствомъ истиннаго патріотизма, желающаго[5] *быть* лучше но не желающаго *казаться* хорошимъ, постараюсь безпристрастно написать настоящую[6] жалкую моральную картину нашего войска.

У насъ нѣтъ войска[7], а толпы угнетенныхъ дисциплинированныхъ рабовъ, повинующихся грабителямъ и наемникамъ. Толпы эти не войско, потому что въ[8] наш[емъ] войскѣ нѣтъ ни преданности къ вѣрѣ, къ Царю и отечеству, слова, которыми такъ часто злоупотребляютъ, ни рыцарской отваги, ни военной чести, а есть съ одной стороны — духъ терпѣнія и подавленнаго ропота, съ другой духъ жестокости, угнетенія и лихоимства.

Русскій солдатъ есть существо, закономъ ограниченное въ удовлетвореніи жизненныхъ потребностей до границъ возможности, въ дѣйствительности же получающее менѣе того, что нужно человѣку сильнаго сложенія, [чтобы] не умереть отъ холода и голода. Единственное наказаніе его есть физическое

---

[1] *Слова:* злу этому *в подлиннике зачеркнуты, но повидимому ошибочно.*
[2] *Зачеркнуто:* кажутся мнѣ
[3] *В подлиннике* возможными
[4] *В подлиннике ошибочно не зачеркнуто* и
[5] *В подлиннике:* желающим *ранее ошибочно не зачеркнуто:* но
[6] *В подлиннике:* настующую
[7] *В подлиннике:* войско
[8] *В подлиннике:* Въ

страданіе, ограниченное закономъ, но въ дѣйствительности доходящее иногда до мучительной смерти и зависящее отъ произво[ла] частнаго лица, всегда склоннаго къ угнетенію и жестокости; высшая награда солдата — отличіе, дающее ему право, присущее человѣку, не быть битымъ по произволу каждаго. Солдатъ существо лишенное возможности не только образовывать себя, но даже удержаться на то[й] степени развитія, на которой онъ былъ въ прежней сферѣ. Единственное возможное и допущенное наслажденіе его есть скотское опьяненіе. Солдатъ есть бранное поносное слово въ устахъ русскаго народа. —

У насъ есть 3 рода солдатъ: *угнетенные*, *угнетающіе* и *отчаянные*.—

Угнетенный солдатъ убѣжденъ и сроднился съ мыслью, что въ общественномъ быту нѣтъ существа ниже и несчастнѣе его, что единственная обязанность его есть страданія и терпѣніе. Онъ знаетъ, что его бьютъ не за то, что онъ виноватъ, а для поддержанія духа угнетенія, знаетъ, что не получаетъ $^1/_4$ доли того, что даетъ ему правительство, и, включая безисключительно всѣхъ начальниковъ въ одно чувство подавленной нелюбви и презрѣнія, молчитъ и терпитъ. Онъ храбръ не потому, чтобы его одушевляло какое нибудь чувство, но потому, что жизнь его такъ полна страданіями, что онъ не боится смерти. Мысль, что *все* кончится, поддерживаетъ его. *Угнетающій солдатъ*, перенося испытанія солдатской жизни, не упалъ, но ожесточился духомъ. Чувство справедливости его состоитъ въ томъ, чтобы заставить переносить другаго тоже, что перенесъ и онъ самъ. Онъ уважаетъ вообще званіе солдата, но презираетъ угнетеннаго, и наконецъ *Отчаянный солдатъ* есть существо несчастіемъ убѣжденное въ справедливости всего беззаконнаго, невѣрующее, порочное и развратное. — *Угнетенный* — страдаетъ и ждетъ конца. *Угнетающій* улучшаетъ свой бытъ въ солдатской сферѣ. *Отчаянный* презираетъ все и наслаждается въ порокѣ.—

Русскій офицеръ по большинству есть человѣкъ неспособный ни на какой родъ дѣятельности кромѣ военной службы.— Главныя цѣли его на службѣ суть пріобрѣтеніе денегъ. Средства къ достиженію ея — лихоимство и угнетеніе. Русскій офицеръ необразованъ, или потому что не получалъ образованія, или потому что утратилъ его въ сферѣ, гдѣ оно безполезно и даже невозможно, или потому что презираетъ его, какъ безполезное для успѣха на службѣ. Онъ беззаботенъ къ пользѣ службы, потому что усердіе ничего не можетъ принести ему. Для успѣха нужно только соблюденіе извѣстныхъ правилъ и терпѣніе. Онъ презираетъ званіе офицера, потому что оно подвергаетъ его вліянію людей грубыхъ и безнравственныхъ, занятіямъ безполезнымъ и унизительнымъ. Дворянинъ презираетъ службу во фронтѣ въ арміи. — Въ военномъ обществѣ духъ любви къ отечеству, рыцарской отваги, военной чести,

возбуждаетъ насмѣшку; уважается угнетеніе, развратъ и лихоимство. —

У насъ есть офицеры 3-хъ родовъ. *Офицеры по необходимости* изъ корпусовъ или изъ юнкеровъ, люди попавшіе разъ въ сферу военной службы и не чувствующіе себя способными къ другому средству поддерживать существованіе. — Эти люди ко всему равнодушные, ограниченные самымъ тѣснымъ кругомъ дѣятельности, усвоившіе себѣ, не обсудивъ, общій характеръ угнетенія и праздности и лихоимства, и безъ мысли и желанія объ общей пользѣ, безсознательно коснѣющіе въ грубости, невѣ[же]ствѣ и порокахъ. — *Офицеры беззаботные*, люди служащіе только для мундира или мелочного тщеславія и презирающіе сущность военной службы (службу во фронтѣ), люди по большей части праздные, богатые, развратны[е] и не имѣющіе въ себѣ военнаго ничего кромѣ мундира, — и самый большой отдѣлъ *Офицеры аферисты*, служащіе для одной цѣли — украсть какимъ бы то ни было путемъ состояніе въ военной службѣ. — Это люди безъ мысли о долгѣ и чести, безъ малѣйшаго желанія блага общаго, люди составляющіе между собой огромную корпорацію грабителей, помогающихъ другъ другу, однихъ начавшихъ уже поприще воровства, другихъ готовящихся къ нему, третьихъ прошедшихъ его — люди составившіе себѣ въ сферѣ грабежа извѣстныя правила и подраздѣленія. — Люди, считающіе честность глупостью, понятіе долга сумашествіемъ, заражающіе молодое и свѣжее поколѣніе этой правильной и откровенной системой корысти и лихоимства. Люди возмущающіе[1] противъ себя и вселяющіе ненависть въ низшемъ слоѣ войска. Люди, смотрящіе на солдата какъ на предлогъ, который при угнетеніи даетъ [2] возможность наживать состояніе.

Русскій Генералъ по большинству существо отжившее, усталое, выдохнувшееся, прошедшее въ терпѣніи и безсознаніи всѣ необходимыя степени униженія, праздности и лихоимства для достиженія сего званія — люди безъ ума, образованія и энергіи. Есть, правда, кромѣ большинства *Генер[ал]овъ терпъливыхъ* еще новое поколѣніе *Генераловъ сщастливыхъ* — людей или какой нибудь случайностью, или образованіемъ, или истиннымъ дарованіемъ, проложившихъ себѣ дорогу мимо убивающей среды настоящей военной службы и успѣвшихъ вынести свѣтлый умъ, теплыя чувства любви къ роди[нѣ], энергію, образованіе и понятіе чести; но число ихъ слишкомъ незначительно въ сравненіи съ числомъ терпѣливыхъ генераловъ, отстраняющи[хъ] ихъ отъ высшихъ долж[ностей], появленіе слишкомъ подлежитъ случайности, чтобы можно было надѣяться на будущее вліяніе ихъ.

---

[1]) *В подлиннике:* возмыщающіе
[2]) *В подлиннике:* дают

Главныя нравственныя язвы, съ увеличеніемъ войска вкравшіяся въ ряды его, постепенно увеличивающіяся, и доведшія его до сего жалкаго моральнаго состоянія, суть: скудность содержанія войска, пренебреженіе къ образованію, угнетеніе[1], производство по одному старшинств[у] и, наконецъ, главное — лихоимство. —

Ни въ одномъ Эвропейскомъ государствѣ солдатъ и офицеръ не стоитъ на столь низкой степени матерьяльнаго благосостоянія и моральнаго развитія — условій одинаково необходимыхъ для возвышенія духа войска. Ни въ одномъ Е[вропейскомъ] государствѣ не существуетъ унижающ[аго] человѣческое достоинство[2] и переходящаго въ безчеловѣчное истязаніе тѣлѣснаго наказанія. Ни въ одномъ государствѣ, исключая н[аше] о[течество], нѣтъ возможности пріобрѣтенія высшихъ степеней военныхъ однимъ терпѣніемъ. Ни въ одномъ Е[вропейскомъ] г[осударствѣ] военное искуство такъ не отстало, ка[къ] въ нашемъ. Ни въ одномъ е[вропейскомъ] госуд[арствѣ] нѣтъ по самой организаціи армій тѣхъ злоупотребленій лихоимства, которыя существуютъ въ нашемъ не какъ исключеніе, а какъ правило. Ни въ одномъ Е[вропейскомъ] г[осударствѣ] нѣтъ худшаго духа (меньшей связи между солдатомъ и начальникомъ), какъ въ нашемъ отечествѣ.

Постараюсь разобрать подробно вредъ, который приносятъ пороки нашего войска, и средства противодѣйствія имъ.—

Я знаю всю трудность достиженія этой многосторонней цѣли, знаю, что оно возможно вполнѣ только съ помощью времени и неусыпнаго совокупнаго труда людей единомыслящихъ. Я изложу свои мысли на столько, сколько успѣлъ развить ихъ, надѣясь, что другіе разовьютъ ихъ больше въ болѣе правильномъ трудѣ, дополнятъ то, что упустилъ[3], исправятъ[4] то, въ чемъ я ошибся.—

Скудость содержанія войска.

---

[1] *В подлиннике:* угнетенія. *Ранее было:* Дух угнетенія *почему и остался родительный падеж.*

[2] *В подлиннике:* человѣческаго достоинства

[3] *В подлиннике:* упустить

[4] *В подлиннике:* исправить

IV.

* [ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА КН. М. Д. ГОРЧАКОВУ?]

В[аше] С[іятельство].

Дело, о кот[оромъ] я хочу говорить вамъ, слишкомъ велико и важно, чтобы, говоря о немъ, я боялся говорить истину. С[евастополь] идетъ быстрыми шагами къ своему паденію, гарнизонъ къ своей гибели, Россія къ своему сраму. Паденіе Севаст[ополя] важно, какъ погибель всего того благаго, что кровью пріобрѣла Россія, какъ молчаливое вѣчное признаніе не превосходства, а владычества Англо-Французовъ, важно, какъ отреченіе отъ вѣковой славы Р[оссіи] и уничтоженіе навѣки чести и надеждъ Р[усскихъ]. — И мы быстрыми шагами идемъ къ нему. — Я говорю не про число войскъ, пороху, [не] про факты войны и осады, — я говорю про духъ войска. Духъ войска въ настоящую минуту есть грустное сомнѣніе въ возм[ожности] отсто[ять] С[евастополь], преданность волѣ Пров[идѣнія], но не энтузіазмъ героевъ, к[оторый] одинъ можетъ спасти насъ. — Зародышъ геро[ическаго] чувства готовности къ смерти за дѣло христіанства и чести отечества — лежитъ во всѣхъ насъ. Дайте ему ходъ и проявленіе, и духъ этотъ выразится поступками достойными человѣка и Русскаго. —

Пусть каждому изъ насъ отъ высшаго до нисшаго прочтутъ воззваніе, к[оторое] вылилось изъ среды гарнизона и уже глубоко сознали многіе изъ насъ.

[П]усть каждый изъ насъ въ Церкви передъ лицомъ [Бог]а приметъ клятвенное обѣщаніе, к[оторое] въ видѣ а долга таится въ душѣ каждаго, пусть каж[дый из]ъ насъ во имя Св. Георгія надѣнетъ на себя отреченія отъ жизни и полнаго посвященія себя [о]бщаго. — И Гарнизонъ Севастополя будетъ [не молча]ливой жертвой неминуемаго паденія, а великой несокрушимой общиной героевъ, и Севас[тополь буде]тъ не орудіемъ нашего срама, а орудіе[мъ] [з]ащитниковъ его и славы нашего вел[икаго] отече[ства] и мы сокр[ушимъ] авимъ свое

V.

* ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА ШТАБСЪ КАПИТАНА А.. ПѢХОТНАГО Л. Л. ПОЛКА.

Еще мѣсяца $1^1/_2$ тому назадъ говорилъ мнѣ Федоръ Карлычь, что Великій Князь пріѣдетъ сюда на мѣсто Горчакова и что Государь въ Николаевѣ, потомъ говорили, что вздоръ, потомъ опять увѣряли, что ужъ его лошади въ Симферополѣ, и опять оказывалось, что вздоръ. Такъ что я новости эти невольно отнесъ къ разряду нашихъ армейскихъ госпитальныхъ новостей — въ родѣ тѣхъ, что Наполеонъ убитъ, что Викторія приняла личное начальство надъ войскомъ, чт[о] В[еликій] К[нязь) К[онстантинъ] идетъ съ американскимъ флотомъ намъ на выручку, и пересталъ думать. — Но вчера квартермейстеръ, пріѣхавъ изъ Симферополя, разсказывалъ навѣрно, что Государь будетъ. — Онъ говорилъ, чт[о] въ Симферополѣ ...

VI.

* [СОЛДАТСКИЕ РАЗГОВОРЫ.][1]

Разговоръ духовно-поэтическій — о мертвецахъ — о 24-мъ — о политикѣ — этнографія и географія — шуточный съ Васинымъ. —

Волковъ молодой розовый солдатикъ съ височками А[лександръ] I. — Я нынче сонъ видалъ, будто меня мать кашей кормила.

Кузьминъ бакенб[ардистъ], I-ый №. И что ни приснится! другой разъ летаешь.

В[олковъ]. И такъ будто хорошо, выше хатъ, меня разъ за ногу поймалъ солда[тъ] М[ельниковъ], а то офицеръ что-то хотѣлъ надо мной исдѣлать, я взялъ и улетѣлъ отъ него.—

Абросимовъ. И что это такое значитъ, братцы мои, что летаешь?

3-ій. Душа летаетъ.—

4. Да, это точно.

Молчанье.

Молод[ой] и красивый солдатъ съ немного жидовской [2] физіономіей. Куда же она летаитъ? —

3-ій. Извѣстно въ кабакъ. Куда больше. —

Стар[ый] солд[атъ]. А это, что точно все наши телѣса, а душа совсѣмъ особо; коли какія глупости, все присни[тся], вѣд[ь], теперь, что см[е]рти каждый часъ ждемъ, и ежели бы какая дѣвка пришл[а] сюда. —

В[олков?]. Я бъ ее въ балаганъ затащилъ.

Ст[арый солдат]. Нѣтъ. Я бы теперь ни за что бы не сталъ.

М[олодой солдатъ]. Ну все бы побаловался. —

В[олков?]. А что, братцы, вѣдь, мы здѣсь всѣ скоро отслужимъ мѣсяцъ за годъ. Да вотъ Мел[ьн]икову [?] всег[о] 2 мѣсяца простоять и отпускъ, какъ замиренье будетъ.

---

[1] *Имена, названия и характеристики действующих лиц в рукописи Толстого не всегда выделены и подчеркнуты; поэтому курсив дополнен от редактора; равно им же введен курсив и в ремарках автора.*

[2] *См. Словарь трудных для понимания слов.*

Ст[арый солдатъ]. Кады замиренье, то, я чай, всѣхъ отпустятъ.

Ва[синъ?]. Замиренье еще въ 56 году будетъ, еще нов[ый] Царь, чай, смотрѣть будетъ.—

Штуцерная пуля свиститъ и ударяетъ[1] *въ* $^1/_2$ *арш. отъ молодаго.*

Ст[арый]. Вонъ еще до вечера чистая выйдетъ. —

Хохотъ. Свистъ и ударъ ядра.

Вѣдь пополамъ разнесетъ.

1) Я видалъ, клали, на возъ цѣлый.

2) Ужъ арестанты насмѣются же дурно этакъ, голова о голову, и стучитъ. Мы намѣдни смотрѣли, народу много собралось, такъ арестанта духъ отбиваетъ, народъ за вѣтромъ, онъ разгоняетъ, взялъ колошматину, да какъ пуститъ по народъ, такъ гноемъ закидалъ. Всѣхъ бы васъ, говоритъ, сюда накласть. Ужъ его попъ началъ за эти слова.

Д. Чтожъ, въ отчаянности.

Политической. Развѣ у нихъ присяги нѣтъ? Вѣдь онъ бунтовщикъ?

В. Нѣтъ, онъ такой государство, значитъ.

Про 24. Значитъ, видитъ, въ сапогъ затекло, — вижу падать надо, взялъ ударился оземь. —

Этнограф[ія]. Въ Валахіи кругомъ приставки.

---

[1] *В подлинникѣ:* ударян

VII.

*[ДОНЕСЕНИЕ О ПОСЛЕДНЕЙ БОМБАРДИРОВКЕ И ВЗЯТИИ СЕВАСТОПОЛЯ СОЮЗНЫМИ ВОЙСКАМИ.]

24 августа въ половинѣ 6-го часу утра непріятель открылъ послѣднее усиленное бомбардированіе противъ укрѣпленій южной стороны Севастополя. До 11-го часу утра усиленный огонь былъ направленъ только на правый флангъ нашъ, бастіоны: №№ 10, 6, 5 и 4, въ 11-ть же часовъ огонь роспространился по всей линіи и уже болѣе не прекращался, исключая получасовыхъ промежутковъ (каждый день въ 11-ть часовъ утра и въ 6-ть часовъ вечера). 25 и 26 чиселъ непріятель кромѣ того дѣйствовалъ залпами изъ всѣхъ своихъ батарей по всей нашей линіи. Такого рода стрѣльба, хотя и наносила значительный вредъ укрѣпленіямъ и имѣла сильное моральное вліяніе на прикрытіе и прислугу, была гораздо менѣе дѣйствительна, чѣмъ равномѣрное и мѣткое бомбардированіе, продолжавшееся безостановочно 77 часовъ и имѣвшее очевидною цѣлью демонтированіе нашихъ орудій и разрушеніе укрѣпленій.—

Цѣль эта однако была достигнута только мѣстно и въ весьма малой мѣрѣ: *Батарея № 10*, находясь въ продолженіи трехъ сутокъ подъ перекрестнымъ огнемъ 6-ти батарей (4-хъ мортирныхъ, одной 9-ти-орудійной, стрѣлявшей картечью, одной ракетной) и шести пароходовъ, ставшихъ утромъ 27-го числа на якорѣ въ Песчаной бухтѣ и бросавшихъ на батарею 5-ти-пудовыя бомбы, несмотря на ежедневную потерю около ста человѣкъ прислуги, двухъ взорванныхъ погребовъ и 12-ти подбитыхъ орудій, продолжала отвѣчать непріятелю до 1,500 выстрѣловъ въ сутки и угрожать пароходамъ, которые бы рѣшились подойти къ бухтѣ для дѣйствія по Большему мосту. *Редутъ Шварца*, подвергаясь въ продолженіи трехъ сутокъ перекрестному и фланговому огню батарей непріятельскихъ и въ особенности, ночь 25-го, прицѣльному дѣйствію бомбъ, ядеръ и картечи изъ ближайшихъ траншей, потерялъ только два орудія подбитыми (изъ которыхъ одно въ ту же ночь было замѣнено

новымъ, а другое хотя испорченное еще могло дѣйствовать картечью), выпускалъ первые дни по 40-къ выстрѣловъ на орудіе и послѣдніе сутки, молчалъ только для того, чтобы, не обращая на себя вниманія непріятеля, быть въ состояніи дѣйствительнѣе встрѣтить его картечью на случай штурма. *4-ый Бастіонъ* въ продолженіи всего бомбардированія отвѣчалъ непріятелю положенное число выстрѣловъ изъ всѣхъ орудій, исключая 9-ти крѣпостныхъ подбитыхъ, изъ которыхъ 2-ва были замѣнены, и 3 полевыхъ, замѣненныхъ тотчасъ-же, и молчалъ отчасти только утро 27-го для того, чтобы окончательно исправить поврежденія погребовъ, траверзовъ, брустверовъ и большаго числа засыпанныхъ амбразуръ. На *Костомаровскомъ Редутѣ*, несмотря на самый жестокій артиллерійскій огонь и штуцерныя пули, отъ которыхъ *всѣ* разбитые щиты и засыпанный брустверъ уже не представляли защиты, подбито одно орудіе и замѣнено новымъ[1], и исправлены всѣ главныя поврежденія порохового погреба, амбразуръ и платформъ. —

На лѣвомъ флангѣ нашихъ укрѣпленій огонь непріятельскій по численному преимуществу его батарей передъ нашими и еще болѣе усиленному бомбардированію былъ дѣйствительнѣе, чѣмъ на правомъ флангѣ, въ особенности же противъ *Малахова кургана* и *Рогатки*[2], *3-го и 2-го бастіоновъ*. *1-й* же *бастіонъ* подвергся сильному бомбардированію въ особенности въ день 27 числа. Во все время штурма непріятель, не ведя атаки на этотъ пунктъ и предполагая въ немъ наши резервы, сосредоточилъ на него весь огонь своихъ батарей лѣваго фланга, такъ что большая часть морскихъ и 3 стоявшія на нихъ полевыя орудія были подбиты.

Кромѣ дѣйствія по веркамъ непріятель кидалъ здѣсь безпрерывно огромное количество бомбъ и мелкихъ гранатъ изъ ближайшихъ траншей и поддерживалъ вездѣ не утихавшій и по ночамъ учащенный штуцерный огонь, наносившій огромный вредъ прикрытію и затруднявшій необходимыя на батареяхъ исправительныя работы. Къ 27-му числу на батареяхъ лѣваго фланга было значительное число подбитыхъ орудій, разрушенныхъ траверзовъ и брустверовъ и болѣе всего завалennыхъ мерлоновъ, сбитыхъ щитовъ, засыпанныхъ амбразуръ, препятствующихъ дѣйствію изъ орудій.

Такъ на батареѣ Усова изъ 20-ти орудій только 6-ть могли дѣйствовать.

На 3 бастіонѣ было 13 подбитыхъ орудій. Двѣ морскія батареи на Рогаткѣ, 4-хъ и 12-ти-пушечная, утромъ 27 числа уже не могли дѣйствовать. 2-й бастіонъ былъ буквально разрушенъ. Притомъ потеря въ прислугѣ была такъ значительна, что нѣкому было заряжать тѣ орудія, которыя оставались. Едва успѣвали

---

[1] *Слово:* новымъ *ошибочно в подлинникѣ написано дважды.*
[2] *Въ подлинникѣ:* Рогаткѣ,

выносить раненыхъ, убитыхъ оставляли на мѣстѣ. Въ эти три дня на 3-емъ отдѣленіи выбыло около 2,000 человѣкъ прикрытія и 437 человѣкъ артиллерійской прислуги. —

27-го числа въ 8-мъ час. утра непріятель открылъ бомбардированіе, какъ и въ прежніе дни залпами изъ всѣхъ орудій, но многія батареи наши, занимаясь исправленіемъ поврежденій, въ особенности на лѣвомъ флангѣ, не отвѣчали ему. Къ 11-му часу бомбардированіе значительно стало усиливаться на правомъ флангѣ и ослабѣвать на лѣвомъ.

Въ 12-мъ часу орудійный огонь противъ Малахова кургана, 1, 2-го и 3-го бастіоновъ совершенно затихъ, только продолжался съ тою же силою губительный для прикрытія огонь мортиръ и штуцерныхъ.

Съ непріятельскихъ батарей противъ лѣваго фланга въ 12-ть часовъ сдѣлано было три залпа. По третьему залпу густыя цѣпи непріятеля, слѣдуя одна за другою и поддерживаемыя сильными колоннами резервовъ, двигавшимися по Келимъ-Балкѣ, Камчатской и Зеленой горѣ, вышли изъ ближайшихъ траншей противъ 2-го бастіона, Рогатки, лѣваго фаса Малахова кургана и 3-го бастіона и пошли на приступъ. —

Болѣе сильная по числу направленныхъ войскъ и первая по времени атака была произведена непріятелемъ на исходящій уголъ *2-го бастіона*. Едва едва прикрытіе успѣло сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ и 3 стоявшія на бастіонѣ полевыя орудія (7-й легкой 12 бригады) выпустить по двѣ картечи, какъ непріятель уже въ большомъ числѣ успѣлъ добѣжать до рва, частью вскочить въ укрѣпленіе, оттѣснить прикрытіе и заклепать нѣкоторыя орудія.

На Рогатку число непріятеля, направленнаго съ фронта, было значительно меньше. Встрѣченные сначала картечью 4-хъ полевыхъ единороговъ 6 легкой батареи 12 артиллерійской бригады, выпустившихъ по нимъ 27 выстрѣловъ, а потомъ пулями, камнями и черепьями нашей пѣхоты, Французы на нѣсколько минутъ были задержаны во рву куртины; но когда значительныя части ихъ, овладѣвъ 2-мъ бастіономъ, по рву куртины достигли Рогатки, артиллеристы, заклепавъ орудія, а прикрытіе отстрѣливаясь, отступили ко 2-й оборонительной линіи.

Противъ *Малахова кургана* непріятель, въ это время задержанный большимъ разстояніемъ траншей, чѣмъ от 2-го бастіона, глубиною рва, а можетъ быть умышленно, дожидаясь успѣха на 2-мъ бастіонѣ и Рогаткѣ, только разсыпнымъ строемъ перебѣгалъ въ ровъ, собирался въ немъ, но еще не пытался влѣзать на брустверъ. —

Противъ *3-го бастіона* Англичане въ это время вышли изъ ближайшихъ траншей и, несмотря на картечный и ружейный огонь съ нашей стороны, добѣжавъ до засѣкъ, остановились и стали разчищать подступы. —

Занявъ 2-й бастіонъ и Рогатку, непріятель двинулся далѣе

въ Ушакову балку и ко 2-й оборонительной линіи. Прикрытіе и прислуга уже начинали отступать со 2-й стѣнки и Генриховой батареи, когда Кременчукский полкъ, поддерживаемый прибытіемъ дивизіона (5 легкой батареи 11-й артиллерійской бригады), ударилъ въ штыки на непріятеля; кромѣ того къ этому времени по непріятелю и подходившимъ къ нему резервамъ открыли картечный огонь батареи Парижская и Генрихова, до которой не дошли французы (и которая[1] снова была занята нами) и перекрестный огонь батареи 1-го бастіона и Сѣверной стороны.

Непріятель такъ же быстро былъ выбитъ изъ укрѣпленія, какъ быстро успѣлъ занять его, и подъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ 2-хъ расклепанныхъ на 2 бастіонѣ полевыхъ орудій дивизіона 5 легкой, ставшаго подлѣ Генриховой батареи и самой Генриховой, бѣжалъ частью къ своимъ траншеямъ, частью въ ровъ куртины и къ[2] Рогаткѣ, гдѣ онъ и продолжалъ держаться.

На *Малаховомъ курганѣ* не было сдѣлано ни одного картечнаго выстрѣла и все прикрытіе еще было въ блиндажахъ, когда значительная часть непріятеля, собравшись въ переднемъ рву Корниловскаго бастіона, начинала влѣзать на брустверъ и пыталась утвердить на немъ свое знамя. Прикрытіе только что разстанавливалось по банкетамъ, разбирало ружья и готовилось отразить тѣхъ, которые лѣзли съ фронта, когда непріятель, съ Рогатки по рву куртины пробравшись къ Малахову кургану, показался на 12-ти пушечной батареѣ, находящейся почти въ тылу Корниловскаго бастіона; тогда прикрытіе послѣ небольшой рукопашной схватки отступило ко 2-ой оборонительной линіи.

Занявъ передовую батарею Малахова кургана и усилившись большими подошедшими изъ Камчатскаго редута резервами, непріятель раздѣлилъ свои силы на двѣ части: одна изъ нихъ двинулась впередъ по Малахову кургану, другая по рву въ траншеѣ спустилась налѣво на *батарею Жерве*.

Проникнувъ до горжеваго вала Малахова кургана, непріятель въ своемъ движеніи впередъ былъ остановленъ здѣсь вывезенными въ самую горжу 3 легкими полевыми орудіями, хотя и потерявшими на этомъ мѣстѣ въ нѣсколько минутъ офицеровъ и прислугу, но успѣвшими сдѣлать до 60 картечныхъ выстрѣловъ по наступающему непріятелю, и огнемъ пѣхоты, успѣвшей сосредоточиться на этомъ пунктѣ. — Атака же на лѣвый фасъ батареи Жерве была произведена такъ быстро и неожиданно, что изъ всѣхъ орудій, находившихся на ней, только двѣ мортиры успѣли сдѣлать по два картечные выстрѣла. Прикрытіе же, не ожидая непріятеля съ лѣвой стороны, смѣшав-

---

[1] *В подлинникѣ:* которую
[2] *В подлинникѣ:* на

шись и почти не защищаясь, бѣжало къ Доковому оврагу.—

Противъ *3-го бастіона* Англичане въ продолженіи $^1/_4$ часа подъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ около засѣкъ работали подступы и, окончивъ ихъ, въ числѣ 8-ми колоннъ (около 1,000 человѣкъ въ каждой), быстро двинулись на приступъ. 4-ре колонны, шедшіе по двѣ съ каждаго фаса бастіона, не выдержали нашего картечнаго и банкетнаго огня и въ безпорядкѣ отступили къ траншеямъ. Но 4-ре колонны, двинувшіеся на исходящій уголъ, успѣли перебросить мосты, приставить лестницы и прямо черезъ разрушенный ровъ въ амбразуры вскочить въ укрѣпленіе и заклепать три стоявшія тамъ полевыя орудія. Въ первую минуту быстраго напора непріятеля прикрытіе отступило за горжу и дѣйствовало батальнымъ огнемъ по занятому пространству, но вскорѣ поддержанное прибытіемъ Селенгинскаго Полка двинулось впередъ, выбросило непріятеля за валъ, взявъ у него 230 человѣкъ плѣнными и, ставъ по банкету, открыло ружейный огонь по отступающимъ. Непріятель, поражаемый картечью и пулями съ 3-го бастіона, ядрами и бомбами съ лѣваго фаса 4-го бастіона и редута Костомарова[1], въ совершенномъ безпорядкѣ бѣжалъ частью въ свои траншеи, частью къ Малахову кургану. —

Около получаса послѣ начала приступа на лѣвый флангъ нашихъ укрѣпленій непріятель повелъ штурмующіе колонны противъ нашего праваго фланга — отъ батареи Забуцкаго до 5-го бастіона.

Противъ лѣваго и праваго фаса 4-го бастіона выходившіе изъ траншей непріятельскія колонны, въ особенности сильныя противъ батареи Забуцкаго, были встрѣчаемы такимъ дѣйствительнымъ перекрестнымъ картечнымъ огнемъ изъ крѣпостныхъ и преимущественно полевыхъ орудій, что, далеко не доходя до вала, были принуждены отступить.

Болѣе энергическая атака со стороны непріятеля была поведена на *редутъ Шварца* и лѣвый фасъ 5-го бастіона. Редутъ Шварца, находясь далеко выдвинутымъ впереди линіи нашихъ укрѣпленій, все утро 27-го числа осыпаемый прицѣльными ядрами и бомбами, въ ожиданіи штурма лишь исправлялъ поврежденія и не отвѣчалъ непріятелю. Вся прислуга стояла на мѣстахъ и всѣ орудія были заряжены картечью. Но наступленіе непріятеля было такъ быстро, численность его такъ велика и разстояніе отъ траншей такъ мало, что, несмотря на то, что изъ всѣхъ 8-ми орудій редута было сдѣлано по одному картечному выстрѣлу, часть непріятеля успѣла съ праваго фаса вскочить въ него, прежде чѣмъ могли зарядить другой разъ орудія. Одинъ слабый баталіонъ Житомірскаго Полка, находившійся въ прикрытіи, въ первую минуту былъ оттѣсненъ до половины редута и, открывъ по непріятелю батальный огонь,

---

[1] *В подлинникѣ:* Костомарева.

препятствовалъ ему роспространяться далѣе. Но черезъ $^1/_2$ часа поддержанный небольшими частями Минскаго и Екатеринбургскаго Полковъ, въ штыки бросившись на непріятеля, выбилъ его изъ редута, взявъ у него до 200 человѣкъ плѣнными.

Противъ лѣваго фаса 5-го бастіона, несмотря на сильный банкетный и картечный огонь, Французы достигнули рва и спустились въ него, но, потѣрявъ большую часть людей и особенно тѣхъ, которые несли мосты и лѣс[т]ницы, принуждены были отступить, оставивъ плѣнными и убитыми всѣхъ тѣхъ, которые спустились въ ровъ. Отступающіе бѣжали до своихъ траншей подъ жесточайшимъ картечнымъ огнемъ редутовъ: Шварца, Бѣлкина, лѣваго фаса 5-го и праваго фаса 4-го бастіоновъ. —

Въ это же время на Корабельной сторонѣ подошедшіе резервы наши, поддерживаемые полевою артиллеріею и картечью съ Генриховой батареи, двинуты были на куртину 2-го бастіона. Послѣ отчаяннаго сопротивленія непріятель былъ выбитъ за стѣнку, но, защищаемый ею, продолжалъ держаться за нею и во рву куртины. —

Отбитый на всѣхъ пунктахъ, исключая передовой части Малахова кургана и Батареи Жерве, непріятель неоднократно пытался проникнуть во 2-ую оборонительную линію и возобновлялъ атаки на 2-й Бастіонъ, Рогатку, 3, 4, 5 Бастіоны и Редутъ Шварца.

Попытки непріятеля овладѣть *2-ою оборонительною линіею* были уничтожаемы картечнымъ огнемъ подвезенныхъ къ проходу 2-й линіи 6-ти легкихъ орудій 6 легкой батареи 12-й арт[иллерійской] бр[игады], 8 орудій 4 легкой 17 бр[игады], поставленной съ правой стороны Малахова кургана, отстоявшей свою позицію, хотя и потерявшей $^2/_3$ людей и *всѣхъ* своих офицеровъ, и 3-хъ орудій, дѣйствовавшихъ въ горжѣ, и ружейнымъ огнемъ засѣвшей за стѣнкой пѣхоты. (Непріятельская пѣхота черезъ амбразуры Малахова кургана и ровъ куртины, пользуясь неровностью мѣстности, разсыпнымъ строемъ пытавшаяся добраться до 2-ой оборонительной стѣнки, была всякій разъ встрѣчаема мѣткимъ ружейнымъ огнемъ и не имѣла успѣха).

Противъ *2-го бастіона*, снова открывъ усиленное изъ всѣхъ батарей бомбардированіе, непріятель еще два раза водилъ свои колонны на приступъ. Въ первый разъ, выставивъ около праваго фаса 2-го бастіона, на которомъ еще большая часть орудій были заклепаны, двѣ конныя батареи, дѣйствовавшія по 2-ой линіи картечью, онъ быстро повелъ сильныя колонны къ исходящему углу, но встрѣченные картечью съ Генриховой батареи и дивизіона 5-й легкой 11-й бр[игады] и банкетнымъ огнемъ пѣхоты, принужденъ былъ отступить съ большимъ урономъ, конная же батарея въ нѣсколько минутъ была уничтожена перекрестнымъ огнемъ съ батарей: Генриховой, Парижской, 1-го бастіона, 18-го № и ружейнымъ. Во второй разъ колонны

непріятеля, далеко не доходя до укрѣпленій, повернули назадъ и бѣжали въ траншеи. Оба раза батареи съ Сѣверной стороны перваго бастіона и подошедшіе[1] въ это время къ Киленъ-балкѣ пароходы не переставали поражать продольно фланговымъ огнемъ безпрестанно подходившіе резервы. Попытка Французовъ разсыпнымъ строемъ овладѣть 2-мъ бастіономъ, отъ куртины перебѣгая по рву къ правому фасу, имѣла также мало успѣха.

На куртинѣ поддержанный сильными резервами непріятель успѣлъ еще разъ выбить насъ изъ Рогатки, но, поражаемый картечьнымъ и батальнымъ огнемъ, снова отступилъ за стѣнку, гдѣ и держался до тѣхъ поръ, пока на батареѣ Рогатки не произошелъ взрывъ пороховаго погреба, которымъ[2] обязаны, как говорятъ, самоотверженію однаго изъ матросовъ, бывшихъ на 4-хъ пушечной батареѣ, бросившаго[ся] съ фитилемъ въ погребъ и погибнувшаго въ немъ. Тогда непріятель окончательно отступилъ къ своимъ траншеямъ, потерявъ значительное число отъ взрыва, и мы снова заняли куртину.

Противъ *3-го бастіона* непріятель, принявъ свѣжіе войска, вслѣдъ за отбитымъ штурмомъ снова пошелъ на приступъ, но, не выдержавъ картечнаго и ружейнаго огня, обратился назадъ. Такого рода попытки дѣлаемы были непріятелемъ 6-ть разъ сряду, но, всякій разъ поражаемый картечнымъ и ружейнымъ огнемъ съ 5-го и фланговымъ съ 4-го бастіоновъ, не доходя до рва, онъ обращался назадъ и только въ 5-ть часовъ вечера окончательно удалился за свои траншеи. Таковые и столь же неудачные попытки дѣлаемы были троекратно противъ *редута Шварца* и два раза противъ батареи *Забуцкаго*.

Между тѣмъ на Малаховомъ курганѣ и на батареѣ Жерве еще стояли Французскія знамена. Крутость подступа къ занятому пункту и задній валъ горжи, за которымъ поставлена была сильная Французская артиллерія и находились огромныя массы Французской пѣхоты, обстрѣливающей гору, дѣлали тщетными наши усилія снова овладѣть курганомъ. —

Но въ 5 часовъ пополудни на занятый пунктъ, на которомъ въ ожиданіи нападенія съ нашей стороны непріятель держалъ огромныя массы войска, сосредоточенъ былъ артиллерійскій огонь съ подошедшихъ пароходовъ, съ бастіона № 3, батарей Будищева, Усова и № 18, картечный огонь ввезенныхъ на платформу 2-ой оборонительной линіи двухъ крѣпостныхъ и полевыхъ орудій и безпрерывный батальный огонь всей нашей пѣхоты, столь сильный и дѣйствительный, что замѣтно было, какъ Французы толпами стали было отступать къ Камчатскому редуту, но, встрѣченные своею же картечью, удержались на курганѣ, тѣмъ болѣе, что въ это время было отдано

---

[1] *В подлиннике:* подошедшихъ
[2] *В подлиннике:* которому

приказаніе гарнизону отступать изъ города, огонь по всей линіи постепенно сталъ утихать и мы болѣе не пытались отбить занятаго пункта.

28-го числа гарнизонъ безъ выстрѣла со стороны непріятеля оставилъ городъ и переправился на Сѣверную сторону, весь городъ горѣлъ, исключая Корабельной слободы, корабли были потоплены, погреба на батареяхъ и каменныя батареи были взорваны, исключая Николаевской, часть зарядовъ и пороху на 7, 8 и 10 №№ брошены въ море, крѣпостныя орудія частью (на 10 бастіонѣ) съ отбитыми цапфами сброшены съ лафетовъ, а лафеты взорваны подвѣшенными бомбами, частью сняты съ лафетовъ и зарыты въ ямы (на 6, 5 и отчасти 4), частью заклѣпаны и отбиты цапфы (на 4, 3, 2 и 1 бастіонахъ), полевыя орудія частью перевезены, частью заклепаны или утоплены въ бухтѣ.

VIII.

ПЕСНЯ ПРО СРАЖЕНИЕ НА Р. ЧЕРНОЙ 4 АВГУСТА 1855 Г.

[Сводный текст]

Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
Горы отбирать (bis).

Барон Вревский генерал
К Горчакову приставал,
Когда под-шафе (bis).

«Князь, возьми ты эти горы,
Не входи со мною в ссору,
Не то донесу» (bis).

Собирались на советы
Все большие эполеты,
Даже Плац-бек-Кок (bis).

Полицмейстер Плац-бек-Кок
Никак выдумать не мог,
Что ему сказать (bis).

Долго думали, гадали,
Топографы всё писали
На большом листу (bis).

Гладко вписано в бумаге,
Да забыли про овраги,
А по ним ходить... (bis).

Выезжали князья, графы,
А за ними топографы
На Большой редут (bis).

Князь сказал: «ступай, Липранди».
А Липранди: «нет-с, атанде,
Нет, мол не пойду (bis).

Туда умного не надо,
Ты пошли туда Реада,
А я посмотрю»... (bis).

Вдруг Реад возьми да спросту
И повел нас прямо к мосту:
«Ну-ка, на уру» (bis).

Веймарн плакал, умолял,
Чтоб немножко обождал.
«Нет, уж пусть идут» (bis).

Генерал же Ушаков,
Тот уж вовсе не таков:
Всё чего-то ждал (bis).

Он и ждал да дожидался,
Пока с духом собирался
Речку перейти (bis).

На уру мы зашумели,
Да резервы не поспели,
Кто-то переврал (bis).

А Белевцов генерал
Всё лишь знамя потрясал,
Вовсе не к лицу (bis).

На Федюхины высоты
Нас пришло всего три роты,
А пошли полки!... (bis)

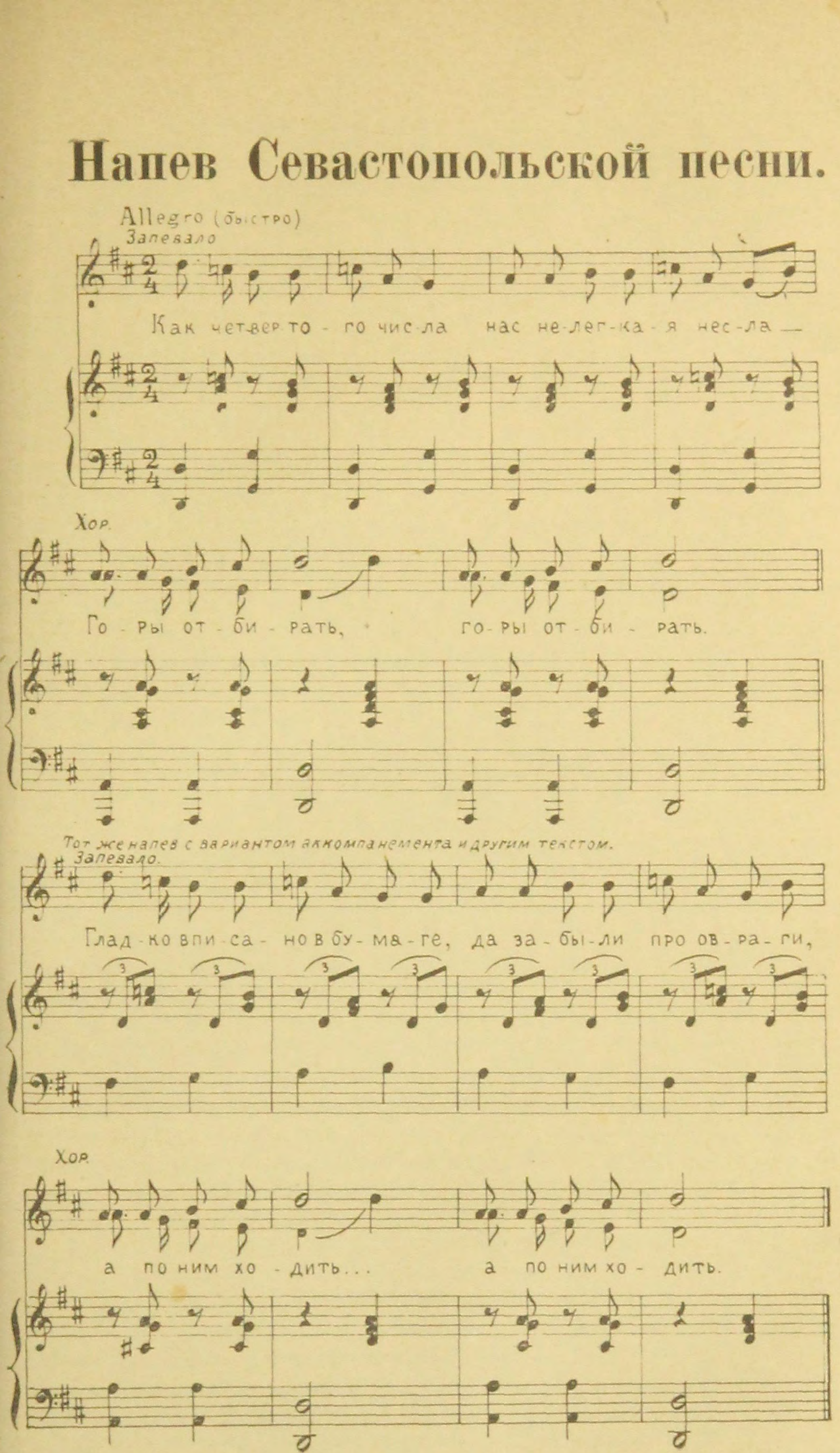
Наше войско небольшое,
А француза было втрое,
И сикурсу тьма (bis).

Ждали — выйдет с гарнизона
Нам на выручку колона,
Подали сигнал (bis).

А там Сакен генерал
Всё акафисты читал
Богородице (bis).

И пришлось нам отступать,
Рас... же ихню мать,
Кто туда водил (bis).

Напев Севастопольской песни.



«РОМАН РУССКОГО ПОМЕЩИКА».

I.

[ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ.]

Глава 1. Обѣдня.

Съ 7 часовъ утра на ветхой колокольнѣ Николо-Кочаковскаго прихода гудѣлъ большой колоколъ. Съ 7 часовъ утра по проселочнымъ пыльнымъ дорогамъ и свѣжимъ тропинкамъ, вьющимся по долинамъ и оврагамъ, между влажными отъ росы хлѣбомъ и травою, пестрыми, веселыми толпами шелъ народъ изъ окрестныхъ деревень. Все больше бабы, дѣти и старики. Мужику Петровками и въ праздникъ нельзя дома оставить: телѣга сломалась, въ гумённикъ подпорки поставить, плетень заплести, у другаго и навозъ не довоженъ. Земляную работу грѣхъ работать, а около дома, Богъ проститъ. Дѣло мужицкое!

Кривой пономарь выпустилъ веревку изъ рукъ и сѣлъ подлѣ церкви, молча вперивъ старческій равнодушный взглядъ въ подвигавшіяся пестрыя толпы народа; отецъ Поликарпъ вышелъ изъ своего домика и, поднятіемъ шляпы отвѣчая на почтительные поклоны своихъ духовныхъ дѣтей, прошелъ въ церковь. Народъ наполнилъ церковь и паперть, пономарь пронесъ въ алтарь мѣдный кофейникъ с водой, полотенце съ красными концами и старое кадило, откуда вслѣдъ за этимъ послышалось сморканье, плесканье, ходьба, кашляніе и плеваніе.

Наконецъ движеніе въ алтарѣ утихло, только слышенъ былъ изрѣдка возвышающійся голосъ отца Поликарпа, читающаго молитвы. Отставной Священникъ, слѣпой дворникъ и бывшій дворецкій покойнаго Хабаровскаго князя, дряхлый Пиманъ Тимофѣичъ стояли уже на своихъ обычныхъ мѣстахъ въ алтарѣ. На правомъ клиросѣ стояли сборные пѣвчіе-охотники: толстый бабуринскій прикащикъ октава, особенно замѣчательный въ тройномъ «Господи помилуй», его братъ Митинька, женскій портной, любезникъ и первый игрокъ на гармоникѣ — самый фальшивый, высокій и пискливый дискантъ во всемъ приходѣ, буфетчикъ — второй басъ, два мальчика, сыновья отца

Игната, и самъ отецъ Игнатъ, 2-й Священникъ, бывшій 36 лѣтъ тому назадъ въ архирейскихъ пѣвчихъ.

На паперти толпа заколебалась и раздалась на двѣ стороны: человѣкъ въ синей ливрейной шинели, съ салопомъ на рукѣ, стараясь, должно быть, показать свое усердіе, крѣпко и безъ всякой надобности толкалъ и безъ того съ торопливостью и почтительностью разступавшихся прихожанъ; за лакеемъ слѣдовала довольно смазливая и нарядная барынька, лѣтъ 30, съ лицомъ полнымъ и улыбающимся. За веселой барыней слѣдовалъ супругъ ея, Михаилъ Ивановичь Михайловъ, человѣкъ лѣтъ 40. На немъ былъ черный фракъ, клетчатыя брюки съ лампасами, цвѣтной пестрый жилетъ и цвѣтной, очень пестрый шарфъ, на которомъ лежалъ огромной величины выпущенный не крахмаленный воротникъ рубашки. Въ наружности его не замѣчалось ничего особеннаго, исключая нешто длинныхъ, курчавыхъ, рыжеватыхъ волосъ съ проборомъ по серединѣ, которые чрезвычайно отчетливо лежали съ обѣихъ сторонъ его бѣлесоваго, ровнаго и спокойнаго лица. Вообще онъ ходилъ, стоялъ, крестился и кланялся очень прилично, даже слишкомъ прилично, такъ что именно это обстоятельство не располагало въ его пользу.

Прибывшіе супруги стали около амвона. Прихожане съ почтительнымъ любопытствомъ смотрѣли на нихъ: они съ спокойнымъ равнодушіемъ смотрѣли на прихожанъ. — Обѣдня все еще не начиналась.

— Гаврило, — сказала шопотомъ барыня.

Гаврило выдвинулся впередъ и почтительно пригнулъ свое ухо съ серьгой къ устамъ барыни.

— Попроси батюшку вынуть за упокой, вотъ по этой запискѣ; да спроси отца Поликарпія, скоро-ли начнется служба?

Гаврило живо растолкалъ набожныхъ старушекъ съ книжечками и пятаками, столпившихся у боковыхъ дверей, и скрылся.

— Батюшка велѣлъ сказать, что очень хорошо-съ, а начнется скоро, — сказалъ онъ, возвратившись. — Кривой пономарь, хотя нетвердою отъ старости, но самоувѣренною походкою, съ такимъ-же точно видомъ сознанія своего значенія, съ какимъ ходитъ Секретарь по Присутствію и актеръ за кулисами, вышелъ за лакеемъ и сталъ продираться сквозь толпу. Уже много пятаковъ и грошей изъ узелковъ въ клетчатыхъ платкахъ и мошонъ перешло въ потертый комодъ, изъ котораго отставной солдатъ давалъ свѣчи, и уже свѣчи эти, переходя изъ рукъ въ руки, давно плыли передъ иконами Николая и Богоматери, а обѣдня все не начиналась. — Отецъ Поликарпій дожидался молодаго Князя Нехлюдова. Онъ привыкъ ожидать его матушку, дѣдушку, бабушку; поэтому, несмотря на то, что молодой Князь не разъ просилъ его не заботиться о немъ, отецъ Поликарпій никакъ не могъ допустить, чтобы Хабаровскій

помѣщикъ, — самый значительный помѣщикъ въ его приходѣ, — могъ дожидаться или опоздать.

Кривой пономарь вышелъ за церковь и, приставивъ руку ко лбу, сталъ съ усиліемъ смотрѣть на Хабаровскую дорогу. По ней тянулись волы, но не было видно вѣнской голубой коляски, въ которой онъ привыкъ видѣть полвѣка Хабаровскихъ Князей.

— Что, вѣрно ужъ къ достойной? — спросилъ пономаря молодой человѣкъ, проходя мимо него.

Замѣтно было, что пономарь былъ опечаленъ и изумленъ появленіемъ Князя не въ вѣнской колескѣ, а пѣшкомъ, съ запыленными сапогами, въ широкополой шляпѣ и парусинномъ пальто. ⟨Можетъ быть, даже онъ раскаивался въ томъ, что такъ долго поджидалъ такого непышнаго Князя.⟩

— Нѣтъ, батюшка, ваше сіятельство, все васъ дожидали, — и онъ принялся звонить.

Молодой человѣкъ покраснѣлъ, пожалъ плечьми и скорыми шагами пошелъ въ церковь, ломая на каждомъ шагу свою шляпу, чтобы отдавать поклоны направо и налѣво мужикамъ, снявшимъ передъ нимъ шапки. Толпа на паперти опять заколебалась, и супруги оглянулись назадъ, но любопытная барыня ничего не увидала, кромѣ мелькнувшей выше другихъ коротко обстриженной русой головы, которая тотчасъ же скрылась отъ ея взоровъ въ углу за клиросомъ. Михаилъ Ивановичъ не оглядывался больше, но его супруга нѣсколько разъ посматривала по тому направленію, по которому во время обѣдни, которая тотчасъ-же и началась, преимущественно кадилъ отецъ Дьяконъ.

Молодой человѣкъ стоялъ совершенно прямо, крестился во всю грудь и съ набожностью преклонялъ голову, и все это онъ дѣлалъ даже съ нѣкоторою афектаціею. Онъ съ вниманіемъ, казалось, слѣдилъ за службой, но иногда задумывался и заглядывался. Разъ онъ такъ засмотрѣлся на 6-лѣтняго мальчика, который стоялъ подлѣ него, что повернулся бокомъ къ иконамъ и сталъ ковырять пальцемъ воскъ съ высокаго подсвѣчника. Хорошенькій мальчикъ съ свѣтлыми, какъ ленъ, волосами, поднявъ кверху головку, разинувъ ротъ, смотрѣлъ своими голубыми глазенками на все его окружающее.

— А это что? — говорилъ онъ, дергая за сарафанъ подлѣ него стоящую женщину и указывая на Дьякона.

Молодаго человѣка вывели изъ задумчивости слова: «Миколѣ». Онъ оборотился и, какъ видно было, съ величайшимъ удовольствіемъ принялъ подаваемую ему свѣчу. Дотронувшись ею до плеча какого-то мужика, онъ передалъ ее, прибавивъ твердо и громко: «Миколѣ».

Пѣвчіе пѣли прекрасно, исключая концерта, который совсѣмъ было упалъ отъ несогласія отца Игната съ Митинькой; даже бабуринскій прикащикъ, покраснѣвъ отъ напряженія, не могъ покрыть своей октавой страшную разладицу. Нѣсколько

стариковъ, старухъ и крикливыхъ дѣтей причащались Святыхъ тайнъ. Г-жа Михайлова выставляла нижнюю губку и очень мило морщилась, когда грудные младенцы кричали около нея. Она удивлялась, какъ глупъ этотъ народъ: зачѣмъ носить дѣтей въ церковь? Развѣ грудной ребенокъ можетъ понимать что нибудь. Только другимъ мѣшаютъ. Вотъ ея нервы, напримѣръ, никакъ не выдерживаютъ этаго крика. <Г-жа Михайлова, у которой ея собственный ребенокъ оставался дома на рукахъ кормилицы, не принимала въ соображенье, что у крестьянскихъ женщинъ не бываетъ кормилицъ, и что онѣ кормятъ своихъ дѣтей и на работѣ и въ церкви.>

Священникъ показался съ крестомъ въ царскихъ дверяхъ.

Господа Михайловы и за ними люди позначительнѣе — прикащики, однодворцы, дворовые, дворники — подвинулись ближе къ амвону, чтобы, какъ водится, приложиться къ кресту однимъ прежде другихъ. Молодой человѣкъ вмѣстѣ съ толпой тоже невольно придвинулся къ амвону. Отецъ Поликарпій обратился съ крестомъ къ нему, какъ будто не замѣчая Г-жу Михайлову, которая уже крестилась, быстро пододвинувшись къ нему такъ близко, что касалась его ризы.

Молодой человѣкъ, замѣтивъ ея движеніе и краску досады, которая покрыла ея лицо, вспыхнулъ и не трогался съ мѣста, но отецъ Поликарпій упорствовалъ. — Нечего было дѣлать: онъ торопливо подошелъ къ кресту и, совершенно растерявшись, не отвѣчая на поздравленіе съ праздникомъ Священника, не оглядываясь, протѣснился сквозь толпу и вышелъ на паперть.

Хабаровскій Князь, котораго родные звали Николинькой, и котораго я впредь буду называть также, былъ еще очень, очень молодъ: ему было 22 года, пушокъ такой-же свѣтлый, какъ волосы мальчика, на котораго онъ заглядѣлся въ церкви, покрывалъ его подбородокъ, и трудно даже было предположить, чтобы пушокъ этотъ когда-нибудь превратился въ щетину. Онъ былъ выше обыкновеннаго роста, сильно и пріятно сложенъ. (Въ сложеніи, какъ и въ лицѣ, есть неуловимыя, неопредѣлимыя черты красоты, которыя отталкиваютъ или привлекаютъ насъ.) Но, не смотря на этотъ ростъ, на нѣсколько горделивую походку и осанку (онъ высоко носилъ голову) и на выраженіе твердости или упрямства, которое замѣтно было въ его небольшихъ, но живыхъ и сѣрыхъ глазахъ, только издалека и съ перваго взгляда его можно было принять за мужа; ясно было, что онъ еще почти ребенокъ, но милый ребенокъ. Это замѣтно было и по плоскости груди и по длинѣ рукъ и по слишкомъ нѣжнымъ очертаніямъ около глазъ и по свѣтло-красному недавнему загару, покрывавшему его лицо, и по нѣжности кожи на шеѣ, а въ особенности по неутвердившейся и совершенно дѣтской добродушной улыбкѣ. Въ одеждѣ его, какъ ни мало употребила времени для наблюденій Г-жа Михайлова, она замѣтила непростительное неряшество. Пальто въ пятнахъ, шейный

платокъ, Богъ знаетъ, какъ повязанъ, на панталонахъ пятна: ясно, что запачкано дегтемъ и не отмыто. Сапоги съ заплатками. А руки-то? Красныя, загорѣлыя, безъ перчатокъ. И Г-жа Михайлова рѣшила, что въ молодомъ князѣ есть что-то очень, очень странное.

Глава 2. Шкаликъ.[1]

Сойдя съ паперти Николинька набожно перекрестился и, надѣвъ шляпу, собирался было отправиться домой, какъ въ толпѣ выходящаго народа замѣтилъ маленькаго плотнаго краснорожаго мужичка въ синемъ кафтанѣ. Это былъ дворникъ съ большой дороги, занимающійся лугами, скотиной, хлѣбомъ, отчасти и рощами, но преимущественно всякаго рода плутовствомъ, как-то: кормчествомъ [?], даваніемъ денегъ и хлѣба въ ростъ бѣднымъ мужичкамъ, кляузничествомъ и т. п. Когда можно, грубіянъ, когда нужно, маленькій, ничтожный человѣкъ, иногда пьяный и распутный, иног[да] притворно набожный и смирный, но всегда сколдырникъ и кляузникъ. — Дворникъ съ большой дороги всегда человѣкъ опытный въ житейскомъ дѣлѣ и говоритъ мастеръ. Онъ отъ другихъ всегда получаетъ *деньжонки*, а платитъ *деньги*, онъ пріятель со всѣми сусѣдскими прикащиками, со всѣми мужичками зажиточными и съ Становымъ ладитъ, но бѣдный мужикъ — это природный врагъ его. Ужъ попадись онъ только ему въ передѣлъ. «Народъ оголтѣлый, необузданный, неотесанный». Онъ цѣлый вѣкъ или дома всыпаетъ и пересыпаетъ разный хлѣбъ у амбара, и, перетянувшись ремнемъ, разъѣзжаетъ верхомъ на гнѣдой мохнатой лошади, которую купилъ у гуртовщиковъ, по разнымъ дѣлишкамъ въ околоткѣ. Часто лошадь эту можно видѣть безъ сѣдока, привязанной у крыльца домика съ вывѣской.

Прокутился-ли помѣщикъ, онъ скачетъ къ нему и торгуетъ 10,000-ный лѣсъ, а всѣхъ денегъ у него тысячи не наберется. Однако онъ за весь предлагаетъ 2,000; его гонятъ въ шею, онъ скачетъ къ купцамъ, уговариваетъ, чтобы цѣны не надбавляли, а онъ для нихъ купитъ, только-бъ ему за хлопоты магарычи были: онъ всемъ доволенъ, онъ человѣкъ ничтожный! и опять ѣдетъ къ помѣщику и опять; потомъ ужъ помѣщику до зарѣзу: купцы не ѣдутъ, за нимъ присылаютъ, глядишь, а за 10,000-ный лѣсъ онъ 500 рубликовъ задатку даетъ, да по выручкѣ 2,000 приплатитъ, и лѣсъ его.

Неурожай-ли случился, ему мужичокъ за осьмину четверть на другой годъ всыпаетъ. Другой за сѣмяны ему годъ, почитай, цѣлый работаетъ. Онъ привыкъ по 2 гривны пудъ сѣна брать, да по рублю проѣзжимъ спускать, другой торговли онъ и не знаетъ. 10 процентовъ въ годъ получить онъ и пачкаться не

---

[1] *Позднейшая помета Толстого.*

станетъ, а торговля ему всякая открыта. — Платитъ мѣщанскія подати и за дѣтей солдатчины не боится, потому что въ разные города приписанъ, а въ гильдію записаться — онъ не дуракъ. Да и что? «Куда ему? — онъ человѣкъ ничтожный». Онъ любитъ чай, муку, въ которой вѣчно пачкается, лошадокъ, водку и донское пивалъ съ писаремъ, который ему кляузы пишетъ; очень любитъ трактиры и половыхъ, а когда говорятъ о дѣвкахъ, то со смѣху помираетъ. Но грамотѣ не знаетъ, только умѣетъ имя писать да «цифиры». Прозвище его Шкаликъ, но всѣ зовутъ его Алешка, исключая бѣдныхъ мужиковъ, которые, низко кланяясь, говорятъ ему «Алексѣй Тарасычь, батюшка».

Когда Ал[ешка] «прогоритъ» или «вылетитъ въ трубу» то это обстоятельство всегда возбуждаетъ истинную радость во всѣхъ его знакомыхъ, и тогда онъ, погибшій человѣкъ, или попадаетъ въ острогъ или спивается съ кругу. Къ несчастію Алешки, Липатки и Купріяшки изобилуютъ не въ одномъ N уѣздѣ, а ихъ по всей Руси много найдется.

И досадно то, что они всѣ носятъ на себѣ самый чистый русскій характеръ, въ которомъ привыкъ видѣть много добраго и роднаго. Больно смотрѣть, какъ иностранные артисты, дѣвки, магазинщики, художники за вещи, не имѣющія никакой положительной цѣнности, получаютъ черезъ руки нашихъ помѣщиковъ трудомъ и потомъ добытыя кровныя деньги русскаго народа, и, самодовольно посмѣиваясь, увозятъ ихъ за море, къ своимъ соотечественникамъ. Но, по крайней мѣрѣ, тутъ можемъ мы обвинять европейское вліяніе, можемъ утѣшать себя мыслью, что люди эти спекулировали на счетъ нашихъ маленькихъ страстишекъ, въ особенности на счетъ подлѣйшей и обыкновеннѣйшей изъ нихъ — на счетъ тщеславія. Мы можемъ утѣшать себя мыслью, что, разрабатывая тщеславіе, они наказываютъ его. Но каково же видѣть Алешекъ и Купріяшекъ, успѣшно разрабатывающихъ незаслуженную нищету и невинную простоту народа, которыя однѣ причиною удачи ихъ спекуляцій. <Алешки и Купріяшки, не въ томъ, такъ въ другомъ видѣ всегда будутъ существовать, но развѣ не отъ помѣщиковъ зависитъ ограничить кругъ ихъ преступной дѣятельности?>

— Шкаликъ, поди-ка сюда, — сказалъ Николинька, подзывая его и отходя въ сторону. — Что жъ, братецъ? — надѣнь шапку — когда ты намѣренъ кончить дѣло съ Болхой? Надѣньже, я тебѣ говорю, — я тебѣ сказалъ, что, ежели ты до нынѣшняго дня съ нимъ не помиришься, я подамъ на тебя въ судъ, и ужъ не прогнѣвайся.

— Помилуйте, *Васясо*, я готовъ для вашей милости все прекратить и съ Болхой готовъ мировую исдѣлать и все, что вамъ будетъ угодно, только не обидно ли будетъ-съ, говорилъ Алешка, опять снимая шляпу.

— Ахъ, скука какая! Надѣнь, 20 разъ тебѣ говорю, мнѣ не въ шляпѣ дѣло, а въ томъ, чтобы ты говорилъ толкомъ, а не

болталъ всякій вздоръ; хочешь ты или нѣтъ кончить дѣло мировой? Ежели хочешь, ступай сейчасъ къ Болхѣ и отдай ему по уговору 50 р.; ты вспомни, что ужъ вотъ 2-ая недѣля; ежели не хочешь, такъ скажи прямо, что не хочешь.

— Оно точно, Васясо, — отвѣчалъ Шкаликъ, надѣвая шляпу и мутно глядя черезъ плечо Князю, деньги отдать нечто, да больно обидно будетъ: наше сѣно разломали, наши веревки растащили, да чуть до смерти не убили, а вы съ меня же изволите деньги требовать, да судомъ изволите стращать. Сами изволите знать, мы за деньгами не постоимъ, да дѣло-то незаконное, а по судамъ, слава Богу, намъ не въ первой ходить, насъ и Матвѣй Иванычь знаютъ.

— Что?

— Впрочемъ на то есть воля Вашего Сіятельства, только насчетъ денежекъ-то извольте ужъ лучше оставить, — прибавилъ онъ, поглаживая бородку.

— Не понимаю! Такъ ты говоришь, что ты ни въ чемъ не виноватъ, что ты бабу не билъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, — отвѣчалъ Шкаликъ, съ выраженіемъ совершеннаго равнодушія поднимая брови.

— И денегъ платить не хочешь?

— За что-жъ намъ платить? сами извольте посудить, Васясо, — отвѣчалъ онъ съ улыбкой, добродушно потряхивая головой.

— Ахъ, ка-кой — плутъ!!! — вскричалъ Князь, отвернувшись отъ него съ видомъ чрезвычайнаго изумленія и отвращенія. — Хорошо же негодяй! — прибавилъ онъ, вспыхнувъ и быстро подходя къ нему.

— Помилуйте, Васясо, — отвѣчалъ Шкаликъ, снимая шляпу и отступая, — мы люди маленькіе, темные.

Минутное волненіе изобразилось на лицѣ Шкалика при видѣ большихъ рукъ Николиньки, которыя, выскочивъ изъ кармановъ и сдѣлавъ грозный жестъ, энергически сложились за спиной. Казалось, руки эти напрашивались на другое употребленіе.

— Послушай, Шкаликъ, я совѣтую тебѣ обдуматься, — продолжалъ онъ спокойнѣе, но въ это время кто-то сзади довольно грубо толкнулъ его, прибавивъ: «позвольте». Онъ отодвинулся и, не перемѣняя суроваго выраженія лица, оглянулся. — Г-жа Михайлова, сопутствуемая своимъ супругомъ и выдѣлывая головой и глазами самыя, по ея мнѣнію, завлекательныя маневры съ явнымъ намѣреніемъ обратить на себя чье-то вниманіе, вертлявой походочкой проходила къ экипажу.

— Совѣтую тебѣ обдуматься, — продолжалъ Князь къ Шкалику тотчасъ же отвернувшись. — Ты самъ вѣрно чувствуешь, что поступаешь безчестно и безсовѣстно. Помяни же мое слово, что, ежели не я, то Богъ жестоко накажетъ тебя за такіе гнусные дѣла. А тогда ужъ будетъ поздно. Лучше обдумайся.

— Извѣстно, Ваше Сіятельство, всѣ подъ Богомъ ходимъ, —

съ глубокимъ вздохомъ отвѣчалъ Шкаликъ, но Князь, повернувъ за уголъ, уже шелъ по тропинкѣ, ведущей въ Хабаровку. —

— Всѣ подъ Богомъ ходимъ, — повторилъ Шкаликъ, бросая лучезарную улыбку на окружавшихъ его слушателей.

— Замѣтилъ ты, Михаилъ Ивановичь, — говорила Г-жа Михайлова, усаживаясь въ новыя троечныя дрожечки на рессорахъ, — какое у него лицо непріятное. Что-то этакое злое ужасно. Ну, а ужъ ходитъ, нечего сказать, не по княжески.

— Да и слухи про него не такъ то хороши, — отвѣчалъ Михайло Ивановичь, глубокомысленно вглядываясь въ лоснящійся крупъ правой пристяжной. — Князь, такъ и держи себя княземъ, а это что?

Глава [3]. Кляузное дѣло.[1]

На прошлой недѣлѣ 5 хабаровскихъ бабъ ходили въ казенную засѣку за грибами. Набравъ по лукошкѣ, часу въ 10-мъ онѣ, возвращаясь домой черезъ шкаликовскую долину (онъ снималъ ее отъ казны), присѣли отдохнуть около стоговъ. По шкаликовской долинѣ, занимающей продолговатое пространство въ нѣсколько десятинъ, между старымъ казеннымъ лѣсомъ, молодымъ березникомъ и хабаровскимъ озимымъ полемъ, течетъ чуть видная, чуть слышная рѣчка Сорочка. На одномъ изъ ея изгибовъ расли 3 развѣсистыя березы, а между березами стояли стога стараго сѣна и вмѣстѣ съ ними кидали по утрамъ причудливую лиловую тѣнь черезъ рѣчку на мокрую отъ росы шкаликовскую траву. Тутъ-то полдничали и спали бабы. Тонкая сочная трава растетъ около рѣчки, но ближе къ темнымъ дубамъ, стоящимъ на опушкѣ лѣса, она сначала превращается въ осоку и глухую зарость, а еще ближе къ лѣсу только кое-гдѣ тонкими былинками пробивается сквозь сухія листья, жолуди, сучья, каряжникъ, которые сотни лѣтъ сбрасываетъ съ себя дремучій лѣсъ и кидаетъ на сырую землю. Лѣсъ идетъ въ гору и чѣмъ дальше, тѣмъ суровѣе; изрѣдка попадаются голые стволы осинъ, съ подсохшими снизу сучьями и круглой, высоко трепещущей, зеленой верхушкой; кое-гдѣ скрипитъ отъ вѣтра нагнувшаяся двойная береза надъ сырымъ оврагомъ, въ которомъ, придавивъ орѣховый и осиновый подростокъ, съ незапамятныхъ временъ, гніетъ покрытое мохомъ свалившееся дерево. Но когда смотришь съ долины, видны только зеленыя макушки высокихъ деревъ, все выше и выше, все синѣе и синѣе. И конца не видать. — Березникъ, лѣсокъ незавидный, нешто, нешто, слѣга, а то и оглобля не выйдетъ. — Трава тоже пустая, тонкая, рѣдкая, косой не захватишь по ней. Шкаликъ скотину пускаетъ. Зато[2] мѣсто веселое. Въ то самое

---

[1] *Позднейшая помета Толстого.*

[2] *Зачеркнуто:* какъ поднимется солнышко и броситъ первые розовые

время, какъ бабы отдыхали подъ стогами, Шкаликъ изъ города заѣхалъ посмотрѣть свою долину и, объѣхавъ ее кругомъ, удостовѣрившись, что трава растетъ и побоевъ нѣтъ, подъѣхалъ къ стогамъ. Дальнѣйшія же обстоятельства могу передать только въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до меня.

Въ тотъ-же день Князю Нехлюдову доложили, что пріѣхалъ Шкаликъ и имѣетъ сообщить важное дѣло. —

Выйдя на крыльцо, Николинька нашелъ Шкалика въ самомъ странномъ положеніи. Лицо его было исцарапано, волосы, борода и усы растрепаны и слѣплены кровью, надъ правымъ глазомъ синеватая шишка и такая же на верхней губѣ. Одежда, сгорбленное положеніе и болѣзненное выраженіе глазъ и сильный запахъ водки свидѣтельствовали о необычайномъ его разстройствѣ.

— Что съ тобой? — спросилъ Князь.

— Ваше Сіятельство, защитите.

— Что? что такое?

— Ваши мужички... жисть мою прекратили.

— Какъ жисть прекратили? Когда? гдѣ?

— Только, вотъ, вотъ вырвался отъ злодѣевъ, спасибо объѣзчикъ меня спасъ отъ варваровъ, а то бы тамъ и лишиться бы мнѣ смерти, Ваше Сіятельство.

— Гдѣ это было и за что? Объяснись обстоятельно.

— На Савиной полянѣ, Ваше Сіятельство. Ѣздилъ я въ городъ позавчера по своимъ надобностямъ, только нынче напился чайкю съ Митряшкой, ежели изволите знать, что на канавѣ дворъ, онъ и говоритъ: «поѣдемъ лучше, Алексѣй, вмѣстѣ, я тебя на телѣгѣ довезу, а лошадь сзади привяжь».

— Ну, — сказалъ Князь, усаживаясь на перила и продолжая слушать съ напряженнымъ вниманіемъ.

Какъ только Шкаликъ приступилъ къ изложенію своего несчастія, всѣ слѣды его слабости и разстройства постепенно изчезли, онъ выпрямился и говорилъ твердо. Онъ объяснилъ, какъ они съ Мит[ряшкой] заѣзжали на конную, какъ потомъ М[итряшка] убѣдительно приглашалъ его въ трактиръ, но какъ онъ, къ своему несчастію, не согласился на его предложенія. Потомъ слѣдовалъ разсказъ о томъ, какія выгоды можетъ приносить С[авина] поляна, и какія родятся на ней сѣна. Далѣе онъ передалъ, что чувствовалъ, какъ бы предчувствіе своего несчастія, но нелегкій затащилъ его заѣхать на долину, на которой онъ и былъ изувѣченъ хабаровскими мужичками. О причинахъ же, доведшихъ его до этаго несчастнаго положенія, онъ умалчивалъ.

— Какіе-же были мужички на долинѣ, и за что вы поссорились? — продолжалъ допрашивать Князь, замѣчая, что Шкаликъ такъ-же охотно умалчивалъ о сущности обстоятельства,

---

косые лучи по тонкимъ, бѣлымъ деревьямъ, да утренній вѣтерокъ разбудитъ сочный зеленый листъ, куда мѣсто веселое. Мнѣ такъ-же хорошо извѣстно, что

какъ охотно распространялся о предшествующихъ тому случаяхъ съ нимъ, съ Митряшкой и съ другими его знакомыми.

— Игнашка Болхинъ былъ, Ваше Сіятельство.

— Ну что-же у васъ съ нимъ было?

— Ничего не было.

— Такъ за что же онъ тебя билъ?

— По ненависти, Ваше Сіятельство.

— Да неужели онъ такъ, безъ всякой причины, подошелъ и началъ, молча, бить тебя. Что-же онъ говорилъ?

— Ты, — говоритъ, — наши луга травишь, да ты хлѣбъ нашъ топчешь, да ты такой, да ты сякой, взялъ да и началъ катать. Ужъ они меня били, били.

— Кто же они?

— Тутъ и бабы, тутъ и дѣвки, тутъ ужъ я и не помню.

— Зачѣмъ-же такъ бабы били?

— Богъ ихъ вѣдаетъ, — отвѣчалъ онъ, махая рукой, какъ будто желая прекратить этотъ непріятный для него разговоръ. — Сѣно мое пораскидано, стога разломаны...

— Зачѣмъ-же они сѣно разломали?

— По злобѣ, Ваше Сіятельство. Я еще сказалъ Афенькѣ Болхиной: «вы сѣно, бабочки, не ломайте», какъ она схватитъ жердь, — продолжалъ онъ, предѣставляя ея жестъ и выраженіе лица, — а тутъ Игнатка съ поля какъ кинется... Истиранили, Ваше Сіятельство, на вѣкъ нечеловѣкомъ исдѣлали, — продолжалъ онъ, опять приводя свое лицо и фигуру въ положеніе прежняго разстройства. — 20 лѣтъ живу, такого со мной не бывало. Меня здѣсь всѣ знаютъ, я никому обиды не дѣлалъ, ну ужъ и меня разсудите, Ваше Сіятельство, по Божьему, чѣмъ намъ кляузы имѣть...

— Странно, — говорилъ Князь, пожимая плечами, — такъ безъ причины бросились бить. Хорошо, я все дѣло нынче вечеромъ разузнаю, а ты пріѣзжай завтра рано утромъ, и, ежели твоя правда, строго взъищу, будь покоенъ.

— Коли имъ острастки не дать, Ваше Сіятельство, они убить рады — это такой народъ.

— Будь покоенъ, прощай.

Князь воротился въ комнату. Несчастный Шкаликъ въ виду лакея насилу влѣзъ на лошадь, но выѣхавъ на большую дорогу, началъ выдѣлывать туловищемъ, плетью и головой престранныя эволюціи и вдругъ пустилъ лошадь во весь скокъ до самаго кабака.

Въ тотъ же день вечеромъ призванный Игнатка Болхинъ объяснилъ дѣло это совсѣмъ иначе. Онъ просилъ у Князя милости и защиты отъ Шкалика, который будто-бы, подъѣхавъ къ стогу, у котораго отдыхали бабы, почалъ ихъ безщадно бранить за расхищеніе какихъ-то веревокъ и сѣна. На слова ихъ что онѣ ни его, ни сѣна не трогаютъ, онъ отвѣчалъ тѣмъ, что, схвативъ съ стога жердь, погнался за ними.

И бабы убѣжали, но Аѳенька Болхина была на сносѣ, поэтому не могла уйдти, спотыкнулась, упала и была избита имъ такъ, что, едва-едва дотащившись домой, тотчасъ-же выкинула. Онъ-же (Игнатка), находясь на бугрѣ, что за березникомъ (на который сваливалъ навозъ) услыхалъ крикъ и кинулся туда. Увидавъ, что хозяйка его ужъ хрипитъ, а Шкаликъ ее все таскаетъ, онъ отнялъ у него хозяйку и жердь. Онъ готовъ былъ идти къ присягѣ, что все это была истинная правда, и опирался при этомъ на свидѣтельство объѣздчика. Допрошенный объѣздчикъ изъ гвардейцовъ дѣйствительно подтвердилъ слова Игната, съ одобрительной улыбкой прибавилъ, что Игнатка-таки похолилъ Шкалика, и что Шкаликъ вѣрно не сдѣлалъ бы такого, не будь онъ въ Бахусѣ. Дѣло уяснилось.

Глава [4]. Примиренье.[1]

Шкаликъ не являлся. Но когда посланный отъ Князя конторщикъ объявилъ ему, что Аѳенька выкинула, что Князь изволятъ крѣпко гнѣваться и обѣщаются взыскать съ него по законамъ, — а они у насъ до всего сами доходятъ, — прибавилъ конторщикъ, — Шкаликъ трухнулъ. Ему смутно представились острогъ, кобыла, плети, и все это такъ непріятно подѣйствовало на него, что онъ поѣхалъ къ Князю, молча упалъ ему въ ноги, и только послѣ неоднократныхъ требованій встать и объясниться, всхлипывая сказалъ: «виноватъ, Ваше Сіятельство, не погубите!» Трогательное выраженіе раскаянія Шкалика подѣйствовало на неопытнаго Князя.

— Я вижу, ты не злой человѣкъ, — сказалъ онъ, поднимая его за плечи. — Ежели ты искренно раскаиваешься, то Богъ проститъ тебя, мнѣ же на тебя сердиться нечего; дѣло въ томъ, проститъ ли тебѣ Болха и его жена, которымъ ты сдѣлалъ зло? Я позову къ себѣ Болху, поговорю съ нимъ. Можетъ быть все и уладится».

При этомъ юный Князь сказалъ еще нѣсколько благородныхъ, но не доступныхъ для Шкалика словъ о томъ, что прощать обиды лучшая и пріятнѣйшая добродѣтель, но что въ настоящемъ случаѣ онъ не можетъ доставить себѣ этаго наслажденія, потому что обида нанесена не ему, а людямъ, вверенным Богомъ его попеченію, что онъ можетъ только внушать имъ добро, но управлять чувствами этихъ людей онъ не можетъ. Шкаликъ на все изъявилъ совершенное согласіе. Игнатка былъ позванъ въ другую комнату, и юный Князь, очень довольный своей ролью посредника, сталъ внушать Игнаткѣ, очень удивленному тѣмъ, что все дѣло еще не прекратилось таской, которую онъ далъ Шкалику, — чувства любви и примиренія.

— Потеря твоя ужъ невозвратима, — говорилъ Николинька,

---

[1] *Позднейшая помета Толстого.*

и, разумѣется, ничѣмъ нельзя заплатить за сына, котораго ты лишился, но такъ какъ этотъ человѣкъ искренно раскаивается и проситъ простить его, то не лучше-ли тебѣ кончить съ нимъ мировой? Онъ, я увѣренъ, не откажется заплатить тебѣ 50 р. съ тѣмъ только, чтобы ты оставилъ это дѣло и забылъ все прошлое. Такъ что-ли?

— Слушаю, Ваше Сіятельство!

— Нѣтъ, ты говори по своимъ чувствамъ, я тебя принуждать не намѣренъ. Какъ ты хочешь?

— На то воля Вашего Сіятельства.

Больше этого Князь ничего не могъ добиться отъ непонимающаго хорошенько, въ чемъ дѣло, Игната, но, принявъ и эти слова за согласіе, онъ съ радостнымъ чувствомъ перешелъ къ Шкалику. Шкаликъ опять на все былъ совершенно согласенъ. Князь, очень довольный приведеннымъ къ окончанію примиреніемъ, перешелъ опять къ Игнату и, слегка приготовивъ его, привелъ къ Шкалику въ переднюю, гдѣ и заставилъ ихъ, къ обоюдному удивленію и къ своему большому удовольствію поцѣловаться. Шкаликъ хладнокровно отеръ усы и, не взглядывая на Игната, простился, замѣтивъ, что съ нимъ денегъ только цѣлковый, а что онъ привезетъ остальныя завтра. «Вотъ, — думалъ Николинька, какъ легко сдѣлать доброе дѣло. Вмѣсто вражды, которая могла довести ихъ, Богъ знаетъ, до чего и лишить ихъ душевнаго спокойствія, они теперь искренно помирились.

Глава [5]. Умный человѣкъ.[1]

Шкаликъ, не заѣзжая домой, отправился въ городъ, — прямо въ нижнюю слободу, и остановился у развaленнаго домика чинов[ницы] Кошановой. Исхудалая, болѣзненная и оборванная женщина въ чепцѣ стояла въ углу сорнаго, вонючаго двора и мыла бѣлье. 10-лѣтній мальчикъ въ одной рубашёнкѣ, одномъ башмакѣ съ ленточкой, но въ соломенномъ картузикѣ сидѣлъ около нея и дѣлалъ изъ грязи плотину на мыльномъ ручьѣ, текшемъ изъ подъ корыта, 6-лѣтняя дѣвочка въ чепчикѣ съ засаленными, розовыми лентами лежала на животѣ посереди двора и надрывалась отъ крика и плача, но не обращала на себя ничьяго вниманія.

— Здраствуйте, Марья Григорьевна, — сказалъ Шкаликъ, въѣзжая на дворъ и обращаясь къ женщинѣ въ чепцѣ, какъ бы вашего Василья Федорыча увидать?

— И, батюшка, Алексѣй Тарасычь, — отвѣчала женщина, счищая мыло съ своихъ костлявыхъ рукъ, — 4-ую недѣлю не вижу.

— Что такъ?

— Пьетъ! — грустно отвѣчала женщина.

---

[1] *Позднейшая помета Толстого.*

Въ одномъ словѣ этомъ и голосѣ, которымъ оно было сказано, заключалось выраженіе продолжительнаго и тяжелаго горя.

— Вѣрите-ли, до чего дошли: ни хлѣба, ни дровъ, ни денегъ, ничего нѣтъ, такъ приходилось, что съ дѣтьми хоть съ сумой иди. Спасибо, добрые люди нашлись, дали работу, да и то мое здоровье какое? Куда мнѣ стиркой заниматься? — продолжала женщина, какъ будто вспоминая лучшія времена. Вотъ только тѣмъ и кормлюсь: куплю въ день двѣ булочки, да и дѣлю между ними, — прибавила она, какъ видно съ удовольствіемъ распространяясь о своемъ несчастіи и указывая на дѣтей. А печки мы, кажется, съ Пасхи не топили. Вотъ жизнь моя какая, и до чего онъ довелъ меня безчувственный, а кажется, могъ бы семью прокормить. Ума палата, кажется, по его уму министромъ только-бы быть, могъ бы въ свое удовольствіе жить и семейство... все водочка погубила.—

— А развѣ не знаешь, гдѣ онъ? Мнѣ дѣльце важное до него есть.

Описаніе нищеты подѣйствовало на Шкалика, должно быть, не такъ, какъ ожидала Марья Григорьевна; онъ презрительно посматривалъ на нее и, говорилъ ей уже не «вы», а «ты».

— Говорятъ, на съѣзжей сидитъ. Намедни, слышно, они у Настьки гуляли; такъ тамъ драка какая-то съ семинарскими случилась. Говорятъ, мой-то Василій Ѳедоровичъ въ сердцахъ одному палецъ откусили что-ли. Богъ ихъ знаютъ.

— Онъ теперь трезвый, я-чай?

Женщина помолчала немного, утерла глаза щиколками руки и ближе подошла къ лошади Шкалика.

— Алексѣй Тарасычь! вамъ вѣрно его надо насчетъ бумагъ. Вы сами знаете — онъ вамъ ужъ писалъ, такъ, какъ онъ, никто не напишетъ. Ужъ онъ кажется самому Царю напишетъ. Сдѣлайте такую милость, Алексѣй Тарасычь, продолжала Марья Григорьевна, краснѣя и кланяясь, — не давайте ему въ руки ничего за труды: все пропьетъ. — Сдѣлайте милость, мнѣ отдайте. Видите мою нищету.

— Это ужъ тамъ ваше дѣло. Мое дѣло заплатить

— Вѣрите-ли, со вчерашняго утра у дѣтей куска хлѣба въ ротѣ не было, хоть бы вы...— но тутъ голосъ Марьи Григорьевны задрожалъ, лицо ее покраснѣло, она быстро подошла къ корыту, и слезы покатились въ него градомъ.

— А пускаютъ ли къ нему? — спросилъ Шкаликъ, поворачивая лошадь.

Марья Григорьевна махнула рукой и, рыдая, принялась стирать какую-то салфетку.

Всѣ, кто только зналъ Василья Феодоровича, отзывались о немъ такъ: «О! умнѣйшій человѣкъ, и душа чудесная, только одно...»

Такое мнѣніе основывалось не на дѣлахъ его, потому что никогда онъ ничего ни умнаго, ни добраго не сдѣлалъ, но

единственно на утвердившемся мнѣніи о его умѣ, краснорѣчіи и на томъ, что онъ будто-бы служилъ въ Сенатѣ. «Заслушаешься его рѣчей», говорили его знакомые и въ особенности тѣ, которые обращались къ нему для сочиненія просьбъ, писемъ, докладныхъ записокъ и т. п. Въ сочиненіи такого рода бумагъ для безграмотныхъ людей и состояли съ незапамятныхъ временъ его средства къ существованію въ то короткое время года, въ которое онъ не пилъ запоемъ или, какъ, смягчая это выраженіе, говорили о немъ, — не бывалъ болѣнъ.—

Мы не беремся рѣшать вопроса, дѣйствительно ли существуетъ эта болѣзнь, къ которой особенно склоненъ извѣстный классъ русскаго народа, но скажемъ только одно: по нашему замѣчанію, главные симптомы этой болѣзни составляютъ безпечность, безчестный промыселъ, равнодушіе къ семейству и упадокъ религіозныхъ чувствъ, общій источникъ которыхъ есть полуобразованіе.

Хотя у[мнѣйшій] человѣкъ зналъ отчасти гражданскіе и уголовные законы, но въ бумагахъ, сочиняемыхъ имъ, ясность и основательность изложенія дѣла большей частью приносилась въ жертву риторическимъ цвѣтамъ, такъ что сквозь слова «высокодобродѣтельный, всемилостивѣйше снизойдти, одръ изнурительной медицинской болѣзни» и т. п., восклицательныя знаки и розмахи пера, смыслъ проглядывалъ очень, очень слабо. Это-то, кажется, и нравилось тѣмъ, которые обращались къ нему. Лицо его, украшенное взбитымъ полусѣдымъ хохломъ, выражало добродушіе и слабость; никакъ нельзя было предполагать, чтобы такой человѣкъ могъ откусить палецъ семинаристу.

У[мнѣйшій] человѣкъ небритый, испачканный, избитый и испитой, въ одной рубашкѣ, лежалъ на кровати сторожа и не былъ пьянъ. Онъ внимательно выслушалъ разсказъ Шкалика о дѣлѣ его съ Княземъ. Шкаликъ обращался съ Василіемъ Ѳедоровичемъ съ чрезвычайнымъ почтеніемъ. Узнавъ, что заболѣвшая отъ побоевъ баба была взята въ устроенную недавно Княземъ больницу и уже выздоровѣла, что отъ Князя никакого прошенія не поступало, а должно было поступить такого-то содержанія (Шкаликъ досталъ отъ конторщика черновое прошеніе), что свидѣтель былъ только одинъ, у[мнѣйшій] человѣкъ сказалъ, что никто, кромѣ его, не можетъ устроить этаго дѣла, но что онъ, такъ и быть, берется за него, тѣмъ болѣе, что Шкалику выгоднѣе, вмѣсто того, чтобы платить 50 р. какому-то ⟨Рюрику⟩[1] мужлану, заплатить ему хоть 15. «Такъ-то, братъ Алешка», — сказалъ онъ, приподнимаясь. — «Такъ точно», — отвѣчалъ Шкаликъ. Послѣ этаго умнѣйшій человѣкъ, не слушая обычныхъ лестныхъ словъ Шкалика насчетъ своего высокаго ума, впалъ въ задумчивость. Плодомъ этой задумчи-

[1] Бранное выраженіе, означающее грубый мужикъ.

вости были двѣ бумаги слѣдующаго содержанія: 1) По титулѣ: такого-то и туда прошенія, а о чемъ тому слѣдуютъ пункты. 1) Проѣзжая туда-то и туда-то, нашелъ на полянѣ такой-то и такой-то сѣно мое расхищеннымъ (ночью должно было разломать два стога и увезти во дворъ); 2) похитителями были хабаровскіе крестьяне, въ чемъ я удостовѣрился, заставъ ихъ на мѣстѣ преступленія. 3) Увидавъ, что гнусный и преступный замыселъ ихъ открытъ, они возъимѣли намѣреніе лишить меня жизни, но всемилостивѣйшее Провидѣніе спасло меня незримымъ перстомъ своимъ и т. д.; 4) и потому прошу, дабы съ злоумышленными похитителями онаго сѣна, и грабителями поступлено было по законамъ. Къ подачѣ надлежитъ туда-то, сочинялъ такой-то и т. д.

2-ая бумага — отзывъ на прошеніе, которое могъ подать Князь.

Въ числѣ похитителей сѣна, означенныхъ въ прошеніи моемъ, поданномъ тогда-то, преждевременно разрѣшившаяся безжизненнымъ плодомъ женщина Аѳенья Болхина не находилась, а поэтому въ несчастіи, ее постигшемъ, я не могъ быть причиненъ. Но, какъ слышно, произошло то отъ побоевъ мужа ея, наказывавшаго ее за распутное поведеніе. Боясь же открыть свое преступленіе помѣщику своему, студенту, князю Нехлюдову, имѣвшему къ выше упомянутой Аѳеньи особенное пристрастіе (что видно изъ того, что она была тотчасъ же взята для пользованія на барскій дворъ), вышеупомянутый крестьянинъ Болха ложно показалъ, что она находилась во время покражи моего сѣна и буйства, произведеннаго хабаровскими крестьянами такого-то числа на Савиной полянѣ, и что я могъ быть причиною несвоевременнаго ея разрѣшенія и т. д.

У[мнѣйшій] человѣкъ получилъ тотчасъ же обѣщанные 15 р., изъ которыхъ только полтинникъ, и то съ бранью перешелъ въ руки притащившейся съ дѣтьми въ слезахъ Марьи Григорьевны, а на остальныя же умнѣйшій человѣкъ и министръ продолжалъ быть болѣнъ, т. е. пить запоемъ. Шкаликъ съ радостной улыбкой получилъ, въ замѣнъ 15 р., двѣ краснорѣчивыя, драгоцѣнныя бумаги. Эти-то бумаги находились уже въ его кармазинномъ карманѣ, когда онъ послѣ обѣдни глубокомысленно говорилъ князю: «Всѣ подъ Богомъ ходимъ, Ваше Сіятельство».

Глава [6]. Размышленія Князя.[1]

Юный князь скорыми шагами шелъ къ дому. Прихожане съ любопытствомъ поглядывали на него, замѣчая отрывистые жесты, которые онъ дѣлалъ, разсуждая самъ [съ] собой. Онъ былъ сильно возмущенъ. «Нѣтъ! — думалъ Николинька, — безстыдная ложь, отпирательство отъ своихъ словъ, вотъ что возмущаетъ меня. Я не понимаю, даже не могу понять, какъ можетъ

[1] *Позднейшая помета Толстого.*

этотъ человѣкъ послѣ всего, что онъ мнѣ говорилъ, послѣ слёзъ, которыя казались искренними, такъ нагло отказываться отъ своихъ словъ и имѣть духу смотрѣть мнѣ въ глаза! Нѣтъ, правду говорилъ Яковъ, онъ рѣшительно дурной человѣкъ, и его должно наказать. Я буду слабъ, ежели я этаго не сдѣлаю. — Но правъ ли я? Не виноватъ-ли я въ томъ, что онъ теперь отказывается? Зачѣмъ я требовалъ эти проклятыя деньги? Мнѣ и тогда что-то говорило, что не годится въ такомъ дѣлѣ вмѣшивать деньги! Такъ и вышло. Можетъ, онъ точно раскаявался, но я привелъ это хорошее чувство въ столкновеніе съ деньгами, съ скупостью, и скупость взяла верхъ. Точно, 50 р. для Болхи значитъ много, и хотя не полное, но все-таки было вознагражденіе, а для него пожертвованіе 15 рублей было доказательствомъ его искренности. — Разумѣется, ежели-бы я теперь пересталъ требовать деньги, онъ охотно-бы помирился и опять поцѣловался-бы, — вспомнивъ эту, сдѣланную имъ смѣшную сцену между Шкаликомъ и Игнаткой, Князь вздрогнулъ и покраснѣлъ до ушей, — но что же бы это было за примиреніе? комедія. Довольно и разъ сдѣлать глупость. — Главное то, — продолжалъ Князь, нахмурившись и прибавляя шагу, — онъ меня одурачилъ. Я могу за это сердиться, могу желать отмстить ему, потомъ могу смѣяться надъ собой и своимъ сердцемъ, могу забывать и презирать его обиды. Все это будетъ очень любезно, — продолжалъ онъ иронически, — но какое я имѣю право забывать не свои обиды, а зло, несчастіе, которое онъ причинилъ людямъ, которыхъ я обязанъ покровительствовать, обязанъ, потому что они не имѣютъ средствъ сами защищаться. Ежели я оставлю дѣло это такъ, то что-же обезпечитъ не только собственность, но личность, семейство, — самыя священныя права моихъ крестьянъ? Они не могутъ защищать ихъ, поэтому обязанность эта лежитъ на мнѣ. Я самъ не могу защитить ихъ, поэтому я долженъ искать защиты у правительства. Да, я не съ Шкаликомъ буду тягаться, а я буду отстаивать самыя священныя права своихъ подданныхъ. Тутъ нѣтъ ни меня, ни Шкалика, а тутъ есть справедливость, которой я долженъ и буду служить. Николинька въ первый разъ началъ тяжбу. Это тревожило его. Хотя онъ и былъ юристомъ въ Университетѣ, но имѣлъ самое смутное и непріязненное понятіе о присутственныхъ мѣстахъ. Поэтому, чтобы рѣшиться имѣть съ ними дѣло, онъ долженъ былъ вызвать въ окружающихъ должное для него понятіе о долгѣ.—

Глава. Иванъ Чурисъ.[1]

Подходя къ Хабаровкѣ, Князь остановился, вынулъ изъ кармана записную книжку, которую всегда носилъ съ собой, и на

---

[1] *Позднейшая помета Толстого.*

одной изъ страницъ прочелъ нѣсколько крестьянскихъ съ отмѣтками именъ.

«Иванъ Чурисъ — просилъ сошекъ», прочелъ онъ и, взойдя въ улицу, подошелъ къ воротамъ 2-ой избы съ права.

Жилище Ивана Чуриса составляли полусгнившій, подопрѣлый съ угловъ срубъ, похилившійся и вросшій въ землю такъ, что надъ самой навозной завалиной виднѣлось одно разбитое оконце — красное волоковое съ полуоторваннымъ ставнемъ и другое — волчье, заткнутое хлопкомъ; рубленные сѣни, съ грязнымъ порогомъ и низкой дверью, которые были ниже перваго сруба, и другой маленькой срубъ, еще древнѣе и еще ниже сѣней; ворота и плетеная клеть. Все это было когда то покрыто подъ одну неровную крышу, теперь же только на застрѣхѣ густо нависла черная гніющая солома, на верху же мѣстами видѣнъ былъ рѣшетникъ и стропила. Передъ дворомъ былъ колодезъ съ развалившимся срубомъ, остаткомъ столба и колеса и съ грязной лужей, въ которой полоскались утки. Около колодца стояли двѣ старыя, старыя треснувшія и надломленныя ракиты, но все таки съ широкими блѣдно-зелеными вѣтвями. Подъ одной изъ этихъ ракитъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что кто[то] и когда-то заботился о украшеніи этаго мѣста, сидѣла 8-лѣтняя бѣлокурая дѣвчонка и заставляла ползать вокругъ себя другую 2-лѣтнюю дѣвчонку. Дворной щенокъ, вилявшій хвостомъ около нихъ, увидавъ Князя, опрометью бросился подъ ворота и залился оттуда испуганнымъ дребезжащимъ лаемъ.

— Дома-ли Иванъ? спросилъ Николинька.

Старшая дѣвочка остолбенѣла и начала все болѣе открывать глаза, меньшая раскрыла ротъ и сбиралась плакать. — Небольшая старушонка, притаившись въ сѣняхъ, повязанная бѣлымъ платкомъ, изъ подъ котораго выбивались полусѣдые волосы, и въ изорванной клетчатой поневѣ, низко подпоясанной старенькимъ, красноватымъ кушакомъ, выглядывала изъ за дверей.

Николинька подошелъ къ сѣнямъ. «Дома, кормилецъ», проговорила жалкимъ голосомъ старушонка, низко кланяясь и какъ будто очень испугавшись. Николинька, поздоровавшись, прошелъ мимо прижавшейся въ сѣняхъ и подперевшейся ладонью бабы на дворъ. На дворѣ бѣдно лежалъ клочьями старый почернѣвшій навозъ. На навозѣ валялся боровъ, сопрѣлая колода и вилы. Навѣсы вокругъ двора, подъ которыми кое-гдѣ безпорядочно лежали кадушки [?], сани, телѣга, колесо, колоды, сохи, борона, сваленныя въ кучу негодныя колодки для ульевъ, были вовсе раскрыты, и одна сторона ихъ вовсе обрушилась, такъ что спереди переметы лежали уже не на углахъ, а на навозѣ. Иванъ Чурисъ топоромъ и обухомъ выламывалъ плетень, который придавила крыша. Иванъ Чурисъ былъ человѣкъ лѣтъ 50, ниже обыкновеннаго роста. Черты его загорѣлаго

продолговатаго лица, окруженнаго темнорусою съ просѣдью бородою и такими-же густыми, густыми волосами были красивы и сухи. Его темно голубые, полузакрытые глаза выражали умъ и беззаботность. Выраженіе его рта рѣзко обозначавшагося, когда онъ говорилъ, изъ подъ длинныхъ рѣдкихъ усовъ незамѣтно сливающихся съ бородою, было столько-же добродушное, сколько и насмѣшливое. По грубости кожи глубокихъ морщинъ и рѣзко обозначеннымъ жиламъ на шеѣ, лицѣ и рукахъ, неестественной сутуловатости, особенно поразительной при маленькомъ ростѣ, кривому дугообразному положенію ногъ и большему разстоянію большаго пальца его руки отъ кисти, видно было, что вся жизнь его прошла въ работѣ — даже въ слишкомъ трудной работѣ.

Вся одежда его состояла изъ бѣлыхъ полосатыхъ партокъ, съ синими заплатками на колѣняхъ и такой же рубахи безъ ластовиковъ съ дырьями на спинѣ, показывающими здоровое бѣлое тѣло. Рубаха низко подпоясывалась тесемкой съ висѣвшимъ на ней негоднымъ ключикомъ.

— Богъ помочь тебѣ, Иванъ, — сказалъ Князь. Чурисенокъ (какъ называли его мужики), увидавъ Князя, сдѣлалъ энергическое усиліе, и плетень выпростался изъ подъ стропилъ; онъ воткнулъ топоръ въ колоду и, оправляя поясокъ, вышелъ изъ подъ навѣса.

— Съ праздникомъ, Ваше Сіятельство, — сказалъ онъ, низко кланяясь и встряхивая головой.

— Спасибо, любезный... вотъ пришелъ твое хозяйство провѣдать. Ты вѣдь сохъ просилъ у меня, такъ покажи ка на что онѣ тебѣ?

— Сошки?

— Да, сошки.

— Извѣстно на что сохи, батюшка Ваше Сіятельство, все старо, все гнило, живаго бревна нѣту-ти. Хоть мало-мальски подперѣть, сами изволите видѣть — вотъ анадысь уголъ завалился, да еще помиловалъ Богъ, что скотины въ ту пору не было, да и все то ели ели виситъ, — говорилъ Чурисъ, презрительно осматриваясь. — Теперь и стропила-ти и откосы, и переметы, только тронь, глядишь, дерева дѣльнаго не выдетъ. А лѣсу гдѣ нынче возьмешь?

— Такъ для чего-же ты просилъ у меня 5 сошекъ? — спросилъ Николинька съ изумленіемъ.

— Какже быть-то? старыя сохи подгнили, сарай обвалился, надо-же какъ нибудь извернуться...

— Да вѣдь ужъ сарай обвалился, такъ подпереть его нельзя, а ты самъ говоришь, что коли его тронуть, то и стропилы всѣ новыя надо. Такъ 5 сохъ тебѣ не помогутъ.

— Какого рожна подпереть, когда онъ на земли лежитъ.

— Тебѣ стало быть, нужно бревенъ, а не сошекъ, такъ и говорить надо было, — сказалъ Николинька строго.

— Вистимо нужно, да взять то гдѣ ихъ возьмешь. Не все-же на барскій дворъ ходить! Коли нашему брату повадку дать, то за всякимъ добромъ на барскій дворъ кланяться, какіе мы крестьяне будемъ? А коли милость ваша на то будетъ насчетъ 2 дубовыхъ макушекъ, что на гумнѣ лежатъ, говорилъ онъ, робко кланяясь и переминаясь, такъ тоже я, которыя подмѣню, которыя поурѣжу изъ стараго какъ-нибудь соорудаю. Дворъ-то зиму еще и простоитъ.

— Да и вѣдь ты самъ говоришь, что все пропащее: нынче этотъ уголъ обвалился, завтра тотъ и весь завалится. Какъ думаешь, можетъ простоять твой дворъ безъ починки года два, или завалится?

Чурисъ задумался и устремилъ внимательные взоры на крышу двора.

— Оно, може, и завалится, — сказалъ онъ вдругъ.

— Ну вотъ видишь ли! чѣмъ тебѣ за каждой плахой на барскій дворъ ходить (ты самъ говоришь, что это негодится), лучше сдѣлать твой дворъ заново. Я тебѣ помогу, потому что ты мужикъ старательный. Я тебѣ лѣса дамъ, а ты осенью все это заново и сдѣлай; вотъ и будетъ славно.

— Много довольны вашей милостью, — отвѣчалъ, почесываясь Чурисъ. (Онъ не вѣрилъ исполненію обѣщанія Князя.)

— Мнѣ хоть бревенъ 8 арш., да сошекъ, такъ я совсѣмъ справлюсь, а который негодный лѣсъ въ избу на подпорки, да на накатникъ пойдетъ.

— А развѣ у тебя изба плоха?

— Того и ждемъ съ бабой, что вотъ вотъ раздавитъ кого-нибудь. Намедни и то накатина съ потолка бабу убила.

— Какъ убила?

— Да такъ убила, Ваше Сіятельство, по спинѣ какъ полыхнетъ, и такъ она до ночи, сердешная, за мертво лежала.

— Что-жъ прошло?

— Прошло-то прошло, да Богъ ее знаетъ, все хвораетъ.

— Чѣмъ ты больна? — спросилъ Князь у охавшей бабы, показавшейся въ дверяхъ.

— Все вотъ тутъ не пущаетъ меня, да и шабашъ, — отвѣчала баба, указывая на свою тощую грудь.

— Отчего-же ты больна, а не приходила сказаться въ больницу? можетъ быть тебѣ и помогли.

— Повѣщали, кормилецъ, да недосугъ все. И на барщину, и дома, и ребятишки, все одна. Дѣло наше одинокое, — отвѣчала старушонка, жалостно потряхивая головой.

〈Учрежденное Княземъ съ такой любовью и надеждою на несомнѣнную пользу деревенское заведеніе для подаянія простыхъ медицинскихъ средствъ больнымъ крестьянамъ не могло принести пользы въ этомъ случаѣ, котораго онъ не только не предполагалъ, но и даже понять не могъ хорошенько. Это озадачило его, онъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ〉.

Глава 7. Его изба.[1]

〈Посмотримъ твою избу, сказалъ онъ, всходя въ нее. — На лѣво[2] отъ низкой двери въ углу передъ лавкою на земляномъ неровномъ полу стоялъ кривой столъ; съ той же стороны были примостки около печи, надъ столомъ въ углу стояла деревянная черная, черная икона съ мѣднымъ вѣнчикомъ, нѣсколько суздальскихъ картинокъ, истыканныхъ тараканами и покрытыхъ странными славянскими словами, были наклеены возлѣ. Но эти безграмотныя картинки и тараканы не помѣшали часто возноситься изъ этаго мрачнаго угла чистымъ услышаннымъ молитвамъ.〉[3]

〈За столомъ была широкая лавка, покрытая рогожей и овчинами, около нея и подъ ней стояли свѣтецъ, кадушки, ушатъ, ведра, ухватъ. Противуположную сторону занимали почернѣвшая большая смрадная печь и полати.〉

Неровныя темно сѣрыя стѣны были увѣшаны разнымъ тряпьемъ и хламомъ и покрыты тараканами. Изба была такъ мала, что въ ней буквально трудно было поворотиться, и такъ крива, что ни одинъ уголъ не былъ прямъ. Въ серединѣ потолка была большая щель и несмотря, что въ двухъ мѣстахъ были подпорки, потолокъ, казалось, не на шутку угрожалъ разрушеніемъ.

— Да, изба очень плоха, — сказалъ Князь, всматриваясь въ лицо Чурису, который потупившись, казалось, не хотѣлъ начинать говорить объ этомъ.

— Задавитъ насъ и ребятишекъ, задавитъ, — начала приговаривать баба, прислонившись къ стѣнѣ подъ полатями и, казалось, собираясь плакать.

— Ты не говори, — строго сказалъ ей Чурисъ и продолжалъ, обращаясь къ Князю и пожимая плечами, — и ума не приложу, что дѣлать, Ваше Сіятельство, и подпорки и подкладки клалъ; ничего нельзя исдѣлать. Какъ тутъ зиму зимовать? Коли еще подпорки поставить да новый накатникъ настлать, да переметъ перемѣнить, да покрыть хорошенько, такъ, може, какъ-нибудь и пробьемся зиму-то, только избу те всю подпорками загородишь, а прожить можно, а тронь, и такъ щепки живой не будетъ.

Николинькѣ было ужасно досадно, что Чурисъ не обратился прежде къ нему, тогда какъ онъ никогда не отказывалъ мужику и только того и добивался, чтобы всѣ прямо приходили къ нему за своими нуждами, — а довелъ себя до такого положенія; онъ очень золъ былъ за это на Чуриса, разсердился даже, пожалъ

---

[1] *Позднейшая помета Толстого.*

[2] *В подлиннике:* лѣвой

[3] *Зачеркнуто крест на крест. Раньше было после слов:* наклеены возлѣ: 〈Но я увѣренъ, что изъ однаго этаго мрачнаго угла возносилось къ Небу гораздо больше искреннихъ молитвъ, чѣмъ изъ сотни образныхъ съ золоченными иконами и налойчиками краснаго дерева〉.

плечами и покраснѣлъ, но видъ нищеты и спокойная беззаботность, окружающая его, нетолько смягчили его гнѣвъ, но даже превратилъ его въ какое-то грустное, но доброе чувство.

— Ну, какже ты, Иванъ, прежде не сказалъ мнѣ этого? — сказалъ онъ тономъ нѣжнаго упрека, садясь на лавку.

— Не посмѣлъ, Ваше Сіятельство, — отвѣчалъ Чурисъ, но онъ говорилъ это такъ смѣло и развязно, что трудно было вѣрить ему.

— Наше дѣло мужицкое, какъ мы смѣемъ, да мы... — начала было всхлипывая баба.

— Не гуторь, — лаконически сказалъ Чурисъ, полуоборачиваясь къ женѣ.

— Въ этой избѣ тебѣ жить нельзя, это вздоръ, — сказалъ Николинька, подумавъ нѣсколько, — а вотъ что мы сдѣлаемъ: видѣлъ ты каменныя герардовскія — эти съ пустыми стѣнами — избы, что я построилъ на Старой Деревнѣ?

— Какъ не видать-съ, — отвѣчалъ Чурисъ насмѣшливо улыбаясь, — мы не мало диву дались, какъ ихъ клали — такія мудреныя. Еще ребята смѣялись, что не магазеи-ли будутъ отъ крысъ въ стѣны засыпать. Избы важныя — острогъ словно.

— Да, избы славныя, и прочныя, и просторныя, и сухія, и теплыя, и двѣ семьи въ каждой могутъ жить, и отъ пожара не такъ опасно.

— Не спорю, Ваше Сіятельство.

— Ну такъ вотъ, одна изба чистая сухая десятиаршинная съ сѣнями и пустою клетью совсѣмъ ужъ готова, я тебѣ ее и отдамъ, ты свою сломаешь, она на амбаръ пойдетъ, дворъ тоже перенесешь, вода тамъ славная, огороды я вырѣжу тебѣ изъ новины. — Земли твои во всѣхъ трехъ поляхъ тоже тамъ подъ бокомъ вырѣжу. Что-жъ, развѣ это тебѣ не нравится? — сказалъ Князь, замѣтивъ, что какъ только онъ заговорилъ о переселеніи, Чурисъ съ тупымъ выраженіемъ лица, опустивъ глаза въ землю, не двигался съ мѣста.

— Вотъ, Ваше Сіятельство, — отвѣчалъ онъ, не поднимая глазъ. Старушонка выдвинулась впередъ, какъ будто задѣтая за живое и желая сказать свое мнѣніе.

— Вотъ, Ваше Сіятельство, — сказалъ Чурисъ, а на Старой Деревнѣ намъ жить не приходится.

— Отчего?

— Нѣтъ, Ваше Сіятельство, котъ насъ туды переселить, мы вамъ на вѣкъ мужиками не будемъ. Тамъ какое житье? Да тамъ и жить-то нельзя.

— Да отчего?

— Раззорѣнія, Ваше Сіятельство.

— Отчего?

— Какже тамъ жить? мѣсто не жилое, вода неизвѣстная, выгона нѣту-ти, коноплянники у насъ здѣсь искони навозныя, добрыя, а тамъ что? Да и что тамъ? голь! ни плетней, ни

авиновъ, ни сараевъ, ни ничего нѣту-ти. — Раззоримся мы, Ваше Сіятельство, коли насъ туда погоните. Мѣсто новое, неизвѣстное, — повторялъ онъ, задумчиво покачивая головой.

Николинька, нелюбившій слѣпого повиновенія отъ своихъ крестьянъ, — но худо-ли, хорошо, — считавшій необходимымъ объяснять имъ причины своихъ распоряженій, — особенно, касающихся ихъ собственно, вступилъ съ Чурисомъ въ длинное объясненіе выгодъ пересѣленія въ вновь устроенный имъ хуторъ. Николинька говорилъ дѣльно, но Чурисъ дѣлалъ иногда такія неожиданныя возраженія, что Князь приходилъ въ недоумѣніе. Такъ Чурисъ не предполагалъ возможности примежевать переселенному мужику земли около хутора, предвидя нескончаемыя распри по этому случаю между владѣльцами земель, онъ находилъ еще, что отрѣзывать около хутора особый выгонъ будетъ невыгодно и неудобно. Онъ сказалъ еще съ прикрытою добродушною простотою [?] насмѣшливостью, что по его мнѣнію хорошо бы посѣлить на хуторѣ стариковъ дворовыхъ и Алешу дурачка, чтобъ они бы тамъ хлѣбъ караулили.

«Вотъ бы важно-то было». Но главный аргументъ, и который онъ повторялъ чаще другихъ, былъ тотъ, что «мѣсто нежилое, необнакновенное».

— Да что-жъ, что мѣсто нежилое, отвѣчалъ терпѣливо Николинька, вѣдь и здѣсь когда-то мѣсто было нежилое, а вотъ живутъ, и тамъ вотъ ты только первый посѣлишься съ легкой руки.

— И, батюшка, Ваше Сіятельство, какъ можно сличить, съ живостью отвѣчалъ Чурисъ, какъ будто испугавшись, чтобы Князь не принялъ окончательнаго рѣшенія, это мѣсто съ тамошнимъ: здѣсь на міру мѣсто, мѣсто веселое, обычное и дорога, и прудъ тебѣ бѣлье что ли бабѣ стирать — скотину ли поить и все наше заведенье мужицкое, тутъ и гумно, и огородишки, и ветлы вотъ, что мои родители садили здѣсь, и дѣдъ мой, и батька здѣсь Богу душу отдали, и мнѣ только бы вѣкъ тутъ свой кончить, Ваше Сіятельство, больше ничего не прошу. Будетъ милость ваша избу поправить, много довольны вашей милостью, а нѣтъ, такъ и въ старенькой свой вѣкъ какъ-нибудь доживемъ. Заставьте вѣкъ Богу молить, — продолжалъ онъ съ чувствомъ и низко кланяясь, не сгоняйте меня съ гнѣзда нашего. Тутъ гнѣздо наше, Ваше Сіятельство.

Въ это время старушонка выскочила впередъ и въ слезахъ упала въ ноги совершенно сконфуженному Николинькѣ. — Не погуби, кормилецъ, ты нашъ отецъ, ты наша мать, куда намъ селиться, мы люди старые одинокіе, какъ Богъ, такъ и ты...

Николинька пришелъ въ сильнѣйшее волненіе: онъ вскочилъ съ лавки, морщился, краснѣлъ, не зналъ, куда дѣваться, и никакъ не могъ уговорить бабу перестать.

— Что ты! встань, пожалуйста. Коли не хотите, такъ не надо, я принуждать не стану, — говорилъ, разчувствовавшись Николинька, и безъ всякой причины махая руками.

Невыразимо грустное чувство овладѣло имъ, когда онъ сѣлъ опять на лавку, и въ избѣ водворилось молчаніе, прерываемое только хныканьемъ бабы, удалившейся подъ полати и утиравшей слезы рукавомъ рубахи; онъ понялъ, что значитъ для этихъ людей разваливающаяся избенка, обваленный колодезь съ лужей, гніющія ветлы передъ кривымъ оконцемъ, клевушки и сарайчикъ. Онъ понялъ, что какое бы ни было ихъ гнѣздо, они не могутъ не любить его. Пускай вся жизнь ихъ прошла въ немъ въ тяжеломъ трудѣ, горѣ и лишеніяхъ; но все-таки это было ихъ гнѣздо, въ немъ выражалась вся 50-лѣтняя трудная ихъ дѣятельность.

— Какже ты, Иванъ, не сказалъ при мірѣ прошлое Воскресенье, что тебѣ нужна изба, я теперь не знаю, какъ помочь тебѣ. Я говорилъ вамъ всѣмъ тогда, что я посвятилъ свою жизнь для васъ, что я готовъ самъ лишить себя всего, лишь бы вы были довольны и счастливы. — Слова эти ясно доказывали неопытную молодость Николиньки. Онъ не зналъ, что обѣщанія такого рода не прибавляютъ никакой цѣны ихъ исполненію, что, напротивъ, благодѣянія безъ приготовленій гораздо сильнѣе дѣйствуютъ на душу тѣхъ, которые ихъ получаютъ; не зналъ, что слова эти запомнются и въ случаѣ неисполненія ихъ, вселятъ недовѣріе въ его мужикахъ и въ немъ самомъ удвоятъ тяжелое чувство поздняго раскаянія. Онъ не зналъ и того, что такого рода изліянія не способны возбуждать довѣрія ни въ комъ и въ особенности въ русскомъ человѣкѣ, любящемъ не слова, а дѣло и не охотникѣ до выраженія чувствъ, хотя глубоко воспріимчивомъ. — Но простодушный Николинька не могъ не излить благородное чувство, преполнявшее его душу.

Чурисъ погнулъ голову на сторону и медленно моргая, съ принужденнымъ вниманіемъ, слушалъ Николиньку, какъ человѣка, котораго нельзя не слушать, хотя онъ и говоритъ вещи, совершенно до насъ не касающіяся и нисколько неинтересныя.

— Но вѣдь я не могу всѣмъ давать все, что отъ меня требуютъ. Ежели-бы я не отказывалъ всѣмъ, кто у меня проситъ лѣса, скоро у меня ничего не осталось, и я не могъ бы дать тому, кто истинно нуждается. Затѣмъ-то я и отдѣлилъ заказъ и опредѣлилъ его для исправленія крестьянскаго строенія. Лѣсъ этотъ теперь ужъ не мой, а вашъ — крестьянскій, и ужъ я имъ не могу распоряжаться, а распоряжается міръ, какъ знаетъ. Ты приходи нынче на сходку, я міру поговорю о твоей просьбѣ, коли онъ присудитъ тебѣ избу дать, такъ и хорошо, а у меня ужъ теперь лѣсу нѣтъ. Я отъ всей души желаю помочь, но дѣло уже не мое, а мірское.

— Мно́го довольны вашей милостью, — отвѣчалъ смущенный Чурисъ, — коли на дворъ лѣску ублаготворите, такъ мы и такъ поправимся.

— Нѣтъ, ты приходи.

— Слушаю.

Николинькѣ видно хотѣлось еще спросить что-то, онъ не вставалъ и послѣ довольно непріятнаго для него молчанія, онъ робко спросилъ, заглядывая въ пустую нетопленную печь: — Чтс вы ужъ обѣдали?

Подъ усами Чуриса обозначилась нѣсколько насмѣшливая и вмѣстѣ грустная улыбка, онъ не отвѣчалъ.

— Какой обѣдъ, кормилецъ? — тяжело вздыхая, проговорила баба: — хлѣбушка поснѣдали, вотъ и обѣдъ нашъ. За снытkой нынче ходить неколи было, такъ и щецъ сварить не изъ чего, что кваску было тамъ — ребятамъ дала.

— Нынче постъ голодный, Ваше Сіятельство, — вмѣшался Чурисъ, — хлѣбъ, да лукъ, вотъ и пища наша мужицкая. Еще слава-ти Господи, хлѣбушка-то у меня, по милости Вашей, по сю пору хватило, а то сплошь и хлѣба-то нѣту, а луку нынѣ вѣздѣ недородъ, у Михаила Брюхина за пучокъ по грошу берутъ, а покупать нашему брату не откуда. Съ пасхи, почитай, что и въ Церкву не ходилъ: — свѣчку Миколѣ не на что купить.

Николинька зналъ въ какой бѣдности живутъ крестьяне, но мысль эта была такъ невыносимо тяжела для него, что онъ противъ воли забывалъ истину и всякій разъ, когда ему напоминали ее, у него на сердцѣ становилось еще грустнѣе и тяжеле.

— Отчего вы такъ бѣдны? — сказалъ онъ, думая вслухъ.

— Да какъ-же намъ и быть, батюшка, какъ не бѣднымъ? Земля наша какая? вы сами изволите знать, глина, бугры, да и то, видно, прогнѣвали мы Бога, вотъ ужъ съ холеры, почитай, хлѣба не родитъ. Луговъ и угодьевъ опять меньше стало, которыя позаказали, которыя попридрали. Дѣло мое одинокое, старое..., гдѣ и радъ-бы похлопоталъ — силъ моихъ нѣту. Старуха моя больная, что ни годъ, то дѣвчонокъ рожаетъ. Вѣдь всѣхъ кормить надо. Вотъ одинъ маюсь, а 7 душъ дома. — Грѣшенъ Господу Богу, часто думаю себѣ: хоть-бы прибралъ ихъ Богъ поскорѣе, и мнѣ бы легче было, да имъ то, сердечнымъ, лучше, чѣмъ здѣсь горе мыкать. — Вотъ моя подмога, вся тутъ, продолжалъ онъ, указывая на бѣлоголоваго, шаршаваго мальчика лѣтъ семи, который съ огромнымъ животомъ въ это время робко подошелъ къ нему и, уставивъ изъ подлобья удивленные глаза на Николиньку, сморщился и изо всѣхъ силъ ковырялъ у себя въ носу. — Вотъ и подсобка, — продолжалъ звучнымъ голосомъ Чурисъ, проводя своей шаршавой рукой по лицу ребенка,—когда его дождешься; а мнѣ ужъ работу не въ мочь. Старость-бы еще ничего, да грыжа меня одолѣла. Въ ненастье хоть крикомъ кричи; а вѣдь ужъ мнѣ давно въ старики пора, вонъ Данилкинъ[?] Ермишка — всѣ моложе меня, а ужъ давно земли сложили. Ну мнѣ сложить не на кого, вотъ бѣда моя, а кормиться надо, вотъ и бьюсь, Ваше Сіятельство.

— Какъ же быть, вѣдь міръ не согласится съ тебя земли сложить.

— Извѣстно дѣло, коли землей владать, то и барщину

править надо, какъ-нибудь малаго дождусь, только будетъ милость ваша насчетъ училища его увольте, а то намедни Земской приходилъ, говорилъ Его Сіятельство гнѣваться изволятъ, что мальчишки нѣтъ. — Вѣдь какой у него разумъ, Ваше Сіятельство, онъ еще и ничего не смыслитъ.

— Нѣтъ, Иванъ, мальчикъ твой ужъ можетъ понимать, ему учиться пора. — Вѣдь я для твоего-же добра говорю, ты самъ посуди, какъ онъ у тебя подрастетъ, хозяиномъ станетъ, да будетъ граммоти знать и считать будетъ умѣть, и въ Церкви читать, вѣдь все у тебя дома съ Божьей помощью лучше пойдетъ, — договорилъ Николинька, стараясь выражаться какъ можно популярнѣе.

— Не спорно, Ваше Сіятельство, да дома-то побыть некому: мы съ бабой на барщинѣ, онъ хоть и маленекъ, а все подсобляетъ: и скотину загнать, лошадей напоить. Какой ни есть, а все мужикъ, — и онъ съ улыбкой опять провелъ рукою по его лицу.

— Все таки ты присылай его, когда ты самъ дома, и когда ему время, — слышишь.

— Слушаю, — неохотно отвѣчалъ Чурисъ.

— Да, я еще хотѣлъ сказать тебѣ, — сказалъ Николинька,— отчего у тебя навозъ не довоженъ?

— Какой у меня навозъ? и возить нечего, 2-хъ кучь не будетъ. Скотина моя какая: кобыла, да коровенка, а телушка осенью изъ телятъ Ш[калику?] отдалъ вотъ и скотина моя.

— Отчего-жъ у тебя скотины мало, а ты осенью ей телку изъ телятъ отдалъ?

— Кормить нечѣмъ.

— Развѣ соломы не достанетъ тебѣ на 2-хъ коровъ-то, вѣдь у другихъ достаетъ.

— У другихъ земли навозныя, а моя земля глина.

— Такъ вотъ ты и навозь, чтобы не было глины и чтобы было чѣмъ скотину кормить.

— Да и скотины-то нѣту. Какой будетъ навозъ. — Опять и то сказать, Ваше Сіятельство, не навозъ хлѣбъ родитъ, а все Богъ. Вотъ у меня лѣтось на прѣсномъ осьминникѣ 6 копенъ стало, а съ навозной и крестца не собрали. Никто, какъ Богъ, — прибавилъ онъ со вздохомъ. — Да и скотина мнѣ ко двору нейдетъ, вотъ лѣтось одна телка сдохла, другую продали, и за прошлый годъ важная корова пала. — Все мое несчастье.

— Ну, братецъ, чтобы ты не говорилъ, что у тебя скотины нѣтъ отъ того, что корму нѣтъ, а корму нѣтъ, оттого, что скотины нѣтъ, вотъ возьми себѣ 7 р. с., — сказалъ Николинька, доставая и разбирая скомканную кучку асигнацій изъ кармана шароваръ, и купи себѣ на мое счастье корову, а кормъ бери съ гумна, я прикажу. Смотри же, чтобы къ будущему Воскресенью у тебя была корова, я зайду.

Чурисъ такъ долго съ улыбочкой переминался, не подвигая руку за деньгами, что привелъ Николиньку въ краску

и заставилъ протянутую руку Николиньки дрожать отъ напряженія и положить наконецъ деньги на столъ.

— Много довольны вашей милостью, — сказалъ Чурисъ съ улыбкой, жена-же его опять бросилась въ ноги, начала плакать и приговаривать, «вы наши отцы, вы наши матери кормилицы».

Не въ силахъ будучи укротить ее, Николинька вышелъ на улицу, а за нимъ вслѣдъ Чурисъ.

— Я радъ тебѣ помогать, — сказалъ Николинька, останавливаясь у колодца и отвѣчая на благодарности Чуриса, — тебѣ помогать можно, потому что я знаю, ты не лѣнишься. Будешь трудиться и я буду помогать, съ Божьей помощью и поправишься.

— Ужъ не то что поправиться, только бы не совсѣмъ разориться, Ваше Сіятельство. Жили при бачкѣ съ братьями то ни въ чемъ нужды не видали, а вотъ какъ помёръ онъ, да какъ разошлись, такъ все хуже, да хуже пошло. Все одиночество!

— Зачѣмъ же вы разошлись?

— Все изъ за бабъ вышло, Ваше Сіятельство. Тогда уже дѣдушки вашего не было, также какъ вы до всего самъ доходилъ. Славный порядокъ былъ, а то при немъ бы и думать не смѣли бы, запоролъ бы. Не любилъ покойникъ мужикамъ повадку давать. А нами послѣ вашего дѣдушки завѣдывалъ Алпатычь — не тѣмъ будь помянутъ — человѣкъ былъ пьяный, неопстоятельный. Пришли къ нему просить разъ, другой, нѣтъ, мылъ, житья отъ бабъ, позволь разойдтись, ну подралъ, подралъ, а наконецъ тому дѣлу вышло, все-таки поставили бабы на своемъ — врозь стали жить. А ужъ одинокій мужикъ — извѣстно какой. Ну, да и порядковъ то никакихъ не было, орудовалъ нами Алпатычъ, какъ хотѣлъ. Чтобъ было у тебя все, а изъ чего нашему брату взять, этаго не спрашивалъ. — Тутъ подушные прибавили, столовый запасъ то-же сбирать больше стали, а земель меньше стало, и хлѣбъ рожать пересталъ. Ну, а какъ межовка прошла, да какъ онъ у насъ наши навозныя земли въ господскій клинъ отрѣзалъ, злодѣй, и порѣшилъ насъ совсѣмъ, хоть помирай. Батюшка вашъ, Царство Небесное, баринъ добрый былъ, да мы его и не видали, почитай, все въ Москвѣ жилъ, ну, извѣстно и подводы туды чаще гонять стали. Другой разъ распутица, кормовъ нѣтъ, а вези. Нельзя-жъ безъ того. А съ опекой-то, — сказалъ онъ на распѣвъ, ухъ, много горя, много приняли мужички. Онъ махнулъ рукою и замолчалъ.

Ну, какъ теперь, Ваша Милость до своего лица всякаго мужичка допускаете, такъ и мы другіе стали, и прикащикъ-то другой человѣкъ сталъ. — Мы теперь знаемъ хоша, что у насъ баринъ есть, и ужъ какъ, и сказать нельзя, какъ мужички за это вашей милости благодарны.

Славный народъ и жалкій народъ, подумалъ Николинька, приподнялъ шляпу и пошелъ дальше.

Чурисъ былъ однимъ изъ тѣхъ мужиковъ, которыхъ Нико-

линька называлъ консерваторами, и которые составляли главный камень преткновенія для всѣхъ предполагаемыхъ имъ улучшеній въ хозяйствѣ и бытѣ самихъ крестьянъ. Чурисъ с тѣхъ поръ, какъ отдѣлился отъ своего брата, сталъ бѣденъ. Онъ былъ работящій, смѣтливый, веселый и добрый мужикъ. Хотя немножко болтунъ. Первые года онъ старался поправиться, поднять свое хозяйство; но судьба преслѣдовала его. то коровенка, то лошадь падетъ, то жена двойняшку родитъ, то на хлѣбъ незародъ. Управляющій же, радѣя о барской и преимущественно своей пользѣ, не переставалъ тянуть со всѣхъ мужиковъ все, что было можно вытянуть. При такихъ обстоятельствахъ безпрерывный трудъ и смѣтливость Чуриса не осуществляли его надеждъ: прикупить лошадку, другой станъ колесъ завести, землицы принанять, а только, только доставляли возможность буквально не замерзнуть и не умереть отъ голода ему и его семейству. Такъ прошло годъ, два и больше. Съ молодостью проходили тоже и надежды, которыя она породила (у нихъ тоже есть молодость и надежды). Наконецъ Чурисъ привыкъ къ мысли, что вся жизнь его должна пройти такъ, чтобы всевозможнымъ трудомъ добывать едва достаточныя средства къ существованію. Онъ почелъ такое состояніе нормальнымъ, необходимымъ. Странно сказать: онъ привыкъ къ нему и наконецъ полюбилъ свою привычку. — Такъ что ежели бы Чурису дали средства выйдти изъ бѣдности, въ которой онъ находился, онъ безсознательно не употребилъ бы ихъ, потому что слишкомъ привыкъ къ своему положенію. — Николинька испыталъ это. Всѣ пособія, которыя онъ давалъ такимъ консерваторамъ, ничего не помогали. И что-же было требовать отъ нихъ? Они продолжали проводить жизнь въ посильномъ трудѣ, но заставить ихъ трудиться не такъ, какъ они трудились всю свою жизнь, было невозможно. — «Богъ послалъ, Богъ не зародилъ, Богу угодно» вотъ аргументы, противъ которыхъ ничего не могли сдѣлать всѣ убѣжденія и совѣты Николиньки о необходимости порядочнаго, заботливаго хозяйства. И то сказать: какое утѣшеніе оставалось бы у этихъ людей, ежели бы они не думали, что тяжелый крестъ, который они несутъ, посланъ имъ отъ Бога, и что во всемъ одна воля Его.

Глава. Юхванка Мудреной.[1]

«Юхванка мудреный хочетъ лошадь продать», прочелъ Николинька въ записной книжечкѣ и перешелъ черезъ улицу къ двору Юхванки-Мудренаго.

Юхванкина изба была тщательно покрыта соломой съ барскаго гумна и срублена изъ свѣжаго свѣтло-сѣраго осиноваго лѣса, тоже изъ барскаго заказа, съ двумя выкрашенными

---

[1] *Позднейшая помета Толстого.*

красными ставнями у оконъ и крылечкомъ, съ навѣсомъ, съ затѣйливыми перильцами, вырѣзанными изъ досокъ. Сѣнцы и холодная изба были тоже исправны; но общій видъ довольства и достатка, который имѣла эта связь, нарушался нѣсколько пригороженной къ воротищамъ кисти съ недоплетенымъ заборомъ и раскрытымъ навѣсомъ, который виднѣлся изъ за нея. Въ то самое время, какъ Николинька подходилъ съ одной стороны къ крыльцу, — съ другой подходили двѣ женщины крестьянки, несшія ушатъ. Одна изъ нихъ была жена, другая — мать Юхванки. Первая была плотная, румяная баба, съ необыкновенно просторно развитой грудью, въ красномъ кумачевомъ платкѣ, въ чистой рубахѣ съ бусами на шеѣ, шитой на шеѣ и рукавахъ занавѣскѣ, яркой паневѣ и тяжелыхъ черныхъ смазанныхъ котахъ, надѣтыхъ на толсто намотанныя онучи. Конецъ водоноса не покачивался и плотно лежалъ на ея широкомъ и твердомъ плечѣ. Легкое напряженіе, замѣтное въ покраснѣвшемъ и обильно вспотѣвшемъ ея лицѣ, изгибѣ спины и мѣрномъ движеніи рукъ и ногъ еще болѣе выказывали ея силу и здоровье. Другой-же конецъ водоноса имѣлъ далеко не такую сильную и высокую опору. — Юхванкина мать была одна изъ тѣхъ старухъ, лѣта которыхъ невозможно опредѣлить, потому что онѣ, кажется, дошли уже до послѣдняго предѣла разрушенія въ живомъ человѣкѣ. — Корявый остовъ ея, на которомъ надѣта была черная изорванная рубаха и безцвѣтная панева, былъ буквально согнутъ дугою, такъ что водоносъ лежалъ скорѣе на спинѣ, чѣмъ на плечѣ ея. Обѣ руки ея съ искривленными пальцами, которыми она держалась за водоносъ, были какого-то темно-бураго цвѣта и, казалось, не могли уже разгибаться; понурая, мѣрно качавшаяся голова, обвязанная какимъ-то тряпьемъ, носила на себѣ самые тяжелые слѣды глубокой старости и нищеты. Изъ подъ узкаго лба, съ обѣихъ сторонъ котораго выбивались остатки желтосѣдыхъ волосъ, изрытаго по всѣмъ направленіямъ глубокими морщинами, тускло смотрѣли въ землю красные глаза, лишенные рѣсницъ, длинный носъ казался еще больше и безобразнѣе отъ страшно втянутыхъ щекъ и впалыхъ безцвѣтныхъ губъ. Одинъ огромный желтый зубъ выказывался изъ подъ верхней губы и сходился почти съ вострымъ подбородкомъ; подъ скулами и на горлѣ висѣли какіе то мѣшки, шевелившіеся при каждомъ движеніи; дыханіе ея было громко и тяжело, но босыя, искривленныя ноги — хотя волочась, но мѣрно двигались одна за другою. —

Юхванка былъ не родной ея сынъ, а пасынокъ. 5 лѣтъ онъ остался сироткой съ братомъ своимъ Алешой дурачкомъ. Вдовѣ оставили мужнину землю, и она одна своими трудами кормила сиротъ. Управляющій взялъ Юхванку къ себѣ, научилъ граммотѣ, а потомъ отдалъ на миткалевую фабрику. Вдова осталась одна съ Алешой и, не переставая трудиться,

довела хозяйство почти до цвѣтущаго положенія. Когда Юхванка уже сталъ на возрастѣ, вдова взяла его, женила и передала ему землю и все свое имущество. «Примѣрная мачиха», сказали бы в нашемъ быту, а у крестьянъ иначе и не бываетъ. Этаго еще мало: когда Юхванка сталъ въ домѣ хозяинъ, мачиха поняла, что она ему въ тягость — не трудно было ей о томъ догадаться, потому что, что на сердцѣ, то и на языкѣ у простаго человѣка. Юхванка можетъ быть не разъ намекалъ ей объ этомъ. — Чтобы не ѣсть даромъ хлѣбъ, мачиха не переставала трудиться по силѣ, по мочи. «Сноха женщина молодая — надо ее пожалѣть», говорила она себѣ и старалась исполнять всю трудную работу въ домѣ. Но сноха не жалѣла ее: часто посылала туда, сюда и даже выговаривала ей. — Старуха не думая о томъ, что все, что было въ дворѣ: скотина, лошади, снасть — все было пріобрѣтено ею, безропотно повиновалась и работала изъ послѣднихъ силъ — «какое примѣрное самоотверженіе», сказали бы въ нашемъ свѣтѣ, а у крестьянъ иначе и не бываетъ. У нихъ человѣкъ цѣнится по пользѣ, которую онъ приноситъ, и старый человѣкъ, зная, что онъ уже не зарабатываетъ своего пропитанія, старается тѣмъ больше, чѣмъ меньше у него остается силъ, чтобы хоть чѣмъ нибудь заплатить за хлѣбъ, который онъ ѣстъ. Зато бездѣйствіе, желчность, болѣзни, скупость и эгоизмъ старости неизвѣстны имъ такъ же, какъ и низкій страхъ медленно приближающей[ся] смерти — порожденія роскоши и праздности. Тяжелая трудовая дорога ихъ ровна и спокойна, а смерть есть только желанный конецъ ея, въ которомъ вѣра обѣщаетъ блаженство и успокоеніе. Да, трудъ — великій двигатель человѣческой природы; онъ единственный источникъ земнаго счастія и добродѣтели.

Почти столкнувшись съ Княземъ, молодая баба бойко составила ушатъ, потупилась, поклонилась, потомъ блестящими глазами изъ подлобья взглянула на Князя и, стараясь рукавомъ вышитой рубахи скрыть легкую улыбку, быстро, постукивая котами, взошла на сходцы и скрылась въ сѣняхъ, какъ будто находя неприличнымъ оставаться съ Княземъ на улицѣ. Скромному герою моему очень не понравились и движенія эти и нарядъ молодой бабы, онъ строго посмотрѣлъ ей вслѣдъ, нахмурился и обратился къ старухѣ, которая согнувъ еще болѣе свой и такъ лѣтами черезъ чуръ согнутый станъ, поклонилась и хотѣла сказать что-то, но, приложивъ руки ко рту, такъ закашлялась, что Николинька, не дождавшись ее, взошелъ въ избу. —

Юхванка, увидавъ Князя, бросился къ печи, какъ будто хотѣлъ спрятаться отъ него, поспѣшно сунулъ въ печурку какую-то вещь и съ улыбочкой провинившагося школьника остановился посерединѣ избы. Юхванка былъ русый, курчавый парень лѣтъ 30, худощавый, стройный, съ молодой

остренькой бородкой и довольно красивый, ежели бы не бѣгающіе каріе глазки, непріятно выглядывавшіе изъ подъ запухлыхъ векъ и недостатокъ 2-хъ переднихъ зубовъ весьма замѣтный, потому что губы были коротки и безпрестанно складывались въ улыбку. На немъ была праздничная, чистая рубаха, полосатые набойчатые портки и тяжелые сапоги съ сморщенными голенищами. Внутренній видъ избы былъ также бѣденъ, но не такъ мраченъ, какъ той, въ которую мы заглядывали. Двѣ вещи здѣсь останавливали вниманіе и какъ-то непріятно поражали зрѣніе: небольшой, погнутый самоваръ, стоящій на полкѣ, и портретъ какого то архимандрита съ кривымъ носомъ и шестью пальцами въ черной рамкѣ подъ остаткомъ стекла, около образовъ, изъ которыхъ одинъ былъ въ окладѣ.

Князь недружелюбно посмотрѣлъ и на самоваръ, и на архимандрита, и въ печурку, въ которой изъ-подъ какой то ветошки торчалъ конецъ трубки въ мѣдной оправѣ.

— Здраствуй, Епиѳанъ, — сказалъ онъ, глядя ему въ глаза. Епиѳанъ поклонился, пробормоталъ: «Здравія желаемъ, Ваше Сіятельство», особенно нѣжно выговаривая послѣднее слово, и глаза его мгновенно обѣгали всю фигуру Николиньки, избу, полъ и потолокъ, не останавливаясь ни на чемъ; потомъ онъ торопливо подошелъ къ полатямъ, стащилъ оттуда зипунъ и сталъ надѣвать его.

— Зачемъ ты одѣваешься? — сказалъ Князь, сядясь на лавку и слѣдя за нимъ глазами.

— Какже, помилуйте, Ваше Сіятельство, развѣ можно? Мы кажется можемъ понимать...

— Поди-ка сюда, — сказалъ Николинька, — замѣчая, что онъ ни на минуту не остается на мѣстѣ и указывая на середину избы, — я зашелъ къ тебѣ узнать, зачѣмъ тебѣ нужно продать лошадь, и много-ли у тебя лошадей, и какую ты лошадь хочешь продать?

— Мы много довольны вашей ласкою, Ваше Сіятельство, что не побрезгали зайдти ко мнѣ къ мужику, — отвѣчалъ Юхванка, бросая быстрые взгляды на архимандрита съ кривымъ носомъ, на печку, на сапоги Князя и на всѣ предметы, исключая лица Князя, — мы всегда за васъ Богу молимся...

— Зачѣмъ тебѣ нужно лошадь продать? — сказалъ Князь, возвышая голосъ.

Юхванка вздрогнулъ, встряхнулъ волосами, взглядъ его опять обѣжалъ избу и, замѣтивъ кошку, которая спокойно мурлыкала на полатяхъ, онъ крикнулъ на нее: «Брысь, подлая», и торопливо оборотился къ Князю.

— Лошадь старая, Ваше Сіятельство, негодная... коли-бы животина добрая была, я бы продавать не сталъ...

— А сколько у тебя всѣхъ лошадей?

— 3 лошади, Ваше Сіятельство.

— А жеребятъ нѣтъ?

— Какъ можно, и жеребенокъ есть.

— Пойдемъ, покажи мнѣ своихъ лошадей, онѣ у тебя на дворѣ?

— Такъ точно-съ, Ваше Сіятельство. Какъ мнѣ приказано, такъ и сдѣлано, развѣ мы можемъ ослушаться. Мнѣ приказалъ Яковъ Ильичъ, чтобъ, мылъ, лошадей завтра въ поле не пущать, мы и не пущаемъ. Ужъ мы не смѣемъ ослушаться...

Покуда Николинька выходилъ въ двери, Юхванка вынулъ трубку изъ печурки и сунулъ ее на полати подъ полушубокъ. Худая сивая кобыленка перебирала старый навозъ подъ навѣсомъ, 2-хъ мѣсячный длинноногій жеребенокъ какого то неопредѣленнаго цвѣта съ голубоватыми ногами и мордой не отходилъ отъ ея тощаго, засореннаго рѣпьями желтоватаго хвоста. Посерединѣ двора, зажмурившись и задумчиво опустивъ голову, стоялъ утробистый гнѣдой меренокъ. —

— Такъ тутъ всѣ твои лошади?

— Никакъ нѣтъ-съ, вотъ еще кобылка, да вотъ жеребенокъ, — отвѣчалъ Юхванка, указывая подъ навѣсъ.

— Я вижу. Такъ какую-же ты хочешь продать?

— А вотъ евту-съ, — отвѣчалъ онъ, махая полой зипуна на задремавшаго меренка. Меренокъ открылъ глаза и лѣниво повернулся къ нему хвостомъ.

— Онъ не старъ на видъ и собой лошадка плотная, — сказалъ Князь, — поймай-ка его, да покажи мнѣ зубы.

— Никакъ не можно поймать-съ одному, вся скотина гроша не стоитъ, а норовистая и зубомъ, и передомъ, — отвѣчалъ Юхванка, плутовски улыбаясь и пуская глаза въ разныя стороны.

— Что за вздоръ! поймай тебѣ говорятъ!

Юхванка долго улыбался, переминался и только тогда, когда Николинька сказалъ: «Ну!» бросился подъ навѣсъ, принесъ оброть и сталъ гоняться за меренкомъ, пугая его и подходя сзади, а не спереди.

Николинькѣ надоѣло смотрѣть на это.

— Дай сюда оброть, — сказалъ онъ.

— Помилуйте, Ваше Сіятельство... не извольте...

— Дай сюда.

Юхванка подалъ. Николинька прямо подошелъ къ меренку съ головы и вдругъ ухватилъ его за уши и пригнулъ къ землѣ съ такой силой, что несчастный меренокъ, который былъ самая смирная мужицкая лошадка въ мірѣ — зашатался и захрипѣлъ. Замѣтивъ, что совершенно напрасно было употреблять такія усилія, Николинькѣ стало досадно, тѣмъ болѣе, что Юхванка не переставалъ улыбаться; онъ покраснѣлъ, выпустилъ уши бѣдной лошади, которая никакъ не понимала, чего отъ нее хотятъ, и безъ помощи оброти, преспокойно открылъ ей ротъ и посмотрѣлъ зубы. Клыки были цѣлы, чашки полныя; стало быть, лошадь молодая.

Юхванка въ это время нашелъ, что борона лежитъ не на мѣстѣ, онъ поднялъ и поставилъ ее стоючи, прислонивъ къ плетню.

— Поди сюда, — крикнулъ Николинька. — Что эта лошадь старая?

— Помилуйте, Ваше Сіятельство, вѣдь такой смоляной зубъ бываетъ, а ужъ я...

— Молчать! Ты лгунъ и негодяй, потому что честный мужикъ не станетъ лгать, ему не зачѣмъ. Ну на чемъ ты выѣдешь пахать, когда продашь эту лошадь. Тебя нарочно посылаютъ на пѣшія работы, чтобы ты поправлялся лошадьми къ пахотѣ, а ты послѣднюю хочешь продать, вѣдь другимъ обидно за тебя земляную работу работать, а главное зачѣмъ ты лжешь?

Юхванка во время этой нотаціи опустилъ глаза внизъ, но и тамъ они ни на секунду не оставались спокойными.

— Мы, Ваше Сіятельство, — отвѣчалъ онъ, — не хуже другихъ на работу выѣдемъ.

— Да на чемъ ты выѣдешь?

— Ужъ будьте покойны, Ваше Сіятельство, голышами не будемъ, — отвѣчалъ онъ, безъ всякой надобности нукая на мерена и отгоняя его. — Коли-бы не нужда, то сталъ-бы развѣ продавать.

— Зачѣмъ-же тебѣ нужны деньги?

— Хлѣба нѣту-ти ничего, да и Болхи отдать долгъ надо.

— Какъ хлѣба нѣту? Отчего-же у другихъ, у семейныхъ еще ѣсть, а у тебя у безсемейнаго нѣту? — Куда-жъ онъ дѣвался?

— Ѣли, Ваше Сіятельство, а теперь ни крохи нѣтъ, лошадь я къ осени передъ Богомъ куплю.

— Лошадь продавать и думать не смѣй.

— Что-жъ, Ваше Сіятельство, коли такъ, то какая-же наша жизнь будетъ, и хлѣба нѣту, и продать ничего не смѣй, — отвѣчалъ онъ, кинувъ бѣглый, но дерзкій взглядъ на лицо Князя.

— Не сдобровать тебѣ, Ѳеоѳан, ежели ты не исправишься, — сказалъ Николинька медленно, — потому что такихъ мужиковъ. какъ ты, держать нельзя.

— На то воля ваша, — отвѣчалъ онъ спокойно, — коли я вамъ не заслужилъ. А кажется за мной никакихъ качествъ не замѣчено. Извѣстно, ужъ коли я вашему Сіятельству не полюбился! только не знаю за что?

— А вотъ за что: за то, что у тебя дворъ раскрытъ, ѣсть нечего, навозъ не запаханъ, плетни поломаны, а ты сидишь дома, да трубочку покуриваешь.

— Помилуйте, Ваше Сіятельство, я и не знаю, какія онѣ трубки то бываютъ.

— Вотъ ты опять лжешь.

— Какъ я смѣю лгать, Ваше Сіятельство.

— Все это: трубки, самоваръ, сапоги, все это не бѣда, коли достатокъ есть, да и то нейдетъ, а бѣдному мужику, который послѣднюю лошадь продаетъ — это не годится. Опять сколько разъ я тебѣ говорилъ, чтобы ты въ городъ не смѣлъ отлучаться безъ спросу; а ты опять въ Четвергъ ѣздилъ барана продавать и съ фабричными по кабакамъ шляться. Вѣдь я про тебя все знаю, не хуже твоихъ сосѣдей. Тебѣ старуха полный дворъ отдала и скотины, и лошадей, всего было довольно, а ты его разворилъ, такъ что тебѣ 3-хъ душъ кормить нечѣмъ, да еще и ее почитать не хочешь. И баба твоя тоже, чѣмъ бы работать, когда у васъ хлѣба нѣтъ, только знаетъ, что въ платки, да въ коты наряжается. Ты мужъ, ты за ней смотрѣть долженъ. Ежели ты мужикомъ хорошимъ хочешь быть, такъ ты свою фабричную жизнь, и трубочки, и самоварчики оставь, да занимайся землей и хозяйствомъ, а не тѣмъ, чтобы съ объѣздчиками казенный лѣсъ воровать, да по кабакамъ зипуны закладывать. Коли тебѣ въ чемъ нужда, то приди ко мнѣ, попроси прямо, что нужно и зачѣмъ а не лги, тогда я тебѣ не откажу ни въ чемъ, что только могу сдѣлать.

— Помилуйте, Ваше Сіятельство, мы кажется можемъ понимать, — отвѣчалъ онъ, улыбаясь, какъ будто вполнѣ понималъ всю прелесть шутки Князя.

Николинька понялъ, какъ мало дѣйствительны могутъ быть его увѣщанія и угрозы противъ порока, воспитаннаго невѣжествомъ и поддерживаемаго нищетой, съ тяжелымъ чувствомъ унынія вышелъ на улицу. На порогѣ сидѣла старуха и плакала.

— Вотъ вамъ на хлѣбъ, — прокричалъ Николинька на ухо, кладя въ руку депозитку въ 3 р., только сама покупай, а не давай Юхванкѣ, а то онъ пропьетъ.

Старуха собралась благодарить, голова ее закачалась быстрѣе, но Николинька уже прошелъ дальше.

«Давыдка Козелъ просилъ хлѣба и кольевъ», значилось въ книжечкѣ послѣ Юхванки. —

«Какъ опять къ мужику?» скажетъ читатель. Да, опять къ мужику, преспокойно отвѣтитъ авторъ и прибавитъ: Читатель! Ежели вамъ скучны путешествія моего героя, не переверты-вайте страницъ: интереснѣе ничего не будетъ, а бросьте книгу. И вамъ будетъ не скучно, и мнѣ будетъ пріятно. О васъ, читательница, я и не говорю. Не можетъ быть, чтобы вы дочли до этихъ поръ. Но ежели это случилось, то пожалуйста бросьте книгу, тутъ ничего нѣтъ для васъ ⟨интереснаго⟩ ни Графа богача соблазнителя въ заграничномъ платьѣ, ни маркиза изъ-за границы, ни Княгини съ кораловыми губами, ни даже чувствительнаго чиновника; о любви нѣтъ, да кажется и не будетъ ни слова, все мужики, мужики, какіе то сошки, мерена[?], сальныя исторіи о томъ, какъ баба выкинула, какъ мужики

живутъ и дерутся. — Рѣшительно нѣтъ тутъ ничего достойнаго вашего высокаго образованія и тонкихъ чувствъ. Вамъ, я думаю, надоѣло слушать, какъ супругъ или папенька вашъ возится съ мужиками; а можетъ быть даже вы никогда и не думали о нихъ; притомъ ихъ такъ много $^{9}/_{10}$ нашего народонаселенія, такъ чтоже это за рѣдкость: что же для васъ можетъ быть пріятнаго читать такую книгу, въ которой больше ничего нѣтъ, какъ мужики, мужики и мужики. — А можетъ быть въ васъ больше сердца, чѣмъ высокаго образованія и тонкихъ чувствъ, тогда читайте, милая добрая читательница, и примите дань моего искренняго къ вамъ удивленья и уваженья. Итакъ, я смѣло веду васъ вмѣстѣ съ Николинькой къ Давыдкѣ Бѣлому, избранные читатели, хотя изба его далеко на краю околицы. Но кто этотъ небольшой человѣкъ съ двумя крошечными, но густыми черными клочками усовъ подъ самымъ носомъ (по модѣ) съ большимъ брюхомъ, съ тяжелой палкой въ рукѣ, въ клеенчатой глянцовитой фуражкѣ, въ длинноломъ оливковомъ сертукѣ, изъ кармана котораго торчитъ фуляръ, въ часахъ съ цѣпочкой и въ голубыхъ узкихъ панталонахъ со стрипками? Онъ медленно величественной походкой идетъ намъ на встрѣчу и не отвѣчаетъ на поклоны крестьянъ, которые издали набожно кланяются ему. Ужъ не старый-ли это Князь? Онъ больше похожъ на Князя, чѣмъ нашъ худощавый Николинька, который вѣчно торопится и ходитъ не слишкомъ чисто. Такъ по крайней мѣрѣ думаютъ Хабаровскіе мужички и дворовые при видѣ часовъ, платковъ, торчащихъ изъ кармана, и пуза, которое отростилъ себѣ Яковъ Ильичь — прикащикъ. Завидѣвъ Николиньку, который остановился, чтобы подождать прикащика, Яков Ильичъ сбросилъ съ себя величіе, какъ негодящійся при такихъ обстоятельствахъ предметъ, и скорыми шагами, спрятавъ платки въ глубину кармана, тяжело дыша отъ необычайной толщины, подошелъ къ Князю и снялъ блестящую фуражку.

— Надѣнь Яковъ.

Яковъ надѣлъ.

— Гдѣ изволили быть, Ваше Сіятельство?

— Былъ у Юхванки. Скажи пожалуйста, что намъ съ нимъ дѣлать?

— А что, Ваше Сіятельство?

Князь разсказалъ ему бѣдность, въ которую вводитъ себя Юхванка и его нерадѣніе къ хозяйству, «какъ будто онъ хочетъ отъ рукъ отбиться», прибавилъ онъ.

— Не знаю, Ваше Сіятельство, какъ это онъ такъ вамъ не показался: онъ мужикъ умный, грамотный, при сборѣ подушныхъ онъ всегда ходитъ и ничего, честный, кажется, мужикъ, и старостой при моемъ ужъ управленіи 3 года ходилъ, тоже ничѣмъ не замѣченъ. Въ третьемъ годѣ опекуну угодно было его ссадить, такъ онъ и на тяглѣ исправенъ былъ. Нешто

хмѣлемъ позашибаетъ, зато аккуратный мужикъ, учтивый, и самоварчикъ у него есть. Становой ли, землемѣръ, кто бывало заѣдетъ, или офицера поставятъ: все бывало къ нему. Обходительный мужикъ! —

— То-то и бѣда, — отвѣчалъ Николинька съ сердцемъ, что онъ никогда мужикомъ работникомъ не былъ, а только вотъ сборщикомъ ходить, фабричничать, старостой мошенничать, трубочки, да грамотки, да самоварчики. Онъ и хочетъ, кажется, чтобы я его съ земли снялъ, да на оброкъ пустилъ. Только я этаго не сдѣлаю, за что другіе за него работать будутъ? Мать его кормила, выростила, пусть и онъ ее кормитъ. Отпустить его несправедливо, а и дѣлать что съ нимъ, не знаю.

— Вотъ вы съ опекунами, — продолжалъ онъ горячо, — Яковъ Ильичъ снялъ фуражку. — Вмѣсто того, чтобы этакихъ негодяевъ изъ вотчины вонъ, въ солдаты отдавать — изъ лучшихъ семей брали и хорошихъ мужиковъ раззоряли.

— Да вѣдь не годится, — тихо отвѣчалъ Яковъ Ильичъ, — развѣ не изволили замѣтить, у него зубъ переднихъ нѣтъ?

— Вѣрно нарочно выбилъ?

— Богъ его знаетъ, ужъ онъ давно такъ.

— Счастіе, что такихъ негодяевъ мало, а то что бы съ ними дѣлать? — сказалъ Николинька.

— Надо постращать, коли онъ такъ себѣ попустилъ, — сказалъ, поддѣлываясь Яковъ Ильичъ.

— И то сходи-ка къ нему, да постращай его, а то я не умѣю, да мнѣ и противно съ нимъ возиться.

— Слушаю-съ, — сказалъ Яковъ Ильичъ, приподнимая фуражку, — сколько прикажете дать?

— Чего сколько? — спросилъ съ изумленіемъ Николинька.

— Постращать, т. е. сколько розогъ прикажете дать?

— Ахъ, братецъ, сколько же разъ нужно тебѣ говорить, что я не хочу и не нахожу нужнымъ наказывать телѣсно. Постращать значитъ словами, а не розгами. <Сказать ему, что, ежели онъ не исправится, то его накажутъ, а не бить.>

— По нашему, по деревенскому, не такъ-съ...

— Какой ты несносный человѣкъ, Яковъ!

— Слушаю-съ, я поговорю, а вы домой изволите?

— Нѣтъ, къ Давыдкѣ Б[ѣлому].

— Вотъ тоже лядъ-то. Ужъ эта вся порода Козловъ такая; чего-чего съ нимъ не дѣлалъ, ништо не беретъ. Вчера по полю крестьянскому проѣхалъ, у него и гречиха не посѣяна. Что прикажете дѣлать съ такимъ народомъ. Хоть бы старикъ-то сына училъ, а то такой-же и себѣ, и на барщинѣ только черезъ пень колоду валитъ. Въ прошломъ годѣ передъ вашимъ пріѣздомъ земли вовсе не пахалъ; ужъ я его при сходкѣ дралъ, дралъ.

— Кого? неужели старика?

— Да-съ, такъ вѣрите-ли, хоть бы те что, встряхнулся,

пошелъ и то осьминника не допахалъ, и вѣдь мужикъ смирный и не куритъ.

— Какъ не куритъ?

— Не пьетъ. Эта вся ужъ порода такая, вотъ Митрюшка тоже ихней семьи, такая жъ лядъ проклятый.

— Ну, ступай, сказалъ Князь и пошелъ къ Давыдкѣ Бѣлому.

Давыдкина изба криво и одиноко стоитъ на краю деревни, выстроенной въ линію. Около нея нѣтъ ни двора, ни авина, ни амбара. Только какіе то грязные клевушки для скотины лѣпятся около съ одной стороны, съ другой кучею наваленъ лѣсъ, и высокій, зеленый бурьянъ растетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то былъ дворъ.

Никого не было около избы кромѣ свиньи, которая лежала у порога; Николинька постучался въ разбитое окно, никто не отзывался, онъ подошелъ къ сѣнямъ и крикнулъ: «хозяева», — тоже самое; потомъ прошелъ сѣни, заглянулъ въ клевушки и вошелъ въ отворенную избу; тощій, старый пѣтухъ и двѣ курицы, забравшіяся на столъ и лавку въ тщетной надеждѣ найти какія-нибудь крохи, съ кудахтаньемъ, распустивъ крылья, забились по стѣнамъ, какъ будто ихъ хотѣли рѣзать. 6-аршинную избенку всю занимала съ разломанной трубой печь, ткацкій станъ, который не былъ вынесенъ, потому что некуда было его поставить, почернѣвшій столъ и грязная лужа около порога, образовавшаяся во время дождя въ прошлую недѣлю отъ течи въ потолкѣ и крышѣ. Полатей не было. Трудно было подумать, чтобы мѣсто это было жилое, такой рѣшительный видъ запустѣнія и безпорядка носила на себѣ, какъ наружность, такъ и внутренность избы; однако тутъ жилъ Давыдка Козелъ и даже въ настоящую минуту, несмотря на жаръ Іюньскаго дня, увернувшись съ головой въ полушубокъ, крѣпко спалъ, забившись въ уголъ печи. Даже испуганная курица, вскочившая на печь и бѣгавшая по спинѣ его, нисколько не мѣшала ему.—

Николинька хотѣлъ уже выйдти, но сонный, влажный вздохъ изобличилъ хозяина.

— Ей! кто тутъ! — крикнулъ онъ.

Съ печки послышался другой протяжный вздохъ.

— Кто тамъ? поди сюда.

Еще вздохъ, мычанье, зѣвокъ.

— Ну, что-жъ ты?

На печи медленно зашевелилось, наконецъ спустилась одна нога въ лаптѣ, потомъ другая, и показалась вся толстая фигура Давыдки Бѣлаго, сидѣвшаго на печи и протиравшаго глаза. — Медленно нагнувъ голову, онъ, зѣвая, взглянулъ въ избу, и увидавъ Князя, сталъ поворачиваться скорѣе, чѣмъ прежде, но все еще такъ лѣниво, что Николинькѣ тотчасъ вспомнился звѣрь Ай, про котораго онъ читалъ въ дѣтской натуральной исторіи. — Давыдка Бѣлый былъ дѣйствительно

бѣлый; и волоса, и тѣло, и лицо его: все было чрезвычайно бѣло. Онъ былъ высокъ ростомъ и очень толстъ, толстъ, какъ бываютъ мужики, — т. е. не животомъ, а тѣломъ, — но толщина его была какая-то мягкая, нездоровая. Довольно красивое лицо его съ свѣтлоголубыми спокойными глазами и съ широкой окладистой бородой носило на себѣ особенный отпечатокъ болѣзненности: на немъ не было замѣтно ни загара, ни румянца, оно все было какого-то блѣдно-желтоватаго цвѣта съ лиловымъ оттѣнкомъ, какъ будто заплыло жиромъ или распухло. Руки его были пухлы, желты и сверхъ того покрыты тонкими бѣлыми волосами. — Онъ такъ разоспался, что никакъ не могъ совсѣмъ открыть глазъ, стоять не пошатываясь и остановить зѣвоту.

— Ну, какъ же тебѣ не совѣстно, — началъ Николинька, — середь бѣлаго дня спать, когда у тебя дворъ разгороженъ, когда у тебя хлѣба нѣтъ... и т. д.

Какъ только Давыдка протрезвился и сталъ понимать въ чемъ дѣло, онъ сложилъ руки подъ животомъ, опустилъ голову, склонивъ ее немного на бокъ и сдѣлалъ самую жалкую и терпѣливую мину. Выраженіе его лица можно передать такъ: «знаю! ужъ мнѣ не первый разъ это слышать. Ну, бейте-же, коли хотите. Я снесу». Онъ, казалось, желалъ, чтобы Николинька пересталъ говорить, а поскорѣе избилъ бы его и оставилъ въ покоѣ. — Замѣчая, что Давыдка, привыкшій къ однимъ побоямъ и брани, не понимаетъ, къ чему клонятся его убѣжденія и совѣты, Николинька разными вопросами старался вывести его изъ апатическаго молчанія.

— Для чего же ты просилъ у меня лѣсу, когда онъ у тебя вотъ ужъ скоро мѣсяцъ цѣлый и самое свободное время, какъ лежитъ? а?

Давыдка моргалъ глазами и молчалъ.

— Ну, отвѣчай-же.

Давыдка промычалъ что-то.

— Вѣдь надо работать, братецъ: безъ работы что-же будетъ? вотъ теперь у тебя хлѣба ужъ нѣтъ, а все это отчего? оттого, что у тебя земля дурно вспахана, да не передвоена, да не во время засѣяна — все отъ лѣни. — И вотъ ты просишь у меня хлѣба, ну положимъ, я тебѣ дамъ; потому что нельзя тебѣ съ голоду умирать; да вѣдь этакъ дѣлать не годится. Чей хлѣбъ я тебѣ дамъ, какъ ты думаешь? а?

— Господскій? — пробормоталъ Давыдка, робко и вопросительно поднимая глаза.

— А господскій то откуда? разсуди-ка самъ, кто подъ него вспахалъ, заскородилъ, кто его посѣялъ, убралъ? Мужички? такъ? Такъ вотъ видишь-ли, ужъ ежели раздавать хлѣбъ господскій мужичкамъ, такъ надо раздавать тѣмъ больше, которые больше за нимъ работали, а ты меньше всѣхъ — на тебя и на барщинѣ жалуются — меньше всѣхъ работалъ, — а больше

всѣхъ господскаго хлѣба просишь. За что-же тебѣ давать? а другимъ нѣтъ? Вѣдь коли-бы всѣ какъ ты на боку лежали, такъ мы давно съ голоду бы померли. — Надо, братецъ, трудиться; а это дурно, слышишь, Давыдъ?

— Слушаю-съ, медленно пропустилъ онъ сквозь зубы.

Въ это время мимо окна мелькнула голова крестьянской женщины, несшей полотна на коромыслѣ, и черезъ минуту въ избу вошла Давыдкина мать, высокая женщина лѣтъ 50, но довольно еще свѣжая и живая. — Загорѣлое, изрытое рябинами и морщинами лицо ея было далеко не красиво, но вздернутый носъ, сжатыя тонкія губы и быстрые, черные глаза, выражали энергію и умъ. — Угловатость плечь, плоскость груди, сухость рукъ и развитіе мышцъ на черныхъ босыхъ ногахъ ея свидѣтельствовали о томъ, что она уже давно перестала быть женщиной, стала работникомъ. Она бойко вошла въ избу, притворила дверь, обдернула поневу и сердито взглянула на сына. Князь что-то хотѣлъ сказать ей, но она отвернулась отъ него и начала креститься на почернѣвшую икону, выглядывавшую изъ за стана. Окончивъ это дѣло, она оправила сѣроватый платокъ, которымъ небрежно была повязана ея голова и низко поклонилась Князю.

— Съ праздникомъ Христовымъ, Ваше Сіятельство, — сказала она, — спаси тебя Богъ, отецъ ты нашъ.

Увидавъ мать, Давыдка замѣтно испугался, согнулся еще более всѣмъ тѣломъ и еще ниже опустилъ голову.

— Спасибо, Арина, — отвѣчалъ Князь, — вотъ я сейчасъ съ твоимъ сыномъ говорилъ объ хозяйствѣ объ вашемъ... Надо...

Арина или какъ ее прозвали мужики еще въ дѣвкахъ — Аришка-бурлакъ, подперла подбородокъ кулакомъ правой руки, которая въ свою очередь опиралась на ладонь лѣвой и, не дослушавъ Князя, начала говорить такъ рѣзко и звонко, что вся хата наполнилась звуками ея голоса, что ушамъ становилось тяжело ее слушать и со двора могло показаться, что въ хатѣ горячо спорятъ безчисленное множество бабьихъ голосовъ.

— Чего, отецъ ты мой, чего съ нимъ говорить, вѣдь онъ и говорить то не можетъ, какъ человѣкъ. Вотъ онъ стоитъ, олухъ, — продолжала она, презрительно указывая головой на жалкую и смѣшную фигуру Давыдки. — Какое *мое* хозяйство? батюшка, Ваше Сіятельство, мы — голь, хуже насъ во всей слободѣ у тебя нѣту: ни себѣ, ни на барщину — срамъ, а все онъ насъ довелъ. Родили, кормили, поили, не чаяли дождаться парня. Вотъ и дождались, хлѣбъ лопаетъ, а работы отъ него, какъ отъ прѣлой вонъ той колоды, только знаетъ на печи лежитъ, либо вотъ стоитъ, башку свою дурацкую скребетъ, — сказала она, передразнивая его. — Хоть бы ты его, отецъ, *пострацалъ* что-ли, ужъ я сама прошу, накажи ты его, ради Господа Бога, въ солдаты ли: одинъ конецъ. Мочи моей съ нимъ не стало.

— Ну, какъ тебѣ не грѣшно, Давыдка, доводить до этаго свою мать, — сказалъ Князь, обращаясь къ нему.

Давыдка не двигался.

— Вѣдь добро-бы мужикъ хворый былъ, а то вѣдь только смотрѣть на него, вѣдь словно боровъ съ мельницы, раздулся. Есть, кажись, чему-бы и работать — гладухъ какой! Нѣтъ, вотъ пропадаетъ на печи лодыремъ, возьмется за что, такъ глядѣть мерзко: коли поднимется, коли передвинется, коли что, — говорила она, растягивая слова и переваливаясь съ боку на бокъ. — Вѣдь вотъ нынче старикъ самъ за хворостомъ въ лѣсъ уѣхалъ, а ему велѣлъ ямы копать, такъ нѣтъ вотъ, и лопаты не бралъ! — На минуту она замолчала. — Загубилъ онъ, шельма, меня, сироту, — взвизгнула она, вдругъ размахнувъ кулаками и съ угрожающимъ жестомъ подходя къ нему: — «гладкая твоя морда, лядащая, прости Господи!» — она презрительно отвернулась отъ него и обратилась къ Князю съ тѣмъ-же одушевленіемъ и съ слезами на глазахъ, продолжая размахивать руками.

— Вѣдь все одна, кормилецъ, — старикъ-отъ мои хворый, старый, а я все одна, да одна. — Камень и тотъ треснетъ. Хоть бы помереть, такъ легче бы было; одинъ конецъ, а то сморятъ они меня, отецъ ты нашъ, мочи моей ужъ нѣтъ. Невѣстка съ работы извелась, и мнѣ тоже будетъ.

— Какъ извелась? отчего?

— Съ натуги, кормилецъ. Взяли мы ее запрошлый годъ изъ Бабурина, — продолжала она слезнымъ голосомъ, — ну баба была и молодая, свѣжая, смирная: важная была баба, родной. Дома-то у отца за заловками въ холѣ жила, нужды не видала, а какъ къ намъ поступила, какъ нашу работу узнала, и на барщину, и дома, и вѣздѣ, она, да я. Мнѣ что? я, баба привышная, она-жъ тяжелая была, да горе стала терпѣть, а все маялась — работящая была — ну, надорвалась, сердешная. Стала чахнуть, да чахнуть. Лѣтось петровками еще на бѣду родила, а хлѣбушка не было, кой-что, кой-что ѣли, работа-же спѣшная подошла. У ней груди и пересохли. Дѣтенокъ первинькой былъ, коровенки нѣту-ти, да и дѣло наше мужицкое, гдѣ рожкомъ выкормить, а кормить нечѣмъ; ну извѣстно, бабья глупость, она этимъ пуще убиваться стала. А какъ мальчишка померъ, ужъ она съ этой кручины выла, выла, голосила, голосила, да нужда, да работа, все таже, да такъ извелась, сердешная, что къ Покрову и сама кончилась. Онъ ее порѣшилъ, бестія. Что я тебя просить хотѣла, Ваше Сіятельство — продолжала она, низко кланяясь.

— Что?

— Вѣдь онъ мужикъ еще молодой, отъ меня уже какой работы ждать, нынче жива, а завтра помру. Какъ ему безъ жены быть? Вѣдь онъ тебѣ не мужикъ будетъ. Обдумай ты насъ какъ нибудь, отецъ ты нашъ.

— То есть ты женить его хочешь? Чтожъ, это дѣло.

— Сдѣлай божескую милость, ты нашъ отецъ, ты наша мать, — и, сдѣлавъ знакъ своему сыну, она съ нимъ вмѣстѣ грохнулась въ ноги Князя.

— Зачѣмъ-же ты въ землю кланяешься, — говорилъ Николинька, съ досадой поднимая ее за плечо. — Развѣ нельзя такъ сказать. Ты знаешь, что я этаго не люблю. Жени сына, пожалуйста, я очень радъ, коли у тебя есть невѣста на примѣтѣ.

Старуха поднялась и утирала рукавомъ сухіе глаза. Давыдка послѣдовалъ ея примѣру и въ томъ же глупо-апатическомъ положеніи продолжалъ стоять и слушать, что говорила его мать.

— Невѣсты-то есть, какъ не быть? Вотъ Васютка Михѣйкина, дѣвка ничего, да вѣдь безъ твоей воли не пойдетъ.

— Развѣ она не согласна?

— Нѣтъ, кормилецъ, колѝ по согласію пойдетъ?

— Ну, такъ чтожъ дѣлать? Я принуждать не могу, а вы поищите другую: не у себя, такъ у чужихъ, я охотно заплачу 100, 200 р., только бы шла по своей охотѣ, а насильно выдавать замужъ нельзя. И закона такого нѣтъ, да и грѣхъ это большой.

— Э-э-эхъ кормилецъ! Да статочное ли дѣло, чтобы, глядя на нашу жизнь, охотой пошла? Солдатка самая и та такой нужды на себя принять не захочетъ. Какой мужикъ и дѣвку къ намъ въ дворъ отдастъ. Отчаянный не отдастъ. Вѣдь мы голь, нищета. Одну, скажетъ, почитай, что съ голоду, заморили, такъ и моей тоже будетъ. Кто отдастъ? — прибавила она, недовѣрчиво качая головой. — Разсуди, Ваше Сіятельство.

— Такъ что же я могу сдѣлать?

— Обдумай ты насъ какъ нибудь, родненькій, — повторила убѣдительно Арина, — что намъ дѣлать?

— Да что же я могу обдумать? Я тоже ничего не могу сдѣлать для васъ въ этомъ отношеніи. Вотъ хлѣба вы просили, такъ я прикажу вамъ отпустить и во всякомъ дѣлѣ готовъ помогать; только ты его усовѣсти, чтобы онъ свою лѣнь-то бросилъ, — говорилъ Николинька, выходя въ сѣни, старухѣ, которая кланяясь слѣдовала за нимъ.

— Что я съ нимъ буду дѣлать, отецъ? Вѣдь самъ видишь, какой онъ. Онъ вѣдь мужикъ и умный, и смирный, грѣхъ напрасно сказать, художествъ за нимъ никакихъ не водится; ужъ это Богъ знаетъ, что это съ нимъ такое попритчилось, что онъ самъ себѣ злодѣй. Вѣдь онъ и самъ тому не радъ. Я, батюшка, Ваше Сіятельство, — продолжала она шопотомъ, — и такъ клала и этакъ прикидывала: неиначе, какъ испортили его злые люди.

— Какъ испортили?

— Да какъ испортили? Долго ли до грѣха. По злобѣ вынули

горсть земли изъ подъ слѣду... и навѣкъ не человѣкомъ исдѣлали, вѣдь всякіе люди бываютъ. Я такъ себѣ думаю; не сходить-ли мнѣ къ Дындыку старику, что въ Воробьевкѣ живетъ, онъ всякія слова знаетъ и порчу снимаетъ, и съ креста воду пущаетъ; такъ не пособитъ ли онъ!

— Нѣтъ, онъ не поможетъ; а я подумаю о твоемъ сынѣ, — и Князь вышелъ на улицу.

— Какъ не помочь, кормилецъ, вѣдь онъ колдунъ, одно слово колдунъ.

Давыдка Бѣлый мужикъ смирный, непьющій, неглупый и честный, онъ лучше многихъ своихъ товарищей, которые живутъ не такъ бѣдно, какъ онъ. Но несчастный въ высшей степени лимфатическій темпераментъ или апатическій характеръ, или проще[?] наслѣдственная непреодолимая лѣнь, сдѣлали его тѣмъ, что онъ есть — лодыремъ, какъ выражается его мать. И она совершенно права, говоря, что онъ самъ этому не радъ. Онъ родился лодыремъ и вѣкъ будетъ лодыремъ, ничто не измѣнитъ его. Но родись онъ въ другой сферѣ, въ которой безпрерывный тяжелый трудъ не есть существенная необходимость, кто знаетъ, чѣмъ-бы онъ былъ? Развѣ мало встрѣчаемъ мы этихъ запухшихъ, вялыхъ, лѣнивыхъ натуръ безъ живости и энергіи, которые были такими-же лодырями, родись они въ бѣдности? Но средства къ существованію ихъ обезпечены, временный умственный трудъ въ нѣкоторой степени возможенъ для нихъ, и они спокойно погружаются въ свою безвыходную апатію, часто даже щеголяя ею, и, неизвѣстно почему, называя славянскою лѣнью.

Но нищета, трудъ крестьянина, принужденнаго работать изъ всѣхъ силъ и безпрестанно, невозможны съ такимъ характеромъ. Онъ убиваетъ надежду, увеличиваетъ безпомощность. А безпрестанные брань, побои вселяютъ равнодушіе даже отвращеніе [къ] окружающему [?]. Наконецъ, что́ грустнѣе всего, къ безсилію присоединяется сознаніе безсилія: и бѣдность, и побои, и несчастія дѣлаются обыкновенными необходимыми явленіями жизни, онъ привыкаетъ къ нимъ, и не думая о возможности облегчить свою участь, ничего не желая, ничего не добиваясь. Давыдку забили. Онъ знаетъ, что онъ лодырь, что ему ѣсть нечего. Что-жъ, пускай, бьютъ, такъ и слѣдуетъ, разсуждаетъ онъ. —

«Но что мнѣ дѣлать съ нимъ, думаетъ мой герой, грустно наклонивъ голову и шагая большими шагами внизъ по деревнѣ. — Ежели останутся такіе мужики, то мечта моя видѣть ихъ всѣхъ счастливыми никогда не осуществится. Онъ никогда не поймет, чего я отъ него хочу, онъ отъ меня ничего не ожидаетъ, кромѣ побой. Такъ и быть должно. Его 20 лѣтъ били, а я только годъ стараюсь совѣтовать и помогать ему.— Въ солдаты, — подумалъ онъ, — но за что? онъ добрый мужикъ.Да и не примутъ, подсказало ему чувство разсчетливаго

эгоизма. Взять во дворъ? Да, вотъ», и онъ съ удовольствіемъ человѣка, разрѣшившаго трудную задачу, остановился на этой мысли. — «Тамъ онъ будетъ на глазахъ. Я въ состояніи буду всегда слѣдить за нимъ, и можетъ быть кротостью, увѣщаніями, выборомъ занятій успѣю пріучить его къ размышленію и труду. Такъ и сдѣлаю». — Успокоившись на этотъ счетъ Николинька вспомнилъ, что ему надо зайдти къ Болхѣ и отдать обѣщанные 50 р. — «Хотя Шкаликъ обманулъ меня,— говорилъ онъ самъ себѣ, — но я долженъ исполнить свое слово, ежели хочу внушить къ себѣ довѣріе». И онъ отправился къ Болхѣ.

Болхиныхъ семья большая и дворъ исправный. Во всей вотчинѣ, почитай, первый мужикъ. Лѣтось другую связь изъ своего лѣса поставилъ, господъ не трудилъ. Теперь есть, гдѣ съ семьею распространиться. Коней у него, окромя жеребятъ, да подростковъ, троекъ 6 соберется, а скотины, коровъ, да овецъ: какъ съ поля гонятъ, да бабы выйдутъ на улицу загонять, такъ въ воротахъ ихъ то сопрется, что у-у! Бѣда! до француза старикъ садилъ — тамъ у нихъ пчелы, осикъ важный! Люди говорятъ, что у старика и деньги есть и деньги не маленькія; да онъ про то никому не сказываетъ, и никто, ни дѣти, ни невѣстки не знаетъ, гдѣ онѣ у него зарыты. Должно на осикѣ, больше негдѣ. — Да какъ имъ справнымъ не быть? Старикъ-атъ Болха мужикъ умный, разчетливый и порядки всякіе знаетъ. Съ молодыхъ-то лѣтъ онъ на станціи на 3-хъ тройкахъ лѣтъ 8 стоялъ. Ну, какъ сошелъ и лошадьми, и снастью справился, и въ мошнѣ то не пусто было, батрака нанялъ, за землю принялся. Пчелами занялся. И назвать, что пчеловодъ! противъ него, другаго мастера по всей окружности нѣтъ. — Далъ Богъ ему во всемъ счастія и на хлѣбъ, и на лошадей, и на скотину, и на пчелъ, и сыновья-то ребята знатные выросли, да и баловаться то онъ имъ больно повадки не давалъ, куратный мужикъ! Какъ пришла пора, и сыновей женилъ, одну бабу взялъ у своихъ, а двухъ въ сусѣдей на свой коштъ[?] откупилъ. Просить тогды некого было — опека была. Ну, извѣстное дѣло: какъ настоящій хозяинъ въ дому: да семья большая, невѣстки-то полаются, полаются, а все ладно живутъ и мужики зажиточные. Старикъ-отъ, годовъ 5 тому будетъ, было лугами по малости заниматься сталъ, съ Шкаликомъ въ долю пошелъ, да не посчастливилось. 300 р. на Шкалику пропало, и расписка по сю пору у старика лежитъ, да получить не чаетъ; такъ и бросилъ. Меньшіе ребята — Игнатка, да Илья — теперь каждый годъ на 5 тройкахъ зиму въ извозъ ѣздятъ, а старшего Карпа старикъ хозяиномъ въ домѣ поставилъ. «Старъ, мылъ, ужъ мнѣ не по силамъ, и мое дѣло около пчелъ». Карпъ то мужикъ и похвальный, да все проти старика не будетъ: да и хозяинъ-отъ онъ неполный. Неспорно старикъ и передалъ все ему, да деньги не открываетъ, ну, извѣстно,

хоть пока живъ, да деньги у него, въ дому-то все стариковъ разумъ орудуетъ. Этакъ-то они и славно живутъ, коли бы не старикъ. Куды? —

Въ новыхъ тесовыхъ воротахъ, которыя съ скрипомъ отворились, Николиньку встрѣтилъ Илья. Онъ велъ поить 2 тройки крѣпконогихъ, гривистыхъ и рослыхъ коней. Лошади хотя были сыты и веселы, были уже не совсѣмъ свѣжи. У нѣкоторыхъ широкія копыта, потные колени погнулись, и во многихъ мѣстахъ видны были старые побои на спинѣ и бокахъ. Лицо Илюшки Болхина, одно изъ красивѣйшихъ лицъ, которыя когда либо мнѣ удавалось видѣть. Все, начиная отъ свѣтло-русой головы, обстриженной въ кружокъ, до огромныхъ тяжелыхъ сапогъ съ сморщенными широкими голенищами, надѣтыхъ съ особеннымъ ямскимъ шикомъ на его стройныя ноги — все прекрасно.

Онъ средняго роста, но чрезвычайно строенъ. Правильное лицо его свѣже и здорово; но беззаботное и вмѣстѣ умное выраженіе ясныхъ, голубыхъ глазъ и свѣжаго рта, около котораго и пушекъ еще не пробивается, дышитъ какою-то необыкновенно пріятною русскою прелестью. Можетъ быть бываютъ фигуры изящнѣе фигуры Илюшки, но фигуры граціознѣе и полнѣе въ своемъ родѣ желать нельзя: такъ хорошо его сотворила русская природа и нарядила русская жизнь. Какъ хорошо обхватываетъ косой воротъ бѣлой рубахи его загорѣлую шею и низко повязанный поясокъ его мускулистый и гибкій станъ. Какая ловкая и увѣренная походка, несмотря на эти огромные сапоги. Порадовалась душа Николиньки, глядя на него, когда онъ, поклонившись ему, бойко встряхнулъ свѣтлыми кудрями. На широкомъ дворѣ подъ высокими навѣсами стоитъ и лежитъ много всякаго мужицкаго добра, телѣги, колеса, ободья, сани, лубки... Подъ однимъ изъ нихъ Игнатка и Карпъ прилаживаютъ дубовую ось подъ новую троичную телѣгу. — Игнатъ побольше, поплотнѣе и постарше Ильи; у него рыжеватая бородка клиномъ, и онъ одѣтъ не по степному: на немъ рубаха пестрая, набойчатая и сапоги, ⟨сапоги рѣзкая черта въ мужицкомъ бытѣ — они всегда что нибудь да значатъ⟩ но, несмотря на сходство съ братомъ, онъ не хорошъ собой. Карпъ еще повыше, еще поплотнѣе, еще постарше, лицо его красно, волоса и борода рыжія, а на немъ пасконная рубаха и лапти.

— Игнатъ, — сказалъ Князь.

— Чего изволите, — отвѣчалъ онъ, бросая подушку на землю.

— Вотъ, братецъ, я принесъ тебѣ деньги, — сказалъ Князь, опуская глаза и доставая знакомую намъ смятую пачку ассигнацій, — которыя обѣщалъ дать тебѣ отъ Шкалика. Смотри же, забудь все, что онъ сдѣлалъ, и не имѣй на него больше зла. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, — прибавилъ Николинька для популярности рѣчи.

Игнатъ молчалъ и, улыбаясь глазами, съ любопытствомъ слѣдилъ за движеніемъ рукъ Николиньки, которыя тряслись, разбирая смявшуюся въ лепешку пачку ассигнацій. Молчаніе, продолжавшееся все это время, было крайне тягостно для моего застѣнчиваго героя. По какой-то странной причинѣ онъ всегда терялся и краснѣлъ, когда ему приходилось давать деньги, но теперь въ особенности онъ чувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи. Наконецъ 15 р. отсчитаны, и Николинька подаетъ ихъ, но тутъ Игнатъ начинаетъ улыбаться, чесать затылокъ и говорить: «на что мнѣ его деньги? Ваше Сіятельство, я и такъ попрекать не стану. Съ кѣмъ грѣхъ не случается».

Въ это время подходитъ сгорбленный, но еще крѣпкій старикъ съ багровой плѣшью посерединѣ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, волосъ съ сѣдою желтоватою бородою и нависшими бровями, изъ подъ которыхъ весело смотрятъ два умные, прекрасные глаза: это самъ старикъ Болха пришелъ съ осика посмотрѣть, что ребята работаютъ. Николинька обращается къ нему и сначала объясняетъ все дѣло. Старикъ внимательно слушаетъ дѣло и рѣзко обращается къ Карпу. «Возьми деньги. Благодари Его Сіятельство», говоритъ онъ Игнату и самъ кланяется.

— Меня не за что благодарить.

Сваливъ наконецъ эту тяжелую для него обузу, Николинька по своему обыкновенію вступилъ въ хозяйственный разговоръ съ старикомъ, котораго умные рѣчи и совѣты онъ любилъ слушать, и, разговаривая, пошелъ посмотрѣть съ нимъ новую хату.

Войдя въ избу, старикъ еще разъ поклонился, смахнулъ полой зипуна съ лавки передняго угла и, улыбаясь, спросилъ: «чѣмъ васъ просить, Ваше Сіятельство».

Изба была бѣлая (съ трубой), просторная, съ полатями и нарами: свѣжія осиновыя бревны, между которыми виднѣлся недавно завядшій мохъ, еще не почернѣли, новыя лавки и полати не сгладились, и полъ еще не убился. Одна молодая, худощавая, хорошенькая крестьянская женщина, жена Ильи, сидѣла на нарахъ и качала ногой зыбку, привѣшанную на шестѣ къ потолку, въ которой задремалъ ея ребенокъ, другая, Карпова хозяйка, плотная, краснолицая баба, засучивъ выше локтя сильныя, загорѣлыя руки, передъ печью крошила лукъ въ деревянной чашкѣ. Аѳенька была въ огородѣ. Въ избѣ кромѣ солнечнаго жара было жарко отъ печи, и сильно пахло только что испеченнымъ хлѣбомъ. Съ полатей поглядывали внизъ курчавыя головки двухъ дѣтей, забравшихся туда въ ожиданіи обѣда. — Николинька съѣлъ кусокъ горячаго хлѣба, похвалилъ избу, хлѣбъ, хорошенькую дѣвочку, которая, закрывши глазенки, чуть замѣтно дышала, раскидавшись въ зыбкѣ и не желая стѣснять добрыхъ мужичковъ, поторопился выдти на дворъ и въ самомъ пріятномъ расположеніи

духа пошелъ съ старикомъ посмотрѣть его осикъ. — Былъ часъ десятый; прозрачныя бѣлыя тучи только начинали собираться на краяхъ ярко-голубаго неба; теплое, іюньское солнушко прошло $^1/_4$ пути и весело играло на фольгѣ образка, стоящаго на серединѣ осика, оно кидало яркія тѣни и цвѣты на новую соломенную крышу маленькаго рубленнаго мшенника, стоящаго въ углу осѣка, на просвѣчивающіе плетни, покрытые соломой, около которыхъ симетрично разставлены улья, покрытые отрѣзками досокъ, на старыя липы съ свѣжей, темной листвой, чуть слышно колыхаемой легкимъ вѣтромъ, на низкую траву, пробивающуюся между ульями, на рои шумящихъ и золотистыхъ пчелъ, носящихся по воздуху и даже на сѣдую и плешивую голову старика, который съ полуулыбкой, выражающей довольство и гордость, вводилъ Николиньку въ свои исключительныя владѣнія. Николинькѣ было весело, онъ видѣлъ уже всѣхъ своихъ мужиковъ такими-же богатыми, такими-же добрыми, какъ старикъ Болха, они всѣ улыбались, были совершенно счастливы и всѣмъ этимъ были обязаны ему; онъ забылъ даже о пчелахъ, которыя вились около его.

— Не прикажете-ли сѣтку, Ваше Сіятельство, пчела теперь злая, кусаютъ? Меня не кусаютъ.

— Такъ и мнѣ не нужно.

— Какъ угодно, — отвѣчалъ Болхинъ, оттыкая одну колодку и заглядывая въ отверстіе, покрытое шумящею и ползающею пчелою по кривымъ вощинамъ. Николинька заглянулъ тоже.

— Что скоро будутъ роиться? — Въ это время одна пчела забилась ему подъ шляпу и билась въ волосахъ, другая — ужалила за ухо. Больно ему было, бѣдняжкѣ, но онъ не поморщился и продолжалъ разговаривать.

— Коли роиться, вотъ только зачала брать-то, какъ слѣдуетъ. Изволите видѣть теперь съ калошкой идетъ, — сказалъ старикъ, затыкая опять улей и прижимая тряпкой ползающую пчелу. — «Лети, свѣтъ, лети, — говорилъ онъ, огребая нѣсколько пчелъ съ морщинистаго затылка. Пчелы не кусали его, но зато бѣдный Николинька едва-едва выдерживалъ характеръ: не было мѣста, гдѣ-бы онъ не былъ ужаленъ, однако онъ продолжалъ распрашивать...

— А много у тебя колодокъ? — спросилъ Николинька, ступая къ калиткѣ.

— Что Богъ далъ, — отвѣчалъ Болхинъ, робко улыбаясь. — Вотъ, Ваше Сіятельство, я просить вашу милость хотѣлъ, — продолжалъ онъ, подходя къ тоненькимъ колодкамъ, стоявшимъ подъ липами, — объ Осипѣ, хоть-бы вы ему заказали въ своей деревнѣ такъ дурно дѣлать.

— Какъ дурно дѣлать?

— Да вотъ, что ни годъ, свою пчелу на моихъ молодыхъ

напущаетъ. Имъ бы поправляться, а чужая пчела у нихъ вощины повытаскиваетъ, да подсѣкаетъ...

— Хорошо, послѣ, сейчасъ... — проговорилъ Николинька, не въ силахъ уже болѣе терпѣть и, отмахиваясь, выбѣжалъ въ калитку.

. . . . . .

Однимъ изъ главныхъ правилъ Николиньки было во всѣхъ отношеніяхъ становиться на уровень мужиковъ и показывать имъ примѣръ всѣхъ крестьянскихъ добродѣтелей; но главная изъ этихъ добродѣтелей есть терпѣніе, или лучше безропотная и спокойная сносность [?], которая пріобрѣтается временемъ и тяжкимъ трудомъ, а онъ не видалъ еще ни того, ни другаго. Не знаю, смѣяться-ли надъ нимъ, или жалѣть его или удивляться ему, но гримасы и прыжки, которые заставила его сдѣлать пчела, мучили его какъ преступленіе; онъ долго не могъ простить себѣ такой слабости и, нахмуривши свое молодое лицо, остановился посереди двора.

— Что я насчетъ ребятъ хотѣлъ просить, Ваше Сіятельство, — сказалъ старикъ, какъ будто или дѣйствительно не замѣчалъ грознаго вида барина.

— Что?

— Да вотъ лошадками, слава-те Господи, мы исправны, и батракъ есть, такъ барщина за нами не постоитъ.

— Такъ что-жъ?

— Коли бы милость ваша была, ребятъ отпустить, такъ Илюшка въ извозъ бы на 3 тройкахъ пошелъ. Може, что бы и заработалъ.

— Куда въ извозъ?

— Да какъ придется, — вмѣшался возвратившійся Илюшка, — Кадминскіе [?] ребята на 8 тройкахъ въ Роменъ ѣздили, такъ, говорятъ, прокормились и десятки по 3 на тройку домой привезли, а то и въ Одестъ, говорятъ, кормы дешевые.

— Развѣ выгоднѣе ѣздить въ извозъ, чѣмъ дома хлѣбопашествомъ заниматься?

— Когда не выгоднѣе, дома-то лошадей кормить нечѣмъ.

— Ну, а сколько ты въ лѣто выработаешь?

— Да лѣтошній годъ, начто кормы дорогіе были, мы въ Кіевъ съ товаромъ ѣздили, да въ Курскомъ опять до Москвы крупу наложили и такъ и сами прокормились и лошади сыты были, да и 15 рублевъ денегъ привезъ.

— Что-жъ, я очень радъ, что вы занимаетесь честнымъ промысломъ, коли хотите опять ѣхать, съ Богомъ, но мнѣ кажется, что выгодъ вамъ мало этимъ заниматься, да и работа эта такая, что шатается малый вѣздѣ, всякой народъ видитъ — избаловаться можетъ, — прибавилъ Николинька, обращаясь къ старику.

— Чѣмъ же нашему брату, мужику, заниматься, какъ не извозомъ, съѣздишь хорошо, и самъ сытъ, и лошади сыты,

а что насчетъ баловства, такъ они у меня ужъ, слава-те Господи, не первой годъ ѣздятъ, да и самъ я ѣзжалъ, дурнаго ни отъ кого не видалъ, окромя добраго.

— Нѣтъ, братъ, какъ ты не говори, а самое пустое это дѣло, только шляться. Мало ли, чѣмъ другимъ вы бы могли заняться.

— Какъ можно, Ваше Сіятельство, — подхватилъ Илюшка съ жаромъ, — ужъ мы съ эвтимъ родились, всѣ эти порядки намъ извѣстны, способное для насъ дѣло, самое любезное дѣло, Ваше Сіятельство, какъ нашему брату съ рядой ѣздить.

— Ну отчего бы вамъ не заняться рощами или лугами.

— Силы нашей нѣтъ, — отвѣчалъ старикъ.

— Вѣдь у тебя есть деньги, — неосторожно сказалъ Николинька, — такъ, чѣмъ имъ въ сундукѣ лежать, ты ихъ въ оборотъ пусти...

— Какія наши деньги, Ваше Сіятельство, вотъ избенку поставилъ, да ребятъ справилъ, и деньги мои всѣ... наши деньги мужицкія. Гдѣ одолѣть рощу купить? Послѣдній достатокъ потеряешь, да и деньги наши какія? — продолжалъ твердить старикъ.

— Придите въ контору получить билетъ, — рѣзко сказалъ Николинька, повернулся и пошелъ домой. — Онъ боится открыть мнѣ, что [у] него есть деньги, — подумалъ онъ. Какъ передать мысли Николиньки, когда онъ шелъ по большой аллеѣ, которая черезъ садъ вела къ дому. Онѣ такъ были тяжелы для него, что онъ и самъ не съумѣлъ-бы выразить ихъ.—

Сколько препятствій встрѣчала единственная цѣль его жизни, которой онъ исключительно предался со всѣмъ жаромъ юношескаго увлеченія!

Достигнетъ ли онъ когда нибудь того, чтобы труды его могли быть полезны и справедливы. Одна цѣль его трудовъ есть счастіе его подданныхъ: но и это такъ трудно, такъ трудно, что кажется легче самому найдти счастіе, чѣмъ дать его другимъ. Недовѣріе, ложная рутина, порокъ, безпомощность, вотъ преграды, которыя едва ли удастся преодолѣть ему. На все нужно время, а юность, у которой его больше всего впереди, не любитъ разсчитывать его, потому что не испытала еще его дѣйствій. Искоренить ложную рутину, нужно дождаться новаго поколѣнія и образовать его, уничтожить порокъ, основанный на бѣдности нельзя — нужно вырвать его. — Дать занятія каждому по способности. Сколько труда, сколько случаевъ измѣнить справедливости. Чтобы всѣлить довѣріе, нужно едва столько лѣтъ, сколько вселялось недовѣріе. На чемъ нибудь да основанъ страхъ Болхи открыть свое имущество. Это почти одно горькое вліяніе рабства и то произошло не отъ самаго положенія рабства, а отъ небрежности, непостоянства и несправедливости управленія.

Возвратившись домой, Николинька взошелъ въ одну изъ комнатъ своего большаго дома. Въ небольшой комнатѣ этой стоялъ старый, англійскій рояль, большой письменный столъ и кожанный истертый диванъ, обитый мѣдными гвоздиками, на которомъ спалъ мой герой, и нѣсколько такихъ же креселъ, вокругъ комнаты было нѣсколько полокъ съ книгами и бумагами, и нотами. — Въ комнатѣ было чисто, но безпорядочно, и этотъ жилой безпорядокъ составлялъ рѣзкую противуположность съ чопорнымъ барскимъ убранствомъ другихъ комнатъ большаго бабуринскаго дома.

Николинька бросилъ шляпу на рояль и сѣлъ за него. Рука его разсѣянно и небрежно пробѣжала по клавишамъ, вышелъ какой-то мотивъ, похожій на тройное «Господи помилуй», которое пѣли въ Церкви.

Николинька подвинулся ближе и въ полныхъ и чистыхъ акордахъ повторялъ мотивъ, потомъ началъ модулировать, гармонія безпрестанно измѣнялась, изрѣдко только возвращалась къ первоначальной и повторенію прежняго мотива. Иногда модуляціи были слишкомъ смѣлы и не совсѣмъ правильны, но иногда чрезвычайно удачны. Николинька забылся. Его слабые, иногда тощіе, аккорды дополнялись его воображеніемъ. Ему казалось, что онъ слышитъ и хоръ, и оркестръ, и тысячи мелодій, сообразныхъ съ его гармоніей, вертѣлись въ его головѣ. Всякую минуту, переходя къ смѣлому измѣненію, онъ съ замираніемъ сердца ожидалъ, что выдетъ, и когда переходъ былъ удаченъ, какъ отрадно становилось ему на душѣ. Въ то же самое время мысли его находились въ положеніи усиленной дѣятельности и вмѣстѣ запутанности и туманности, въ которомъ онѣ обыкновенно находятся въ то время, когда человѣкъ бываетъ занятъ полуумственнымъ, полупрактическимъ трудомъ, напримѣръ, когда мы читаемъ, не вникая въ смыслъ читаннаго, когда читаешь ноты, когда рисуешь, когда находишься на охотѣ и т. д. Различные странные образы — грустные и отрадные — измѣнялись одни другими. То представлялись ему отецъ и сынъ въ видѣ Негровъ, запряженныхъ въ тележку, на которой сидитъ плантаторъ необыкновенной толщины, такъ что никакія силы не могли[1] свезти его; но плантаторъ, который никто иной, какъ Яковъ, безжалостно погоняетъ; то старикъ Болха, который проповѣдуетъ по всѣмъ селамъ и деревнямъ, что отъ помѣщиковъ деньги прятать нужно, а Николинька играетъ и невольно шепчетъ: «отъ помѣщиковъ деньги прятать нужно». То онъ думаетъ: какова должна быть любовь Чуриса къ своему единственному пузатому сынишкѣ, когда онъ въ немъ кромѣ сына видитъ помощника и спасителя. Вотъ это любовь, шепчетъ Николинька. Потомъ вспоминаетъ онъ о старухѣ Мудренаго,

---

[1] *Написано:* не могъ

вспоминаетъ о выраженіи терпѣнія, всепрощенія и доброты, которыя онъ замѣтилъ на лицѣ ея, несмотря на уродливыя черты и желтый торчащій зубъ. — Должно быть въ 70 лѣтъ ея жизни я первый замѣтилъ это, думаетъ онъ и шепчетъ странно, потомъ вспоминаетъ онъ, какъ боялся Илюшка, чтобы онъ не пустилъ его въ извозъ: и ему представляется сѣрое, туманное утро, подсклизлая шосейная дорога и длинный обозъ огромныхъ нагруженныхъ и покрытыхъ рогожами троичныхъ телѣгъ на здоровыхъ толстоногихъ коняхъ, которые, выгибая спины и натягивая постромки, дружно тянутъ въ гору и потряхивая бубенчиками по склизкой дорогѣ. Навстрѣчу обоза бѣжитъ почта. Ямщикъ съ бляхой издалека поднимаетъ кнутъ, во все горло кричитъ: стой; на переднемъ возу изъ подъ рогожи, покрывающей грядки телѣги, лѣниво высовывается красивая голова Илюшки, который на зорькѣ славно пригрѣлся и заснулъ подъ рогожей. Онъ сквозь сонъ посмотрѣлъ на 3 тройки съ чемоданомъ, которыя съ звономъ и крикомъ пронеслись мимо его, слегка, ласкательно хлестнулъ правую пристяжную, и опять спряталъ голову. Николинька мыслью слѣдитъ за всей жизнью Илюшки въ извозѣ, онъ видитъ, какъ къ вечеру скрипятъ передъ усталыми тройками широкія тесовыя ворота, Илюшка весело и добродушно калякаетъ съ хозяиномъ и выпрягаетъ коней, какъ онъ идетъ въ жаркую избу, набитую народомъ, крестится, садится за столъ и балагуритъ съ хозяйкой[?], и ведется рѣчь съ товарищами, какъ скидаетъ армякъ, разувается босый и здоровый, беззаботный и веселый ложится на пахучее сѣно около лошадей и храпитъ до пѣтуховъ сномъ дѣтей или праведника. Онъ слѣдитъ за нимъ и въ кабакѣ, гдѣ онъ идетъ сорвать косуху и затянуть длинную пѣсню своимъ груднымъ теноромъ, и въ Одестъ, въ которомъ онъ видитъ только мѣсто, въ которомъ кормъ дорогъ, и бываетъ хозяину сдача, и въ Роменъ, и въ Кіевъ, и по всему широкому Р[усскому] Цар[ству], и опять онъ видитъ его на передкѣ телеги на большой дорогѣ и въ ясный вечеръ, и въ знойное утро здоровымъ, сильнымъ, беззаботнымъ. Славно, шепчетъ Николинька, все играетъ, и мысль, зачѣмъ я не Илюшка, тоже представляется ему.

Сѣдой княжескій слуга давно на ципочкахъ принесъ кофе на серебрянномъ подносѣ и, зная по опыту, что одно средство разсердить Князя было помѣшать ему въ то время, когда онъ играетъ, также осторожно и тихо вышелъ въ высокую дверь. Однако, должно быть весьма важный случай заставилъ его опять воротиться и молча дожидаться у двери, чтобы Князь оглянулся на него. Но звуки, которые вызывала пылкая фантазія, и странныя мысли, которыя, какъ-бы слѣдуя за ними, возникали въ юной головѣ моего героя, такъ увлекали все его вниманіе, что онъ не замѣчалъ ни почтительнаго положенія стараго Фоки, ни даже приближающагося по большой

березовой аллѣ звука почтоваго колокольчика, подвѣшеннаго къ дышлу дорожной коляски. Въ дорожной колескѣ, на козлахъ, сидѣли ямщикъ и щеголь, городской ⟨слуга⟩ съ замшевой сумкой черезъ плечо, въ триповомъ пальто и бархатной фуражкѣ, а въ серединѣ молодой человѣкъ, съ замѣтнымъ любопытствомъ и нетерпѣніемъ, выглядывавшій въ садъ и на домъ. Не успѣли еще кони фыркнуть у подъѣзда, и лакей соскочить съ козелъ, какъ молодой человѣкъ, выказывая всѣ признаки сильнаго волненія и удовольствія, бѣжалъ уже по лѣстницѣ и спрашивалъ у встрѣтившагося Фоки: «Дома-ли Князь?»

— Дома-съ.

— Гдѣ-же онъ? Одинъ? Что онъ дѣлаетъ? — спрашивалъ молодой человѣкъ, не дожидаясь отвѣта и улыбаясь отъ внутренняго удовольствія.

— Одни-съ. Какъ прикажете доложить? — говорилъ Фока съ недовольнымъ видомъ, стараясь обогнать безпокойнаго гостя.

— Скажи: Исправникъ, слышишь? — сказалъ молодой человѣкъ, засмѣявшись звучнымъ, необыкновенно пріятнымъ смѣхомъ.

Николинька услыхалъ этотъ смѣхъ. Онъ многое напоминалъ ему. Образъ человѣка, который смѣялся такъ, и котораго онъ любилъ такъ, какъ любятъ только въ его лѣта, живо предсталъ передъ нимъ. Но видѣть этаго человѣка было бы для него слишкомъ большимъ наслажденіемъ для того, чтобы онъ могъ повѣрить сразу этой мысли. Онъ принялъ слышанныя имъ звуки за одну изъ тѣхъ мимолетныхъ грезъ, которыя безпорядочно бродили въ его воображеніи, и продолжалъ играть.

— Исправникъ пріѣхали-съ, — сказалъ Фока почти шопотомъ, съ значительнымъ видомъ зажмуривая глаза.

— Какой Исправникъ? Зачѣмъ Исправникъ? — сказалъ Николинька, съ озадаченнымъ видомъ оборачиваясь къ нему.

— Не могу знать-съ.

— Ахъ, Боже мой, зачѣмъ это? что ему нужно? и зачѣмъ ему нужно, не понимаю.

— Прикажете просить?

— Вотъ пріятно. Проводи его въ гостиную и попроси подождать.

Въ это время изъ за двери показалась веселая и красивая фигура гостя, который съ слезами на глазахъ и хохоча изъ всѣхъ силъ вбѣгалъ въ комнату. Увидавъ его, Николинька нѣсколько секундъ оставался совершенно неподвиженъ, схватилъ себя за голову, зажмурился и прошепталъ: «быть не можетъ», потомъ хотѣлъ броситься къ гостю, хотѣлъ что-то сказать ему, но имѣлъ только силу привстать съ табурета и, блѣдный, остановился [*1 неразобр.*].

Гость обнялъ его, и они крѣпко нѣсколько разъ поцѣловались.

Оба были такъ сильно взволнованы, что они не могли ни минуты стоять на мѣстѣ, они чувствовали потребность ходить, дѣлать что-нибудь, говорить хоть вещи самыя глупыя, неинтересныя ни для того, ни для другаго.

Въ званіи романиста, обязаннаго разсказывать не только поступки своихъ героевъ, но и самыя сокровенныя мысли и побужденія ихъ, я скажу вамъ, читатель, что ни тотъ, ни другой не чувствовали ни малѣйшего ни желанія, ни удовольствія обниматься и цѣловаться, но сдѣлали это именно потому, что находились въ положеніи напряженной безцѣльной дѣятельности, о которой я говорилъ, и потому, что они, встрѣчаясь въ первый разъ послѣ дружеской связи, соединившей ихъ 4 года тому назадъ, они, несмотря на сильное волненіе, чувствовали нѣкоторую неловкость и желали чѣмъ-нибудь прекратить ее. — Кто не испытывалъ подобнаго тройнаго смѣшаннаго чувства радости, безпокойства и замѣшательства при свиданіи съ людьми, которыхъ любишь: какъ-то хочется смотрѣть въ глаза другъ другу, и вмѣстѣ какъ будто совѣстно, хочется излить всю свою радость, а выходятъ какія-то странные слова, — вопросы: «когда пріѣхалъ?» и «хороша-ли дорога?» и т. п. Только долго, долго послѣ первой минуты успокоишься такъ, что съумѣешь выразить свою радость и сказать вещи, которыя, Богъ знаетъ, почему, задерживаются и просятся изъ глубины сердца. Такъ сдѣлалъ и Николинька. Онъ сначала спрашивалъ, не хочетъ ли обѣдать его другъ, останавливался-ли онъ въ городѣ, ходилъ большими шагами по комнатѣ, садился за рояль, тотчасъ-же вскакивалъ и опять ходилъ по комнатѣ, безпрестанно оглядываясь на гостя; наконецъ, онъ сталъ противъ него, положилъ ему руку на плечо и съ слезами на глазахъ сказалъ:

— Ты не повѣришь, Ламинскій, какъ я счастливъ, что тебя вижу.

Кто не слыхалъ въ нашъ вѣкъ остроумныхъ фразъ о устарѣлости чувства дружбы и шуточекъ надъ Кастоpомъ и Полюксомъ, и кто въ своей молодости не чувствовалъ страстнаго, необъяснимаго влеченія къ человѣку, съ которымъ не имѣлъ ничего общаго, кромѣ этаго чувства? Чему же вѣрить: фразамъ, или голосу сердца?

— Какимъ ты помѣщикомъ, — говорилъ Ламинскій, оглядывая съ головы до ногъ Николиньку.

— А ты право выросъ, — говорилъ Николинька.

— Помнишь ты еще ту польку, подъ которую мы танцовали съ Варенькой? — спрашивалъ Ламинскій.

Николинька садился за рояль и игралъ эту польку.

Въ этомъ, безъ сомнѣнія, не выражается дружба, въ которую вы не хотите вѣрить, но ежели бы можно было выразить словами то, что они чувствовали, я бы сказалъ вамъ многое, и вы повѣрили бы. Мнѣ кажется, для этаго даже достаточно

бы было взглянуть на лицо моего героя. Столько въ немъ было истинной радости и счастія. Даже сѣдой Фока, остановившись у притолки, съ почтительной, чуть замѣтной улыбкой одобренія смотрѣлъ на своего господина и думалъ съ сожалѣніемъ: «такъ-то и князь, покойникъ, ихъ дѣдушка, любилъ гостей принимать. Только покойникъ важный былъ, а нашъ молодъ еще, — не знаетъ порядковъ, какъ гостей угостить».

Пускай Фока судитъ по-своему; чистое и ясное чувство любви и радости, озаряющее душу Николиньки, нисколько не померкнетъ отъ этаго.

Старый ломберный штучный столъ, съ желобками для бостонныхъ марокъ и съ латунью по краямъ, былъ поставленъ и симметрично накрытъ Фокою въ саду, подъ просвѣчивающею, колеблющейся тѣнью темнозеленыхъ высокихъ липъ. Бѣлая старинная камчатная скатерть казалась еще бѣлѣе, форма старинныхъ круглыхъ ложекъ и выписанныхъ еще старымъ княземъ кіевскихъ тарелокъ еще красивѣе и старинѣе, серебряная рѣзная кружка, въ которой было пиво, одна роскошь стола, которую позволялъ себѣ Николинька, еще отчетливѣе и почтеннѣе. Николинька до обѣда водилъ своего друга по всѣмъ своимъ заведеніямъ.

Конец 1-ой части.

[ВТОРАЯ ЧАСТЬ.]

Послѣ несвязной сцены перваго свиданья Николинька пригласилъ Ламинскаго пойдти по хозяйству.

Ламинскій зналъ моего героя студентомъ, добрымъ, благороднымъ ребенкомъ, съ тою милою особенностью, которую нельзя иначе выразить, какъ «enfant de bonne maison»; [1] ему трудно было привыкнуть смотрѣть на него, какъ на хозяина, къ которому *одному* онъ пріѣхалъ. Мундиръ съ синимъ воротникомъ и парусинное пальто тоже большая разница. — Ламинскій все шутилъ. «Какимъ ты помѣщикомъ, — говорилъ онъ, покачивая головой, — точно настоящій» и т. д.

Но когда они пришли въ школу, гдѣ собрались мальчики и дѣвочки для полученія наградъ, и Николинька, хотя съ застѣнчивостью, но съ благороднымъ достоинствомъ сталъ нѣкоторыхъ увѣщевать, а другихъ благодарить за хорошее ученье и дарить приготовленными школьнымъ учителемъ, старымъ длинноносымъ музыкантомъ, волторнистомъ Данилой, пряниками, платками, шляпами и рубахами, онъ увидалъ его совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Одинъ изъ старшихъ учениковъ поднесъ Князю не въ счетъ ученья написанную имъ пропись въ

---

[1] [ребенок из хорошей семьи;]

видѣ подарка. Отличнымъ почеркомъ было написано: «Героевъ могли призвести счастье и отважностей, но великихъ людей!».

Николинька поцѣловалъ мальчика, но, выходя, подозвалъ Данилу и кротко выговаривалъ ему за непослушаніе. Николинька самъ сочинялъ прописи, которыя могли понимать ученики (и изъ которыхъ нѣкоторыя вошли даже въ поговорку между мальчиками, какъ-то: «за грамотнаго 2-хъ неграмотныхъ даютъ» и т. д.), но Данила отвѣчалъ:

— Я, Ваше Сіятельство, больше далъ переписать насчетъ курсива руки прикащичьяго сына».

— Да вѣдь смысла нѣтъ, Данила, этакъ онъ привыкнетъ не понимать, что читаетъ, и тогда все ученье пропало.

— Помилуйте-съ.

Ужъ не разъ бывали такія стычки съ Данилой. Князь противъ тѣлеснаго наказанія, даже мальчикамъ, и одинъ разъ, разговаривая съ Данилой, увлекся такъ, объясняя ему планъ школы и послѣдствія, которыя онъ отъ нея ожидаетъ, что слёзы выступили у него на глазахъ, и Данило, отвернувшись почтительно, обтеръ глаза обшлагомъ.

— А, все, Ваше Сіятельство, шпанскую мушку не мѣшаетъ поставить, коли лѣнится, — сказалъ онъ, подмигивая съ выразительнымъ жестомъ.

Выходя изъ школы, Ламинскій сдѣлалъ Николинькѣ нѣсколько вопросовъ, которые навели этаго на любимую тему, и онъ, наконецъ, сказалъ ему то же, что нынче утромъ сказалъ Чурису, т. е. что онъ посвятилъ свою жизнь для счастья мужиковъ. Ламинскій понялъ эти слова иначе, чѣмъ Чурисъ — они тронули его. Онъ зналъ откровенность, настойчивость и сердце Николиньки, и передъ нимъ мгновенно открылась блестящая будущность Николиньки, посвященная на добро, и добро, для котораго только нужно желать его дѣлать. — По крайней мѣрѣ такъ ему казалось, и поэтому-то онъ такъ сильно завидовалъ Николинькѣ, несмотря на то, что однаго нынѣшняго утра достаточно бы было, чтобы навѣки разочаровать его отъ такого легкаго и пріятнаго способа дѣлать добро.

— Ты рѣшительно великій человѣкъ, Николинька, — сказалъ онъ, — ты такъ хорошо умѣлъ понять свое назначеніе и истинное счастіе.

Николинька молчалъ и краснѣлъ.

— Зайдемъ въ больницу? — спросилъ онъ.

— Пожалуйста, все мнѣ покажи, — говорилъ Ламинскій съ открытой веселой улыбкой Николинькѣ, который большими шагами шелъ впереди его.

— Я понимаю теперь твое направленіе, и не можешь себѣ представить, какъ завидую тебѣ! Ахъ, ежели бы я могъ быть такъ же какъ ты, совершенно свободенъ, вѣрно, я не избралъ бы другой жизни. Что можетъ быть лучше твоего положенія: ты молодъ, уменъ, свободенъ, обезпеченъ, и, главное, — добръ

и благороденъ, — не такъ, какъ обыкновенно понимаютъ это слово, а какъ мы съ тобой его понимаемъ — и ты посвятилъ свою жизнь на то, чтобы завести такое хозяйство, какое должно быть, а не такое, какое завела рутина и невѣжество между нашими помѣщиками; и я увѣренъ, что ты успѣешь совершенно, что хозяйство твое будетъ примѣрное, что ты образуешь своихъ крестьянъ, что ты пріобрѣтешь этимъ славу и счастіе, которыхъ ты такъ достоинъ. Я ужасно тебѣ завидую. Ежели бы я былъ свободенъ...

— Да развѣ ты не свободенъ? — перебилъ Николинька, съ участіемъ вглядываясь въ одушевленное и грустное выраженіе лица своего друга. —

— А отецъ? — отвѣчалъ онъ скороговоркой, — вѣдь я еще ребенокъ, я ничего не имѣю. Мое назначеніе шляться по балямъ, дѣлать визиты и числиться въ какомъ-то Министерствѣ, въ которомъ я не умѣю, не хочу и не могу быть на что-нибудь полезенъ. Отецъ никакъ не хочетъ понять, что мы живемъ ужъ не въ его время, что меня не можетъ удовлетворить то, что удовлетворяло его, когда онъ былъ молодъ, что я не могу жить безъ цѣли цѣлый вѣкъ. Положимъ, что меня никто не принуждаетъ увлекаться тѣмъ, чѣмъ я увлекаюсь, но это дѣлается невольно; дайте мнѣ свободу и самостоятельность, а не держите, какъ ребенка, и я бы, можетъ быть, могъ быть такимъ-же хорошимъ и полезнымъ человѣкомъ, какъ и ты.

Николинька молчалъ: ему пріятно было видѣть въ своемъ другѣ это жаркое сочувствіе къ избранной цѣли его жизни, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ зналъ, что это сочувствіе только минутное; онъ зналъ, что Ламинскій былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые влюбляются въ мысли такъ же, какъ другіе влюбляются въ женщинъ. Въ первую минуту увлеченія они не только не сомнѣваются въ ея безусловной истинѣ, но и не воображаютъ возможности противорѣчія въ приложеніи ея. Они любятъ ее, какъ женщину, со слезами и полною вѣрою въ ея непогрѣшительность и такъ же, какъ женщинѣ, измѣняютъ ей для другой и отъ восторга вдругъ переходятъ къ равнодушію. Увлеченіе ихъ бываетъ такъ сильно, что не можетъ быть продолжительно, и такъ отвлеченно, что никогда оно не заставляетъ чѣмъ-нибудь положительнымъ жертвовать для него. — Такъ Ламинскій приходилъ въ искренній энтузіазмъ отъ каждой новой благородной мысли, которая съ дѣтства приходила въ его голову, а продолжалъ съ большимъ порядкомъ и успѣхомъ вести самую свѣтскую жизнь, противуположную всѣмъ тѣмъ мыслямъ, которыя приходили ему. Было ли это сомнѣніе въ своихъ силахъ, привычка къ разладицѣ между мыслями и поступками? Богъ знаетъ. Вѣрно только то, что это не было притворство, и Николинька зналъ это.

II.

ПРЕДИСЛОВІЕ НЕ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ, А ДЛЯ АВТОРА.

Главное основное чувство, которое будетъ руководить меня во всемъ этомъ романѣ, — *любовь* къ деревенской помѣщичьей жизни. — Сцены столичныя, губернскія и кавказскія всѣ должны быть проникнуты этимъ чувствомъ — тоской по этой жизни. Но прелесть деревенской жизни, которую я хочу описать, состоитъ не въ спокойствіи, не въ идилическихъ красотахъ, но въ прямой цѣли, которую она представляетъ, — посвятить жизнь свою *добру*, — и въ простотѣ, *ясности* ея.

Главная мысль сочиненія: счастіе есть добродѣтель.

Юность чувствуетъ это безсознательно, но различныя страсти останавливаютъ ее въ стремленіи къ этой цѣли. И только опытъ, ошибки и несчастія заставляютъ, постигнувъ цѣль эту сознательно, единственно стремиться къ ней и быть счастливу, презирая зло и спокойно перенося его. На этомъ основаніи и романъ долженъ дѣлиться на 3 части. — Благородное, но неопытное увлеченіе юности, ошибки и увлеченіе страстями. Исправленіе и счастье. Побочныя мысли: главныя пружины человѣческой дѣятельности 1) добрыя: а) добродѣтель, б) дружба, с) любовь къ искуствамъ; 2) злыя: а) тщеславіе, б) корысть, с) страсти: а′) женщины, б′) карты, с′) вино.

(Отрицательная мысль: любовь, въ романахъ составляющая главную пружину жизни, въ дѣйствительности — послѣдняя).

П[обочная] м[ысль]: какъ трудно — дѣлать добро и какъ его нужно дѣлать.

Главныя лица.

1) Герой. Человѣкъ добрый, благородный и воспріимчивый, увлекающійся всѣмъ и до того пылкой, что даже добрыя начала приносятъ вредъ ему.

2) Представит[ельница] добродѣтели и дружбы (ея прошедшее) старая дѣва, тетка его невѣсты (представительницы любви ко всему изящному и первая любовь его).

3) Его невѣста.

4) Представитель тщеславія помѣщикъ *(неразобр.)*.[1].

5) Представитель любви къ изящ[ному] и дружбы, тщеславія Костинь[ка].

6) Предст[авитель] корысти помѣщикъ Тартюфъ [2] (Воейковъ).

7) Пред[ставитель] корысти молодой чиновникъ, хочетъ жениться на его невѣстѣ.

8) Представ[итель] страстей деревенскій (Воейковъ).

9) П[редставитель] стра[стей] горо[дской] Озеровъ.

10) Представ[ительницы] тщеславія его тетушка городская и ея сестра.

Обѣдня въ тройцынъ день. Знакомство съ [3] Воейков[ымъ].

Описаніе к[нязя], обходъ деревни. Пріѣздъ [4] К.

Знакомство съ Предвод[ителемъ]. Тяжба.

Тетка его невѣсты не понимаетъ немного насмѣшливаго, хотя и добродушнаго, взгляда молодежи на чувства и боится за любовь своей племянницы. —

Полагая найдти мудрость въ совѣтахъ стариковъ-мужиковъ, онъ ошибается. Мудрость ихъ можетъ быть ощутительна только въ постоянномъ сожитіи, такъ какъ она состоитъ единственно въ хладнокровіи, безстрастіи.

---

[1] *Зачеркнуто:* и 5) представитель тщеславія — его пріятель (Горчаковъ).
[2] *Зачеркнуто:* Аникеевъ
[3] *Зачеркнуто*: Оз В И
[4] *Зачеркнуто*: П. Н. [?]

Предисловіе не для читателя а для автора.

Главное основное чувство, которое будетъ руководить
меня во всемъ этомъ романѣ — любовь къ деревенской по-
мѣщичьей жизни. — Сцены столичныя, губернскія и городскія, кавказскія всегда
были быть проникнуты этимъ чувствомъ — такой по-
этой жизни. — Но прелесть деревенской жизни, которую я хочу
описать, ~~не есть идеальная~~, состоитъ не въ спокой-
ствіи, не въ идеальныхъ красотахъ, но въ прямой
цѣли, которую она представляетъ посвятить жизнь свою
добру ~~и~~ въ простотѣ, ясности ея. —

Главная мысль сочиненія — ~~[illegible]~~ всякія — есть
добродѣтель. — Юность чувствуетъ это безсозна-
тельно; но различныя страсти останавливаютъ ее въ стре-
мленіи къ этой цѣли. Ее только опытъ, ошибки
и несчастія заставляютъ, поскольку въ цѣль эту
сознательно, единственно стремиться къ ней и быть
~~[illegible]~~ прекрасно для и спокойно перенести его
счастливу. (— На этомъ основаніи и романа дѣлается
дѣлится на 3. части. — Благородное [illegible] то [illegible]

Первая страница рукописи «предисловия не для читателя, а для автора».

Размер подлинника

III.

*[ВАРИАНТ ПЕРВЫХ ГЛАВ ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ «РОМАНА РУССКОГО ПОМЕЩИКА».]

Глава 1. Деревенская церковь.

Съ семи часовъ утра слышался благовѣстъ съ ветхой колокольни Николакочаковскаго прихода, и пестрыя веселыя толпы народа по проселочнымъ дорогамъ и сырымъ тропинкамъ, вьющимся между влажными отъ росы хлѣбомъ и травою, приближались къ церкви.

Пономарь пересталъ звонить и, вперивъ старческій, равнодушный взоръ въ пестрыя групы бабъ, дѣтей, стариковъ, столпившихся на кладбищѣ и паперти, присѣлъ на заросшую могилку. Отецъ Поликарпъ, отвѣчая поднятіемъ шляпы на почтительные поклоны разступавшихся прихожанъ, прошелъ въ церковь; народъ вслѣдъ за нимъ, набожно кланяясь и крестясь, сталъ проходить въ середнія двери. — Сѣдой, горбатый дьячокъ пронесъ въ алтарь кофейникъ съ водой и кадило, высокій бѣлоголовый мужикъ, постукивая гвоздями огромныхъ сапоговъ и запахивая новый армякъ, вышелъ изъ толпы и, встряхивая волосами, съ свѣчкой подошелъ къ иконѣ, грудной ребенокъ заплакалъ на рукахъ у убаюкивающей его молодой крестьянки, въ алтарѣ послышался мѣрный, изрѣдка возвышающійся голосъ отца Поликарпа, читающаго молитвы, молодой безбородой крестьянскій парень вдругъ быстро сталъ креститься и кланяться въ поясъ. —

Начались часы. —

Отставной Священникъ, дряхлый Отецъ Пименъ, въ старомъ плисовомъ подрясникѣ, слѣпой Тихонъ въ желтомъ фризовомъ сюртукѣ, бывшій княжеской дворецкой бѣлый, какъ лунь, Григорій Михайлычь въ палевыхъ короткихъ панталонахъ и синемъ фракѣ; всѣ стояли на своихъ обычныхъ мѣстахъ въ олтарѣ и у боковыхъ дверей. На правый клиросъ прошли сборные пѣвчіе. Толстый бабуринскій прикащикъ въ

глянцовитомъ сюртукѣ и голубыхъ шароварахъ, его братъ золотарь Митинька, рыжій дворникъ съ большой дороги, Телятинской буфетчикъ и два мальчика въ длинныхъ нанковыхъ сюртукахъ — сыновья Отца Поликарпа, прокашливались и перешептывались на клиросѣ. —

Передъ концомъ часовъ толпа заколебалась около дверей, и изъ за торопливо и почтительно сторонившихся мужичковъ показался высокій лакей въ нанковомъ сюртукѣ, который, лѣвой рукой поддерживая женскій салопъ, правой толкалъ тѣхъ, которые не успѣвали дать ему дорогу. За лакеемъ шли господа: Телятинской помѣщикъ Александръ Сергѣевичь Облесковъ, дочь его 12-ти лѣтняя румяная дѣвочка въ пукольках, панталончикахъ и козловыхъ башмачкахъ со скрипомъ и жена его — высокая, худая и блѣдная женщина съ добрымъ выраженіемъ лица, ⟨ежели бы къ нему не присоединялось выраженіе какой-то апатіи и безсмысленности⟩. Александръ Сергѣичь былъ человѣкъ, на видъ, лѣтъ 30 (хотя ему было гораздо больше), немного ниже средняго роста, тучный, полнокровный и довольно свѣжій. — Лицо его было одно изъ тѣхъ лицъ, которыя кажутся эфектными изъ далека, но которыхъ выраженіе трудно разобрать подъ украшеніями, покрывающими ихъ. Высокій и широкій галстухъ съ пряжкой назади скрывалъ его шею, часть подбородка и скулъ, черноватые бакенбарды, доходившіе отъ зачесанныхъ до самыхъ бровей и загнутыхъ маслянныхъ висковъ до краевъ рта, закрывали его щеки, а золотые очки съ 4 синими стеклами скрывали совершенно его глаза и переносицу. Открытыя же части его физіогноміи: высокій, гладкій и широкій лобъ, небольшой правильный носъ съ крѣпкими ноздрями и крошечный какъ будто усиленно сложенный ротикъ съ красными тонкими губами, носящими почему-то особенное выраженіе губъ человѣка, только что обрившаго усы — были не лишены пріятности.

Александръ Сергѣевичь, оставивъ жену и дочь около амвона, скромной, но и не лишенной достоинства походочкой, прошелъ въ алтарь и, поклонившись Священнику, сталъ около двери. — Часы кончились, и уже много пятаковъ и грошей изъ узелковъ въ клетчатыхъ платкахъ и мошонъ перешло въ потертый комодъ, изъ котораго сѣдой отставной солдатъ выдавалъ свѣчи; и свѣчи эти вмѣстѣ съ теплыми молитвами простодушныхъ подателей уже давно свѣтились передъ иконами Николая Чудотворца и Богоматери, а обѣдня все не начиналась. Отецъ Поликарпъ ожидалъ молодаго Красногорскаго помѣщика — Князя Нехлюдова. ⟨Онъ привыкъ ожидать его батюшку и еще стараго князя и княгиню, поэтому не могъ допустить, чтобы красногорскій помѣщикъ, самый значительный помѣщикъ въ его приходѣ, могъ дожидаться, или опоздать.⟩ Горбатый Дьячокъ, уже нѣсколько разъ выходившій на паперть посмотрѣть, не ѣдетъ-ли вѣнская голубая коляска, въ которой онъ пол-

вѣка привыкъ видѣть Красногорскихъ Князей, снова продрался сквозь толпу и, защитивъ рукою глаза отъ яркаго Іюньскаго солнца, устремилъ взоръ на большую дорогу.

— Началась обѣдня? — спросилъ его молодой человѣкъ въ круглой сѣрой шляпѣ и парусинномъ пальто, скорыми шагами, подходившій къ церкви.

— Нѣтъ, батюшка ваше сіятельство, все васъ поджидали, — отвѣчалъ Дьячокъ, давая ему дорогу.

— Вѣдь я просилъ Батюшку никогда не дожидаться, — сказалъ онъ краснѣя, и пройдя въ боковыя двери, сталъ сзади клироса. Вслѣдъ затѣмъ послышался благовѣстъ, и Дьяконъ въ стихарѣ вышелъ на амвонъ.

Началась обѣдня.

⟨Глава 2. Молодой князь.⟩

Молодой князь стоялъ совершенно прямо, внимательно слѣдилъ за службой, крестился во всю грудь и набожно преклонялъ голову.—

Все это онъ дѣлалъ даже съ нѣкоторою аффектаціею; казалось, что не чувство, а убѣжденіе руководило имъ. Когда бабуринской мужичокъ, не зная его, дотронулся до его плеча свѣчкой и просилъ его передать «Миколѣ», онъ съ видимымъ удовольствіемъ взялъ ее и, толкнувъ впереди стоящаго крестьянина, тоже сказалъ «*Миколю*».

Сборные пѣвчіе пѣли складно, голоса были хороши, но дребезжащій старческій голосъ стараго дьячка одиноко раздававшійся иногда на лѣвомъ клиросѣ какъ-то болѣе соотвѣтствовалъ спокойной прелести деревенской церкви, болѣе возбуждалъ отрадно согрѣвающее религіозное чувство. Къ причастью подошли 2 старушки и нѣсколько крестьянокъ съ грудными младенцами. Худощавый сгорбленный мужичокъ, помолившись передъ иконостасомъ, кланяясь и звоня колокольчикомъ, сталъ обходить прихожанъ, прося на Церковь Божію. Потомъ среди благоговѣйнаго молчанія, прерываемаго только пронзительнымъ плачемъ дѣтей и сдержаннымъ кашлемъ стариковъ, отдернулась завѣса, и Дьяконъ провозгласилъ священныя слова. Наконецъ Отецъ Поликарпъ благословилъ прихожанъ и вышелъ съ крестомъ изъ Царскихъ дверей.

Александръ Сергѣевичъ, пропустивъ впередъ себя жену и дочь, приблизился къ Священнику; люди значительные: прикащики, дворники, дворовые сдѣлали тоже, но Отецъ Поликарпій обратился съ крестомъ къ молодому князю, который стоялъ сзади и который подъ обращенными на него со всѣхъ сторонъ любопытными взорами краснѣя, какъ виноватый, долженъ былъ выйдти впередъ и приложиться прежде всѣхъ. Торопливо отвѣтивъ на поздравленіе съ праздникомъ Священника и поклонившись Александръ Сергѣевичу, у котораго

при этомъ несмотря на привѣтливую улыбку губы сдѣлались еще тоньше, молодой человѣкъ, краснѣя еще больше, выбрался изъ церкви и, завернувъ за уголъ, вышелъ въ маленькую часовню, построенную на кладбищѣ.

Глава 2. Князь Дмитрій.

Красногорскій помѣщикъ Князь Нехлюдовъ, котораго знакомые звали еще M-r Dmitri, а родные просто Митя и Дмитрій, и котораго мы впредь будемъ называть также, былъ третій сынъ извѣстнаго Князя Нехлюдова и Княгини Нехлюдовой, урожденной графини Бѣлорѣцкой. Княгиня умерла отъ родовъ дочери, меньшой сестры Дмитрія, а старый Князь пережилъ ее только 4 года, такъ что четверо дѣтей, изъ которыхъ старшему Николаю было тогда 9 лѣтъ, а дочери 5, и большое, но отягченное долгами имѣнье остались на рукахъ опекуновъ. Опекунами были: бывшій адъютантъ покойнаго Князя, отставной Штабъ-Ротмистръ Рыковъ, помѣщикъ Т-ой губерніи и Графиня Бѣлорѣцкая, вдова брата Княгини, искренній другъ покойнаго Князя. Первый принялъ на себя управленіе дѣлами, вторая управленіе воспитаніемъ малолѣтнихъ. Но потому ли, что одно труднѣе другаго, или потому что неодинаковыя чувства руководили опекунами, управленіе и воспитаніе шли не одинаково успѣшно. Черезъ 12 лѣтъ дѣти получили прекрасное свѣтское и нравственное воспитаніе, и уменьшенное во время опеки изъ 3 до 2 тысячъ душъ растроенное имѣніе. Старшій братъ Николай, окончивъ кандидатомъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ, поступилъ на службу въ Министерство Иностранных Дѣлъ и, достигнувъ совершеннолѣтія, по совѣту родныхъ, принялъ отъ Г-на Рыкова опеку. Память отца, оказывавшаго довѣренность Г-ну Рыкову, была достаточная причина для сына, чтобы безотчетно принять отъ него дѣла и дать ему отъ себя и братьевъ удостовѣреніе въ исправности и вѣрности счетовъ, очевидно безчестныхъ. Князь Николай однако скоро почувствовалъ свою неспособность управлять разстроенными дѣлами, и побоявшись отвѣтственности передъ братьями, предложилъ имъ съѣхаться въ Красныхъ Горкахъ и раздѣлить имѣніе. Ваня, средній братъ, служившій на Кавказѣ, прислалъ довѣренность Николаю и, полагаясь во всемъ на него, просилъ объ одномъ, чтобы сестрѣ дать ровную часть имѣнія, что точно также уже было рѣшено между Николаемъ и Митей. Братья пріѣхали въ деревню, уравняли, какъ умѣли, 4 части, бросили жеребій, и Митѣ, который былъ еще въ третьемъ курсѣ Университета, достались Красныя Горки. Митя въ то время еще былъ очень, очень молодъ. Несмотря на выше обыкновеннаго, высокій ростъ, сильное сложеніе, и на выраженіе гордости и смѣлости въ походкѣ, только издалека можно было принять его за взрослаго человѣка, вглядѣвшись

же ближе, сейчасъ видно было, что онъ еще совершенный ребенокъ. Это замѣтно было и по плоскости груди и по длинѣ рукъ и по слишкомъ неопредѣленнымъ очертаніямъ около глазъ и по свѣтлому пушку, покрывавшему его верхнюю губу и щеки, а въ особенности, по совершенно дѣтски-добродушной неутвердившейся улыбкѣ. Онъ былъ нехорошъ собой, но пріятный контуръ лица, открытый выгнутый надъ бровями лобъ и узкіе необыкновенно-блестящіе сѣрые глаза давали всей его физіогноміи, общій благородный характеръ ума и рѣшительности. Кромѣ того (несмотря на неряшество и бѣдность, которыя онъ какъ будто любилъ или считалъ нужнымъ выказывать въ одеждѣ) въ выраженіи рта, въ изгибѣ спины, въ расположеніи волосъ и въ особенности въ прекрасной мужской рукѣ, было что-то изобличавшее въ немъ человѣка неспособнаго подчиняться чужому вліянію, а рожденнаго для того, чтобы оказывать его. Что же касается до его характера, то ежели бы я могъ описать его, мой романъ тутъ бы и кончился.

Глава 3-я. Его прошедшее.

Послѣ раздѣла Князь Николай уѣхалъ въ Петербургъ, а Митя до конца ваканцій одинъ оставался въ деревнѣ, и вотъ отрывокъ письма, которое онъ за годъ передъ тѣмъ воскресеньемъ, съ котораго начинается нашъ разсказъ, писалъ въ Москву Графинѣ Бѣлозерской.

J'ai pris une résolution, qui doit décider de mon sort: je quitte l'université pour me vouer à la vie de campagne, pour laquelle je me sens fait. — Au nom du Ciel, chère maman, ne vous moquez pas de moi. Je suis jeune, peut-être qu'en effet je suis encore enfant; mais cela ne m'empêche de sentir ma vocation de vouloir faire le bien et de l'aimer.

Comme je vous l'ai déjà écrit, j'ai trouvé les affaires dans un état de délabrement impossible à décrire. En voulant y mettre de l'ordre j'ai trouvé que le mal principal était dans le misérable état des paysans et que l'unique moyen d'y remédier était le tems et la patience ⟨terrible misère dans laquelle se trouvent des paysans⟩ et ⟨que pour y remédier au mal il n'y a pas d'autres moyens, que⟩ du tems et du travail.

Si vous aviez pu voir seulement Давыдка Козелъ et Иванъ Бѣлый — deux de mes paysans — et la vie qu'ils mènent avec leurs familles je suis sûr que la vue seule de ces deux malheureux vous aurait mieux convaincu que tout ce que je pourrai dire pour vous expliquer ma résolution. N'est-ce pas mon devoir le plus sacré que de travailler au bonheur de ces 700 personnes, dont je dois être résponsable devant Dieu? N'est-ce pas une horreur, que d'abandonner ces pauvres et honnêtes gens aux fripons d'Управляющіе et старосты, pour des plans de plaisir ou d'ambition? Si je continue mes études, si je prends du

service comme Nicolas, si même avec le tems (je sais que vous faites des plans d'ambition pour moi) j'occupe une place marquante, de quoi cela m'avancera-t-il? Les affaires dérangés à présent sans ma présence se dérangeront à un tel point, que peut être je serais obligé de perdre Красные Горки, qui nous sont à tous tellement chers, ma vocation manquée, je ne pourrais jamais être bon à rien et toute ma vie je ne cesserai de me reprocher d'avoir été la cause du malheur de mes sujets. Tandis que si je reste à la campagne, avec de la pérsévérance et du travail, j'éspère bientôt payer mes dettes, devenir indépendant, peut-être servir aux élections et le principal, faire le bonheur de mes paysans et *le* mien. Et pourquoi chercher ailleurs l'occasion d'être utile et de faire du bien, quand j'ai devant moi une carrière si belle et si noble.

Je me sens capable d'être un bon хозяинъ (c'est à dire d'être le bienfaiteur de mes paysans) et pour l'être je n'ai besoin ni du diplome de candidat, ni des rangs, que vous désirez tant pour moi. Chère maman! cessez de faire pour moi des plans d'ambition, habituez-vous à l'idée que j'ai choisi un chemin extraordinaire; mais qui est *bon* et qui, *je le sens*, me menera au bonheur.

Ne montrez point cette lettre à Nicolas, je crains son persiflage et vous savez qu'il a pris l'habitude de me dominer et moi celle de l'être. Pour Jean je sais, que s'il ne m'aprouve, du moins il me comprendra...[1]

---

[1] [Я принял решение, которое должно определить мою судьбу: я покидаю университет, чтобы посвятить себя сельской жизни, для которой я чувствую себя созданным. Ради всего святого, дорогая мама, не смейтесь надо мной. Я молод; быть может я и на самом деле еще ребенок, но это не мешает мне ощущать в себе призвание творить добро и любить его.

Как я вам уже писал, я застал дѣла в состоянии расстройства, не поддающегося описанию. Желая внести в них порядок, я пришел к выводу, что основное зло заключается в бедственном положении крестьян, изменить которое может одно лишь средство — время и терпение ⟨ужасная нищета, в которой находятся крестьяне⟩ и ⟨что нет другого средства помочь беде, как⟩ время и терпение.

Если бы вы только могли видеть Давыдку Козла и Ивана Белого — двое из моих крестьян — и существование, которое они ведут со своими семьями, я уверен, что один вид этих несчастных убедил бы вас лучше всего того, что я могу привести для объяснения моего решения. Не является ли моим самым священным долгом — трудиться на благо этих 700 человек, ответственность за которых я несу перед Богом? Не отвратительно ли бросать этих бедных и честных людей на плутов — управляющих и старост — ради удовольствия и честолюбия? Если я буду продолжать свои занятия, если я, как Николай, поступлю на службу, если даже со временем я займу видное место (я знаю, что вы лелеете для меня честолюбивые замыслы), — что мне даст всё это? Дела, уже теперь запущенные, в мое отсутствие расстроятся настолько, что, быть может, мне придется совсем потерять Красные Горки, которые всем нам так дороги. Не пойдя по своему призванию, я никогда ни на что не буду годен, и всю свою жизнь я не перестану упрекать себя в том, что я был

«Я принялъ рѣшеніе, отъ котораго должна зависѣть участь моей жизни: я выхожу изъ Университета, чтобы посвятить себя жизни въ деревнѣ, потому что чувствую, что рожденъ для нея. Ради Бога, милая maman, не смѣйтесь надо мной. Я молодъ, можетъ быть точно, я еще ребенокъ; но это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать мое призваніе, желать дѣлать добро и любить его.

Какъ я вамъ писалъ уже, я нашелъ дѣла въ неописанномъ разстройствѣ. Желая ихъ привести въ порядокъ и вникнувъ въ нихъ, я нашелъ, что главное зло заключается въ самомъ жалкомъ бѣдственномъ положеніи мужиковъ, и зло такое, которое можно исправить только трудомъ и терпѣніемъ. Ежелибы вы только могли видѣть двухъ моихъ мужиковъ: Давыда и Ивана и жизнь, которую они ведутъ съ своими семействами, я увѣренъ, что одинъ видъ этихъ двухъ несчастныхъ убѣдилъбы васъ больше, чѣмъ все то, что я могу сказать вамъ, чтобы объяснить мое намѣреніе.

Не моя ли священная и прямая обязанность заботиться для счастія этихъ 700 человѣкъ, за которыхъ я долженъ буду отвѣчать Богу. Не подлость-ли покидать ихъ на произволъ грубыхъ старостъ и управляющихъ изъ-за плановъ наслажденія или честолюбія. И зачѣмъ искать въ другой сферѣ случаевъ быть полезнымъ и дѣлать добро, когда мнѣ открывается такая блестящая, благородная карьера. Я чувствую себя способнымъ быть хорошимъ хозяиномъ; а для того, чтобы быть *хозяиномъ*, какъ я разумѣю это слово, не нужно ни кандидатскаго диплома, ни чиновъ, которые вы такъ желаете для меня. Милая maman, не дѣлайте за меня честолюбивыхъ плановъ, привыкните къ мысли, что я пошелъ по совершенно особенной дорогѣ, но которая хороша и, *я чувствую*, приведетъ меня къ счастью. Не показывайте письма этаго Николинькѣ, я боюсь его насмѣшекъ: онъ привыкъ первенствовать надо мной, а я привыкъ подчиняться ему. Ваня, ежели и не одобритъ мое намѣреніе, то пойметъ его».

причиной несчастий моих крестьян. Тогда как оставшись в деревне, я надеюсь путем упорного труда расплатиться вскоре со своими долгами, приобрести независимость, быть может, служить по выборам, а главное — обеспечить счастье своих крестьян и свое. Зачем искать другого случая быть полезным и творить добро, когда передо мной лежит возможность такой прекрасной и благородной деятельности.

Я чувствую себя способным быть хорошим хозяином (т. е. быть благодетелем своих крестьян), для этого мне не нужны ни кандидатские дипломы, ни чины, которых вы столь для меня желаете. Дорогая мама, перестаньте строить для меня честолюбивые планы, привыкните к мысли, что я избрал путь необычный, но *хороший*, который, *я это чувствую*, приведет меня к счастью.

Не показывайте этого письма Николаю; я опасаюсь его насмешек. А вы ведь знаете, что он приобрел привычку надо мной властвовать, а я — ему подчиняться. Что касается Ивана, то я знаю, что он, если и не одобрит, то по крайней мере поймет меня...]

«Ta lettre, cher Dmitri, ne m'a rien prouvé si ce n'est ton excellent coeur, chose dont je n'ai jamais douté, — писала ему Графиня Бѣлорѣцкая. — Mais, mon cher, les bonnes qualités nous font dans la vie plus de tort, que les mauvaises. Je ne compte point influencer ta conduite, te dire, que tu fais des extravagances, que ta conduite m'afflige, mais je tacherai de te convaincre. Raisonnons, mon ami. Tu dis que tu te sens de la vocation pour la vie de campagne, que tu veux faire le bonheur de tes sujets et que tu espères devenir un bon хозяинъ. I-mo il faut que je te dise: qu'on ne sent sa véritable vocation, qu'après l'avoir manquée; 2-do qu'il est plus facile de faire son propre bonheur que celui des autres et 3-io, que pour être un bon хозяинъ, il faut être ⟨raisonable⟩ froid et sévère, ce que tu ne pourras jamais être. Tu crois tes raisonnements peremptoires et ce qui plus et tu veux les prendre pour régles de conduite; mais à mon âge, mon ami, on ne croit qu'à l'expérience: et l'expérience me dit que ton projet n'est qu'un enfantillage. Je frise la cinquantaine, j'ai connu dans ma vie beaucoup de gens de mérite et cependant jamais je n'ai entendu parler d'un jeune homme bien né et de capacités, qui de gaieté de coeur s'allât enterrer à la campagne sous pretexte de faire du bien. Vous avez toujours affecté d'être original, tandis que votre originalité n'est qu'un excés d'amour propre. Hé! mon cher, suivez les chemins battus; ce sont ceux dans lesquels on réussit et il faut réussir pour acquérir les moyens de faire du bien. La misère de quelques paysans est un mal indispensable, ou un mal auquel il est possible de remédier sans oublier tous ses devoirs, envers l'état, ses parents et soi même.

Avec ton esprit, ton coeur et ton enthousiasme pour la vertu il n'y a point de carrière dans laquelle tu ne réussisse; mais choisis en au moins une qui te vaille et qui te fasse honneur. Je te crois sincère, quand tu dis que tu n'as point d'ambition; mais tu te trompes, mon ami: tu en a plus que tout autre. A ton âge et avec tes moyens l'ambition est une vertu et n'est plus qu'un travers et un ridicule quand on n'est plus en état de la satisfaire. — Tu l'éprouveras si tu persiste dans ta résolution. —

Adieu, cher Dmitri, il me parait, que je t'aime encore plus pour ton projet qui, quoiqu'extravagant, est noble et généreux. Tu n'as qu'à faire selon ta volonté; mais, je t'avoue que je ne l'aprouve pas».[1]

---

[1] [Твое письмо, дорогой Дмитрий, лишний раз доказало мне, что у тебя прекрасное сердце, в чем я никогда не сомневалась, — писала ему графиня Белорецкая. — Но, дорогой мой, хорошие качества больше вредят нам в жизни, нежели плохие. Я не рассчитываю влиять на твои поступки, говорить тебе, что ты совершаешь сумасбродство, что поведение твое огорчает меня; но я постараюсь убедить тебя. Рассудим, друг мой. Ты говоришь, что ты чувствуешь призвание к сельской жизни, что ты хочешь составить счастье своих крепостных, и что ты надеешься стать хорошим хозяином. Во-первых, должна сказать тебе, что свое настоящее

«Твое письмо, милый Дмитрій, ничего мнѣ не доказало, кромѣ того, что у тебя прекрасное сердце, въ чемъ я никогда не сомнѣвалась. — Но, милый другъ, наши добрыя качества больше вредятъ намъ въ жизни, чѣмъ дурныя. Я не хочу руководить твоими поступками — не стану говорить тебѣ, что ты дѣлаешь глупость, что поведеніе твое огорчаетъ меня, но постараюсь подѣйствовать на тебя однимъ убѣжденіемъ. Будемъ разсуждать, мой другъ. Ты говоришь, что чувствуешь призваніе къ деревенской жизни, что хочешь сдѣлать счастіе своихъ подданныхъ, и что надѣишься быть добрымъ хозяиномъ. 1-mo, я должна сказать тебѣ, что мы чувствуемъ свое призваніе только тогда, когда ошибемся въ немъ; 2-do, что легче сдѣлать собственное счастіе, чѣмъ счастіе другихъ и 3-o, что для того, чтобы быть добрымъ хозяиномъ, нужно быть холоднымъ и строгимъ, чѣмъ ты никогда не будешь. Ты считаешь свои разсужденія непреложными, и даже принимаешь ихъ за правила въ жизни; но въ мои лѣта, мой другъ, не вѣрятъ въ разсужденія, а вѣрятъ только въ опытъ; а опытъ говоритъ мнѣ, что твои планы — ребячество. Мнѣ уже подъ 50, и я много знавала достойныхъ людей; но никогда не слыхивала, чтобы молодой человѣкъ съ именемъ и способностями, подъ предлогомъ дѣлать добро, зарылся въ деревнѣ. Ты всегда хотѣлъ

призвание человек постигает лишь тогда, когда ему не удалось по нему пойти, во-вторых, что легче составить свое собственное счастье, чем счастье других, и в-третьих, что для того, чтобы быть хорошим хозяином, надо быть ⟨рассудительным⟩ холодным и строгим, чем ты никогда не сможешь быть. Тебе твои рассуждения кажутся решающими; больше того — ты хочешь возвести их в руководящие твоими поступками правила. В моем-же возрасте, друг мой, веришь только в опыт, а опыт говорит мне, что твой план — одно лишь ребячество. Мне уже около пятидесяти лет, в жизни я знавала много достойных людей, и тем не менее я никогда не слыхала, чтобы молодой человек хорошего происхождения и одаренный способностями зарылся бы безо всякого повода в деревне под предлогом творить добро. Вы всегда любили быть оригинальным, между тем ваша оригинальность является лишь избытком самолюбия. Ах, друг мой, идите по проторенным дорожкам; на них-то человек и преуспевает, а преуспеть надо, чтобы получить возможность творить добро. Несчастие некоторых крестьян — неизбежное зло, или во всяком случае такое зло, которому можно помочь без того, чтобы забыть свои обязанности по отношению к государству, к родителям и к самому себе.

С твоим умом, твоим сердцем и твоим восторженным отношением к добродетели — нет деятельности, в которой бы ты не преуспел, но выбери по крайней мере такую, которая сделала бы тебе честь и была бы тебя достойна. Я верю в твою искренность, когда ты говоришь, что у тебя нет честолюбия; но ты ошибаешься, друг мой; у тебя его больше, нежели у всякого другого. В твоем возрасте и при твоих возможностях честолюбие — достоинство; оно становится смешным недостатком, когда человек уже больше не в состоянии его удовлетворять. Ты это испытаешь, если будешь настаивать на своем решении.

Прощай, дорогой Дмитрий; мне кажется, что я еще больше люблю тебя за твое намерение, которое, несмотря на его своеобразность, благородно и великодушно. Ты можешь поступить согласно своей воле, но, признаюсь, я ее не одобряю.]

казаться оригиналомъ; а твоя оригинальность ничто иное, какъ излишнее самолюбіе. И! мой другъ, выбирай лучше торныя дорожки; онѣ ближе ведутъ къ успѣху, а успѣхъ необходимъ, чтобы имѣть возможность дѣлать добро.—

Нищета нѣсколькихъ крестьянъ есть зло необходимое, или такое зло, которому можно помочь, не забывая всѣхъ своихъ обязанностей къ государству, къ своимъ роднымъ и къ самому себѣ. Съ твоимъ умомъ, твоимъ сердцемъ и любовью къ добродѣтели нѣтъ карьеры, въ которой бы ты не имѣлъ успѣха, но выбирай по крайней мѣрѣ такую, которая бы тебя стоила и сдѣлала бы тебѣ честь.—

Я вѣрю въ твою искренность, когда ты говоришь, что у тебя нѣтъ честолюбія; но ты самъ обманываешь себя. Честолюбіе добродѣтель въ твои лѣта и съ твоими средствами, но она дѣлается недостаткомъ и пошлостью, когда человѣкъ уже не въ состояніи удовлетворить ему. И ты испытаешь это, ежели не измѣнишь своему намѣренію. Прощай, милый Митя, мнѣ кажется, что я тебя люблю еще больше за твой несообразный, но благородный и великодушный планъ. Дѣлай какъ знаешь, но признаюсь, не могу согласиться съ тобой».

Митя вышелъ изъ Университета и остался въ деревнѣ.

Глава 4-я. Ближайшій сосѣдъ.

Помолившись надъ прахомъ отца и матери, вмѣстѣ похороненныхъ въ часовнѣ, Митя вышелъ изъ нея и задумчиво направился къ дому; но, не пройдя еще кладбища, онъ столкнулся съ семействомъ Телятинскаго помѣщика.

— А мы вотъ отдавали визитъ дорогимъ могилкамъ, съ привѣтливой улыбкой сказалъ ему Александръ Сергѣичь. Вы вѣрно тоже были у *своихъ*, Князь?

Но на Князя, находившагося еще подъ вліяніемъ искренняго чувства, испытаннаго въ часовнѣ, повидимому непріятно подѣйствовала шуточка сосѣда; онъ, не отвѣчая, сухо взглянулъ на него.

— Признаюсь вамъ, Князь, — продолжалъ Александръ Сергѣичь, пріятнымъ, вкрадчивымъ голосомъ, — въ нашъ вѣкъ такъ рѣдко видишь въ моодыхъ людяхъ это похвальное религіозное чувство, что особенно бываетъ пріятно встрѣчать...

— Извините, Князь, что я васъ задерживаю, — прибавилъ онъ, замѣтивъ, что Митя хотѣлъ раскланяться съ нимъ, — у меня до васъ есть нижайшая просьба... Изволите видѣть, когда я еще весной утруждалъ васъ своимъ посѣщеніемъ, я имѣлъ въ виду переговорить съ вами объ этомъ обстоятельствѣ; но ваша любезность заставила меня тогда совершенно забыть о дѣлѣ, да притомъ, сознаюсь вамъ, Князь, я надѣялся, что вы не пренебрежете мной и что удостоите посѣтить и мой

скромный домикъ, — сказалъ, необыкновенно тонко складывая свои крошечныя губы.

— Я очень виноватъ передъ вами, — сказалъ Митя краснѣя, — но повѣрьте, что это произошло нисколько не отъ пренебреженія, я, напротивъ, очень благодаренъ за честь, которую вы мнѣ сдѣлали; но откровенно скажу вамъ, что, живя въ деревнѣ и занимаясь хозяйствомъ, я взялъ себѣ за правило избѣгать всѣхъ, даже пріятныхъ знакомствъ.

— Помилуйте, князь, я и не смѣю претендовать, очень хорошо понимая, какъ много много трудовъ у васъ должно быть теперь по хозяйству. Имѣнье ваше, Князь, дѣйствительно золотое дно, но между нами, во время опеки оно сильно разстроилось. Я, какъ ближайшій сосѣдъ, могу судить объ этомъ. Не знаю, какъ теперь, но прежде не только запасовъ, но повѣрите-ли, Князь, — съ сладкой улыбочкой сказалъ Александръ Сергѣичь, — у меня мелкопомѣстнаго сколько разъ брали на обсѣмененіе и теперь еще есть за вашей экономіей. — Вѣдь не акты же совершать — взаимныя одолженія!

— Сдѣлайте одолженіе, я вовсе не къ тому говорю, — продолжалъ онъ, перебивая Князя, хотѣвшаго сказать что-то, — вы извольте спросить своего прикащика; но главное, усердные трудолюбцы наши — мужички, откровенно скажу, раззорены были у васъ, Князь; а это главное, главное...

— Итакъ, — продолжалъ Александръ Сергѣичь, придавая своему лицу вдругъ дѣловое выраженіе, — нижайшая просьба, съ которой я обращаюсь къ вамъ, относится къ церковному дѣлу. Изволите видѣть, Князь, ежели вы потрудитесь бросить на него внимательный взглядъ, общій нашъ деревенскій храмъ годъ отъ году приходитъ въ большую ветхость и упадокъ, такъ что не только чувству больно смотрѣть на это разрушеніе, но разрушеніе это представляетъ даже нѣкоторую опасность для прихожанъ. Во избѣжаніе такого несчастія, я, какъ постояннѣйшій посѣтитель здѣшней Церкви, позволилъ себѣ обратить вниманіе нашихъ прихожанъ на это обстоятельство, и предложить имъ содѣйствовать общими силами, не употребляя на это церковныхъ суммъ, которыя у насъ слишкомъ незначительны, и всѣ наши дворяне, принявъ мое предложеніе и принеся посильныя лепты на общее душеспасительное дѣло, удостоили меня быть сборщикомъ и возобновителемъ нашего храма. Поэтому надѣюсь, что и вы, Князь, какъ главный нашъ помѣщикъ, не откажете содѣйствовать общему душеспасительному дѣлу.

— Какже-съ я очень радъ, — сказалъ Митя. — И непремѣнно подпишу то, что въ состояніи...

— Истинная жалость, — продолжалъ Александръ Сергѣичь тѣмъ же пѣвучимъ голосомъ, — допустить до разрушенія этотъ скромный домъ Божій, въ которомъ силшкомъ сто лѣтъ приносились теплыя молитвы Всевышнему. Не такъ-ли, Князь?

Согласитесь, что единственная радость и утѣшеніе для всѣхъ этих трудолюбцовъ, — сказалъ онъ, указывая на крестьянъ, выходившихъ изъ церкви, — составляетъ религія и Церковь, и повѣрьте, что ежели бы не это чувство руководило мной, я никогда не взялъ бы на себя такую хлопотливую обязанность.

〈Съ праздникомъ Христовымъ, батюшка Александръ Сергѣичъ, — сказалъ въ это время невысокій, плотный мужичокъ въ синемъ армякѣ и поярковой шляпѣ, которую онъ ловко снялъ, проходя мимо разговаривающихъ.

— Изволите знать этаго молодца? — сказалъ Александръ Сергѣичъ, обращаясь къ князю. — Это банкиръ нашъ — я всегда его такъ называю — дворникъ съ большой дороги.

— Къ несчастію знаю и даже на дняхъ подалъ на него прошеніе.

— Ахъ какъ это непріятно. Вѣрно по случаю этой гнусной ссоры съ вашими крестьянами, какъ это непріятно!

— Напротивъ, я очень радъ, что имѣю случай разъ навсегда избавить здѣшній край отъ этаго вреднаго человѣка.

— Да-съ это совершенная правда; но извините меня, Князь, — съ этими людьми трудно, да и какъ то... глу... непріятно судиться. — Вотъ вамъ отецъ Петра Николаича Болхова умѣлъ съ ними ладить, разспроситъ, дознается, призоветъ къ себѣ, да и расправится съ нимъ въ 4-хъ стѣнахъ безъ свидѣтелей. И прекрасно!〉.[1]

— Однако, не смѣю задерживать васъ долѣе, — сказалъ онъ, посмотрѣвъ на жену, которая съ покорнымъ выраженіемъ лица стояла около экипажа. — Позвольте надѣяться, что до пріятнаго свиданія.

---

[1] *Со слов:* Съ праздникомъ *кончая*: И прекрасно! *зачеркнуто крестна-крест.*

IV.

ХАРАКТЕРЫ И ЛИЦА.

Командиръ части — хорошій человѣкъ.

Капитанъ Бѣлоноговъ уже 4 года командуетъ батареей. Онъ высокъ ростомъ, толстъ, потенъ, черты лица его грубоправильны, но залиты какимъ-то пьянымъ и нечистоплотнымъ жиромъ. Руки его велики, пухлы, но чрезвычайно хороши, хотя вѣчно грязны: не только ногти и пальцы, но даже мякоть. Волоса его густы, русы, сальны безъ сала и кольцообразно лежатъ на вискахъ и на поднятомъ хохлѣ. Голосъ громокъ, звученъ и имѣетъ почти всегда какое-то повелѣвающее, даже ссорющееся, выраженіе. (Я просто скажу, что Бѣлоноговъ сильно Андрей Ильинъ, но для другихъ я долженъ объяснить еще, что такое Андрей Ильинъ? Андрей Ильичь управляющій, его идеалъ — исправникъ, и онъ въ достиженіи его дошелъ до того, что его принимаютъ иногда за помѣщика, иногда за отставнаго поручика. *Андрей Ильичь у-у-у-мный человѣкъ;* голова. Одно — *пьётъ*. Онъ мастеръ ходить по судамъ, ему доставляло большое удовольствіе запутать ясное дѣло, глубокомысленно потолковать съ секретаремъ о смыслѣ 365 статьи, напиться чаю или мадеры съ столоначальникомъ и верхъ наслажденія предоставить подарочекъ такому лицу, которому не каждый съумѣетъ предоставить.—За то ужъ когда онъ запьетъ—бѣда! Онъ раздѣвается до гола и отправляет[ся]—зимой или лѣтомъ все равно — въ одну извѣстную клумбу въ саду, ложится тамъ на животъ и плачетъ; потомъ приходитъ домой, проситъ, покупаетъ или крадетъ водку, пыхтитъ, багровѣетъ, бранитъ свою жену и дочь, которыя считаютъ его геніяльнѣйшим человѣкомъ и боятся безъ памяти, и снова уходитъ въ клумбу. Такъ проходятъ недѣля, иногда двѣ — Андрей Ильичь болѣнъ. — Выздоравливая, онъ становится смиренъ, проситъ у всѣхъ прощенья; а потомъ вдругъ переходитъ къ нормальному, самодовольному и самоувѣренному состоянію. Въ дѣлахъ по

хозяйству помѣщика, семейныхъ и общечеловѣческихъ Андрей Ильичь въ сущности мотъ, деспотъ, жестокъ и вообще большой подлецъ, но онъ добръ и уменъ. Онъ такъ сильно убѣжденъ въ томъ, что онъ умнѣйшій человѣкъ, что ему и въ мысль никогда не приходитъ укорять себя въ чемъ [бы] то ни было. Онъ такъ часто увѣряетъ другихъ въ своей высокой добродѣтели, что самъ иногда отъ души вѣритъ въ нее. Онъ никогда не видитъ полученной услуги, во всѣхъ же своихъ дѣйствіяхъ видитъ безвозмездныя благодѣянія, за которыя онъ не думаетъ и не хочетъ получать благодарности, которой по его мнѣнію нѣтъ въ людяхъ. Андрей Ильичь поетъ горловымъ басомъ, но съ такой самоувѣренностью, что многіе убѣждены, что дѣйствительно всегда такъ надо пѣть. Андрей Ильичь любитъ пышность и такъ называемый русской разгулъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считаетъ себя тонкимъ знатокомъ московской политики, которую, по его мнѣнію, сейчасъ можно отличить отъ Тульской). Бѣлоноговъ говоритъ хорошимъ русскимъ языкомъ — иногда только запинаясь и то тогда, когда ему слишкомъ захочется ввернуть любимое словечко, какъ напримѣръ, *перстъ*, *теплое чувство* и т. д. ⟨Вообще въ его разговорѣ сильно отзываются фельетоны русскихъ газетъ, тѣ же — самоувѣренность, красота[?] дурнаго вкуса и грязность. — Разговоръ его былъ бы пріятенъ, ежели бы не былъ слишкомъ гибокъ: замѣтно, какъ онъ, смотря по противорѣчіямъ и выраженіямъ, которыя ему встрѣчаются, измѣняетъ самую мысль.⟩ И часто громко смѣется — *своему смѣху*. — Онъ нечистоплотенъ до послѣдней крайности и безъ малѣйшаго сознанія.

Онъ служилъ когда-то въ штабахъ, писалъ бумажки и, какъ цѣлый извѣстный классъ у насъ въ Россіи людей средняго образованія, гордится и счастливъ тѣмъ, что мастеръ сочинить тонкую канальскую бумажку. — Меньшой братъ его, человѣкъ въ его же родѣ, старшій адъютантъ, и когда они сходятся, раз говоръ ихъ сейчасъ же принимаетъ видъ форменной переписки.

— Ужъ ты мнѣ не говори, *братюга*, — говоритъ старшій братъ, — чтобъ Начальникъ Девизіи могъ измѣнять распоряженія начальника Артиллеріи.

— Да ужъ я тебѣ говорю, что можетъ: на это законъ. — Онъ подписываетъ мнѣ, положимъ, 3-ю легкую отправить на поправку, а 7-ю легкую оставить на позиціи, я и пишу ему: «На основаніи предписанія В[ашего] П[ревосходительств]а имѣю честь донести, что такъ какъ 7-я легкая находясь тамъ то, сдѣлавъ такіе то и такіе то походы, пришла въ разстройство, а 3-я легкая находилась на мѣстѣ, я предписалъ во исполненіе предписанія В[ашего] П[ревосходительства] 4-ой легкой заступить мѣсто 7-ой легкой, а 3-й легкой остаться на прежней позиціи». Нумеръ и число и баста.

— Хорошо я пишу, — говоритъ старшій братъ, —что «такъ какъ Вашему Превосходительству неизвѣстны распредѣленія артиллеріи, то и считаю неумѣстнымъ вмѣшательство Вашего Превосходительства и предлагаю исполнить въ точности предписаніе отъ такого числа за № такимъ то». Ну, что ты говоришь?

— Да такъ. Ну ты, вѣдь уже все говоришь по своему —

— Да такъ, — говоритъ старшій братъ и, нахмуривая брови, съ самодовольнымъ смѣхомъ и стуча по столу, говоритъ: — а ежели ты предписаніе мое не исполнишь, то пишу... И снова, не запинаясь, диктуетъ выговоръ. Не былъ, братецъ, и не служилъ въ штабѣ. Коли Старшій А[дъютантъ] не дуракъ, такъ Н[ачальникъ] Д[ивизіи] пѣшка. Младшій братъ стучитъ кулакомъ по столу и диктуетъ еще бумагу. И такъ продолжается разговоръ часа 2, до тѣхъ поръ, пока оба брата вспотѣютъ и охрипнутъ.—

Бѣлоноговъ любитъ Царя и Россію, но страннымъ образомъ: онъ безъ слезъ не можетъ говорить о Царскомъ смотрѣ и юбилеѣ Михаила Павловича и Исакьевскомъ Соборѣ, но солдатъ и мужикъ въ его глазахъ скотъ, презрѣнное созданіе. Онъ честенъ, не затаитъ чужихъ денегъ, не будетъ унижаться ни передъ кѣмъ, но брать съ казны все, что можетъ, и сносить всякаго рода оскорбленія отъ старшаго онъ считаетъ своей обязанностью. Онъ хорошій семьянинъ, любитъ свою жену и дѣтей, но «ужъ нѣтъ», и онъ ударяетъ кулакомъ по столу — «мужъ глава, и юбки молчи». Онъ любитъ выказывать себя: всякую услугу онъ дѣлаетъ съ эфектомъ и даже обязанность свою, пріятную для другихъ, выполняетъ какъ благодѣяніе. Онъ хочетъ казаться человѣкомъ, подъ личиной грубости и сальности скрывающимъ высокія чувства патріотизма, молодечества и умъ, тогда какъ онъ въ самомъ дѣлѣ не добродѣтеленъ, не патріотъ, не молодецъ и недалекаго ума, а просто грубъ и саленъ. У него ноги немного иксомъ и сапоги всегда стоптаны, но онъ любитъ казаться русскимъ молодцомъ, встряхивающимъ русыми кудрями, и передъ фронтомъ глаза у него разгораются, и походка дѣлается гордая. Онъ забылъ все, что зналъ, и, какъ человѣкъ съ умомъ изворотливымъ, доказываетъ безполезность образованія, однако говоритъ «коклеты» и «палталоны» и огорчился бы очень, ежели бы ему сказали, что говорятъ «панталоны». Онъ считаетъ обязанностью брать съ лошадей и едва ли удерживается отъ пользованія съ людей, но считаетъ это дурнымъ и стыдится того, ежели и дѣлаетъ. Съ людьми онъ не жестокъ, но считаетъ жестокость достоинствомъ: *вписать 300* — лихо. Съ офицерами онъ снисходителенъ, слабъ, но грубъ до крайности. Его правило общежитія — считать себя выше всѣхъ. — Въ немъ есть и рыцарство: онъ сочувствуетъ угнетеннымъ и противится угнетателю, но перваго онъ оскорбляетъ своимъ сочувствіемъ, передъ вторымъ изобличаетъ

свою слабость — раздрожительностью. — Онъ каждый день пьянъ къ вечеру, но тепелъ [?], откровененъ, ребячливъ, за то утромъ шалѣетъ и боится своего наканунѣ. Никто не можетъ любить его очень, но это одинъ изъ тѣхъ характеровъ, отъ которыхъ мало [?] требуютъ и которыми всѣ довольны. *Его любятъ* — онъ офицеръ хорошій.

КОММЕНТАРИИ

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ РАССКАЗЫ.

СЕВАСТОПОЛЬ В ДЕКАБРЕ МЕСЯЦЕ.

Севастопольские рассказы возникли из задуманного в октябре 1854 г. Толстым и кружком его приятелей офицеров-артиллеристов Южной армии — плана издания военного журнала. Ходатайство инициаторов, поддержанное главнокомандующим кн. М. Д. Горчаковым, не было удовлетворено военным министром; вместо того чтобы дать разрешение издавать собственный самостоятельный журнал, военный министр, передавая распоряжение государя, предложил офицерам посылать свои статьи в «Русский инвалид». Расстроенный неудачей и чувствуя, что для такого специально-военного издания собранные кружком материалы не подходят, Толстой предложил Н. А. Некрасову в письме от 11 января 1855 года постепенно передавать военные статьи и материалы в редакцию «Современника». Он предполагал доставлять Н. А. Некрасову ежемесячно от двух до пяти листов и, в случае его согласия, обещал на первый раз прислать статьи: «Письмо о сестрах милосердия», «Воспоминания об осаде Силистрии» и «Письмо солдата из Севастополя», не указывая, кто были авторы этих статей [1]. В ответе на это письмо [2], достигшем Толстого только в марте, Некрасов просил присылать ему статьи военные, как отмечено в дневнике Толстого под 20 марта 1855 года. [3] Но очевидно, кружок офицеров-инициаторов в то время уже распался, по крайней мере Толстой тут же приписал. «Приходится писать одному — напишу Севастополь в различных фазах и идиллию офицерского быта». Эту запись надо считать первым выражением мысли о будущих очерках защиты Севастополя. В это время Толстой находился со своей батареей на Бельбеке, изредка наезжая в Севастополь: в январе он побывал на хорошо им изученном впоследствии 4 бастионе, в марте, с 10-го на 11-е, участвовал в одной из вылазок в Севастополе.

Скоро после получения письма Некрасова работа над рассказом

---

[1] «Архив села Карабихи». М. 1916, стр. 190—193.

[2] См. «Альманах Круг», кн. 6 (М. 1927), стр. 196—197, письмо Н. А. Некрасова от 27 янв. 1855 г.: «Письмо ваше с предложением военных статей получил и спешу вас уведомить, что не только готов, но и рад дать вам полный простор в Современнике — вкусу и таланту вашему верю больше, чем своему».

[3] См. ниже комментарии к «Проекту журнала Солдатский Вестник».

двинулась, и из записи дневника 27 марта видно, что к этому дню уже было написано начало «Севастополь днем и ночью»; из этого начала «днем» развился рассказ «Севастополь в декабре»; часть же, названная «ночью», была отброшена и через три месяца написана совершенно заново, как описание определенного события, имевшего место ночью с 10 на 11 мая. 29 марта Толстой отправился в Севастополь квартирьером своей батареи, которая вступила туда 2 апреля. С этого дня до 15 мая Толстой не выезжал из Севастополя, неся службу на 4 бастионе, увлеченный своею деятельностью и «духом защитников Севастополя». Настроение Толстого, которое сквозит в его дневнике, отчетливо отражается в рассказе, и в известной мере рассказ можно считать автобиографическим. В этом отношении интересны следующие слова рассказа: «Главное отрадное убеждение — это убеждение в невозможности взять Севастополь, и не только взять Севастополь, но поколебать где бы то ни было силу России». Слова эти, для нас так странно звучащие из уст Толстого, которые уже при перепечатке рассказа в 1856 г. он несколько видоизменил и сократил, потому что уже далеко отошел от тех сильных, совсем особых переживаний, которые он испытал в апреле 1855 г., почти совершенно соответствуют мыслям, которые записаны им в дневнике: «Держимся мы не только хорошо, но так, что защита эта должна очевидно доказать неприятелю [невозможность] когда бы то ни было взять Севастополь». Это было записано как раз во время писания «Севастополя», 2 апреля. Но работа над рассказом повидимому шла не очень спорко: события и служба, а потом нездоровье не давали Толстому писать так, как бы хотелось, а тут еще кроме «Севастополя» одновременно у него шло и писание «Юности». «Кроме того, — писал он 11 апреля, — меня злит особенно теперь, когда я болен, то, что никому в голову не придет, что из меня может выйти что-нибудь кроме chair à canon [1] и самой бесполезной». 12 апреля на 4 бастионе он записал: «Писал С[евастополь] д[нем] и ночью, и кажется недурно и надеюсь кончить его завтра». И действительно 13-го на том же 4 бастионе (который ему «начинает очень нравиться»), он «окончил С[евастополь] д[нем] и н[очью]». Это была первая редакция рассказа еще без отделения описания ночи от описания дня. «Постоянная прелесть опасности, — добавляет он в дневнике, — наблюдения над солдатами, с которыми живу, моряками и самым образом войны так приятны, что мне не хочется уходить отсюда, тем более, что хотелось бы быть при штурме, ежели он будет». 14 апреля он назначает себе работу — «начать отделывать Севастополь и начать рассказ солдата о том, как его убило». «Боже, — приписывает он, увлеченный и вдохновленный своей работой, — благодарю тебя за твое постоянное покровительство мне. Как верно ведешь ты меня к добру. И каким бы я был ничтожным созданием, ежели [бы] ты оставил меня. Не остави меня, Боже! Напутствуй мне и не [для] удовлетворения моих ничтожных стремлений, а для вечной и великой, неведомой, но сознаваемой мной цели бытия». Начав в это время окончательно обрабатывать рассказ, Толстой выделяет из него изображение ночи, оставив в нем изображение севастопольского дня. В течение недели Толстому

---

[1] [пушечного мяса]

удалось написать набело только два листа Севастополя (запись 21 апреля), потом в два дня на бастионе же он отделал несколько листочков (запись 24 апреля); вероятно, тут написано было много, потому что через день, судя по дате при издании, — 25 апр., «Севастополь» уже был закончен и вскоре отослан в Петербург (цензурное разрешение помечено 30 апреля).

«Севастополь в декабре месяце» был напечатан в № 6 «Современника» с подписью Л. Н. Т. и с подстрочным примечанием от редакции об обещании автора ежемесячно присылать картины севастопольской жизни в роде предлагаемой. «Редакция Современника, — говорится в том же примечании, — считает себя счастливою, что может доставлять своим читателям статьи, исполненные такого высокого современного интереса, и притом написанные тем писателем, который возбудил к себе такое живейшее сочувствие и любопытство во всей читающей русской публике своими рассказами: Детство, Отрочество, Набег и Записки маркера». «Севастополь в декабре» в отдельном оттиске, до выхода книжки «Современника» в свет, был представлен П. А. Плетневым государю Александру II [1] и произвел на него сильное впечатление: [2] государь распорядился перевести его на французский язык. [3] Известие о чтении рассказа государем «польстило» Толстому, как записал он в своем дневнике [3] 15 июня, получив в Бахчисарае известие об этом от Панаева; в этот же день в числе своих недостатков за ближайшие дни он отметил «тщеславие, что рассказывал Столыпину про свою статью». Рассказ Толстого был вскоре по выходе перепечатан в военной газете «Русский инвалид» в больших извлечениях (№ 122, от 5 июня 1855 г.). В этом извлечении рассказ первый раз был прочтен Тургеневым и уже в этом виде привел его «в совершенный восторг»: «Дай Бог таких статей побольше» (письмо к И. И. Панаеву 27 июня 1855 г.); [4] когда же до Тургенева дошел № «Современника» — он писал ему же, что «статья Толстого о Севастополе — чудо», что он «прослезился, читая его и кричал ура!» [5]

«Севастополь в декабре» печатается по тексту, напечатанному в книжке «Военные рассказы гр. Л. Н. Толстого» (СПБ. 1856 г.) с исправлением некоторых опечаток и поправок, внесенных корректором в текст Толстого, попавших в это издание вследствие того, что автору не пришлось лично просматривать его корректур. Несмотря на некоторые неисправности текста, считаем это издание заслуживающим предпочтения перед изданием «Современника», так как, с одной стороны, редактор «Современника» из опасения преследований цензуры, с другой стороны, вероятно, сам цензор «Современника» В. Н. Бекетов всячески смягчали выражения, казавшиеся им то слишком резкими, то насмешливыми по отношению

---

[1] Письмо И. И. Панаева к Толстому 31 мая 1855 г. («Красная новь», 1928 кн. 9).

[2] П. И. Бирюков. Биография. Т. I. Берлин. 1921, стр. 267.

[3] Дневник Толстого 29 июня 1855 г. Рассказ был напечатан с сокращениями в Брюссельской газете «Le Nord» (№ 7, 7 июля 1855 г.) под названием «Une journée à Sebastopol» и затем перепечатан в «Journal de Francfort» 14 июля, 1855 г. № 167 (Supplément).

[4] Собр. соч. И. И. Панаева, т. VI, стр. 428.

[5] Письмо к И. И. Панаеву 10 июля 1855 г. Собр. соч. И. И. Панаева, т. VI. стр. 429.

к русской армии; напр.: вместо «белобрысенький» мичман напечатано «молоденький», вместо «валяются ядра» — «лежат», выпущены слова «неровно гребут неловкие солдаты», «неприятные следы военного лагеря», «вонючая грязь», «грязный» бивуак и пр., что могло современникам дать мысль о нерадении начальства в Севастополе, или повод к смеху. Но с текстом «Современника» приходится считаться, так как многое там напечатано несомненно правильнее. Все допущенные нами поправки опечаток и правок корректора в издании 1856 г., с одной стороны, с другой, исправления текста и разночтения по «Современнику» перечислены в вариантах. Что касается до поправок, которые введены в текст рассказа в «Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого» издания Т-ва И. Д. Сытина под редакцией П. И. Бирюкова,[1] то мы решили их также ввести в текст; основываемся на том, что, когда Э. Моод, издавая перевод Севастопольских рассказов на английский язык, обратился к Толстому «с просьбой разъяснить ему происхождение некоторых фраз, вошедших в рассказы и совершенно не соответствующих ни общему их содержанию, ни отношению самого Льва Николаевича к описанным событиям» (слова П. И Бирюкова), Толстой ответил ему, что все указанные Моодом места «или изменены или добавлены редактором в угоду цензору и потому лучше исключить их». В рассказе «Севастополь в декабре» эти введшие Моода в сомнение места следующие (по изд. 1856 г.):

1) ... но здесь на каждом лице кажется вам, что опасность, злоба и страдания войны, кроме этих главных признаков, проложили еще следы сознания своего достоинства и высокой мысли и чувства.

2) И эта причина есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине каждого,— любовь к родине.

Обе эти фразы уже при пересмотре текста для издания 1856 г. обратили на себя внимание автора. Во второй Толстой прибавил к тексту «Современника» слова «стыдливое в русском», в первой — отнес слово «войны», относившееся в тексте «Современника» к слову «признаки», к слову «страдания» и непосредственно предшествующие этой фразе слова «простота и твердость» заменил словами «простоты и упрямства». Таким образом в указанных местах мы отступаем от общего правила давать начальный Толстовский текст, на котором Толстой остановился, — чтобы с другой стороны не итти против его позднейших указаний. Правда, если мы вспомним, что о переводе в Крым из Кишинева, как Толстой пишет в письме к брату,[2] он просил главным образом «из патриотизма», который в то время «сильно напал» на него, что он «предоставил начальству распоряжаться своей судьбой»,[3] что, наконец, как видно из его дневника того времени, его тогда захватывали и война, и военная служба, и боевая жизнь, и опасности, — то можно думать, что и слова, которые так шли в разрез со всеми мыслями его в 1890-ых — 1900-ых гг., были естественны в 1855 г.

---

[1] См. т. II, примечания 278—279.

[2] Письмо Л. Н. Толстого к С. Н. Толстому 3 июля 1855 г. («Письма Л. Н. Толстого» М. 1910, т. I, стр. 41—43).

[3] Там же.

СЕВАСТОПОЛЬ В МАЕ.

Рассказ «Весенняя ночь в Севастополе» в общей своей мысли, можно предполагать, был задуман Толстым в марте 1855 г. одновременно с рассказом «Севастополь в декабре», который в дневнике долгое время называется «Севастополь днем и ночью»; имея это название, рассказ был вчерне закончен 13 апреля, и с 14 апреля Толстой назначил себе его отделку, которую и закончил 25 апреля. В момент начала отделки произошло очевидно разделение рассказа на две части: изображение Севастопольского дня и Севастопольской ночи. Первая часть была разработана в течение апреля и составила рассказ «Севастополь в декабре»; изображение ночи, написанное в первой половине апреля, повидимому, не удовлетворило автора и было оставлено. Конечно, нельзя думать, что отложенная часть впоследствии была переработана в рассказ «Весенняя ночь в Севастополе»: этот рассказ приурочен автором к совершенно точно определенному времени — ночи на 11 мая и, может быть, даже изображает определенное событие; в нем только вновь воплотилась возникшая в 20-х числах марта мысль Толстого дать изображение Севастопольской ночи. Как основу рассказа Толстой сохранил эту мысль, отбросив ее оболочку, его не удовлетворившую, и дал не переработку старого рассказа о Севастопольской ночи, написанного в первой половине апреля, а создал новый рассказ, однородный по общей мысли, но иной по обстановке, в которой происходит действие, и по настроению, которое было в то время у автора.

Рассказ был начат тотчас после окончания «Рубки леса»: утром 18 июня Толстой кончил «Рубку», а вечером уже написал «проспект маленький 10 мая», как он назвал тут «Весеннюю ночь». Со следующего дня — 19 июня Толстой изо дня в день «с удовольствием» быстро пишет «10 мая», не отвлекаясь другими работами, только уделяя время на чтение, и уже 23 июня, проработав целый день, «окончил на-черно» и даже принялся за переписку на-бело. На 24-е он назначил себе «пересмотреть все (sic) В[есеннюю] Но[чь] с точки зрения цензуры и сделать изменения и variantes». И действительно 24-го Толстой «целый день работал» и 26-го «кончил . . . уже не такъ хорошо, кажется, какъ прежде» — отмечает он, очевидно, вспоминая ту редакцию, которую он назвал черновой, и которая по его мнению еще не была обезврежена в отношении требований цензуры. Этим 26 числом июня 1855 г. «Весенняя ночь» была датирована и при издании. На следующий день Толстой ездил в Бахчисарай и там читал ее своему приятелю Егору Петровичу Ковалевскому, состоявшему тогда в штабе кн. М. Д. Горчакова, и Ковалевский остался ею «очень доволен». Таким образом «Весенняя ночь» была написана очень быстро, всего в восемь дней, с 19-го по 26-е. Если принять во внимание, что первая редакция была закончена 23-го, то значит писанье без пересмотра длилось и того меньше — только пять дней. Очевидно рассказ писался с особенным подъемом и увлечением и против обычая Толстого одиноко, т. е. не сопутствуемый другими литературными работами. После этого энергия сразу упала, и Толстой целую неделю провел «в праздности», как отметил 6 июля, забыв, что 4 июля рассказ снова привлек ненадолго

его внимание, и он «с утра» и «после обеда отчасти» его пересматривал, чтоб на следующий день отослать к И. И. Панаеву в редакцию «Современника», что хотел исполнить при содействии Валентина Павловича Колошина, долженствовавшего ехать 5 июля в Петербург, но отложившего отъезд до 11-го. Этот новый пересмотр очевидно был более или менее поверхностный. С Колошиным же Толстой послал И. И. Панаеву письмо [1] об этом Севастопольском рассказе или Севастопольской «статьи», как он говорит: «Хотя я убежден, что она без сравненья лучше первой, она не понравится, в этом я уверен. И даже боюсь, как бы ее совсем не пропустили. На счет того, чтобы ее не изуродовали, как вы сами увидите, я принял всевозможные предосторожности. Во всех местах, которые показались мне опасными, я сделал вариянты с такого рода знаками (в) или скобками означал что̀ выключить в том случае, ежели не понравятся цензуре. — Ежели же сверх того, что я отметил, стали бы вымарывать что-нибудь, решительно не печатайте. В противном случае это очень огорчит меня. Для заглавия я сделал вариант, потому что «Севастополь в мае» слишком явно указывает на дело 10 мая, а в Современнике не позволено печатать о военных делах. Напшисецкого я заменил Гнилокишкиным [2] на тот случай, ежели цензура скажет, что офицер не может от флюса отказываться от службы; тогда это 2 различные офицера. Польскую фразу ежели можно поместить, то с переводом в выноске, ежели нельзя, то русскую, которая под знаком (х). И еще ругательства русские и французские нельзя ли означить точками, хотя без начальных букв, ежели нельзя, но они необходимы. Вообще надеюсь, что вы будете так добры защитить сколько можно мой рассказ, — зная лучше взгляд цензуры, вставите уж вперед некоторые варианты, чтобы не рассердить ее, и какие-нибудь незначительные, непредвиденные изменения сделаете так, чтобы не пострадал смысл». Под только что пережитым впечатлением подъема при создании рассказа, в сознании своего долга писать одну правду и предугадывая протест со стороны тех, кто правду эту желает скрыть, он записал в дневнике своем 5 июля о смущавших его «искушениях тщеславия», с которыми он постоянно боролся, каясь на страницах дневника в своих проступках этого рода: «теперь только настало для меня время истинных искушений тщеславия, — пишет он — я много бы мог выиграть в жизни, ежели бы захотел писать не по убеждению». И действительно «Весенняя ночь», набранная для «Современника», подняла целую бурю со стороны охранителей, испугавшихся правды, этого героя Толстовской повести, которого автор «старался воспроизвести во всей красоте его», и которого он любил «всеми силами души». Но еще раньше чем попасть к ним в руки, еще в кабинете редакторов «Современника» рассказ должен был претерпеть нечто неожиданное и подвергнуться первой цензуре. Полученная И. И. Панаевым «Ночь в Севастополе» произвела на лиц, близких к «Современнику», громадное впечатление; все находили этот рассказ

---

[1] Подлинник письма в Институте новой русской литературы; цитируем по подлиннику (4 июля 1855 г.). Напечатано в «Красной нови», 1928, кн. 9, стр. 219—220.

[2] В издании («Красная новь», 1928, кн. 9), неправильно прочтена эта фамилия: П-киным — вм. Гнилокишкиным.

«выше первого по тонкому и глубокому анализу внутренних движений и ощущений»,[1] по превосходной мастерской работе; после прочтения рассказа Некрасов писал, что не знает «писателя теперь, который бы такъ заставлялъ любить себя и такъ горячо себе сочувствовать»,[2] как Толстой; несмотря на это, повесть Толстого показалась им недопустимой к печати в том виде, в каком написал ее Толстой, без смягчающих фраз и выражений. Они боялись даже, что она произведет на публику «весьма неприятное впечатление»: до такой степени всё в ней «облито горечью»,[3] «такъ резко и ядовито, беспощадно и безотрадно».[3] И вот под влиянием этой боязни И. И. Панаев счел необходимым, «не портя,— как он говорит,— сущности рассказа и предвидя за него борьбу с цензурою» «кое что посмягчить и посгладить» и наконец даже «прибавить в конце»[4] статьи слова, настолько в разрез идущие с мыслями Толстого, настолько Толстому «отвратительные», что он согласился бы, как он писал потом Е. Ф. Коршу, всякий раз как читает их, «лучше получить 100 палок, чемъ видеть их».[5] В найденной недавно рукописи Толстого действительно нет этой фразы.

Прибавленные И. И. Панаевым слова были следующие: «Но не мы начали эту войну, не мы вызвали это страшное кровопролитие. Мы защищаем только родной кров, родную землю и будем защищать ее до последней капли крови». На несоответствие этих слов взглядам Толстого впоследствии обратил внимание Эльмер Моод при издании перевода Севастопольских рассказов на английский язык; он просил Толстого разъяснить причины их происхождения.[6] В ответном письме к Мооду Толстой решительно отрекся от этих слов, назвав один отрывок из «Весенней ночи» «особенно отвратительнымъ»; «он,—пишет Толстой,— и в то время мне очень не нравился» и советует все указанные им места исключить, потому что они были «или изменены или добавлены редактором в угоду цензору».[6] То же еще более определенно говорит Толстой и в упомянутом письме к Коршу,[7] прося его передать С. А. Рачинскому, хотевшему переводить Севастопольские рассказы, что он «умоляетъ» его «не забыть, что слова» (он точно их цитирует) «принадлежатъ г-ну Панаеву», а не ему, и что он просит их выкинуть.

С смягчающей выражения Толстого, добавкой Панаева, повесть была послана цензору «Современника» В. Бекетову, который с небольшими поправками пропустил статью. Она была уже отпечатана для помещения в августовской книжке 1855 г., когда цензор, остановив выход номера, вдруг потребовал корректуру из типографии для представления на

---

[1] Письмо И. И. Панаева к Толстому 28 авг. 1855 г. («Красная новь», 1928, кн. 9, стр. 224).

[2] Письмо Н. А. Некрасова к Толстому 2 сент. 1855 г. (Ежемесячные литературные приложения к журн. «Нива», 1898, № 2, стр. 343).

[3] Письмо И. И. Панаева к Толстому 28 авг. 1855 г. («Красная новь», 1928, кн. 9, стр. 224).

[4] Письмо И. И. Панаева к Толстому 18 июля 1855 («Красная новь», 1928, кн. 9, стр. 220—221).

[5] «Творчество» (Харьков), 1919, IV, май, стр. 17. Письмо без годовой даты.

[6] Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого под ред. П. И. Бирюкова (М. 1913), т. II, примечания, стр. 278.

[7] «Творчество» (Харьков), 1919, IV, май, стр. 18.

прочтение председателю Цензурного комитета, грозному и взбалмошному М. Н. Мусину-Пушкину. Гранки «Весенней ночи», доставленные Мусину-Пушкину, привели его в ярость и негодование: сохранившиеся при делах Цензурного комитета с вычерками целых периодов, раз даже целой главы, с выразительными пометками на полях, они дают яркую картину впечатления, вынесенного Мусиным-Пушкиным от статьи, и определенно указывают, что в особенности было причиной его гнева. «Читая эту статью,—писал своим размашистым неразборчивым почерком Мусин-Пушкин на корректурном листе,—я удивлялся, что редактор решился статью представить, а г. цензор дозволить к напечатанию. Эту статью [за] насмешки над нашими храбрыми офицерами, храбрыми защитниками Севастополя запретить и оставить корректурные листы при деле».

Дело, вероятно, так бы и заглохло, и «Весенняя ночь» и не увидела бы света, но тут что-то произошло такое, что внезапно изменило взгляд Мусина-Пушкина: возможно, что о написании нового Севастопольского рассказа после первого, так понравившегося государю, узнали в тех сферах, с которыми считался и страшный председатель Цензурного комитета; вместо запрещения печатать редактор «Современника» получил приказание печатать рассказ, но с теми переделками, которые были сделаны Мусиным-Пушкиным. Эти переделки привели в ужас Панаева. Личное объяснение его с Мусиным-Пушкиным не привело ни к чему, кроме еще более определенного требования печатать так, как передела-но. Так в изуродованном виде, с пропусками и искажениями, которые меняют тон, характер и часто даже смысл рассказа, «Весенняя ночь» появилась в сентябрьской книжке «Современника» за 1855 г., но без букв Л. Н. Т., которых редакторы «Современника» не решились поста-вить под статьей, потерявшей свой облик.

«Возмутительное безобразие, в которое приведена ваша статья, — писал Толстому Н. А. Некрасов, — испортило во мне последнюю кровь. До сей поры не могу думать об этом без тоски и бешенства. . . Не буду вас утешать тем, что и напечатанные обрывки вашей статьи многие нахо-дятъ превосходными; для людей, знающих статью в настоящем виде, — это не более, как набор слов без смысла и внутреннего значения. Но нечего делать! Скажу одно: что статья не была бы напечатана, если бы это не было необходимо». [1]

17 сентября Толстой записал в дневнике: «Вчера получил известие, что Ночь изуродована и напечатана. Я кажется сильно на примете у синих за свои статьи. Желаю впрочем, чтобы всегда Россия имела таких нравственных писателей; но сладеньким уж я никак не могу быть и тоже писать из пустого в порожнее — без мысли, и главное без цели. Несмотря на первую минуту злобы, в которую я обещался не брать пера в руки, всё-таки единственное, главное и преобладающее над всеми другими наклонностями и занятиями должна быть литера-тура. Моя цель — литературная слава. Добро, которое я могу сделать своими сочинениями».

На вопрос, какой эпизод севастопольской обороны был изображен

[1] Письмо Н. А. Некрасова к Толстому 2 сент. 1855 г. (Ежемесячные литерат. прилож. к журн. «Нива», 1898, № 2, стр. 342—343).

Толстым в рассказе «Севастополь в мае», дает ответ сам автор. В первый раз, упоминая о рассказе в своем дневнике, он определенно называет его «10 мая»: отсюда можно заключить, что фоном очерка, названного «Весенней ночью», послужили события, начавшиеся вечером 10 мая и захватившие собой всю ночь до утра 11. В ночь с 10 по 11 мая (22 — 23 н. ст.) войсками Севастопольского гарнизона под начальством ген. Ст. Ал. Хрулева было предпринято устройство контр-апрошей впереди 5-го и 6-го бастионов и вблизи высот кладбища у накануне устроенного там плацдарма. Первая стадия сражения была неудачна для русских, как описывает и Толстой: контр-апроши были заняты французами; но двинутые Хрулевым в помощь отступившим части скоро выбили французов и заняли высоту. Бой был чрезвычайно ожесточенный; на ряду с артиллерийским огнем, от которого очень пострадали обе стороны, войска несколько раз вступали в рукопашные схватки; контр-апроши, траншеи и ложементы по нескольку раз переходили из рук в руки, от русских к французам и обратно. Бой кончился незадолго до рассвета. В ту же ночь происходило сражение и у Карантинной бухты на крайнем правом фланге русских. Потери со стороны русских в эту ночь превысили $2^1/_2$ тысячи (Тотлебен Э. И., «Описание обороны Севастополя», т. II. стр. 218—225). Белый переговорный флаг для уборки тел убитых был поднят не 11 мая, как можно было бы думать по рассказу Толстого, а только 12-го днем с батареи Шемякина. Толстой эту ночь, надо думать, провел на 4 бастионе, где находился на службе в течение всего апреля по 14 мая 1855 г., когда выехал на Бельбек с поручением сформировать горный взвод.

В основу издания рассказа мы кладем пересланную через В. П. Колошина И. И. Панаеву рукопись, ныне хранящуюся в архиве Толстого Публичной библиотеки Союза ССР им. Ленина в 4° (22×11 сант.) на 38 листах, писанную рукой Толстого. Заглавие на 1 листе: «Весенняя ночь 1855 года, въ Севастополѣ». На последнем листе подпись: «Графъ Толстой» и дата «1855 года 26 Іюня». Под строкой приведены те самые варианты, о которых в письме к И. И. Панаеву 4 июля 1855 г. упоминает Толстой, что он помечает в рукописи буквой (в) или скобками, как такие, которые можно выключить в том случае, «ежели не понравятся цензуре». Этих вариантов всего семь; один из них зачеркнут. Кроме того в сносках же имеются пометы: «выключить» по отношению к пяти местам текста. Две из этих помет зачеркнуты. Много вычеркнутых фраз и вписанных между строк исправлений. Кроме семи мест, заключенных автором в скобки как подлежавшие изменению в случае придирок цензуры, в рукописи имеется ряд зачеркнутых фраз, устраненных Толстым также по соображениям цензуры. *Стр. 50, строка 27. После слова:* батастиона *зачеркнуто:* онъ воображалъ себя героемъ. *Стр. 50, строка 30. Вместо:* куда и *кончая:* оставаться *зач.:* Вотъ когда я желалъ бы, чтобъ меня видѣли, думалъ Бѣлугинъ, въ крови, съ разбитой головой передъ ротой. Впрочемъ, ежели ужъ я хочу быть совершенно героемъ, подумалъ онъ, такъ надо теперь остаться. *Стр. 51, строка 20. После слова:* ротѣ *зач.:* и мысленно называлъ его выскочкой. *Стр. 59, строка 1. Вместо:* бѣлые флаги *первоначально было:* палки съ бѣлыми тряпками. *Стр. 59, строка 5. После слова:* другу *зач.:* но только до тѣхъ

поръ, пока виситъ бѣлая тряпка. *Стр. 59, строка 10. После слова:* прекрасному *зач.:* законъ любви, который они попрали такъ жестоко. *Кроме того на той же странице, строка 21 вместо:* этой повѣсти? *первоначально было:* моей странной повѣсти? *Кроме этого, стр. 19, строка 21 после слов:* играла полковая музыка *зач.:* Б. егерскаго полка, какую то итальянскую штуку. Первоначально фамилии военных были: Белугин, Коханов, Рязанов, Митюхин, Уцмиев, Калугин, Обдуло и Davidoff, затем Толстой зачеркнул эти фамилии и заменил Белугина — Михайловым, Коханова — Кокановым и наконец, Калугиным, Рязанова — бароном Пестом, Митюхина — Праскухиным, Уцмиева — Нефердовым, Калугина — Гальцыным, Обдуло—Середой, Давыдова—Сазоновым. Между строк в рукописи встречаются пометы (Н. С.), обозначающие красную строку.

Очень близок к описанной рукописи текст, который находится в несверстанных корректурных листах «Современника» 1855 г. (5 лл. по 4 полосы каждый), ныне хранящихся в Ленинградском отделении Центрального исторического архива (Историко-культурный отдел), прежде в «Архиве Комиссариата просвещения» в папке № 28 за 1855 г., озаглавленной: «Дело С.-Петербургского цензурного комитета. О сочинениях, представляемых гг. цензорами на разрешение Комитета, и о препровождении некоторых сочинений, на предварительное обсуждение, к гг. профессорам и другим лицам». Перед набором текст рассказа, как сказано выше, подвергся некоторым переделкам в редакции «Современника»; теперь, благодаря найденной рукописи, все редакционные переделки определяются. Есть одно дополнение в корректуре к описанной выше рукописи, вероятно, почему-либо досланное позднее и затем вошедшее в издание 1856 г. Оно начинается словами: «Тщеславие, тщеславие, тщеславие везде» и кончается словами: «литература нашего века есть только бесконечная повесть «Снобсов» и «Тщеславия».

Ставя в основу издания текст рукописи, мы нашли необходимым ввести в печатаемый текст и те добавления и поправки, которые внес автор, готовя рассказ ко второму изданию 1856 г.

Прибавления к тексту в корректуре, находившейся в Архиве Комиссариата просвещения, были напечатаны впервые в 1920 г. в издании «Общества истинной свободы в память Л. Толстого в Киеве» «Братство», № 2, стр. 1—3, под заглавием «Неизданные строки Л. Н. Толстого. Ночь весною 1855 г. в Севастополе», с заметкой В. В. Мияковского. В 1928 г. с исправлением по корректуре Архива Комиссариата просвещения рассказ был напечатан в издании «Л. Толстой. Полное собрание художественных произведений», т. II, стр. 65 — 100 (Ленинград), и в издании «Л. Н. Толстой. Полное собрание художественных сочинений» (Приложение к журналу «Огонек»), т. I, стр. 362—394 (Москва).

«Севастополь в мае» печатался до 5 издания «Собрания сочинений гр. Л. Н. Толстого» по тексту, вошедшему в издание «Военные рассказы гр. Л. Н. Толстого» (Спб. 1856) с сохранением той фразы, которой И. И. Панаев хотел смягчить мысли Толстого (см. выше) и которая, очевидно, потом была забыта автором. С 6 издания 1886 г. фраза И. И. Панаева не печаталась.

СЕВАСТОПОЛЬ В АВГУСТЕ.

Фоном для рассказа «Севастополь в августе» послужили события 25 — 27 августа 1855 г. — последние дни осады Севастополя и его штурм союзниками; эти самые дни изображены Толстым и в другом его произведении — официальном Донесении, написанном им по поручению ген. Н. А. Крыжановского в первых числах сентября, тотчас после отступления армии на Северную сторону. Из письма Толстого к его тетушке Т. А. Ергольской от 4 сент. 1855 г. [1] видим, что он приехал в Севастополь 27 августа, в самый день штурма союзниками, и был его свидетелем и участником защиты. Не знаем, в каком он был пункте: успокаивая Татьяну Александровну, он пишет ей, что почти не подвергался опасности, но, конечно, это писалось только для успокоения. По словам полковника П. Н. Глебова [2] на просьбы Толстого дать ему какое-нибудь дело при защите города, Глебов поручил ему «за недостатком офицеров» «в командование пять батарейных орудий». С подробностями тех событий, очевидцем которых он сам не был, Толстой познакомился из ряда донесений артиллерийских офицеров, переданных ему по распоряжению ген. Крыжановского для составления из них экстракта, главным же образом (как он говорит в письме к Н. А. Крыжановскому от 3 сентября) из рассказов очевидцев — полевых артиллеристов, особенно точно описавших ему приступ на Малахов курган, а также, конечно, из массы слышанных им самим тотчас после события самых разнообразных рассказов о впечатлениях, пережитых в последние дни Севастополя всеми участниками обороны от генералов, руководивших войсками, до последнего рядового.

В рассказе мы видим полную художественную картину Севастополя этих последних дней, приступа на Малахов курган, боя на 5 бастионе и проч., отчетливую, ясную, точную в мельчайших подробностях. Точность изображения события сочетается с точностью и в мелочах: так два брата Козельцовы, изображенные в рассказе Толстого — пехотный поручик П-ского полка и только что выпущенный из корпуса артиллерист, настолько приближены к действительности, что можно определенно сказать, что П-ский полк это Подольский полк, в последние дни осады стоявший именно на 5 бастионе, куда направил Толстой Козельцова, при атаке французов сбросивший неприятеля с бруствера и вытеснивший изо рва, как пишет и Толстой. Эта точность доходит до того, что такая мелочь, как ранение Козельцова именно 10 мая, становится совершенно естественной, потому именно, что Подольский полк, 10 мая находившийся в люнете Белкина, один из немногих понес сильный урон: ему были поручены сначала земляные работы впереди люнета под огнем французов, а потом выбитие их из кладбищенского плацдарма. Козельцов младший был зачислен, по словам Толстого, в 5 легкую батарею и отправился ее искать на Корабельную сторону. На Корабельной стороне на площади у Доковой стены действительно стояла 5 легкая батарея 11 артиллерийской бригады; она составляла резерв Корабельной

---

[1] «Письма Л. Н. Толстого», т. II (М. 1911), № 283.

[2] Записки Порф. Ник. Глебова. «Русская старина», 1905, март, стр. 528.

стороны. Но в описании последовательности событий, как они протекали у каждого из двух братьев Козельцовых, в рассказе Толстого допущено отступление от действительных фактов: конец рассказа несомненно относится к вечеру 27 августа; начало рассказа, нужно бы думать, происходило во вторую половину дня 25-го; так оно и было для одного из братьев Козельцовых; Козельцов младший, после того как расстался с старшим братом, провел одну ночь — на 26-е — в доме батарейного командира, другую — на 27-е — в блиндаже Малахова кургана и был убит 27-го при штурме кургана; но для Козельцова старшего прошла в это время только одна ночь: распростившись с братом, он отправился на 5 бастион, там играл всю ночь, был разбужен тревогой и скоро был смертельно ранен. Через полчаса на перевязочном пункте у Николаевской казармы, где он лежал на носилках, священник ему сказал, чтоб «не огорчить его», что «победа везде за нами осталась», хотя в это время «на Малаховом кургане уже развевалось французское знамя»; это было 27 августа. Чем объяснить это несоответствие, сказать трудно: ни в рукописи, ни в корректуре нет никаких вариантов, которые бы могли дать нить к разгадке и объяснению этой неточности.

Когда был задуман и когда был начат рассказ «Севастополь в августе», дневник Толстого не дает указаний; можно лишь предполагать, что замысел находился в близкой связи с писанием Донесения, т. е. относится к началу сентября 1855 г.; писание же начато в первой половине сентября. Дело в том, что со 2 сентября, когда писалось Донесение, до 17-го записей в дневнике нет; 17-го после записи о цели своих литературных работ под впечатлением известия об изуродовании цензурой «Севастопольской ночи» (приведена в комментарии к рассказу «Севастополь въ маѣ»), Толстой записал о предположении уходить в отставку и о намерении на следующий день продолжать писание «Юности» и ничем не упомянул о новом Севастопольском рассказе; между тем под 19 сентября в местечке Керменчик близ Бахчисарая, куда перешел горный взвод Толстого, он отметил в дневнике о писании «С. въ А.» — очевидно «Севастополь в августе», и не как о начале работы, а как о ее продолжении. Под 21 сентября, определяя себе цели жизни и ставя на первый план «добро ближнего», а на второй «образование себя в такой степени, чтобы я был способен делать его» — «славу литературную, основанную на пользе, добре ближнему», Толстой отмечает, что для второй цели он на завтра себе назначил заняться составлением плана статьи и писанием ее или «Юности», очевидно, под статьей разумея Севастопольский рассказ; и действительно 22-го (ошибкой в рукописи написано 23-го) в дневнике Толстой записал: «для 2 (т. е. для выполнения второй цели) составил план С. в Авг.» и на следующий день назначил себе писать «Юн[ость]» и «С[евастополь] в А[вгустѣ]», чего впрочем не выполнил, потому что ездил в штаб и отложил на 25-е и тоже не писал из-за недостатка бумаги; и так несколько раз он назначал себе на завтра писать рассказ и «Юность», и всё писать не случалось, хотя и бумага была заготовлена; главной причиной этого было «лениво-апатически-безысходное недовольное положение», как это он отметил 10 октября, видимо уже начиная чувствовать подъем, потому что тут же приписал: «моя

карьера — литература — писать и писать! С завтра работаю всю жизнь или бросаю всё—правила, религию, приличия—всё». Но, повидимому, эти слова были только благие пожелания, которые ни к чему не привели, вероятно, в связи с наступившим в это время периодом сильного увлечения карточной игрой. И самый дневник забылся в это время: с 27 октября по 21 ноября, когда Толстой уже был в Петербурге, нет ни одной записи, нет и дальше, с 21 ноября 1855 до 10 января 1856 г. На рукописи «Севастополь въ августѣ», хранящейся в Библиотеке им. Ленина есть дата в конце текста рядом с подписью: «27 декабря Петербургъ»; эту дату можно было бы считать определением последнего момента писания рассказа; но в действительности работа была еще продолжена: в известной нам рукописи, которая послужила оригиналом набора, нет главы 24-й («По сю сторону бухты...»), вошедшей в текст «Современника», и заключения рассказа, начинающегося словами: «По всей линии Севастопольскихъ укрепленій. . .», вошедшего в издание 1856 г., которые были написаны очевидно после; кроме того, последняя отделка была произведена в корректуре, которую Толстой держал сам, будучи в это время в Петербурге. Рассказ был сдан в печать тотчас после написания; части его, как видим из предыдущего, были даже написаны после сдачи в набор. Набиралась рукопись чрезвычайно быстро: по отметкам наборщиков видно, что работали зараз 8 человек; в конце рукописи листы разрезаны на части для ускорения дела общей работою. Набор производился в начале января 1856 г., и рассказ вышел в № 1 «Современника» за 1856 г. с полной в первый раз подписью.

В основу издания рассказа «Севастополь въ августе» взят текст рукописи Публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (б. Румянцевского Музея) № 2905 (в л. —36 × 22 сант., на 38 лл.), писанный рукой Толстого и послуживший оригиналом набора «Современника», с отметками и фамилиями наборщиков, перечерками, сделанными вероятно редактором «Современника», зачеркнутыми карандашом словами, трудно сказать, кому принадлежащими, Толстому или Некрасову; есть поправки в словах, сделанные Некрасовым и еще кем-то. Иногда слова текста дописываются, переходя на соседнюю страницу и, если эта страница отрезана от другой, то кажутся утерянными. На лицевой стороне л. 38 подпись: «Графъ Л. Н. Толстой». На обложке впереди неизвестной рукой 1860 гг. написано: «№ 11 Черновыя, Севастопольскій разсказъ». Обложка сделана из счетовой книги по именью за подписью Андрея Соболева и Ивана Суворова (яснополянские служащие). Этой рукописью, после издания в «Современнике», воспользовались только в 1911 г. в 12 издании «Сочинений гр. Л. Н. Толстого», как видно из примечаний (т. II, стр. 350): «исправлено и значительно дополнено по рукописи».

Кроме этой рукописи, в б. Толстовскомъ музее Академии наук имелись неверстанные корректуры рассказа в гранках «Современника» (7 форм по 4 полосы каждая), с поправками Чернышевского, Тургенева и более всего Толстого. Ныне эти гранки в Институте новой русской литературы. Исправляя текст рукописи, поправки Толстого являются таким образом как бы окончательной обработкой рассказа. Поэтому при издании рассказа мы сочли необходимым обратить особое внимание на эти поправки

(конечно, только Толстовские) и внести их в текст, но только поправки, так как сама по себе корректура не вполне исправна. Все эти поправки мы оговариваем в вариантах, отмечая первоначальный текст рукописи, который былъ исправлен этими поправками. Корректурный текст был напечатан в «Известиях Общества Толстовского музея» в соединенном номере 3 — 4 — 5 1911 г. с критическим комментарием и вводной заметкой Е. А. Ляцкого.

Но, чтобы получить окончательный текст, оказалось недостаточным ограничиться этими двумя основными текстами, а нужно было произвести сверку их и с изданием 1856 г., так как несомненно Толстой перед сдачей его издателю в мае 1856 г. в известной мере просмотрел текст, сделав в нем некоторые дополнения; мы говорим: в известной мере, потому что, повидимому, набор нового издания был произведен с чистых гранок «Современника», не имевших в себе исправлений Толстого (по крайней мере это можно думать по отношению к большей части форм). Эти поправки поэтому миновали текст 1856 г., но зато в него введены другие дополнения и поправки. Таким образом, чтобы получить окончательный текст, было необходимо воспользоваться и этим изданием, оговорив все поправки, взятые из него, в вариантах. Кроме того, из того же издания пришлось взять и заключительную часть рассказа, не имеющуюся ни в рукописи, ни в корректуре.

«УТРО ПОМЕЩИКА».

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ «РОМАНА РУССКОГО ПОМЕЩИКА».

Судя по записям в дневнике и записной книжке, «Роману русского помещика» Толстой придавал исключительное значение. По замыслу автора, это должно было быть произведение с содержанием большой социальной значимости, так как в нем Толстой хотел выразить свои взгляды на коренной вопрос того времени, крепостное право, на взаимоотношения крестьян и помещиков. Замысел «романа» занимал Толстого в течение не менее пяти лет (1852—1857 гг.), и так и остался неосуществленным: напечатанный в «Отечественных записках» отрывок под заглавием «Утро помещика» — лишь небольшая часть задуманного целого, дающая о нем довольно слабое представление.

Прежде всего необходимо остановиться на том значении слова «роман», какое ему придавал Толстой. Слово это у него имело совсем не тот смысл, какой мы привыкли вкладывать в него. В языке Толстого (по крайней мере в 1850—1860-х годах) слово «роман» означало большое (в отличие от «повести», произведения меньшего размера) произведение повествовательного рода, причем любовная интрига не только не обязательна для «романа», но и отсутствует в нем. «Роман» в этом понимании — «история жизни», «история», но отнюдь не «любовная». Что именно в этом смысле употреблял Толстой слово «роман», явствует из таких, например, строк письма Толстого к Некрасову (от 18 ноября 1852 г.): «с крайним неудовольствием прочел я в IX № «Современника» *повесть* [1] под заглавием «История моего детства» и узнал в ней *роман* [1] «Детство», которое я послал вам».

Чрезвычайно также любопытна в этом отношении запись в дневнике от 19 марта 1865 г.: «Я зачитался историей Наполеона и Александра. Сейчас меня облаком радости и сознания возможности сделать великую вещь охватила мысль написать психологическую историю романа Александра и Наполеона. Вся подлость, вся фраза, всё безумие, всё противоречие людей их окружавших и их самих». «Психологическая история романа Александра и Наполеона», это, конечно, характеристика их в широком биографическом плане.

В одном месте (впоследствии исключенном) первой редакции «Романа русского помещика» автор нарочно предупреждает читателя, что в «романе» «о любви нет, да, кажется, и не будет ни слова». [2]

---

[1] Курсив Толстого.

[2] См. здесь 341 стр.

Итак, в названии «Роман русского помещика» слово «роман» можно «перевести», как «история душевного и умственного развития». Возможно, что записи в дневнике от 10 мая: «Завтра принимаюсь за «Детство» и может быть за новый роман» и от 14 июня 1852 г. «Завтра... пишу утром «Детство» и вечером новое» уже имеют в виду «Роман русского помещика». Впервые это произведение названо в записи от 18 июля: «Обдумываю план Русского помещичьего романа с целью». Слово «цель» очевидно нужно понимать как «тенденция», «направление». Следующая запись от 3 августа определяет идею задуманного романа: «В романе своем я изложу зло правления Р[усского] и ежели найду его удовлетворительным, то посвящу остальную жизнь на составление плана аристократического избирательного, соединенного с монархическим, управления на основании существующих выборов. Вот цель для добродетельной жизни. Благодарю тебе, Господи, дай еще силы».

Записи от 11, 18 и 19 августа говорят об «обдумывании плана романа». Через месяц, 19 сентября, такая запись: «План м[оего] р[омана], кажется, достаточно созрел. Ежели теперь я не примусь за него, то, значит, я неисправимо ленив». Возможно, что и запись от 22 сентября имеет в виду этот же роман: «Перед тем, как я задумал писать, мне пришло в голову еще условие красоты, о которой я и думал — резкость, ясность характеров».

О начале самого писания под 23 сентября читаем: «...обдумывал план романа и начал писать его. Надо сделать усилие над ленью и завтра — дурно ли, хорошо — писать».

Усилие было сделано, и работа без значительных перебоев продолжалась в течение двух месяцев. О ней говорят тридцать две записи в дневнике за это время, начинающиеся записью от 24 сентября: «Писал лениво и, хотя не слишком скверно, но насколько хуже того, как я думал! Нет сходства. Надо писать и писать. Одно средство выработать манеру и слог». Через день (26 сентября): «...написал листа $1^1/_2$ и порядочно, но отступление». На следующий (27 сентября) день: «В числе вопросов, которые я стараюсь решить в моем романе, вопрос об оскорблениях занимает и сильно затрудняет меня. Или я слишком горд, или действительно я был слаб в тех случаях, только когда я вспоминаю о них, я чувствую что-то в роде раскаяния».

Сохранившиеся рукописи романа не уясняют этой не очень понятной записи. Вероятно, намеченная здесь тема не нашла полного отражения в рукописном тексте, а может быть здесь имеются в виду сцены со Шкаликом.[1]

После глухих отметок о «писании» романа под 28 и 30 сентября, идет запись от 1 октября: «Отпустил Шкалика порядочно. Ежели я каждый день буду писать постольку, то в год напишу хороший роман». «Отпустил» — термин канцелярского языка и означает «написал начерно». «Шкалик» — действующее лицо и название 2-й главы первой редакции. На следующий (2 октября) день: «Написал пол-листа хорошо». От 3 октября: «Ничего не написал, а задумался над заключением романа». На

[1] См. здесь 313—320 стр.

следующий (4 октября) день: «Разрешил вопрос о заключении романа. После описи именья, неудачной службы в столице, полуувлечения светскостью, желания найти подругу [1] и разочарования в выборах сестра Сухонина [2] остановит его. Он поймет, что увлечения его (не дурны), но вредны, что можно делать добро и быть счастливым, перенося зло».

«Сухонина» или «Сухотина» несомненно какое-то реальное лицо, но кто именно, остается неизвестным. Сухониной мы среди знакомых Толстого не знаем, у Сухотиных же Федора, Сергея, Михаила и Александра Михайловичей, хороших знакомых Льва Николаевича, сестры не было.

5 октября в дневнике признание: «Ничего не написал. Мне кажется, что я здесь на Кавказе не в состоянии описать крестьянский быт. Это смущает меня». И на следующий (6 октября) день: «Писать не принимаюсь серьезно. Нет уверенности». Но неуверенность была преодолена, и 8 октября в дневнике записано: «написал $1^1/_2$ листа. Надо навсегда отбросить мысль писать без поправок. 3, 4 раза это еще мало». Затем в записях замечания: «писал довольно легко и хорошо» (9-го), «писал хорошо» (12-го), «немного написал» (15-го), «с утра принялся было писать, но бросил» (17-го). Работа приостанавливается, происходят «заминки» в творческом процессе, и, как это часто бывало у Толстого, творчество сменяется рассуждением, теоретизированием, сочинением «плана». Под 19 октября в дневнике читаем: «Простота есть главное условие красоты моральной. Чтобы читатели сочувствовали герою, нужно, чтобы они узнавали в нем столько же свои слабости, сколько и добродетели; добродетели возможные, слабости необходимые... Мысль романа счастлива. — Он может быть не совершенство, но он всегда будет полезной и доброй книгой. Поэтому надо за ним работать и работать не переставая... Основание «Романа русского помещика»: 1) Герой ищет осуществление идеала счастия и справедливости в деревенском быту. Не находя его, он, разочарованный, хочет искать его в семейном. Друг его, она, наводит его на мысль, что счастие состоит не в идеале, а в постоянном жизненном труде, имеющем целью — счастье других. — 2) Любви нет; есть плотская потребность сообщения и разумная потребность в подруге жизни».

Намеченный этой записью план романа весьма сходен с планом, написанным 4 октября: здесь и там разочарование героя в устройстве крестьянского быта и обретение «идеала счастья и справедливости в семейном быту», причем в обоих «планах» большую роль играет «подруга жизни».

После записи от 19 октября снова идет ряд записей (20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 31 октября и 1, 8, 14 ноября), кратко отмечающих или работу над романом («Много писал, 3 целых листа [3] довольно хорошо» — 20-го; «писал мало, $^3/_4$ листа» — 21-го; «написал два листа нехорошо» — 22-го; «написал пол-листа» — 24-го; «написал $^1/_4$ листа» — 25-го; «писал очень мало» — 28-го; «вчера и нынче писал немного» — 31-го; «утром

---

1 Написано: подруги.

2 Можно прочесть и: Сухотина.

3 В дневниковых записях «листом» называется полулист писчей бумаги, согнутой пополам, т. е. четыре страницы.

писал порядочно» — 14-го) или «заминку» в работе («целый день не писал» — 23-го; «ничего не писал» — 27 и 29 октября и 1 ноября; «открыл тетрадь, но ничего не написал» — 8-го).

Ряд этих записей замыкается записью от 17 ноября, как бы подводящей итоги проделанной работе: «писал немного. Всё, что написано, слишком небрежно подмалевано, много придется переделывать».

После этого наступает период в пять с лишним недель, когда снова работа над романом сменяется рассуждениями о нем.

Под 29 ноября в дневнике записано: «Примусь за отделку «описания войны и за «Отрочество». Книга пойдет своим чередом».[1]

Об этом же на следующий (30 ноября) день: «Завтра утром примусь.. за «Отрочество», которое окончательно решил продолжать. 4 эпохи жизни составят *мой*[2] роман до Тифлиса. Я могу писать про него, потому что он далек от меня. И как роман человека умного, чувствительного и заблудившегося, он будет поучителен, хотя не догматический. Роман же русского помещика будет догматический. Я начинаю жалеть, что отстал от одиночества: оно очень сладко. Влияние брата было очень полезно для меня, теперь же скорее вредно, отучая меня от деятельности и обдуманности. Всё к лучшему. Это так ясно в моей жизни. Боже великий, благодарю Тебя. Не оставь меня».

Итак, задуманы две автобиографии в разных планах. Первая, в четырех частях («4 эпохи жизни»), это чисто художественная автобиография, «мой роман» — «роман не догматический», по определению Толстого, другая — «Роман русского помещика» — «роман догматический» т. е. идеологический, учительный, «полезная и добрая книга» (зап. от 19 октября).

Первый роман Толстой «может писать, потому что он далек» от него. Он его и написал, хотя не в четырех, а в трех частях («Детство», «Отрочество» и «Юность»), из второго — он не был «далек» — написал лишь начало («Утро помещика»).

В неотправленном письме к брату Сергею Николаевичу 10 декабря Толстой писал: «Я начал новый серьезный и полезный, по моим понятиям, роман, на который намерен употребить много времени и все свои способности. Я принялся за него с таким чувством, с которым я в детстве принимался рисовать картинку, говоря, что эту картинку я буду рисовать три месяца. Не знаю, постигнет ли роман участь картинки; но дело в том, что я ничего так не боюсь, как сделаться журналистом писакой».

На другой (11 декабря) день в дневнике такая запись: «Решительно совестно заниматься такими глупостями, как мои рассказы, когда у меня начата такая чудная вещь, как «Роман русского помещика». Зачем деньги, дурацкая литературная известность. Лучше с убеждением и увлечением писать хорошую и полезную вещь. За такой работой никогда не уста-

---

[1] Под «книгой» нужно разуметь «Роман русского помещика»: так он назван в записи дневника от 19 октября, а в неотправленном письме к брату Сергею Няколаевичу от 5 декабря Толстой писал: «Роман этот называю книгой, потому что полагаю, что человеку в жизни довольно написать хоть одну короткую, но полезную книгу».

[2] Курсив Толстого.

нешь. А когда кончу — только была бы жизнь и добродетель — дело найдется».

Но несмотря на эти замечания, самое писание не спорилось. В дневнике от 14 декабря «заказ»: «завтра усердно буду продолжать *роман*», но дальнейшие записи молчат о писании, а под 27 декабря читаем: «стал было писать Р[оман].... писал стихи. Идет довольно легко. Я думаю, что это мне будет очень полезно для образования слога». На этом обрываются и записи о романе, и самая работа над ним. Плодом трехмесячной (с перерывами) работы (с конца сентября по конец декабря 1852 г.) является сохранившаяся полностью рукопись, описанная ниже под № 1. Она дает первый вариант первой редакции романа. Текст ее печатается нами полностью.[1]

Записью под 27 декабря обрываются в дневнике записи о романе почти на целых восемь месяцев. Возобновляются они 16 августа 1853 г., когда записано: «вечером Роман», т. е. «завтра вечером надо писать роман». Но это предписание не выполнено, и под 26 августа находим признание: „Решился бросить [«Отрочество»] и продолжать Роман. После обеда [завтра]—Роман. Жалко бросить «Отрочество»". Работа над «Отрочеством» продолжается, и 30 августа записано: «всё не остается время для романа».

Писание романа на этот раз так и не продвинулось. Через месяц (28 сентября) запись: «Перечитывал свой роман Валерьяну.[2] Решительно всё надо изменить, но самая мысль всегда останется необыкновенною».

Мысль о том, что «Роман русского помещика» должен быть важнейшим делом, не покидает Толстого в ближайшие месяцы. В особой тетради «Правил и предположений», датируемой октябрем 1853 — январем 1854 г.[3] под пунктом вторым раздела «Правила практические» значится: *«Не начинать ни нового писания, ни нового сочинения, не окончив старого, исключая Романа Русского Помещика»*. А в разделе «Предположения» под пунктом девятым стоит: «Написать Роман Русского Помещика».

Согласно этим предписаниям, несмотря на то, что писание оставлено, накопление материала и обдумывание плана романа продолжаются. Под 31 октября записана такая «мысль» для романа: «Бывают лица, к числу которых принадлежит и мое, и каким я хочу выставить героя «Романа Русского Помещика», которые чувствуют, что они должны казаться гордыми, и чем более стараются выказать на своем лице выражение равнодушия, тем более кажутся надменными».

Через месяц решение снова приступить к работе. 2 декабря записано: «по вечерам буду письменно составлять план большого романа и набрасывать некоторые сцены из него». В этой записи слово «письменно» указывает, повидимому, на то, что в последнее время шло «про себя» обдумывание романа. Об этом и говорит запись от 20 декабря: «Одно, чем, как мне кажется, вознаградилось месячное бездействие, в котором я нахожусь, это тем, что план Романа Русского Помещика ясно обозначился. Прежде

---

[1] См. здесь стр. 309 — 362.

[2] Гр. Валерьян Петрович Толстой, муж сестры Льва Николаевича Марьи Николаевны, живший в это время с ней в Пятигорске.

[3] Напечатана в 1 томе дневников настоящего издания

предугадывая богатство содержания и красоту мысли, я писал наудачу. Не знал, что̀ выбирать из толпы мыслей и картин, относящихся к этому».

Через день (22 декабря) приступ к работе. В дневнике записано: «Утром писал предисловие романа». Предисловие это сохранилось. В сущности только первый абзац его написан в стиле «предисловий», весь же остальной текст это еще только материал для предисловия: тут и схема плана, устанавливающая три части романа, и перечисление «главных пружин человеческой деятельности», и список «главных лиц» романа, с указанием их прототипов, и отдельные «темы», которые предполагается ввести в роман.[1]

С конца декабря 1853 г. по 12 января 1854 г. в дневнике находим девять записей, говорящих о работе над романом, которая теперь состояла в переработке написанного в 1852 г. Работа в это время заключалась в том, что написанный текст не просто исправлялся, сокращался и дополнялся в имевшейся рукописи (рук. № 1), а заново, так сказать, «творчески переписывался», т. е. текст первого варианта первой редакции брался за основу и радикально изменялся.

Записи начинаются 28 декабря: «нынче писал утром «Роман Русского Помещика», хотя и мало, но хорошо». 31 декабря: «Вчера писал утром «Роман Русского Помещика» . . . Нынче писал утром «Роман Русского Помещика». Манера, принятая мною с самого начала — писать маленькими главами, самая удобная. Каждая глава должна выражать одну только мысль или одно только *чувство*». В отличие от первого варианта, где текст не разделен на главы, текст второго варианта имеет главы. Об этом и говорит запись от 31 декабря. 2 января 1854 г.: «Писал целое утро 3-ю главу *Его прошедшее*, кажется, хорошо, по крайней мере писал с увлечением».

На основании этой записи ясно, что предшествующие записи (28 и 31 декабря) говорят о переработке первых двух глав. На другой (3 января) день: «Предположено было писать утром «Роман Русского Помещика», что и исполнил, хотя мало». Под этим же числом записана такая «тема» для романа: «Добрая любящая женщина старого века, не понимая немного насмешливого взгляда молодежи на чувства, боится потерять их любовь и оскорбляется их холодностью». Несколько в иной редакции эта «тема» внесена в «Предисловие» романа.[2]

4 января: «Всё утро писал «Роман Русского Помещика», но так мало и неудовлетворительно, что продолжал с сумерек до ужина, но только сделал вымарки..... Разговор с Воейковым не дается мне». 5 января: «Не только утро, но и после обеда усердно бился над 4 главой и только при огне написал ее, хотя и не остался совершенно доволен».

Сильно исчерканная рукопись 4 главы показывает, как действительно «бился» над ней Толстой: отдельные места главы имеют по три варианта. 6 января: «Утром «Роман Русского Помещика». Выписывал утром из старой тетради 5 главу «Ивана Чуриса», но под предлогом холода ленился». Под этим же числом «тема»: «бесстрастие, т. е. всегда одинаковый, хладно-

---

[1] См. текст предисловия на стр. 363—364.

[2] См. здесь стр. 364.

кровный взгляд составляет мудрость стариков». В несколько иной редакции эта тема внесена в «Предисловие».[1]

8 января: «Утром «Роман Русского Помещика». Писанье не шло как-то. Нужно следовать правилу исключать не прибавляя».

Ряд записей заключают две глухие: от 10 января: „Утром «Роман Русского Помещика»" и 12 января: „Утром гулять и «Роман Русского Помещика»".

На этом обрываются записи, на этом же кончилась и переработка первых глав. Работа декабря 1853 — января 1854 г. сохранилась полностью. Это — рукопись, описанная ниже под № 3 и содержащая второй вариант первых глав первой редакции романа. Она печатается нами полностью.[2]

Начавшаяся переработка была оставлена надолго. Только под 11 ноября 1856 г. мы находим запись, говорящую о новом (на этот раз последнем) приступе к работе над «Романом русского помещика». За те два года и десять месяцев, которые отделяют эту запись от записи 12 января 1854 г., мысль о романе не покидала Толстого. Так, 23 июня 1854 г. он записывает: „Всё еще не знаю, за что приняться, и поэтому ничего не делаю. Кажется, что лучше всего работать за «Романом Русского Помещика»". Пожелание это так и осталось лишь пожеланием: по крайней мере дневник за это время молчит о работе над романом. Через семь месяцев (16 февраля 1855 г.) запись: «Начал писать *характеры*, и кажется, что эта мысль очень хороша и как мысль и как практика».

Речь идет несомненно о сохранившейся в архиве Толстого рукописи, озаглавленной «Характеры и лица и кой-что к «Роману Русского помещика».[3] В дневнике за 1855 г. есть еще одна запись о романе. Запись эта, сделанная в Севастополе, относится к 1 августа: «Сегодня разговор с Столыпиным[4] о рабстве в России. Мне еще яснее, чем прежде, пришла мысль сделать мои четыре эпохи истории Русского помещика, и сам я буду этим героем в Хабаровке. Главная мысль романа должна быть невозможность жизни правильной помещика образованного нашего века с рабством. Все нищеты его должны быть выставлены и средства исправить указаны».

Во время пребывания Толстого в Петербурге по приезде из Севастополя (21 ноября 1855 г.) он, познакомившись с редактором-издателем «Отечественных записок» А. А. Краевским, обещал ему отдать в журнал еще далеко не оконченный «Роман русского помещика», но скоро спохватился и перед отъездом в отпуск в Москву 31 декабря 1855 года писал: «Я немного увлекся желанием сделать Вам приятное, Милостивый Государь, Андрей Александрович, сказав в последний раз, что я был у Вас, что я обещаю в Ваш журнал и в нынешнем году «Роман Русского Пом.». Роман этот еще далеко не кончен и не отделан; поэтому ежели Вы будете в числе Ваших сотрудников поминать меня, то пожалуйста не называйте именно что̀ я обещал. В том же, что к Февралю или Марту я непременно

---

[1] См. здесь стр. 364.

[2] См. здесь стр. 365—376.

[3] См. дальше в «Описании рукописей» рукопись № 5 и на стр. 377—379 текст ее.

[4] Аркадий Дмитриевич Столыпин (1821—1899), в это время адъютант начальника артиллерии действующей армии, приятель Толстого.

доставлю Вам статью, Вы можете быть уверены».[1] Однако, ни к февралю ни к марту 1856 г. «статья» не только не была представлена, но и не писалась. Лишь в записи от 8 июня находим такое замечание: «Передумал кое-что дельно из романа помещика. Кажется я за него примусь», и на следующий (9 июня) день: «Всё обдумывается роман помещика».[2] Об этом обдумывании свидетельствуют записи в записной книжке. Первая из них (9 июня) такая: «Помещик хочет найти в девушке, которая ему нравится, опору в своих честных планах, она как будто извиняет ему эту слабость ума и сердца, за его другие хорошие качества». Вторая под тем же числом: «К «Роману Русского Помещика». Как ему сначала всё показалось трудно, потом немного омерзительно, потом приятно, легко вследствие будто одоленных трудностей, а потом невозможно». Третья (12 июня) не помечена, как относящаяся к «Роману русского помещика», но, вероятно, может быть рассматриваема в качестве таковой. Запись такая: «Расстроенный неудачами, гадостями в деле хозяйства, молодой помещик идет без цели бродить по лесу. День прелестный. Вдруг слышит, хрустит в кусте и белеется. «Кто там?» молчат. Он открыл куст, и там крестьянская прелестная девушка, со слезами от страха на глазах стоит, не двигается и пробует улыбаться. Молодой помещик невольно хочет подойти, девушка бежит. «Куда? Чего боишься?» Он бежит за ней как будто с досадой: «всё равно поймаю». Он поймал ее».

Как уже сказано, с 11 ноября 1856 г. начинаются записи, говорящие о последней переделке произведения, давшей печатный текст «Утра помещика». Под 11 ноября в дневнике записано: „Завтра в Штаб приготовить для переписки «Роман Русского Помещика»“, т. е. приготовить текст «Романа русского помещика» для переписки его писарем из Штаба. Писарю Лев Николаевич для первых глав дал рукопись второго варианта первых глав, т. е. ту рукопись, которая получилась в результате работы в декабре 1853 — январе 1854 г. (рукопись № 3 нашего описания), а для дальнейшего текста (с главы о Чурисе, т. е. II главы печатного текста «Утра помещика») рукопись № 1.

Работа писаря сохранилась почти полностью. Это рукопись, описанная ниже под № 4. В рукописи, сделанной писарем, Толстой существенно изменил текст: выбросил первые две главы,[3] зачеркнул заглавие 3-й главы «Его прошедшее», всё произведение назвал было «Роман русского помещика», но потом зачеркнул слова «Роман русского», а слово «помещика» переделал в «Помещик», прибавив подзаголовок «Отрывок», выбросил 4-ю главу «Ближайший сосед»,[4] разделил всё произведение на главы (без названий), выправил стилистически текст, кончая XII главой (печатной редакции), написал заново XIII и XIV главы и сделал ряд изменений в последующих.

---

[1] «Л. Н. Толстой». Юбилейный сборник Моск. Толстовского музея, М. 1929, стр. 57

[2] В это время (июнь 1856 г.) Толстой был занят весьма близким по теме к «Роману русского помещика» произведением «Дневник помещика» (напечатанным в 5 томе настоящего издания). Это естественно и заставило снова вернуться к роману.

[3] См. здесь стр. 364—369

[4] См. здесь стр. 375—376.

В результате этой работы получился текст, который нужно считать второй редакцией «Романа русского помещика», или, иначе, первым вариантом текста «Утра помещика».

Об этой работе и говорят ноябрьские (1856 г.) записи в дневнике. За приведенной записью от 11 ноября идет запись от 13 ноября: «Перечел переписанный «Роман Русского Помещика». Может выйти хорошая вещь». Под «переписанным» «Романом Русского Помещика» можно разуметь или писарскую копию (конечно еще не всю), или рукопись № 3, на обложке которой рукой Толстого значится: „Переписанный «Роман Русского Помещика»".

16 ноября: «обещал Краевскому», т. е. обещал Краевскому в ближайшие дни доставить рукопись.

На следующий (17 ноября) день: «С утра переправлял «Роман Русского Помещика». Растянуто жестоко».

18 ноября: «.... поехал к [Вас. Петр.] Боткину обедать. Читал «Роман Русского Помещика». Он дал хорошие советы, говорит — порядочно». На следующий (19 ноября) день: „С утра ленился приняться. Немного написал «Роман Русского Помещика»". 21 ноября: «Прочел «Роман Русского Помещика». Решительно плохо, но напечатаю. Надо вымарывать». 23 ноября: «поправил немного..... поправлял». В этот же день в письме к В. В. Арсеньевой: «Я обещал....Краевскому в «Отеч. Зап.», и надо написать это к 1-му декабря.... Краевскому нейдет на лад; я написал, но сам недоволен, чувствую, что надо переделать, некогда и не в духе, а всё-таки работаю» (подлинник в АТ). На следующий (24 ноября) день: «Переправил довольно много».

К этому времени (не ранее 25 октября и не позднее 24 ноября 1856 г.) нужно отнести и заметки в записной книжке: «К «Роману Русского Помещика». Он мечтает о счастии семейном, жена в белом капоте, потом едет трепаться по Русской жизни». «К «Роману Русского Помещика». Мудреного переменить и Чуриса рассказ о одиночестве уничтожить. Якова совет на поселенье Дав[ыдку]. Уничтожить отцы матери в Чурисе. Описание лица Чуриса уничтожить».

26 ноября: „диктовал «У[тро] П[омещика]»". В этой записи впервые произведение так названо. На следующий (27 ноября) день: „Окончил «Утро П[омещика]»". 29 ноября: „Пропустил и не помню, что делал. Корректуры немного. Да, кончил «Утро Помещика» и сам отвез к Краевскому. Дудышкин и Гончаров слегка похвалили «Утро Помещика»".

Весь декабрь, когда набиралось и печаталось в «Отечественных записках» «Утро помещика», Толстой прожил в Петербурге, почему и держал свои корректуры.[1] При корректурной правке текст снова подвергался стилистической отделке, что видно из сравнения печатного текста с текстом рукописи № 4.

Таким образом, печатный текст «Утро помещика» является вторым вариантом текста этого произведения. Вышла в свет 12-я (декабрьская) книжка «Отечественных записок» с «Утром помещика», подписанным:

---

[1] Это и объясняет, почему рукопись, с которой набиралось «Утро помещика», сохранилась в архиве Толстого.

«Граф Л. Н. Толстой», не позднее декабря 1856 г., так как 3—8 января 1857 г. В. П. Боткин писал Тургеневу из Петербурга: «Утро помещика», напечатанное в декабрьской книжке «Отечественных записок», впечатления не произвело».

К тексту «Утра помещика» в «Отечественных записках» Толстой больше не возвращался, почему нами и печатается этот журнальный текст с введением в него одной конъектуры:

Стр. 135, строка 8 св. — рожает — *вместо:* рождает. Рожает *взято из рук. № 4.*

В заключение нужно отметить, что и после появления в печати «Утра Помещика» Толстой не оставлял мысли о романе. По крайней мере в записной книжке есть две заметки, обозначенные „К «Роману Русского помещика»“. Обе они, как и многие в записной книжке, не поддаются объяснению. Первая из них сделана за границей в Кларане 12/24 мая 1857 г.: «Старик от демонстрации разнюнится. К «Роману Русского Помещика» чтоб старик раззорился». Вторая датируется между 8 и 17 августа 1857 г.: «К «Роману Русского Помещика». От скуки однообразия думал: вот прибежит человек, что выскочил из земли такой».

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К «РОМАНУ РУССКОГО ПОМЕЩИКА» («УТРО ПОМЕЩИКА»).

1 *(Папка VI, I, 10, 2)*. Рукопись первой редакции «Романа русского помещика». Автограф Толстого. Пятьдесят полулистов белой писчей бумаги (без водяных знаков), согнутых пополам и двух отдельных четвертушек, сшитых (через край белыми нитками) и составляющих всего сто два (ненумерованных) листа в 4° (204 страницы). Заключена в обложку, на которой рукой Толстого написано: «Черновой — Ром. Р. П.». На другой обложке рукой неизвестного: «Романъ Русскаго помѣщика № XVI». Чернила рыжеватые, часто расплывавшиеся при писании. Текст рукописи испещрен поправками и местами с трудом поддается дешифровке.

Из этой рукописи впервые было нами напечатано в кн. «Л. Толстой. Избранные произведения. Редакция, вступительная статья и комментарии М. А. Цявловского» в серии «Русские и мировые классики под общей редакцией А. В. Луначарского и Н. К. Пиксанова». Изд. Гиза. М. 1927. первые шесть глав (стр. 23—46) и конец со слов: «Сѣдой княжескій слуга» (стр. 46—54).[1] В настоящем издании текст рукописи печатается полностью. Рукопись начинается: «Глава 1. Обѣдня. Съ 7 часовъ утра...».

2 *(П. VI, I, 10, 2)*. Рукопись предисловия к «Роману русского помещика». Автограф Толстого. Один полулист, согнутый пополам (4 страницы в 4°). Заглавие: «Предисловіе не для читателя, а для автора». Исписаны три первых страницы; на четвертой — рисунки: мужская голова в короне и две фигуры, сложенные из камней домино. Текст предисловия впервые напечатан нами в названном издании избранных сочинений Толстого (стр. 21—23).

---

[1] См. здесь стр. 309—324 и 357—362 стр.

3 *(П. VI, I, 10, 3)*. Рукопись второго варианта первой редакции первых глав «Романа русского помещика». Автограф Толстого. Пачка из восьми полулистов белой писчей бумаги (без водяных знаков), согнутых пополам, и пяти отдельных четвертушек, составляющих всего двадцать один лист в 4° (42 стр.). На обложке, пришитой белыми нитками, рукой Толстого написано: «Переписанный Ром. Русс. Помѣщика». Рукопись начинается: «Глава 1. Деревенская церковь. Съ семи часовъ утра...». Текст рукописи печатается в настоящем издании впервые.

4 *(П. VI, 1, 10, 1)*. Рукопись второй редакции «Романа русского помещика» (первый вариант «Утра помещика»). Листы, форматом в лист, согнутые пополам и отдельные полулисты — всего шестьдесят два полулиста (124 страницы). Первые двадцать два листа (44 страницы) номерованы (карандашом, рукой неизвестного) через страницу (т.е. номерованы каждые две страницы), а следующие сорок страниц — по листам (т.е. один номер на четыре страницы).

Рукопись без начала и начинается словами: «⟨той⟩ N-ской Губерніи и Графиня». На верху первой страницы, справа рукой неизвестного карандашом: «Въ 1 отдѣл. круглымъ цицеро. Корректуру къ г. Дудышкину». Наверху на первой странице слева: «Помѣщикъ. (Отрывокъ)».

Эти пометы, а также разметки с фамилиями наборщиков указывают на то, что с этой рукописи производился набор для «Отечественных записок». Рукопись написана писарским почерком, грамотно, лишь с небольшим количеством орфографических ошибок. Текст, написанный писарем, представляет собою копию текста рукописи № 2 (с главы 2-й «Князь Дмитрий»), затем копию текста рукописи № 1, текст, написанный под диктовку Толстого и им самим.

По тексту, написанному писарем, Толстым сделаны многочисленные изменения.[1]

5 *(П. VI, 1, 10, 4)*. Рукопись «Характеры и лица». Автограф Толстого. Два полулиста, согнутые пополам (8 страниц в 4°). Заключены в обложку, на которой рукой неизвестного: «№ 15-й. Характеры и лица и кой-что къ роману Р. П.». На первой странице приклеен ярлык, на котором рукой неизвестного: «№ 5. Характеры и лица и кой-что къ роману Р. П.». Текст рукописи печатается в настоящем издании впервые.

Все перечисленные рукописи хранятся в архиве Толстого в Публичной библиотеке СССР им. Ленина.

---

[1] См. об этом подробнее в статье «История писания и печатания «Утра помещика», стр. 404.

МАТЕРИАЛЫ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ПЕРИОДА.

I

ПРОЕКТ ЖУРНАЛА «СОЛДАТСКИЙ ВЕСТНИК».

Военный журнал, программа которого здесь печатается, был задуман в октябре 1854 г. группой офицеров, товарищей Толстого по артиллерийскому штабу Южной армии. Кроме Толстого в этот кружок входили капитаны А. Д. Столыпин и А. Я. Фриде, штабс-капитаны Л. Ф. Балюзек и И. К. Комстадиус, поручики Шубин и К. Н. Боборыкин. По словам Толстого, это были люди «очень хорошие и порядочные» и, можно прибавить, они несомненно выделялись из общего ряда хотя бы уж тем, что, несмотря на кочевую походную жизнь по Молдавским городам и местечкам, на повседневную обыденщину и пошлость жизни, штабную толчею и постоянную карточную игру, у них возникла и усердно поддерживалась мысль о надобности распространения просвещения и знаний среди военных вообще и солдат в особенности и что тем или иным путем они хотели ее осуществить.

Сначала, в сентябре, было предположено устроить общество, преследующее эту цель; потом большинство кружка решило перейти от плана общества к плану журнала, при чем Толстой оказался в меньшинстве. Но он очень скоро пошел на соглашение и почти сразу занялся работами по журналу, стремясь как-нибудь ускорить его создание. Первые записи Толстого в его дневнике о журнале относятся к 5 октября, и 5-м же числом обозначен сохранившийся в архиве Толстого Публичной библиотеки СССР им. Ленина литографированный оттиск проекта начальной страницы пробного номера, еще без заглавия и виньетки, для чего оставлен пробел, но с обозначением места и времени издания: «Главная квартира в г. Кишиневе, октября 5 дня 1854 г.».

Приблизительно к тому же времени, надо думать, относится и печатаемый здесь проект журнала «Солдатский вестник». Это определяется припиской в конце проекта, сделанной рукой Толстого, с указанием кишиневского адреса, повидимому его квартиры: «На Золотой улице, дом Хамудиса».[1]

Несомненно, Толстого нельзя считать единоличным автором этого проекта, но без всякого сомнения можно сказать, что в составлении проекта он участвовал, его продумал и прошел критической рукой; на

[1] Золотая улица в г. Кишиневе, впоследствии переименованная в Пушкинскую.

это ясно указывает с одной стороны рукопись проекта, хотя и писанная переписчиком, но исправленная рукою Толстого; с другой стороны — указания самого Толстого: в письме к Т. А. Ергольской, написанном 6 янв. 1855 г., он говорит, что работает над проектом «в сотрудничестве со многими сведущими людьми» (avec le concours de beaucoup de gens très distingués); в письме же к брату Сергею (20 ноября 1854 г.) связывает себя с другими товарищами по работе над проектом словами: «Мы написали проект журнала».[1] Много лет спустя, в 1890-х годах, Толстой вопреки этим своим сообщениям того времени говорил Ю. О. Якубовскому,[2] что программу выработал его товарищ Н. Я. Ростовцев — «один из самых блестящих офицеров русской армии», с которым тогда Толстой был очень дружен. Здесь несомненно есть неточность. Очевидно, Толстой, говоря это, позабыл, что при начале работы над журналом Н. Я. Ростовцев участия не принимал и не входил в число семи офицеров — инициаторов, а примкнул к работе несколько позже, когда первый проект программы был уже выработан (что явствует из перечня участников журнала в проекте). Что касается до выработанной им программы, то надо думать, это был тот проект, о котором Толстой записал в одной заметке, хранящейся вместе с другими делами по военному журналу; в ней говорится о надобности «составить более подробную программу... и форму письма для приглашения сотрудников»; эта заметка была написана, вероятно, когда программа уже пошла в Петербург; тут же говорится, что нужно «написать письма в Петербург к лицам, могущим иметь влияние на успех проекта журнала, и просить о том лиц, принимающих участие в нем», «в случае изменения некоторых статей пробного листка обратиться за советами к Ковалевскому[3] и статью Толстого изменить [на] Ростовцева». Потом, судя по письму Льва Николаевича к брату Сергею, обе статьи — и его и Ростовцева — ему стали казаться опасными для осуществления журнала — «не совсем православными», и он находил, что их «неосторожно поместили» в пробном номере.

В тексте, здесь напечатанном, говорится, что одним из редакторов был избран Толстой и для фамилии другого оставлен пробел. Как видно из письма Льва Николаевича к брату Сергею, вторым редактором был избран О. И. Константинов, тогда состоявший при штабе главнокомандующего кн. Горчакова, ранее служивший на Кавказе и там редактировавший известную газету «Кавказ», «человек опытный в этом деле» (как пишет Толстой). Средства на издание предполагалось образовать из подписных денег и личных средств издателей. Позже, из Севастополя, Толстой писал брату, что деньги на издание взяли на себя «авансировать» он и А. Д. Столыпин.

Первоначальное заглавие «Солдатский вестник» ко времени представления окончательной программы и пробного номера было заменено другим заглавием «Военный листок»; с таким названием сохранился рисунок начальной страницы журнала: по верху полукругом заглавие,

---

[1] «Письма Л. Н. Толстого», т. I, М. 1910, стр. 44.

[2] Воспоминания Ю. О. Якубовского. Толстовский Ежегодник. 1913 г.

[3] Очевидно, Егор Петрович, известный государственный деятель, писатель и путешественник, в то время состоявший при штабе кн. Горчакова.

под ним рисунок в овале, изображающий орудие с прислугой, по сторонам сведения о местах подписки, о цене и пр.

Толстой задавался идеей, как он писал брату, «своим журналом поддерживать хороший дух в войске», хотел сделать его дешевым и популярным, пригодным для чтения солдат; помещая в нем описания сражений, он ставил себе задачей изображать их не сухо и не лживо, как это делается в других журналах, предполагал давать в нем биографии и некрологи «хороших людей и преимущественно из тёмненьких», рассказы о подвигах «вшивых и сморщенных героев» и пр. «Штука эта, — писал он, — мне очень нравится: во-первых я люблю это занятие, а во-вторых надеюсь, что журнал будет полезный и не совсем скверный».[1]

Ходатайство кружка офицеров о журнале было доложено главнокомандующему в середине октября 1854 г.; план издания журнала был вполне одобрен Горчаковым, и 16 октября он послал военному министру отношение по этому вопросу для доклада государю. 21 октября Горчакову был представлен пробный номер. На этом всё начинание кружка офицеров и кончилось. Ответ военного министра, датированный 7 ноября и полученный в штабе Южной армии 21 ноября 1854 г., совершенно разрушил их планы.

«Его величество, — гласит эта бумага, — отдавая полную справедливость благонамеренной цели, с каковою предположено было издавать сказанный журнал, изволил признать неудобным разрешить издание оного, так как все статьи, касающиеся военных действий наших войск, предварительно помещения оных в журналах и газетах, первоначально печатаются в газете «Русский инвалид» и из оной уже заимствуются в другие периодические издания».

Как бы поддерживая стремления офицеров к литературным занятиям, государь, при запрещении самостоятельного журнала, разрешил им присылать свои статьи для помещения в «Русском инвалиде», что, вероятно, и без того не встречало препятствий; но к этому инициаторы едва ли могли стремиться, потому что хотели работать вне официальной военной литературы; их основная мысль, как видим из письма Толстого к Н. А. Некрасову, заключалась именно в том, что, так как официальная военная литература не пользуется доверием публики и не может «ни давать, ни выражать направления нашего военного общества», нужно создать издание нового типа, доступное и понятное всем сословиям военного общества, издание, которое, «избегая всякого столкновения с существующими у нас военно-официальными журналами», служило бы «только выражению духа войска».[2]

Причина отказа крылась, думал Толстой, либо в том, что нашлись люди, которые побоялись конкуренции и потому интриговали против журнала, либо самая идея журнала была не в видах правительства.[3]

---

[1] Письмо к С. Н. Толстому 20 ноября 1854 г. («Письма Л. Н. Толстого», т. I, стр. 44—45).

[2] Архив села Карабихи М. 1916, стр. 191.

[3] Письмо к Т. А. Ергольской от 6 янв. 1855 г. «Mais comme chez nous on intrigue contre tout, il s'est trouvé des gens qui craign ient la concurrence de ce journal

Отказ государя, как пишет Толстой в том же письме к Т. А. Ергольской, очень его огорчил и сильно изменил его дальнейшие планы.[1] «В неудаче этого журнала, — писал он Некрасову, — мне не столько жалко даром пропавших трудов и материалов, сколько мысли этого журнала, которая стоит того, чтобы быть осуществленной, хотя отчасти, ежели невозможно было осуществить ее вполне».[2]

Желание провести в жизнь эту мысль дало повод Толстому сделать предложение Н. А. Некрасову уделить в «Современнике» место, «и не временное, а постоянное»,[3] для статей военного содержания, «литературного достоинства, — как пишет он, — никак не ниже статей, печатанных в вашем журнале (я смело говорю это, ибо статьи эти будут принадлежать не мне) и направления такого, что они не доставят вам никакого затруднения в отношении цензуры». «Наши выгоды, — читаем в том же письме, — ежели вы примете, — или предложения будут состоять: 1) в том что мысль наша основать литературу, служащую выражением военного духа, найдет начало осуществления, которое, надеюсь, со временем примет большие размеры и 2) в том, что статьи наши будут помещаться в лучшем и пользующемся наибольшим доверием публики — журнале. Ваши выгоды будут состоять: 1) в приобретении образованных и даровитых сотрудников, 2) в увеличении интереса вашего журнала и 3) в отчасти обеспеченном заготовлении материалов для него. Выгоды на вашей стороне; поэтому и условия, которые я предложу вам, будут для вас тяжеле тех, которые я возьму на себя». Толстой брал на себя обязательство доставлять в «Современник» ежемесячно от 2 до 5 листов статей военного содержания, размер платы за которые предоставлял усмотрению Некрасова, но с своей стороны ставил последнему условием «печатать тотчас же» всё, что он ни прислал бы ему. «Признаюсь, — добавляет Толстой, — условие это, кажется слишком дерзко, и я боюсь, что вы не захотите принять его. Но ежели вы поверите тому, как много я дорожу достоинством журнала, которого я имею честь быть сотрудником, и признаете во мне несколько литературного вкуса, надеюсь, вы не захотите своим несогласием разрушить такую обоюдно-выгодную для нас сделку и предприятие не лишенное и общей пользы». В письме 27 янв. 1855 г. Некрасов выражал Толстому полную готовность помещать военные статьи и несколько их действительно было помещено в «Современнике», но видимо они были посланы ранее получения ответа Некрасова, потому что в то время, когда был получен этот ответ, Толстой остался уже одиноким в своем намерении: по крайней мере, в дневнике под 20 марта, при указании на получение письма, Толстой прибавляет: «приходится писать мне

---

et puis peut-être que l'idée de ce journal n'était pas dans les vues du gouvernement, l'empereur a refusé». [Но так как у нас против всего интригуют, нашлись люди, которые испугались конкуренции этого журнала, кроме того, может быть, идея этого журнала не соответствовала планам правительства, и император отказал.]

[1] Cette déconfiture, je vous avoue, m'a fait une peine infinie et a beaucoup changé mes plans. [Я признаюсь, что эта неудача доставила мне бесконечные страдания и сильно изменила мои планы.]

[2] «Архив села Карабихи», М. 1916, стр. 190—193, письмо от 11 янв. 1855 г.

[3] Там же, стр. 192.

одному — напишу Севастополь в различных фазах и идиллию офицерского быта».

Так окончилась попытка Толстого и его друзей создать военный журнал. Трудно сказать, во что бы вылилась эта так увлекшая Толстого идея, но приведенная здесь отметка дневника указывает, что из искусственно подавленного стремления его работать на пользу сравнительно небольшого круга читателей — «военного общества», — у него возникли Севастопольские рассказы, которые тогда Толстому «пришлось писать одному» и которые сделали тогда же его имя известным не только в России, но и за границей.

Рукопись в лист (34 × 22 сант.), на 2 листах; писана рукой Толстого; хранится в архиве Толстого Публичной библиотеки СССР им. Ленина (IV. 84. 9).

II.

ЗАМЕТКА ПО ПОВОДУ ВОЕННОГО ЖУРНАЛА.

Заметка написана Толстым очевидно вскоре по составлении проекта журнала и, судя по словам: «статью Толстого изменить [на] Ростовцева», вероятно, и после отсылки пробного № и проекта в Петербург, т. е. после 21 окт. 1854 г. (см. выше заметку к Проекту журнала), но, вероятно, не позже конца этого месяца, когда Толстой оставил Южную армию (2 ноября он был уже в Одессе) и перешел на службу в Севастополь.

Упоминаемый в заметке Ковалевский, к которому Толстой находил полезным обратиться за советом, очевидно, известный Егор Петрович Ковалевский.

Названный в числе сотрудников 1 разряда Ковалевский — генерал-лейтенант Петр Петрович Ковалевский.

Коржановский — Николай Андреевич Крыжановский — начальник артиллерии Южной армии.

Рукопись в лист (34 × 21 сант.) на 2 листах; 2-й лист без текста. Заметка писана рукой Толстого частью чернилом, частью карандашом, хранится в архиве Толстого Публичной Библиотеки СССР им. Ленина (IV. 84, 10).

III.

ЗАПИСКА ОБ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ СТОРОНАХ РУССКОГО СОЛДАТА И ОФИЦЕРА.

Записка эта, сохранившаяся в двух неоконченных редакциях, предназначалась для представления одному из великих князей — сыновей императора Николая, как это видно из слов рукописи I редакции, отброшенных при ее обработке.[1] Время написания Записки приблизительно определяется ее текстом, в котором о вступлении неприятеля на русскую землю говорится, как о событии сравнительно недавнего времени, еще не принявшем затяжного характера.[2] Союзники, как известно, первую высадку произвели в Евпатории 31 авг./12 сентября 1854 г. неболь-

[1] В одном месте: скажу вам, сыну царя и русскому (первоначальный текст I редакции); в другом — под мудрою, мирною державой отца вашего (та же редакция).

[2] Говорится: Россия . . . не может изгнать дерзкой и незначительной толпы врагов, вступивших в ее пределы. (Первонач. текст II редакции.)

шим отрядом всего 3 170 человек; через день это число поднялось до 45 000, к 8 сент. превысило 62 000; 8 сент. произошло неудачное для русских Альминское сражение и 9-го отступление армии к Бельбеку; 24 окт. несчастное сражение под Инкерманом, про один из эпизодов которого Толстой писал в дневнике как про «дело предательское, возмутительное».[1] Толстой был весь захвачен войной: он тяжело, с страданием переживал неудачи, радовался успехам, глубоко вникая в причины того, что совершалось. Впоследствии, когда ужасы войны осветили для него все неприглядные ее стороны, иные настроения заступили прежнее увлечение, и ему начало казаться странным то, что было естественно и просто раньше, стало казаться невозможным чувство патриотизма, которое несомненно сначала было в нем, как видим хотя бы из упомянутой записи дневника 2 ноября 1854 г., в которой он возмущается действиями ген. Данненберга в Инкерманском сражении. «Велика, — писал он, — моральная сила русского народа. Много политических истин выйдет наружу и разовьется в нынешние трудные для России минуты. Чувство пылкой любви к отечеству, восставшее и вылившееся из несчастий России, оставит надолго следы в ней. Те люди, которые теперь жертвуют жизнью, будут гражданами России и не забудут своей жертвы. Они с большим достоинством и гордостью будут принимать участие в делах общественных, а энтузиазм, возбужденный войной, оставит навсегда в них характер самопожертвования и благородства».[1] 11 ноября, вскоре после приезда в Севастополь, ознакомившись с его укреплениями, он еще радужно смотрел на положение русских и был уверен, что взять Севастополь нет никакой возможности; «в этом, — писал он, — убежден, кажется, и неприятель — по моему мнению он прикрывает отступление».[2] После недельного пребывания в Севастополе, с 7-го по 15-е ноября как видно из письма к брату Сергею Николаевичу 20 ноября из местечка Эски-Орды, он был еще под обаянием борьбы за Севастополь и доблести его защитников, радовался, что живет «в это славное время», видит «этих людей».[3] «Дух в войсках, — писал он, — выше всякого описания; во времена древней Греции не было столько геройства», и там же: «Только наше войско может стоять и побеждать (мы еще победим, в этом я убежден) при таких условиях».[3] Через несколько дней, глубже ли вдумавшись в положение вещей, случайно ли столкнувшись с каким-нибудь поразившим его явлением, открывшим ему оборотную сторону дела, горькую правду действительности, но Толстой стал неузнаваем. Полный отчаяния, 23 ноября он пишет в дневнике, что «больше чем прежде убедился, что Россия должна пасть или совершенно преобразоваться. Всё, — читаем дальше, — идет на выворот: неприятелю не мешают укреплять своего лагеря, тогда как это было бы чрезвычайно легко, сами же мы с меньшими силами, ни откуда не ожидая помощи, с генералами, как Горчаков,[4] потерявшими и ум, и чувство, и энергию, не укрепляясь

---

[1] Дневник 2 ноября 1854 г.

[2] Дневник 11 ноября 1854 г.

[3] «Письма Л. Н. Толстого», т. I, № 23

[4] Брат главнокомандующего Южной армией кн. М. Д. Горчакова — П. Д. Горчаков.

стоим против неприятеля и ожидаем бурь и непогод, которые пошлет Николай Чудотворец, чтоб изгнать неприятеля.[1] Казаки хотят грабить, но не драться, гусары и уланы полагают военное достоинство в пьянстве и разврате, пехота в воровстве и наживании денег. Грустное положение — и войска и государства. Я часа два провел, болтая с ранеными французами и англичанами. Каждый солдат горд своим положением и ценит себя, ибо чувствует себя действительной пружиной [в] войске. Хорошее оружие, искусство действовать им, молодость, общие понятия о политике и искусствах дают ему сознание своего достоинства. У нас бессмысленные учения о носках и хватках, бесполезное оружие, забитость, старость, необразование, дурное содержание и пища, убивают вним[ание], последнюю искру гордости и даже дают им слишком высокое понятие о враге».[2] Эта запись, нам кажется, должна послужить определением начального момента, к которому было бы можно приурочить произведение Толстого, названное нами «Запиской об отрицательных сторонах русского солдата и офицера». Негодование, которым дышит запись дневника, возмущение тем, что происходит в армии, яркая картина пороков, которыми армия страдает — всё это сближает ее с Запиской. Весьма возможно, что 23 ноября во время писания дневника мысль о необходимости борьбы со злом в армии у Толстого еще не приняла той определенной формы, в которую она вылилась потом; может быть, он тогда еще и не думал вообще бороться или бороться тем способом, который он выбрал, когда, пользуясь своим несколько привилегированным положением, хотел указать это зло лицам, стоящим на вершинах власти; но тем не менее связь между дневником и Запиской несомненна. То, о чем неполно и неопределенно, может быть, отчасти необоснованно говорится в дневнике, в Записке, хотя и не доведенной до конца, получает развитие, находит свою форму, правда, в конце концов неудовлетворившую составителя. Запись дневника ясно говорит, что именно в это время у Толстого явилось сознание творящегося зла; это сознание дало толчок к составлению Записки об армии, но написана она была, повидимому, значительно позже: думаем, что именно о ней говорится в записи, занесенной в дневник 23 января 1855 года. В этой записи Толстой, как часто он делает в дневнике, положил себе задание «написать докладную записку». К предположению, что именно о нашей Записке говорит здесь Толстой, приводит охватившее в это время Толстого увлечение военными вопросами, сильно разросшийся интерес к военному делу, свидания с лицами, близко стоящими к делу обороны. Что касается до момента окончания Записки, то из слов, в которых об императоре Николае говорится, как о живом (ум. 18 февраля 1855 г.), заключаем, что она была составлена не позже конца февраля, когда пришла в Севастополь весть о его смерти.

На вопрос, кому именно Толстой хотел представить записку, с некоторою вероятностью можно ответить, что это был один из двух великих князей, братьев наследника престола Александра Николаевича — или

---

[1] Намек на страшную бурю 2 ноября, когда много неприятельских кораблей было выброшено на берег и разбито у реки Качи, у Бельбека, в Евпатории, Балаклаве и др., и произошли большие разрушения в лагере союзников.

[2] Дневник 23 ноября 1854 г.

Николай Николаевич или Михаил Николаевич. Они оба были в Севастополе с октября до начала декабря, потом опять в январе и феврале, оба участвовали в Инкерманском сражении, бывали на бастионах, интересовались организацией защиты и даже заведывали — один работами по возведению укреплений Северной стороны, другой — их вооружением; мало того, ясно сознавая полную невозможность для А. С. Меншикова продолжать оставаться главнокомандующим, оба брата в феврале месяце приняли деятельное участие в назначении главнокомандующим князя М. Д. Горчакова. Это всё говорит за то, что скорее всего именно к одному из названных великих князей была обращена эта неоконченная записка Толстого.

Итак, подводим итог: предполагаем, что первая мысль о Записке, здесь печатаемой, возникла у Толстого в конце ноября 1854 г., что докладная записка, упоминаемая в январской записи дневника, была именно наша Записка, что она писалась в январе — феврале 1855 г. и что предназначалась для подачи одному из великих князей или Николаю Николаевичу или Михаилу Николаевичу.

В заключение нужно сказать, что кроме двух рукописей Записки в лист (4 + 4 лл. $26^1/_2 \times 21$ и 34×22 сант.; 36×22 сант.), которые дают две последовательные редакции ее (IV, 82), среди бумаг Толстого, хранящихся в архиве Толстого Публичной библиотеки СССР им. Ленина, есть еще один небольшой отрывок, имеющий повидимому ближайшее отношение к Записке (IV, 78). Он начинается словами: «Русское войско огромно и было славно, было непобѣдимо». Думаем, что это первоначальный набросок того произведения, которое потом приняло вид Записки. Заняв собою верхнюю часть 1-й страницы вдвое сложенного листа ($34 \times 21^1/_2$ сант.), она обрывается на полуслове; очевидно автора совершенно не удовлетворило это изложение его мыслей, и он отбросил рукопись, только начав. Можно думать, что этот набросок был сделан вскоре после записи дневника 23 ноября 1854 г.

IV.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА КН. М. Д. ГОРЧАКОВУ [?]

Записка Толстого, направлявшаяся, можно думать, на имя главнокомандующего Крымской армией кн. М. Д. Горчакова, так далека от того, к чему мы привыкли у Толстого, что взгляды, высказываемые в этой черновой записке, быть может, никогда не посланной, кажутся случайными, наносными. Действительно, в том, что позже писал Толстой, нет и признаков того патриотического увлечения, которое сквозит в Записке. Объяснение этого надо искать в тех особых обстоятельствах, в которые был поставлен Толстой во время писания Записки. Это было в апреле — начале мая 1855 г., когда Толстой служил на 4 бастионе; к этому времени в дневнике, в котором нет вообще никаких намеков на Записку, относится одна отметка, по содержанию своему чрезвычайно близкая к тому, что говорится в Записке. Под 21 апреля 1855 г. Толстой занес в свой дневник: «Дух упадает ежедневно и мысль о возможности взятья С[евастополя] начинает проявляться во многом». Это то самое, что в своей Записке он выражает словами: «Дух войска в настоящую

минуту есть грустное сомнение в возможности отстоять Севастополь». Две приведенные фразы слишком близки друг к другу, чтобы можно было пройти мимо них, не сопоставив их одну с другой. В дневнике под 21 апреля, в тот же самый день, запись которого приведена выше, Толстой отметил, что он в эту неделю, между прочим, написал «проект адреса»: возможно, что этот адрес и есть то, что мы назвали докладной запиской. В жизни Севастополя апрель 1855 г. был очень труден для осажденных. Траншеи осаждающих почти с каждым днем приближались к русским укреплениям; огонь неприятеля становился все ожесточеннее и губительнее; при каждом столкновении вследствие превосходства оружия у союзников русские несли несравненно больший урон; все это невероятно тяжелое положение не могло не влиять на защитников и, может быть, особенно чувствовалось на 4-м бастионе, который подвергался сильнейшему обстрелу и положение которого в некоторые дни апреля бывало почти отчаянным. Дух падал у одних, другие с еще большим рвением боролись, стремясь стать той «несокрушимой общиной героев», про которую говорит в Записке Толстой. Скоро этот подъем борьбы, это патриотическое, если можно так выразиться, настроение Толстого, которое проявляется в Записке, значительно видоизменилось, и уже в «Весенней ночи», писанной в средине июня, мы находим нечто совершенно иное.

Судьба Записки неизвестна. Можно думать, что едва ли она была и подана кн. Горчакову. Сохранившаяся среди севастопольских бумаг Толстого, находящихся в архиве Толстого Публичной библиотеки СССР им. Ленина, единственная рукопись ее — неполная (IV, 83); она представляет собой черновик; конец листка и нижняя часть левого края оборваны (26 × 21½ сант.). При печатании по возможности восстановляем оторванные части слов, а также дополняем недостающие слова текста, ставя дополнения в прямые скобки.

О воззвании, упоминаемом в тексте Записки, сведений получить не удалось.

V.

ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА ШТАБС-КАПИТАНА А. ПЕХОТНОГО Л. Л. ПОЛКА.

В дневнике Толстого есть три упоминания о Дневнике офицера в Севастополе. — Один раз под 6 июля 1855 г (в бытность Толстого на Бельбеке) отмечено: «Писать Дневник офицера в Севастополе — различные стороны, фазы и моменты военной жизни. И печатать его в какой-нибудь газете. Я думаю остановиться на этой мысли, хотя главное мое занятие должно быть Юность и Молодость, но это для денег, практики слога и разнообразия». Потом на следующий день Толстой записал: «Принудив себя, мог бы работать [неразобрано одно слово], были мысли касательно Дн[евника] оф[ицера]. Наконец под 16 июля записано: «Хочу написать Дневник офицера». Отрывок, который находится среди бумаг, хранящихся в архиве Толстого Публичной библиотеки СССР им. Ленина, написан, конечно, после этих записей. Очевидно, попытка эта не удовлетворила Тол-

стого, и он сразу отказался от увлекшего его плана. Рукописи (I, 11) в 4° на 2 лл. — с текстом 1 страницы ($22 \times 17^1/_2$).

Обозначение в заглавии Л. Л. полка намеренно неверное, так как в Крымской армии не было ни одного полка, в названии которого находились обе эти буквы.

Упоминаемый в отрывке главнокомандующий Крымской армией кн. Мих. Дм. Горчаков был назначен в Крым взамен кн. Меншикова в феврале 1855 г. и прибыл на Северную сторону Севастополя 8/20 марта. О слухе, что великий князь Константин Николаевич идет на выручку Севастополя с Американским флотом, говорится и в рассказе «Севастополь в августе», где о нем сообщают друг другу солдаты на бастионе.

VI.

СОЛДАТСКИЕ РАЗГОВОРЫ.

Набросок разговоров солдат имеет ближайшее отношение к рассказу «Севастополь в августе», послужив для него материалом к гл. 22 и 23. Это те самые разговоры, которые в присутствии Володи Козельцова велись между солдатами в блиндаже Корниловского бастиона и потом наверху, под выстрелами — о 24-м, т.е. о дне, когда началась последняя бомбардировка Севастополя, о легкой возможности выйти «в чистую», «о замиренье» и пр.; и в наброске, и в рассказе встречаем шутника Васина, молодого солдата еврейского типа, и других. Это дает повод думать, что разговоры представляют собою эскизы с натуры для будущей картины, которая так ярко нарисована Толстым в его третьем очерке Севастополя, что они были слышаны им самим в последние дни защиты Севастополя, когда, как читаем в его письме к Т. А. Ергольской 4 сент. 1855 г., он был свидетелем его штурма и даже принял некоторое участие в его защите.

Писание наброска таким образом надо относить к последним числам августа 1855 г. В дневнике о нем нет упоминаний, может быть, потому, что в эти дни — с 25 августа по 2 сентября — нет вообще отметок в дневнике, может быть, потому, что на набросок Толстой смотрел, вероятно, как на мелочь или как на материал для будущего произведения, еще не принявшего в его мыслях законченной формы.

Рукопись в лист ($32 \times 22^1/_2$ *сант.*), в 2 лл. (2-й л. пустой) хранится в архиве Толстого Публичной библиотеки СССР им. Ленина (IV, 81).

VII.

ДОНЕСЕНИЕ О ПОСЛЕДНЕЙ БОМБАРДИРОВКЕ И ВЗЯТИИ СЕВАСТОПОЛЯ СОЮЗНЫМИ ВОЙСКАМИ.

Составление этого донесения было поручено Толстому начальником штаба артиллерии Крымской армии генералом Николаем Андреевичем Крыжановским, вероятно, как человеку в то время уже очень выдвинувшемуся на литературном поприще и вместе с тем признанному военному писателю. По словам Толстого, в его заметке „«Несколько слов по поводу книги «Война и Мир»“[1] Крыжановский прислал ему более чем 20 донесений артиллерийских офицеров со всех бастионов, как

[1] Русский архив, 1868, № 3, стр. 521—522.

материал для составления общего отчета о действиях русской артиллерии во время последней бомбардировки. Материал этот был, как говорит Толстой в той же статье, мало достоверен: «Я жалею, — пишет он, — что не списал этих донесений. Это был лучший образец той наивной необходимой военной лжи, из которой составляются описания. Я полагаю, что многие из тех товарищей моих, которые составляли тогда эти донесения, прочтя эти строки, посмеются воспоминанию о том, как они по приказанию начальства писали то, чего не могли знать. Все испытавшие войну знают, как способны русские делать свое дело на войне и как мало способны к тому, чтобы его описывать с необходимой в этом деле хвастливой ложью. Все знают, что в наших армиях должность эту, составление реляций и донесений, исполняют большею частью наши инородцы».

Толстой работал над своей статьей, судя по письму к Крыжановскому, два дня — 1 и 2 сентября 1855 г. (2-го он отметил в дневнике: «нынче работал над составлением описанья, хорошо»), и 3-го отослал Крыжановскому с приложением письма, в котором пишет, что весьма боится, что «взялся не за свое дело, потому что, — приводим текст письма, — несмотря на усердную 2-х дневную работу, то, что я сделал, кажется мне из рук вон плохим и недостаточным. Впрочем сведения о бомбардировании очень недостаточны, особенно с левого фланга, а о ходе приступа часто противоречат друг другу. Мне много помогли рассказы очевидцев (полевых же артиллеристов), так что в описании хода приступа собственно на Малахов курган, мне кажется, что я не ошибаюсь. Вы сами решите это» (по черновику при рукописи Донесения).

Думаем, что представляемое здесь произведение Толстого едва ли не единственное, написанное по служебному поручению. Оно занимает среди всех его работ совсем обособленное место.

Текст печатается по единственной рукописи Донесения, хранящейся в архиве Толстого Публичной библиотеки СССР им. Ленина в числе бумаг Толстого. Рукопись в лист ($26^1/_2 \times 21^1/_2$ *сант.*), на 5 лл. Она писана переписчиком; поправки Толстого частью внесены в текст, частью написаны в конце рукописи в виде примечаний с цыфровыми обозначениями для вставки в соответствующие цыфрам места текста (IV, 79).

VIII.

ПЕСНЯ ПРО СРАЖЕНИЕ НА р. ЧЕРНОЙ 4 АВГУСТА 1855 г.

До недавнего времени Толстому приписывались две Севастопольские солдатские песни, одна — про сражение на Черной речке 4 августа 1855 г. («Как четвертого числа нас нелегкая несла . . .») и другая, описывающая ряд событий Крымской войны со сражения на р. Альме 8 сентября 1854 г. до средины марта 1855 г. («Как восьмого сентября мы за веру, за царя от француз ушли . . .»). Но предположение это оказалось неверным: в 1924 г. было найдено одно письмо Толстого к Марии Николаевне Милошевич, дочери Николая Степановича Милошевича (1828 — 1901) артиллерийского офицера, участника кампании 1853—1856 гг. и обороны Севастополя; в этом письме Толстой определенно при-

знает себя автором одной только песни, именно песни о сражении на Черной речке. Письмо это — ответ на вопросы М. Н. Милошевич, в это время издававшей воспоминания своего отца («Из записок севастопольца», Спб. 1904), и является дополнением к первому письму Толстого к М. Н. Милошевич (напечатано в журн. «Зори» 1923, № 3), в котором Толстой нечаянно допустил ошибку. Что Толстому принадлежит только одна песня, можно вывести и из давних, 1850-х гг., его записей: из одной отметки его дневника 1856 г., — 7 ноября, в Петербурге, в которой говорится, что «великий князь [т. е. Михаил Николаевич] знает про *песню*», и другой—в письме к брату Сергею Николаевичу (10 ноября 1856 г.), где Толстой говорит, что Константинов (его начальник по службе в ракетном заведении) объявил ему, «что великий князь Михаил, узнав, что я будто бы сочинил песню, недоволен особенно тем, что будто бы я учил ей солдат».[1] Из первой записи можно видеть, что Толстой не отрицал своего авторства; слова «будто бы» в письме к брату, конечно, написаны только из осторожности, необходимой для сохранения тайны.

Что касается до другой песни, то, по словам того же второго письма к Милошевич, она есть результат коллективного творчества и только между прочим Толстого. Поэтому вторая песня и не введена в текст, а помещена в приложениях.

Подлинной рукописи Толстого про сражение на Черной речке не сохранилось, да ее, конечно, и не было. Сам Толстой в первом письме к М. Н. Милошевич пишет, что песни, «сколько мне помнится, никогда не были мною написаны и заучивались со слов и изменялись и добавлялись». Записывались они не составителями, а слушавшими. Старшая из записей песни про сражение на Черной речке принадлежит офицеру 14 артиллерийской бригады Ивану Васильевичу Аносову; он прислал текст песни в Петербург в своем письме из Севастополя к прежнему товарищу по батарее, впоследствии известному писателю и путешественнику Михаилу Ивановичу Венюкову, который в то время был слушателем Академии Генерального Штаба. Вместе с текстом песни Аносов сообщает, что общий голос армии приписывает ее графу Толстому. Этот текст, сохраненный М. И. Венюковым, был напечатан в «Русской Старине» 1875 г., № 2. В следующей же книжке «Русской Старины» (1875, № 3) С. П. Сысоев сообщил новый список песни с некоторыми вариантами и прибавками. При составлении биографии Толстого П. И. Бирюков воспользовался списком песни, полученным им от самого Толстого, но напечатал не по этому списку, а по списку Аносова с исправлениями по Толстовскому списку. Скорее всего было бы считать Толстовский список самым верным, но две ошибки в фамилиях дают повод думать, что Толстовский список был сделан позднее; эти ошибки в фамилиях находим в 34 и 46 строках: в 34 строке в Аносовском списке правильно назван Веймарн вместо Мартинау Толстовского, в 46 строке в Сысоевском — Белевцов вместо Тетеревкина Толстовского. Думаем, что для восстановления подлинного текста песни нельзя пользоваться каким-нибудь одним из списков, поэтому на стр. 307 — 308 нами дан сводный

---

[1] «Письма Л. Н. Толстого», т. I, № 53.

текст, проверенный по точному описанию сражения. Здесь даем разночтения шести главных списков песни: списка Аносова *(А)*, списка П. Н. Глебова в Рус. стар. 1905 г. (*Гл*), списка Милошевича (*М*), списка «Записок» П. К. Менькова (*Мн*)., списка Сысоева (*С*), списка, полученного П. И. Бирюковым от Толстого с одной поправкой, сообщенной нам П. И. Бирюковым (*Т*).

Строки.

3.	Горы занимать.	*С Гл Мн*
	Горы обирать.	*А*
	Горы забирать.	*М*
4.	А наш Вревский енарал	*С*
	А все Вревский генерал	*Гл*
5.	К Горчакову прискакал	*С*
6.	Тогда под-шафе:	*С*
7.	«Князь, возьми ты эту гору,	*С А Гл М*
8.	Не входи со мною в споры	*Мн*
9.	Не то рассержусь	*С*
	Будет хорошо	*Гл М*
	Право донесу	*Мн*
12.	Да и Плац-бек-Кок	*С*
15.	Что б ему сказать	*М*
18.	На больших листах	*С Гл*
19.	Гладко писано в бумаге	*А М*
	Славно вписана бумага	*Гл*
	Чисто вписано в бумаге	*С Мн*
21.	Как по ним ходить!	*Г С Мн*
26.	А Липранди: «нет, атанде.	*С Мн*
	А Липранди тот атанде	*Гл М*
27.	Молвил: не пойду	*А*
	Я, мол, не пойду	*С М*
	Я уж не пойду	*Мн*
29.	Вы пошлите-ка	*С М*
	А пошли-ка ты	*Мн*
31.	Вот Реад возьми да спросту	*С А Мн*
	Глядь, Реад возьми да спросту	*А Гл*
32.	Поведи нас прямо с мосту	*С М Гл Мн*
33.	Нутка на уру	*С Гл М*
	Ну-ка, на ура	*А*
34—36.	*Двенадцатой строфы нет в*	*М*
34.	Мартенау умолял	*Т С*
35.	Чтоб резервов обождал	*Т*
	Чтоб лезертов обождал	*А*
37—39.	*Тринадцатой строфы нет в*	*АТ*
37.	Генерал-то Ушаков	*Гл Мн*
40—42.	*Четырнадцатой строфы нет в*	*А Гл Т*
40.	Долго ждал он дожидался,	*М Мн*
41.	Пока с духом он собрался	*М*
	Пока с духом не собрался	*Мн*

43.	На ура мы зашумели	*А*
44.	Да лезерты не поспели	*А М*
46.	Тетеревкин генерал	*Т*
	А Белевцов генерал	*Мн*
46—48.	*Шестнадцатой строфы нет в*	*Гл М*
47.	Крепко знамя потрясал	*А*
	Он всё знамя потрясал	*Т*
	Тот всё знамем потрясал	*Мн*
50.	Нас всего взошли три роты	*С*
	Нас зашло всего три роты	*Гл*
53.	А французов ровно вдвое	*Мн*
	А французов было вдвое	*С*
54.	И резерва нет	*С*
	Да й сикурсов нет	*М*
	И сикурсу нет	*Гл Мн*
58.	А там Ссакин енарал	*М*
	А там NN енарал	*С*
60.	Выручать не шел	*С*
62.	*Отсутствует строка в*	*А Гл Мн С Т*
63.	Кто куда водил	*Мн*
	Кто туда повел	*С*

Насколько верны припоминания о песне, записанные через тридцать лет, видно из заметки «Севастопольская песня. Бой на Федюхиных высотах», напечатанной в «Русской Старине» 1884 г. № 2 и подписанной «Один из участников в составлении Севастопольской песни». Автор заметки называет нескольких участников в составлении песни: это Л. Ф. Балюзек, А. Я. Фриде, Л. Н. Толстой, Вл. Ф. Лугинин, Шубин, О. А. Сержпутовский, М. В. Шклярский, Н. Ф. Козлянинов, Н. С. Мусин-Пушкин. По словам автора заметки, они собирались у начальника штаба артиллерии Н. А. Крыжановского и тут же импровизировались куплеты. Очевидно этот рассказ относится не к песне 4 августа, а к песне 8 сентября. Эта вторая песня сочинялась постепенно, по мере течения событий, и таким порядком, как описывает автор заметки в «Русской Старине». Песня про сражение на Черной речке — продуманная и исторически точная; в ней излагается правдиво и последовательно весь ход этого несчастного сражения. Сам Толстой был в сражении на Черной речке; его взвод горной артиллерии был на левом крыле, у ген. П. П. Липранди, но, как пишет Толстой 7 августа брату Сергею Николаевичу, ему не пришлось стрелять.

В объяснение текста песни приводим историческую справку о ходе сражения 4 августа. Оно произошло по той причине, что в Петербурге, а также среди многих начальствующих лиц в Севастополе бездействие главнокомандующего кн. М. Д. Горчакова вызывало недовольство: считали необходимым побудить его перейти в наступление. Для наблюдения за деятельностью главнокомандующего военный министр кн. В. А. Долгоруков командировал в Севастополь бар. П. А. Вревского, который, благодаря своему положению в министерстве, мог непосредственно сноситься с министром. Вревский явился главным противником образа

действий князя Горчакова. Выполнение плана нападения на правый фланг неприятеля, именно на очень сильную, почти неприступную его позицию на Гасфортовой горе и на Федюхиных высотах, постоянно откладывалось главнокомандующим, так как он считал «сумасшествием начать наступление против превосходного в числе неприятеля, главные силы которого занимают недоступные позиции», о чем он и писал военному министру. Тогда государем было предложено Горчакову созвать для решения вопроса военный совет, который и состоялся 28 июля 1855 г. на Николаевской батарее в Севастополе.

«Собирались на советы
Все большие эполеты»,

говорит песня. Это были, во-первых, высшие чины армии: гр. Д. Е. Остен-Сакен, П. Е. Коцебу, А. О. Сержпутовский, П. П. Липранди, А. Е. Бухмейер, С. П. Бутурлин, С. А. Хрулев, К. Р. Семякин, Ф. М. Новосильский, Н. И. Ушаков, затем бар. П. А. Вревский, как командированный министром, и для разных объяснений начальники штабов: Н. А. Крыжановский, кн. В. И. Васильчиков, Н. В. Исаков, Н. Ф. Козлянинов и ген.-интендант Ф. К. Затлер. Упоминание песни о ген.-полицеймейстере А. П. Плац-бек-Кокуме — шутка про генерала, который, сколько знаем, и не мог быть на совете. Решено было атаковать союзников со стороны р. Черной. Кн. Горчаков не переставал колебаться: накануне сражения, 3 августа, он писал военному министру, что он не может себя обманывать, что он идет навстречу неприятелю при самых скверных условиях.

Еще до рассвета 4 августа кн. Горчаков со штабом спустился с Мекензиевых гор в Новый редут, расположенный на их склоне:

«Выезжали князья, графы
На Большой редут».

Для выполнения диспозиции генералу П. П. Липранди, начальнику левого крыла, и генералу Реаду, начальнику правого крыла, было послано распоряжение начинать канонаду. Между тем генерал Реад начал канонаду еще до получения посланного ему приказания, как только послышались выстрелы у Липранди; поэтому он понял пришедшее распоряжение главнокомандующего, как приказание вести войска в атаку, которое он считал необходимым исполнить, несмотря на то, что войска его крыла еще не все заняли свои места, что указывал ему ген. П. В. Веймарн, начальник его штаба:

«Веймарн плакал, умолял,
Чтоб немножко обождал».

Но Реад отвечал Веймарну, ссылаясь на распоряжение Горчакова: «Je ne puis pas attendre, j'ai l'ordre du prince».[1]

Распоряжение начальства, неправильно понятое, повлекло за собою неудачи; это дало повод автору песни к насмешке над Реадом, как над неразумным военачальником:

«Туда умного не надо,
Ты пошли туда Реада»,

говорит песня.

Три полка 12 пехотной дивизии фланга ген. Реада под начальством ген. Мартинау перешли через р. Черную у Трактирного моста, удачно

[1] Я не могу ждать; я имею приказ от князя.

начали атаку на французов, взяв предмостное укрепление, стали подниматься на Федюхины горы и выбили французов с среднего уступа; но к французам подошли подкрепления, и русским пришлось отступить, так как к ним «резервы не поспели». В таком роде пошло и дальше: все новые атаки были бесцельны, так как отдельные части, ничем не подкрепляемые, сразу уничтожались противником или отступали. Во время одного из таких отступлений произошел изображенный в песне эпизод со знаменем у начальника Курского ополчения ген. Д. Н. Белевцова:

«А Белевцов генерал
Всё лишь знамя потрясал,
Вовсе не к лицу».

Ген. Белевцов был отправлен кн. Горчаковым в самом конце сражения к 5 дивизии, когда она была уже совершенно расстроена, когда выбыли из строя начальник дивизии, оба бригадные командира, все полковые, десять батальонных и более ста офицеров, Белевцов, прискакав к отступавшей дивизии, заметил небольшую группу солдат со знаменем. Взяв в руки знамя, он стал собирать вокруг себя бегущих солдат, не знавших его в лицо, но знавших свое знамя.

В то время когда шел бой у Трактирного моста, другая часть фланга ген. Реада, 7 дивизия под командой ген. А. К. Ушакова, подошла к броду ниже моста. Вопреки приказанию Реада ген. Ушаков медлил и не начинал атаки, считая невозможным наступать, пока не подошли резервы.

«Всё чего-то ждал...
Пока с духом собирался
Речку перейти».

Ушаков повел 7 дивизию в атаку слишком поздно и отступил к Мекензиевым горам.

Резервы по недоразумению постоянно или запаздывали или вовсе не подходили; у французов же была «сикурсу тьма», как говорит песня.

Действия левого фланга, бывшего под начальством ген. Липранди, в песне не упоминаются. Там, несмотря на быструю удачу в начале, на занятие Гасфортовой горы, всё-таки также пришлось отступить за неимением подкреплений.

Было предположено в случае успеха сделать вылазку из Севастополя для окончания дела. Ожидался сигнал от главнокомандующего, и в песне говорится, будто сигнал был дан. Князь Горчаков однако сигнала не давал, так как очевидно было, что дело проиграно и что остается только обе-регать Севастополь и его гарнизон. Тут песня отошла от правды, сказав, что Дм. Е. Остен-Сакен, начальник Севастопольского гарнизона, не слышал сигнала; он только «всё акафисты читал», и поэтому не было исполнено распоряжение главнокомандующего. Автор песни хотел подчеркнуть ханжество Остен-Сакена и его любовь к церковным службам и обрядам.

Характеристика отдельных лиц, описание событий и оценка их в песне очень близки к исторической правде, и шутливый тон песни прикрывает гораздо более серьезное содержание, чем это можно подозревать при поверхностном ее чтении.

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ПЕСНЯ «КАК ВОСЬМОГО СЕНТЯБРЯ».

Как восьмого сентября
Мы за веру и царя
От француз ушли (bis).

И так храбро отступали,
Что всех раненых бросали
Умирать в степи (bis).

Князь Лександра адмирал
Суденышки затоплял
В море — пучине (bis).

Молвил: счастия желаю,
Сам ушел к Бахчисараю —
Ну вас всех в п....(bis).

Сент-Арно позакопался.
Он учтиво обращался:
С заду обошел (bis).

И когда бы нам во вторник
Не помог святой угодник,
Всех бы нас забрал (bis).

Из-под града Кишинева
Ждали войска пребольшова,
Войско подошло (bis).

С моря, с суши обложили,
Севастополь наш громили
Из больших маркел (bis).

А Липранди енерал
Много шанцев позабрал —
Всё не помогло (bis).

Данненбергу поручили,
Его очинно просили
Войско не жалеть (bis).

Павлов, Соймонов ходили,
Круты горы обходили,
Вместе не сошлись (bis).

А Липранди хоть видал,
Как француз одолевал, —
Руку не подал (bis).

А князьки хоть приезжали,
Да француз не испужали, —
Всё палят с маркел (bis).

Тысяч десять положили,
От царя не заслужили
Милости большой (bis).

Князь изволил рассердиться,
Наш солдат де не годится,
Ж... показал (bis).

И в сражение большое
Было только два героя —
Их высочества (bis).

Им повесили Егорья
Повезли назад со взморья
В Питер показать (bis).

Штуцеров мы поджидали,
Да гвардейцы их забрали,
Видно им нужней (bis).

Духовенство всё просило,
Чтоб француз позатопило,
Бурю бог послал (bis).

Была сиверка большая,
Но француз, не унывая
На море стоял (bis).

Зимой вылазки чинили,
Много войска положили,
Всё из-за туров (bis).

Просит Менщик подкрепленья:
Царь ему во утешенье
Сакена прислал (bis).

Менщик — умный адмирал,
Царю прямо отписал:
Батюшка — наш царь (bis),

Ерофеич твой не крепок,
От твоих же малолеток
Проку ни... (bis).

Посылали хоть Хрулева
Выжить турка из Козлова, —
Наша не взяла (bis).

Царь на Меншика серчает,
Как в ту пору захворает
На одном смотру (bis).

И отправился на небо, —
Верно в нем была потреба,
Хоть давно пора (bis).

А когда он умирал,
Свому сыну наказал:
Ты теперь смотри (bis).

Сын же Меншику писалъ:
Мой любезный адмирал,
К чорту, брат, тебя (bis).

Назначаю я иного
Того князя Горчакова,
К турке что ходил (bis).

Много войск ему не надо,
Будет пусть ему награда
Красные штаны (bis).

И вот ждем и поджидаем,
Севастополь защищаем, —
Скоро ль отойдет (bis).

ПРИМЕЧАНИЕ К ПРИЛОЖЕНИЮ: СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ПЕСНЯ «КАК ВОСЬМОГО СЕНТЯБРЯ».

Песня «Как восьмого сентября», на основании утверждения самого Толстого, представляет результат коллективного творчества нескольких лиц; из содержания ее видно, что она сочинялась постепенно, по мере движения событий. Выделение частей, принадлежащих Толстому, от принадлежащих другим, в настоящее время очень трудно и по недостатку положительных данных слишком гадательно; можно думать с довольно большой достоверностью, что основа начальной части не принадлежит Толстому. События песни описаны несомненно лицами, бывшими в то время в Крыму; особенно бросаются в глаза слова 6 строфы «И когда бы нам во вторник не помог святой угодник...», определяющие время события не числом, а названием дня и совершенно верно; они дают право заключать, что здесь слышен голос лица очень близкого к тому, о чем оно говорит. Между тем в сентябре — октябре месяцах 1854 г., когда происходили события, описываемые в начальной части песни, Тол-

стой был еще в Южной армии и только 7 ноября приехал в Севастополь. Весьма вероятно, что Толстым впоследствии были сделаны некоторые добавления, может быть, составлены вставные строфы; на это указывает и характер отдельных выражений, и построение целых строф. Начальный момент составления песни, первые куплеты которой описывают сентябрьские события в Севастополе, не может быть отнесен позже, чем к концу сентября 1854 г. Дальнейшие нарастания в песне произошли в ноябре, декабре, январе, феврале и марте. Время окончания составления определяется последним эпизодом, рассказанным в песне, — назначением главнокомандующим вместо кн. А. С. Меншикова кн. М. Д. Горчакова и упоминанием как бы о награждении его красными штанами, т. е. новой генеральской формой. Назначение кн. Горчакова произошло 16/28 февраля 1855 г.; он прибыл на Северную сторону 8/20 марта. Что касается до вновь введенной генеральской формы (красные шаровары), то перемена формы произведена была приказом военного министра от 15/27 марта. Таким образом время окончания составления песни определяется приблизительно второй половиной марта (по старому стилю) 1855 г.

Текст песни известен по нескольким спискам, отличающимся друг от друга не только отдельными словами, но и числом строф. Печатаем его по списку, напечатанному П. И. Бирюковым в «Биографии Л. Н. Толстого», с сообщенными им нам исправлениями (*Б*). Ниже представлены разночтения к этому тексту из двух списков: 1) напечатанного А. И. Герценом в «Полярной звезде» на 1857 г., кн. 3, Лондон 1858 (*Г*) и 2) напечатанного в журнале «Зори», 1923, № 3, при письме Толстого к М. Н. Милошевич (*М*). Текст, напечатанный при «Записках П. К Менькова». очень неполон и почти буквально сходен с Герценовским.

Строки

4—6. *Вторая строфа только в* *Г*
7. Меншик умный адмирал *Г*
16. Кабы нам да в этот вторник *Г*
16—18. *Шестой строфы нет в* *М*
20. Ждали войска мы большого *Г*
22—24. *Имеются только в* *Г*
26. Много шанцев забирал *М*
25—27. *Девятой строфы нет в* *Г*
32. Круты горы восходили *Г*
37—39. И князья к нам приезжали,
Да француза не спужали—
Все палит с маркел. *Г*
37—39. *Тринадцатой строфы нет в* *М*
46. Из сражения большого *Г*
47. Вышло только два героя *Г*
51. В Питер на показ *Г*
52—54. *Восемнадцатая строфа только в* *Г*
55. Духовенство всё молило *Г*
56. Чтоб француза потопило *Г*

57.	Бурю б бог послал	*Г*
64.	Просил Меншик подкрепленья	*М*
66.	Ссакина прислал	*М*
73.	Посылай нам хоть Хрулева	*Б*
74.	Выгнать турку из Козлова	*Г*
76.	Царь на Меншика серчал	*ГМ*
77.	И в ту пору захворал	*Г*
	В эту пору захворал	*М*
80.	Видно, в нем была потреба	*Г*
81.	И давно пора	*Г*
82.	А когда же умирал	*Г*
83.	Сыну крепко наказал	*Г*
85.	Сын же Меншику писал	*Г*
86.	Ты мой милый адмирал	*Г*
87.	К . . ., брат, тебя.	*М*
88.	Я пошлю туда другого	*Г*
94—96.	*Тридцать вторая строфа только в*	*Г*

Песня «Как восьмого сентября», точно воспроизводя севастопольскую действительность и правдиво, хотя и с известной стилизацией, характеризуя ее героев, не может быть вполне понятна без исторического комментария.

Представляем необходимые объяснения.

Строки 1—3 (строфа 1-я). 8/20 сентября 1854 г. произошло Альминское сражение, после которого русская армия отступила к р. Каче и далее к Севастополю.

Стр. 7—9 (строфа 3-я). 9/21 сентября адмиралом В. А. Корниловым, начальником штаба Черноморского флота, был собран в Севастополе военный совет по вопросу, что делать флоту для защиты Севастополя. Мнение Корнилова было — выйти в море и атаковать неприятельский флот; предложение капитана 1 ранга Зорина заключалось в заграждении рейда потоплением нескольких кораблей и защите Севастополя с берега. Этого мнения держалось большинство членов совета и оно было поддержано прибывшим в это время в Севастополь кн. Меншиковым. Корнилов упорствовал, находя потопление самоубийством, и только после предложения ему кн. Меншиковым выехать в Николаев, согласился; в ночь на 11/23 сентября он потопил семь кораблей. — Князь Лександра — кн. Александр Сергеевич Меншиков.

Стр. 10—12 (строфа 4-я). 12/24 сентября кн. Меншиков, опасаясь быть запертым в Севастополе и отрезанным от всей России, предпринял фланговое движение на Бахчисарай; в Севастополе он оставил сравнительно немного войска. Этот отход дал повод многим обвинять Меншикова в измене.

Стр. 13—15 (строфа 5-я). Французский главнокомандующий маршал Сент-Арно и английский главнокомандующий лорд Раглан 11/23 сентября решили, дождавшись на р. Каче подкреплений из Евпатории, перевести свои армии на южную сторону Севастополя, обойдя его сзади. Это передвижение случайно произошло в ту самую ночь, когда русская армия шла по тем же местам на север.

Стр. 16—18 (строфа 6-я). 14/26 сентября во вторник французы заняли Федюхины высоты, англичане заняли Балаклаву и случайно не двинулись на Севастополь, частью из-за того, что Сент-Арно по серьезной болезни сдал командование новому главнокомандующему Канроберу, частью оттого, что главнокомандующие долго не могли решить о дальнейших действиях. Между тем к вечеру 14/26 сентября южная оборонительная линия Севастополя, до того времени очень плохо защищенная, была уже приведена в хорошее состояние и в готовность к встрече неприятеля.

Стр. 19—21 (строфа 7-я). В середине сентября Крымская армия значительно усилилась при помощи передвижения многих частей из Одессы, Бессарабии, Николаева и других мест.

Стр. 22—24 (строфа 8-я). Осадные работы союзников начались 22 сент. 4 окт. 1854 г. Первая бомбардировка Севастополя произошла 5/17 октября.

Стр. 25—27 (строфа 9-я). 13/25 октября произошло удачное для русских сражение под Балаклавой по плану и под общим начальством ген. П. П. Липранди. Русские заняли передовые позиции союзников и остались в занятых ими укреплениях; им досталось в добычу 11 орудий, турецкий лагерь, 60 патронных ящиков и разный шанцевый инструмент. Этот успех, впрочем, не принес русским пользы, и занятую позицию пришлось оставить без боя.

Стр. 28—33 (строфы 10-я и 11-я). 24 окт./5 ноября произошло Инкерманское сражение. Отряд ген. Павлова из Севастополя и другой — ген. Соймонова от Инкерманской горы по диспозиции должны были соединиться и далее действовать под общим командованием ген. Данненберга. Русские были разбиты.

Стр. 34—36 (строфа 12-я). Отряду ген. Липранди, в этот день, 24 окт./5 ноября, находившемуся под начальством кн. П. Д. Горчакова, как старшего чином, было приказано сделать только демонстрацию. Несмотря на то, что кн. Горчаков, а не Липранди, командовал отрядом, общее мнение обвиняло именно его, что по его вине отряд этот принял очень незначительное участие в деле.

Стр. 37—39 (строфа 13-я). Князьки — великие князья Николай и Михаил Николаевичи, прибывшие в Севастополь в середине октября 1854 г.

Стр. 40—42 (строфа 14-я). В день 24 окт./5 ноября потери русских убитыми и ранеными достигли 10 848 человек.

Стр. 43—45 (строфа 15-я). Будучи сам главным виновником неудачи Инкерманского сражения, как составивший не ясную диспозицию, кн. Меншиков был возмущен отступлением войск, что определенно высказал ген. Данненбергу (Дубровин Н. Ф. «История Крымской войны», т. 2, стр. 231), и находил безнадежным «с успехом атаковать союзников» (там же, стр. 255).

Стр. 46—51 (строфы 16-я и 17-я). Кн. Меншиков представил великих князей к награждению Георгиевским крестом 4 степени и в приказе по Крымской армии 29 октября особо отметил их самоотвержение (см. «Материалы для истории Крымской войны», в. 4, стр. 171). В начале декабря 1854 г. они вернулись в Петербург.

Стр. 55—57 (строфа 19-я). 28 окт./9 ноября утром перед Николаевской

батареей было совершено торжественное молебствие; вечером икона Спасителя была обнесена по всей оборонительной линии.

Стр. 58—60 (строфа 20-я). 1/13 ноября поднялся сильный ветер, к утру 2-го перешедший в ураган, который произвел громадное опустошение в лагере союзников и потопил очень много их военных кораблей, купеческих судов и транспортов, груженых аммуницией, припасами и деньгами.

Стр. 64—66 (строфа 22-я). В ответ на донесение кн. Меншикова о событиях в начале ноября в Севастополе государь командировал в Крым Д. Е. Остен-Сакена, который был до того времени при кн. М. Д. Горчакове в Южной армии. В 20-х числах ноября (в нач. декабря) он был назначен начальником Севастопольского гарнизона.

Стр. 70—72 (строфа 24-я). Ерофеич — отчество Дм. Ер. Остен-Сакена (род. 1789 г.). Малолетки — великие князья Николай и Михаил Николаевичи.

Стр. 73—75 (строфа 25-я). Предположение штурмовать Козлов, т. е. Евпаторию (старинное татарское название Евпатории Гёзлев), возникло у кн. Меншикова в январе 1855 г. Несмотря на противопоказание рекогносцировки ген. Врангеля, 28 янв./9 февраля кн. Меншиков распорядился произвести штурм ген. Хрулеву; 5/17 февраля начатый штурм не был доведен до конца, так как выяснилось, что город был настолько хорошо защищен, что взять его теми силами, какие были у Хрулева, было невозможно. В дневнике Толстой отметил: «в Евпатории было дурное дело — отбитая атака, которую называют рекогносцировкой».

Стр. 76—87 (строфы 26-я, 27-я, 28-я и 29-я). Николай I был очень недоволен действиями Меншикова — неудачным делом под Евпаторией, потерями в войсках, предположением затопить еще несколько судов; последовало распоряжение отрешить кн. Меншикова от командования Крымской армией. Извещение об этом Меншиков получил в письме наследника Александра Николаевича от 15/27 февраля 1855 г. (Николай по болезни сам писать не мог). Болезнь Николая I началась до 10/22 февраля, с 10/22 же появилась «лихорадка»; затем очень быстро развилась болезнь легких, и 18 февраля он умер от паралича.

Стр. 88—90 (строфа 30-я). 16/28 февраля кн. М. Д. Горчаков назначен главнокомандующим Крымской армией с сохранением прежнего звания главнокомандующего Южной армии.

Стр. 91—93 (строфа 31-я). Красные штаны (шаровары красного сукна с золотым галуном) — новая генеральская форма, введенная Александром II в самом начале царствования и утвержденная им 12/24 марта 1855 г. (Приказ военного министра от 15/27 марта.)

СЛОВАРЬ ТРУДНЫХ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ СЛОВ.[1]

Амбразура — отверстие в брустверe или крепостного вала для помещения дула орудия.

Анна — орден св. Анны 2 степени, который носили на шее.

Банкетный огонь — стрельба из ружей с банкетов (см. след.).

Банкет — приступок у крепостного вала или бруствера для стрельбы из ружей.

Бастион — особого устройства пятистороннее оборонительное укрепление, состоящее из двух фасов двух фланков и горжи (передние и боковые стенки и тыльная часть).

Батальный огонь — открытая пальба пехоты.

Блиндаж — постройка в укреплениях для охраны от снарядов людей, не принимающих в данное время участия в бою, сделанная из бревен, фашин (пучков или плетенок из хвороста) и земли.

Бомбардир — старший из канониров (рядовые в артиллерии в прежнее время).

Бон — заграждение в бухте из бревен, цепей или канатов. В Севастополе было два таких бона от Николаевской батареи к мысу на половине расстояния между Константиновской и Михайловской батареями; кроме того было два заграждения из затопленных кораблей — одно ближе к выходу в море, сделанное в сентябре 1854 г., и другое, сделанное позже, в феврале 1855 г.

Бостонные марки — расчетные марки при игре в «бостон».

Бруствер — заградительный от выстрелов неприятеля вал укрепления.

Ва-банк — в карточной игре банк ставка, равняющаяся всему банку.

Васясо — быстрое, скороговорочное произношение обращения «Ваше сиятельство».

Венгерская медаль — медаль за участие в войне имп. Николая I против революции в Венгрии в 1849 г.

Венская коляска — легкая коляска, сделанная по образцу вырабатываемых в Вене.

Верки — отдельные части ограды укрепления.

Владимир — орден св. Владимира. «Ежели не выйдет майора, то Владимира наверно», т. е. если не получу майора, — первый штаб-офицерский чин, — то орден Владимира 4 степени наверно.

Волоковое оконце — маленькое задвижное оконце в избах, в которое также выволакивает дым в курных избах; окно со ставнями, *красное*. Встарь избы в деревнях располагались уступами, по ступенчатой черте, так, чтобы в боковое волоковое окно каждый хозяин мог наблюдать за своими воротами и видеть, кто стучится, а также мог глядеть вдоль всей улицы в городскую сторону, оберегая всё селение.

Волчье оконце — небольшое окно в избе, выходящее не на улицу, то же, что «волчий глазок» в двери.

Вощина — сотовый воск, по стечении с него меда или по вытопке меда.

---

[1] Включены только слова, необъясненные в тексте самим Толстым.

Георгий—Георгиевский крест—военный орден св. Георгия, учрежденный 25 ноября 1769 г. для награждения военных заслуг. Простонародное произношение — Егорий.

Герардовские избы—избы, выстроенные по типу, изобретенному известным в свое время сельским хозяином Ант. Ив. Герардом (ум. 1830 г.).

Гладух—толстяк, дебелый.

Горжа—тыльная часть укрепления.

Дворник—содержатель постоялого двора.

Демонтирование — сбивание неприятельских орудий прицельными выстрелами.

Депозитка или депозитный билет—бумажный денежный знак, который выдавался банком за взносы звонкою монетой. Впоследствии заменены кредитными.

Донское—донское вино.

Егорий. См. Георгий.

Егерский—принадлежащий к егерским, т. е. стрелковым полкам.

Единорог—особый вид крепостного и полевого орудия.

Жид—слово, вышедшее из употребления в русском языке около 1860—1870 гг., название еврея, до сих пор сохранившееся у всех славянских народов (польское żyd, чешское zid, сербское жид, украинское жид), иудей, израильтянин. В ответе на письмо М. Г. Рабкина Толстой говорит: «Слово жид, Juif, Jude, Jew не имеет по существу никакого иного значения, как определение национальности, как француз и т. п. Если же слово это, к сожалению, получило в последнее время какое-то оскорбительное значение, то мною ни в каком случае не могло быть употребляемо в этом значении» (2 янв. 1910 г.).

Занавеска—длинный женский передник.

Золотая сабля—сабля с золотым эфесом и надписью «за храбрость», почетная награда за боевые заслуги.

Играть большой маркой—в карточной игре с большими ставками.

Калошка—цветень, приносимый пчелами на ножках.

Кантонист—солдатский сын, воспитывающийся для постоянной военной службы.

Кармазинный—из тонкого ярко-алого сукна.

Квартермистр (квартирмейстер) полковой—офицер, заведывавший хозяйством и экономической частью полка.

Кивер—военный головной убор.

Кичка—женский головной убор с рогами, род повойника.

Комендор—старший из прислуги у орудий на военных кораблях (соответствовало фейерверкеру в сухопутных войсках).

Контрапроши — земляные работы осаждаемого впереди укреплений.

Концерт—в церкви сложное в музыкальном отношении песнопение, исполняемое редко, в большие праздники.

Корпус кадетский — военное средне-учебное заведение.

Коты—женские башмаки с высокими передами, либо круглые, будто с отрезными голенищами, с алою суконною оторочкою.

Красные штаны (красные шаровары) — часть генеральской формы, введенной имп. Александром II в самом начале царствования.

Крестец—копна хлеба в снопах на жнивье, до уборки; обычно по 13, по 17 и по 20 снопов.

Куртина—защищенное пространство между двумя смежными бастионами.

Лафет—станок под орудие.

Ложемент—окоп для стрельбы по преимуществу пехоты.

Люнет—открытое полевое укрепление.

Магазея—здание для хранения запасов.

Маджара—большая четырехколесная телега. Убитых в Севастополе переправляли в барках на Северную сторону к Куриной балке,

откуда на маджарах перевозили на кладбище, ныне известное под названием Братского.

Майор — первый штаб-офицерский чин, упраздненный в 1884 г.

Маркела. См. Мортира.

Мерлон — толща бруствера между двумя соседними амбразурами (см. это слово).

Мичман — первый обер-офицерский чин в русском флоте.

Мортира (маркела) — короткое артиллерийское орудие для навесной стрельбы.

Мшеник — клеть, амбар или срубец, уконопаченный мохом, или такая же теплая напогребица для зимовки пчел.

Новина — земля, никогда еще не паханая.

Оброть — конская узда без удил и с одним поводом для привязи.

Ординарец — военнослужащий при начальниках для рассылки приказаний.

Осик — участок земли с ульями.

Осьминник — в Тульской губернии $^1/_8$ десятины.

Ошпиталь — госпиталь (простонародное произношение).

Передвоить землю — вспахать дважды в клетку.

Петрова неделя — неделя Петрова поста, бывающего перед Петровым днем, т. е. 29 июня (старого стиля).

Плацдарм — площадь перед укреплением, удобная для боя.

Погреб — помещение для пороха, охраняемое толстым слоем земли.

Подъемные деньги — деньги, дававшиеся лицам, отправляющимся по казенному поручению.

Покорные — Толстой в «Рубке леса» подразделяет всю совокупность русских солдат на три типа: покорных, начальствующих и отчаянных (см. гл. 2).

Покров богородицы — церковный праздник, празднуемый 1 октября.

Понтировать — ставить в карточной игре ставки против банкомета.

Понтоны — особого устройства суда для наводки пловучих мостов.

Посконный — лучший рубашечный холст.

Поярковая шляпа — сваленная из поярки, шерсти, руна с овцы по первой осени (ярки).

Прапорщик — младший обер-офицерский чин.

Преферанс — карточная игра.

Прикрытие — пехотная часть, защищающая артиллерийскую позицию.

Редут — полевое укрепление, окруженное земляным валом и рвом.

Рогульки — железные шарики или пластинки с остриями, употреблявшиеся в старину у нас для разбрасывания на пути неприятельской конницы.

Ряда — ряд, условие, договор, соглашение.

Сигарочница — мундштук.

Сикурс (франц. secours) — резервные войска.

Снытка — снедь, еда.

Сохи, сошки — столбы, подставки, подпоры.

Станина — основная часть орудийного лафета (станок под орудие).

Стклянки — морские песочные часы с делениями суток на шесть вахт, каждой вахты на четыре часа. Восьмая стклянка означает 4, 8 и 12 часов.

Стуцер. См. Штуцер.

Суздальские картинки — лубочные картинки; произошло от грубого кустарного производства дешевых икон в Суздальском уезде.

Сходцы — лесенка.

Траверс — земляная насыпь для закрытия внутренностей укреплений от поражения с фланга и с тыла.

Траншея — ров с насыпью для защиты от огня противника.

Трубка — трубка, вставленная в очко бомбы, наполненная горючим составом и передающая огонь запалу.

Туры — особого устройства плетенки из прутьев, наполненные землей; они употреблялись при устройстве укреплений.

Фасы бастиона — две передние стенки бастиона, находящиеся под углом друг к другу.

Фельдфебель — старший из унтер-офицеров.

Ферма — хутор с молочным хозяйством. Мысль об устройстве фермы одно время очень занимала Толстого. В его бумагах есть заметка 1856 г. «О фермерстве в связи с вопросом об освобождении крестьян». См. 5 т.

Фортоплясы (форты-плясы) — шутливое название фортепьян.

Фуражир — лицо, ведающее сбор припасов для команды.

Фуражные — деньги на корм лошадей.

Фейерверкер — старший из прислуги у орудий в сухопутной армии.

Фурштадский солдат — солдат из военной обозной части.

Хандшпуг — рычаг для поворота орудий и для поднятия грузов.

Цапфы — цилиндрические выступы по бокам орудия, при помощи которых оно лежит на станке.

Чашки — лунки на конских зубах, по коим узнается возраст.

Шаланда — грузовая баржа.

Шанцы — окопы для прикрытия от огня противника.

Шпанская мушка — жучек, из которого приготовляют нарывной пластырь того же названия.

Штурманский унтер-офицер — унтер-офицер, заведующий сигнальной частью.

Штуцерные — стрелки, вооруженные штуцерами.

Штуцер (стуцер) — первоначальное название нарезного ружья.

Штучный стол — составленный из частей, мозаичный, инкрустированный.

Элевационный станок — орудийный станок особого устройства, приспособленный для действия под большими углами возвышения.

Эс — скамейка в форме французской буквы S, на которой сидят, обернувшись друг к другу.

Юнкер — унтер-офицер из дворян.

Ящичные — лошади в артиллерии для перевозки снарядов.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН.

В настоящий указатель введены имена личные и географические; названия исторических событий (войн, сражений, революций и т. п.), учреждений, издательств; заглавия книг, названия статей, журналов, газет, произведений (слóва, живописи, скульптуры, музыки); имена героев художественных произведений не Толстого и Толстого, когда последний упоминает их не в тех произведениях, где они выведены. Знак ‖ означает, что цифры страниц, стоящие после него, указывают на страницы текста не Толстого.

Австрия — Австрийская империя, с 1868 г. получившая название Австро-Венгерской империи, после мировой войны 1914 — 1918 гг. распавшаяся на республики Чехо-Словакию, Венгрию, Австрию, часть королевства Юго-Славского и часть республики Польши. Во время Восточной войны 1853 — 1856 г. Австрия 20 апреля 1854 гг. заключила с Пруссией договор о взаимной помощи с требованием к России удалить войска из Придунайских княжеств — 91.

Адмиралтейство старое — с двумя эллингами и корабельными мастерскими находилось в Севастополе на западном берегу Южной бухты, между бухтой и Екатерининской улицей — 85.

Академия генерального штаба — ‖ 419.

Александр I Павлович (1777 — 1825) — император всероссийский (с 1801 г.). «С височками Александр I» — обычная прическа Александра I — 297, ‖ 397.

Александр II Николаевич (1818 — 1881) — император всероссийский (с 1855 г.) — 296, 298, ‖ 385, 414, 422, 425, 430.

Александровская батарея. См. Батареи.

Алексеев Никита Петрович — командир батарейной № 4 батареи 20 артиллерийской бригады, в которой Толстой служил в бытность свою на Кавказе — 284.

Альма — река в Крыму, впадающая в море в 25 верстах севернее Севастополя. См. Альминское дело.

Альманах «Круг». Кн. 6. — ‖ 383.

Американский (Мериканский) флот — флот Северо-Американских Соединенных Штатов — 107, 296, ‖ 417.

Аносов Иван Васильевич — офицер 14 артиллерийской бригады, участник Крымской войны 1854 — 1856 гг. — ‖ 419, 420.

Арсеньева В. В. См. Волкова В. В.

Архив Комиссариата просвещения — теперь одна из частей Ленинградского отделения Центрархива — ‖ 392.

«Архив села Карабихи» — ‖ 383, 410.

Аршава. См. Варшава.

Балаклава — безуездный город Таврической губ. в 13 верст. на юг от Севастополя при небольшой глубокой бухте. Был взят англичанами 14 сент. 1854 г. — 20, 56, ‖ 414, 429.

Балюзек Лев Федорович (1822 — 1879) — штабс-капитан артиллерии, впоследствии свиты ген.-майор, управляющий областью оренбургских киргизов, затем ген.-лейтенант и военный губернатор Тургайской области — 282, ‖ 408, 421.

Бастионы:
— 1-й бастион — бастион крайнего левого фланга на восточной части Севастопольской оборонительной линии на высоте между Килен-балкой и Ушаковой балкой (Корабельная сторона) — 116, 300—302, 305, 306.
— 2-й бастион — бастион на восточной части Севастопольской оборонительной линии на скале между Ушаковой и Килен-балкой вправо от 1-го бастиона (Корабельная сторона)—111, 116, 300—302, 304 — 305.
— 3-й бастион — бастион на средней части Севастопольской оборонительной линии на Бамборской высоте над Лабораторной балкой — юго-восточное укрепление Севастополя (Корабельная сторона) —111, 301, 303 — 305.
— 4-й бастион — самое южное укрепление Севастопольской оборонительной линии; расположен на Бульварной высоте между Городским оврагом и Бульварной лощиной (Городская сторона) — 10, 11, 13, 26, 32, 299, 300, 303 — 306, || 383, 384, 417.
— 5-й бастион — западное укрепление Севастопольской оборонительной линии; расположен на гребне между Городским оврагом и Загородной балкой (Городская сторона) — 7, 26, 78, 82 — 84, 90, 111, 114, 299, 303—306, || 391.
— 6-й бастион — западное укрепление Севастопольской оборонительной линии вправо от 5 бастиона на высоте между Городским оврагом и Загородной балкой (Городская сторона) — 290, 306, || 391.
— 7-й бастион — укрепление крайнего правого фланга Севастопольской оборонительной линии на берегу рейда (Городская сторона) — 306.
— Корниловский бастион — одно из укреплений Малахова кургана; место смертельного ранения адм. Корнилова — 105, 112, 302, || 417.

Батареи:
— Батарея Александровская — береговая батарея на южной стороне Севастополя на мысе между Карантинной и Артиллерийской бухтами—116.
— Батарея Будищева № 3 — небольшая батарея на восточной части Севастопольской оборонительной линии на север от 3 бастиона у Докового оврага — 305.
— Батарея Генрихова № 124 — батарея полк. Геннериха на 2 оборонительной линии позади 2 бастиона (построена в самом конце осады в средине августа 1855 г.)— 302, 304.
— Батарея Жерве № 6 — батарея между Доковой балкой и Малаховым курганом — 302,304.
— Батарея Забудского (или Забудского) № 8 и № 35 — батарея в траншее городского оврага на восток от редута Шварца—303, 305.
— Батарея Корниловская. См. Бастион Корниловский.
— Батарея Михайловская — батарея на Северной стороне Севастопольской бухты у самого моста, ведшего на Южную сторону к Николаевской батарее; обе эти сильные каменные батареи были построены еще до войны с союзниками, в 1852 г.—80.
— Батарея Николаевская — батарея на Южной стороне Севастополя по северо-западному берегу мыса, отделяющего Артиллерийскую бухту от Южной. Это было громадное каменное сооружение длиною в 227 саженей в три яруса казематов, единственное на всей Южной стороне, которое не пробивали бомбы; в конце осады сюда перекочевала вся жизнь Севастополя; сюда перенесена церковная служба; здесь было торговое отделение; жил военный губернатор; здесь же был перевязочный пункт— 82 — 84, 90, 116, 118, 306, || 422, 429, 430.
— Батарея № 18 (Панфирова) — на Малаховом кургане слева от полукруглого гласиса Малаховой башни — 304, 305.
— Батарея Парижская № 10 — батарея, находившаяся около 1 бастиона (крайний левый фланг)—302, 304.
— Батарея Усова — одна из батарей 2 участка 3 отделения Севастопольской оборонительной линии над Лабораторной балкой правее 3 бастиона — 300, 305.
— Батарея Шемякина № 26 — батарея на запад от бастиона № 6 — || 391.
— Батарея № 10 (в начале «Донесения» ошибочно названная

бастионом) — батарея на мысу у Карантинной бухты — 299, 306.

Баумгартен Александр Карлович (1815 — 1883) — ген.-адъютант, ген.-от-инфантерии. Во время Восточной войны 1853 — 1856 гг. сначала находился в Южной армии, где командовал полком, затем командовал 1 бригадой 10 пехотной дивизии, входившей в состав Севастопольского гарнизона. Впоследствии был начальником Николаевской академии генерального штаба — 283.

Бахус — бог вина в греческой мифологии; «в Бахусе» — в состоянии опьянения — 319.

Бахчисарай — город Таврической губ. в 30 верстах от Симферополя. В Крымскую войну там находился госпиталь—60, || 385, 387, 424, 428.

Безак Александр Павлович (1801 — 1868) — ген.-адъютант и ген.-от-артиллерии. Во время Крымской войны был начальником штаба инспектора всей артиллерии и управляющим артиллерийским департаментом. Впоследствии был командующим отдельным Оренбургским корпусом и оренбургским и самарским ген.-губернатором. Затем (с 1868 г.) назначен командующим войсками Киевского военного округа и ген.-губернатором киевским, подольским и волынским—283.

Бекетов Владимир Николаевич (р. 1809) — цензор «Современника»— || 385, 389.

Белевцов Дмитрий Николаевич (1800 — 1883) — генерал-от-инфантерии; в 1841 г. оставил военную службу в чине ген.-майора; в 1855 г., вернувшись на службу, получил начальство над Курским ополчением и принял участие в Крымской войне— || 419, 421, 423.

Белкина редут. См. Редут Белкина.

Бельбек — река на север от Большой Севастопольской бухты, текущая параллельно бухте и впадающая в море; вдоль по реке шел тракт к Северной стороне Севастополя — 74, || 383,391, 413, 414, 416.

Бессарабия — область между Днестром и Прутом, принадлежавшая России с 1809 по 1917 г.— || 429.

Библиотека морская — библиотека в Севастополе, основанная адмиралом А. С. Грейгом; находилась на самом высоком месте города на Городской стороне— 111.

Бирюков Павел Иванович (1860—1931)—биограф Толстого— || 420.

Бирюков П. И., «Биография Л. Н. Толстого» — || 385, 389, 419, 427.

Боборыкин Константин Николаевич (1829 — 1904) — в 1854 г. поручик артиллерии, впоследствии генерал - лейтенант, оренбургский военный губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска, затем орловский губернатор с 1876 до 1888 г. До занятия места оренбургского военного губернатора Боборыкин состоял при гр. Н. П. Игнатьеве в Китае, и был консулом в Урге—282, 283, || 408.

Большая улица. См. Морская улица.

Большой мост. См. Мост Большой.

Большой Редут. См. Редут Новый.

Боткин Василий Петрович (1811 — 1869) — писатель — || 405, 406.

Бригады:

— Бригада 11 артиллерийская— 302, 304, || 393.

— Бригада 12 артиллерийская— 301, 304.

— Бригада 17 артиллерийская— 304.

— Бригада 14 артиллерийская— || 419.

— Бригада 20 артиллерийская— 284.

Бриммер Эдуард Владимирович (1797 — 1874) — известный боевой кавказский генерал. В период Восточной войны был начальником артиллерии Кавказского округа (в 1848 — 1856 гг.). Его воспоминания напечатаны в «Кавказском сборнике», тт. 15 — 18. Толстой обращался к нему по служебным делам в ноябре 1852 г., когда был в Тифлисе — 283.

Будищева батарея. См. Батареи.

Бульвар — бульвар в центральной нагорной части Севастополя, ныне известный под названием Мичманского, называвшийся тогда Малым в отличие от Большого, до осады находившегося на месте

4 бастиона (А. Н. Ершов, «Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера», П. 1891, стр. 109). На нем находится упоминаемый в конце рассказа «Севастополь в мае» памятник Александру Ивановичу Казарскому (1797 — 1833), в виде римской триремы, в память подвига, совершенного находившимся под его командой бригом «Меркурием» в сражении с двумя турецкими линейными кораблями 14 мая 1829 г. — 19, 20, 22, 29, 52, 54, 55, 111.

Бутурлин Сергей Петрович (ум. в 1873 г.) — ген.-от-инфантерии. В начале Восточной войны 1853 — 1856 гг. состоял начальником штаба войск, собранных в Придунайских княжествах, потом был ген.-квартирмейстером армии — 283, || 422.

Бухмейер Александр Ефимович (1802 — 1860) — инженер, ген.-лейтенант. Известен постройкою понтонного моста через Севастопольскую бухту — || 422.

Валахия — юго-западная часть нынешнего государства Румынии. Во время Восточной войны 1853 — 1856 гг. называлась княжеством и управлялась господарями; была сначала занята русскими войсками; по договору с Австрией 14 июня 1854 г. военная оккупация была предоставлена Австрии. Валахия находилась под протекторатом Турции — 282, 298.

Варшава — во время Крымской войны столица Царства Польского. — По простонародному выговору Аршава — 110.

Васильчиков кн. Виктор Илларионович (1820 — 1878) — ген.-майор свиты, начальник штаба Севастопольского гарнизона — 307, || 422.

Веймарн Петр Владимирович (уб. под Федюхиными высотами 4 авг. 1855 г.) — один из очень образованных офицеров того времени; окончил курс Военной Академии, работал по истории войн, занимался живописью у Лампи — 283, 308, || 419, 422.

Венюков Михаил Иванович (1832 — 1901) — географ, писатель и путешественник — || 419.

Венюков М. И. сообщ. «Песня о Севастополе» — || 419.

Виктория (1819 — 1901) — королева Великобритании и Ирландии — 296.

Винница — уездный город Подольской губ. на р. Буге — 23.

Воейков Александр Сергеевич (р. в 1801 г.) — опекун малолетних Толстых — 364, || 402.

Волкова Валерия Владимировна, рожд. Арсеньева (1836 — 1909) — || 405.

Волково поле — стрельбище в Петербурге — 105.

«Воспоминания об осаде Силистрии» — статья неизвестного автора из кружка артиллерийских офицеров, статьи которых Толстой предлагал Н. А. Некрасову для «Современника» — || 383.

Врангель Карл Карлович (ум. 1872 г.) — ген.-от-инфантерии — || 430.

Вревский бар. Павел Александрович (р. 1808 г., уб. 4 авг. 1855 г.) — ген.-лейтенант и ген.-адъютант, директор канцелярии военного министерства. Письма его к военному министру кн. В. А. Долгорукову за время его командировки в Севастополь, в которых он настаивал на необходимости перейти в наступление, были напечатаны Н. К. Шильдером в «Военном сборнике» 1903 г. — 307, || 421, 422.

«Вышла радость на крыльцо» — цыганская песня — 198.

Гасфортова гора — гора на левом берегу р. Черной, близ дер. Чаргун — || 422, 423.

Гёзлев — татарское название Евпатории (русское произношение Козлов) — || 431.

Генрихова батарея. См. Батареи.

Георгий — святой, так называемый Победоносец (уб. 303 г.) — 295.

Герцен Александр Иванович (1812 — 1870) — писатель — || 427.

Глебов Порфирий Николаевич — || 393.

Глебов П. Н. «Записки» — || 393, 420.

Гомер — легендарный творец Илиады и Одиссеи — 24.

Гончаров Иван Александрович (1814—1891) — писатель — || 405.

Горчаков — 364.

Горчаков кн. Михаил Дмитриевич (1791 — 1861) — ген.-адъю-

тант, троюродный дядя Толстого. При начале войны 1853 — 1856 гг. командовал войсками, действовавшими на Дунае, потом был назначен главнокомандующим Южной армией, а в феврале 1855 г. и главнокомандующим Крымской армией; после смерти кн. Паскевича в январе 1856 г. был назначен наместником Царства Польского и главнокомандующим 1-й армии и занимал эту должность до самой смерти — 75, 283, 295, 296, 307, || 383, 387, 410, 413, 415, 417, 420 — 423, 426, 427, 430.

Горчаков кн. Петр Дмитриевич (1785 — 1868) — ген.-от-инфантерии; служил на Кавказе, был генерал-губернатором Западной Сибири. В начале Восточной войны был в распоряжении кн. А. С. Меншикова — || 413, 429.

Графская — пристань на Городской стороне Севастополя вблизи выхода Южной бухты в Большую бухту — 3, 5, 88.

Греция — древняя Греция или Эллада — 16, || 413.

Греческие волонтеры — местные греки из легиона имп. Николая I — 61.

Данненберг Петр Андреевич (1792 — 1872) — ген.-от-инфантерии, во время Крымской войны командир корпуса; после Инкерманского сражения, которым руководил, был переведен в Петербург и сделан членом военного совета — || 413, 424, 429.

Дворянский полк — военно-учебное заведение для подготовки молодых дворян, начиная с 16-летнего возраста, к военной службе; учрежден в 1807 г. под названием волонтерского корпуса, с 1808 г. получил наименование Дворянского полка, под которым и просуществовал до 1855 г., когда был преобразован в Константиновский кадетский корпус — 67.

Дивизии:

— Дивизия 12 пехотная — || 423.

— Дивизия 7 пехотная — || 423.

Доковая стена — стена, ограждающая доки (на Корабельной стороне Севастополя) — || 393.

Доковый овраг — овраг, являющийся продолжением Корабельной бухты, идущий с юго-востока на северо-запад по направлению к докам, отделяющий Малахов курган и смежные укрепления от батарей, примыкающих к 3 бастиону — 303.

Долгоруков кн. Василий Андреевич (1804 — 1868) — военный министр в 1853 — 1856 гг., впоследствии шеф жандармов и главный начальник III отделения — || 421.

Дом с римскими цыфрами на фронтоне — дом Благородного Собрания в Севастополе — главный перевязочный пункт, где почти безвыходно работал Н. И. Пирогов — 5, 6.

Доницетти Гаэтано (1797 — 1848) — итальянский композитор — 79 («Лучия»).

«Достойно» — «Достойно есть» — церковное песнопение, исполняемое в главной части обедни, в конце ее — 311.

Дубровин Н. Ф., «История Крымской войны и обороны Севастополя». СПб. 1900 — || 429.

Дуванкой — селение и почтовая станция на правом берегу р. Бельбека, иначе Дуванка — 60, 63, 69, 74

Дудышкин Степан Степанович (1820—1866) — писатель — || 405, 407.

Евпатория — уездный приморский город Таврической губ. на север от Севастополя в расстоянии от него по морю в 50 верстах. В самом начале Крымской войны, 1 сентября 1854 г., город был взят войсками союзников и оставался в их руках до конца — 20, || 412, 414, 428, 430.

Екатерининская улица — одна из главных улиц Севастополя, идущая от Николаевской площади к Театральной площади, параллельно Южной бухте — 84.

Ергольская Татьяна Александровна (1795 — 1874) — троюродная тетка Толстого — || 393, 409 — 411, 417.

Ерофеич. См. Остен-Сакен. гр. Д. Е.

Жерве батарея. См. Батареи.

Забуцкого батареи. См. Батареи.

Затлер Федор Карлович (1805—1876) — ген.-интендант Крым-

ской армии; им была дана мысль о постройке моста через Большую Севастопольскую бухту — || 422.

Зацепин Николай Константинович (1819 — 1855) — полковник, командир 3 саперного батальона. Первоначально служил на Кавказе, потом принимал деятельное участие в укреплении Севастополя. Состоял почетным вольным общником Академии Художеств, ученик К. П. Брюллова — 284.

Зеленая гора — высота на юг от Южной бухты между Лабораторной и Сарандинакиной балками; на ней находились английские батареи — 18, 301.

Золотая — улица в Кишиневе, потом называвшаяся Пушкинской — 283, || 408.

Зорин Аполлинарий Александрович — капитан 1 ранга, по предложению которого был загражден Севастопольский рейд потоплением нескольких кораблей — || 428.

Зуавы — особые войска во французской армии (Zouaves), первоначально состоявшие из туземцев Алжира (племя Зуауа) — 57.

«Известия Общества Толстовского музея» — || 396.

«Инвалид». См. «Русский инвалид».

Инкерман — урочище при впадении Черной речки в Большую Севастопольскую бухту с развалинами древней крепости и остатками пещерного города. При Инкермане 24 октября 1854 г. произошло кровопролитное сражение — 60, 111, || 413.

Инкерманская гора — гора, на которой расположен Инкерман — || 429.

Иннокентий (Борисов) (1800 — 1857) — архиепископ херсонский, знаменитый проповедник и богослов — 283.

Институт русской литературы (б. Пушкинский Дом Академии наук) — || 388, 395.

Исаков Николай Васильевич (1821 — 1891) — свиты ген.-майор — || 422.

Кавказ — || 409.

«Кавказ» — газета — || 409.

Казарский Александр Иванович. См. Бульвар.

«Как восьмого сентября мы за веру, за царя от француз ушли...» — севастопольская песня, в составлении которой принимал участие Толстой — || 418, 421, 424 — 430.

Камчатская (гора) — 301.

Камчатский редут. См. Редут Камчатский.

Канробер (François Canrobers) (1809 — 1895) — главнокомандующий французской армии, заменивший Сент-Арно — || 429.

Кантакузен — кн. ген.-майор, состоящий по артиллерии для особых поручений при инспекторе всей артиллерии (1855 г.) — 284.

Карантинная бухта — самое западное ответвление Большой Севастопольской бухты на восток от Стрелецкой Херсонского полуострова — || 391.

Карлгоф Николай Иванович — заведующий штабом войск, на Черноморской береговой линии расположенных, затем обер-квартирмейстер при штабе наместника Кавказского. В бытность Толстого на Кавказе служил в 20 артиллерийской бригаде, где находился и Толстой — 283.

Кастор — один из мифологических близнецов, прославившихся своей искренней дружбой — 359.

Кача — река на Крымском полуострове, впадающая в Черное море — || 414, 428.

Кебеке Август Фердинандович — капитан генерального штаба (1854 г.), затем подполковник; состоял в распоряжении начальника главного штаба и ген.-квартирмейстера Южной армии и войск, в Крыму находящихся — 282.

Келим-балка. См. Килен-балка.

Керменчик — татарское селение близ Бахчисарая — || 394.

Киев гор. — || 392.

Кизляр — гор. Терской обл. на Тереке — 284.

Килен-балка (Келим-балка) — глубокий овраг с восточной стороны Севастопольских укреплений, оканчивающийся Килен - бухтой Большой Севастопольской бухты — 301, 305.

Кишинев — главный город Бессарабии — || 386, 407, 423.

Кларан — местечко на берегу

Женевского озера в Швейцарии — || 406.

Князьки. См. Николай Николаевич и Михаил Николаевич в. к.

Ковалевский Егор Петрович (1811 — 1868) — государственный деятель, писатель и путешественник. Состоял при штабе кн. М. Д. Горчакова — 282, 284, || 387, 402, 419.

Ковалевский Петр Петрович (1808 — 1855) — ген.-лейтенант. В 1840-х гг. служил на Кавказе, с 1843 г. командир 20 артиллерийской бригады, в которой с 1852 г. был Толстой; затем с 1853 г. начальник правого фланга Кавказской линии. Умер от раны, полученной при штурме Карса — 283, 284, || 412.

Козлов (тат. Гёзлев) — старинное название Евпатории — || 430.

Козлянинов Николай Федорович (1818 — 1892) — полковник Ольвиопольского уланского полка, впоследствии ген.-адъютант — || 421, 422.

Колошин Валентин Павлович (уб. в 1855 г.) — прапорщик 11 артиллерийской бригады, приятель Толстого — || 388.

Колюбакин (ошибочно назван Кулебякин) Николай Петрович (1810 — 1868) — ген.-лейтенант с 1861 г., начальник Черноморской береговой линии во время Восточной войны 1853 — 1856 гг., затем управляющий Мингрелией, потом Эриванский военный губернатор. Колюбакин был причастен к исторической и военной литературе — 283.

Комстадиус Иосиф Карлович (уб. в 1854 г. в Инкерманском сражении) — штабс-капитан артиллерии — 282, || 408.

«Константин» — корабль — 4.

Константин Николаевич (1827 — 1892) — великий князь, второй сын имп. Николая I. Один из деятельных помощников Александра II по проведению «великих реформ». С 1855 г. управлял флотом и морским ведомством — 107 («Кистянтин, царев брат»), 296, || 416.

Константинов Константин Иванович (1819 — 1871) — артиллерист, ген.-лейтенант, известный рядом ученых статей — 419.

Константинов Осип Ильич (1813 — 1856) — писатель, первый редактор газеты «Кавказ» — || 409.

Корабельная слободка — предместье Севастополя — часть Корабельной стороны, находящаяся между Корабельной бухтой, доками и Ушаковой балкой — 306.

Корабельная (сторона) — восточная часть Южной стороны Севастополя (расположенная на юг от Большой бухты); она отделяется от западной части Южной стороны, называемой Городскою, Южной бухтой — 63, 83 — 85, 304.

Корабельный Малый мост. См. Мост Малый Корабельный.

Коржановский. См. Крыжановский.

Корниловская батарея. См. Бастион Корниловский.

Корнилов Владимир Алексеевич (р. 1806, ум. 6 октября 1854 г.) — вице-адмирал, один из главнейших деятелей Крымской войны, главный руководитель устройства оборонительных укреплений Севастополя. Был смертельно ранен при первой бомбардировке Севастополя — 4, 16, || 428.

Корпуса пехотные — 3, 4, 5, 283.

Корш Евгений Федорович (1810—1897) — журналист и переводчик, издатель журнала «Атеней» — || 389.

Костомаровский редут. См. Редут Костомаровский.

Коцебу гр. Павел Евстафьевич (1801 — 1884) — ген.-адъютант, член Государственного совета. Начал службу на Кавказе; во время Восточной войны сначала служил в Дунайской армии, потом переведен в Севастополь, где был начальником штаба Южной армии и всех сухопутных и морских сил, расположенных на Крымском полуострове. С 1862 г. был новороссийским и бессарабским ген.-губернатором. С 1874 по 1880 г. состоял варшавским ген.-губернатором и командующим войсками варшавского военного округа — 283, || 412.

Краевский Андрей Александрович (1810 — 1889) — журналист, издатель — || 403—405.

Крыжановский Николай Андреевич (1818 — 1888) — ген.-адъютант, ген.-от-артиллерии. В

начальный период Восточной войны был начальником артиллерии Южной армии. После назначения кн. Горчакова главнокомандующим занял место начальника штаба артиллерии. По окончании войны был назначен начальником Артиллерийского училища и Академии (до 1860 г.); затем после ряда других должностей назначен оренбургским генерал-губернатором и командующим войсками (с 1865 по 1881 г.). Написал несколько руководств и статей по артиллерийскому делу, воспоминания об отдельных эпизодах Севастопольской обороны и роман «Дочь Алаяр-хана» (1884)— 282, 284 (Коржановский), || 393, 412, 417, 418, 422.

Крым — то же, что Таврический или Крымский полуостров — || 386, 417, 426, 430.

Кулебякин. См. Колюбакин.

Курск — губернский город — 162, 354.

Курское ополчение — || 423.

Кущин дом — дом Гущина на Городской стороне Севастополя, между Екатерининской и Морской улицами, близ Малого бульвара, превращенный в госпиталь, где находились смертельно раненые и гангренозные — 91.

Лебедев Иван Семенович (ум. 1868 г.) — полковник, сапер. Сначала служил на Кавказе; во время Восточной войны 1853 — 1856 гг. находился сначала в Южной армии, затем служил в Севастополе — 283.

Левин Лев Федорович — командир 20 артиллерийской бригады (с 1852 по 1855 г.), в которой Толстой служил в бытность свою на Кавказе — 283.

Лександра адмирал. См. Меншиков кн. А. С.

Ленинград — 392.

Ленинградское отделение Центрального исторического архива — || 392.

Липранди Павел Петрович (1796 — 1864) — генерал-от-инфантерии. Начал службу в 1813 г., участвовал в походе во Францию, в войне с Турцией 1828 — 1829 гг., в подавлении восстания поляков 1831 г. В начале войны 1853 — 1856 гг. командовал особым отрядом в Валахии, потом был переведен в Крымскую армию, где особенно отличился в сражении при Балаклаве, выполненном по его плану — 283, 307, || 420 — 424, 427, 428.

Лондон — столица Великобритании — || 426.

Лугинин Владимир Федорович (1834 — 1911) — прапорщик артиллерии, впоследствии профессор Московского университета — || 420.

Луначарский А. В. См. Толстой «Избранные произведения».

«Лучия» См. Доницетти.

Люнет Белкина. См. Редут Белкина.

Лященко — Евгений Александрович — || 396.

Малахов курган — одно из главнейших укреплений Севастополя, расположенное на восточной стороне оборонительной линии, между 2-м и 3-м бастионами; в значительной мере это был ключ всей Севастопольской позиции. — 64, 104, 111, 112, 114, 117, 300, 305, || 393, 394, 418.

Малый бульвар. См. Бульвар.

Малый Корабельный мост. См. Мост Малый Корабельный.

Мамадыш — уездный город Казанской губ. на р. Вятке — 23.

Мартинау Карл Александрович (ум. 1863? г.) — ген.-лейтенант. В офицерских чинах с 1817 г. Во время штурма Малахова кургана в августе 1855 г. был тяжело ранен. С 1859 г. директор Финляндского кадетского корпуса — || 419, 422.

Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый по устройству Севастопольского музея под ред. Н. Ф. Дубровина. Спб. 1871—1874 — || 429.

Мекензиевы горы — возвышенность в окрестностях Севастополя — || 422.

Меншиков кн. Александр Сергеевич (1787 — 1869) — ген.-адъютант, адмирал, во время войны 1853 — 1856 гг. главнокомандующий Крымской армии (до 15 февраля 1855 г.) — || 415, 417, 424 («князь Лександра»), 425 («Менщик»), 426 (idem), 427 — 430.

Менщик. См. Меншиков кн. А. С.

Меньков Петр Кононович (в рукописи ошибочно — Миньков)

(1814 — 1875) — ген.-лейтенант, известный военный писатель и деятель, редактор «Русского инвалида» и «Военного сборника» — 282, || 420.

Мериканский флот. См. Американский флот.

Милошевич Мария Николаевна — дочь Н. С. Милошевича, издательница его воспоминаний — || 418, 419.

Милошевич Николай Степанович (1828 — 1901) — участник кампании 1853 — 1856 гг. и обороны Севастополя. Автор воспоминаний: «Из записок севастопольца» СПб., 1904 — || 418 — 420.

Милютин гр. Дмитрий Алексеевич (1816 — 1912) — ген.-адъютант, военный министр, военный писатель и деятель — 283.

Миньков. См. Меньков.

Митрофаний (1623 — 1703) — епископ воронежский, святой — 27, 52.

Михаил Николаевич (1832 — 1909) вел. кн. — четвертый сын имп. Николая I — || 412, 414, 415, 418, 425 (один из «князьков»), 429.

Михайловская батарея. См. Батареи.

Маяковский В. В. «Неизданные строки Л. Н. Толстого. Ночь весною 1855 г. в Севастополе» — || 392.

Мольер (1622 — 1673) — «Тартюф» 364 (Тартюф).

Морская улица (Большая улица) — одна из главных улиц Севастополя, идущая от Николаевской площади к Театральной в западной его части — 19, 82.

Моод (Almer Mood) — английский писатель, председатель Толстовского Общества в Лондоне, биограф Толстого — || 386, 389.

Москва — 62, 63, 67, 71, 72, 162.

Мост Большой через бухту — пловучий мост, устроенный в конце осады Севастополя между Михайловской (на Северной стороне) и Николаевской (на Южной стороне) батареями; он имел в длину 430 саж. и 20 саж. пристаней, в ширину 3 сажени. По нему совершалось 27 августа 1855 г. отступление Севастопольской армии на Северную сторону — 80, 116, 118, 299.

Мост Малый Корабельный — мост через Южную бухту с Городской стороны на Корабельную — 85.

Мусин-Пушкин Михаил Николаевич (1795 — 1862) — попечитель Петербургского учебного округа и начальник Цензурного комитета в 1845 — 1856 гг. — || 390.

Мусин-Пушкин Н. С. — || 421.

Наполеон I (1769 — 1821) — французский император — 39,53, || 397.

Наполеон III (1808 — 1873) — французскийимператор — 20, 296.

Некрасов Николай Алексеевич (1821 — 1877) — поэт и журналист, издатель и редактор «Современника» — 282, || 383, 389, 390, 395, 410, 411.

Николаев — гор. Херсонской губ. на Черном море при Бугском лимане, впоследствии сильная крепость с большими верфями для постройки военных судов — 296, || 429.

Николаевская батарея. См. Батареи.

Николаевские казармы — казармы на Николаевской батарее — 19, 80, 104, 114, || 394.

Николай I Павлович (1796 — 1855) — император всероссийский (с 1825 г.) — 80, 286, 291, || 383, 410, 412, 414, 425, 426, 428, 430.

Николай Николаевич (1831 — 1891) вел. кн. — третий сын имп. Николая I — || 412, 414, 415, 425 (один из «князьков»), 429.

Николай Чудотворец — архиепископ мирликийский — || 414

Новосильский Федор Михайлович (род. 1808) — командир Севастопольского порта — || 422.

Новый городок — иначе Балаганный городок, на Северной стороне Севастополя. В начале осады он устроился у самой Куриной балки на берегу Большой бухты, потом по мере увеличения досягаемости неприятельских снарядов отодвинулся значительно в глубь материка — 76.

Новый редут. См. Редут Новый.

Одесса (Одест) — первый по торговле русский порт на Черном море — 67, 161, 170, 357, || 412, 429.

Одест. См. Одесса.

Один из участников в составлении Севастополь-

ской песни «Севастопольская песня» — || 421.

«Описание обороны Севастополя». Составлено под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. СПб. 1863 и 1868 гг.— || 391.

Остен-Сакен гр. Дмитрий Ерофеевич (1789—1881) (Ерофеич)— ген.-адъютант, ген.-от-кавалерии, начальник Севастопольского гарнизона, участник всех войн России, начиная с 1805 г. — 308, 421 (Ссакин), 422, 425, 428 (Ссакин), 430.

Отделения — вся оборонительная линия Севастопольских укреплений для удобства командования была разделена сначала на три, потом на четыре и наконец на пять отделений; два (1-е и 2-е) приходилось на Городскую сторону и два, а потом три (3-е, 4-е и 5-е) на Корабельную. Войска Городской стороны и войска Корабельной в отношении общего командования были обособлены друг от друга — 301.

«Отечественные записки» — журнал, выходивший в Петербурге в 1839 — 1884 гг. — 103, || 397, 403, 405 — 407.

«Отче» — молитва «Отче наш» — 170.

Павлов Прокофий Яковлевич (1796 — 1868) — ген.-лейтенант, командир 11-й, потом 17 пехотной дивизии — || 425, 429.

Павловская набережная — набережная у Павловской береговой батареи, находившейся на Корабельной стороне на мысе, образуемом Корабельной бухтой и Большой Севастопольской бухтой — 48.

Панаев Иван Иванович (1812 — 1862) — писатель — || 385, 386, 388 — 392.

Панфилова батарея. См. Батареи.

Парижская батарея. См. Батареи.

Пелисье (Pélissier), Жан-Жак (1794 — 1865) — главнокомандующий французских войск во время Крымской войны с мая 1855 г., сменивший Ф. Канробера. За взятие Малахова кургана он получил звание герцога — duc de Malakov — 75.

Перевязочный пункт. — На южной стороне Севастополя было четыре перевязочных пункта; один из них находился в Николаевской батарее — 37, 38, 82 — 84.

Перекоп — уездный город Таврической губ. на перешейке, соединяющем Крымский полуостров с материком — 68.

Песня про сражение на р. Черной. См. Толстой «Как четвертого числа».

Песчаная бухта — Песочная или Круглая бухта Херсонесского полуострова — на запад от бухты Стрелецкой и на восток от Камышевой — 299.

Петербург (Санкт-Петербург, Питер, Петроград) — 20, 29, 48, 67, 71, 72, 79, 101, 102, 284, || 385, 395, 412, 419, 421, 425 (Питер), 427, 429.

Петр I (1672 — 1725) — имп. всероссийский — 77.

Пиксанов Н. К. См. Толстой «Избранные произведения».

«Письма Л. Н. Толстого 1848 — 1910 гг.» Собранные и редактированные П. А. Сергеенко. (Толстовский Альманах) М. 1910—1911. — || 386, 393, 409, 410, 413, 419.

«Письмо о сестрах милосердия» — статья неизвестного автора из кружка артиллерийских офицеров, статьи которых Толстой предлагал Н. А. Некрасову для «Современника» — || 383.

«Письмо солдата из Севастополя» — статья неизвестного автора из кружка артиллерийских офицеров, статьи которых Толстой предлагал Н. А. Некрасову для «Современника» — || 383.

Питер. См. Петербург.

Пластуны — название казаков-разведчиков Черноморского казачьего войска. Под Севастополем пластуны входили в состав двух пеших черноморских баталионов — 11, 13.

Плац-бек-Кокум (в тексте «Плац-бек-Кок»), Андрей Петрович — ген.-майор, генерал-полицеймейстер главного штаба Южной армии — 307, || 422.

Плетнев Петр Александрович (1792 — 1865) — друг Пушкина, историк литературы, профессор и ректор Петербургского университета, академик и председательствующий в Отделении русского языка и

словесности Академии наук — || 385.
Полки:
— Екатеринбургский (10 пехотной див.) — 304.
— Житомирский (14 пех. див.)— 303.
— Кременчугский (8 пех. див.) — 302.
— Минский (14 пех. див.) — 304.
— Подольский (14 пех. див.) — || 393.
— Селенгинский (11 пех. див.)— 303.
Полукс (Полюкс) —один из мифологических близнецов, прославившихся своей искренней дружбой — 359.
Полюкс. См. Полукс.
«Полярная звезда» — || 427.
Пруссия — королевство Прусское — 91.
Публичная библиотека Союза ССР им. Ленина (б. Румянцевский музей).— || 391, 395, 407, 411, 415 — 418.
Пушкинская улица. См. Золотая улица.
Пушкинский дом Академии наук. См. Институт русской литературы.
Пятигорск — город Терской области (Кавказ) — || 7.

Раглан лорд Фицрой-Джемс Генри-Сомерсет (1788 — 1855) — фельдмаршал, английский главнокомандующий во время Крымской войны— || 428.
Рачинский Сергей Александрович (1833 — 1902) — профессор Московского университета, педагог, деятель по народному образованию. — || 389.
Реад Николай Андреевич (р. 1792 г., убит под Федюхиными высотами 4 авг. 1855 г.) — ген.-от-кавалерии, участник кавказских войн — 308, || 422, 423.
Рединге р — повидимому в заметке о журнале неточно передана фамилия: возможно Ридигер — Ридигер, Федор Васильевич (1783 — 1856), участник Отечественной войны, Турецкой войны 1828—1829 гг., Венгерской кампании 1849 г.; в 1855 г. был главнокомандующим гвардейским и гренадерским корпусами — 284.
Редуты:
— Редут Белкина (люнет № 7) — укрепление в три фаса на запад от 5 бастиона — 304, || 393.
— Большой редут. См. Редут Новый.
— Редут Камчатский (люнет) — передовое укрепление Севастопольской оборонительной линии на холме впереди Малахова кургана (устроено в феврале 1855 г.); 27 мая 1855 г. он перешел в руки французов, устроивших в нем несколько сильных батарей — 302, 305.
— Редут Костомаровский — батарея № 38 впереди 4 бастиона — 300, 303.
— Редут Новый — редут на склоне Мекензиевых гор — || 422.
— Редут Шварца № 1 — укрепление Севастопольской оборонительной линии между бастионами 5-м и 4-м на гребне между Городским оврагом и Загородною балкою— 25, 113, 299, 303 — 305.
— Редут Язоновский — позади 4 бастиона, образованный в конце ноября или начале декабря 1854 г. из батарей №№ 20, 23, 53 и 62. Язоновским назван по имени брига «Язон», команда которого работала над его сооружением (Тотлебен «Описание обороны Севастополя», т. I. 542 — 543)— 13.
Рогатка — куртина между бастионами Корниловским и 2-м — 103, 300 — 302, 304, 305.
Ромен — Ромны, уездный город Полтавской губернии—161, 170, 354, 357.
Россия — 10, 16, 23, 32, 285, 286, 291, 295, || 384, 413. 427.
Ростовцов гр. Николай Яковлевич (1831 — 1897) — обер-офицер артиллерии Южной армии (1854 — 1855 гг.), впоследствии военный губернатор и командующий войсками Самаркандской области — || 409, 412.
Руководство для артиллерийских офицеров — «Руководство для артиллерийской службы офицерам». Издано по высочайшему повелению (СПб. 1853), составлено штабом инспектора всей артиллерии под руководством ген.-адъютанта А. П. Безака — настольная книга, воспитавшая несколько поколений артиллеристов — 104, 105.

«Русский инвалид» — газета 1813—1917 гг. — 20 («Инвалид»), 22 (id), || 383, 385, 410.

Сакен. См. Остен-Сакен гр. Д. Е.

Сапун-гора — возвышенность на юго-восток от Севастополя — 3, 52.

Саранск — уездный город Пензенской губ. — 5.

Саратов — губернский город — 23.

Севастополь — военно-портовый город на юго-западной оконечности Таврического полуострова—3, 4, 6, 7, 16, 18, 19, 23, 52, 60—62, 65—69, 71—74, 76, 79, 82, 107, 109, 111, 112, 117, 119, 295, 299, || 383, 384—388, 391—395 403, 409, 412, 421—423, 426—430.

«Севастопольская песня «Бой на Федюхиных высотах». См. «Как восьмого сентября».

Севастопольская песня про сражение на р. Черной. См. Толстой «Как четвертого числа».

Севастопольское собрание. См. Дом с римскими цыфрами на фронтоне.

Северная (сторона)—местность на северном берегу Большой Севастопольской бухты — 3, 6, 60, 62, 76, 79, 81, 82, 84, 89, 90, 97, 102, 116, 118, 119, 306, || 393, 415, 417, 427.

Северное укрепление — старинное укрепление на Северной стороне Севастополя, перестроенное после Альминского сражения в сентябре 1854 г. Тотлебеном — 111.

Семякин Константин Романович (1802—1867) — ген.-лейтенант. Во время обороны Севастополя начальник 1-го и 2 отделения Севастопольской оборонительной линии — || 422.

Сент-Арно (Arnaud Jacques Leroy de Saint-Arnaud) (1798 — 1854) — главнокомандующий французской армии в Крыму — || 424, 429.

Сержпутовский Адам Осипович (ум. 1860 г.),— ген.-лейт., начальник артиллерии Южной армии и войск, в Крыму находящихся — || 422.

Сержпутовский Осип Адамович (ум. 1900) — полковник, потом свиты ген.-майор и ген.-от-кавалерии — || 421.

Силистрия — турецкая крепость на правом берегу Дуная — || 383.

Симферополь — губернский город Таврической губ. — 60, 65, 67, 92, 95, 296.

«Снобсы». См. Теккерей В.

Соболев Андрей Ильич — яснополянский бурмистр — 377, || 395.

«Современник» — литературный журнал, издававшийся в Петербурге в 1847 — 1856 гг. — || 383, 385 — 390, 392, 395, 396, 411.

Соймонов Федор Иванович (1800—1854) — командующий 10 пехотной дивизии (с октября 1851 г.); был убит в самом начале Инкерманского сражения 24 окт. 1854 г., в котором командовал правой колонной — 283, || 425, 429.

Сороки — уездный город Бессарабской губ. — 100.

Сражения:

— Альминское дело — сражение на р. Альме 8/20 сентября 1854 г., первое столкновение с союзниками, окончившееся поражением русских — 10, || 411, 417, 427.

— Дело 8 сентября. См. Альминское дело.

— Дело 5 октября — первая бомбардировка Севастополя союзными войсками 5/17 октября 1854 г. — 8, 13, 28.

— Дело 13 октября 1854 г. — сражение под Балаклавой — || 427.

— Дело 24 октября — Инкерманское сражение 24 октября 1854 г. — 10, 102, || 413, 428.

— Дело 10 мая (1855 г.) — || 388, 391, 393.

— Дело 24 числа — 24 августа 1855 г. было произведено шестое усиленное бомбардирование Севастополя, направленное преимущественно на Малахов курган, 2 и 4 бастионы — 106.

— Евпаторийское дело — сражение 5 февраля 1855 г. — || 430.

— Сражение на р. Черной — сражение 4 августа 1855 г. (бой на Федюхиных высотах). Сражение на Черной речке Толстой в рассказе «Севастополь в августе» называет «Инкерманским сражением», как захватившее собою частью и скаты Инкерманских высот. Это сражение произошло незадолго до описываемых в рассказе событий, в то время

как сражение, известное под названием «Инкерманского», было 24 октября 1854 г. В сражении 4 августа принимал участие и сам Толстой — 102, || 418, 419, 421 — 423.

Ссакин. См. Остен-Сакен гр. Д. Е.

Столыпин Аркадий Дмитриевич (1821—1899) —капитан л.-гв. Конной артиллерии, впоследствии генерал-от-инфантерии, генерал-адъютант. После Крымской войны был атаманом Уральского казачьего войска; в конце Турецкой войны (1877 — 1878) ген.-губернатор Румелии и Адрианопольского санджака. Он был причастен к литературе, музыке и скульптуре; в 1855 г. через посредство Толстого напечатал в «Современнике» (№ 7) описание ночной вылазки в Севастополе — 282, || 385, 403, 408, 409.

Суворов Иван Васильевич — яснополянский служащий— || 395.

Сухонина— || 399.

Сухотин Александр Михайлович (1827 — 1905) — знакомый Толстого — || 399.

Сухотин Михаил Михайлович (1825 — 1881) — знакомый Толстого — || 399.

Сухотин Сергей Михайлович (1818 — 1886) — знакомый Толстого — || 399.

Сухотин Федор Михайлович (1816 — 1889) — знакомый Толстого — || 399.

Сухотина— || 399.

Сысоев С. П. «Песня о сражении при Федюхиных горах»— || 419, 420.

Тартюф—герой комедии Мольера «Тартюф». См. Мольер.

Теккерей. (William Thackeray) английский романист (1811 — 1863) — 24 («Снобсы» и «Тщеславие»), || 392 (id.). «Тщеславие» — роман «Ярмарка тщеславия» (Vanity Fair).

Тетеревников (в тексте Севастопольской песни «Тетеревкин»), Николай Кузьмич (1805 — 1874) — ген.-майор во время Крымской войны— || 419.

Тифлис — главный город Грузии— || 400.

Толстая гр. Марья Николаевна (1830 — 1912) — сестра Толстого— || 401.

Толстой гр. Валерьян Петрович (1813 — 1865) — муж гр. М. Н. Толстой, сестры Толстого — || 401.

Толстой Л. Н.

— «Весенняя ночь в Севастополе». См. «Севастополь в мае».

— «Военные рассказы». СПб. Изд. 1856 г. — || 385, 392.

— «Военный листок» («Солдатский вестник») — 281 — 284, || 383, 408 — 412.

— «Война и мир» — || 417.

— «10 мая». См. «Севастополь в мае».

— «Детство» («История моего детства») — || 385, 397, 398, 400.

— «Дневник офицера в Севастополе». См. «Отрывок из дневника штабс-капитана А. пехотного Л. Л. полка».

— «Дневник офицера». См. «Отрывок из дневника штабс-капитана А. пехотного Л. Л. полка».

— «Дневник помещика» — || 404.

— Дневники и записные книжки — || 384, 390, 391, 394, 397, 405, 411, 416 — 419.

— Докладная записка кн. М. Д. Горчакову 1855 г. — 295, || 415 («проект адреса») 416.

— «Донесение о последней бомбардировке и взятии Севастополя союзными войсками»—299 — 306, || 394, 417 — 418.

— «Заметка по поводу военного журнала» — 284, || 412.

— «Записки маркера»— || 385.

— Записка об отрицательных сторонах русского солдата и офицера— 285 — 294, || 412 — 415.

— «Избранные произведения». Ред., вступ. ст. и комментарии М. А. Цявловского — «Русские и мировые классики» под общей редакцией А. В. Луначарского и Н. К. Пиксанова — || 406.

—Идиллия офицерского быта — || 383, 412.

— «История моего детства». См. «Детство».

— «Как четвертого числа нас нелегкая несла»— 307 — 308, || 418 — 423.

— «Набег»— || 385.

— Несколько слов по поводу книги «Война и Мир» — || 417.

— «Ночь в Севастополе». См. «Севастополь в мае».

— «Отрочество»— || 385, 400, 401.

— «Отрывок из Дневника штабс-капитана А. пехотного Л. Л. полка»

(«Дневник офицера в Севастополе», «Дневник офицера») — 296, || 416.
— «Песня про сражение на р. Черной 4 августа 1855 г.». См. «Как четвертого числа».
Письма Толстого:
Ергольской, Т. А. — || 393, 409—411, 417.
Коршу, Е. Ф. — || 389.
Крыжановскому Н. А.—393, || 418.
Милошевич М. Н.— || 418, 419.
Мооду Э.— || 388, 389.
Некрасову Н. А.— || 383, 397, 410, 411.
Панаеву И. И.— || 385, 388.
Толстому гр. С. Н. — || 386, 400, 409, 410, 413, 421.
Письма к Толстому:
Моод Э.— || 389.
Некрасов Н. А.— || 383, 389, 390, 411.
Панаев И. И.— || 385, 389.
— Полное собрание сочинений под ред. и с прим. П. И. Бирюкова. «Библиотека Русского Слова». Изд. Сытина. М. 1913 (в 24 томах)— || 386.
— Полное собрание художественных произведений. Редакция К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. Гиз. Лгр. 1928 — 1930.— || 392.
— Полное собрание художественных произведений. Редакция И. И. Гливенко и М. А. Цявловского. Приложение к журн. «Огонек». Гиз. М. 1928.— || 392.
— «Помещик». См. «Утро помещика».
— «Правила и предположения»— || 401.
— Проект адреса. См. «Докладная записка кн. М. Д. Горчакову».
— Рассказ солдата о том, как его убило— || 384.
— «Роман русского помещика». См. «Утро помещика».
— «Рубка леса»— || 387.
— «Русский помещичий роман». См. «Утро помещика».
— «Севастополь». См. «Севастополь в декабре месяце».
— «Севастополь в августе»—60—119, 230—278, || 393—396, 417.
— «Севастополь в декабре месяце» («Севастополь», Севастополь днем и ночью»)—3—17, 173—184, || 383—387.
— «Севастополь в мае» («Весенняя ночь в Севастополе», «10 мая», «Ночь в Севастополе», «Севастопольская ночь») — 18—59, 184—230, 387—392, 394, 416.
— «Севастополь в различных фазах» — || 383, 412.
— «Севастополь днем и ночью». См. «Севастополь в декабре месяце».
— «Севастопольская ночь». См. «Севастополь в мае».
— «Солдатские разговоры»—297, 298, || 417.
— «Солдатский вестник». См. «Военный листок».
— «Утро помещика» («Помещик», «Русский помещичий роман», «Роман русского помещика») — 123—171, 309—376, || 397—407.
— «Характеры и лица и кой-что к «Роману русского помещика» — 377—379, || 403, 407.
— «Четыре эпохи жизни» — || 400.
— «Юность» — || 400.
— «Юность и молодость»— || 416.
«Л. Н. Толстой». Юбилейный сборник Московского Толстовского музея. — || 404.
Толстой гр. Сергей Николаевич (1826—1904) — брат Толстого— || 386, 400, 408 — 410, 413, 421.
Тотлебен Эдуард Иванович (1818—1884) — ген.-адъютант, военный инженер. Во время Крымской войны он был главным руководителем сооружения оборонительных укреплений — 71.
Тотлебен Э. И. См. «Описание обороны Севастополя».
Трактирный мост — мост через р. Черную под Федюхиными высотами — || 423.
Тургенев Иван Сергеевич (1818 — 1883) — писатель — || 385, 406.
Турция — 19.
«Тщеславие». См. Теккерей В.
Усова батарея. См. Батареи.
Ушаков Александр Клеонакович (1803 — 1877) — ген.-лейтенант, начальник 7-й пехотной дивизии в конце Крымской войны, впоследствии ген.-от-инфантерии— || 422.
Ушаков Николай Иванович (ум. 1861 г.) — ген.-лейтенант, дежурный генерал при кн. М. Д. Горчакове с 1853 г., с ним вместе перешедший из Южной в Крымскую армию. Ему принадлежат «Записки очевидца о войне России

противу Турции и западных держав (1853 — 1855)» — 284 || 422.

Ушакова балка — овраг на запад от Килен-бухты и на восток от Корабельной слободки, спускающийся к Большой Севастопольской бухте—302.

Федюхины высоты — возвышенность над р. Черной на восток от Севастополя— || 421, 422, 429.

«Ферма». См. Bixio.

Филарет (Дроздов) (1782 — 1867) — митрополит московский, церковный проповедник и писатель — 283.

Фриде Александр Яковлевич (1822—1894) — капитан артиллерии, служил в артиллерийском штабе Южной армии, впоследствии ген.-лейтенант, помощник начальника главного артиллерийского управления, затем начальник окружного артиллерийского управления на Кавказе до 1885 г. — 282, 284, || 408, 421.

Хамудис — домовладелец в Кишиневе—283 || 408.

Хрулев Степан Александрович (1807 — 1870) — ген.-лейтенант, с декабря 1854 г. перечислен в Крымскую армию из Южной. Участник обороны Севастополя— || 391, 422, 426, 430.

Царьград — Константинополь, столица Турции—170.

Цявловский М. А. См. Толстой «Избранные произведения».

Часовня мертвых — в Севастополе было два места, куда складывали умерших; убитых на Городской стороне свозили на Николаевский мысок у Николаевской батареи, убитых на Корабельной — на Павловский мысок. Отсюда тела переправлялись на Северную сторону в Куриную балку, откуда на мажарах свозились в братские могилы на Северном кладбище. Часовней мертвых, кажется, называлось именно место на Николаевском мысе — 52.

Черная речка — река, впадающая в большую Севастопольскую бухту — || 418, 421, 422.

Чернышевский Николай Гаврилович (1828 — 1892) — писатель — || 395.

Шварц. См. Редут Шварца.

Шварца редут. См. Редут Шварца.

Шварцевский редут. См. Редут Шварца.

Шекспир Вильям (1564 — 1616) — английский драматург — 24.

Шемякина батарея. См. Батареи.

Шклярский Михаил Валентинович (1826 — 1891) — капитан конной артиллерии, потом полковник — || 421.

Шуббе — полковник. В 1854 г. был командиром 5 отделения осадного артиллерийского парка на Дунае — 283.

Шубин — поручик конно-артиллерийской легкой № 9 батареи, адъютант начальника артиллерии Южной армии ген.-лейт. Сержпутовского — 282, || 408, 421.

Эски-Орда — татарская деревня в 6 верстах от Симферополя — 413.

Южная армия — часть русской армии во время Восточной войны 1853 — 1856 гг., действовавшая на Дунае, в Молдавии и Валахии — || 383, 408, 410, 413, 426, 430.

Южная бухта — бухта, отделяющая г. Севастополь от Корабельной стороны — 4.

Язоновский редут. См. Редут Язоновский.

Яков — приказчик в Ясной поляне — || 405.

Якубовский Юрий Осипович (1857 — 1929) — || 409.

Якубовский Ю. О. «Л. Н. Толстой и его друзья. За 25 лет»— — || 409.

Ясная поляна — имение Толстого, Крапивенского уезда, Тульской губернии — || 395.

Balzac O. «Splendeur et misère des courtisanes» («Блеск и ничтожество куртизанок»)—47.

Bixio J.-A. «Maison rustique du XIX siècle». («Ферма XIX столетия»).—Большой трактат по сельскому хозяйству, впервые вышедший в свет в пяти томах в 1837 г. — 125.

«Journal de Francfort» — ‖ 385.

«Le Nord» — брюссельская газета — ‖ 385.

«Maison rustique». См. Bixio J.-A.

«Splendeur et misères des courtisanes» — роман (1843 и 1846 г.) Бальзака — 47. См. Balzac O.

Tolstoy L. «Une journée à Sebastopol» — ‖ 385.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Предисловие к четвертому тому VII
Редакционные пояснения IX

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ РАССКАЗЫ.

*** Севастополь в декабре месяце 3
*** Севастополь в мае 18
*** Севастополь в августе 1855 г. 60
Утро помещика 121

ПЕЧАТНЫЕ ВАРИАНТЫ.

Севастополь в декабре месяце 173
Севастополь в мае 184
Севастополь в августе 1855 г. 230

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ.

Материалы севастопольского периода

* I. Проэктъ журнала «Солдатскій вѣстникъ» 281
* II. [Заметка по поводу военного журнала] 284
* III. [Записка об отрицательных сторонах русского солдата и офицера]
1. [Первоначальный набросок начала «Записки»] . 285
2. [Первая редакция] . . . . . —
3. [Вторая редакция] 290
* IV. Докладная записка кн. М. Д. Горчакову[?] 295
* V. Отрывок из дневника штабс-капитана А. пехотного Л. Л. полка 296
* VI. Солдатские разговоры 297
* VII. Донесение о последней бомбардировке и взятии Севастополя союзными войсками 299
VIII. Песня про сражение на р. Черной 4 августа 1855 г. . . 307

«Роман русского помещика»

* I. Первая редакция 309
** II. Предисловие не для читателя, а для автора 363
* III. [Вариант первых глав первой редакции] 365
* IV. Характеры и лица 377

СТР.

КОММЕНТАРИИ.

В. И. Срезневский. Севастопольские рассказы

Севастополь в декабре месяце 383
Севастополь в мае 387
Севастополь в августе 393

М. А. Цявловский. «Утро помещика».

История писания и печатания 397
Описание рукописей. 406

В. И. Срезневский. Материалы Севастопольского периода

I. Проект журнала «Солдатский вестник» 408
II. Заметка по поводу военного журнала 412
III. Записка об отрицательных сторонах русского солдата и офицера . . . . . —
IV. Докладная записка кн. М. Д. Горчакову[?] 415
V. Отрывок из дневника штабс-капитана А. пехотного Л. Л. полка 416
VI. Солдатские разговоры 417
VII. Донесение о последней бомбардировке и взятие Севастополя союзными войсками . . . . . —
VIII. Песня про сражение на р. Черной 4 августа 1855 г. . . 418

Приложение: Севастопольская песня «Как восьмого сентября...» 424
В. И. Срезневский. Комментарий к песне «Как восьмого сентября...» 426

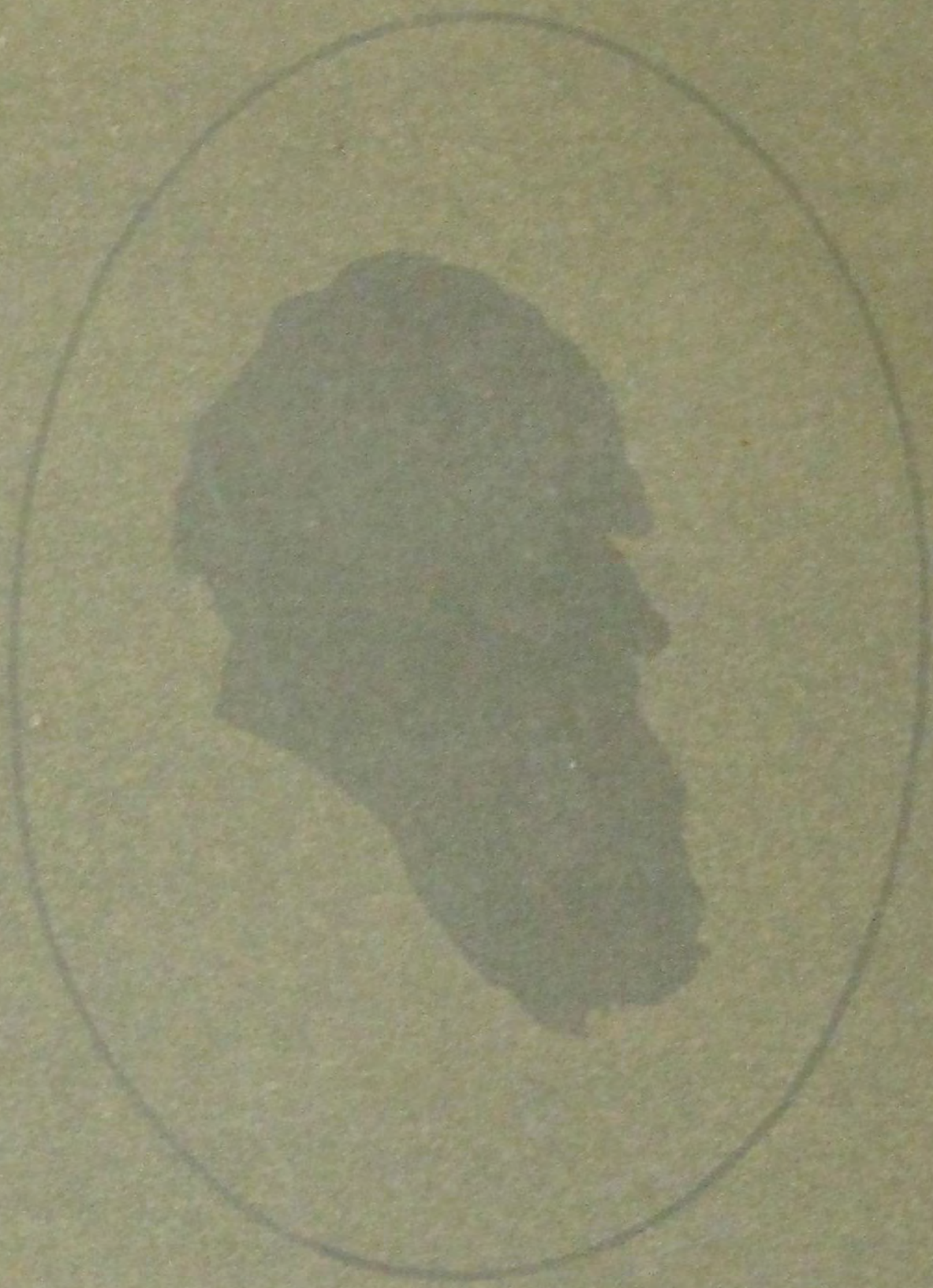
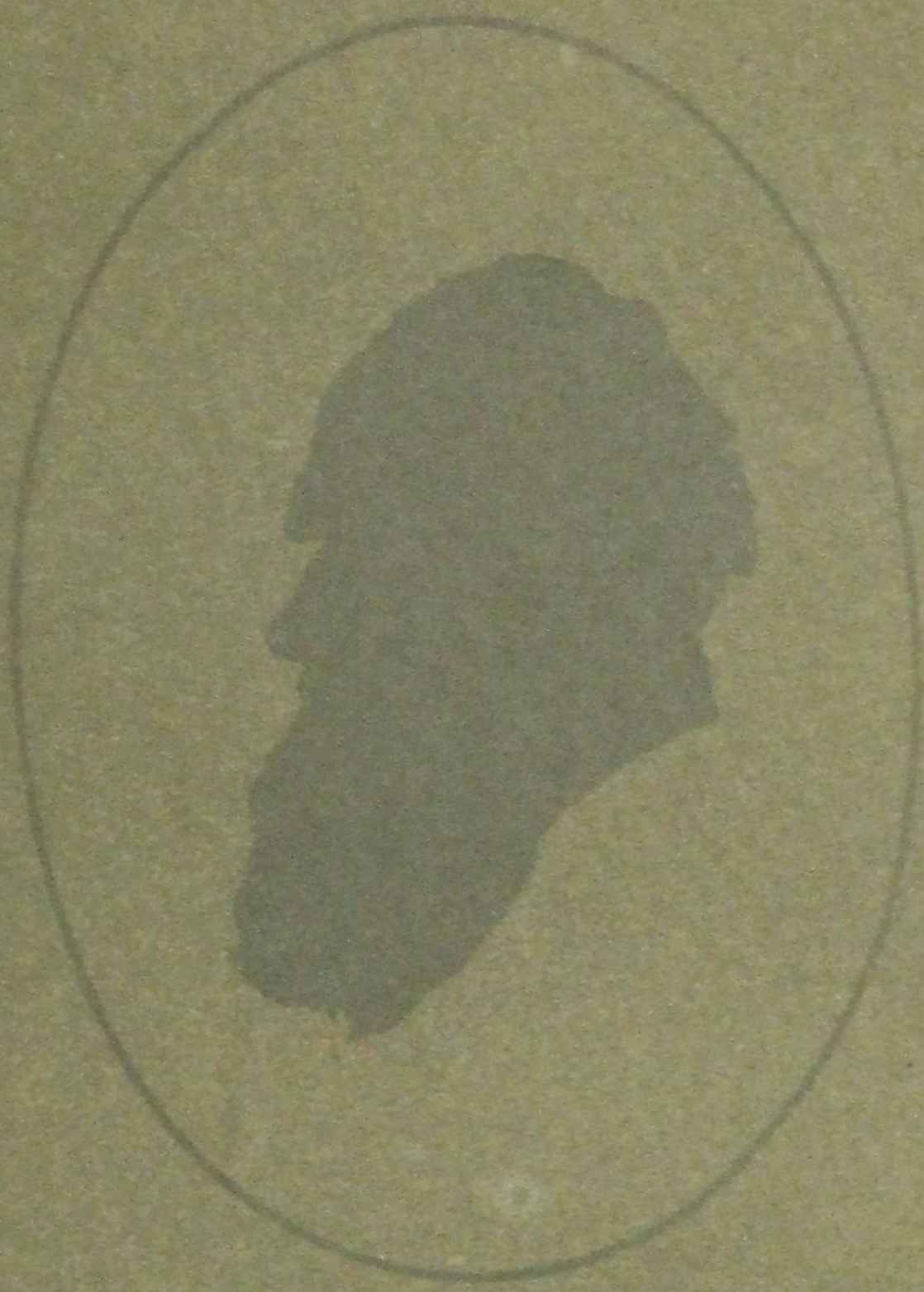
Словарь трудных для понимания слов 431
Указатель собственных имен 435

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Фототипия с фотографии: Л. Н. Толстой март 1856 г. (размер подлинника)—между XII и 1 стр.
Автотипия части 4-й полосы 7-й формы корректуры рассказа «Севастополь в августе» (размер подлинника—между 116 и 117 стр.
План осады г. Севастополя и расположения войск 27 августа—8 сентября 1855 г.—между 120 и 121 стр.
Ноты к песне про сражение на р. Черной 4 августа 1855 г., записанной с напева Л. Н. Толстого С. Л. Толстым — между 308 и 309 стр.
Автотипия с первой страницы рукописи «Предисловие не для читателя а для автора»—между 364 и 365 стр.

Настоящее юбилейное издание первого полного собрания сочинений Л. Н. Толстого печатается на основании постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 24 июня 1925 г.

Отпечатано в типографии Государственного Издательства «Печатный Двор», Ленинград, Гатчинская, 26. ОГИЗ X-OO № 151. Тираж 5000. Ленгорлит № 46957. Формат бумаги 68×100/32, по 77600 зн. 16 б. л. 32 п. л. Сдано в набор 10 мая 1929 г. Подп. к печ. 14 апреля 1932 г.
Заказ № 3.

★

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ
Н. И. Гарвея